

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

THE EARLIEST STATES OF EASTERN EUROPE

2014

Old Rus' and Medieval Europe:
The Origin of States

The volume edited by
TATJANA N. JACKSON

Dmitriy Pozharskiy University
Moscow
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2014 год

Древняя Русь и средневековая Европа:
возникновение государств

Ответственный редактор тома
Т.Н. ДЖАКСОН

Университет Дмитрия Пожарского
Москва
2016

УДК 94(4) “04/14”
ББК 63.3(5)
Д73

*Печатается по решению Ученого совета ИВИ РАН,
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *И.Н. Данилевский*
Доктор исторических наук *П.В. Лукин*

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор)
Доктор исторических наук *Т.В. Гимон*
Кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*
Доктор исторических наук *Т.Н. Джаксон*
Доктор исторических наук *И.Г. Коновалова*
Кандидат филологических наук *В.И. Матuzова*
Доктор исторических наук *А.В. Назаренко*
Доктор исторических наук *А.В. Подосинов*
Доктор исторических наук *Л.В. Столярова*
Кандидат исторических наук *А.С. Щавелев*

Д73 **Древнейшие государства Восточной Европы / Ин-т всеобщей истории РАН. — 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств /** Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 640 с.

ISBN 978-5-91244-147-9
ISSN 1560-1382

Ежегодник «Древнейшие государства Восточной Европы» за 2014 г. посвящен проблеме возникновения и становления раннесредневековых государств. В него по преимуществу включены доклады, прочитанные на международной конференции «Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств» (Институт всеобщей истории РАН, 2012 г.). Основные цели настоящего тома – представить общетеоретическое состояние современных исследований ранних государств и осветить историю конкретных государственных образований Европы, в том числе Древней Руси. В томе обсуждаются роль миграций в процессах возникновения государства, крупномасштабное строительство, трансформация статуса правителя, становление государственных институтов. Представлены обзоры путей формирования государств в Болгарии, Поморье, Руси. Подчеркнута роль международных связей в становлении Древнерусского государства. Отдельный блок статей посвящен средневековому Херсону в контексте истории Византии и Причерноморья. Написанные с разных теоретических позиций, публикуемые статьи демонстрируют многообразие процессов, вызвавших появление разных средневековых государств, и различные формы их социально-политической организации.

**УДК 94(4) “04/14”
ББК 63.3(5)**

- © Коллектив авторов, текст, 2016
- © Джаксон Т.Н., составление, редактирование, 2016
- © Матuzова В.И., перевод аннотаций, 2016
- © Институт всеобщей истории РАН, 2016
- © Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

ISBN 978-5-91244-147-9
ISSN 1560-1382

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен проблеме возникновения и становления раннесредневековых государств. В него по преимуществу включены статьи, основанные на докладах, прочитанных на международной конференции «Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государства», состоявшейся в Институте всеобщей истории РАН в 2012 г.¹

Причины, пути и механизмы зарождения государственности, равно как и определяющие характеристики государства остаются одним из наиболее обсуждаемых в мировой науке комплексов вопросов. Во второй половине XX — начале XXI в. новые подходы к этой теме развивались, прежде всего, в рамках одного из направлений культурной антропологии — политической антропологии. Результатом исследований стало осознание исследователями многообразия типов государств, существовавших в разное время и в разных регионах мира, что обусловило дискуссионность и, соответственно, множественность дефиниций государства, которое в самом общем виде определяется как централизованная социально-политическая организация общества, занимающего определенную территорию, для регулирования в нем социальных отношений.

Другим важнейшим результатом было выделение особого начального типа государственности — «ранних государств», развивавшихся при наличии ряда условий из стратифицированных племенных обществ (вожеств, сложных вожеств). Согласно определению создателей теории раннего государства Х.Дж.М. Классена и П. Скальника, «это централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по меньшей мере на две основные страты, или возникающие соци-

¹ Материалы конференции см.: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Ancient Rus' and Medieval Europe: The Emergence of States. М., 2012.

альные классы, — правителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и податными обязательствами вторых и легитимируются общей идеологией, в основе которой лежит принцип реципрокности»². К этим признакам раннего государства они добавляют обязательную стабильность территории, занимаемой ранним государством, и наличие центра власти³.

Дальнейшие исследования показали множественность предпосылок, путей и механизмов образования ранних государств, а также многолинейность социальной эволюции, в которой раннее государство с иерархической системой социального устройства является не единственным возможным видом политической организации общества⁴.

Особую остроту теоретические проблемы политогенеза имеют для исследований восточнославянской государственности. Доминировавшая в советской исторической науке формационная модель образования Древнерусского государства утратила свое значение, но не подверглась систематическому критическому анализу и не заменена иной сколько-нибудь цельной концепцией (или концепциями) возникновения и формирования Древнерусского, равно как и других европейских средневековых государств. Поэтому основные цели настоящего тома — представить и общетеоретическое состояние современных исследований ранних государств, и осветить историю конкретных государственных образований Европы, в том числе Древней Руси. В томе обсуждаются такие вопросы, как роль миграций в процессах возникновения государства (Х. Хэрке), крупномасштабное строительство (М. Карвер), трансформация статуса правителя (Г. Астилл), становление государственных институтов (А.А. Горский) и др. Представлены обзоры путей формирования государств в разных регионах: Болгарии, Поморье, Руси (статьи Ц. Степанова, Б.Н. Флори, П.П. Толочко). Подчеркнута

² *Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Models and Reality // The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, P.; N.Y., 1978. P. 640. См. также публикуемый в данном томе перевод главы из этой книги, написанной Х.Дж.М. Классеном.*

³ *Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State. P. 637.*

⁴ См.: *Крадин Н.Н. Политическая антропология. Учебник. 2-е изд. М., 2010. См. также подробный обзор проблемы образования государств в публикуемой в данном томе статье Н.Н. Крадина «Политическая антропология о происхождении государства».*

роль международных связей в становлении Древнерусского государства (И. Вуд, А. Поппэ, А.Е. Мусин). Отдельный блок статей посвящен средневековому Херсону в контексте истории Византии и Причерноморья (Н.А. Алексеенко, В.Е. Науменко). Написанные с разных теоретических позиций, публикуемые статьи, таким образом, демонстрируют многообразие процессов, вызвавших появление разных средневековых государств, и различные формы их социально-политической организации.

Е.А. Мельникова

НАЧАЛА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Х.Дж.М. Классен

РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО: СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД

Аннотация: Хенри Дж. М. Классен (род. 1930) — известный голландский политантрополог, создатель школы «раннего государства». Длительное время он являлся деканом факультета социальной антропологии Лейденского университета (ныне professor emeritus) и вице-президентом Международного союза антропологических и этнологических наук. Предложенная Х.Дж.М. Классеном и П. Скальником концепция раннего государства явилась одной из важнейших, базовых теорий политической антропологии. Публикуемая работа — это перевод главы 25 книги «Раннее государство», изданной в 1978 г. под редакцией Х.Дж.М. Классена и П. Скальника (The Early State: A Structural Approach // The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 533–596), по сути одного из самых важных разделов данного тома. На основе исследования 21 политики, существовавшей в разное время (до XIX в.) и в разных регионах мира (Азии, Африке, Полинезии, Центральной Америке, Европе и др.) и представлявшей собой, по мнению редакторов и авторов соответствующих разделов (гл. 4–24), ранние государства, Х. Классен выделяет основные характеристики, типичные для структуры раннего государства. Они включают экономические и социальные показатели, степень институционализации аппарата управления и закреплённости функций должностных лиц, формы законодательства и судопроизводства, положение и роль правителя, идеологическое обеспечение власти. Сопоставление этих и ряда других характеристик для разных политик позволило, с одной стороны, отобрать из их числа наиболее значимые (с показателем частотности не менее 99%) и, с другой, создать типологию ранних государств и отнести изученные политики к типу зачаточных (например, Гавайи, Таити, Вольга), типичных (Скифия, Китай, Египет, Франкия, Инки) или переходных (к более развитому типу государства: Ацтеки, Джима, Йоруба). Структурные характеристики и типология ранних государств, предложенные здесь Х. Классеном, легли в основу современной политической антропологии и с незначительными модификациями и уточнениями продолжают применяться в исследованиях ранних государств.

Перевод выполнен Н.Н. Крадиным под редакцией Е.А. Мельниковой. В оригинальный текст внесены незначительные изменения, касающиеся перекрестных ссылок на другие разделы «Раннего государства», а также исправлены несколько опечаток.

Ключевые слова: раннее государство, структурные характеристики, социальный состав, правитель, институты, экономика, идеология

1. Методологические замечания

Первая часть книги «Раннее государство» включала вводную главу — обзор теорий и рабочих гипотез, три теоретические главы¹ и характеристику проблем, которые могли бы касаться дальнейшего хода работы. Далее, во второй части тома, исследуется 21 раннее государство. Все авторы этих разделов пытались дать как можно больше конкретной информации. В третьей части книги представлено обсуждение различий и сходжений между этими конкретными случаями.

В соответствии с нашим интересом к сравнению ранних государств больше внимания обращалось на сходства, чем на различия. Невозможно, конечно, исчерпать в этой публикации все проблемы. Количество данных так велико, что мы не в состоянии охватить даже все уместные аспекты. Поэтому мы сделали обзор тех результатов, которые — по крайней мере, по нашему мнению, — важны для понимания структуры ранних государств.

Перед началом работы мы должны прояснить одну проблему: мы свели вместе 21 исследование, но репрезентативны ли эти случаи? Можно ли принять их в качестве беспристрастной выборки всех ранних государств, которые когда-либо существовали? Фактически мы не в состоянии ответить на этот вопрос. Мы не знаем, сколько ранних государств существовало в мировой истории, так что уровень выборки остается неизвестным. Мы не знаем даже, правильно ли представлены, по крайней мере, все основные регионы мира. Этот том включает примеры из многих частей мира: два из Америки, два из Океании, восемь из Африки (хотя они охватывают огромный промежуток времени), три из Европы (что на самом деле очень немного) и шесть из Азии (также покрывающих длительный период времени). Рассматриваемые исторически, государства в нашей выборке варьируют от Египта Древнего царства до Джимы (в Эфиопии. — *Примеч. перев.*),

¹ *Cohen R.* State origins: A reappraisal // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 31–75; *Khazanov A.M.* Some theoretical problems of the study of the early state // Ibidem. P. 77–92; *Krader L.* The origin of the state among the nomads of Asia // Ibidem. P. 93–107.

которая существовала в 1830-е годы. Только одну вещь мы знаем определенно: прямых связей между этими государствами не имелось. При сравнении с выборкой Тьюдена и Маршалла² наша имеет много отличий. Их выборка была основана на «стандартной всемирной выборке» Мёрдока и Уайта, которая была построена на основе иных критериев, поскольку должна была быть репрезентативной для всех культур мира. То же самое справедливо и для «Постоянной этнографической вероятностной всемирной выборки» Нэролла³. Поэтому мы чувствуем себя обязанными обратиться к (старой) идее Нейдела, согласно которой количество тщательно отобранных и тщательно изученных случаев должно быть достаточным, чтобы предоставить соответствующие данные, касающиеся исследуемой проблемы вообще⁴.

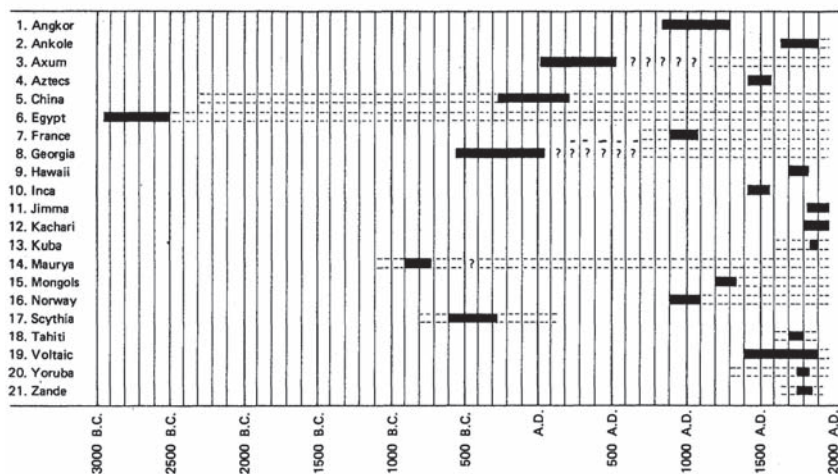

Рис. 1. Хронология рассматриваемых ранних государств⁵

² Tuden A., Marshall C. Political organization: cross-cultural codes // *Ethnology*. 1972. Vol. 11. P. 436.

³ Naroll R. Cross-cultural sampling // *A Handbook of method in cultural anthropology* / Ed. R. Naroll, R. Cohen. N.Y., 1970. P. 921 ff.

⁴ Nadel S.F. *The foundations of social anthropology*. 5th pr. L., 1969. P. 113 ff., 248 ff.

⁵ Черным заштрихованы периоды, обсуждаемые в главах 4–24 книги «Раннее государство». Пунктиром обозначены другие этапы жизнедеятельности рассматриваемых государств.

Вышеприведенные соображения привели нас к убеждению, что в нашем случае сложные расчеты будут пустой тратой времени и энергии: репрезентативность выборки неизвестна, и кроме того, мы будем сводить вместе в нашем анализе данные разного происхождения, а именно, касающиеся учреждений и функций государств с сильно различающимися культурными основами и отстоящими друг от друга на большие промежутки времени и пространства.

Хотя отбор данных для сравнения неизбежно будет включать элемент субъективности, мы, тем не менее, надеемся, что преуспели в осуществлении удовлетворительного отбора соответствующих данных. Этот отбор основывался на

– опыте, накопленном в предыдущих исследованиях такого типа⁶;

– релеванности данных, что обосновано в проведенных выше исследованиях конкретных ранних государств;

– необходимости предложить ответы на достаточно общие вопросы и проверить гипотезы, выдвинутые нами ранее⁷;

– вопросах и проблемах, поднятых в теоретических главах первой части книги.

Так как государство является, в первую очередь, организацией, нас интересуют системные аспекты этой организации. Оказывается, что отношения между членами государства формируются периодически повторяющимися структурами, которые сохраняются даже после того, как начальные участники отношений давно исчезли. Это наблюдение основывается на концепции социальной структуры Рэдклифа-Брауна⁸. Таким образом, настоящая работа посвящена, в основном, «тому, на что это похоже», т. е. организационным аспектам и институтам. Однако мы также полагаем возможным, что в основе внешних явлений лежат скрытые принципы и существуют отношения, которые, сознательно или неосознанно, заставляют систему в целом «работать» (и эти проблемы лежат в области структурализма)⁹.

⁶ В частности, *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken [Of princes and peoples]. Amsterdam, 1970.

⁷ *Claessen H.J.M., Skalnik P.* The early state: Theories and hypotheses // The early state. P. 3–29.

⁸ *Radcliffe-Brown A.R.* Structure and function in primitive society. L., 1952.

⁹ Ср.: *de Josselin de Jong J.P.B.* Structuralism in cultural anthropology // Current anthropology in the Netherlands / Ed. P. Kloos, H.J.M. Claessen. The Hague, 1975. P. 114–131.

Чтобы подвести фактологическую базу под наши структурные наблюдения, мы сравним данные наших конкретных исследований. Сравнить их — это, на самом деле, «рассмотреть два или более явлений относительно друг друга, чтобы выявить отличия и/или сходства между ними»¹⁰. Если данные, которые необходимо сравнивать, принадлежат к различным культурным контекстам — как в нашем случае, — сравнение становится трудной и очень осложненной задачей¹¹. Прежде всего, все сравнения требуют четких определений. Только если понятия определены как можно четче, риск неправильного сведения вместе различных явлений будет сводиться к приемлемому минимуму. Однако стремление использовать четкие определения не гарантирует полного исключения ошибки. Элемент произвольности в категоризации будет неизбежен, особенно там, где данные по описанным случаям неясны или неубедительны. То же самое справедливо в отношении второй проблемы, а именно, насколько идентичны рассматриваемые явления? Здесь мы снова должны признать, что изучаемые в кросс-культурных исследованиях явления редко бывают идентичны. На самом деле, сравнение в общественных науках неизменно сводит вместе явления, которые существенно различны. Решение этой проблемы может быть достигнуто с помощью «аспектного» сравнения (*facet-comparison*), при котором мы сравниваем не институты целиком, а только некоторые их аспекты. Таким способом будет возможно провести обоснованные сравнения некоторых сторон различных в других отношениях институтов (ср. наблюдения Поппера о сравнении отличных объектов, обладающих одной общей характеристикой)¹². Конечно, этот метод требует четкого указания того, какие аспекты будут сравниваться. В виду частой неопределенности данных мы будем вынуждены многократно использовать так называемые функциональные эквиваленты. Функциональные эквиваленты — это явления, которые,

¹⁰ *Kruijer G.J.* Observeren en redeneren [Observation and reasoning]. Meppel, 1959. P. 94.

¹¹ Ср.: *Kobben A.J.F.* Why exceptions? The logic of cross-cultural analysis // *Current anthropology*. 1967. Vol. 8. P. 3–28; *Idem.* Comparativists and non-comparativists in anthropology // *A Handbook of method*. P. 581–596; *Nadel S.F.* The foundations; *Vermeulen C.J.J., de Ruijter A.* Dominant epistemological presuppositions in the use of the cross-cultural survey method // *Current anthropology*. 1975. Vol. 16. P. 29–52.

¹² *Popper K.* The logic of scientific discovery. 5th pr. London: Hutchinson, 1968. P. 420 ff.

будучи различны по форме, выполняют одни и те же функции¹³. Рассматриваемые на более высоком уровне абстракции, они оказываются сопоставимыми.

Третий комплекс проблем — это комплекс, связанный с интенсивностью и частотностью. Может оказаться, что определенные явления существуют в более чем одном государстве, но их частотность или влияние, которое они оказывают, сильно разнятся. Однако найти меру этих факторов трудно, тем более что проведенные (в данном томе. — *Примеч. перев.*) исследования не содержат количественных данных. Поэтому мы имеем возможность включать факторы частотности или интенсивности в наше обсуждение только спорадически. Собранные данные будут сводиться вместе в таблицах, посвященных каждому из рассматриваемых аспектов. В большинстве случаев оказалось возможным идентифицировать характеристики, по которым требовалась информация. В этих случаях результат показан знаком X или определенной буквой. Там, где данных относительно конкретной характеристики не было, мы используем знак 0. Там, где предоставленные данные указывают, что явление не выявлено в одном (или более) исследуемом государстве, проставлено тире.

Мы сознаем, что политика — это процесс¹⁴. Однако в данной работе нас интересуют, главным образом, организационные аспекты. Поэтому исследование процессов находится на втором плане.

Структурный анализ наших данных будет осуществляться в соответствии со следующим планом: данные, полученные на основании рассмотренных в книге случаев, будут группироваться вокруг ряда ключевых показателей (например, территория, суверенитет, стратификация и т. д.). В каждом из этих кластеров мы выделим ряд аспектов, из которых будут извлечены и включены в таблицы столько характеристик, сколько мы в состоянии найти. В некоторых случаях аспекты и характеристики были вполне очевидны. В других они выбирались произвольно, хотя всегда со ссылкой на фактический материал. Некоторые характеристики, которые могли бы быть важными, нельзя рассмотреть из-за отсутствия данных.

¹³ Ср.: *Claessen H.J.M. Comment // Current anthropology. 1975. Vol. 16. P. 38.*

¹⁴ Ср.: *Political anthropology / M.J. Swartz, V. Turner, A. Tuden. Chicago, 1966; Local-level politics / Ed. Swartz M.J. Chicago, 1968.*

Иногда нам удавалось добавить некоторые отсутствующие данные из других источников. В этих случаях дана прямая ссылка на источник. В таблицах государства размещены в алфавитном порядке (согласно английскому алфавиту. — *Примеч. перев.*). В списке не указано, что название «Китай» относится к периоду раннего государства в Китае, обсуждаемому в соответствующей главе книги, «Египет» — к Древнему царству. Мы будем использовать название «Иберия» для грузинских государств, рассматриваемых Коранашвили в гл. 12, а «Монголия» — для кочевых государств, изучаемых Крэйдером в гл. 4. Кроме того, «Таити» и «Вольта» — соответственно, сокращенные формы названий известных государств. Наименование «Йоруба» используется для обозначения большей части государства Ойо.

Где это возможно, мы будем пытаться дать определения структурным характеристикам. Чтобы такое определение было возможным, данные о той или иной характеристике должны присутствовать, по крайней мере, в 16 случаях и отсутствовать не более, чем в двух случаях, тогда как в остальных трех случаях данных о ней не имеется, но ее наличие, по меньшей мере, вероятно в виду общей модели (*pattern*) рассматриваемого государства¹⁵.

2. Структурные сравнения

2.1. Территория

В первой главе «Раннего государства» мы говорили, что наличие определенной территории является одной из основных характеристик государства. Было бы излишним напоминать, что каждое из ранних государств обладало территорией, если бы мы не были в состоянии добавить некоторые дополнительные характеристики. Каждая структурированная общественная группа действительно имеет свою территорию¹⁶. Однако в случае рассмотренных ранних государств было установлено, что такая территория занята людьми из разных кланов или семейных групп,

¹⁵ Надежность оценок данных для формулировок структурных характеристик проверялась дважды, биномиально с использованием, в качестве размера выборки, суммы точных суждений (положительные + отрицательные), касающихся соответствующих характеристик. Фактическая проверка осуществлялась нашим коллегой П. Ван де Вельде.

¹⁶ *Schapera I. Government and politics in tribal society. L., 1956.*

признающих некий вид политического единства, простирающегося до границ этой территории.

Кроме того, оказалось, что политическая организация подразделяется на территориальные сегменты с региональными или местными функционерами во главе (об этом см. раздел 2.12 и структурные характеристики 44 и 45).

В большинстве случаев нашей выборки существовали естественные границы территории (для Ацтеков и Норвегии данных не было). В Аксуме можно провести различие между центром и периферией, причем последняя лишь номинально управлялась правителем Аксума.

Нигде не существовало какой-либо формы официального гражданства. Люди, по-видимому, принадлежали к государству вследствие очевидного факта рождения либо постоянного проживания на его территории¹⁷. Подробнее см. в Таблице 1. Структурная характеристика, которую мы в состоянии сформулировать, определяется следующим образом:

(1) *Ранние государства в нашей выборке имели определенную территорию, разделенную на территориальные сегменты и обычно слабо демаркированную. Люди, постоянно проживающие в них (за редким исключением), рассматривались как подданные или граждане этих государств (значимость 99%)¹⁸.*

Таблица 1. Общие данные

	территориальные границы	независимость	плотность населения	тип столицы	урбанизация	тип центра	тип инфраструктуры
Ангкор	0	X	L	C	U	St	E
Анколе	N	X	H, P	K	-	M	-
Аксум	N	X	L	C	U	St	Li
Ацтеки	0	X	H, P	C	U	St	E
Китай	N	X	H, P	C	U	St	E

¹⁷ Trouwborst A.A. La base territoriale de l'état du Burundi ancien // Revue universitaire du Burundi. 1973. Т. 1. P. 245-254.

¹⁸ За 100% принимается общее количество рассмотренных в данном томе политий — 21.

	территориальные границы	независимость	плотность населения	тип столицы	урбанизация	тип центра	тип инфраструктуры
Египет	N	X	0	C	–	St	E
Франция	S	X	H, P	C	U	St	E
Гавайи	N	X	L	K	–	M	0
Иберия	N	X	H	C	U	St	0
Инки	N	X	H	C	U	St	E
Джима	N	X	L	C	–	St	E
Качари	S	X	L	C	U	St	Li
Куба	N	X	L	C	–	M	E
Маурья	N	X	H, P	C	U	St	E
Монголия	S	X	L	C	–	St	0
Норвегия	N	X	H, P	K	U	M	0
Скифия	S	X	0	C	U	St	Li
Таити	N	X	H	K	–	St	Li
Вольга	S	X	L	K/C	–	St/M	–
Йоруба	S	X	L	C	U	St	E
Занде	N	X	L	K	–	M	Li

Условные обозначения: 0 — нет данных, N — естественные, S — не определены, P — давление населения, L — низкая плотность, H — высокая плотность, K — только правительственный центр, C — столичный город, U — существование других городов, St — стабильный, M — подвижный, E — развитая инфраструктура, Li — ограниченная инфраструктура.

2.2. Независимость

Данные конкретных исследований показывают, что все 21 государство были независимыми, по крайней мере, большую часть своего существования. Под этим мы подразумеваем, что они не были зависимы или каким-либо другим образом подчинены другим государствам или правителям. Анколе дважды терпели поражение в войне и были оккупированы в результате этих войн на короткие периоды времени. Однако затем они вновь добивались независимости. Йоруба представляет сложность, поскольку большинство городов-государств в конце концов были подчинены городом-государством Ойо. Это госу-

дарство, по крайней мере, очень долгое время сохраняло свою независимость. Если Йоруба отнести к Ойо, то, мы полагаем, это государство можно принять как положительный случай. Джима после полностью автономного периода в более, чем 50 лет начала платить налог Эфиопии. Это никоим образом не повлияло на его внутреннюю автономию. То же самое оказывается справедливым для одного из государств Вольты, Дагбонгу, которое платило дань Ашанти. Поэтому мы считаем себя вправе сформулировать в качестве структурной характеристики следующее:

(2) *Раннее государство является независимой организацией* (значимость 99%).

2.3. Население

Во вводной главе «Раннего государства» мы отметили, что во всех государствах обнаруживается «достаточное население». Это — довольно неясное утверждение. Можно ли придать ему более конкретное содержание? Возможным уточнением является установление плотности населения. С момента опубликования «Африканских политических систем»¹⁹ проблема плотности населения в государствах обсуждалась часто. Стивенсон²⁰ показал, что, вообще говоря, плотность населения была выше в государствах, чем в негосударственных объединениях, хотя он не был в состоянии определить степень плотности.

Некоторые авторы заявляют, что государство всегда будет иметь большое население и что демографический рост, приводящий к давлению населения, в действительности, играл решающую роль в развитии государства²¹. Однако исследованный Райтом и Джонсоном пример²² дал случай *сокращения* численности населения перед образованием государства²³. Роль давления населения в процессе формирования государства будет обсуждаться нами далее²⁴. Здесь же мы ограничимся общим

¹⁹ African political systems / Ed. Fortes M., Evans-Pritchard E.E. Oxford, 1940.

²⁰ Stevenson R. Population and political systems in tropical Africa. N.Y., 1968.

²¹ Carneiro R.L. A theory of the origin of the state // Science. 1970. Vol. 169. P. 733–738.

²² Wright H., Johnson G. Population, exchange, and early state formation in southwestern Iran // American Anthropologist. 1975. Vol. 77. P. 267–289.

²³ Cohen R. State origins.

²⁴ Claessen H.J.M., Skalnik P. Limits: beginning and end of the early state // The early state. P. 619–635.

замечанием относительно данных по численности или давлению населения. По нашему мнению, все данные по численности должны быть связаны со средствами жизнедеятельности. Это означает, что «высокая» или «низкая» плотность никоим образом не является абсолютной характеристикой. Следовательно, указание «низкое» будет использоваться в настоящем томе в случаях, где территория данного государства легко могла прокормить больше населения. Упоминания о том, что не вся пригодная для сельского хозяйства земля использовалась или что существовал дефицит людей, чтобы обрабатывать имеющуюся землю, будет рассматриваться как показатель этого. Там, где вся имеющаяся земля использовалась, где продукты питания должны были импортироваться или где крупномасштабные технические работы были необходимы для расширения производства продуктов питания, плотность будет рассматриваться как «высокая». Результаты этого конкретного исследования также показаны в Таблице 1. В двух случаях не было данных. Десять из других наших случаев характеризовались низкой относительной плотностью, а девять — высокой. Для шести случаев из последней группы (Анколе, Ацтеки, Китай, Франция, Маурья и Норвегия) отмечалось либо временное, либо постоянное давление населения. В Норвегии оно вызвало миграцию. В случае Ацтеков, Китая и Маурьи оно стимулировало завоевания, в то время как в Анколе приводило к периодическому голоду и нищете, а во Франции — к интенсификации обработки земли. Дать структурную характеристику невозможно.

2.4. Урбанизация

Обычно предполагается, что каждое государство должно иметь столицу или, по крайней мере, центр управления. Для того, чтобы быть в состоянии обсуждать эту тему, мы должны сначала определить понятие столицы. Проблема состоит в том, что ни в одном из наших исследованных примеров подробностей относительно урбанизации не имеется. В большинстве случаев упоминается только существование или отсутствие столицы. Для наших нынешних целей мы будем определять столицу как правительственный центр, где правитель имеет свою резиденцию и где также живут люди, которые прямо не связаны с правительством или двором, но для которых сельское хозяйство не является основным видом деятельности: ремесленники, купцы, уче-

ные и т. п. В Таблице 1 мы свели вместе данные по следующим аспектам:

- наличие только центра управления какого-либо типа (К);
- наличие столичного города (С);
- наличие других городов (U);
- стабильность (St) или подвижность (M) центра.

Для Монголии данные были добавлены из еще одного источника²⁵.

Результаты сравнения таковы. Стабильный столичный город был обнаружен в 15 случаях, причем в 11 из них существовали также другие городские центры, тогда как в четырех случаях имелась только стабильная столица. Куба имела «реальную» столицу, но этот город периодически менялся. В остальных шести случаях существовал только некий центр управления, который обычно не находился в одном месте, а регулярно перемещался. В Вольге эти центры развились со временем в стабильные столичные города.

Единственное, что можно сформулировать в виде структурной характеристики:

(3) *Раннее государство на определенной стадии имеет только один центр управления* (значимость 99%).

Эти результаты показывают, что урбанизация не обязательно является характеристикой раннего государства, как предполагалось, например, Чайлдом и Адамсом²⁶. В то же время ясно — это утверждает и Хазанов²⁷, — что по мере развития раннего государства, важность урбанизации становится все более и более очевидной. Существование государства, однако, не зависит от урбанизации²⁸.

2.5. Инфраструктура

Под этим термином мы понимаем системы дорог, мостов, водных путей и т. д., которые облегчают сообщение внутри государства. Данные по инфраструктуре были в нескольких случаях довольно скудными, иногда же таких данных не имелось совсем. Что касается Анколы и Вольги, упоминалось, что инфраструктуры

²⁵ Die Geheime Geschichte der Mongolen / E. Haenisch. Leipzig, 1948. S. 139.

²⁶ Childe V.G. The urban revolution // Town planning review. 1950. Vol. 21. P. 3–17; Adams R.McC. The evolution of urban society. Chicago, 1966.

²⁷ Khazanov A.M. Some theoretical problems.

²⁸ Crumley C.L. Toward a locational definition of state systems of settlement // American anthropologist. 1976. Vol. 78. P. 59–74.

здесь не было вообще. Некоторые другие государства имели лишь немногие дороги и караванные пути. В Таблице 1 представлены соответствующие данные, разбитые на категории:

- развитая инфраструктура (E) и
- ограниченная инфраструктура (Li).

Оказывается, что в десяти случаях существует сомнение в отношении развитой инфраструктуры и в пяти случаях — в отношении ограниченной инфраструктуры. В двух случаях инфраструктура отсутствовала, тогда как в четырех случаях нет данных. Дать структурную характеристику невозможно.

2.6. Торговля и рынки

Мы будем определять торговлю как обмен товарами посредством бартера или продажи, а рынки как места, где встречаются торговцы и покупатели. В торговле возможно различие между местной и дальней торговлей. Под последней мы подразумеваем торговлю, которая выходит за границы государства. Мы также уделим внимание наличию профессиональных торговцев, которые в некоторых случаях эксплицитно упоминаются. В немногих случаях (Маурья, Скифия) их существование вытекает из других данных.

С торговлей и рынками непосредственно связано использование денег. Эти деньги иногда представляют собой монеты или банкноты, а иногда раковины «каури» (Качари, Куба, Вольта, Йоруба), наконечники стрел (Скифия) или ножи (Занде).

Поскольку возможны случаи, когда правительство заинтересовано в розничной и оптовой торговле, мы будем использовать термин «осуществляемая правительством» (*government-conducted*): по крайней мере, существенная часть торговли организуется правительственными органами. Там, где правительство только облагало налогами, предписывало условия для рынков или составляло правила и инструкции для торговли и рынков, мы будем использовать термин «контролируемая правительством» (*government-controlled*).

Мы свели вместе данные по торговле и рынкам, разбив их в Таблице 2 на следующие аспекты:

- существование ограниченной торговли (t) или значительной торговли (T);
- существование профессиональных торговцев;
- существование рынков лишь ограниченного или местного (m) значения, либо крупных рынков (M);

– существование торговли, контролируемой правительством (g) или осуществляемой правительством (G).

Данные Таблицы 2 показывают, что торговля играла определенную роль во всех государствах. Выяснилось, что в 13 случаях она играла важную роль, а в восьми — незначительную; менее всего развиты в этом отношении оказались два полинезийских государства. Никакие другие характеристики здесь не были обнаружены. Для Иберии и Египта у нас не было данных. Существование торговли, рынков и правительственных влияний здесь, тем не менее, исключить нельзя, особенно в случае Египта. Однако источники не позволяют нам быть более определенными²⁹.

Дальняя торговля упоминалась в 17 случаях, тогда как профессиональные торговцы выявлены в девяти. Возможно, что в Качари, Скифии и Маурьи также имелись профессиональные торговцы, однако данных недостаточно, чтобы это уверенно утверждать.

В 17 случаях установлено наличие рынков, и в каждом из них отмечено государственное влияние на рынки и торговлю. Только в Аксуме, сфере государств Инка и Йоруба торговля фактически проводилась государственными органами.

На основании этих данных можно сформулировать структурные характеристики:

(4) *В ранних государствах торговля обычно ведется (значимость 99%).*

(5) *В ранних государствах рынки обычно обнаруживаются (значимость 99%).*

И с оговоркой, что в некоторых случаях не было данных:

(6) *В ранних государствах обычно ведется дальняя торговля (значимость 99%)³⁰.*

Выделение профессиональных торговцев не было общей характеристикой ранних государств. Как и в случае урбанизации, это явление, видимо, развилось только после появления государства. То же самое справедливо и в отношении использования денег³¹.

Правители большинства ранних государств хорошо знали, что торговля может являться источником дохода. Это продемонстри-

²⁹ *Janssen J.* Prolegomena to the study of Egypt's economic history during the New Kingdom // *Studien zur altägyptischen Kultur.* 1975. Bd. 3. P. 127–185. P. 161 ff.

³⁰ Ср.: *Adams R. McC.* Anthropological perspectives on ancient trade // *Current anthropology.* 1974. Vol. 15. P. 239–258.

³¹ *Kurtz D.* Peripheral and transitional markets: The Aztec case // *American ethnologist.* 1974. Vol. 1. P. 685–706.

ровано в 16 случаях, тогда как для Египта оно весьма вероятно. Только Гавайи и Таити дали отрицательный результат в этом отношении. Таким образом, мы можем сформулировать еще одну структурную характеристику:

(7) *Торговля и рынки создают источник дохода для правящей иерархии раннего государства (значимость 99%).*

Таблица 2. Экономика

	торговля	дальняя торговля	профессиональные торговцы	рынки	деньги	влияние правительства	специалисты	специалисты на полное время	организованные специалисты	осн. тип произв. продуктов питания	оборудование	ирригация	прибавочный продукт
Анкор	T	X	0	M	X	g	X	X	X	A	0	X	X
Анколе	t	X	-	m	-	g	X	0	-	C/A	H	-	0
Аксум	T	X	X	M	X	G	X	X	X	A	P	X	X
Ацтеки	T	X		M	X	g	X	X	X	A	H	X	-
Китай	T	X	X	M	X	g	X	X	0	A	H	X	X
Египет	t	0	0	0	0	0	X	X	X	A	P	0	X
Франция	T	X	X	M	X	g	X	X	X	A	P	-	X
Гавайи	t	-	-	-	-	-	X	X	X	A	H	X	X
Иберия	T	0	0	0	0	0	X	0	0	A	P	0	X
Инки	t	X	0	M	-	G	X	X	X	A	D	X	X
Джима	T	X	X	M	X	g	X	X	X	A	P	-	X
Качари	T	X	0	m	0	0	X	X	X	A	H	X	X
Куба	T	X	X	M	X	g	X	X	-	A	H	-	X
Маурья	T	X	0	M	X	g	X	X	X	A	P	X	X
Монголия	T	X	0	M	0	g	X	0	0	C	-	-	X
Норвегия	t	X	X	m	X	g	X	X	0	A	O	0	-
Скифия	T	X	0	M	-	g	X	X	0	C	P	0	X
Таити	t	-	-	-	-	-	X	X	-	A	H	-	X
Вольга	t	X	X	m	X	G	X	X	X	A	H	-	X
Йоруба	T	X	X	M	0	G	X	X	X	A	H	-	X
Занде	t	X	-	m	X	g	X	X	0	A	H	-	X

Условные обозначения: t — ограниченная торговля, T — значимая торговля, m — ограниченный рынок, M — значимый рынок, G — государственная торговля, g — государственный контроль, A — земледелие, C — выпас животных, P — плуг, H — мотыга, D — палка-копалка.

2.7. Разделение труда

Специалисты — это люди, владеющие специальными знаниями или специальными умениями, чтобы выполнять определенные задачи. Существование такого типа специалистов упоминается во всех наших случаях, за исключением Иберии, для которой не было данных, и Норвегии, где, оказывается, специализация началась лишь в более позднее время. Однако это, вероятно, относится к специалистам, занятым полный рабочий день, или профессионалам. В Таблице 2 среди других представлены данные, касающиеся этого аспекта. Для Монголии соответствующие данные были заимствованы из работы Доусона³². Специалисты, занятые полный рабочий день, упоминались в 18 случаях. В других случаях четких данных не было представлено. Еще меньше имелось данных об организациях специалистов. В трех случаях (Анколе, Куба и Таити) существование таких организаций отрицалось. Социальный контекст Кубы в любом случае делает подобные организации маловероятными. Для шести случаев не было доступных данных. В 12 случаях упоминалась некая форма организации специалистов. Сочетание специалистов, занятых полный рабочий день, и их организации было выявлено в более развитых государствах. Поэтому структурную характеристику можно выразить следующим образом:

(8) В ранних государствах обычно существуют специалисты, занятые полный рабочий день (значимость 99%).

2.8. Средства к существованию

За исключением Монголии и Скифии, главным средством к существованию было земледелие. Это утверждение в некоторых случаях может быть уточнено. Так, в Анколе и на Таити сельское хозяйство велось лишь на небольших участках земли, так что здесь, возможно, более уместным было бы говорить о ранних формах земледелия. Йоруба практиковали подсечное земледелие. В случае скифов земледелие стояло на втором месте после скотоводства. Монголы же почти совсем не занимались земледелием. Они получали сельскохозяйственные продукты, главным образом, в обмен на продукты животноводства и часто дополняли их данью или грабежами. В Таблице 2 приводятся не только данные, касающиеся земледелия, но и данные относительно допол-

³² Mission to Asia / Ed. Ch. Dawson. N.Y., 1966.

нительных средств к существованию. Для Анколе³³ и Франции³⁴ использовались дополнительные данные.

Они позволяют нам сформулировать следующую структурную характеристику:

(9) *Преобладающим средством к существованию в ранних государствах является земледелие* (значимость 99%).

В первой главе «Раннего государства» говорилось о дискуссиях вокруг концепции прибавочного продукта. Мы определили прибавочный продукт как часть (сельскохозяйственной) продукции в самом широком смысле, предназначенную (добровольно или принудительно) для людей, которые не участвовали в фактическом производстве. Излишки этого типа упоминались в 18 случаях. В двух оказалось, что излишков не существовало. Что касается Норвегии, А.Я. Гуревич утверждает, что люди многократно мигрировали или отправлялись в дальние плавания для торговли или грабежа вследствие дефицита и голода. Дефицит, очевидно, частично нейтрализовался доходами от этих путешествий. В случае Ацтеков потребности удовлетворялись импортом продуктов питания путем торговли и дани. В обоих этих случаях можно считать, что излишки черпались вне границ рассматриваемого государства. Мы полагаем, что можем сформулировать еще одну характеристику:

(10) *Производство прибавочного продукта характерно для ранних государств* (значимость 99%).

Только в восьми случаях было известно, что применялась *ирригация*, либо, по крайней мере, использовалось орошение. В четырех случаях отсутствовали данные. Поэтому нет причин включать ирригацию или оросительные работы в число обобщенных характеристик ранних государств. То же самое касается использования плуга. Интересным моментом в этом контексте, который следует отметить, является отсутствие корреляции между использованием плуга и ведением оросительных работ. Только в двух случаях они оба сосуществуют (Аксум, Маурья) (см. Таблицу 2). Возможно, включение других случаев могло бы изменить картину.

³³ Doornbos M. Regalia galore. The decline and eclipse of Ankole kingship. Nairobi, etc., 1975. P. 18.

³⁴ Slicher van Bath B.H. De agrarische geschiedenis van West Europa (500–1800) [The agrarian history of Western Europe (500–1800)]. Utrecht, 1960. P. 74 ff.

2.9. Социальная стратификация

Это настолько сложное явление, что понадобится ряд сравнений, чтобы получить его полностью удовлетворительную картину. Поэтому мы сначала исследуем сам факт наличия социальной стратификации, а уже затем форму, в которой она находит выражение.

2.9.1. Наличие социальной стратификации

Даже поверхностное прочтение глав, описывающих конкретные ранние государства, делает очевидным, что деление населения на «...довольно широкие, более или менее стабильные категории, обнаруживающие иерархический порядок и основанные на имуществе, статусе и/или власти»³⁵, было обнаружено везде. Более того, множество приведенных данных в рассмотренных случаях позволяет нам несколько уточнить картину. Используя эти данные, можно выделить, по меньшей мере, 12 социальных категорий, а именно:

(1) правитель и его род (наряду с термином «правитель» мы будем использовать также термин «суверен»); (2) аристократия (иными словами также: знать, князья); (3) жрецы (или религиозные специалисты, предсказатели и т. д.); (4) военачальники (если они составляли отдельную социальную категорию); (5) министерялы (этим термином, пришедшим из средневековой Европы, мы называем людей несвободных, назначенных на высокие посты³⁶); (6) джентри (т. е. люди, образующие низшую аристократию, землевладельцы несколько более высокого статуса, мелкие вожди, главы кланов и т. п.; к этой категории обычно относятся также традиционные «догосударственные» лидеры); (7) мелкие владельцы (т. е. люди, которые обрабатывают свою собственную землю или землю, которая находится в общем владении, как члены клана или рода. В последнем случае они включаются в данную категорию, поскольку обладают неотъемлемым правом на землю. В случае кочевников-скотоводов мы приняли термин «скотовладельцы» или те, кто имеет доступ к родовому стаду); (8) арендаторы (т. е. люди, которые не имеют ни собственной земли, ни каких-либо достаточных претензий на землю или скот клана или рода, но могут получить права на пользование участ-

³⁵ *Claessen H.J.M., Skalnik P.* The early state: Theories and hypotheses.

³⁶ Ср.: *Bloch M.* Feudal society. L., 1967. P. 337, и особенно 343.

ком земли в обмен на платежи и услуги); (9) торговцы (если указано, что они образуют отдельную категорию, объединяющую профессиональных торговцев); (10) ремесленники (и снова только там, где упоминается, что они образуют отдельную категорию); (11) слуги (часто представители покоренных племен или военнопленные); (12) рабы (эта категория всегда трудна для определения, поскольку слово «раб» часто используется без точного определения статуса тех, о ком идет речь. Полезным здесь является определение Нибура³⁷, а именно: «раб есть собственность кого-либо еще», означающее, что раб может покупаться и продаваться. Поскольку обоснованность данных по этому аспекту редко можно проверить, мы вынуждены принять их как факт, хотя и с некоторыми оговорками).

Таблица 3. Социальные категории

	правитель и его род	аристократия	жрецы	военачальники	служащие	джентри	мелкие владельцы	арендаторы	торговцы	ремесленники	слуги	рабы	уровень статуса		
													высший	средний	низший
Ангкор	X	X	X	0	-	-	X	X	-	X	X	0	X	-	X
Анколе	X	X	0	X	-	X	X	X	-	-	X	-	X	X	X
Аксум	X	X	0	X	X	-	0	0	X	0	0	X	X	0	X
Ацтеки	X	X	X	X	-	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Китай	X	X	-	-	-	X	X	X	-	0	-	X	X	X	X
Египет	X	X	X	-	-	-	X	X	-	X	0	0	X	-	X
Франция*	X	X	X	0	-	X*	X	X	-	-	X	X	X	X*	X
Гавайи	X	X	X	-	-	-	-	X	-	-	X	0	X	-	X
Иберия	X	X	X	X	-	-	X	0	-	-	X	X	X	-	X
Инки	X	X	X	-	X	X	X	X	0	X	X	0	X	X	X
Джима	X	X	-	-	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Качари	X	X	X	0	-	X	X	X	0	X	X	X	X	X	X
Куба	X	X	-	-	-	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Маурья	X	X	X	X	-	-	X	X	X	X	X	X	X	-	X
Монголия	X	X	-	-	-	X	X	X	0	-	X	X	X	X	X
Норвегия*	X	X	X*	X	0	X	X	X	X*	-	0	X	X	X	X

³⁷ Nieboer H.N. Slavery as an industrial system. 2nd pr. The Hague, 1910. P. 9.

Скифия*	X	X	X	–	X	X	X	X	–	–	X	X	X	X	X
Таити	X	X	X	X	–	X	X	X	–	X	X	X	X	X	X
Вольта	X	X	X	0	X	X	X	X	X	X	–	X	X	X	X
Йоруба	X	X	X	–	X	X	X	X	X	–	X	X	X	X	X
Занде	X	X	–	X	–	X	–	X	–	X	–	X	X	X	X

Примечание: Для Скифии, Франции и Норвегии — в поздний период.

В Таблице 3 мы суммировали данные, полученные в конкретных исследованиях, по вышеописанным категориям. С первого взгляда видно, что категории «правитель и его род» и «аристократия» присутствовали во всех случаях. Интересная особенность состоит в том, что категория мелких владельцев была обнаружена в 18 случаях. Лишь в двух (Гавайи и Занде) они не были выявлены. Что касается Аксума, то здесь только упоминалось, что большинство населения пользуется «личной свободой». Не ясно, что именно подразумевается под этим. Имеющиеся данные позволяют нам сформулировать следующие структурные характеристики:

(11) *Во всех ранних государствах имеются правитель и его род и аристократия* (значимость 100%).

(12) *Обнаружено, что в ранних государствах обычно существуют мелкие владельцы* (значимость 99%).

Арендаторы также упоминались довольно часто, они определенно присутствовали в 19 случаях, тогда как в двух случаях (Аксум и Иберия) не было достаточно данных. Таким образом, мы можем сформулировать структурную характеристику:

(13) *Арендаторы обычно существуют в ранних государствах* (значимость 100%).

Рабы были обнаружены в 15 случаях и отсутствовали в двух (Анколе и Вольта), в четырех же случаях данных было недостаточно. Конкретные исследования продемонстрировали, что ни эта и ни одна из последующих категорий не могут являться общим признаком раннего государства. Интересно отметить, что военачальники составляли отдельную категорию только в восьми случаях. В большинстве случаев они причислялись к аристократии.

Пытаясь сгруппировать выявленные категории в ограниченное количество более широких социальных слоев, мы смогли выделить три таких слоя, а именно, высший, средний и низший. К высшему слою мы причислили правителя, аристократию, жрецов и военачальников, к среднему слою — служащих и джентри, к низшему слою — остальные категории. Определение высшего и

низшего слоев обычно не вызывало проблем. Однако определение среднего слоя оказалось более сложным. Поэтому мы объединили мнения авторов разделов с нашими собственными данными. В случае Анколы оказалось, что главы родов и военачальники обладают средним статусом. Представители земельной знати у Ацтеков также образовали категорию джентри. Для Китая мы отнесли *ши* (ученых-чиновников. — *Примеч. перев.*) к среднему слою. В случае Франции мы считали, что низшие титулованные лица и некоторые категории функционеров могут принадлежать к среднему слою, по крайней мере в более поздний период. В государстве Инка *куракас* образовывали группу среднего уровня. Что касается Джимы, мы могли бы отослать читателя к замечанию Льюиса, согласно которому здесь была обнаружена «непрерывная серия отличий». На Кубе к этой категории оказалось возможным отнести также несколько групп должностных лиц. У монголов главы кланов и родов, согласно Крэйдеру³⁸, образовывали средний слой, то же самое справедливо для глав младших кланов Качари. Сложная социальная структура скифов предполагает существование группы этого типа (а именно, вождей зависимых племен, функционеров-администраторов). На Таити *раатипа* (одна из основных социальных групп. — *Примеч. перев.*), в Вольте главы деревень, главы жрецов и даже жрецы земли (*earthpriests*), а в Йорубе *бале* классифицируются как средние слои, тогда как в Занде мы склонны рассматривать в качестве представителей среднего слоя членов с более низким статусом в клане вонгара, а также лидеров простолудинов и их представителей. Вывод из всего этого заключается в том, что в 15 случаях было установлено, что социальная стратификация предполагает выделение, по меньшей мере, трех слоев. Однако, ввиду пяти отрицательных случаев и одного случая, для которого отсутствовали данные, мы не можем считать этот вывод структурной характеристикой, а потому она должна быть сформулирована менее жестко:

(14) *Социальная стратификация ранних государств всегда предполагает выделение, по меньшей мере, двух слоев (значимость 100%).*

2.9.2. *Формы социальной стратификации*

Данные о форме, в которой находит свое выражение социальная стратификация, сведены в Таблице 4. Выделенные выше 12

³⁸ *Krader L. Formation of the state. Englewood Cliffs, 1968. P. 88.*

социальных категорий будут связаны в ней со средствами производства. К сожалению, данные, представленные в нескольких конкретных исследованиях, недостаточно четки, чтобы дать точную оценку ситуации. Это справедливо, в частности, для категорий жрецов, военачальников, служащих, ремесленников и рабов. Часто жрецы и военачальники относились к «аристократии» без какой-либо детализации их фактического положения. Экономические категории, представленные в Таблице 4, — следующие:

(а) Землевладение. Здесь мы различали следующие возможности. Теоретическое владение (Т), обычно связываемое с правителем, которое мы оценивали положительно, если правитель упоминался как (номинальный) владелец всей земли или всего скота. Общинное владение (С), при котором земля (или скот) принадлежит клану, роду, храмовой общине или деревне в целом. Членство в такой общине дает право на пользование чужой землей. Личное владение (Р) предполагалось там, где источники указывали на то, что владение основывалось на личных правах, не связанных с какой-либо определенной функцией или членством в какой-либо группе. Феодалное владение (F) существует там, где земля даруется за исполнение конкретной службы³⁹. Не имеющие земли обозначаются буквой (N).

(б) Производственная деятельность. Ее можно разделить на прямую (D) и косвенную (I).

(с) Источник основной части дохода тех, кто имеет лишь косвенную связь с производством продуктов питания через дань (tr).

Конкретные источники определимы лишь в очень широком смысле. Они могут включать налоги, арендную плату за землю, добычу и т. п. Вообще говоря, эта категория включает все те случаи, в которых непосредственные производители обязаны отдавать часть своей продукции.

Существует бартер (b), когда торговцы либо ремесленники передают другим лицам определенные товары в обмен на продукты питания либо другие товары. Вознаграждение (г) имеет место, когда услуги вознаграждаются либо натурой, либо деньгами. Как подарки (d) рассматриваются продукты питания или деньги, которые люди могут получить без предоставления в обмен какой-либо непосредственной услуги.

³⁹ *Wolf E. Peasants*. Englewood Cliffs, 1966. P. 50, который различает несколько типов землевладения, в том числе феодалного.

Таблица 4. Отношения к средствам производства

	существен	априспособления	крепцы	военачальники	служащие	джентри	мелкие владельцы	арендаторы	торговцы	ремесленники	слуги	рабы
Ангтор	Сltr	CLg+trAS	Clg+trAS	0	-	-	CDAS	NDAS	-	NlrAS	C+NDAS	0
Анколе	Tltr	FltrAS	0	FI tr0S	-	FI trAS	FDAS	NDAS	-	-	CDAS	-
Аксум	0ltr	FltrAS	0	0	00r0S	-	CDAS	0	NlbA0	0	0	0
Ацтеки	-ltr	C+P+Flr+trAS	0lr0S	0	-	C+Plr+trAS	C+PDAS	NDAS	NlbAS	Nlg+Bas	0CAS	NDrS
Китай	Tltr	F-Plr0S	-	-	-	0lr0S	C+PDAS	NDAS	-	0	-	N0rS
Египет	Tltr	0ltrAS	Cltr-S	-	-	-	ODAS	NDAS	-	NlrAS	0	0
Франция	Tltr	FltrAS	FltrAS	0	-	FI trAS*	PDAS	NDAS	-	-	NDAS	ND0S
Гавайи	Tltr	0ltrAS	Cig-S	-	-	-	-	NDAS	-	-	NDAS	0
Иберия	0ltr	-ltr00	Cl tr-S	0	-	-	PDPS	0	-	-	NDAS	0
Инки	Tltr	C+FI tr+r-S	Cl tr-S	-	Nlr-S	CltrAS	CDAS	NDAS	0	NlrAS	NDAS	0
Джима	Pltr	Pl trAS	-	-	Pl trAS	Pl tr AS	PDAS	PDAS	PlbA0	Nlb-S	PDAS	NDAS
Качари	T+0ltr	Cl tr 0S	0	0	0	0	CDAS	NDAS	0	0	C-t-S	ND0S

Куба	PTr	PTr+trAS	-	-	-	-r+bAS	CDAS	NDAS	NlbA0	NlbAS	NDAS	NDAS
Маурия	0ltr	F+Plr+trAS	C_Plr+tr-S	00r0S	-	-	PDAS	NDAS	NlbAS	Nlr-S	NDAS	ND0S
Монголия	Tltr	C+0ltrAS	-	-	-	CltrAS	CDAS	NDAS	0	-	NDAS	0
Норвегия	Cig+tr	Clr+trAS	Cl*tr-S	0	0	C00AS	CDAS	NDAS	NAbA0*	0	0	NDAS
Скифия	Cltr	Cltr-S	0100S	-	00r-S	Cltr-S	CD-S	NDAS	-	-	CDAS	ND+r0S
Таити	Cltr	CltrAS	CltrAS	CltrAS	-	CltrAS	CDAS	C+NDAS	-	N+ClrAS	ND+rAS	ND+r0S
Вольга	TICDtr+g	PDlr+gAS	PD+lr+gAS	0	PltrAS	PDlrAS	PDAS	NDAS	PD+lbA-	Pl+DbA0	PDAS	-
Йоруба	Fltr+r	CltrAS	00r0S	-	00tr0S	Cltr0S	CDAS	NDAS	NlbA0	Nl0As	-	ND0S
Занде	Tltr	Fltr-S	-	00r0S	-	Fltr-S	-	NDAS	-	Nlr0S	-	ND0S

Условные обозначения: N — отсутствие собственности, C — общинная собственность, T — теоретическое (номинальное) владение, P — личная собственность, F — феодальная собственность, I — косвенное участие в производстве продуктов питания, D — прямое участие в производстве продуктов питания, tr — дань, г — вознаграждение (плата), g — подарок, b — бартер, A — обязательство платить налоги, S — обязательство оказывать услуги, * — для Франции и Норвегии в поздний период.
Знак + относится к стоящим слева и справа от него значениям (в соотношении 50%:50%).

(d) Обязательства. Они разделены на налоги, арендную плату или дань и подарки (A) и услуги (S). Этот пункт включает все виды обязательных услуг: от принудительной работы на земле знати и на строительстве или ремонте домов или дворцов до обязательств выполнять определенные функции при дворе или в государственной организации.

Данные, касающиеся вышеуказанных аспектов, сведены в Таблице 4. Очевидно, что связи с производством продуктов питания являются косвенными для следующих категорий: правителей, аристократии, жрецов, военачальников, джентри, служащих, торговцев и ремесленников. Прямые связи установлены для мелких собственников, арендаторов, слуг и рабов. Структурная характеристика, очевидно, выглядит следующим образом:

(15) Прямое участие в производстве продуктов питания ограничивается несколькими социальными категориями (главным образом, находящимися на нижнем конце шкалы социальных статусов). Все другие категории имеют лишь косвенное отношение к нему (значимость 99%).

Очевидно, еще одной структурной характеристикой является то, что за исключением торговцев, все социальные категории должны оказывать государству услуги определенного типа. Что касается аристократии, только данные для Иберии оказались недостаточными. Обязанности правителя будут обсуждаться в разделе 4. Структурная характеристика здесь звучит следующим образом:

(16) За исключением торговцев, все социальные категории имеют обязательства оказывать услуги государству (значимость 99%).

Таблица 5. Налогообложение⁴⁰

	число случаев	положит.	отрицат.	нет данных
Аристократия	21	15	3	3
Жрецы	14	4	5	5
Джентри	15	10	2	3
Мелкие владельцы	19	18	1	–

⁴⁰ В эту таблицу не включены социальные группы, о которых было слишком мало данных.

	число случаев	положит.	отрицат.	нет данных
Арендаторы	19	19	–	–
Торговцы	8	8	–	–
Ремесленники	11	8	2	1
Слуги	15	14	1	–

В Таблице 5 сравниваются данные, касающиеся обязанности платить налоги. То, что налогообложение в той или иной форме обнаруживается во всех государствах, очевидно с первого взгляда. Интересный факт состоит в том, что эта обязанность никоим образом не ограничивается категориями только нижнего и среднего уровня. Не менее чем в 15 из 21 случая аристократия также должна была платить налоги, равно как и джентри, упомянутые в десяти из 15 случаев. Ввиду ограничений, которые мы сами ввели для определения структурных характеристик, сформулировать обсуждаемую характеристику можно следующим образом:

(17) *Во всех ранних государствах существовала обязанность платить налоги, причем в большинстве случаев эта обязанность возлагалась также на аристократию (значимость 99%).*

Данные, касающиеся собственности на землю в Таблице 4, группируются вместе в Таблице 6. Очевидны два момента: (1) в ранних государствах подавляющее большинство форм землевладения во всех упоминаемых категориях основывается на общественных правах; и (2) существует несколько категорий, которые вообще не имеют прав либо фактически не имеют прав на землю, а именно, арендаторы, торговцы, ремесленники, слуги и рабы. Эти выводы подсказывают формулировку следующей структурной характеристики:

(18) *Доступ к основным средствам производства, в частности, к земле, в ранних государствах не одинаков (значимость 99%).*

Ранее⁴¹ мы ссылались на Фрида⁴², где он утверждал, что стратификация появилась в тот момент, когда общественная собственность заменяется частной собственностью. Таблица 4 и Таблица 6 демонстрируют, однако, что в ранних государствах

⁴¹ Claessen H.J.M., Skalnik P. The early state: Theories and hypotheses.

⁴² Fried M. The evolution of political society. N.Y., 1967. P. 191.

общественная собственность является, тем не менее, самой общей формой контроля над землей. Поэтому мы полагаем, что частная собственность не должна рассматриваться как обязательный фактор, обуславливающий стратификацию. Важной формой также оказалось феодальное землевладение, тогда как личная собственность была недоразвитой. Выясняется, следовательно, что неравный доступ к ресурсам основывался на различиях не в отношении к контролю над средствами производства, а на положении в системах кланов и линияжей и на социо-политической организации раннего государства. Мы возвратимся к этой проблеме в разделе 2.11.

Таблица 6. Владение землей

	число случаев	номинальное владение	общественное владение	феодальное владение	личное владение	отрицат. данные	нет данных
Правители*	21	9	5	1	2	1	4
Аристокр.**	21	—	8	7	6	1	4
Жрецы***	14	—	8	1	2	—	4
Джентри	15	—	7	3	3	1	2
Мелкие владельцы****	19	—	12	1	7	—	1

Примечания: * В Вольте имелась и номинальная, и общественная собственность; ** сочетание форм землевладения было выявлено для Ацтеков, Китая, Инка, Маури и Монголии;

*** в Маури были обнаружены два типа собственности;

**** у Ацтеков и в Китае существовали два типа собственности.

Если возвратиться к данным Таблицы 4, видно, что основным источником доходов правителя является дань. Только в Норвегии, Вольте и Йоруба он дополняется некоторыми видами даров (дары-дани). То же самое справедливо для аристократии. Их основной доход от дани дополнялся вознаграждениями и дарами в семи случаях. Таким образом, здесь будет иметь место следующая структурная характеристика:

(19) *Дань — главный источник дохода правителя и аристократии (значимость 100%).*

Интересно отметить в этой связи, что не менее чем в 15 случаях аристократия в то же время была обязана сама платить некие налоги.

Можно сформулировать еще одну структурную характеристику, касающуюся источников дохода мелких владельцев и арендаторов. Их главный источник дохода составляет непосредственное производство продуктов питания, которое влечет за собой возможность обмена и бартера части их продукта на другие товары.

(20) *Главный источник дохода мелких владельцев и арендаторов — первичное производство* (значимость 100%).

Связь между землевладением, обязанностью платить налоги и предоставлять услуги и главным источником дохода можно видеть в Таблице 7. В этой таблице мы не разбивали землевладение на типы, представленные в Таблице 6. Тот факт, что в некоторых случаях отмечено несколько источников дохода или различных обязанностей, объясняет возникновение случаев, когда процентное соотношение превышает 100%. Эта таблица вполне убедительно демонстрирует, что одинаковые источники дохода либо одинаковые типы обязанностей невозможно приписать различным социальным категориям.

Таблица 7. Права и обязанности

	число случаев	земле- владение			обязанность платить налоги			обязанность оказывать услуги			источник дохода			
		полож.	отриц.	неизв.*	полож.	отриц.	неизв.	полож.	отриц.	неизв.	дань	собственное производство	бартер	вознаграждение
аристократия**	21	17	1	3	15	3	3	19	–	2	20	1	–	7
жрецы	14	10	–	4	4	5	5	13	–	1	8	1	–	6
джентри	15	12	1	2	10	2	3	14	–	1	11	1	1	3
мелкие владельцы	19	18	–	1	18	1	–	18	–	1	–	19	–	–
арендаторы	19	2	17	–	19	–	–	19	–	–	–	19	–	–
торговцы	8	2	6	–	8	–	–	2	1	5	–	1	8	–
ремесленники	11	2	9	–	8	2	1	10	–	1	–	1	4	7

Условные обозначения: * — «неизв.» обозначает, что нет информации о типе собственности; ** касательно Монголии учтен только известный факт существования общей собственности.

2.10. Легитимация правителя

До сих пор положение правителя не учитывалось при большинстве сравнений. Мы только отметили его право на землю и тот факт, что главным источником его доходов была дань. В настоящем параграфе мы не только более детально рассмотрим его права и обязанности, но и исследуем вопрос, на чем основано его возвышенное положение или как оно было легитимировано⁴³. Анализ последнего вопроса уместен при исследовании не только положения правителя, но также и легитимности других правящих категорий: это абсолютно необходимо для понимания всей системы прав, обязанностей, обязательств и зависимостей, которые образуют социальную структуру раннего государства, т. к. эти права и обязанности вытекают из одной основной связи, а именно, связи между правителем и подданными.

Хотя легитимация, как весьма убедительно продемонстрировал в своей главе об Ацтеках Курц⁴⁴, представляет процесс (и, как таковой, будет обсуждаться в следующей главе), мы, тем не менее, в настоящем контексте будем анализировать ее строго с точки зрения структурных аспектов.

Во всех рассмотренных случаях оказалось, что правитель высоко возносился над своим народом несколькими способами. Его возвышенное положение, как и социально-политическое влияние, принимались всеми или, во всяком случае, большинством граждан раннего государства. Ниже мы будем исследовать, как была структурирована эта связь, а также с помощью каких способов она принималась населением. Хотя мы прекрасно знаем, что связь является комплексным целым, в целях анализа мы выделим следующие четыре аспекта положения правителя: идеологический базис, правовые аспекты, правитель как защитник и правитель как «щедрый хозяин»⁴⁵.

2.10.1. Идеологический базис: Сакральность и ритуал

Мы должны принять в качестве нашей отправной точки любые существующие виды мифической прерогативы, которая объясняет базовую связь между правителем и его народом. Возникнове-

⁴³ Обсуждение этого вопроса см.: *Claessen H.J.M., Skalnik P.* The early state: Theories and hypotheses. P. 18–19.

⁴⁴ *Kurtz D.V.* The legitimation of the Aztec state // The early state. P. 169–190.

⁴⁵ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 220–223.

ние такой прерогативы обычно имеет форму мифа, содержащего идеологическое обоснование этой связи. Далее мы должны также прояснить (предполагаемый) сверхъестественный статус правителя — считался ли он богом (G) или сакральной фигурой (S)? Иначе говоря, наделялся ли он какими-либо сверхъестественными качествами или мифологической силой (например, манной, махано и т. п.)⁴⁶? Или правитель — просто человек (B)? Возникает и другой важный вопрос: какова в конечном счете связь правителя со сверхъестественными силами. Так как эта связь часто объясняется в форме генеалогий, мы будем искать их. Наконец, мы исследуем сакральные услуги, оказываемые правителем своему народу. Существует ли прямая связь между его деятельностью и плодородием земли и народа, как часто предполагалось, начиная с Фрезера⁴⁷ (D)? Является ли правитель вследствие своей связи со сверхъестественными силами посредником между ними и своим народом (M)? Или его правление лишено связи со сверхъестественным? В Таблице 8 представляются данные, касающиеся этих аспектов.

Наличие мифической прерогативы правителя было установлено в 17 случаях, тогда как в трех данные были непоказательны. Только Джима дала отрицательный результат. Интересный момент заключается в том, что в нескольких случаях это право было, вероятно, воссоздано задним числом уже после того, как появилось государство. Выяснилось, что это безусловно справедливо для Анколе⁴⁸, Ангора, Йоруба и Вольты. Французский материал вызывает вопросы, поскольку многие детали прав короля являются не мифическими, а историческими. Однако в связи с важной ролью этой традиции мы не считаем нужным исключать Францию из группы положительных случаев. Для Монголии данные были пополнены по работе Крэйдера⁴⁹, а для государства Инков — по работе Классена⁵⁰. Все сказанное суммируется в следующей структурной характеристике:

(21) *В ранних государствах обычно присутствует мифическая прерогатива, на которой основывается связь правителя (правлящей группы) и его подданных (значимость 99%).*

⁴⁶ Ср.: *Evans-Pritchard E.E.* The divine kingship of the Shilluk of the Nilotic Sudan. Cambridge, 1948; *Claessen H.J.M.* Politieke antropologie. Assen, 1974. P. 67; *Beattie J.H.M.* The Nyoro state. Oxford, 1971. P. 118 ff., 239.

⁴⁷ *Frazer J.* The golden bough. L., 1911.

⁴⁸ *Doornbos M.* Regalia galore. P. 17.

⁴⁹ *Krader L.* Formation of the state. P. 91.

⁵⁰ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 144 ff.

Оказалось, что «божественный» статус правителя в большинстве случаев является сакральным. Только в Джиме, как установлено, правитель сакральностью не обладал. Данные для Иберии и Занде не однозначны. Существует значительная разница в степени сакральности правителя между, например, Анколе, где соответствующие представления неопределенны, и Ангором, где сакральное положение правителя оказалось наиболее разработанным. Христианский король Франции обнаружил так много сакральных черт⁵¹, что мы без труда можем отнести его к группе сакральных правителей. Для Монголии были добавлены данные Хениша и Крэйдера⁵², а для Ацтеков — данные Сустеля⁵³.

Структурная характеристика, которую мы можем сформулировать, имеет следующий вид:

(22) *Основной характеристикой правителя является его сакральный статус (значимость 99%).*

Таблица 8. Идеологическое положение правителя

	мифическая прерогатива	сверхъестественный статус	генеалогия	отношение к полусторонним силам	способ получения сакральн. статуса	ритуалы смерти правителя	человеческие жертвоприношения	ритуальные обязанности правителя	табу
Ангор	X	S	X	M	I	G	0	R	X
Анколе	X	S	–	M	0	A	0	R	0
Акум	X	S	X	M	0	G	0	R	X
Ацтеки	X	S	X	M	I	G	X	H	X
Китай	X	S	X	M	I	G	X	R	X
Египет	X	S	X	0	I	G	X	H	X
Франция	X	S	X	M	I	G	–	R	X
Гавайи	X	S	X	M	C	A	X	R	X
Иберия	0	0	0	0	0	0	0	H	0
Инки	X	S	X	M	I	G	X	R	X
Джима	–	B	–	–	–	0	–	R	X

⁵¹ Ср. также: *Schramm P.E.* Mythos des Konigtums // *De Monarchic.* Amsterdam, 1966. P. 22 ff.

⁵² *Die Geheime Geschichte der Mongolen; Krader L.* Formation of the state.

⁵³ *Soustelle J.* Zo leefden de Azteken bij the invasie van de conquistadores [The daily life of the Aztecs before the coming of the conquistadores]. Baarn, 1958. P. 109.

	мифическая прерогатива	сверхъестественный статус	генеалогия	отношение к погусторонним силам	способ получения сакральн. статуса	ритуалы смерти правителя	человеческие жертвоприношения	ритуальные обязанности правителя	табу
Качари	0	S	0	0	0	0	X	R	0
Куба	X	S	X	M	I	A	X	H	X
Маурья	X	S	X	M	I	0	–	0	0
Монголия	X	S	X	0	0	0	0	0	0
Норвегия	0	S	X	M	0	G	–	R	0
Скифия	X	S	X	0	I	G	X	R	0
Таити	X	S	X	M	C	A	X	R	X
Вольта	X	S	X	M	I	A	–	0	0
Йоруба	X	S	X	M	I	G	X	H	X
Занде	X	0	X	–	I	G	0	R	0

Условные обозначения: S — сакральный правитель, B — человеческий статус, M — правитель-посредник, I — передача сакральности только в процессе инаугурации, C — сакральность до инаугурации, G — траур, A — ритуальная анархия, R — не является верховным жрецом, H — правитель — верховный жрец.

В 17 случаях генеалогии играли достаточно важную роль. Они упоминались по преимуществу не только в связи с предполагаемым божественным происхождением правителя, но также использовались как обычный документ, предписывающий формы отношений между правителем и простыми людьми: фактически, рационализация доминирующей социальной ситуации. Только в двух случаях (Анколе и Джима) сообщалось, что генеалогии не играют никакой роли. Для Иберии и Качари отсутствовали данные. Данные для Инка были пополнены из другой работы Клас-сена⁵⁴.

Структурная характеристика, которую можно вывести из этих данных, имеет вид:

(23) *Возвышенное положение правителя объясняется его генеалогическим статусом. Аристократия часто обосновывает свое привилегированное положение своей связью с родословной правителя (значимость 99%).*

⁵⁴ Claessen H.J.M. Van vorsten en volken. P. 145 ff.

Оказалось, что связь правителя со сверхъестественными силами в 14 случаях носила характер посреднический. В Джиме он считался «защитником справедливости», а для Занде никакие связи не упоминались вовсе. В пяти случаях не было данных. Данные из других источников были добавлены для Анколе⁵⁵, для Ацтеков⁵⁶ и Инков⁵⁷.

Сакральные аспекты верховной власти оказываются настолько важными и имеют так много широких подтекстов, что мы считаем полностью обоснованным более детальное исследование способа, в котором эта сакральность находит выражение. По причине большого объема такого исследования мы ограничимся только рядом свойств. Поэтому мы собрали в Таблице 8, среди других, данные по следующим аспектам:

– Способ, которым сакральный статус передается новому правителю. Здесь мы выделили следующие возможности: (а) наследник обладал сакральностью до его восхождения на трон (С); (б) сакральность даровалась ему во время определенной церемонии в ходе его инаугурации (I).

– Обычай, соблюдаемый немедленно после смерти правителя. Здесь существуют две возможности: (а) общий траур (G); (б) ритуальная анархия (A).

– Человеческие жертвоприношения согласно ритуалам, связанным с правителем.

– Ритуальные обязанности правителя. Здесь мы различаем следующие возможности: (а) правитель упоминается как верховный жрец или что-то подобное (H) и (б) он только выполняет церемонии, но не имеет статуса жреца (R).

– Какие-либо табу, связанные с правителем (Y).

Данные были добавлены для Анколе⁵⁸, Франции⁵⁹, Гавайев⁶⁰, Инков⁶¹, Джимы⁶².

Данные в Таблице 8 показывают, что сакральный статус правителя был дарован ему с помощью определенного ритуала во

⁵⁵ *Doornbos M.* Regalia galore. P. 32.

⁵⁶ *Soustelle J.* Zo leefden de Azteken bij the invasie van de conquistadores. P. 111.

⁵⁷ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 173.

⁵⁸ *Doornbos M.* Regalia galore. P. 32.

⁵⁹ *Schramm P.E.* Mythos des Konigtums. P. 27 ff.

⁶⁰ *Davenport W.* The Hawaiian cultural revolution // *American anthropologist.* 1969. Vol. 71. P. 1–20.

⁶¹ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 173.

⁶² Проф. Льюис, личное сообщение.

время церемонии инаугурации в 12 случаях. Только в двух случаях (Таити и Гавайи) наследник уже обладал сакральностью перед его инаугурацией.

Очевидно, траур был нормальной реакцией на смерть правителя (11 случаев). Ритуальная анархия была обнаружена в пяти случаях. Иногда после смерти правителя следовала политическая анархия, обычно в форме междуцарствия, в течение которого различные конкурирующие группы пытались получить поддержку для своих кандидатов (Аксум, Вольга и Занде).

Человеческие жертвоприношения упоминались в десяти случаях. Для Китая этот обычай зафиксирован только в связи с некоторыми правителями династии Шан. Табу отмечено в 12 случаях. Для не менее, чем девяти государств данных нет.

В 18 случаях правитель выполнял определенные ритуальные действия. Данные трех остальных недостаточны, чтобы сделать какие-либо выводы. В пяти случаях эти ритуалы выполнялись правителем, выступавшим в качестве жреца или верховного жреца. Здесь можно дать следующую структурную характеристику:

(24) *Правитель выполняет ритуальные действия* (значимость 99%).

2.10.2. Правила и законы

В этом параграфе обсуждаются организационные аспекты создания правил и законов. Мы используем здесь оба термина, поскольку не всегда ясно, имеют ли решения правителя силу законов. Определения понятия «закон» сильно разнятся⁶³; кроме того, данные конкретных исследований не позволяют нам сделать определенные выводы об эффективности решений правителя.

Теоретически правитель есть лицо, которое формулирует законы и поддерживает закон и порядок. В реальности законодательство и принуждение к исполнению законов — довольно сложные явления. Для их анализа мы свели вместе в Таблице 9 данные, касающиеся следующих вопросов:

— Как провозглашаются новые законы? Публично (pu) или только для немногих избранных (ch)?

⁶³ *Hoebel E.A.* The law of primitive man. 3rd pr. Cambridge (Mass.), 1964. P. 28; *Gluckman M.* Politics, law and ritual in tribal society. Oxford, 1965. P. 178 ff.; *Kobben A.J.F.* Law at the village level // Law in culture and society / Ed. L. Nader. Chicago, 1966. P. 118.

– Считается ли правитель (формальным) законодателем? Это понятие необязательно означает, что *новые* законы создаются постоянно. Часто имеет место только переформулировка существующего закона или правила, либо формулировка решений, принятых после долгого обсуждения советом.

– Какие выявлены институционализованные органы, оказывающие влияние на законотворчество [например, совет (С) или правительство (М), и является ли правитель только членом законодательного органа (К)]?

– Существуют ли какие-то люди, оказывающие неформальное влияние на законотворчество [члены семьи правителя (F), советники (А), министры (М) и т. д.]?

– Можно ли говорить о каком-либо более или менее согласованном тексте законов либо даже кодексе законов (S), или правовые нормы зависят от обычаев, решений по конкретным случаям и случайных постановлений (R)?

– Существуют ли профессиональные суды (J), либо отправление судопроизводства возложено на функционеров неспециализированного типа (G), либо существует их комбинация?

– Возможна ли апелляция? Существуют ли какие-либо апелляционные суды?

– Считается ли правитель верховным судьей?

– Имеется ли кодекс наказаний (P), или наказание основывается на произвольных решениях (Z)?

– Какой тип людей наблюдает за выполнением правил и законов: полиция (Po), обычные функционеры (Se) или охрана (гвардия) (Gu)?

– Находит ли выражение социальное неравенство в отправлении юстиции? Более сурово наказываются представители аристократии (NO) или простые люди (LM)?

Данные были добавлены для Анколе⁶⁴, Гавайев⁶⁵, Инков⁶⁶, Джимы⁶⁷, Маурьи⁶⁸ и Монголии⁶⁹.

Данные Таблицы 9 показывают, что имеется только три аспекта, которые можно определить как структурные характеристики:

⁶⁴ *Doornbos M.* Regalia galore. P. 33 ff.

⁶⁵ *Davenport W.* The Hawaiian cultural revolution. P. 9.

⁶⁶ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 159 ff., 169 ff.

⁶⁷ Личное сообщение.

⁶⁸ *Thapar R.* Ancient history of India. Harmondsworth, Middlesex, 1975. P. 82 ff.

⁶⁹ *Krader L.* Formation of the state. P. 90 ff.

(25) *Правитель является формальным законодателем в ранних государствах* (значимость 99%).

Такое положение дел было обнаружено в 18 государствах. Исключение составили Куба и Норвегия, где законы создавались советами, в которых учитывался голос правителя. Для Качари нет данных.

(26) *Правитель является верховным судьей в ранних государствах* (значимость 99%).

Это также было обнаружено в 18 случаях. Данные для Китая, Норвегии и Аксума неубедительны.

Таблица 9. Законы и правила

	провозглашение законов	суверен – формальный законодатель	формальное влияние на законодательство	неформальное влияние на законодательство	право как система	профессиональные судьи	апелляционные суды	суверен как верховный судья	формальный кодекс наказаний	полиция	неравенство в законах
Ангкор	Pu*	X	0	F	S	J	X	X	? no cod.	0	LM
Анколе	0	X	C	A.F.	R	G	X	X	Z	0	0
Аксум	0	X	0	F.A.	R	G	X	0	0	0	0
Ацтеки	Pu	X	C.M.	0	S	J	X	X	P	Po	N0
Китай	Ch ⁺	X	C	F.P.	S	G	0	0	P	0	0
Египет	0	X	0	A.F.	R	G	0	X	0	0	LM
Франция	Ch	X	C	A.F.	S	GJ	X	X	P/Z	Se	LM
Гавайи	0	X	0	A	R	G	–	X	Z	Se	LM
Иберия	0	X	0	F.P.	R	G	0	X	0	0	0
Инки	Ch	X	C	F.A.	S	J	X	X	P	–	0
Джима	Pu	X	K	F.A.M.	S/R	GJ	X	X	P	Gu/Po	0
Качари	0	0	0	F.A.	0	GJ	0	X	P	0	N0
Куба	Pu	–	C.K.	A.P.	S	J	X	X	P	Po	0
Маурья	Pu	X	C.M.	0	S	J	X	X	P	0	0
Монголия	0	X	C	A.F.	R	G	0	X	0	0	0
Норвегия	Pu	–	C.K.P	A	R	G	0	–	0	0	0
Скифия	Ch	X	C	F	R	G	X	X	0	Gu	LM
Таити	Ch	X	–	A.F.	R	G	–	X	Z	Se	LM

	провозглашение законов	суверен – формальный законодворец	формальное влияние на законотворчество	неформальное влияние на законотворчество	право как система	профессиональные суды	апелляционные суды	суверен как верховный судья	формальный кодекс наказаний	полиция	неравенство в законах
Вольга	Ch	X	0	A	R	G	X	X	P	–	LM
Йоруба	0	X**	C.M.	F	R	GJ	X	X	P	Po	0
Занде	Ch	X	C	F	R	G	X	X	P	0	LM/N0

Условные обозначения: Pu — публичное провозглашение законов, Ch — провозглашение законов для избранных, C — влияние консультативных органов, M — влияние министров, K — правитель-член совета, F — влияние родственников, A — влияние советников, S — наличие согласованного текста законов, R — отсутствие согласованного текста законов, J — наличие общих судов, G — отправление судопроизводства возложено на общих функционеров, P — наличие кодекса наказаний, Z — наказание основывается на произвольных решениях, Po — наличие специальных полицейских, Gu — поддержание порядка гвардией, Se — поддержание правопорядка слугами правителя, LM — более суровые наказания для простоллюдинов, N0 — более суровые наказания для элиты, * — писаное право, ** — интерпретация обычного права, + — тайное.

Во всех случаях было установлено, что существовали неформальные влияния на законотворчество. Следовательно:

(27) *В ранних государствах всегда существуют неформальные влияния на законотворчество* (значимость 100%).

Результаты, касающиеся других аспектов, выявили заметные различия. Обычно судебная система более развита в одних государствах, чем в других. Наиболее высоко развитые системы (по крайней мере, по стандартам XX века) обнаружены в Ангкоре, Ацтеке, Китае, Франции, Инке, Джиме, Кубе, Маурье и Йоруба. В этих государствах ситуация характеризовалась наличием судей, свода законов, системы наказаний и апелляционных судов. Кроме того, здесь проявлялись институционализированные влияния.

Данные о существовании полицейских сил очень скудны. Они упоминаются только в четырех случаях. В пяти случаях общественный порядок поддерживали служители или охранники правителя. В случае Инка указывалось, что полиция была не нужна. В 11 случаях информация не представлена. Такая же неясность

характеризует данные о неравенстве: в восьми государствах простые люди наказывались более сурово, чем знатные, тогда как в трех государствах (Ацтеки, Качари и Занде) — (иногда) наоборот.

Таблица 10. Военные аспекты

	правитель как верховный командующий	фактическое участие в сражениях	личная охрана	постоянная армия	тип военачальника
Ангкор	X	0	X	X	G
Анколе	X	0	X	X	G
Аксум	X	0	X	X	S
Ацтеки	X	X	X	X	G
Китай	X	0	0	X	S
Египет	0	0	0	X	S
Франция	X	X	X	X	G
Гавайи	X	X	X	–	G
Иберия	X	0	X	0	S
Инки	X	X	X	X	G
Джима	X	X	X	X	S
Качари	0	0	X	X	S
Куба	0	–	X	X	S
Маурья	X	X	X	X	S
Монголия	X	X	X	0	G
Норвегия	X	X	X	X	S
Скифия	X	0	X	0	G
Таити	X	X	X	–	S
Вольта	X	X	X	–	0
Йоруба	–	–	X	0	G
Занде	X	0	X	X	S

Условные обозначения: G — общие функционеры, S — специалисты.

2.10.3. Правитель как защитник

Часто предполагается, что существует тесная связь между правителем и военным аппаратом. Данные по этому аспекту представлены в Таблице 10. Вопрос, который мы исследуем здесь:

считается ли правитель верховным главнокомандующим? Положительный ответ на этот вопрос еще не означает, что данная функция обязательно исполняется на практике. Поэтому мы соберем также данные о реальном военном руководстве.

Чтобы иметь возможность оценить эффективность военного аппарата, мы выясним, существовала ли личная охрана и постоянная армия и каков профессионализм военачальников: являются ли они в первую очередь военными специалистами или осуществляют командование вследствие выполнения более общих функций (S и G, соответственно).

Данные Таблицы 10 показывают, что в 18 случаях правитель считался верховным главнокомандующим. Для Египта и Качари данных недостаточно. В случае Йорубы упоминалось, что верховный главнокомандующий был евнухом, который носил царские регалии, говорил за правителя и имел право на царские почести. Эта форма представления имела кое-что общее с ситуацией в других африканских государствах, где правитель передавал ритуальную ответственность за ведение военных действий своим придворным⁷⁰. Можно сформулировать следующую структурную характеристику:

(28) *В ранних государствах правитель считается верховным главнокомандующим (значимость 99%).*

Активное личное участие правителя в сражениях упоминалось десять раз.

Личная охрана отмечена в 19 случаях. Нет данных для Китая и Египта. Представляет интерес, что в Ангкоре и Маурьи охрана формировалась из женщин. Структурная характеристика поэтому такова:

(29) *В ранних государствах правитель обычно имеет личную охрану (значимость 100%).*

В 15 случаях упоминалась постоянная армия; в трех (Гавайи, Таити и Вольта) установлено, что постоянной армии не было. Военные специалисты выявлены в 11 случаях, тогда как в девяти осуществление военного руководства было естественным следствием какой-либо иной, более общей функции (для Вольты нет данных).

⁷⁰ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 264.

2.10.4. «Щедрый правитель»

С одной стороны, большие количества продуктов питания и других товаров собираются от имени правителя, и работать на него вынуждено множество людей. С другой стороны, правитель тратит и раздает фактически эквивалентные количества — хотя бы уже только потому, что продукты питания нельзя долго хранить, другие товары также тленны. С помощью подарков правитель способен привязать людей к себе, даже если эти подарки составляют лишь часть того, что они сами отдали правителю. Очевиден факт, что подарок правителя компенсирует все, что получатель сделал для него. Это вполне убедительно подтверждается Спиком, который во время пребывания при дворе правителя Буганды в 1860 г. отметил, что «все действия короля являются подсчитанными выгодами, за которые ему должны быть благодарны; и, таким образом, каждое деяние, совершаемое для подданных, есть получаемый ими дар, даже если он предполагает телесное наказание или штраф»⁷¹.

Для того, чтобы правильно оценить это наблюдение, мы должны иметь в виду, что оно сделано Спиком в контексте рассказа о доминирующих в Буганде во время его пребывания невзгодах и страхе⁷². В то же время в других африканских государствах также неизменно вызывают большую радость и глубокую благодарность даже самые незначительные подарки от правителя⁷³. В параграфе 2.10.5 мы вновь обратимся к этому сложному вопросу. Пока же ограничимся классификацией данных по рассмотренным случаям.

В большинстве случаев различие между расходами государства и хозяйства правителя не проводилось. Из сделанных исследований видно, что существовал поток продуктов питания, товаров и труда наверх и поток подарков, вознаграждений и выплат сверху. Может оказаться полезным разделить расходы правителя на три категории: прямые расходы, косвенные расходы и визуально фиксируемое потребление (термин, введенный Вебленом)⁷⁴.

⁷¹ *Speke J.H.* Journal of the discovery of the source of the Nile. Edingburgh, 1863. P. 255.

⁷² См. также: *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 96–134 и анализ Буганды Рашем [*Rusch W.* Klassen und Staat in Buganda vor der Kolonialzeit. B., 1975].

⁷³ См. комментарии Форбса по Дагомее: *Forbes F.E.* Dahomey and the Dahomans. L., 1851. Vol. II. P. 44 ff.

⁷⁴ *Veblen Th.* Theory of the leisure class. N.Y., 1899.

Прямые расходы — это совокупность трат на вознаграждение, жалование, дары и подношения фаворитам, служащим, функционерам или богам. Эти прямые расходы подразумевают личные отношения. Дары — это окказиональные пожалования, а вознаграждения — это окказиональные дары в обмен на некоторую услугу или что-то подобное. Термин «жалование» будет использоваться для обозначения регулярных выплат в обмен на услуги. Термин «пожертвование» будет использоваться в отношении всех типов даров богам, жрецам или храмам.

Косвенные расходы — это траты на благо народа и государства вообще. Они включают издержки на (а) строительство и обслуживание общественных сооружений, таких как ирригационные системы, дороги и т. п., само существование которых считается показателем существования расходов этого типа, и (б) все типы выплат, осуществляемых на нижних уровнях бюрократической иерархии, например, жалование, вознаграждения и т. д., выплачиваемые функционерами более высокого уровня (из своего дохода от службы или дани) функционерам более низкого уровня, солдатам и т. д.

Визуально фиксируемые расходы охватывают расходы на сооружение дворцов, погребальных памятников и т. п. или содержание двора и т. п. Наличие дворцов, памятников или дворов будет рассматриваться как свидетельство таких расходов. Были добавлены данные для Кубы⁷⁵, Маурья⁷⁶ и Монголии⁷⁷.

В Таблице 11 все данные по этому аспекту собраны вместе. Из таблицы следует, что расходы ранних государств обнаруживают заметную однородность. В качестве структурных характеристик можно сформулировать не менее пяти аспектов:

(30) *В ранних государствах правители преподносят дары своему народу* (значимость 100%).

Существование этого аспекта упоминалось в 17 случаях. В четырех случаях не было конкретных данных, но наличие такой практики вытекало из контекста с большой вероятностью. Однако для Занде подчеркивалось, что только очень небольшая, избранная группа людей была бенефициаром щедрости правителя,

⁷⁵ Vansina J. Le royaume Kuba // Annales, serie in 8° Sciences humaines, No. 49. Tervuren, 1964.

⁷⁶ Thapar R. Ancient history of India.

⁷⁷ Die Geheime Geschichte der Mongolen.

то же самое справедливо для Скифии, где только воинам давался ежегодный пир. Выяснилось, что вознаграждения выплачивались в 20 случаях (для Качари нет данных).

(31) *В ранних государствах правитель вознаграждает своих людей за оказанные услуги (значимость 100%).*

Пожертвования в вышеуказанном широком смысле были выявлены в 17 случаях, тогда как в остальных четырех (Анколе, Аксум, Качари и Скифия) точные данные были недоступны.

Таблица 11. Расходы

	прямые			косвенные			визуально фиксируемые		
	дары	возна- граждение	жалование	пожерт- вование	крупное строи- тельство	выплаты нижесто- ящим	дворцы	памятники	двор правителя
Ангкор	X	X	–	X	X	X	X	0	X
Анколе	X	X	–	0	–	X	X	–	X
Аксум	X	X	0	0	X	X	X	X	X
Ацтеки	X	X	X	X	X	X	X	0	X
Китай	0	X	0	X	X	0	X	0	X
Египет	X	X	0	X	X	X	X	X	X
Франция	X	X	X	X	–	X	X	–	X
Гавайи	X	X	–	X	X	X	–	0	X
Иберия	X	X	0	X	X	X	0	0	X
Инки	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Джима	X	X	X	X	X	X	X	–	X
Качари	0	0	0	0	X	0	X	0	X
Куба	X	X	X	X	X	X	X	0	X
Маурья	0	X	X	X	X	X	X	0	X
Монголия	X	X	–	X	–	X	0	–	X
Норвегия	X	X	0	X	–	X	0	0	X
Скифия	X	X	0	0	X	X	0	X	X
Таити	X	X	–	X	X	X	–	–	X
Вольта	X	X	–	X	–	X	0	0	X
Йоруба	X	X	X	X	X	X	X	0	X
Занде	0	X	–	X	–	X	X	–	X

(32) *В ранних государствах правитель обычно осуществляет пожертвования (значимость 100%).*

За исключением Китая и Качари, для которых не было данных, платежи лицам более низкого статуса были выявлены везде. Кроме того, они вполне вероятны и для Китая.

(33) *Выплата жалований и вознаграждений и представление пожертвований или даров общеприняты и на нижних уровнях правительственной иерархии* (значимость 100%).

(34) *Во всех ранних государствах обнаруживается королевский двор* (значимость 100%).

Только в семи случаях имелись данные, которые более или менее указывали на существование функционеров, получающих жалование (Ацтеки, Франция, Инка, Джима, Куба, Маурья и Йоруба). В семи случаях данных по этому аспекту вообще не было, а семь случаев принесли отрицательные результаты.

Организация крупных сооружений упоминалась в 15 случаях. Что касается Гавайев и Кубы, следует добавить, что в них такие сооружения имели ограниченное значение. Более того, Покора⁷⁸ отметил, что в Китае рабочие не получали специального вознаграждения: они работали на свое собственное благо. Данные о дворцах правителей довольно скудны, а данные о погребальных памятниках чрезвычайно редки — в обоих случаях, главным образом, из-за недостатка информации.

2.10.5. Легитимация правителя

Мы уже предположили, что легитимация правителя имела большое значение для понимания способа существования ранних государств⁷⁹. Здесь же мы сосредоточим внимание на структурных аспектах этого феномена. По мнению Шварца и др., легитимность — это «тип поддержки, которая проистекает не из применения силы или угрозы ее применить, а из ценностных представлений индивидов, формулирующих, влияющих и подвергшихся воздействию в политических целях»⁸⁰. В более поздней работе Шварц добавляет к этому определению понятие «степени легитимации»⁸¹. При этом он подразумевает, что в реальности политическая система, которая основывалась бы либо только на принуждении, либо только на консенсусах, не обнаружена

⁷⁸ Чешский востоковед. — *Примеч. перев.*

⁷⁹ Claessen H.J.M., Skalnik P. The early state: Theories and hypotheses.

⁸⁰ Political anthropology. P. 10.

⁸¹ Local-level politics. P. 32 ff.

нигде. Всегда будет существовать комбинация и того, и другого, причем степень легитимности определяется относительной долей каждого компонента. В своей более ранней работе я сам пришел к выводу, что: «... только там, где большинство населения принимает власть правителя и считает его законы и правила приемлемыми, будет выявлена достаточная степень соблюдения (законов и правил)»⁸². Маловероятно, что все и всегда будут согласны со всеми правилами, законами или нормами общества⁸³. Всегда будет обнаруживаться некоторая степень принуждения.

Все это ведет к гипотезе о том, что за всякой организацией управления (как племенной, так и более продвинутой) стоит ряд норм и понятий, которые принимаются, по крайней мере, большинством населения. Этот комплекс норм, ценностей, понятий и концепций мы будем называть «идеологией» или, по словам Макайвера, «общественным мифом»⁸⁴. Таким образом, правитель, который управляет в соответствии с идеологией своего общества, может рассматриваться как легитимный⁸⁵. Политические лидеры обычно хорошо это знают и стремятся как можно активнее внедрять такую идеологию⁸⁶, что ставит вопрос об идеологии и легитимности в ранних государствах. В своей главе об Ацтеках Курц убедительно демонстрирует, как внедряется идея легитимности государства и как она эволюционирует по мере его развития. Исследование других государств также дало много данных о легитимности. Оказалось, что такие «мифы» концентрируются, главным образом, вокруг правителя, легитимность других правящих групп обычно восходит к легитимности правителя. Выясняется, что многие структурные характеристики указывают на то, что легитимность правителя основывается на мифической прерогативе (см. структурную характеристику [далее — CX] 21), в результате чего он выступает как сакральный правитель (CX 22), причем самым важным проявлением последнего оказывается посредничество правителя между его народом и сверхъестественными силами; он осуществляет ритуалы (CX 24), а в некоторых случаях он является также верховным жрецом; он задабривает сверхъестественные

⁸² *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 320.

⁸³ *Wertheim W.F.* Evolutie en revolutie. De golfslag der emancipatie [Evolution and revolution]. Amsterdam, 1971.

⁸⁴ *MacIver R.M.* The web of government. Revised edition. N.Y., 1965. P. 13, 58, 88.

⁸⁵ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Studienausgabe. Köln, 1964. S. 739 ff.

⁸⁶ *Claessen H.J.M.* Politieke antropologie. Assen, 1974. P. 72 ff.

силы пожертвованиями (СХ 32). Правитель является также законодателем (СХ 25) и верховным судьей (СХ 26). Будучи верховным главнокомандующим вооруженных сил (СХ 28), он несет ответственность за защиту своего народа. Его щедрость выражается в раздаче даров и выплате вознаграждений (СХ 31). Конечная цель всех этих характеристик — защита от сверхъестественных сил, мирских врагов, бедности и анархии. Предполагается, что там, где есть правитель, имеют место безопасность, порядок и благосостояние. Связь между правителем и его народом, следовательно, можно в принципе рассматривать как реципрокацию: народ поставяет пищу, товары и услуги, а правитель обеспечивает защиту. Обнаружено, что это, в основном, идеологическое представление эксплицитно выражено в некоторых из рассмотренных случаев и неявно в других. Эта точка зрения близка результатам анализа принципа взаимности ван Баалом⁸⁷. И действительно, некоторые его выводы фактически подтверждают нашу собственную гипотезу. Так, например, ван Баал пишет, что реципрокация «может быть как сбалансированной, так и несбалансированной или смешанной там, где сильна сплоченность общества и признаются социальные различия»⁸⁸; он объясняет, что там, где принцип «генерализованной реципрокации» заменяется торговлей, развивается новый тип общества, в котором неравенство становится бедствием, с которым приходится бороться всеми силами.

Такая ситуация создает подходящий климат для классовой борьбы, и труд постепенно становится товаром и объектом торга. Результатом является резкое экономическое неравенство из-за воображаемого экономического равенства⁸⁹. Государство этого типа, очевидно, больше соответствует Крэйдеровской концепции государства, которое он рассматривает как нереципрочное⁹⁰, чем раннему государству, описанному в наших случаях. Это государство основано на другом типе идеологии, и с отмиранием идеологии, основанной на реципрокации (взаимном обмене услугами), раннее государство также отмирает.

⁸⁷ van Baal J. Reciprocity and the position of women. Assen, 1975. P. 65–69.

⁸⁸ Ibidem. P. 67.

⁸⁹ См. также: van Baal J. De agressie der gelijken [The aggression of equals]. Assen, 1974.

⁹⁰ См.: Krader L. Formation of the state; *Idem*. The origin of the state; Claessen H.J.M., Skalnik P. The early state: models and reality // The early state. P. 637–650.

2.11. Неравенство

На первый взгляд эта тема кажется довольно простой. Благодаря вышеприведенному анализу мы уже установили, что население ранних государств было разделено на несколько основных социальных групп, а именно: правителя, аристократию, мелких владельцев и арендаторов (СХ 11, 12, 13), хотя такие следующие за ними группы, как жрецы, ремесленники, слуги и рабы также были достаточно обычными. В результате было определено, что все ранние государства имели высший слой населения и низший слой населения (СХ 14). Связь с производством продуктов питания у некоторых социальных категорий (правители, аристократия, жрецы, джентри, торговцы и ремесленники) была косвенной, у других (мелкие владельцы, арендаторы, слуги и рабы) — прямой (СХ 15, 20). Доступ к основным ресурсам, как выяснилось, был дифференцированным (СХ 18). В целом, в ранних государствах было обнаружено очевидное социальное неравенство, иногда усиленное законами, регулирующими расходы (например, Ацтеки).

При более тщательном изучении оказалось, однако, что ситуация сложнее. Не существует четкого разделения между высшим и низшим слоями по степени близости к контролю над средствами производства. Многие представители высшего слоя фактически сами производят продукты питания на своих собственных полях, а не живут за счет поборов с мелких владельцев. И наоборот, не все группы низшего слоя производят свое пропитание. Все категории обязаны платить налоги и оказывать услуги правителю (СХ 16). Вместе с тем выяснилось, что неравенство существует не только между социальными группами, но и внутри них⁹¹. Все это заставляет нас исследовать социальное неравенство более подробно. Мы ограничим исследование следующими категориями: аристократией и жрецами как представителями высшего слоя, и мелкими владельцами, арендаторами и ремесленниками, включенными в низший слой.

2.11.1. Высший слой

В Таблице 12 мы собрали данные по составу аристократии. С их помощью мы можем получить определенное представление о составе и структуре этой социальной категории, а также о статусе аристократов.

⁹¹ *Khazanov A.M.* Some theoretical problems.

За исключением Норвегии (недостаточно данных), родственники правителя неизменно считались аристократией. Поэтому первая структурная характеристика здесь звучит следующим образом:

(35) *В ранних государствах родственники правителя принадлежат к аристократии* (значимость 100%).

Кроме того, к аристократии принадлежат люди, занимающие высокие должности, что отмечается во всех конкретных исследованиях. Конечно, это частично обусловлено тем, что во многих случаях для таких должностей пригодными считались только люди высокого происхождения. Однако выяснено, что возможно было и обратное. Сложность ситуации не позволила определить другие отличительные особенности «должностной» аристократии.

(36) *Пребывание в высокой должности позволяет отнести человека к аристократии* (значимость 100%).

В 18 случаях было обнаружено, что главы, по крайней мере, ряда кланов (или линияжей, или сопоставимых групп) относились к аристократии. В большинстве случаев «клановая» знать была связана с семьей правителя браками или даже происходила из младших ветвей рода правителя. Также выявляется корреляция с высоким положением (не включена отдельно в Таблицу 12). В двух случаях (Египет и Иберия) получены неопределенные в этом отношении результаты. Джима дала отрицательный результат⁹². Поэтому структурная характеристика здесь следующая:

(37) *В ранних государствах главы некоторых кланов принадлежат к аристократии* (значимость 99%).

В нескольких случаях (Инка, Занде) все члены некоторых кланов относились к аристократии. В этих случаях, однако, были выявлены большие внутренние различия в статусах.

Таблица 12. Принадлежность к аристократии

	родственники правителя	главы линияжей или кланов	владельцы высоких постов	земельные собственники	внутренняя стратификация
Ангкор	X	X	X	X	X
Анколе	X	X	X	–	X
Аксум	X	X	X	0	X

⁹² Личное сообщение проф. Льюиса.

	родственники правителя	главы линьяжей или кланов	владельцы высоких постов	земельные собственники	внутренняя стратификация
Ацтеки	X	X	X	–	X
Китай	X	X	X	0	X
Египет	X	0	X	0	0
Франция	X	X	X	0	X
Гавайи	X	X	X	–	X
Иберия	X	0	X	–	0
Инки	X	X	X	–	X
Джима	X	–	X	X	X
Качари	X	X	X	0	X
Куба	X	X	X	X	X
Маурья	X	X	X	X	X
Монголия	X	X	X	–	X
Норвегия	0	X	X	0	X
Скифия	X	X	X	–	X
Таити	X	X	X	–	X
Вольта	X	X	X	–	X
Йоруба	X	X	X	–	X
Занде	X	X	X	–	X

Только в четырех случаях оказалось, что владение землей само по себе было достаточным условием для включения в аристократию. Как кажется, невысокая значимость придавалась этому фактору не менее чем в 11 случаях. Для шести государств данных было недостаточно. Заключение, которое мы можем вывести из полученных результатов, должно, следовательно, быть следующим: принадлежность к аристократии в меньшей степени основывается на собственности, чем на происхождении и/или занятии высокой должности. Для Анколе, Монголии и Скифии скот принимался в качестве функционального эквивалента земли.

В 19 случаях обнаружено, что аристократия имела внутреннюю стратификацию. Часто существовала целая иерархия статусов: от людей со статусом, близким к статусу правителя, до людей, чья принадлежность к аристократии была лишь минимальной. Критериями для определения положения лица в иерархии были, главным образом, происхождение и занимаемая должность. В некоторых случаях (Таити и Вольта) прямо упоминалось, что люди аристократического происхождения могли со временем терять

свой аристократический статус. Это также вероятно для Франции и Качари. Структурную характеристику мы можем определить так:

(38) *В ранних государствах аристократия стратифицирована в соответствии с происхождением и занимаемой должностью (значимость 100%).*

Сопоставительная роль назначения и наследования будет рассмотрена в разделе 2.12.

Еще одну группу высшего уровня образуют жрецы. В отличие от аристократии с довольно нечеткими критериями статуса, положение жрецов, обусловленное очевидными требованиями, вполне определено. Ван Баарен⁹³ даже говорит о «профессиональном характере» жречества⁹⁴. Данные, касающиеся жрецов в исследованных случаях, были, к сожалению, довольно ограничены как по охвату материала, так и по его глубине, тогда как в главах об Анколе и Монголии их фактически не было совсем (за что следует винить нас с П. Скальником, поскольку мы не запрашивали у авторов «Раннего государства» подробностей о жрецах). Поэтому в наших сравнениях, касающихся жрецов, мы работали с 19 случаями вместо 21. Для Норвегии будет рассматриваться только более ранний период. Для Гавайев данные добавлены из других источников⁹⁵. Данные для Волты ограничиваются жрецами. Все данные собраны в Таблице 13.

Таблица 13. Жрецы

	правитель или близкий родственник — верховный жрец	правитель исполняет ритуалы	иерархическая организация	обучение	участие простых людей	поддержка общественного мифа	функционары-специалисты
Ангор	–	X	X	0	0	X	X
Анколе							
Аксум	0	X	X	0	0	X	0
Ацтеки	X	X	X	X	0	X	X

⁹³ van Baaren Th.P. Wij mensen. Religie en wereldbeschouwing bij schriftloze volken [Religion and the philosophy of life of primitive peoples]. Utrecht, 1960. P. 153.

⁹⁴ Keesing F.M. Cultural anthropology. N.Y., 1958. P. 338.

⁹⁵ Davenport W. The Hawaiian cultural revolution. P. 7 ff.

	правитель или близкий родственник — верховный жрец	правитель исполняет ритуалы	иерархическая организация	обучение	участие простых людей	поддержка общественного мифа	функционалы-специалисты
Китай	–	X	X	0	0	X	X
Египет	X	X	X	0	0	X	0
Франция	–	X	X	X	0	X	X
Гавайи	–	X	X	X	0	X	X
Иберия	X	X	X	0	–	X	0
Инки	X	X	X	X	X	X	X
Джима	–	X	–	X	X	0	X
Качари	–	X	X	X	0	0	X
Куба	X	X	0	0	0	X	X
Маурья	–	0	0	X	0	X	X
Монголия							
Норвегия	–	X	–	0	–	0	–
Скифия	X	X	0	0	–	X	0
Таити	X	X	X	X	X	X	X
Вольта	–	0	X	0	X	X	X
Йоруба	X	X	X	0	0	X	X
Занде	–	X	–	X	0	X	X

Эти довольно скудные данные показывают, что существуют тесные связи между правителем и жречеством. В 17 случаях правитель сам выполнял ритуалы (в действительности, он также осуществлял ритуалы в Анколе, государстве, которое выпало из рассмотрения в этой таблице, ср. СХ 24). В восьми случаях верховным священником был либо он сам, либо его близкий родственник.

Поддержка жречеством идеологического или мифологического обоснования легитимности власти была обнаружена в 17 случаях, отрицательных же результатов по этому пункту не было. Это позволяет сформулировать следующую структурную характеристику:

(39) *В ранних государствах жречество поддерживает идеологическое обоснование власти (значимость 100%).*

В 13 случаях жрецы также выполняли важные политические функции (72%). С другой стороны, только в четырех случаях

упоминалась возможность для простых людей стать жрецом. При оценке этого утверждения, однако, мы должны иметь в виду, что не менее чем в 13 случаях данных по этому вопросу не было. Профессиональный характер жречества подтверждается специальным обучением жрецов в девяти случаях. Иерархия жрецов упоминалась для 13 государств. Последний факт указывает на существование неравенства в статусе в среде жречества.

В параграфе 2.9.2. мы анализировали связь аристократии и жречества со средствами производства. Обе категории лишь косвенно вовлекались в производство продуктов пропитания. Дань, в любой форме, была основным источником дохода аристократии (СХ 19), в то время как она составляла, по крайней мере частично, основу дохода жречества в восьми из 14 случаев. Доход, также частично, зависел от даров и вознаграждений в шести из 14 случаев (Таблица 7).

2.11.2. Низший слой

Подобно высшему слою, низший слой также обнаружил заметные внутренние различия. Мелкие владельцы и арендаторы являются непосредственными производителями продуктов питания (Таблица 7); ремесленники имеют лишь косвенные связи с производством продуктов питания, однако они участвуют в материальном производстве. В то же время мелкие владельцы имеют определенные права на землю, тогда как арендаторы и ремесленники только изредка имеют собственную землю. Существует также много свидетельств того, что к различиям в статусе представителей низшего слоя приводят такие факторы как возраст, индивидуальные способности, положение в роде и т. д.

Таблица 14 представляет данные, касающиеся прав и обязанностей простолюдинов. Недостаток соответствующих данных сделал невозможным более детальную репрезентацию материала. Это не означает, что по этому вопросу совсем нет информации; как продемонстрировано в работе «Of princes and peoples», тщательное исследование может выявить много подробностей⁹⁶. Однако, как и в случае жречества, вина за недостаток данных падает, прежде всего, на редакторов, поскольку они не запросили более детальной информации по этому вопросу.

⁹⁶ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 282–307.

В связи с этим мы свели вместе данные по:

– влиянию простолюдинов на правительство; здесь мы не делали различия между прямым, косвенным или институционализированным влиянием и т. д., но отмечали только его наличие или отсутствие;

– возможности апелляции по судебным вопросам, как свидетельство существования апелляционных судов;

– праву на вознаграждение за работу, выполненную для государства, его функционеров или аристократии;

– праву на определенную форму защиты в критических случаях (например, дефицит продуктов питания, война и т. п.).

Данных по обязательствам простых людей было доступно больше. Мы смогли получить сведения по следующим вопросам:

– обязанность платить налоги и/или дань или арендную плату либо делать пожертвования;

– обязанность помогать в строительстве основных инженерных сооружений;

– обязанность выполнять функции слуг (например, работать на земле глав кланов или других нобилей или функционеров, помогая в ремонте домов, заборов и т. д.);

– обязанность удовлетворять сексуальные запросы (например, поставлять девушек для гаремов, соблюдать право первой ночи и т. д.);

– обязанность нести военную службу.

Были добавлены данные для Джимы⁹⁷ и Монголии⁹⁸. Положительные результаты по конкретным аспектам не означают, что простые люди всегда должны были исполнять все указанные обязанности, а просто констатируют, что эти обязанности выполнялись. Частота исполнения обязанностей не анализировалась.

Данные Таблицы 14 достаточно ограничены. Единственным правом, которое часто упоминается, является право платежа за услуги, по которому получено 15 положительных результатов, в то время как для шести случаев данных не было. Другие права упоминались даже еще реже. Что касается влияния на правительство, то только семь случаев дали положительные результаты, а шесть — отрицательные, тогда как право на апелляцию отмечено

⁹⁷ Личное сообщение проф. Льюиса

⁹⁸ *Krader L. Formation of the state. P. 88 ff.*

в 13 случаях, а в двух — отмечено его отсутствие. Право на защиту получило шесть положительных результатов, для 14 данных не было.

Сведения об обязательствах более многочисленны. Обязательство платить налоги обнаружено во всех случаях. Следовательно, структурная характеристика имеет вид:

(40) *Во всех ранних государствах простолюдины имеют обязанность платить налоги, дань или сопоставимые сборы (значимость 100%).*

Обязанность нести военную службу не обнаружена только один раз (во Франции), в то время как для Египта данные были недостаточны. Структурная характеристика:

(41) *В ранних государствах на простолюдинов обычно возлагается обязанность нести военную службу (значимость 99%).*

Обязанности прислуги были отмечены в 20 случаях, не было данных для Аксума. Следовательно:

(42) *В ранних государствах на простолюдинов возлагалась обязанность прислуживать государству, аристократии или функционерам (значимость 100%).*

Таблица 14. Права и обязанности простолюдинов

	влияние на правительство	права			обязанности				
		право на апелляцию	право на оплату услуг	право на защиту	обязанность платить налоги	поставка рабочей силы на строительство	прислуживание	сексуальные услуги	военная служба
Ангкор	0	X	X	0	X	X	X	X	X
Анколе	–	X	X	0	X	–	X	0	X
Аксум	0	X	0	0	X	X	0	0	X
Ацтеки	0	X	X	X	X	X	X	0	X
Китай	X	0	X	0	X	X	X	–	X
Египет	0	0	X	X	X	X	X	0	0
Франция	–	X	X	0	X	X	X	0	–
Гавайи	0	–	X	X	X	X	X	0	X
Иберия	X	0	0	0	X	X	SeX	0	X
Инки	–	X	X	X	X	X	X	X	X

	влияние на правительство	права			обязанности				
		право на апелляцию	право на оплату услуг	право на защиту	обязанность платить налоги	поставка рабочей силы на строительство	прислуживание	сексуальные услуги	военная служба
Джима	X	X	X	X	X	X	X	0	X
Качари	0	0	0	0	X	X	X	X	X
Куба	X	X	X	0	X	X	SeX	0	SIVolX
Маурья	0	X	X	0	X	X	X	0	X
Монголия	–	0	0	0	X	–	X	0	X
Норвегия	X	0	0	X	X	–	SI	0	X
Скифия	0	X	X	0	XSe	–	SeX	0	X
Таити	X	–	X	0	X	X	X	0	X
Вольта	X	X	X	0	X	–	SeX	XSe	SeX
Йоруба	–	X	X	0	X	X	XSe	0	X
Занде	–	X	0	0	X	X	X	0	X

Условные обозначения: Se — выполнялись слугами или привлеченными крестьянами, SI — выполнялись рабами, Vol — выполнялись добровольцами.

Менее обычной была обязанность обеспечивать рабочую силу для строительства и ремонта дорог, ирригационных систем и дворцов. Этот аспект дал положительные результаты в 16 случаях и отрицательные в пяти. Обязанность предоставлять сексуальные услуги была обнаружена лишь в четырех случаях (Анкор, Инка, Качали и Вольта). Однако только в Китае было четко установлено, что этой обязанности не существовало.

Данные Таблицы 14 вполне убедительно показывают, что простолудины — т. е. представители низшего слоя — имели, вообще говоря, мало прав и много обязанностей.

2.11.3. Высший слой в сравнении с низшим

В этом разделе мы обсудим общие различия между высшей и низшей стратами. Чем они отличаются и в чем сходны, если сходство существует? На последний вопрос можно ответить только весьма общими утверждениями типа: оба слоя принадлежат к одному и тому же политическому образованию; предполагается,

что оба слоя разделяют одну и ту же основную идеологию. Одним из немногих наиболее специфических общих аспектов является обязанность всех категорий населения (за исключением торговцев) предоставлять услуги государству (Таблица 7, СХ 16). Очевидно, что различия являются более важными.

Найти общий принцип или основополагающую идею, которые обуславливали бы различия между высшим и низшим слоями, непростая задача. Ряд характеристик, отличающих высший слой от низшего, кажущихся очевидными и часто упоминаемых: такие как власть, владение землей или высокий статус, оказываются лишь производными либо результатами факторов, стоящих за этими характеристиками. Для ранних государств можно предположить в качестве первого отличительного признака дистанцию от линияжа правителя. Вторым отличительным признаком может быть фактическое пребывание в должности в противоположность получению должности на основании происхождения. Функционеры этого типа часто встречаются среди придворных, советников или должностных лиц со специальными знаниями в области администрирования. Салинз и Крэйдер⁹⁹ намекнули на возможность использования первого из этих признаков в качестве отличительного раньше нас. Из исследованных случаев наиболее яркие примеры такой ситуации обнаружены в Качари и Таити. Нижеследующие наблюдения, как мы считаем, поддерживают нашу гипотезу. Что касается аристократии, то семья правителя представляла одну из основных составных частей аристократии (СХ 35). Кроме того, главы некоторых кланов или линияжей и их ближайшие родственники принадлежат к аристократии (СХ 37). Они связаны с семьей правителя происхождением или браками. В этом контексте оказывается важным, что внутренняя стратификация внутри аристократии (СХ 38) зависит обычно от относительной дистанции от линияжа основателей клана или порядка рождения. В некоторых случаях младшие сыновья младших линий постепенно полностью теряют статус аристократов, т. к. социальная дистанция от старших родов становится слишком большой. Иногда рабы, поставленные на высокие посты, также обретали нечто вроде статуса аристократа (Йоруба). Военная группа также всегда состояла из аристократов и вообще не обра-

⁹⁹ *Sahlins M.D.* Social stratification in Polynesia. Seattle, 1958; *Krader L.* Formation of the state. P. 87.

зовывала отдельной категории (ср. Таблицу 4). Часто считалось, что жречество имеет близкие родственные отношения с правителем (СХ 24). Это подчеркивается тем, что только в четырех случаях упоминались простолюдины, получившие возможность стать жрецами (Таблица 13). Между простолюдинами и семьями правителей родственные связи вообще не были обнаружены. Это отличие во всех случаях настолько маркировано, что мы даже представляем его в виде структурной характеристики:

(43) *В ранних государствах не существует родственных связей между правителем и его семьей, с одной стороны, и простолюдинами, с другой* (значимость 100%).

В некоторых случаях существовали смутные представления, что правители и подданные принадлежат к одному огромному клану или рэмеджу¹⁰⁰ (как на Таити), но это не имело каких-либо практических последствий.

Таким образом, наиболее благоприятное положение высшего слоя, проявляющееся в

- высоком правительственном и идеологическом положении,
- доходе, основанном на дани и вознаграждении, и
- высоком социальном статусе,

чаще всего является результатом тесной связи с родом правителя. Простолюдины, не имеющие такой связи, вынуждены довольствоваться худшим положением, отражающимся в

- ограниченном влиянии на правительственные решения;
- ограниченном доступе к идеологически значимым позициям;
- обязанности платить налоги и дань, поставлять рабочую силу и нести военную службу.

На высшем уровне принцип реципрокности, описанный в параграфе 2.10.5, предполагает получение большего количества лучших вещей от правителя в обмен на услуги, оказанные ему и государству на ответственных постах. Труд и платежи простолюдинов возмещаются не столько в материальной, сколько в духовной форме благ, защиты (или ее знаков) и даров (см. комментарии Кандерта относительно такой ситуации в Занде)¹⁰¹.

Эта система с самого начала содержит семена своего собственного разрушения. Когда дальнейшее развитие оказывает все

¹⁰⁰ Рэмедж — неэкзогамная, внутренне стратифицированная, однолинейная (патрилинейная) группа потомков на Таити. — *Примеч. ред.*

¹⁰¹ *Kandert J. Zande // The early state. P. 511–529.*

возрастающее давление на существующие материальные цели, когда частная собственность на средства производства сменяет общественное владение и когда угасает сознание взаимных обязательств (фактических или фиктивных), тогда главенствующий в раннем государстве принцип взаимности услуг (реципрокности) теряет свою силу. В этих условиях возникнет новый тип государства, зрелый, в котором ключевым свойством станет антагонизм между полностью развившимися к этому времени социальными классами. Государство, описанное Крэйдером¹⁰², более похоже на последнее, чем на раннее государство, исследуемое в книге «Раннее государство».

2.12. Структура административного аппарата

Административный аппарат, необходимый для того, чтобы государство функционировало гладко, неизбежно является сложным. Существует множество необходимых функций, и часто действия, связанные с исполнением разных функций, совпадают или противоречат друг другу. Во всех государствах система, которая была принята в конкретной ситуации, с течением времени развивалась. Из-за этого степень схожести исследованных нами государств довольно низка. Однако если взглянуть за кулисы многочисленных учреждений, можно различить общие структуры. Существование схождений, функциональных эквивалентов и соответствий объясняется тем, что проблемы, требующие разрешения, почти всегда были одни и те же, а именно:

- как разработать конкретные законы и правила;
- как заставить людей соблюдать эти законы и правила;
- как, при необходимости, заставить или принудить людей сделать определенные вещи;
- как защитить государство от внешних опасностей;
- как поддержать существующий общественный порядок;
- как финансировать государственный аппарат.

Количество населения в раннем государстве и протяженность его территории делают неизбежным делегирование обязанностей и полномочий. Даже поверхностное рассмотрение исследованных случаев делает ясным, что это — структурная характеристика всех ранних государств. Следовательно:

¹⁰² *Krader L. The origin of the state; ср. также анализ Ван Баала (van Baal J. Reciprocity and the position of women. P. 67 ff.).*

(44) Во всех ранних государствах делегирование обязанностей и полномочий составляет принцип политической организации (значимость 100%).

Для определения организационной структуры заманчиво использовать такие термины как «бюрократия» или «политическая машина». Однако если мы обратимся к веберовской характеристике концепции «бюрократия»¹⁰³, то обнаружим так много свойств, которые не наблюдаются в организации ранних государств, что мы не решаемся использовать этот термин. То же самое характерно для понятия «политическая машина», изученного Баксом¹⁰⁴. Поэтому мы будем использовать более общий термин «аппарат».

С помощью управленческого аппарата правитель способен решать многие вышеуказанные задачи. Проблема, которая возрастает с развитием аппарата, состоит в том, как удержать его в руках. Что следует делать, чтобы предотвратить переход исполнения всех должностных обязанностей правителя в руки аппарата?

В следующих разделах будет рассмотрена структура аппарата управления. Проблемы делегирования и сохранения власти подробно обсуждены Скальником¹⁰⁵.

2.12.1. Типы функционеров и уровни, на которых они действуют

При довольно широком обобщении должностных лиц, составляющих аппарат, можно разделить на:

– тех, кто непосредственно связан с подготовкой и исполнением законов и правил; эту категорию можно, в свою очередь, подразделить на:

(а) общих функционеров (*general functionaries*), деятельность которых охватывает ряд видов правительственных обязанностей;

(b) функционеров-специалистов (*special functionaries*), чья государственная деятельность ограничивается только одним из аспектов управления;

(с) прочих, кто, вследствие специального статуса или должности, оказывает влияние на правительственные решения, но чья основная профессия прямо не связана с правительством (жрецы, придворные, солдаты и т. д.);

¹⁰³ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 703 ff.

¹⁰⁴ Bax M. *The political machine and its importance for the Irish republic* // *Political Anthropology*. 1975. Vol. 1:1. P. 6–20. P. 7 ff.

¹⁰⁵ Skalnik P. *The early state as a process* // *The early state*. P. 597–618.

– тех, кто является членами советов, судов или комитетов и, как таковые, более или менее анонимны;

– тех, кто занимает должности в контролирующих органах.

Очевидно, что не исключена значительная степень совпадения действий, тогда как некоторые должностные лица могут занимать место в более чем одной из названных категорий.

Сначала мы обсудим «общих функционеров» и «специалистов», или, другими словами, более или менее «видимых» функционеров. Затем обратимся в членам советов и людям, только оказывающим «влияние» — т. е. тем, кто более или менее «невидим»¹⁰⁶.

В Таблице 15 мы свели вместе данные, касающиеся общих функционеров. Здесь мы проводим различие между следующими свойствами:

– Уровень, на котором они действуют, а именно: национальный (N), региональный (R) или местный (L).

– Тип преемственности, а именно: наследование (H), назначение (A) или избрание (E).

– Получение дохода от статуса, т. е. вознаграждения, получаемого функционером в прямой связи с исполнением своих обязанностей¹⁰⁷.

– Право предпринять независимое действие.

– Осуществление контроля функционерами более высокого уровня.

– Участие в отправлении правосудия.

– Обязанность собирать налоги или дань.

– Военные обязанности: от обязанности действовать в качестве командира вооруженных сил до простого обязательства набирать рекрутов в вооруженные силы.

В немногих случаях мы ввели букву «I», означающую «ограниченную важность». Кроме того, следует иметь в виду следующее: в случае Египта мы считали правителей номов региональными должностными лицами. Визирь, должность которого появилась во времена царствования Джосера, считается общим функционером на национальном уровне.

¹⁰⁶ Вебер (*Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 700) давно отметил, что многие правительственные действия имеют секретные аспекты и что это даже необходимо для эффективного выполнения правительственных задач.

¹⁰⁷ *Ibidem*. S. 698.

Таблица 15. Общие функционеры

	уровни			способ преемст- венности			доход от статуса			право на независимые действия			контроль сверху			судебные функции			сбор налогов			военные обязанности				
	N	R	L	N	R	L	N	R	L	N	R	L	N	R	L	N	R	L	N	R	L	N	R	L		
																									N	R
Ангкор	-	X	X			A/N	A/N	0	0	0	X	0	0	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
Анколе	XI	X	X	A/N	A/N	H	0	0	0	0	X	X	0	-	X	0	X	0	X	0	X	0	X	0		
Аксум	0	X	X	A/N	A/N	A/H	0	0	0	0	X	X	0	X	0	0	0	0	0	0	X	0	X	0		
Аптеки	X	X	X	A/N	A/N	A	X	X	X	0	X	X	0	X	X	X	0	X	X	0	X	0	0	0	0	
Китай	0	X	X	0	A/N	A/H	0	-	0	0	X	0	0	X	X	0	X	X	0	X	X	-	-	-		
Египет	XI	X	0	A/N	A/N	0	X	X	0	0	X	X	0	X	X	0	X	0	0	0	0	0	0	0	0	
Франция	X	X	X	A/N	A/N	A/H	X	X	X	0	X	X	0	X	X	X	0	X	X	0	X	0	-	-	-	
Гавайи	X	X	X	A	H	H	X	X	X	X	X	0	X	X	X	0	0	0	0	0	X	X	0	X	X	
Иберия	X	X	X	0	A/N	A	0	X	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X	X	0	X	0	X	0		
Инки	X	X	X	A/N	A/N	A/0	X	X	0	X	X	X	0	X	X	X	0	X	X	0	X	X	X	X	0	
Джима	XI	X	X	A	A	A	X	X	X	X	XI	X	X	X	X	X	X	X	-	-	-	XI	XI	XI	XI	
Качари	X	X	X	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X	X	X	X	0	0	0		
Куба	X	X	X	A/N	A/N	E/H	X	X	0	0	XI	X	X	X	X	0	0	0	0	0	X	X	0	0	0	
Маурья	X	X	X	A	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X	X	0	X	0	0	0		
Монголия																										
Норвегия																										
Скифия	X	X	X	H/A	H/A	H/0	0	0	0	0	X	0	0	X	0	0	X	X	0	X	X	0	0	X	X	
Таити	XI	X	-	H	H		X	X		X	XI	XI	0	XI	0	0	X	X				0	-	-	-	
Вольга	X	-	X	A/N	A/N	A/H	X		X	0	X	X		X	X		X	X				X	X	X	X	
Йоруба	X	X	X	A	A	A	0	X	X	0	X	X	0	X	X	-	X	X				X	X	0	X	X
Занде	0	X	X	0	A/N	A	0	0	0	0	X	X	0	X	X	0	X	X				X	X	0	X	

Условные обозначения: N — национальный уровень, R — региональный уровень, L — местный уровень; I — ограниченной важности; A — назначение, H — наследование, E — избрание.

Что касается Франции, очевидно, что государство уже возникло со специалистами. Более общие типы функционеров, такие как бальи, прево и викарии, появились или, скорее, возродились несколько позднее.

Для Монголии по этому аспекту не было данных, поэтому она была исключена из рассмотрения, тогда как для Норвегии мы ограничили наш анализ только наиболее ранним периодом. Для Таити были добавлены некоторые данные¹⁰⁸.

В 19 исследованных случаях обнаружено, что функционеры национального уровня упоминались 15 раз, региональные функционеры 18 раз, а функционеры местного уровня — 16 раз. Негативные результаты о функционерах национального уровня были получены в Ангкоре, регионального уровня — в Вольте и местного уровня — на Таити. Отсутствие общих должностных лиц на национальном уровне можно легко объяснить наличием энергичных правителей, которые, по сути, сами являлись общими функционерами. В качестве структурной характеристики можно предположить:

(45) *В ранних государствах обычно существует трехуровневый административный аппарат* (значимость 99%).

(46) *В ранних государствах общие функционеры действуют главным образом на региональном уровне и несколько реже на национальном и местном уровнях* (значимость 99%).

В 13 случаях в системе преемственности сочетались назначения и наследование. Обычно это означало, что определенная должность наследовалась представителями одного клана или линияжа, но члены какого именно клана или линияжа получают назначение, определялось достижениями, личными способностями или состязанием (как в Вольте). В других случаях замещаемые только по назначению и только наследуемые должности существовали бок о бок. Вообще говоря, правитель стремился к назначению функционеров, тогда как функционеры, напротив, боролись за то, чтобы сделать свои должности наследуемыми их семьями. Только в Джиме и Йоруба заметно преобладала практика назначений. На Гавайях и Таити преемственность была преимущественно наследственной.

Связь между доходом и должностью осталась неясной из-за недостатка данных:

¹⁰⁸ *Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken. P. 15.

– На национальном уровне девять случаев показали положительные результаты, в восьми случаях не было данных.

– На региональном уровне положительными оказались шесть случаев, в шести случаях не было данных.

– На местном уровне шесть случаев дали положительные результаты, для восьми случаев не было данных.

Такая же неясность обнаруживается в отношении «независимости действия» и «контроля со стороны высших должностных лиц». Лишь в нескольких случаях были получены недвусмысленно положительные или отрицательные данные. Единственное заключение, которое нам кажется обоснованным, состоит в том, что функционеры на региональном уровне пользуются максимальными полномочиями, но в то же время подвергаются максимальному контролю.

Среди множества обязанностей самой заметной оказывается сбор налогов (дани, податей); выполнение судебных и военных функций закреплено за специалистами.

Таблица 16 содержит данные, касающиеся «специалистов». В этой таблице мы ограничились теми же аспектами, как и в случае «общих функционеров». Следствием этого ограничения стало то, что некоторые интересные данные не отразились в таблице. Поэтому мы обсудим их в тексте.

– Иберия, Инка и Маурья имели специалистов высокого уровня, которым поручался надзор за крупномасштабными сооружениями (ирригация, дороги и т. п.).

– Для Ацтеков, Китая, Египта и Франции упоминались высокопоставленные функционеры, которым были поручены заботы о дворе правителя или экономике.

Таблица 16. Функционеры-специалисты

	уровень		способ преемственности		доход от статуса		право на независимые действия		контроль сверху		судебные функции		сбор налогов		военные обязанности	
	В	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М
Ангкор	X	X	А/Н	А/Н	X	X	0	0	0	0	0	X	X	X	0	0
Анколе	X	X	Н	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X	0	0	X
Аксум	X	0	А/Н	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X	0	X	0

	уровень		способ преемст- венности		доход от статуса		право на независимые действия		контроль сверху		судебные функции		сбор налогов		военные обязанности	
	В	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М	Н	М
Ацтеки	X	X	A/N	A	X	X	0	0	0	X	0	0	0	X	0	0
Китай	X	X	A/N	0	–	0	0	0	0	0	0	X	X	0	X	0
Египет	X	0	A	0	X	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Франция	X	0	A	0	X	0	0	0	0	0	0	0	X	0	X	0
Гавайи	X	X	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X	0	X	0
Иберия																
Инки	X	X	A/N	A/N	X	X	0	0	X	X	X	X	X	X	X	X
Джима	X	X	A	A	X	X	0	0	X	X	X	Xl	X	X	X	Xl
Качари	X	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X	0	0	0	0	0
Куба	X	0	A	0	X	0	0	0	0	0	0	0	X	0	X	0
Маурья	X	X	A/N	0	0	0	0	0	0	0	X	0	X	X	0	0
Монголия																
Норвегия	X	X	0	0	0	0	X	0	0	0	0	0	X	X	0	X
Скифия																
Таити	X	X	Н	Н/А	0	0	X	X	0	0	–	–	–	–	X	X
Вольга	X	–	A/N		X		0		0		0		0		0	
Йоруба	X	0	A	0	X	0	0	0	X	0	X	0	X	0	X	0
Занде	–	X	0	A/N	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X

Условные обозначения: В — высший уровень, М — средний уровень, l — ограниченного значения, А — по назначению, Н — наследование.

В Таблице 16 из рассмотрения исключены Иберия, Монголия и Скифия из-за недостатка данных. Для Ацтеков некоторые данные были добавлены из работы Сустеля¹⁰⁹.

Различались функционеры-специалисты «высшего» и «среднего» уровней. Первый включает функционеров национального уровня, таких как министры и т. п. Функционеры среднего уровня сравнимы по статусу с региональными общими функционерами (Таблица 15). Из 18 исследованных случаев наличие специалистов высшего уровня обнаружено не менее, чем в 17. Эти данные пригодны для формулировки следующей структурной характеристики:

¹⁰⁹ *Soustelle J. Zo leefden de Azteken bij the invasie van de conquistadores.*

(47) В ранних государствах функционеры-специалисты обнаруживаются обычно на высшем уровне административного аппарата (значимость 99%).

Данные по среднему уровню менее однозначны. Только 11 случаев показали положительные результаты. Способ преемственности должностей, как и в случае общих функционеров, представлял смесь назначений и наследования. Однако, оказывается, назначения специалистов несколько менее часты, чем «общих функционеров». На высшем уровне назначения обнаружены в пяти случаях, наследование — в двух, а их сочетание — в семи; в четырех случаях не было доступных данных. На среднем уровне назначения выявлены в двух случаях, наследования — ни в одном, их сочетание — в четырех; не было данных для 12 случаев.

Эта ситуация, вероятно, связана с тем, что для занятия должностей такого типа необходимы специальные знания или особые личные качества¹¹⁰.

Данные по использованию доходов от статуса, независимости действий или контролю со стороны высших чиновников также слишком ограничены, чтобы дать какое-либо четкое представление об этих вопросах. Кроме того, оказалось, что отправление правосудия является функцией специалистов лишь в немногих случаях. В разделе 2.12.2 мы возвратимся к этому. На специалистов чаще возлагался сбор налогов. На высшем уровне это было отмечено 13 раз, а на среднем — шесть раз. Военные обязанности оказались регулярно связанными со специалистами: в десяти случаях на высшем уровне и в шести случаях — на среднем.

2.12.2. Анонимные функционеры

Функционеры этой категории плохо уловимы. Они либо исполняют обязанности специалистов, таких как жрецы, военачальники или придворные, и используют свой статус, как таковой, чтобы оказывать влияние на политику правительства, либо теряются в таких коллективных органах, как советы, дворы или комитеты. Тем не менее, эти лица реально играют важную роль в правительстве раннего государства. Поэтому мы обобщим ограниченную информацию, собранную по этому вопросу.

¹¹⁰ Claessen H.J.M. From rags to riches — and the reverse // Rule and reality. Essays in honor of Andre J.F. Kobben / Ed. P. Kloos, K.W. van der Veen. Amsterdam, 1975. P. 46.

Члены коллективных органов обычно не упоминаются индивидуально. Об их существовании свидетельствует только само наличие рассматриваемых органов. Поэтому будет рассмотрена лишь деятельность этих органов.

Соответствующие данные сведены в Таблицу 17. В первом столбце количество крестиков показывает количество органов, которые были обнаружены в данном случае. Их функции подразделяются на консультативные, отправление правосудия, подготовку законов и принятие «серьезных решений». Это последнее означает, что важные решения (например, касающиеся объявления войны) зависят от определенных советов.

Таблица 17. Коллективные органы

	количество консультативных органов	задачи			
		совеща- тельные	судебные	законо- творческие	принятие серьезных решений
Ангор	XX	X	X		
Анколе	X	X	X		
Аксум	0				
Ацтеки	XX	X	XX		
Китай	–				
Египет	0				
Франция	XX	X	X		
Гавайи	X	X			
Иберия	0				
Инки	XX	X	X	X	X
Джима	X		X		
Качари		0	0		
Куба	XXXX	X	X	X	X
Маурья	XX	X		X	
Монголия	X	X			
Норвегия	X	X	X	X	
Скифия	X	X			
Таити	X	X			
Вольта	X	X	X		
Йоруба	XXX	X	X	X	
Занде	–				

Таблица 17 показывает, что Китай и Занде явно не имели коллективных органов в правительственной организации. Для Аксума, Египта, Иберии и Качари данных по этому аспекту не имеется. В остальных 15 случаях было обнаружено, что консультативная функция была самой заметной, она выявлена в 14 случаях. Установлено, что отправление правосудия было одной из обязанностей советов в десяти случаях. Влияние на законодательство упоминалось в пяти случаях. Только в двух ранних государствах серьезные решения принимались помимо совета. Конечно, наиболее вероятно, что за «консультативными функциями» скрывалось влияние на серьезные решения. Однако эксплицитно оно упоминалось только в двух случаях.

На этой стадии сопоставления можно сказать кое-что еще об отправлении правосудия. В Таблице 9 отмечено наличие формальных судов для Ангкора, Ацтеков, Франции, Джимы, Инка, Качари, Кубы и Маурьи. Однако оказывается, что Таблица 16 демонстрирует совсем иную картину: специалисты, занимающиеся судебной деятельностью, не упоминаются для Ацтеков, Франции и Кубы, то же касается Китая. С помощью данных Таблицы 17 мы можем сейчас разрешить эти кажущиеся противоречия. Дело в том, что суды у Ацтеков (частично), во Франции и Кубе были «скрыты» в коллективных органах, тогда как китайские специалисты в Таблице 16 имели только надзорные функции.

Теперь рассмотрим лиц с «неформальным влиянием». Проблема состоит в том, что влиятельные люди часто уже являются членами какого-либо совета и, благодаря этому, оказывают официальное, институционализированное влияние на государственную политику. Так как состав коллективных органов далек от ясности, а «неформальное» влияние членов ближнего круга, личных друзей, придворных и т. д. установлено в большинстве исследованных случаев, мы полагаем оправданным уделить некоторое внимание этим вопросам. В Таблице 18 мы свели вместе данные по:

– двору, отмечая его существование и подразделяя дворы в соответствии с влиянием, которое они оказывали на политику;

– родственникам правителя; в этой категории мы проводили различие между влиянием, оказываемым супругой правителя, его другими женами (гарем), его наследниками или его братьями, кузенами и т. д., и влияниями вообще в тех случаях, когда данные не позволяют разграничить вышеупомянутые категории;

– жречеству; здесь мы также проводили различие между влиянием, оказываемым определенными функционерами, и влиянием вообще;

– военачальникам, между которыми мы проводили различие аналогичным образом.

Были добавлены данные для Ацтеков¹¹¹, Инка¹¹² и Таити¹¹³.

Двор обнаружен повсеместно (ср. СХ 34). Его влияние на политику упоминалось 18 раз. Следовательно, это структурная характеристика:

(48) *Обычно в ранних государствах придворные оказывают влияние на политические дела (значимость 100%).*

Влияние семьи правителя упоминалось не менее 20 раз (нет данных по Качари).

(49) *Члены семьи правителя оказывают влияние на политические решения во всех ранних государствах (значимость 100%).*

Более конкретное влияние, оказываемое супругой правителя, упоминалось в десяти случаях, а влияние гарема — в восьми случаях. Влияние сыновей, братьев и др. отмечено 14 раз. Только два раза упоминалось, что наследник правителя играет роль в принятии решений, в то время как не менее чем в шести случаях такого влияния не существовало. Это является следствием того, что часто заранее неизвестно, какой из сыновей правителя будет его наследником.

Таблица 18. Неформальное влияние

	двор		родственники правителя					жрецы			военные	
	наличие двора	влияние на политику	супруга	другие жены	наследники	братья	общее влияние родственников	общие функционеры	специалисты	общие функционеры	специалисты	
Ангкор	X	X	X	X	–	X	X	0	X	X	X	
Анколе	X	X	X	0	0	X	X	0	0	0	X	
Аксум	X	0	X	0	0	0	X	0	X	0	X	
Ацтеки	X	X	0	0	–	X	X	0	X	0	X	

¹¹¹ Soustelle J. Zo leefden de Azteken bij the invasie van de conquistadores. P. 108 ff.

¹¹² Claessen H.J.M. Van vorsten en volken. P. 15 ff.

¹¹³ Ibidem. P. 14 ff.

	двор		родственники правителя					жрецы		военные	
	наличие двора	влияние на политику	супруга	другие жены	наследники	братья	общее влияние родственников	общие функционеры	специалисты	общие функционеры	специалисты
Китай	X	X	X	X	X	X	X	X	X	0	X
Египет	X	0	X	0	0	X	X	0	X	–	–
Франция	X	X	X	–	X	X	X	X	X	X	X
Гавайи	X	X	X	X	0	0	X	X	X	X	0
Иберия	X	X	0	0	0	X	X	0	X	0	X
Инки	X	X	X	0	X	X	X	X	X	0	X
Джима	X	X	0	X	X	X	X	X	X	0	0
Качари	X	0	0	0	0	0	0	X	0	0	0
Куба	X	X	0	X	0	0	X	X	X	0	0
Маурья	X	X	X	X	X	0	X	X	X	0	X
Монголия	X	X	0	0	0	X	X	0	X	0	X
Норвегия	X	X	0	0	0	0	X	–	–	0	X
Скифия	X	X	0	0	0	X	X	0	X	0	0
Таити	X	X	X	–	–	X	X	X	X	X	X
Вольта	X	X	0	X	–	0	X	X	X	0	X
Йоруба	X	X	0	X	–	X	X	X	X	–	X
Занде	X	X	–	–	–	X	X	X	–	X	0

Жрецы оказывали общее влияние на принятие решений в 17 случаях, тогда как в двух случаях данные были недоступны (Анколе и Качари). Для (ранней) Норвегии и Занде результат был отрицательный. Так как в Качари и Занде выявлено, что влияние конкретных жрецов играло определенную роль, мы считаем оправданным формулировку структурной характеристики:

(50) *Жрецы оказывают влияние на принятие решений в ранних государствах* (значимость 99%).

Влияние военачальников, даже с неофициальной точки зрения, достаточно слабое. В 14 случаях упоминалось некоторое влияние, а в пяти случаях отмечалось влияние конкретного функционера.

2.12.3. Надзорный аппарат

Мы уже упоминали проблему контроля в предыдущих параграфах. Как центральное правительство проводит в жизнь свои декреты, правила и законы? И как держится в подчинении сам

административный аппарат? Данные исследованных случаев предполагают несколько решений этой проблемы:

(а) Длительные поездки по государству со стороны правителя. Это дает ему возможность непосредственно участвовать — хотя бы эпизодически — в региональном или местном управлении, вмешиваться, где необходимо, и оставлять у своих представителей ощущение своей вездесущности. Только там, где существуют такие «инспекционные поездки», подобное вмешательство будет терпеть. Там, где правитель путешествует немного, нет причин предполагать, что к его приездам будут относиться терпимо (в Таблице 19 E показывает многочисленные, а L — ограниченные поездки). Во время поездки правитель и его сопровождение имеют возможность потреблять дань натурой на месте.

(b) Использование специальных посланников, агентов, послов и т. д. дает центральному правительству возможность оказывать прямое воздействие на местную и региональную политику.

(c) Использование тайных агентов, курьеров или посланников позволяет центральному правительству получать информацию о том, что реально происходит в отдаленных провинциях, и о поведении функционеров в дальних районах. Функции этой и первой категорий существенно перекрывают друг друга.

(d) Принудительное содержание родственников региональных и/или местных функционеров в столице и предписание регулярных приездов функционеров, что позволяет центральному правительству обеспечивать преданность функционеров.

Соответствующие данные сгруппированы в Таблице 19. Не предпринимали поездок только правители Йорубы. Недоступны данные для Иберии, Качари и Занде. Продолжительные поездки правителей обнаружены в 13 случаях. В Вольте сосуществовали поездки как продолжительные, так и на короткий период времени. Только в четырех государствах были отмечены ограниченные поездки (Джима, Куба, Анколе и Ацтеки); в них, как оказалось, контроль осуществлялся главным образом с помощью посланников и тайных агентов (для Анколе не было данных). В 13 случаях отмечались агенты нескольких разных типов, а в десяти случаях существовала сеть тайных агентов. Таким образом, нет причин предполагать существование в ранних государствах сильно развитого надзорного аппарата. Практика взятия заложников упоминалась только четыре раза. В двух случаях (Китай и Занде) обнаружено, что региональные или местные функционеры были

обязаны регулярно являться ко двору. Здесь мы можем сформулировать следующую структурную характеристику:

(51) *В раннем государстве правитель путешествует по своей территории для того, чтобы взыскивать преданность и дань (значимость 99%).*

Таблица 19. Способы осуществления контроля

	поездки правителя	использование посланников	использование шпионов	приемы вассалов
Ангкор	Е	Х	Х	0
Анколе	L	0	0	0
Аксум	Е	0	0	0
Ацтеки	L	Х	Х	Х
Китай	Е	0	0	R
Египет	Е	0	0	0
Франция	Е	Х	Х	0
Гавайи	Е	0	0	–
Иберия	0	0	0	0
Инки	Е	Х	Х	Х
Джима	L	Х	Х	Х
Качари	0	Х	0	0
Куба	L	Х	Х	0
Маурья	Е	Х	Х	0
Монголия	Е	Х	Х	0
Норвегия	Е	0	0	–
Скифия	Е	Х	0	0
Таити	Е	Х	Х	–
Вольта	Е/L	0	0	–
Йоруба	–	Х	Х	Х
Занде	0	Х	0	R

Условные обозначения: Е — многочисленные поездки, L — ограниченные поездки, R — обязанность докладывать.

2.13. Некоторые выводы, касающиеся структурных характеристик раннего государства

В предшествующих параграфах мы обобщили в сравнительном ключе данные, полученные в конкретных исследованиях. Там, где это было необходимо или полезно, мы добавили данные из других источников. Соответствующие данные были сгруппи-

рованы в 19 таблиц и дали основание выделить 51 структурную характеристику. С помощью этих данных мы попытаемся проверить — в рамках вышеупомянутого структурного анализа — некоторые гипотезы, выдвинутые в первой главе.

2.13.1. Семь признаков раннего государства

В первой главе мы выделили семь признаков раннего государства. Поскольку они предположительно верны, мы соотнесем их для верификации только со структурными характеристиками.

(1) **Достаточное население, чтобы сделать возможным социальную категоризацию, стратификацию и специализацию.** Эта формулировка оказалась слишком неопределенной. Мы заменили «население» показателем плотности населения. Анализ этого аспекта (Таблица 1) показал, что высокая плотность населения (в абсолютном смысле) была отмечена в девяти случаях. Имеется причина предполагать, что государства должны иметь более высокую плотность населения, чем негосударства в сравнимых географических или экологических условиях. Однако и это утверждение слишком неопределенно. Исследование Бёрдселлом¹¹⁴ «основной демографической единицы» показало, что личные связи возможны только в группах максимум в 500 человек. Как только происходит рост численности населения, раздробление или развитие сложной социальной организации оказываются двумя единственными возможными альтернативами. Ввиду довольно сложных социальных структур государств, исследованных в данной книге, их население безусловно должно превышать 500 человек, хотя даже это остается довольно неопределенным.

(2) **Государственная принадлежность определяется проживанием или рождением на его территории.** Мы нашли, что все, кто постоянно проживает на территории государства, обозначенной некими границами, считались гражданами или подданными этого государства (СХ 1). Это обычно находило выражение в определенных обязанностях и выплате налогов в пользу государства.

(3) **Правительство является централизованным и обладает необходимой властью для поддержания закона и порядка, используя и полномочия, и силу либо угрозу силы.** Во всех исследованных случаях мы обнаружили правительственный центр

¹¹⁴ Birdsell J. A basic demographic unit // Current anthropology. 1973. Vol. 14. P. 337–356.

(СХ 3), где правитель проживал большую часть года и где находился двор (СХ 34). Из этого центра исходили законы и распоряжения правителя (СХ 25), на которые оказывали влияние, формальное или неформальное (СХ 27, 48, 49, 50), ряд групп или отдельных людей. Правитель был главой сложного трехуровневого административного аппарата, которому делегировались некоторые обязанности и полномочия (СХ 44, 45) и который всегда состоял из функционеров регионального и, главным образом, национального и местного уровней (СХ 46). Высшие должностные лица всегда находились в центре (СХ 47). Хотя везде были обнаружены надзорные органы, данные о них были слишком разнообразными, чтобы сформулировать структурную характеристику (СХ 51).

Кодифицированные законы были обнаружены только в восьми случаях. Менее последовательные нормативные системы были обнаружены в 12 государствах (Таблица 9). Поддержание закона и порядка, как оказалось, основывалось по большей части на авторитете правителя и в намного меньшей степени — на силе. Только в восьми случаях было обнаружено некое подобие полиции (Таблица 9), при этом надзорный аппарат, рассмотренный выше, был не слишком развит. Отправление правосудия находилось в руках официальных судей только в девяти случаях. В других государствах это была побочная функция иных функционеров.

(4) Государство независимо, по крайней мере, де-факто, и правительство имеет достаточно сил, чтобы предотвратить отделение, а также способность защитить государство от внешних угроз. Независимость государства является общей характеристикой (СХ 2). То, что все рассмотренные государства существовали значительный период времени, является достаточным свидетельством адекватности их оборонительных механизмов. Однако военные аспекты не играли заметной роли среди общих признаков. Среди них мы упомянем, что правитель является верховным главнокомандующим (СХ 28), что существует личная охрана (СХ 29) и что простолюдины обязаны нести военную службу (СХ 41). Данные о военных группах с явно выраженным институционализированным влиянием на государственную политику не позволили рассматривать их в качестве структурной характеристики. Военные функции часто были побочными (Таблица 15) для общих функционеров или представителей аристократии. В ряде случаев ответственность за военное дело несли

функционеры-специалисты (Таблица 16). Только в немногих случаях военачальники как группа играют открыто признаваемую роль (Таблица 4). Постоянная армия была отмечена в 15 случаях (Таблица 10). Некоторое неформальное влияние на правительство было обнаружено в 16 случаях (Таблица 18).

(5) Население стратифицировано в достаточной степени, чтобы проводить различие между возникающими социальными классами (правлящих и подданных). Наши данные показывают, что проблема социальной стратификации в ранних государствах весьма сложна. Обычно существовало несколько социальных категорий с дифференцированным доступом к материальным и иным ресурсам. Мы выделили два основных социальных слоя, высший и низший, и, кроме того, обнаружили, что в подавляющем большинстве случаев также существовал средний слой (Таблица 4). Высший слой включает правителя, аристократию (СХ 11), к которой принадлежали родственники правителя (СХ 35), обладатели высших должностей (СХ 36) и главы кланов и родов (СХ 37) и жречество. Средний слой состоял из таких категорий, как государственные служащие и джентри (Таблица 4). К низшему слою принадлежали мелкие владельцы (СХ 12), арендаторы (СХ 13) и, реже, такие категории, как ремесленники, торговцы, слуги и рабы. Члены высшего слоя имели лишь косвенное отношение к производству продуктов питания (СХ 15). В низшем слое прямую связь с производством продуктов питания имели только мелкие владельцы и арендаторы (СХ 20). Во избежание недоразумений следует отметить, что мы не включили категории рабов и слуг в сравнительное исследование. Доход правителя и аристократии основывался на дани в какой-либо форме (СХ 19). Простолюдины были обязаны платить налоги — фактически эта обязанность касалась большинства категорий (ср. СХ 17) — и прислуживать (СХ 42). Обязанность оказывать услуги, как оказалось, распространялась на все социальные категории (СХ 16). Наши данные показали, что термин «аристократия» относится к категории, которая вовсе не предполагала равенства ее членов. Напротив, во всех случаях были выявлены значительные различия в статусе и положении отдельных аристократов (СХ 38). Следует или нет обозначать выделенные нами слои как «социальные классы», зависит от определения «класс». Высший и низший социальные слои можно приравнять к неожиданно проявляющимся социальным классам. Однако не было

выявлено классов, основанных на контроле над средствами производства, что считается типичным свойством обществ со зрелой государственной организацией. Классовая борьба либо открытый классовый антагонизм не характерны для ранних государств.

(6) **Производительность велика до такой степени, что существует регулярный излишек, который используется для поддержания государственной организации.** Во всех рассмотренных случаях выявлен излишек (СХ 10), который достигал правящих групп в форме налогов, дани или даров (СХ 17, 19). Этот излишек расходовался в основном на содержание административного аппарата: правитель преподносил подарки (СХ 30), вознаграждения (СХ 31) и пожертвования (СХ 32), хотя этот тип расходования средств был также обнаружен и на низших уровнях (СХ 33).

(7) **Существует общая идеология, которая обосновывает легитимность правящего слоя.** Оказалось, что эта характеристика во всех рассмотренных случаях представлена весьма подробно. Неизменно отмечалось существование мифической прерогативы (СХ 21), и правитель узаконивал свое положение божественным происхождением (СХ 22, 23), которое определяло большую часть его деятельности: он выполнял ритуалы (СХ 24), устанавливал закон и порядок (СХ 25, 26), в качестве верховного главнокомандующего был защитником своего народа (СХ 28), преподносил подарки, вознаграждая своих «слуг» (СХ 30, 31), и делал пожертвования сверхъестественным силам (СХ 32). Таким образом, идеология раннего государства основывалась на взаимном обмене услугами (ср. раздел 2.10.5). В соответствии с этой формой легитимности, социальный статус коррелировал с дистанцией от рода правителя (раздел 2.11; СХ 34, 43) и типом занимаемой должности. Установлено, что государственная идеология везде поддерживалась жречеством (СХ 39, 50).

Как показывает это исследование, предложенные характеристики ранних государств¹¹⁵ надежно подтверждаются структурными данными.

2.13.2. Три типа ранних государств

Еще одной выдвинутой нами задачей является проверка обоснованности разделения ранних государств на три типа: зачаточный, типичный и переходный.

¹¹⁵ Claessen H.J.M., Skalnik P. The early state: Theories and hypotheses.

Зачаточный тип мы связывали с преобладающими родственными, семейными и общинными связями в области политики; ограниченным числом специалистов, работающих полный день; неясными и ситуативными формами налогообложения; социальными контрастами, которые сглаживались реципрокностью и прямыми контактами между правителем и подданными.

Типичным мы считали такое раннее государство, в котором родственные связи уравнивались территориальными связями, где конкуренция и назначения уравнивали принципы наследования, где должностные лица из числа неродственников и носителей титулов играли ведущую роль в государственном аппарате и где в отношениях между социальными стратами перераспределение и реципрокность преобладали.

Государство переходного типа — это раннее государство, в котором административный аппарат характеризовался преобладанием назначаемых должностных лиц, где родство влияло лишь на некоторые маргинальные аспекты управления и где уже проявлялись предпосылки появления частной собственности на средства производства, рыночной экономики и открыто антагонистических классов.

На первый взгляд, вышеописанная классификация кажется вполне возможной. Поэтому мы попытаемся выяснить в настоящем параграфе, можно ли исследованные государства классифицировать по этим типам и применимы ли предлагаемые критерии на практике. Те критерии, которые в значительной степени действительны для разных типов ранних государств или которые нельзя проверить, мы вынуждены будем отбросить. И наоборот, учитывается также возможность добавления других критериев.

Ясно, что не все критерии будут применимы только к одному типу государства. Между наследованием должностей и назначением на них существует целая шкала промежуточных степеней перехода от преобладания родственных связей к преобладанию назначений, тогда как во всех наших случаях и наследование, и назначения играли важную роль. То же самое в большей или меньшей степени справедливо для таких аспектов, как существование специалистов, работающих полный день, либо систем налогообложения или влияние реципрокности. Оказывается, действительно характерными критериями являются появление рыночной экономики, частной собственности на землю или скот и открытых социальных антагонизмов в государствах переходного

типа. Полученные в результате конкретных исследований данные рисуют следующую картину. Анализ показал, что наличие рынков является общей характеристикой (СХ 5) за исключением двух случаев (Таити и Гавайи), где рынки не были обнаружены, тогда как в Анколе, Качари, Норвегии, Вольте и Занде они играли лишь ограниченную роль. Для Египта и Иберии данных не было. Дополнительно подтверждают это распределение данные о существовании профессиональных торговцев. В случае Анколе, Гавайев, Таити и Занде они не были выявлены. В Норвегии и Вольте профессиональные торговцы присутствовали, хотя и только на более поздней стадии развития. Только Инки имело менее развитую систему. И снова не были доступны данные для Египта, Иберии и Качари. Мы полагаем, что на другом конце шкалы находятся крупные рынки и профессиональные торговцы. Это позволяет нам предварительно разделить рассмотренные государства на три вышеупомянутые типа:

ЗАЧАТОЧНОЕ — *Анколе, Гавайи, Норвегия, Таити, Вольта, Занде.*

ТИПИЧНОЕ — *Иберия, Инки, Качари, Египет.*

ПЕРЕХОДНОЕ — *Анкор, Аксум, Ацтеки, Китай, Франция, Джима, Куба, Маурья, Монголия, Скифия, Йоруба.*

Уточнение этой предварительной классификации на основе критерия существования специалистов, работающих полный день, невозможно, поскольку они присутствовали практически во всех случаях (СХ 8). Поэтому мы вынуждены исключить этот критерий.

Наличие хорошо развитой системы налогообложения не очень продуктивно в качестве структурного критерия. Взимание налогов оказалось универсальной характеристикой (СХ 17). Существование специалистов высшего и среднего уровней с функцией сборщиков налогов (Таблица 16) было выявлено в случае Ангора, Инков, Джимы, Маурьи и Норвегии. Только Таити дало отрицательный результат. Сбор налогов главным образом общими функционерами национального и регионального уровней был выявлен в случае Франции, Инки, Качари, Кубы, Скифии и Таити. Результаты оказались неоднозначными. Кроме того, наличие функционеров само по себе обеспечивает мало информации о способе, которым осуществляется сбор налогов. Поэтому мы отложим проверку этой характеристики до следующей главы.

Применение критериев родства в сравнении с наследованием показывает, следующее.

Для общих функционеров наследование (в клане, роде или семье) в большей или меньшей мере преобладало в Анколе, Гавайях, Скифии и Таити. Не были доступны данные для Качари, Монголии и Норвегии.

Для функционеров-специалистов наследование преобладало в Анколе и на Таити. Не было данных для Гавайев, Иберии, Качари, Монголии, Норвегии и Скифии.

Большее или меньшее преобладание назначения общих функционеров было отмечено в случае Ацтеков, Иберии, Джимы, Маурьи, Йорубы, а функционеров-специалистов — в случае Ацтеков, Египта, Франции, Джимы, Кубы и Йорубы.

В других случаях характерной чертой было смешение обеих систем.

Ввиду этих результатов наше предварительное деление можно модифицировать следующим образом:

ЗАЧАТОЧНОЕ — *Анколе, Гавайи, Норвегия, Таити, Вольта и Занде.*

ТИПИЧНОЕ — *Анкор, Аксум, Китай, Египет, Франция, Иберия, Инка, Качари, Монголия, Скифия.*

ПЕРЕХОДНОЕ — *Ацтеки, Джима, Куба, Маурья, Йоруба.*

Личная собственность на землю оказалась более сложным вопросом. Как показывают данные Таблицы 4, личная собственность на землю (или скот) была отмечена среди представителей аристократии в Ацтеке, Китае (иногда), Джиме, Кубе, Маурьи и Вольте и среди мелких владельцев в Ацтеке, Китае, Франции, Иберии, Джиме, Маурьи и Вольте. В других случаях преобладали различные формы коллективной собственности. Вполне возможно, что развитие личной и, позднее, частной собственности на средства производства могло стимулировать появление взаимно антагонистических классов. Однако, для ранних государств, которые мы исследовали, не было данных, указывающих на существование такой ситуации.

Ввиду произвольности нашей классификации, приведенной выше, ясно, что будет полезно введение дополнительных критериев. Мы рассмотрим следующие:

(а) наличие функционеров, получающих жалование, в сравнении с функционерами, получающими вознаграждение, и

(б) степень развития правовой системы и отправления правосудия.

В Таблице 11 были представлены данные о способе вознаграждения функционеров. Должностные лица на жаловании были отмечены только в случае Ацтеков, Франции, Инка, Джимы, Кубы, Маурьи и Йорубы. Отрицательные результаты дали Ангор, Анколе, Гавайи, Монголия, Таити, Вольта и Занде. Государства на обоих концах шкалы показывают близкое соответствие с представленной выше классификацией.

Для исследования степени развития правовой системы и отправления правосудия будут пригодны следующие характеристики (Таблица 9): существование кодифицированных законов, официальных судов и кодифицированных наказаний. Существование кодифицированных законов было выявлено в случае Ангора, Ацтеков, Китая, Франции, Инка, Джимы, Кубы и Маурьи. Для Качари не было данных.

Существование официальных судей было отмечено в случае Ангора, Ацтеков, Франции, Инка, Джимы, Качари, Кубы, Маурьи и Йорубы. Кодифицированные наказания упоминались для Ацтеков, Китая, Франции, Инка, Качари, Кубы, Маурьи, Йорубы и Занде.

Таблица 20. Уровень развития

	рынки	профессиональные торговцы	способ комплектации общих функционеров	способ комплектации функционеров-специалистов	жалование	кодифицированное право	официальные судьи	кодифицированное наказание	частная собственность на землю аристократов	частная собственность на землю простодвинов
Ангор	X	X	M	M	-	X	X	0	-	-
Анколе	1	-	H	H	-	-	-	-	-	-
Аксум	X	X	M	M	0	-	-	0	-	-
Ацтеки	X	X	A	A	X	X	X	X	X	X
Китай	X	X	M	M	0	X	-	X	X	X
Египет	0	0	M	A	0	-	-	0	0	0
Франция	X	X	M	A	X	X	X	X	-	X
Гавайи	-	-	H	0	-	-	-	-	0	-
Иберия	0	0	A	0	0	-	-	0	-	X
Инки	X	0	M	M	X	X	X	X	-	-
Джима	X	X	A	A	X	X	X	X	X	X

	рынки	профессиональные торговцы	способ комплектации общих функционеров	способ комплектации функционеров-специалистов	жалование	кодифицированное право	официальные судьи	кодифицированное наказание	частная собственность на землю аристократов	частная собственность на землю простолодинов
Качари	1	0	0	0	0	0	X	X	—	—
Куба	X	X	M	A	X	X	X	X	X	—
Маурья	X	X	A	M	X	X	X	X	X	X
Монголия	X	X	0	0	—	—	—	0	—	—
Норвегия	1	1	0	0	0	—	—	0	—	—
Скифия	X	X	H	0	0	—	—	0	—	—
Таити	—	—	H	H	—	—	—	—	—	—
Вольта	1	1	M	M	—	—	—	0	X	X
Йоруба	X	X	A	A	X	—	X	X	—	—
Занде	1	—	M	M	—	—	—	X	—	0

Условные обозначения: 1 — ограниченной важности, H — наследование, A — назначение, M — смешанный вариант назначения и наследования.

В Таблице 20 мы свели вместе результаты всего исследования. Основное заключение состоит в том, что благодаря применению структурных характеристик, изученные в данной книге ранние государства можно, по нашему мнению, классифицировать по следующим типам¹¹⁶:

ЗАЧАТОЧНОЕ — *Анколе, Гавайи, Норвегия (ранняя), Таити, Вольта, Занде.*

ТИПИЧНОЕ — *Анкор, Аксум, Египет, Иберия, Инка, Качари, Монголия, Скифия, Йоруба.*

ПЕРЕХОДНОЕ — *Ацтеки, Китай, Франция, Джима, Куба, Маурья.*

Мы полагаем, что структурное деление ранних государств на три типа возможно и полезно. Однако оказалось, что критерии,

¹¹⁶ Некоторые политические образования, которые мы, на основе наших критериев определили как «зачаточное» раннее государство, классифицировались другими авторами, основывающимися частично на других критериях, как вожества (см.: Service E.R. Primitive social organisation. 2nd ed. N.Y., 1971. P. 144 ff.; Idem. Origins of the state and civilization. N.Y., 1975. P. 150 ff.).

предложенные ранее¹¹⁷, нуждаются в некоторой модификации. Мы опустили критерий наличия специалистов, работающих полный день, отложили обсуждение критерия систем налогообложения до следующей главы и добавили критерии развития правовой системы и существования должностных лиц, получающих жалование. Приложение этой классификации для исследования эволюции государства будет обсуждаться в заключительных разделах тома «Раннее государство»¹¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Adams R.McC.* Anthropological perspectives on ancient trade // *Current anthropology*. 1974. Vol. 15. P. 239–258.
- Adams R.McC.* The evolution of urban society. Chicago, 1966.
- African political systems / Ed. Fortes M., Evans-Pritchard E.E. Oxford, 1940.
- van Baal J.* De agressie der gelijken [The aggression of equals]. Assen, 1974.
- van Baal J.* Reciprocity and the position of women. Assen, 1975.
- van Baaren Th.P.* Wij mensen. Religie en wereldbeschouwing bij schriftloze volken [Religion and the philosophy of life of primitive peoples]. Utrecht, 1960.
- Bax M.* The political machine and its importance for the Irish republic // *Political Anthropology*. 1975. Vol. 1:1. P. 6–20.
- Beattie J.H.M.* The Nyoro state. Oxford, 1971.
- Birdsell J.* A basic demographic unit // *Current anthropology*. 1973. Vol. 14. P. 337–356.
- Bloch M.* Feudal society. L., 1967.
- Carneiro R.L.* A theory of the origin of the state // *Science*. 1970. Vol. 169. P. 733–738.
- Childe V.G.* The urban revolution // *Town planning review*. 1950. Vol. 21. P. 3–17.
- Claessen H.J.M.* Comment // *Current anthropology*. 1975. Vol. 16. P. 38.
- Claessen H.J.M.* From rags to riches — and the reverse // *Rule and reality. Essays in honor of Andre J.F. Kobben* / Ed. P. Kloos, K.W. van der Veen. Amsterdam, 1975. P. 29–49.
- Claessen H.J.M.* Politieke antropologie. Assen, 1974.
- Claessen H.J.M.* The early state: A structural approach // *The early state* / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 533–596.
- Claessen H.J.M.* Van vorsten en volken [Of princes and peoples]. Amsterdam, 1970.

¹¹⁷ *Claessen H.J.M., Skalnik P.* The early state: Theories and hypotheses.

¹¹⁸ *Claessen H.J.M., Skalnik P.* Limits.

- Claessen H.J.M., Skalnik P.* The early state: models and reality // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 637–650.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* The early state: Theories and hypotheses // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 3–29.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* Limits: Beginning and end of the early state // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 619–635.
- Cohen R.* State origins: A reappraisal // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 31–75.
- Crumley C.L.* Toward a locational definition of state systems of settlement // American anthropologist. 1976. Vol. 78. P. 59–74.
- Davenport W.* The Hawaiian cultural revolution // American anthropologist. 1969. Vol. 71. P. 1–20.
- Die Geheime Geschichte der Mongolen* / E. Haenisch. Leipzig, 1948.
- Doornbos M.* Regalia galore. The decline and eclipse of Ankole kingship. Nairobi, etc., 1975.
- Evans-Pritchard E.E.* The divine kingship of the Shilluk of the Nilotic Sudan. Cambridge, 1948.
- Forbes F.E.* Dahomey and the Dahomans. L., 1851.
- Frazer J.* The golden bough. L., 1911.
- Fried M.* The evolution of political society. N.Y., 1967.
- Gluckman M.* Politics, law and ritual in tribal society. Oxford, 1965.
- Hoebel E.A.* The law of primitive man. 3rd pr. Cambridge (Mass.), 1964.
- Janssen J.* Prolegomena to the study of Egypt's economic history during the New Kingdom // Studien zur altägyptischen Kultur. 1975. Bd. 3. P. 127–185.
- de Josselin de Jong J.P.B.* Structuralism in cultural anthropology // Current anthropology in the Netherlands / Ed. P. Kloos, H.J.M. Claessen. The Hague, 1975. P. 114–131.
- Kandert J.* Zande // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 511–529.
- Keesing F.M.* Cultural anthropology. N.Y., 1958.
- Khazanov A.M.* Some theoretical problems of the study of the early state // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 77–92.
- Kobben A.J.F.* Comparativists and non-comparativists in anthropology // A Handbook of method in cultural anthropology / Ed. R. Naroll, R.Cohen. N.Y., 1970. P. 581–596.
- Kobben A.J.F.* Law at the village level // Law in culture and society / Ed. L. Nader. Chicago, 1966. P. 117–140.
- Kobben A.J.F.* Why exceptions? The logic of cross-cultural analysis // Current anthropology. 1967. Vol. 8. P. 3–28.

- Krader L.* Formation of the state. Englewood Cliffs, 1968.
- Krader L.* The origin of the state among the nomads of Asia // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 93–107.
- Kruijer G.J.* Observeren en redeneren [Observation and reasoning]. Meppel, 1959.
- Kurtz D.V.* The legitimation of the Aztec state // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 169–190.
- Kurtz D.* Peripheral and transitional markets: The Aztec case // American ethnologist. 1974. Vol. 1. P. 685–706.
- Local-level politics / Ed. Swartz M.J. Chicago, 1968.
- MacIver R.M.* The web of government. Revised edition. N.Y., 1965.
- Mission to Asia / Ed. Ch. Dawson. N.Y., 1966.
- Nadel S.F.* The foundations of social anthropology. 5th pr. L., 1969.
- Naroll R.* Cross-cultural sampling // A Handbook of method in cultural anthropology / Ed. R. Naroll, R. Cohen. N.Y., 1970. P. 889–926.
- Nieboer H.N.* Slavery as an industrial system. 2nd pr. The Hague, 1910.
- Political anthropology / M.J. Swartz, V. Turner, A. Tuden. Chicago, 1966.
- Popper K.* The logic of scientific discovery. 5th pr. London: Hutchinson, 1968.
- Radcliffe-Brown A.R.* Structure and function in primitive society. L., 1952.
- Rusch W.* Klassen und Staat in Buganda vor der Kolonialzeit. B., 1975.
- Sahlins M.D.* Social stratification in Polynesia. Seattle, 1958.
- Schapera I.* Government and politics in tribal society. L., 1956.
- Schramm P.E.* Mythos des Konigtums // De Monarchic. Amsterdam, 1966. P. 21–36.
- Service E.R.* Origins of the state and civilization. N.Y., 1975.
- Service E.R.* Primitive social organisation. 2nd ed. N.Y., 1971.
- Skalnik P.* The early state as a process // The early state / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 597–618.
- Slicher van Bath B.H.* De agrarische geschiedenis van West Europa (500–1800) [The agrarian history of Western Europe (500–1800)]. Utrecht, 1960.
- Soustelle J.* Zo leefden de Azteken bij the invasie van de conquistadores [The daily life of the Aztecs before the coming of the conquistadores]. Baarn, 1958.
- Speke J.H.* Journal of the discovery of the source of the Nile. Edingburgh, 1863.
- Stevenson R.* Population and political systems in tropical Africa. N.Y., 1968.
- Thapar R.* Ancient history of India. Harmondsworth, Middlesex, 1975.
- Trouwborst A.A.* La base territoriale de l'état du Burundi ancien // Revue universitaire du Burundi. 1973. T. 1. P. 245–254.
- Tuden A., Marshall C.* Political organization: cross-cultural codes // Ethnology. 1972. Vol. 11. P. 436–464.
- Vansina J.* Le royaume Kuba // Annales, serie in 8° Sciences humaines, No. 49. Tervuren, 1964.
- Veblen Th.* Theory of the leisure class. N.Y., 1899.

- Vermeulen C.J.J., de Ruijter A. Dominant epistemological presuppositions in the use of the cross-cultural survey method // *Current anthropology*. 1975. Vol. 16. P. 29–52.
- Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Studienausgabe. Köln, 1964.
- Wertheim W.F. *Evolutie en revolutie. De golfslag der emancipatie* [Evolution and revolution]. Amsterdam, 1971.
- Wolf E. *Peasants*. Englewood Cliffs, 1966.
- Wright H., Johnson G. Population, exchange, and early state formation in southwestern Iran // *American Anthropologist*. 1975. Vol. 77. P. 267–289.

H.J.M. Claessen

THE EARLY STATE: A STRUCTURAL APPROACH

Abstract: Henry J.M. Claessen is a prominent Dutch political anthropologist, the creator of the “early state” school. For a long time he was the dean of the Institute of social anthropology (now professor emeritus) at Leiden university and the Vice-President of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences. The concept of early state developed by him together with Peter Skalnik became one of the basic theories of political anthropology. The present publication is a translation of Chapter 25 of the book *The Early State* (ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 533–596), one of the most important parts of this epoch-making book. Basing on the case studies of twenty one polities that existed in different periods of time (up to the nineteenth century) and in different regions of the world (Asia, Africa, Polynesia, Mesoamerica, Europe, etc.) and, according to their socio-political systems, belonged in the opinion of the authors and editors to the type of early states, Claessen singles out the main characteristics typical for the structure of an early state. These include economic and social indicators, degree of institutionalization of the administrative apparatus and fixation of functioners’ tasks, forms of legislation and legal procedures, status and role of the ruler, ideological support of the authority. The comparison of these and other characteristics in different polities allowed, on the one hand, to select the most significant ones (with the level of frequency not less than 99%) and, on the other hand, to develop the typology of early states and classify the polities under discussion as inchoate (Hawaii, Tahiti, Volta), typical (Scythia, China, Egypt, France, Inka), or transitional (to a more advanced type of state: Aztecs, Jimma, Yoruba). Structural characteristics and typology of early states described here by Claessen became the foundation of modern political anthropology and, with minor modifications and specifications, continue to be fruitfully employed in the studies of early states.

The translation is made by N.N. Kradin and edited by E.A. Melnikova. Minor changes concerning cross-references within the book *The Early State* are introduced, and several misprints are corrected.

Keywords: early state, structural characteristics, social composition, ruler, institutions, economy, ideology

Н.Н. Крадин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Происхождение государства — вечный вопрос в общественных науках. Он интриговал представителей самых разных наук — философов, правоведов, социологов, политологов, историков и др. Было высказано огромное количество разнообразных точек зрения на этот счет, существуют сотни книг и тысячи статей на эту тему. Раньше всех появились так называемые «сакральная» и «патриархальная» теории, затем теория «общественного договора». Все эти теории основаны на философских посылах и относятся к так называемым умозрительным теориям возникновения государства. Современные представления о возникновении государства, разрабатываемые в политической антропологии, имеют ряд принципиальных отличий от классических теорий, созданных историками, философами и правоведами. Создание государства стало результатом двух взаимосвязанных процессов — консолидации общества (интегративная или функционалистская теория) и регулирования структурных столкновений в обществе (конфликтная теория). Государство выступает одновременно и как носитель общепольных функций, и как выразитель социальных антагонизмов. Государственность возникает как результат достижения контроля над такими ключевыми секторами жизнедеятельности общества, как экономика и идеология. Важное место при этом имеет наличие вооруженных сторонников, которые дают возможность как установить контроль внутри общества, так и активизировать внешнюю экспансию. В настоящее время существует несколько наиболее популярных антропологических теорий, раскрывающих различные пути происхождения государства. В этой статье обсуждаются такие ключевые вопросы, как природа государственности, признаки государства, теория «раннего государства» и этапы трансформации государственности на протяжении истории, многолинейный характер процессов политогенеза, роль концепций «вождества» и «гетерархии». Показано, что в последние десятилетия в западной антропологии и археологии многие из теорий были подвергнуты постмодернистской и постколониальной критике. Необходим пересмотр западоцентристского и расистского взгляда на мировую историю, учет влияния гендерного фактора, понимание ошибочности прямолинейных сопоставлений доисторических обществ и их этнографических аналогий. Однако постмодернисты не смогли предложить целостной альтернативы теориям второй половины XX в.

Ключевые слова: государство, политогенез, вождество, комплексное общество, гетерархия, социальная эволюция, политическая антропология

Возникновение государственности — одна из самых главных вех в мировой истории и одновременно вечный вопрос наук о человеке и обществе. На эту тему написано огромное количество книг и статей. Этот вопрос интриговал представителей самых разных наук — философов, правоведов, социологов, политологов, историков и др. Было высказано огромное количество самых разнообразных точек зрения на этот счет, существуют сотни книг и тысячи статей на эту тему. Раньше всех появились так называемые «сакральная» и «патриархальная» теории. Первая предполагала, что вся власть от Бога, вторая исходила из того, что государство подобно разросшейся семье. В эпоху нового времени возникла теория «общественного договора», согласно которой государство возникает как продукт внутреннего соглашения между людьми, которые передают часть своей свободы и власть государству, чтобы обеспечить общественный порядок и неприкосновенность собственности. Все эти теории основаны на философских посылах и относятся к так называемым умозрительным теориям возникновения государства.

Первой научной теорией была «завоевательная» теория политогенеза. Она появилась в XIX в. и связывается с именами историков права Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера¹. Ее сторонники полагали, что первые государства возникли в результате *внешнего* фактора — завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и установления победителями эксплуатации подчиненных. Эта теория была поддержана некоторыми этнологами и теоретиками марксизма за рубежом². Ее обстоятельная критика принадлежит американскому этнологу Р. Лоуи. В книге «Происхождение государства» он показал, что завоевание далеко не всегда ведет к государству, а для того, чтобы завоевание привело к государственности, общества покорителей и побежденных должны были обладать некоторой стратификацией. Следовательно, война не может быть единственной предпосылкой, ведущей к возникновению государства³.

¹ Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899; Oppenheimer F. Der Staat. Frankfurt, 1919.

² Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929; Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.; Л., 1931. Т. 2: Государство и развитие человечества; Turnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen. В.; Leipzig, 1935. Bd. 4: Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung.

³ Lowie R.H. Origin of the state. N.Y., 1927.

Без преувеличения можно сказать, что последующие несколько десятилетий этот вопрос разрабатывался преимущественно марксистскими теоретиками. Этот вопрос был принципиально важен для марксизма, поскольку государство являлось важнейшим орудием эксплуататорских классов и ему нужно было дать правильную оценку. Согласно марксистскому учению, государство представляет собой политическую машину для подавления господствующими классами трудящихся масс. Эта мысль присутствует уже в «Манифесте коммунистической партии» в 1848 г. Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули две основные модели вызревания государства. В «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» К. Маркса и в «Анти-Дюринге» (1878 г.) Ф. Энгельса возникновение государства и классов описывается как процесс постепенной узурпации вождями своих управленческих функций, превращения первоначальных «слуг народа» в «господ над ним». Затем в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) Энгельс нарисовал иную картину политогенеза: развитие экономики приводит к росту прибавочного продукта, появлению имущественного неравенства и классов. Господствующие классы для охраны своей собственности изобретают государство, сначала рабовладельческое, затем феодальное⁴.

Последняя точка зрения получила господствующее распространение в советской науке и фактически все работы, касающиеся как теории государства и права, теории становления государственности, так и конкретно-исторические исследования, выполненные на материалах конкретных обществ, длительное время рассматривались исключительно в рамках парадигмы, изложенной в «Происхождении семьи». Только в период «оттепели», в первую очередь в рамках дискуссии об азиатском способе производства, появились новые интерпретации, которые акцентировали внимание на организационно-управленческих функциях государства, соотношении власти и собственности, стимулировали исследования в области многовариантности форм перехода к государственности⁵.

⁴ О взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на возникновение государства подробнее см.: *Лышца В.А.* Загадка Энгельса // Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лышца. Владивосток, 1995. С. 36–58.

⁵ Подробнее о дискуссиях в советской науке: Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л.В. Данилова. М., 1968; Становление классов и государства / Отв. ред. А.И. Першиц. М., 1976; Исследования по общей этнографии /

С началом перестройки наметился отход от марксистских универсалий. Однако даже в современных исследованиях прослеживается сильное влияние данной парадигмы. Это в частности выражается в использовании давно устаревшей концепции «военной демократии», в применении Энгельсовой «триады» признаков государства, в понимании государства исключительно как института подавления народных масс и др. Между тем уже достаточно давно в рамках политической антропологии были выработаны принципиально иные подходы, которые с успехом были апробированы на различных археологических и этнографических материалах.

В самом широком смысле политическая антропология — это антропологическая дисциплина, которая занимается изучением институтов власти и контроля у народов мира в исторической динамике этнографическими методами⁶. Данное определение, казалось бы, должно свидетельствовать, что предметом антрополога должны быть в первую очередь непосредственно наблюдаемые им люди и институты, а главными методами — наблюдение, интервьюирование и, при большой удаче, включенное наблюдение. Следовательно, предметом антрополога должны быть традиционные и посттрадиционные общества последних нескольких столетий. Это совершенно верно. Политическая антропология внесла огромный вклад в изучение процессов модернизации в вышеуказанных типах обществ, политической культуры и институтов современных государств, кланов и политической клиентелы, неопатримониализма⁷.

Тем не менее объектом политической антропологии могут быть и архаические общества. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что при исследовании давно исчезнувших культур и цивилизаций специалисты применяют сравнительный подход — важнейший научный метод антропологов, и это, как правило, открывает новые горизонты. С данной точки зрения, для историков и археологов, которые изучают общества периода становления

Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1979; От доклассовых обществ к раннеклассовым / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987; Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1995, и др.

⁶ Крадин Н.Н. Политическая антропология. 4-е изд. М., 2011.

⁷ Абельс М. Политическая антропология: новые задачи, новые цели // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. VI. № 20. С. 27–44; Бочаров В.В. Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4. С. 37–67; Крадин Н.Н. Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012. С. 219–241.

государства, использование сравнительных антропологических данных имеет огромное и даже первостепенное значение.

У истоков разработки политантропологической теории безусловно стоял выдающийся американский антрополог Л.Г. Морган. В своей книге «Древнее общество» он высказал тезис, что первобытные общества основаны на родстве, тогда как для обществ с государственностью ключевым фактором стала территориальная принадлежность. Морган ввел понятие «военной демократии» для описания обществ, находящихся на стадии предшествующей государственности⁸. Однако как дисциплина политическая антропология сформировалась в рамках британского функционализма. В 1940 г. в Великобритании были опубликованы три важные книги, в которых систематизировался опыт изучения политических систем и институтов власти архаических обществ Африки. Это книги об ануаках и нуэрах Э. Эванс-Причарда⁹ и знаменитый сборник «Африканские политические системы» под редакцией М. Фортеса и Э. Эванс-Причарда, ставший своеобразным манифестом нового направления. В книге был систематизирован опыт изучения политических систем и институтов власти архаических обществ Африки. Все рассматриваемые общества были разбиты на две группы — первобытные государства (*primitive state*) и «безгосударственные» (*stateless*) общества, которые основывались на родственных связях или «сегментарной» инфраструктуре¹⁰. Именно с этого времени принято теперь отсчитывать официальное «рождение» политической антропологии.

В последующие десятилетия американскими, британскими и французскими антропологами (а также исследователями других стран, находившимися под влиянием данной дисциплины) было выполнено большое количество исследований, посвященных изучению политики, власти, идеологии в колониальных и постколониальных обществах Африки, Азии, Океании, Латинской Америки¹¹. Российская политическая антропология развивалась под

⁸ Морган Л. Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.

⁹ Эванс-Причард Э. Нуэры. М., 1985.

¹⁰ African Political Systems / Ed. M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. N.Y., 1940.

¹¹ Vincent J. Anthropology and Politics: Visions, Traditions, Trends. Tucson, 1990; Lewellen T.C. Political Anthropology: An Introduction. Westport, 1992; Gledhill J. Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics. L., 2000; Rivière C. Anthropologie politique. P., 2000, etc.

определенным влиянием западной науки. Однако у нее есть свои достижения и перспективы. Особенно много для выделения политической антропологии в особую этнографическую субдисциплину в нашей стране сделал африканист Л.Е. Куббель. Именно он в 1988 г. опубликовал первую в отечественной науке книгу на данную тему «Очерки потестарно-политической этнографии»¹². В этой работе подробно разбирается предмет данной дисциплины, политическая культура первобытных, раннегосударственных и колониальных обществ, большое внимание уделено изучению идеологических механизмов властвования.

Ключевым вопросом для политической антропологии второй половины XX в. было выяснение того, как и вследствие каких факторов одни формы политической организации преобразовывались в другие. Наиболее существенные результаты в классификации политических форм были достигнуты в рамках американского неозволюционизма. Неозволюционизм возник после Второй Мировой войны. К этому времени антропология осознала необходимость выйти за пределы локальных эмпирических исследований и приступать к синтетическим обобщениям накопленного материала. Наиболее популярная схема была создана американским антропологом Э. Сервисом. Первой формой объединения людей, по его мнению, были *локальные группы* охотников и собирателей. Они имели эгалитарную общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникают *общины* и *племена*, появляются институты межобщинного лидерства, возможно, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия — *вождество* (англ. *chiefdom*). В вождестве возникает социальная стратификация, отстранение масс от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием *государства* центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, цивилизация, города¹³.

¹² Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

¹³ Service E. Primitive Social Organization: an evolutionary perspective. N.Y., 1962 (2nd ed. 1971); *Idem*. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

Особое место в этом ряду занимает теория вождества. Наибольший вклад в ее разработку внесли неозволюционисты «второй волны» — Э. Сервис, М. Салинз и Р. Карнейро¹⁴. Последующий прогресс связан с фундаментальными статьями и книгами Т. Эрла¹⁵. Вождество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появлению государства. Принято выделять следующие основные признаки этой формы социополитической организации: (1) существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений; (2) наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, присутствие тенденций к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие; (3) существование редистрибуции — перераспределения прибавочного продукта и подарков по вертикали (власть вождя основана на престижной экономике); (4) наличие общей идеологической системы и/или общих культов и ритуалов (Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер.).

Пик популярности данной теории в Европе и США пришелся на последнюю треть XX в. В отечественную науку термин вошел на рубеже 1970–1980-х гг., когда А.М. Хазанов предложил пользоваться при рассмотрении вопросов становления государственности термином «вождество» (аналог английского «чифдом»)¹⁶, а Л.С. Васильев в двух обзорах подробно изложил суть данной концепции¹⁷.

¹⁴ *Service E.* Primitive Social Organization; *Idem.* Profiles in Ethnology. N.Y.; L., 1963; *Carneiro R.* The chiefdom as precursor of the state // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981. P. 37–79; *Салинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.

¹⁵ *Earle T.* Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. 1987. P. 279–308; *Idem.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997; *Idem.* Bronze Age economics: The beginnings political economies. Boudler, 2002, etc.

¹⁶ *Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 125–177.

¹⁷ *Васильев Л.С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 177–186; *Он же.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.

Полтора десятилетия назад автор этих строк написал многостраничный обзор, посвященный теории вожества¹⁸. В настоящее время термин достаточно часто используется в работах отечественных ученых, он вошел в учебники, пособия и справочные издания. В последнем варианте «Большой российской энциклопедии» ему посвящена большая вдумчивая статья В.А. Попова¹⁹.

По количеству уровней иерархии вожества могли быть «простыми» и сложными». В простых вожествах имеется один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя — как правило, более крупному поселению. Численность простого вожества — несколько тысяч человек. Сложное вожество — это более крупная политическая единица, которая состояла из нескольких простых вожеств. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вожеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности.

В некоторых случаях сложные вожества могли объединяться в суперсложные вожества. Обычно суперсложные вожества в 4–5 уровней иерархии существовали у кочевников-скотоводов²⁰. В земледельческих обществах при таком количестве иерархических ступеней, как правило, возникало государство. Однако вожество отличалось от государства не только высотой пирамиды власти. По мнению многих исследователей, в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия²¹, тогда как правитель вожества обладал лишь «консенсуальной властью», т. е. авторитетом. Эта точка зрения уходит своими корнями в веберовское понимание государства.

¹⁸ Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

¹⁹ Попов В.А. Вожество // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 557.

²⁰ Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002; Он же. Кочевники Евразии. Алматы, 2007; Turchin P., Gavrilets S. Evolution of Complex Hierarchical Societies // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No 2. P. 167–198.

²¹ Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967. P. 230, 235; Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975. P. 16; The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 639–640.

Надо сказать, что положение вождей было незавидным в случае злоупотребления ими своим статусом²². Следует согласиться с точкой зрения, что многим государствам (не только ранним) не хватает монополии на использование силы²³ и, наоборот, — существование монополии на легитимное насилие фиксируется в ряде безгосударственных обществ²⁴.

Поэтому более правильно было бы делать акцент не на каком-то отдельном признаке, а на совокупности происходящих в обществе изменений. Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Гражданские чиновники ответственны за мобилизацию ресурсов, управление, контроль информационными потоками. Военные ответственны за завоевания и оборону от врагов, а иногда на них возлагается поддержание внутренней стабильности. Религия предназначена для создания общей идентичности и освящения существующего строя²⁵.

В рамках политической антропологии принято выделять два основных подхода к пониманию ранней государственности. Согласно «интегративной» (функционалистской, адапционистской) версии политогенеза, архаическое государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми вождеская организация власти не может справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т. е. священной) идеологии²⁶. По мнению сторонников «конфликтной» версии политогенеза, государственность — это результат культурной адаптации и стабилизации стратифицированного общества от предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства, исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования²⁷.

²² Салинз М. Экономика каменного века. С. 137–141.

²³ Carneiro R. The chieftdom as precursor of the state. P. 68; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 28.

²⁴ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 339–340.

²⁵ Earle T. Bronze Age economics. P. 16.

²⁶ Service E. Primitive Social Organization; *Idem*. Origins of the State and Civilization.

²⁷ Fried M. The Evolution of Political Society.

Один из главных идеологов функционалистской версии политогенеза — Э. Сервис рассматривал создание государства с точки зрения «выгоды», которую оно несет своим гражданам. Он признавал, что подданным приходится платить определенную «цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывался видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивировал это тем, что ему не известны случаи восстаний в ранних государствах. Эти аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологическая доктрина взаимного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями²⁸.

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи (сторонники «завоевательной» теории) привлекали внимание к насильственному, военному решению экономических проблем; другие — обращали внимание на то, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля; третьи (марксистские авторы) — акцентируют внимание на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества.

В настоящее время мало кто из исследователей готов безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это крайние полюса единого процесса. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т. д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены соглашаться со своим более низким статусом. В литературе много писалось об амбивалентности власти.

²⁸ The Study of the State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981.

Государство — орудие власти. Оно столь же двулико, как и сама власть. Оно одновременно и помогает, и наказывает. Даже в классической древности существовало амбивалентное отношение к государству: оно воспринималось как неизбежное, но все-таки зло²⁹.

В этой связи ключевой вопрос, которыми задавались многие исследователи, как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво³⁰. Можно говорить, наверное, о трех ключевых каналах достижения власти — экономике, войне и идеологии. Экономическая власть основана на контроле над ключевыми секторами производства и ресурсами, а также на доступе к перераспределению ресурсов. Т. Эрл предлагает выделять основные финансы и финансы богатства³¹. В первом случае имеется в виду контроль над реальными секторами экономики и их результатами — производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому во втором случае речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших престижно значимые для статуса товары³², или о контроле над внешней торговлей³³.

Военный фактор проявляется, прежде всего, в наличии у лидера вооруженных и, как правило, хорошо обученных сторонников, которые могут оказать помощь в борьбе против конкурентов. Помимо этого, война предполагала возможность завоевания и порабощения или запугивания с целью гарантировать поддержку и защиту. Р. Кайнейро в своей «теории ограничения» синтези-

²⁹ Якобсон В.А. Введение в историю бюрократии // ВДИ. 2012. № 1. С. 81–125.

³⁰ Mann M. *The Sources of Social Power*. Cambridge, 1986. Vol. I: *A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*; Earle T. *How Chiefs Come to Power*; Archaic states / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998; *From leaders to rulers* / Ed. J. Haas. N.Y., 2001; Flannery K., Marcus J. *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge, Mass., 2012, etc.

³¹ Earle T. *Bronze Age economics*. P. 192–194.

³² *Specialization, exchange, and complex societies* / Ed. E.M. Brumfiel, T. Earle. Cambridge, 1987.

³³ Ekholm K. *External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems* // *The Evolution of Social Systems* / Ed. J. Friedman and M. Rowlands. L., 1977. P. 115–136; Sáenz C. *Lords of the waste: predation, pastoral production and the process of stratification among the eastern Tuaregs* // *Chieftdoms, Power, Economy, and Ideology* / Ed. T. Earle. Cambridge, 1991. P. 100–118.

ровал экологический подход с военным фактором. В условиях, когда территория расселения популяции имеет границы, рост населения не может быть решен путем миграции. В такой ситуации возникает конкуренция за ресурсы и институализируется лидерство. Группы начинают вести войны за ресурсы и порабощение³⁴. Данная концепция вызвала много споров среди исследователей. Полемика не утихает до сих пор. Не так давно журнал «Социальная эволюция и история» («Social Evolution & History») посвятил целый номер современному видению этой проблемы (2012. № 2).

Идеология предполагает обеспечение доминирования через культурно значимые для общества символы. Она имеет очень важное значение для интеграции группы. Коллективные ценности реализуются как в рамках каждодневных действия, так и через публичные ритуалы и церемонии, совместные трапезы и праздники. Как очень точно подметил М. Манн, успешная идеология предполагает взгляд, делающий боль жизни и неравенство более терпимыми³⁵. Важное место в этой связи имеют различные дарообменные механизмы, которые камуфлируют реальную иерархию идеологическими одеждами, создают иллюзию сопричастности подданных и правителей. Светская, военная и сакральная власть могла быть как разделенной между различными группами элиты, так и интегрированной в той или иной комбинации.

Традиционно принято выделять три главных признака государства: территориальное деление (иногда данный признак сводится к «территории»), налоги и формирование особого аппарата управления. Эта «триада» до сих пор считается классической в политической и юридической науках. Нет сомнения, данная точка зрения справедлива в отношении развитых современных государств. Однако еще Л.Е. Куббель показал, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редистрибуцией ресурсов и налогами очень условна, и далеко не всегда ее можно четко провести. Только наличие бюрократического аппарата можно считать надежным критерием государства. Однако и в этом случае далеко не всегда

³⁴ *Carneiro R.* A theory of the origin of the state // *Science*. 1970. No 169 (3947). P. 733–738.

³⁵ *Mann M.* The Sources of Social Power. P. 23.

можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства³⁶.

Современные специалисты в области политогенеза используют другие критерии, свидетельствующие о формировании государственности. Так, согласно К. Флэннери, для архаической государственности характерно наличие четырех уровней иерархии (верхний — административный), социальной иерархии, фиксируемой в жилищах и погребениях, наличие дворцовой, административной и храмовой архитектуры, фортификаций, наличие вооруженных сил и внешней экспансии, присутствие спонсируемого государством ремесла³⁷. По мнению Г. Фэйнмана и Д. Маркуса, признаками государства являются: четырехуровневая иерархия, наличие сакрализованного правителя, двухклассовой структуры, дворца правителя, законов, высокоцентрализованного и специализированного внутренне правительства³⁸. А. Смит концентрирует внимание на таких чертах, как развитая социальная стратификация, наличие централизованных правительственных учреждений, которые ограничивают доступ и равное распределение от ресурсов и обладают легитимным насилием³⁹. Ч. Мэйзелс понимает государство как силу, способную осуществлять контроль над территорией и людьми, которая представляет централизованный аппарат власти, отдельные сегменты которого имеют различный функционал и специализацию: военную, фискальную, судебную и идеологическую⁴⁰.

Во всех представленных выше мнениях универсальной чертой является наличие особых специализированных органов власти. В этой связи важно заметить, что лиц, занятых управлением, необходимо делить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие

³⁶ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии.

³⁷ *Flannery K.V.* The Ground Plan of Archaic States // *Archaic states*. P. 21.

³⁸ *Feinman G., Marcus J.* Introduction // *Archaic states*. P. 4–7.

³⁹ *Smith A.T.* The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley; Los Angeles; L., 2003. P. 90.

⁴⁰ *Maisels Ch.* The Archaeology of Politics and Power: Where, When, and Why the First States Formed. Oxford, 2010. P. 3.

решений (родственники, придворные, священники и т. д.). Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних (архаических) государствах, но, например, и в вождествах, только категория специальных функционеров может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил Карл Витфогель: государство это управление профессионалов⁴¹.

Кроме того, мы можем говорить о государстве как об организации только в том случае, если она состоит из *большого количества* людей. Государство — это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью, а аппарат управления, т. е. совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок (габитус). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцелярии и т. д.), либо в принципе не быть институализирована и находиться при дворе, ставке («штабе» — в концепции М. Вебера) правителя.

В данном случае речь идет, как правило, о сложившейся государственности, т. е. о таком аппарате управления, который приобрел институализированные формы. Однако такие феномены как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая стратификация и частная собственность формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации как раннее государство.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Х. Дж. М. Классена и его школы. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство», изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом африканистом

⁴¹ Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957. P. 239.

П. Скальником⁴², и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий. Теория «раннего государства» включила достижения неоеволюционистской и структуралистской антропологии, а также творческого марксизма. Она оказала значительное влияние на развитие отечественной политической антропологии последней трети XX — начала XXI в. (на Л.Е. Куббеля, А.М. Хазанова, Л.С. Васильева, а через их работы и идеи на следующее поколение политантропологов).

При этом нужно иметь в виду, что связь здесь между отечественной и европейской наукой более сложная. В концепции «раннего государства» немало общего с концепцией «дофеодального общества» А.И. Неусыхина, согласно которой еще до возникновения феодализма в Европе существовали иерархические политические структуры, которые явно не соответствовали классическим признакам феодализма. Эти идеи были очень популярны в тот период, когда П. Скальник обучался в Ленинградском университете. Еще тогда он пришел к выводу, что многие политические структуры доколониальной Африки не отвечают признакам феодальной формации и правильнее их было бы обозначить термином «раннее государство» (диплом защищался на английском языке!). Впоследствии он развернул эти идеи в кандидатской диссертации, которой не суждено было быть защищенной в социалистической Чехословакии. Сам автор был вынужден на длительный период времени уехать из страны.

Именно в годы эмиграции П. Скальника сформировался его творческий союз с Х.Дж.М. Классеном и вышли первые два тома о раннем государстве⁴³. В этих книгах, особенно в первой, авторы понимают раннее государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта, или социальных класса — на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основным принципом которой является взаимный обмен услугами»⁴⁴.

⁴² The Early State.

⁴³ Ibidem; The Study of the State.

⁴⁴ The Early State. P. 640.

Изначально авторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств — *зачаточные* (*inchoate*), *типичные* (*typical*) и *переходные* (*transitional*). Для *типичного* раннего государства характерно: 1) сохранение кланово-линиджных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений на высших уровнях управления; 2) существование должностных лиц как от кормлений за счет вверенных подданных, так и на жалование из центра; 3) наличие письменно зафиксированного свода законов; 4) появление специального аппарата судей, которые уже разбирали большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями», имеющее «точно установленный характер» и осуществляющееся как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появление специальных чиновников и лиц, помогающих им⁴⁵.

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персону сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти, отпадала необходимость в данных функциях «священного царя»⁴⁶. На этой стадии ранние государства трансформировались в *зрелое* доиндустриальное государство (*mature state*), в котором имеется развитый бюрократический аппарат и частная собственность⁴⁷.

С течением времени возникла необходимость в пересмотре типологии и пришлось отказаться от выделения так называемых *зачаточных* и *переходных* ранних государств. Первые соответствуют критериям вождеств, а последние — признакам *зрелых* доиндустриальных государств с развитым бюрократическим аппаратом⁴⁸. Кросс-культурный анализ концепции позволил скорректировать признаки *типичного* раннего государства и показал,

⁴⁵ Ibidem. P. 21, 641.

⁴⁶ Claessen H.J.M. Kingship in the early state // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 1986. Vol. 142. No 1. P. 113–129.

⁴⁷ Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. М., 2007.

⁴⁸ Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С.184–208.

что именно на этой стадии появляются такие важные признаки как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др.⁴⁹. В 2008 г. англоязычный журнал «Социальная эволюция и история» организовал специальную дискуссию, посвященную состоянию теории раннего государства и приуроченную к тридцатилетию выхода книги «Раннее государство»⁵⁰. Роль теории «раннего государства» в современной археологической и антропологической науке показана в обстоятельной обзорной статье П. Скальника, опубликованной годом позже⁵¹. Спустя три десятилетия после выхода тома о раннем государстве, была предложена уточненная формулировка: «раннее государство это независимая трехуровневая (национальный, региональный, локальный уровни) социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном, стратифицированном обществе, разделенном во всяком случае на две основные страты или зарождающихся общественных класса — т. е. правителей и управляемых, — чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязательством платить налоги вторых, что узаконено общей идеологией, базисный принцип которой — взаимный обмен»⁵².

Одна из самых важных тенденций последних десятилетий — отход от однолинейных концепций политогенеза. Если в рамках марксистской схемы существовала точка зрения о противопоставлении ориентированного на распределение власти «Запада» (античность, феодализм) и деспотичного «Востока», то новый подход предполагает дихотомию двух полярных стратегий в политической эволюции. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потреб-

⁴⁹ Bondarenko D.M., Korotayev A.V. «Early State» in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // Cross-Cultural Research. 2003. Vol. 37. No 1. P. 105–132.

⁵⁰ Social Evolution & History. 2008. Vol. 7. No 1.

⁵¹ Skalnik P. Early State Concept in Anthropological Theory // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No 1. P. 5–24.

⁵² Claessen H.J.M. Before the Early State and After: An Introduction // Social Evolution & History. 2008. Vol. 7. No 1. P. 13.

ностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) стратегии характерно большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Термин «гетерархия» обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей⁵³. Судя по всему, первым, кто пришел к этой идее, был К. Ренфрю⁵⁴. Однако он писал о двух вариантах вождеств, и далеко не все сразу осознали значимость данной идеи. Только позднее стало ясно, что это был важный подход, который примерно в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали М. Агларов (Кавказ), Ю.Е. Березкин (Передний Восток, Средняя Азия и Новый Свет), А.В. Коротаев (горцы), К. Крэмли (железный век Западной Европы), Г. Фэйнман и С. Ковалевски (Мезоамерика) и др.⁵⁵. Все это позволяет сделать *вывод*, что параллельно с созданием *иерархических* обществ (вождеств и государств) существует другая линия социальной эволюции — *неиерархические* общества. Следовательно, социальная эволюция является *многолинейной*.

В конце прошлого и начале нынешнего века традиционная схема Э. Сервиса (локальная группа — община — вождество — архаическое государство — национальное государство) подвер-

⁵³ *Crumley C.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // From leaders to rulers. P. 19–36.

⁵⁴ *Renfrew C.* Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // *Reconstructing Complex Societies*. Ann Arbor, 1974.

⁵⁵ *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988; *Березкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; *Коротаев А.В.* Горы и демократия // *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток, 1995; *Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, 1995. P. 1–5; *Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A. and Peregrine P.N.* A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. No 1. P. 1–14, 73–86; *Бондаренко Д.М., Коротаев А.В.* Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // *Общественные науки и*

глась постмодернистской и постколониальной критике. Особенно много нападков было сделано против концепции «вождества». Критика была положительно воспринята в современной англо-американской археологии⁵⁶. Это привело к тому, что использование социальных типов в антропологии стало немодным⁵⁷. Распространилось отрицательное отношение к использованию этнографических параллелей при рассмотрении проблем политогенеза⁵⁸. При всем моем личном достаточно отрицательном отношении к постмодернизму следует отметить, что критиками были выдвинуты важные аргументы, которые нельзя не учитывать. Это и критика западоцентристского и расистского взгляда на мировую историю, призыв к учету роли гендера, ошибочность прямолинейных сопоставлений доисторических сообществ и их этнографических аналогий.

Однако необходимо заметить, что за едкой критикой практически нет новых концептуальных идей. Рецензируя книгу Н. Йофе, Д. Вебстер очень точно подметил, что его выводы относительно происхождения государства очень близки к выводам тех, кого он критикует. «Мало кто не согласился бы с этим 30 или 40 лет назад»⁵⁹.

современность. 1999. № 5. С. 128–138; *Берент М.* Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // *Альтернативные пути к цивилизации.* М., 2000. С. 235–258; *Ковалевски С.* Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Там же. С.171–185; *Уасон П., Балдиа М.* Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Там же. С. 219–234; *Feinman G.* Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // *From leaders to rulers.* P. 151–175; *Бондаренко Д.М.* Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград, 2006; *Гришин Л.Е.* Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. *Chapman P.* Alternative States // *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies.* N.Y., 2008. P. 144–165.

⁵⁶ *Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005; *Pauketat T.* Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. Lanham; N.Y., Toronto; Plymouth (UK), 2007; *Routledge B.* Archaeology and State Theory: Subjects and Objects of Power. N.Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2014.

⁵⁷ *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989; *Kuznar L.* Reclaiming a Scientific Anthropology. Altamira, 2008.

⁵⁸ *Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005. P. 5–6.

⁵⁹ *Webster D.* States of mind // *Cambridge Archaeological Journal.* 2005. Vol. 15. No 2. P. 263.

В некотором роде можно констатировать, что западная антропология и археология в последние десятилетия вернулись к временам доминирования антиисторизма и эмпиризма подобно эпохе исторического партикуляризма К. Боаса. Трудно судить, насколько долго данный тренд продлится в антропологическом и археологическом сообществе. В книге К. Кристиансена, посвященной доисторической Европе, конфликт между процессуалистами и постмодернистами графически изображен в виде оптимистичной циклической линии⁶⁰. Период антиисторизма неизбежно должен смениться новым теоретическим синтезом на новых концептуальных основаниях. Не может не радовать, что ряд видных американских специалистов подтверждают, что в литературе все чаще фиксируется возрождение интереса к социальным типам⁶¹.

Подведем итоги анализа. Во-первых, существует большое число причин, которые влияли на развитие политической централизации. Во-вторых, современные историки, археологи и антропологи (этнологи) склонны считать, что генезис государства обусловлен двумя взаимосвязанными процессами — необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества («интегративная» теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций («конфликтный» подход, «классовая» теория). Государство выступает одновременно и как носитель общепольных функций, и как выразитель социального конфликта. Более того, данная амбивалентность справедлива и для современного государства. В-третьих, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. Многие исследователи придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства.

ЛИТЕРАТУРА

- Абелес М.* Политическая антропология: новые задачи, новые цели // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. VI. № 20. С. 27–44.
- Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988.

⁶⁰ *Kristiansen K.* Europe before History. Cambridge, 1998. P. 39.

⁶¹ *Neitzel J.E., Erale T.* Dual-tier approach to societal evolution and types // Journal of anthropological archaeology. 2014. Vol 36. No 1. P. 182.

- Березкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 165–187.
- Берент М.* Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 235–258.
- Бондаренко Д.М.* Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 164–183.
- Бондаренко Д.М., Кортаев А.В.* Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 128–138.
- Бочаров В.В.* Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4. С. 37–67.
- Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.
- Васильев Л.С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 177–186.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- Гринин Л.Е.* Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. М., 2007.
- Гумплович Л.* Основы социологии. СПб., 1899.
- Исследования по общей этнографии / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1979.
- Каутский К.* Материалистическое понимание истории. М.; Л., 1931. Т. 2: Государство и развитие человечества.
- Ковалевски С.* Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 171–185.
- Кола Д.* Политическая социология. М., 2001.
- Кортаев А.В.* Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.
- Крадин Н.Н.* Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 184–208.
- Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. 4-е изд. М., 2011.
- Крадин Н.Н.* Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012. С. 219–241.
- Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929.

- Лыньша В.А.* Загадка Энгельса // Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лыньша. Владивосток, 1995. С. 36–58.
- Морган Л.* Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.
- От доклассовых обществ к раннеклассовым / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987.
- Попов В.А.* Вожество // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 557.
- Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л.В. Данилова. М., 1968.
- Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1995.
- Салинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.
- Становление классов и государства / Отв. ред. А.И. Першиц. М., 1976.
- Уасон П., Балдиа М.* Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 125–177.
- Эванс-Причард Э.* Нуэры. М., 1985.
- Якобсон В.А.* Введение в историю бюрократии // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 81–125.
- African Political Systems* / Ed. M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. N.Y., 1940.
- Archaic states* / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998.
- Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A. and Peregrine P.N.* A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. No 1. P. 1–14, 73–86.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* «Early State» in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // *Cross-Cultural Research*. 2003. Vol. 37. No 1. P. 105–132.
- Carneiro R.* A theory of the origin of the state // *Science*. 1970. No 169 (3947). P. 733–738.
- Carneiro R.* The chiefdom as precursor of the state // *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge, 1981. P. 37–79.
- Chapman P.* Alternative States // *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies*. N.Y., 2008. 144–165.
- Claessen H.J.M.* Kingship in the early state // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1986. Vol. 142. No 1. P. 113–129.
- Claessen H.J.M.* Before the Early State and After: An Introduction // *Social Evolution & History*. 2008. Vol. 7. No 1. P. 4–18.
- Crumley C.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *From leaders to rulers* / Ed. J. Haas. N.Y., 2001. P. 19–36.

- Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, 1995. P. 1–5.
- Earle T.* Bronze Age economics: The beginnings political economies. Boudler, 2002.
- Earle T.* Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. 1987. P. 279–308.
- Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997.
- Ekholm K.* External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // The Evolution of Social Systems / Ed. J. Friedman and M. Rowlands. L., 1977. P. 115–136.
- Feinman G.* Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From leaders to rulers / Ed. J. Haas. N.Y., 2001. P. 151–175.
- Feinman G., Marcus J.* Introduction // Archaic states / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998. P. 3–13.
- Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, Mass., 2012.
- Flannery K.V.* The Ground Plan of Archaic States // Archaic states / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998. P. 15–57.
- Fried M.* The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967.
- From leaders to rulers / Ed. J. Haas. N.Y., 2001.
- Gledhill J.* Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics. L., 2000.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989.
- Kristiansen K.* Europe before History. Cambridge, 1998.
- Kuznar L.* Reclaiming a Scientific Anthropology. Altamira, 2008
- Lewellen T.C.* Political Anthropology: An Introduction. Westport, 1992.
- Lowie R.H.* Origin of the state. N.Y., 1927.
- Maisels Ch.* The Archaeology of Politics and Power: Where, When, and Why the First States Formed. Oxford, 2010.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Cambridge, 1986. Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760.
- Neitzel J.E., Earle T.* Dual-tier approach to societal evolution and types // Journal of anthropological archaeology. 2014. Vol 36. No 1. P. 181–195.
- Oppenheimer F.* Der Staat. Frankfurt am Main, 1919.
- Pauketat T.* Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. Lanham; N.Y.; Toronto; Plymouth (UK), 2007.
- Renfrew C.* Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies. Ann Arbor, 1974. P. 69–95.

- Rivière C.* Anthropologie politique. P., 2000.
- Routledge B.* Archaeology and State Theory: Subjects and Objects of Power. N.Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2014.
- Sáenz C.* Lords of the waste: predation, pastoral production and the process of stratification among the eastern Tuaregs // *Chiefdoms, Power, Economy, and Ideology* / Ed. T. Earle. Cambridge, 1991. P. 100–118.
- Service E.* Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.
- Service E.* Primitive Social Organization: an evolutionary perspective. N.Y., 1962; 2nd ed. 1971.
- Service E.* Profiles in Ethnology. N.Y.; L., 1963.
- Skalnik P.* Early State Concept in Anthropological Theory // *Social Evolution & History*. 2009. Vol. 8. No 1. P. 5–24.
- Smith A.T.* The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley; Los Angeles; L., 2003.
- Specialization, exchange, and complex societies / Ed. E.M. Brumfiel, T. Earle. Cambridge, 1987.
- The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978.
- The Study of the State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981.
- Turchin P., Gavrilets S.* Evolution of Complex Hierarchical Societies // *Social Evolution & History*. 2009. Vol. 8. No 2. P. 167–198.
- Turnwald R.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen. B.; Leipzig, 1935. Bd. 4: Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung.
- Vincent J.* Anthropology and Politics: Visions, Traditions, Trends. Tucson, 1990.
- Webster D.* States of mind // *Cambridge Archaeological Journal*. 2005. Vol. 15. No 2. P. 260–264.
- Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.
- Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005.

Nikolay N. Kradin

POLITICAL ANTHROPOLOGY ON STATE ORIGINS

Abstract: State origins is the perpetual problem of the humanities. It excited curiosity of scholars working in such fields as philosophy, jurisprudence, sociology, political science, history, etc. There were advanced many opinions in this respect. There exist hundreds of books and thousands of articles on the theme. The first to have appeared were the so-called “sacral” and “patriarchal” theories. They were followed by the theory of “social contract”. These theories are based on philosophical premises. They all are believed to be the so-called “speculative” theories of state origins. Modern conceptions of the origins of the state working

up in political anthropology have a set of basic features distinguishing them from classic theories that have been developed by historians, philosophers and lawyers. Formation of the state was the result of two interconnected processes. They are: consolidation of the society (the integrative or functionalist theory) and regulation of structural collisions in the society (the conflict theory). According to these theories the state fulfills functions useful for all, as well as expresses social antagonisms. Statehood is the result of getting control over such basic spheres of social life activity as economics and ideology. The important role is performed by armed supporters who make it possible both to establish control inside the society and to stir up the outside expansion. Nowadays there exist some most popular anthropological theories exposing different ways of the origins of the state. This article discusses such basic problems as the nature of statehood, signs of the state, theory of “the early state” and the stages of transformation of statehood through history, multiline character of the processes of politogenesis, the role of such concepts as “chiefdom” and “heterarchy”. It shows that in the recent decades many theories have been criticized in Western postmodernist and postcolonial anthropology. It is necessary to revise the West-centric and racist conceptions of world history, to take into account the gender factor, to understand that the straightforward comparison of prehistoric entities and their ethnographical analogies was false. However, postmodernists could not suggest any integral alternative to replace the theories of the second half of the twentieth century.

Keywords: state, state origins, politogenesis, chiefdom, complex society, heterarchy, social evolution, political anthropology

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Heinrich Härke

MIGRATIONS AND STATE FORMATION IN THE EARLY MIDDLE AGES: A VIEW FROM THE WEST*

Abstrat: Migrations of “tribes”, and mobility of elites, figure in many narratives of state formation and nation-building. But the frequent assumption that early medieval migrations regularly led to state formation is not borne out by a critical look at western European cases between the fifth and eleventh centuries AD. The outcomes of migrations in this period varied considerably. The case studies discussed in this paper include the Anglo-Saxon immigration into England and other migrations of the fifth — seventh centuries AD in western Europe, and the Viking immigration into the British Isles as well as other Scandinavian cases of the ninth — eleventh centuries AD in the west. Taken together, these cases demonstrate that migration does not necessarily lead to state formation. But even in the absence of state formation, some social change among migrants is likely because migrations require organisational leadership.

State formation appears to have been a likely consequence only where immigrants encountered native populations of a certain level of social complexity. The reason might lie in the nature of segmentary (tribal) organisation: it presupposes social links and shared ancestry among the lineages of the tribe. This imposes size limitations, but more importantly restrictions in terms of identity. After conquest by an immigrant population or elite, one possible solution is that the native population is reduced to the status of slaves who are attached to the households of lineage members. The alternative would be the creation of a joint state based on a common ideology (such as afforded by Christianity in early medieval western Europe).

Keywords: Anglo-Saxons, Vikings, migration, colonization, state formation

Early state theory has tended to focus on conditions of state formation and the structures of early states¹, with only occasional

* I am profoundly grateful to Irina Arzhantseva (Moscow) who suggested the topic of the original paper, to Peter Heather (London) who urged me, in the discussion after my conference presentation, to take my argument further, and to Grenville Astill (Reading) who helped with discussions and bibliographical references on the subject of Anglo-Saxon state formation.

¹ The early state / Eds H.J.M. Claessen and P. Skalnik. Den Haag, 1979; Lull V. and Micó R. Archaeology of the origin of the state: the theories. Oxford, 2011; overviews:

references to the need for a cause that triggers state formation². The assumption that migrations provide such a trigger is, however, much older than recent theory, and can be found in nineteenth and earlier twentieth century romanticizing (or nationalist or even racist) accounts of how migrations spread civilization and statehood across Europe and beyond³ (Fig. 1).

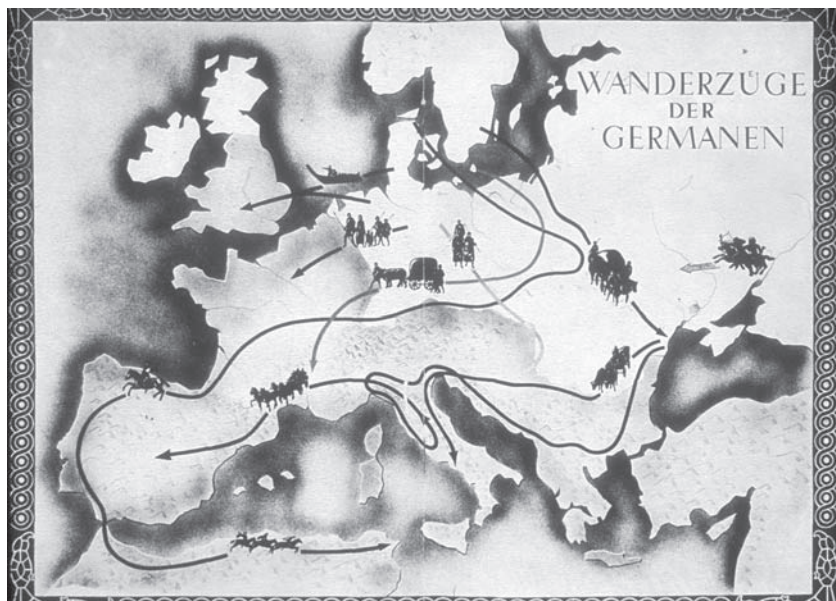

Fig. 1. German museum display showing the “Migrations of the Germani” (Schoppa 1969)

In reverse perspective, accounts of conflicts with migrating or marauding “tribes” have played a significant role in nineteenth and twentieth century narratives of state formation and nation-building. It is intended here to examine this assumption by looking at early

Chapman R. Evolution, complexity and the state // *Socialising complexity: Structure, interaction and power in archaeological discourse* / Eds S. Kohring and S. Wynne-Jones. Oxford, 2007. P. 13–28; *Yoffee N.* Deep pasts: Interconnections and comparative history in the ancient world // *A companion to world history* / Ed. D. Northrop. Oxford, 2012. P. 156–170.

² E.g. *Claessen H.J.M.* Was the state inevitable? // *The early state, its alternatives and analogues* / Eds L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin and A.V. Korotayev. Moscow, 2004. P. 72–87; *Higham C.* From the Iron Age to Angkor: New light on the origins of a state // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. P. 822–835.

³ E.g. *Strasser K.T.* Deutschlands Urgeschichte. Frankfurt, 1933. P. 92.

medieval migrations and state formation in parts of western Europe (fifth — eleventh centuries AD). The fact that the subject of migration in the past has long been unfashionable in western European archaeology and is only now making a slow come-back has also led to a lack of debate and publications on this particular question⁴.

In the discussion below, the term “migration” is used for cases of mobility in which a group leaves a distinct origin area and moves to a distinct destination area where it settles down⁵. By contrast, the term “expansion” is applied where the origin area is not given up, and origin and destination areas are contiguous. “Colonization” describes cases in which a group or population moves into a previously unoccupied or abandoned area. A “state” is a polity with a non-segmentary (non-tribal) organization, with a central authority of some kind, and with some form of taxation (monetary or in kind) which is intended to support elements of administrative and military organization controlled or overseen by the central authority. While this very general definition is probably uncontroversial, the archaeological recognition of states is a difficult and challenging subject which deserves further debate⁶. That is not the purpose of this paper, nor is the discussion of the archaeological identification of migrations.

Post-Roman migrations (fifth — seventh centuries AD)

Among the many population movements of Germanic peoples during and after the collapse of the Western Roman Empire, the Anglo-Saxon migration stands out because a large part of it happened across an extensive body of water (the North Sea). It originated in areas of northern Germany and southern Scandinavia which had never been under Roman control, and targeted the southeastern parts

⁴ *Härke H.* Archaeologists and migrations: a problem of attitude? // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39 No. 1. P. 19–45; *Härke H.* The debate on migration and identity in Europe // *Antiquity*. 2004. Vol. 78. P. 453–456.

⁵ For concepts and terminology, cf. *Anthony D.W.* Migration and archaeology: the baby and the bathwater // *American Anthropologist*. 1990. Vol. 92. P. 895–914; *Anthony D.W.* Prehistoric migration as social-process // *Migrations and invasions in archaeological explanation* / Eds J. Chapman and H. Hamerow. Oxford, 1997. P. 21–32; *Fra-chetti M.D.* Migration concepts in Central Eurasian archaeology // *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40. P. 195–212.

⁶ *Cherry J.* Generalization and the archaeology of the state // *Social organisation and settlement (British Archaeological Reports, S 47)* / Eds D. Green, C. Haselgrove and M. Spriggs. Oxford, 1978. P. 411–438.

of England which had been abandoned by the Roman Empire in the early fifth century, about two generations before the arrival of significant numbers of Anglo-Saxon immigrants. By that time, the former Roman provinces of Britannia had reverted to a pattern of small, apparently tribal kingdoms⁷. From the middle of the fifth to the early sixth century, a substantial number of Germanic immigrants arrived, numbering perhaps as many as 100,000 to 200,000 who made up a minority of about 10 — 20% in the native population⁸. The language and material culture of the pagan immigrants spread rapidly and became dominant across southeast Britain while the partly Romanized, Christian natives became archaeologically almost invisible⁹.

This was not an organized, military invasion as it was portrayed in older accounts (Fig. 2), but a gradual process of immigration and settlement, partly by self-contained family or clan groups, less often by warbands¹⁰. This process seems to have led to a multitude of small tribal polities developing into kingdoms¹¹. In socio-political terms, they were essentially “conquest societies” operating a form of temporary “apartheid” system in which the natives were a subordinate population ruled by the militarily and politically dominant immigrants, with only limited interbreeding between the two groups¹². According to historical and archaeological consensus, state formation in Anglo-Saxon England did not begin until the seventh century or even later, indicated by royal dynasties, written laws, taxation, and long-distance

⁷ *Esmonde Cleary A.S.* The ending of Roman Britain. L., 1989; *Jones M.E.* The end of Roman Britain. Ithaca; L., 1996.

⁸ *Härke H.* Anglo-Saxon immigration and ethnogenesis // *Medieval Archaeology*. 2011. Vol. 55. P. 1–28.

⁹ *Härke H.* Invisible Britons, Gallo-Romans and Russians: Perspectives on culture change // *Britons in Anglo-Saxon England* (Publications of the Manchester Centre for Anglo-Saxon Studies, 7) / Ed. N. Higham. Woodbridge, 2007. P. 57–67.

¹⁰ *Härke H.* Anglo-Saxon immigration.

¹¹ *Beda Venerabilis*, *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* (HE): Bede’s Ecclesiastical History of the English People/ Transl. B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969.

¹² *Härke H.* Kings and warriors: Population and landscape from post-Roman to Norman Britain // *The peopling of Britain: the shaping of a human landscape* / Eds P. Slack and R. Ward. Oxford, 2002. P. 145–175.; *Thomas M.G., Stumpf M.P.H. and Härke H.* Evidence for an apartheid-like social structure in early Anglo-Saxon England. *Proceedings of the Royal Society B*. 2006. Vol. 273. P. 2651–2657; *Wolf A.* Apartheid and economics in Anglo-Saxon England // *Britons in Anglo-Saxon England* (Publications of the Manchester Centre for Anglo-Saxon Studies, 7) / Ed. N. Higham. Woodbridge, 2007. P. 115–129.

Fig. 2. Arrival of the Anglo-Saxons under Hengist and Horsa in AD 449 on the shore of Kent, England (woodcut, nineteenth century)

trade under royal control¹³. This means that state formation happened about two centuries after the start of the immigration, and more than a century after the end of the migration. It is also significant that state formation in England ran in parallel with the Christianization of the Anglo-Saxon kingdoms¹⁴, and that it involved the increasing acculturation and assimilation of the native Britons¹⁵.

This delayed state formation in England is in marked contrast to the pattern observed in the cases of Goths, Vandals, Lombards and Franks¹⁶. Their migrations, some of them over large distances across

¹³ The origins of Anglo-Saxon kingdoms / Ed. S. Bassett. Leicester, 1989; *Yorke B. Kings and kingdoms of early Anglo-Saxon England*. L., 1990; see Grenville G. Astill, this volume.

¹⁴ The cross goes north: Processes of conversion in northern Europe, AD 300–1300 / Ed. M. Carver. Woodbridge, 2003; *Higham N. An English empire : Bede and the early Anglo-Saxon kings*. Manchester, 1995.

¹⁵ *Härke H. Population replacement or acculturation? An archaeological perspective on population and migration in post-Roman Britain // The Celtic Englishes III (Anglistische Forschungen, 324)* / Ed. H.L.C. Tristram. Heidelberg, 2003. P. 13–28.

¹⁶ *Heather P. The fall of the Roman Empire*. L., 2005; *Idem. Empires and Barbarians*. L., 2009; *Todd M. Migrants and invaders: The movement of peoples in the ancient world*. Stroud, 2001. For a different perspective, see *Halsall G. Barbarian migrations and the Roman West, 376–568*. Cambridge, 2007.

the European continent, all resulted in fairly rapid, though not always immediate, state formation. The Lombards (or Longobards), for example, migrated for long distances overland, from the Lower Elbe region to Northern Italy. There are no historical or archaeological indicators of Lombard state formation during the first half of the sixth century when they settled in Pannonia, but only after conquest of, and settlement in, Italy from AD 568 onwards¹⁷. The cases of the Goths¹⁸ and Vandals¹⁹ are closely similar regarding the onset of state formation which happened only after settlement in former Roman territories with developed socio-political systems and large native populations. In the case of the Franks, their original short-distance migration across the Rhine, and the following expansion of their polity from what is now Belgium, made them the masters of much of Western Europe, and direct successors to the Roman Empire in these provinces²⁰. The common features of these Continental cases are that these peoples took over Roman territories as going concerns; they had been exposed to Roman civilization to varying degrees before finally moving into Roman provinces; and they were already Christians when they made that final move. All these factors made it easier for them to establish functioning administrations, issue coins and raise taxes, and integrate the native populations into their polities. In terms of size, the historical sources imply that they made up around 10% of the native populations in their respective settlement areas, but with marked regional differences and concentrations²¹.

Scandinavian migrations (ninth — eleventh centuries AD)

From around AD 800, Viking groups from Denmark and Norway moved into the British Isles, crossing the North Sea, and later the North Atlantic, in their robust and efficient sailing boats. They came from regions which had trading contacts to the British Isles, Western

¹⁷ *Menghin W.* Die Langobarden: Archäologie und Geschichte. Stuttgart, 1985.

¹⁸ *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.–7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien. 1994. Vol. 28. P. 51–171; *Heather P.* The Goths. Oxford, 1996.

¹⁹ Das Reich der Vandalen und seine (Vor-)Geschichten / Ed. G.M. Berndt. Wien, 2008; *Merrills A. and Miles R.* The Vandals. Malden, Mass., 2010.

²⁰ *Gregory of Tours.* Historia Francorum: Gregory of Tours. The History of the Franks / Transl. L. Thorpe. Harmondsworth, 1974; Die Franken: Wegbereiter Europas / Ed. A. Wiczorek. Mainz, 1996.

²¹ *Musset L.* The Germanic invasions. L., 1975.

Europe and the countries around the Baltic Sea, and were undergoing processes of centralization towards regional kingdoms²². The Scandinavian incomers into the British Isles moved initially in small groups, most of them predominantly male, creating larger armies only later in the ninth century AD²³. Discounting the initial phase of raiding across the British Isles, their activities and their impacts on the destination areas differed from region to region: occupation of land and urbanization in eastern and north-eastern England²⁴; rural settlement in Scotland and on the northern and western isles²⁵; trading and the introduction of urbanism in Ireland²⁶. In all these regions, the pagan immigrants encountered Christian natives, sometimes in large numbers²⁷. The Scandinavians probably numbered less than 10% in most regions²⁸, with genetic evidence pointing to much higher proportions (up to 30% or more) in the Scottish isles and the Isle of Man²⁹.

The socio-political outcomes of the Viking settlements varied, depending on numbers and types of activities. In Scotland and the isles, the incomers created earldoms which may have been similar to the Scandinavian pattern of pre-state organisation, intermarrying with natives, but with an elite leadership of Scandinavian descent³⁰. In Ireland and northeast England, the towns of Dublin and York became centres of Viking kingdoms which had all the hallmarks of early states: they issued coins, raised taxes, concluded treaties, and sent armies out

²² Sawyer P. *The age of the Vikings*. 2nd ed. L., 1971.

²³ Loyn H.R. *The Vikings in Britain*. Oxford, 1994; Sawyer P. *Kings and Vikings : Scandinavia and Europe AD 700–1100*. L., 1982.

²⁴ Richards J. *The English Heritage Book of Viking Age England*. L., 1991.

²⁵ Graham-Campbell J. and Batey C.E. *Vikings in Scotland: An archaeological record*. Edinburgh, 1998; Sharples N.M. and Smith R. *Norse settlement in the Western Isles // Scandinavian Scotland — Twenty years after* / Ed. A. Woolf. St Andrews, 2009. 103–130.

²⁶ Edwards N. *The archaeology of early medieval Ireland*. L., 1990.

²⁷ *Cultures in contact: Scandinavian settlement in England in the ninth and tenth centuries* / Eds D.M. Hadley and J.D. Richards. Turnhout, 2000; Griffiths D. *Vikings of the Irish Sea: Conflict und assimilation AD 790–1050*. Stroud, 2010.

²⁸ Härke H. *Kings and warriors*.

²⁹ Goodacre S., Helgason A., Nicholson J., Southam L., Ferguson L., Hickey E., Vega E., Stefánsson K., Ward R. and Sykes B. Genetic evidence for a family-based Scandinavian settlement of Shetland und Orkney during the Viking period // *Heredity*. 2005. Vol. 95. P. 129–135.

³⁰ *Orkneyinga Saga* / Transl. Hermann Pálsson and P. Edwards. Harmondsworth, 1978; Barrett J.H. *The Norse in Scotland // The Viking world* / Ed. S. Brink and N. Price. L., 2008. P. 411–427.

on campaigns³¹. In these two cases, the identical outcomes of Viking settlement are interesting because the preconditions were different: Ireland (and Scotland) had seen no moves towards state formation before the Viking settlement, whereas the English kingdoms overrun and occupied by the Vikings were clearly early states. In Ireland, organized military resistance against the immigrants led to a slow, gradual process of native state formation, with more power vested in the hands of the previously nominal High King³². In England, the Anglo-Saxon reconquest of the Viking territories in the tenth century led to the unification of the country in a single state ruled by the dynasty of Wessex³³.

How does this compare with other Viking migrations and expansions in the west? Scandinavian settlement in northern France led in the tenth century to the creation of a “modern”, efficiently administered state, with the Scandinavian elite becoming thoroughly acculturated and adopting French language and customs as well as Christian belief³⁴. The conquest of Anglo-Saxon England in 1066 by these Normans and their multi-ethnic mercenaries (including Flemish and Bretons, in particular) was essentially the expansion of the Norman state³⁵, but it created in England and Wales a “conquest society” divided sharply along ethnic lines, with the natives being in a legally, socially and politically inferior position³⁶. The Viking migration to Iceland in the late ninth century was the colonization of a pristine, unsettled territory, and the outcome was the continuation of Scandinavian pre-state social organization, dominated by powerful families and their respective heads³⁷.

³¹ *O’Corráin D.* Ireland before the Normans (Gill History of Ireland, 2). Dublin, 1972; *Richards J.* The English Heritage Book.

³² The impact of the Scandinavian invasions on the Celtic-speaking peoples c. 800–1100 A.D. / Ed. B. O’Cuív. Dublin, 1983.

³³ Anglo-Saxon Chronicle: English historical documents c. 500–1042 / Ed. D. Whitelock. 2nd ed. L.; N.Y., 1979; *Campbell J.* The Anglo-Saxon state. L., 2000.

³⁴ *Douglas D.* The rise of Normandy. Proceedings of the British Academy, 4th series. 1947. Vol. 33. P. 101–130; *Stenton F.M.* The Scandinavian colonies in England and Normandy. Transactions of the Royal Historical Society. 1945. Vol. 27. P. 1–12.

³⁵ *Golding B.* Conquest and colonisation: The Normans in Britain, 1066–1100. N.Y., 1994.

³⁶ *Garnett G.* Franci et Angli: the legal distinctions between peoples after the conquest. Anglo-Norman Studies. 1985. Vol. 8. P. 109–137.

³⁷ Landnámabók Íslands / Ed. Finnur Jónsson. Copenhagen, 1925. (English translation: Book of the settlement of Iceland / Transl. T. Ellwood. Kendal, 1898.); *Jones G.* The Norse Atlantic Saga. Oxford, 1964.

Conclusions

The cases discussed above demonstrate that early medieval migrations in the west did not necessarily lead to state formation. This highlights that the assumption of such a link is derived to a large extent from written sources which often present a biased narrative serving as a conquest or foundation myth for medieval dynasties and states³⁸. The Anglo-Saxon case shows that in such narratives the same elites may be represented as the legitimate descendants of Germanic migrants (Fig. 2), and — under different historical circumstances — as heroic defenders against the next wave of Viking migrants and invaders (Fig. 3).

Fig. 3. King Alfred fighting the Vikings in AD 877 at Swanage Bay (mural in the entrance hall of Westminster Palace, late 1930s)

A critical examination of the evidence, both historical and archaeological, suggests a varied and complex pattern. Where state formation resulted from migration, it seems to have been a consequence of the earlier level of socio-political organisation of immigrants and

³⁸ *Härke H. Conquest ideology, ritual, and material culture // Image, memory and monumentality. Archaeological engagements with the material world: A celebration of the academic achievements of Professor Richard Bradley (Prehistoric Society Research Paper 5) / Eds A.M. Jones, J. Pollard, M.J. Allen and J. Gardiner. Oxford; Oakville, 2012. P. 108–115.*

natives in each case: where the natives already had a complex social organisation or offered organized opposition to the immigration, state formation encompassing the immigrants was much more likely than in other cases. But even if a state did not result, immediately or with some delay, from an immigration situation, some social change among the migrants is likely because migrations require organisational leadership. Thus, permanent leaders and kings emerged among the Anglo-Saxons in England while the Old Saxons in the North German homelands continued their system of elected war leaders (dukes) in the absence of kingship³⁹. On the other hand, the case of the colonization of Iceland shows that profound social change should not be expected in all cases of long-distance mobility.

Thus, while state formation was not a necessary outcome of migration, it may have been a likely consequence where immigrants encountered native populations. One of the reasons might lie in the nature of segmentary (tribal) organisation: it presupposes social links and shared ancestry among the lineages of the tribe, with all its members tracing themselves back to a real or imaginary ancestor⁴⁰. This imposes size limitations: the largest segmentary societies recorded by ethnographers have sizes of about one million, with smaller sizes being much more typical⁴¹. There are also restrictions in terms of identity: large numbers of alien natives (or immigrants) cannot easily be integrated into a social group identity built on kinship and descent⁴².

Where immigration leads to conquest, one possible solution is that the native population is summarily reduced to the status of slaves who are attached to the households of lineage members; it seems that this was temporarily the case after the Anglo-Saxon immigration into England⁴³. The alternative for multi-component populations, with sub-populations

³⁹ *Capelle T.* Die Sachsen des frühen Mittelalters. Darmstadt; Stuttgart, 1998.

⁴⁰ *Fried M.H.* The notion of tribe. San Francisco, 1975; *Service E.R.* Primitive social organisation. N.Y., 1962.

⁴¹ *Barnard A. and Spencer J.* Routledge encyclopedia of social and cultural anthropology. 2nd ed. L., 2010.

⁴² See Kinship and social organisation (American Museum Sourcebooks in Anthropology, 10) / Eds P. Bohannan and J. Middleton. Garden City, N.Y., 1968; *Mair L.* Primitive government. Harmondsworth, 1962.

⁴³ *Härke H.* Early Anglo-Saxon social structure // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the eighth century: an ethnographic perspective (Studies in Historical Archaeoethnology, 2) / Ed. J. Hines. Woodbridge, 1997. P. 125–170; *Thomas M.G., Stumpf M.P.H. and Härke H.* Evidence for an apartheid-like social structure.

of roughly equal status (though not necessarily of equal size), would be the creation of a joint state based on a common ideology, such as afforded by Christianity in early medieval western Europe.

REFERENCES

- Anthony D.W.* Migration and archaeology: the baby and the bathwater // *American Anthropologist*. 1990. Vol. 92. P. 895–914.
- Anthony D.W.* Prehistoric migration as social-process // *Migrations and invasions in archaeological explanation* / Eds J. Chapman and H. Hamerow. Oxford, 1997. P. 21–32.
- Barnard A. and Spencer J.* *Routledge encyclopedia of social and cultural anthropology*. 2nd ed. L., 2010.
- Barrett J.H.* The Norse in Scotland // *The Viking world* / Ed. S. Brink and N. Price. L., 2008. P. 411–427.
- Bierbrauer V.* *Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.–7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien*. 1994. Vol. 28. P. 51–171.
- Campbell J.* *The Anglo-Saxon state*. L., 2000.
- Capelle T.* *Die Sachsen des frühen Mittelalters*. Darmstadt; Stuttgart, 1998.
- Chapman R.* Evolution, complexity and the state // *Socialising complexity: Structure, interaction and power in archaeological discourse* / Eds S. Kohring and S. Wynne-Jones. Oxford, 2007. P. 13–28.
- Cherry J.* Generalization and the archaeology of the state // *Social organisation and settlement (British Archaeological Reports, S 47)* / Eds D. Green, C. Haselgrove and M. Spriggs. Oxford, 1978. P. 411–438.
- Claessen H.J.M.* Was the state inevitable? // *The early state, its alternatives and analogues* / Eds L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin and A.V. Korotayev. Moscow, 2004. P. 72–87.
- Cultures in contact: Scandinavian settlement in England in the ninth and tenth centuries* / Eds D.M. Hadley and J.D. Richards. Turnhout, 2000.
- Das Reich der Vandalen und seine (Vor-)Geschichten* / Ed. G.M. Berndt. Wien, 2008.
- Die Franken: Wegbereiter Europas* / Ed. A. Wiczorek. Mainz, 1996.
- Douglas D.* The rise of Normandy. *Proceedings of the British Academy*, 4th series. 1947. Vol. 33. P. 101–130.
- Edwards N.* *The archaeology of early medieval Ireland*. L., 1990.
- Esmonde Cleary A.S.* *The ending of Roman Britain*. L., 1989.
- Frachetti M.D.* Migration concepts in Central Eurasian archaeology // *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40. P. 195–212.
- Fried M.H.* *The notion of tribe*. San Francisco, 1975.
- Garnett G.* Franci et Angli: the legal distinctions between peoples after the conquest // *Anglo-Norman Studies*. 1985. Vol. 8. P. 109–137.

- Golding B.* Conquest and colonisation: The Normans in Britain, 1066–1100. N.Y., 1994.
- Goodacre S., Helgason A., Nicholson J., Southam L., Ferguson L., Hickey E., Vega E., Stefánsson K., Ward R. and Sykes B.* Genetic evidence for a family-based Scandinavian settlement of Shetland and Orkney during the Viking period // *Heredity*. 2005. Vol. 95. P. 129–135.
- Graham-Campbell J. and Batey C.E.* Vikings in Scotland: An archaeological record. Edinburgh, 1998.
- Griffiths D.* Vikings of the Irish Sea: Conflict and assimilation AD 790–1050. Stroud, 2010.
- Halsall G.* Barbarian migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge, 2007.
- Härke H.* Anglo-Saxon immigration and ethnogenesis // *Medieval Archaeology*. 2011. Vol. 55. P. 1–28.
- Härke H.* Archaeologists and migrations: a problem of attitude? // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39 No. 1. P. 19–45.
- Härke H.* Conquest ideology, ritual, and material culture // *Image, memory and monumentality. Archaeological engagements with the material world: A celebration of the academic achievements of Professor Richard Bradley (Prehistoric Society Research Paper 5) / Eds A.M. Jones, J. Pollard, M.J. Allen and J. Gardiner.* Oxford; Oakville, 2012. P. 108–115.
- Härke H.* Early Anglo-Saxon social structure // *The Anglo-Saxons from the Migration Period to the eighth century: an ethnographic perspective (Studies in Historical Archaeoethnology, 2) / Ed. J. Hines.* Woodbridge, 1997. P. 125–170.
- Härke H.* Invisible Britons, Gallo-Romans and Russians: Perspectives on culture change // *Britons in Anglo-Saxon England (Publications of the Manchester Centre for Anglo-Saxon Studies, 7) / Ed. N. Higham.* Woodbridge, 2007. P. 57–67.
- Härke H.* Kings and warriors: Population and landscape from post-Roman to Norman Britain // *The peopling of Britain: the shaping of a human landscape / Eds P. Slack and R. Ward.* Oxford, 2002. P. 145–175.
- Härke H.* Population replacement or acculturation? An archaeological perspective on population and migration in post-Roman Britain // *The Celtic Englishes III (Anglistische Forschungen, 324) / Ed. H.L.C. Tristram.* Heidelberg, 2003. P. 13–28.
- Härke H.* The debate on migration and identity in Europe // *Antiquity*. 2004. Vol. 78. P. 453–456.
- Heather P.* The fall of the Roman Empire. L., 2005.
- Heather P.* Empires and Barbarians. L., 2009.
- Heather P.* The Goths. Oxford, 1996.
- Higham C.* From the Iron Age to Angkor: New light on the origins of a state // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. P. 822–835.

- Higham N.* An English empire: Bede and the early Anglo-Saxon kings. Manchester, 1995.
- Jones G.* The Norse Atlantic Saga. Oxford, 1964.
- Jones M.E.* The end of Roman Britain. Ithaca; L., 1996.
- Kinship and social organisation (American Museum Sourcebooks in Anthropology, 10) / Eds P. Bohannon and J. Middleton. Garden City, N.Y., 1968.
- Loyn H.R.* The Vikings in Britain. Oxford, 1994.
- Lull V. and Micó R.* Archaeology of the origin of the state: the theories. Oxford, 2011.
- Mair L.* Primitive government. Harmondsworth, 1962.
- Menghin W.* Die Langobarden: Archäologie und Geschichte. Stuttgart, 1985.
- Merrills A. and Miles R.* The Vandals. Malden, Mass., 2010.
- Musset L.* The Germanic invasions. L., 1975.
- O'Corráin D.* Ireland before the Normans (Gill History of Ireland, 2). Dublin, 1972.
- Richards J.* The English Heritage Book of Viking Age England. L., 1991.
- Sawyer P.* Kings and Vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100. L., 1982.
- Sawyer P.* The age of the Vikings. 2nd ed. L., 1971.
- Schoppa H.* Die Völkerwanderungszeit (Schriften des Städtischen Museums Wiesbaden, Nr. 7). Wiesbaden, 1969.
- Service E.R.* Primitive social organisation. N.Y., 1962.
- Sharples N.M. and Smith R.* Norse settlement in the Western Isles // Scandinavian Scotland — Twenty years after / Ed. A. Woolf. St Andrews, 2009. P. 103–130.
- Stenton F.M.* The Scandinavian colonies in England and Normandy. Transactions of the Royal Historical Society. 1945. Vol. 27. P. 1–12.
- Strasser K.T.* Deutschlands Urgeschichte. Frankfurt, 1933.
- The cross goes north: Processes of conversion in northern Europe, AD 300–1300 / Ed. M. Carver. Woodbridge, 2003.
- The early state / Eds H.J.M. Claessen and P. Skalnik. Den Haag, 1979.
- The impact of the Scandinavian invasions on the Celtic-speaking peoples c. 800–1100 A.D. / Ed. B. O'Cuív. Dublin, 1983.
- The origins of Anglo-Saxon kingdoms / Ed. S. Bassett. Leicester, 1989.
- Thomas M.G., Stumpf M.P.H. and Härke H.* Evidence for an apartheid-like social structure in early Anglo-Saxon England. Proceedings of the Royal Society B. 2006. Vol. 273. P. 2651–2657.
- Todd M.* Migrants and invaders: The movement of peoples in the ancient world. Stroud, 2001.
- Woolf A.* Apartheid and economics in Anglo-Saxon England // Britons in Anglo-Saxon England (Publications of the Manchester Centre for Anglo-Saxon Studies, 7) / Ed. N. Higham. Woodbridge, 2007. P. 115–129.

Yoffee N. Deep pasts: Interconnections and comparative history in the ancient world // *A companion to world history* / Ed. D. Northrop. Oxford, 2012. P. 156–170.

Yorke B. Kings and kingdoms of early Anglo-Saxon England. L., 1990.

WRITTEN SOURCES

Anglo-Saxon Chronicle: English historical documents c. 500–1042 / Ed. D. Whitelock. 2nd ed. L.; N.Y., 1979.

Beda Venerabilis. *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum: Bede's Ecclesiastical History of the English People* / Transl. B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969.

Gregory of Tours. *Historia Francorum: Gregory of Tours. The History of the Franks* / Transl. L. Thorpe. Harmondsworth, 1974.

Landnámabók Íslands / Ed. Finnur Jónsson. Copenhagen, 1925. (English translation: *Book of the settlement of Iceland* / Transl. T. Ellwood. Kendal, 1898.)

Orkneyinga Saga / Transl. Hermann Pálsson and P. Edwards. Harmondsworth, 1978.

Хайнрих Хэрке

МИГРАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ВЗГЛЯД С ЗАПАДА

Аннотация: Миграции «племен» и подвижность элит фигурируют во многих повествованиях о становлении государства и формировании наций. Но часто встречающееся утверждение, что миграции в период раннего Средневековья непременно вели к образованию государства, не выдерживает критики, если применить его к тому, что происходило в Западной Европе между V и XI вв. Миграции этого периода заканчивались по-разному. Исследования по данной теме, обсуждаемые в статье, касаются англосаксонской иммиграции в Англию и прочих миграций V–VII вв. в Западной Европе, а также иммиграции викингов на Британские острова, равно как и прочих миграций скандинавов в IX–XI вв. на западе Европы. Все эти случаи свидетельствуют, что миграция не всегда приводила к образованию государства. Но даже если до образования государства дело не доходило, не исключено, что среди мигрантов возникали социальные изменения, поскольку во главе мигрантов обязательно стоял вождь.

Государство образуется, скорее всего, только тогда, когда иммигранты встречаются с местным населением, занимающим более высокий уровень общественного развития. Одной из причин мог быть характер сегментар-

ной (племенной) организации: она предполагает общественные племенные связи и общих предков в составляющих племя линиджах. Этим объясняются ограничения численности, а также (и это важнее) ограничения в смысле идентичности. Вследствие завоевания иммигрантами (или иммигрантской элитой) местное население порой превращалось в рабов, прикрепленных к хозяйствам членов линиджей и работавших на них. Альтернативой могло быть образование единого государства, основанного на общей идеологии (в период раннего Средневековья в Западной Европе такой идеологией стало христианство).

Ключевые слова: англосаксы, викинги, миграция, колонизация, формирование государства

Martin Carver

MOUND-BUILDING and STATE-BUILDING:
A POETIC DISCOURSE

Abstract: This paper considers the relationship between the construction of monumental burial mounds and the formation of states, using the thesis of H.M. Chadwick as a point of departure. He showed that the surviving northern European literature, and epic poetry in particular, coincided with a widespread ideological change in the fifth century AD whereby allegiance to folk and polytheistic cult was superseded by allegiance to single male leaders and Odin. The nations thus created owed more to “heroic” adventurers than ethnogenesis. The circumstances that gave rise to the construction of large monumental burial mounds are held to be a reification of this process, celebrating dead leaders in a manner that is analogous to poetic eulogy. The form of these mounds and the symbolic decoration of the objects they contain suggest a spiritual role. Their role in governance is expressed by the wealth of investment and a prominent size and location. Examples are given in which the mound continues to have a political influence in its territory, which results in the mound being neutralised by excavation and removal of the body, or re-monumentalised to demonstrate continuing allegiance or supposed inheritance. A particular role, evident in mounds built in fifth century Japan and tenth century America is their use as assembly places for decision-making in the presence of the ancestors. Monumental burial mounds are not found everywhere or in all periods. They appear to be prompted by special political conditions in which the supporters of new leaders, usually incomers, create a monarchy and invest it with an appropriate past. The event is paralleled by the adoption of a religion in which a single male warrior god (Odin) is also paramount. The burial mound thus acts as tropheum, a history and a shrine to the dynasty around which a new nation is proclaimed.

Keywords: Northern Europe, early Middle Ages (fifth to tenth centuries AD), cult sites, burial rites, barrows, state formation, ideology

Introduction

The second half of the first millennium AD is a formative period in Europe in which the collapse of the Roman Empire led to the competitive creation of countries whose inheritance is still with us today. One force at work in this process of “state-formation” may have been ethnogenesis, in which people inside and outside the

former empire rediscovered their demographic identities and asserted them. Another is a process of intrusion in which groups of peoples (for example *Angles*) migrated and staked a territorial claim in places distant from their homeland, while other groups (such as *Ostrogoths*) were able to fill commanding vacancies in imperial networks, if only briefly.

However neither ethnogenesis nor conquest are satisfying explanations for state formation, partly because a sophisticated state already existed in the form of the Roman empire, and partly because modern interpretations involving race are inhibited by the numbing events of recent European history.¹ In consequence, there has been a tendency to assume that the Roman empire was the only form of state to which early medieval leaders aspired. The new leaders, in fact, are thought to have put the same value on the Roman prescription that today's historians do, and set about trying to reinvent an ersatz and essentially inferior version of it². Most of the literary evidence, being itself embedded in Roman culture, does allow this impression, but the archaeology is far more equivocal. There were attempts to reoccupy Roman towns and resurrect Roman material practice, especially church building, from the sixth century in the south and the seventh century in the north; but this hardly constitutes a successful restart of Roman government and economy. Since there is nothing to prevent the continuation of *Romanitas* in all its forms, especially in the former empire, it follows that not everyone agreed that this was a good idea. In short, there were other forces at work, mainly emerging from the pagan north and east.

This paper addresses these other forces, seeing them not as a distraction to Europe's main objective — to return to the path of Rome (which eventually happened), but as constituting a serious alternative ideology, which, although it failed, has left an enduring mark on the European psyche. It is also suggested that this northern region hosted its own debate on the formation of states, within which, like within Rome before them, the merits of co-operative and tyrannical politics were confronted. Since we only know about these political trends from archaeology, it will never be as easy to connect them

¹ *Härke H.* Anglo-Saxon immigration and ethnogenesis // *Medieval Archaeology*. 2011. Vol. 55. P. 1–28.

² *Hills C.* History and archaeology: the state of play in early medieval Europe // *Antiquity*. 2007. Vol. 81. P. 191–200.

to the abstract concerns of politics, and in particular to matters of governance, cult and commerce. However, a model can be advanced, I believe, by comparing the material evidence from cult sites and burial mounds, with the form and context of early poetry. This was a project initiated by H.M. Chadwick just over a century ago.

Chadwick's vision, one hundred years on

H.M. Chadwick's initiating interest was the Teutonic poetry of fifth-century Europe, much of which had survived as a number of fragments written in Old English, "Beowulf" at 3183 lines being the longest³. Chadwick identified the people mentioned in this corpus and realised that there were rather few of them: *Eormenric*, a Goth who committed suicide on the imminent invasion of the Huns (c. 370); *Attila*, *Aetla*, *Atli*, *Etzel* (Attila the Hun), who conquered eastern and much of western Europe (died 453); *Gunthere*, *Gundicarius*, Burgundian king in the first half of fifth century, defeated by Roman general Aetius in 435; *Theodric* (Dietrich von Bern) = Theodoric the Ostrogoth, who ruled Italy 489–526; *Hygelac* the Dane, who campaigned disastrously against Franks and Frisians in c. 520, and *Theodberht* (a Frank who defeated Hygelac) who ruled 534–548. There is no mention of anyone later than *Alboin*, king of the Langobardi, who died in 572⁴.

Since these works were focused on a particular period, described belligerent adventures, praised military virtues and great heroes and referred to the random interventions of a divine pantheon, Chadwick felt it was legitimate to compare them to works generated in Archaic Greece more than a millennium earlier, especially the Iliad and the Odyssey of Homer, and to connect similar poetry with a similar ideology. He termed this "heroic literature" and summarised their shared context as:

- The conquest of new land.
- A weakening of tribal ties, an emancipation from tribal law and a new reliance of bonds of allegiance between warriors.
- The development of an irresponsible type of kingship resting on military prestige, the formation of kingdoms with no national basis and the growth of relations between one kingdom and another.

³ *Chadwick H.M.* The Heroic Age. Cambridge, 1912. P. 1–10.

⁴ *Ibidem.* P. 23–28.

- In religion, the subordination of chthonic [relating to the underworld] and tribal cults to the worship of a number of universally recognised and highly anthropomorphic deities, together with the belief in a common and distant land of souls⁵.

Chadwick's "Heroic Age" did not therefore assume that ethnogenesis was the motor of the migration period, rather the opposite — a process in which tribal loyalties were loosened in favour of a cult of masculine leadership adventuring away from home. What these leaders "prized above all else was the ability to indulge their desires to the full — in feasting and every form of enjoyment for themselves, in unlimited generosity to their friends, in ferocious vindictiveness towards their foes"⁶. The context of the heroic poetry of the north could be specified further. It referred to events that took place between 370 and 572 AD. It applauded episodes of conquest. It involved a switch of allegiance from the folk to a single male non-ethnic leader. While religion conformed to the worship of highly anthropomorphic deities, Chadwick argued elsewhere that Odin was an intrusive figure who arrived in Scandinavia sometime before the sixth century⁷ and was adopted by warriors and princely families⁸. He also observed that these transitions were likely to be reflected in monumental mound burials, although only a few had then been excavated. The political circumstances, he believed, prompted the principal actors to exchange family obligations for adventure: "The force formerly exercised by the kindred is now largely transferred to the *comitatus*, a body of chosen adherents pledged to personal loyalty to their chief"⁹. Thus in the case of northern Europe, allegiance was not given to Goths, Vandals or Serbs, but to individual leaders, the most prominent of whom, Attila, was neither a German nor a Slav.

The arrival of the Huns from the east is an event that has been given more forceful significance by L. Hedeager in her 2011 "Iron Age myth and materiality". Her proposal is that the Huns created an Empire of the Steppes that took control of a large part of Europe including most of Scandinavia, as suggested by the mapping of

⁵ Ibidem. P. 442.

⁶ Ibidem. P. 462.

⁷ Chadwick H.M. The Cult of Othin: An Essay in the Ancient Religion of the North. London, 1899 (online at URL: <<http://ru.scribd.com/doc/2906612/The-Cult-of-Othin-by-H-M-Chadwick#scribd>>).

⁸ Chadwick H.M. The Heroic Age. P. 397.

⁹ Ibidem. P. 443.

artefacts specific to Hun culture, notably open-ended earrings and bronze mirrors. Studying the iconography on the early bracteates, she detected episodes in the “Lay of Atli”, such as Gunnar in the Snake pit, and saw in the C Bracteates a representation of Odin as the new king of the gods. She argues that Odin was in fact the divine version of Attila, refashioned in Scandinavia. Both are said to have come from Asia — the area of the River Don. Both went far and wide over the world and won every battle and caused people to flee from their lands. Odin was advised by two ravens, and Attila by two falcons. She also sees shamanism, an eastern practice associated with the Huns, as being imported into Scandinavia in this time¹⁰. It would survive to be a force in society recognisable among the Vikings¹¹. Hedeager follows modern commentators on seeing ethnicity as something that was adopted or created¹², as opposed to being rejected or superseded, as argued by Chadwick¹³. Like Chadwick, she aligns these events with the flourishing of new monuments: “the historical evidence for the introduction of new royal lineages is supported by the reinvention of a monumental burial tradition”, that is the building of large furnished barrows dedicated mainly to male warriors¹⁴. Not everyone has been convinced by her thesis. Some, for example, find the Hunnish signals on metalwork equivocal and the figures on bracteates as more likely to refer to the emperors of Rome¹⁵. But in its favour is a point that the author herself underplays, namely the allusion to the Huns and their Germanic contemporaries by name in the poetic fragments located by Chadwick in Scandinavia and northern Germany in the fifth century.

Although a specific connection with heroic poetry and ceremonial burial has only rarely been made, the parallel between immortalisation in verse and immortalisation in burial mounds is implicit in a number of studies, principally on the assumption that they celebrate members of the same “leadership class” in a similar language¹⁶. Michael

¹⁰ Hedeager L. *Iron Age Myth and Materiality. An archaeology of Scandinavia AD 400–1000*. Oxford, 2011. P. 196.

¹¹ Price N. *The Viking Way. Religion and war in Late Iron Age Scandinavia (AUN 31)* Uppsala, 2002.

¹² Hedeager L. *Iron Age Myth and Materiality*. P. 39.

¹³ See above.

¹⁴ Hedeager L. *Iron Age Myth and Materiality*. P. 225.

¹⁵ Näsman U. *Scandinavia and the Huns. A source-critical approach to an old question // Fornvännen*. 2008. Vol. 103. P. 111–118.

¹⁶ Carver M. *Burial as Poetry: the context of treasure in Anglo-Saxon Graves // Treasure in the Medieval West / Ed. E. Tyler. York, 2000. P. 25–48.*

Müller-Wille has consolidated the view that large burial mounds were erected as memorials to great leaders¹⁷. A hierarchy of *relative size* has been the main criterion used to distinguish the great from the less great. *Grave goods* give an estimation of rank, but perhaps not of wealth, several historians, notably J. Campbell¹⁸, showing that named figures in literature had infinitely more wealth than seen in any burial mound. This could be answered by the idea that mound funeral also constituted expenditure of a different kind — the construction of the mound itself and the *slaughter of numerous animals*, which might not be found in the mound but in pits around — as in the case of the numerous horses buried beside Childeric¹⁹. Even so, the equation between high investment burials and “heroic” leaders has not always been corroborated. For example, the boat burials on Bornholm, placed squarely within Chadwick’s Heroic Age, were seen as commemorating *religious specialists*²⁰. A similar idea was developed for the Viking period by N. Price, who saw certain rich graves, for example that at Fyrkat 4, as those of female shamans, rather than the partners of chiefs²¹. We will go on to explore the idea that monumental mounds performed roles, first religious and then political. We shall see that this is not inconsistent with the performance of the burial, like a eulogy, also offering a biography of the buried person.

Mounds in religion

The principal areas in which pre-Christian religious affiliations ought to be signalled are in burial rites and votive deposits. Both occur, and the question to be addressed is whether they are parallel activities reflecting different aspects of the same mind set, or

¹⁷ Müller-Wille M. Monumentale Grabhügel der Völkerwanderszeit in Mittel- und Nordeuropa: Bestand und Deutung // *Mare Balticum: Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Nuezeit: Festschrift zum 65. Geburtstag von Erich Hoffmann* / Hrggb. W. Paravicini (Kieler Historische Studien. Bd. 36). Sigmaringen, 1992. S. 1–20.

¹⁸ Campbell J. The impact of the Sutton Hoo discovery on the study of Anglo-Saxon history // *Voyage to the Other World. The legacy of Sutton Hoo* / Ed. C.B. Kendall and P.S. Wells. Minneapolis, 1992. P. 79–102.

¹⁹ Müller-Wille M. Kongtum und Adel im Spiegel der Grabfunde // *Die Franken: Wegbereiter Europas*. Mannheim, 1996. S. 206–221.

²⁰ Crumlin-Pedersen O. Bådgrave og gravbåde på Slusegård. Slusegård-gravpladsen III // *Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter*. 1991. B. XIV, 3. S. 259.

²¹ Price N. *The Viking Way*. P. 266.

successive practices denoting a change in spiritual focus. Cult sites have been known for many years in the form of votive deposits of tools, weapons and humans in lakes and bogs, but the evidence has increased and broadened in the last decade, both in the number of sites and greatly improved knowledge of dating and context. Metal-detection has harvested a wide distribution of the principal diagnostic objects, small rectilinear gold foils carrying images of people (*guldgubbar* — “gold-gaffers”) and round bracteates that feature men, women and animals in manners redolent of documented mythology. It was realised by K. Hauck that these finds were turning up at places with suggestively sacral placenames; and the subsequent excavations revealed sites of some complexity²². Gudme (“God’s Home”) on Fyn in Denmark, had large timber buildings and a number of cemeteries as well as numerous deposits of Roman and Migration period (fourth–seventh century) metal-work²³ (for location see Figure 1). At Uppåkra in south Sweden, numerous finds of *guldgubbar* and discarded weapons were focused on a bow-sided building with a central tower identified as a temple²⁴. At Helgö (Holy island) in Lake Mälaren the most recent interpretation suggests a strong ritual role with provision for visitors (“pilgrims”), workshops manufacturing souvenir brooches and a central temple or feasting-hall littered with coloured glass²⁵.

At the very least, these places appear as “congregational” sites, attracting visitors who are in need of spiritual benefits and willing to pay for them. Although ostensibly dedicated to cult, the presence of hall buildings, manufacturing and exotic imports has suggested that other factors were at work. This led to the adoption of the neutral term “Central Places”, places where it could be supposed that cult, governance and trade could all be practiced at a particular, if loosely focused, locality²⁶. However to establish which of these

²² *Fabeck Ch. and Näsman U.* Ritual landscapes and sacral places in the Frist Millennium AD in South Scandinavia // *Sacred Sites and Holy Places* / Ed. N.S. Walaker and S. Brink. Turnhout, 2013. P. 58.

²³ *The Archaeology of Gudme and Lundeborg.* Papers presented at a Conference at Svendborg, October 1991 / Ed. P.O. Nielsen, K. Randsborg and H. Thrane (*Arkaeologiske Studier X*). Copenhagen, 1994.

²⁴ *Continuity for Centuries. A ceremonial building and its context at Uppåkra, southern Sweden* / Ed. L. Larsson. Uppsala, 2004 (*Uppåkrastudier 10*).

²⁵ *Excavations at Helgö XVIII: Conclusions and New Aspects* / Ed. B. Arrhenius and U. O’Meadhra. Stockholm, 2011.

²⁶ *Fabeck Ch. and Näsman U.* Ritual landscapes and sacral places.

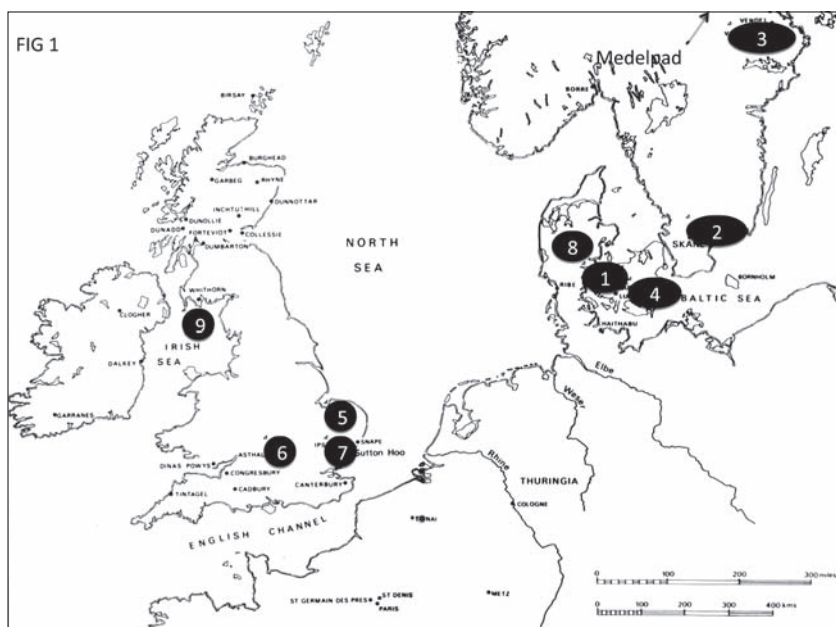

Figure 1: Map showing places mentioned in the text: (1) Gudme on Fyn (2) Uppåkra (3) Helgö (4) Tissø (5) Spong Hill (6) Wasperton (7) Sutton Hoo (8) Jelling (9) Tynwald, Isle of Man

functions is emphasised at a particular place and time remains high on our analytical agenda, since therein lies the key to the way a society is developing: towards a greater or lesser cohesion; towards a dependence on a gift-giving leader, as opposed to gift-taking gods. On Scandinavian sites, hall buildings have been identified as serving cult (e. g. at Gudme, Uppåkra), as princely (Lejre) or as equivocal between these roles (as at Tissø, below). Borg in Lofoten, Norway, is a single hall 80m long containing *guldgubbar*, in which the functions of cult and governance were probably combined²⁷.

It may be that some of these dichotomies of interpretation could be owed to changes through time. Scandinavian archaeologists have defined an intellectual revolution, beginning in the fifth or sixth century, in which cult was no longer confined to a special purpose centre, but could also be enacted by the lords in their

²⁷ Munch G.S, Johansen O.S. and Roesdahl E. Borg in Lofoten. A chieftain's farm in North Norway. Trondheim, 2003.

halls²⁸. Leaders abrogated to themselves a proprietary element of inbuilt cult, probably to improve their credibility and authenticate their dynasty in the long term. Thus although Gudme and Uppåkra continued to operate, new centres arose that were more plainly sited with governance, and then with trade in mind. Tissø on Sjælland in Denmark shows the process in action: swords were thrown into its lake in the sixth century, presumably as gifts to the gods, but by the seventh there was a hall and shrine and by Viking times it looks more like a trading centre²⁹. Fabech and Näsman refer to a “shift of sacredness from natural places to constructed places” and a new religious order in which “magnates and kings got a leading role”³⁰. According to F. Herschend, the supplanting of the “people of the bog” by the “people of the hall” is exemplified by the struggle between Grendel and Beowulf³¹. As often, while the new order finds its own site, the old order may obstinately persevere nearby. Helgö was receiving exotic imports — a bronze Buddha and Irish crozier and book fittings in the eighth century. Both hall sites and lake sites retained the power to draw crowds, attract revenue and exchange gifts, which makes them players in the development of a political economy. The process has been proposed as an ideological relay, where the principal intellectual emphasis changes through the first millennium from a perceived domination by cult, to one by kings and thence to a later stage where profit is lord³².

The monumental burial mound also has a starring role in this story of changing ideologies. The use of mounds to mark territorial control in the northern heroic age was deduced in western Norway where B. Myhre was able to propose sixth/seventh-century “Chieftain territories” using

²⁸ *Fabech Ch.* Reading Society from the Cultural Landscape. South Scandinavia between Sacral and Political Power // *The Archaeology of Gudme and Lundeberg*. P. 169–183; *Eriksen M.H.* Between the real and ideal. Ordering, controlling and utilising space in power negotiations — Hall buildings in Scandinavia, 250–1050. Unpublished MA dissertation, University of Oslo, 2010. P. 17.

²⁹ *Jørgensen L.* Gudme and Tissø. Two magnate complexes in Denmark from the 3rd to the 11th century // *Neue Studien zur Sachsenforschung*. 2010. Vol. 1. P. 273–286, esp. 285.

³⁰ *Fabech Ch. and Näsman U.* Ritual landscapes and sacral places. P. 82.

³¹ *Herschend F.* Beowulf and St Sabas: the tension between the Individual and the Collective in the Germanic society around 500AD // *Tor*. 1992. Vol. 24. P. 145–164.

³² *Carver M.O.H.* Commerce and cult. Confronted ideologies in 6–9th century Europe // *Medieval Archaeology*. 2015. Vol. 59. P. 1–23.

mounds, the wealth of graves and the size of ships³³. In eastern mid-Sweden, P. Ramqvist showed that the fifth-century mounds at Högom marked the seaward access of one of a number of parallel territories that could be regarded as early polities³⁴. However in both these case studies, the governed territories were defined by valleys, so could be artefacts of topography rather than politics. The first post-Roman big mounds were built in the fifth century at Gamla Uppsala and Högom in Medelpad. Large mounds follow in the Vendel (seventh/eighth century) and Viking (ninth/tenth century) periods. Attempts have been made to link their appearance with an assertion of religious change, as well as the emergence of an upper class. It was suggested that the Sutton Hoo mounds were erected as a response to Christianisation³⁵. W. Böhme noted the first appearance of mounds in the Rhineland at its delta, with later mound-building moving progressively upstream³⁶. If these are signals of incipient states, then the bankside states are forming first at the Rhine mouth and latterly in Switzerland. But the arrival of a monument does not have to be directly connected with the arrival of a new social structure. Böhme also studied high status burial in churches and showed them to have followed much the same trajectory, only a few decades later³⁷. In this second case at least, there is no reason to suppose any great change in social organisation or governance; the change is a change of policy. Following this line of argument, the polities are already in existence, and the barrow and the church act as the banners of their current alignment. They build mounds in the face of Christian aggression, and the mounds are replaced by churches as their allegiance changes. However the same argument cannot be used everywhere. Van de Noort's attempt³⁸ to extend the idea to the

³³ *Myhre B.* Chieftains' graves and chiefdom territories in South Norway in the Migration period // *Studien zur Sachsenforschung*. 1987. Vol. 6. P. 169–197.

³⁴ *Ramqvist P.H., Müller-Wille M.* Regionale und überregionale Bedeutung des völkerwanderungszeitlichen Gräberfeldes von Högom, Medelpad, Nordschweden. Ein Vorerbericht // *Germania*. 1988. Bd. 66/1. S. 95–134; *Ramqvist P.H.* Högom. Part 1: The excavations 1949–1984. Stockholm, 1992.

³⁵ *Carver M.O.H.* Sutton Hoo in context // *Settimane di Studio del Centro Italiano di studi sull'alto medioevo*. 1986. Vol. 32. P. 77–123, and see below.

³⁶ *Böhme H.W.* Adelsgräber im Frankenreich. Archäologische Zeugnisse zur Herausbildung einer Herrschicht unter dem merowingischen Königen // *Jahrbuch des Römisch-Germansischen Zentralmuseums*. 1993. Bd. 40. S. 397–534. Abb. 101.

³⁷ *Ibidem*. Abb. 99.

³⁸ *Van de Noort R.* The context of early medieval barrows in western Europe // *Antiquity*. 1993. Vol. 67. P. 72.

whole of north-west Europe was inappropriate, mainly because there is little or no coincidence between the earliest monumental mounds and Christianisation: there is no reason to think that fifth-century mound-builders at Gamla Uppsala or Högom in Medelpad, on the mid-Baltic coast, were in immediate danger from missionaries.

The fact that monumental mounds were built at different times in different places suggests we are looking for a historical context, not a single cause or an evolutionary trend. Mound burial may indeed be the sepulchral arm of “Odinisation” but the concomitant ideology need not be reified everywhere at the same time. Outbreaks can be seen in the fifth century in Medelpad and Uppland, in the seventh century in Uppland, and in the ninth century in Oslo fjord. Coincidentally, these are places where the congregational cult sites are currently thin on the ground, but this is a distribution that may not last. It is not essential that a cult site, dedicated to the service of a wider motley, should be supplanted by the new mood of personal glorification celebrated in the mounds and the halls. However we are entitled to conclude that this is the direction of the social trajectory. The aristocratisation of the cult sites and the building of the mounds move in the same direction, towards the divine rule of the individual leader gifted with an ability to amass wealth. A very similar transfer of power from a network of spiritual colleges to a king can be traced a century or so later in Christian Europe, especially in Celtic lands where the altruistic monastic experiment is soon eclipsed by the earnest pursuit of aristocratic and then merchant wealth³⁹.

The initial rules of this inquiry are therefore these: that the appearance of monumental mounds does connect to a change in emphasis from cults of the gods to a cult of the hero. It is reasonable to suppose that *at that place and that time* the need to build a monumental mound had arisen to assert alignment to the new thinking, whether as a rallying point to the leading dynasty or a signal to would-be invaders. The building and furnishing of a mound was a massive investment that went a long way past the celebration of ancestors or duty to the gods and passed into the realm of power politics.

³⁹ Carver *M.O.H.* Commerce and cult.

Mounds in politics: an English case study

English archaeologists, long resistant to the idea that the “Migration Period” applied to them, have now generally accepted that Britain too was settled by Germanic peoples between 400 and 600 who soon became a controlling majority in the south-east of the island⁴⁰. It was the fusion between incoming Anglo-Saxons and native Britons that allowed the emergence of the English state⁴¹, although the character and intensity of Germanisation and its consequent cultural impact varied greatly within the island⁴². It is clear from burial rites and from the symbolism carried on brooches that Anglo-Saxon belief-systems were closely related to those of Scandinavia⁴³, so, by analogy, a similar transition from “natural” to “structured” ritual places might be expected in England, as in Scandinavia. However, the material signs of non-Christian cult have proved remarkably elusive in Britain. *Guldgubbar* have not been found, although bracteates have. Votive deposits of early medieval date are rare, although they have been located in rivers⁴⁴.

Mound burial begins late and monumental mound burial even later, not until the late sixth or early seventh century. It may be that England is too far away to have experienced the bow-wave of the Huns, although it is of course precisely in the fifth century that the Angles and Saxons made their semi-legendary journeys to Britain. A brief overview of the social and ideological sequence expressed in English cemeteries can be followed via Spong Hill and Wasperton, the only two Anglo-Saxon cemeteries so far excavated in their entirety, and at Sutton Hoo one of the most intensely studied. The new synthesis, chronological ordering and interpretation of Spong Hill (Norfolk, East Anglia), published by Hills and Lucy in 2012⁴⁵, places the majority of its 2323 cremations in the fifth century. Their

⁴⁰ *Härke H.* Anglo-Saxon immigration and ethnogenesis.

⁴¹ *Ibidem.* P. 20.

⁴² *Hills C. and Lucy S.* Spong Hill. Part XI: Chronology and synthesis. Cambridge, 2013. P. 330.

⁴³ E. g. *Signals of Belief in Early England: Anglo-Saxon paganism revisited* / Ed. M.O.H. Carver, A. Sanmark and S. Semple. Oxford, 2010.

⁴⁴ *Bradley R.* The Passage of Arms: An archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits. Cambridge, 1990; *Stocker D. and Everson P.* The straight and narrow way; Fenland causeways and the conversion of the landscape in the Witham valley, Lincolnshire // *The Cross goes North. Processes of conversion in northern Europe* / Ed. M.O.H. Carver. Oxford, 2003. P. 271–288.

⁴⁵ *Hills C. and Lucy S.* Spong Hill.

strongly expressed symbolism is that of the northern pantheon, and their material culture and burial rites are closely paralleled in Niedersachsen and Jutland. The initiation of the cremation cemetery in the early fifth century is interpreted to be the result of seaborne interaction and immigration between that area and south Lincolnshire and northern Norfolk⁴⁶. Before the mid sixth century, 57 inhumations had appeared on the northern periphery of the cremation cemetery, with two small mounds and two still smaller to the south-east (Figure 2). Not having religious roots in the locality, the incoming Angles may have relied on cremation and the urn to signify their address to the gods, although it is possible that votive deposits also await discovery in the lowlands of the Wash. Thus an immigrant community from north Germany is seen to settle in Norfolk and follow a theistic or faith-led path for at least a century, but in the sixth century more worldly loyalties emerge, expressed as inhumations and eventually inhumations under mounds.

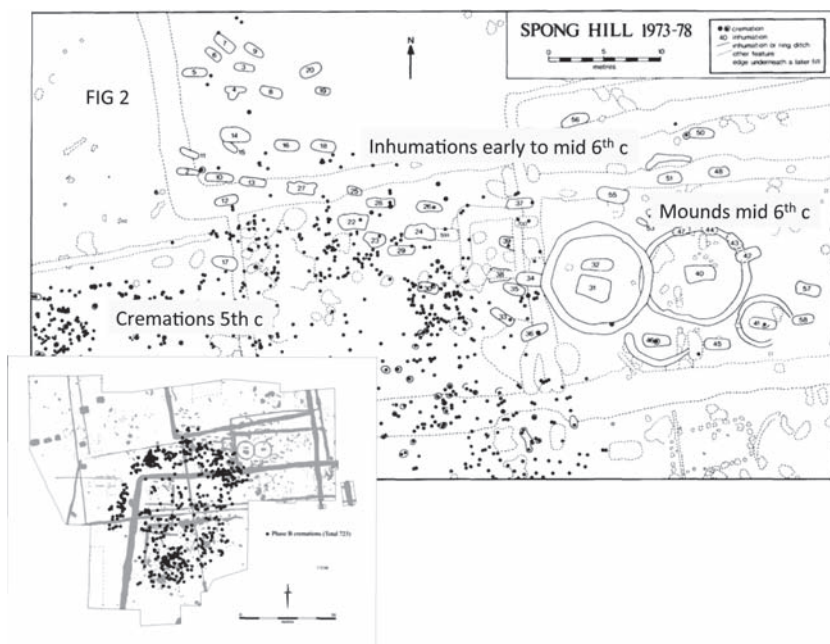

Figure 2: Spong Hill (Norfolk) Anglo-Saxon cemetery, plan (after Hills C. and Lucy S. Spong Hill)

⁴⁶ Ibidem. P. 229, 330.

A different version of a similar trajectory was observed at Wasperton (Warwickshire) on the Avon in the English midlands⁴⁷ (Figure 3).

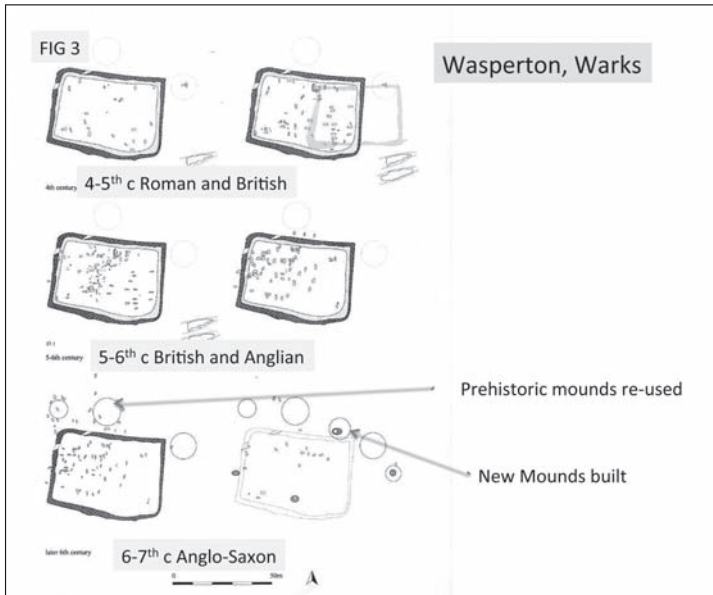

Figure 3: Wasperton (Warwickshire) Romano-British-Anglo-Saxon cemetery, phasing (after Carver M., Hills C. and Scheschkewitz J. Wasperton)

This cemetery began in the third century AD as a burial ground for Romano-Britons in a redundant agricultural enclosure. Identifiably British graves with slab linings continued there for the next four centuries, culminating in a grand cist grave of the early seventh century, containing an occupant of Mediterranean extraction. Anglian cremations arrived towards the end of the fifth century, and were placed in their own fenced area in the enclosure. In the sixth century, the burial rite changed to furnished inhumation, with grave goods showing alignment first to East Anglia and then to Wessex. In the later sixth century, rich persons of Anglo-Saxon persuasion were commemorated in mounds, one of them in a reused Bronze Age barrow, the others purpose-built. As at Spong Hill, these mounds closed the cemetery, apart from a few stragglers. Inhumation and mounds again seem to mark a process of class stratification for the Anglo-Saxon community.

⁴⁷ Carver M., Hills C. and Scheschkewitz J. Wasperton: A Roman, British and Anglo-Saxon Community in Central England. Woodbridge, 2009.

It may also be signalled, if faintly, in the cist graves of the coexisting Britons. Further west, the vocabulary of British lordship includes cist graves under mounds⁴⁸, but is more emphatically expressed in the building of hillforts and erecting of inscribed stones⁴⁹.

The new research at Sutton Hoo (1983–2005) showed that there are three successive cemeteries there⁵⁰ (Figure 4).

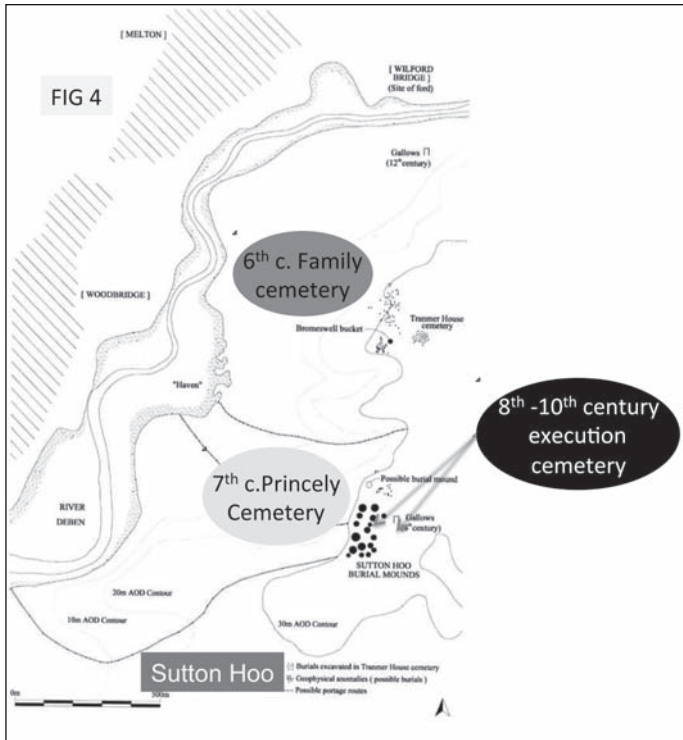

Figure 4: Three cemeteries at Sutton Hoo, Suffolk (author)

⁴⁸ James H. Early Medieval cemeteries in Wales // *The Early Church in Wales and the West* / Ed. N. Edwards and A. Lane. Oxford, 1992. P. 90–103; Holbrook N. and Thomas A. An Early-medieval Monastic Cemetery at Llandough, Glamorgan: Excavations in 1994 // *Medieval Archaeology*. 2005. Vol. 49. P. 1–92.

⁴⁹ Alcock L. Dinas Powys. An Iron Age, Dark Age and early medieval settlement in Glamorgan. Cardiff, 1963; Edwards N. Early Medieval Inscribed Stones and Stone Sculpture in Wales: Context and Function // *Medieval Archaeology*. 2001. Vol. 45. P. 15–40.

⁵⁰ Carver M. Sutton Hoo. A seventh century princely burial ground and its context. London, 2005; Before Sutton Hoo: the Prehistoric Landscape and Early Anglo-Saxon Cemetery at Tranmer House, Bromeswell, Suffolk / Ed. C. Fern. Norwich (forthcoming).

The first is a cremation and inhumation cemetery of Anglian type, lying on the 30 m contour overlooking the River Deben and dating through the sixth century. The excavated sample (in advance of the construction of the visitor centre) was necessarily small, but it had some familiar aspects: cremations, inhumations, small mounds and reuse of a Bronze Age mound. One of the later mound burials employed the unusual rite of cremation in a bronze bowl. Since the mounds were mainly grouped on the eastern periphery, it seems likely that a large part of the cemetery still awaits discovery to the west.

Sutton Hoo's celebrated monumental mounds and ship burials lie some 500 m south at the same level above the river. The cemetery is inaugurated by mounds covering cremations in bronze bowls (Mounds 5 to 7, 590–600) and continues with a horse and rider under the same mound (Mound 17, c. 600). The sequence then turns towards even more high-profile monumentality with two ship burials, one where the ship was placed over a chamber grave (Mound 2, c. 610) and the second where the chamber was placed in a ship and the ship in a trench (Mound 1, c. 625). Later burials were more modest: three children or teenagers, and a woman with silver ornaments lain on a couch (Mound 14, c. 650). Looting had damaged most of the burials, in some cases severely inhibiting interpretation. Only Mound 17 and Mound 1 escaped serious looting. Mound 17 plausibly presents us with a heroic figure of princely rank and Mound 1 with a regal figure who has been linked with the documented pre-Christian East Anglian ruling dynasty, and king Raedwald in particular (died c. 625). The cemetery as a whole can be seen as operating on the international stage. The horse and rider grave makes references to Frankish practice. The rite of ship burial in Mound 1 shows strong links to contemporary Scandinavian practice but the grave included decorated objects using Roman, German and Celtic vocabulary. It is conscious of many kinds of power: Roman, British, Scandinavian, Christian and pagan, but still succeeds in proclaiming its own independence. It can be argued that the relationship with heroic poetry is not only close but parallel and interactive. The contents and rituals of these monumental burials, full of allusions valid at the time, are themselves rhetorical compositions, material eulogies, analogous to verbal compositions. Thus Sutton Hoo does not imitate "Beowulf", nor "Beowulf" Sutton Hoo. Both draw on the language of poetry, but express it in different media⁵¹.

⁵¹ *Carver M. Burial as Poetry.*

A third cemetery was added to the gathering of monumental mounds after a short interval. It consisted of 39 execution victims buried in two clusters, one around Mound 5, the other on the eastern periphery next to a track. The bodies had been dumped unceremoniously in graves that were sometimes too small. In several instances, wrists and ankles lay together as if tied. Some heads were missing or dislocated and fragments of rope were found around one neck. The group on the periphery was arranged around an open space containing a tree pit and four post holes, interpreted as a gallows. Radiocarbon dating placed these burials in the eighth–tenth century. With the help of a nationwide study of this phenomenon⁵², the Sutton Hoo groups were shown to be execution victims at a time when the rulers were Christian⁵³. The choice of the princely burial ground as a place of execution may have been prompted by its prominence in the landscape, but the implied location of a gibbet or gallows on Mound 5, thought to be the “founder mound”, seems more deliberate than convenient. The status of the princely burial ground, its nature, contents and occupants presumably still widely remembered in the eighth century, has been demeaned and rebranded. This context implies that the victims criminalised by the new regime could have been condemned as dissenters or non-conformists⁵⁴.

Spong Hill, Wasperton and Sutton Hoo offer a vignette of the use of the mound in England. It was not part of the baggage brought over from the continent by immigrants, and a period of half a century or more is implied in which burial is more votive than political. Towards the middle of the sixth century, mounds are built or previous Bronze Age mounds are colonised. An interest in the intellectual ownership of the prehistoric landscape is an aspect of this phase⁵⁵. At Spong Hill, Wasperton and Sutton Hoo 1, the mounds are modest and placed on the edge of the existing folk cemetery. At Sutton Hoo 2 they become monumental, erected on a separate site and notably eclectic: cremation in bronze bowls, horse burial, chamber burial, ship burial, bed burial all within a small cemetery that endured for barely 60 years. It can be inferred that this period (590–650) was both important for declaring monarchical control and also politically

⁵² *Reynolds A.* Anglo-Saxon Deviant Burial Customs. Oxford, 2009.

⁵³ *Carver M.* Sutton Hoo. A seventh century princely burial ground. P. 348.

⁵⁴ *Ibidem.* P. 349; cf. *Semple S.* Perceptions of the Prehistoric in Anglo-Saxon England. Oxford, 2013. P. 222.

⁵⁵ *Semple S.* Perceptions of the Prehistoric.

volatile. It was the coincidence between the extravagant burial rites and Christianisation, which both began here around the 590s, that led to the suggestion that mound-building was an act of asserted independence and a statement of defiance in the face of a perceived Christian imperialism, one that threatened East Anglia's relations with its natural allies across the North Sea⁵⁶. Sutton Hoo 3, the execution cemetery, aligns with the documented facts of subsequent East Anglian kingship. After Raedwald died in c. 624/625, came Eorpwald (died 627/628), and the Christian Sigebert who was dragged from his monastic retreat by his successor Ecgric to fight the pagan Penda, who killed them both in 636/637. The successor king Anna was a Christian, as were all who succeeded him. If the alignment of the kingdom was equivocal until the middle of the seventh century, by the eighth century there was a context in which Christian belief should be enforced, by execution if necessary. Monumental mounds may be witnesses to (or champions of) ideological persuasion and even political direction. Since they were designed to remain in the landscape, it is likely that this role was intended to endure. This forms the final topic to be discussed here.

Mounds in governance

The names used for mounds in their afterlife show that the presence of special ancestors is remembered or claimed, for example Taplow ("Taeppa's Low"), Anundshög ("Anund's mound"), Oseberg, ("the mound of Åse"). A new ruler must take account of earlier heroes, and heroes persist in the landscape, perhaps more forcefully than they do in epic poetry. Monuments must either be embraced, rebranded or neutralised. Events at the Viking period sites of Jelling, Oseberg and Gokstad provide between them a useful allegory for the process. The two large mounds at Jelling stand over a stone ship setting in a trapezoidal enclosure that also contained buildings of Trelleborg type⁵⁷. Between the mounds stand a church and two runestones that place the site in history thanks to their citation of the tenth century king Harald Bluetooth and his father Gorm. The larger of the two

⁵⁶ *Carver M.O.H.* Sutton Hoo in context. P. 99; see above.

⁵⁷ *Roesdahl E.* The emergence of Denmark and the reign of Harald Bluetooth // *The Viking World* / Ed. S. Brink. Oxford, 2008. P. 652–664; *Brusgaard N.III.* Places of Cult and Spaces of Power (MA diss University of Leiden, 2012)

stones announces that “King Harald ordered this monument made in memory of Gorm, his father, and in memory of Thyre, his mother; [he was] that Harald who won for himself all of Denmark and Norway and made the Danes Christian”⁵⁸. The images on the stone represent Christ as Odin on one side and a dragon fighting a serpent on the other. Early excavations in the north mound (Gorm’s mound) revealed a wooden chamber, largely empty apart from some scraps of bone and metalwork. Excavations within the church revealed a chamber grave containing some bone and metalwork that appears to complement that found in the mound⁵⁹. It was deduced that at a given moment Harald had transferred his father’s remains out of the mound and into the church, so as to allow him to benefit from the new ideology, or at least to prevent his bones promoting the old. The south mound was built later and contained no burial. It may have been intended for Thyre or for Harald or as a *thing* mound — a focus for meetings (see below).

Further examples of Harald’s use of mounds for ideological cleansing has been shown at Oseberg and Gokstad both of which were broken into in the tenth century. In the case of Oseberg, dendrochronology showed that while the burial itself took place around 834, the wooden spades found in it dated between 953 and 976. The chamber within the ship was not obviously robbed, but the skeletons of the two women buried there were removed and their bones scattered at the point of the break-in and beyond. This episode coincides with the time of Harald’s ascendancy and supposed conquest of Norway, between AD 958–970. It shows that the mound had continued to command allegiance over its region for more than a hundred years, and in consequence its potency had to be dealt with by a conqueror⁶⁰.

In practical terms, a mound is an artificial “high place” sometimes prominent in a flat or coastal landscape and so constituting a natural rallying point that can serve the interests of social control. Both cult and governance require *assembly*, that is provision for large numbers of people to gather so that they can be reproved or

⁵⁸ Danmarks runeindskrifter / L. Jacobsen, E. Moltke. København, 1941. B. I. S. 42.

⁵⁹ Krogh K. The royal Viking Age monuments at Jelling in the light of recent archaeological excavations // Acta Archaeologica. 1982. Vol. 53. P. 183–216.

⁶⁰ Bill J. and Daly A. The plundering of the ship graves from Oseberg and Gokstad: an example of power politics // Antiquity. 2012. Vol. 82. P. 808–824.

energised in matters of political or spiritual action⁶¹. The *thing*, a purpose-built flat-topped mound is known from later Icelandic saga as a place of quasi-democratic assembly. The Tynwald is a tiered hill still in use to today as the ceremonial place of government of the Isle of Man⁶². The fifth-century example at Gamla Uppsala is situated on the esker beside three giant “heroic” burial mounds. The inference is that many larger burial mounds could potentially have been used in a similar way, a place for a small group to look down on a large group and give them direction, citing the authority of the ancestors within.

Direct archaeological evidence of this aspect of mound-use is archaeologically elusive, especially for mounds made of earth which have often been quarried or ploughed away by later generations. However, indirect evidence is accumulating. In England, known early meeting places frequently refer to barrows and S. Semple has located examples where mounds surviving at such places have been shown to have featured subsidiary burials of appropriate date⁶³. Later assembly at Sutton Hoo, principally in the context of governance, is implied by its two execution sites (at Mound 5 and beside the north-south axial track). Yeavering, an Anglo-British central place in Northumbria, did not make use of monumental mounds but had a purpose-built timber “grandstand” inspired by Roman theatres. In this case, the assembly looked down from its seat onto a focal point where spiritual and war leaders could address them⁶⁴. Indirectly, there is some credibility in the idea that seventh-century England required a provision of assembly for purposes of governance, and such provision included the use of ancestral mounds.

To raise confidence that mounds might be used in this way, we can draw analogies from further afield. Cahokia, near St Louis on the flood plain of the upper Mississippi in the USA was a gathering of more than 100 mounds containing many skeletons deposited in layers. The largest, Monks Mound, dominating a central plaza, is about 30 m

⁶¹ *Assembly Places and Practices in Medieval Europe* / Ed. A. Pantos and S. Semple. Dublin, 2004; *Semple S.* Locations of assembly in early Anglo-Saxon England // *Assembly Places*. P. 135–154..

⁶² *Darvill T.* Tynwald Hill and the ‘things’ of power // *Assembly Places*. P. 217–232.

⁶³ *Semple S.* Perceptions of the Prehistoric. P. 216–218; *Pantos A.* The location and form of Anglo-Saxon Assembly-places; some “moot points” // *Assembly Places*. P. 155–180.

⁶⁴ *Hope-Taylor B.* *Yeavering: an Anglo-British Centre of Early Northumbria*. HMSO, 1977.

high and has four terraces and a flat summit on which large timber buildings once stood, including sweat houses and charnel houses. Other mounds and shrines and post-circles stand around the plaza and the whole was surrounded at one time by a palisade. Work on the huge Monks Mound began in the tenth century AD, and mound building flourished in the eleventh century AD⁶⁵. This is the largest centre known in the Mississippi culture, which is associated with the formation of chiefdoms — “a form of political centralization that included inherited leadership positions legitimized by widely shared beliefs and customs”⁶⁶. The chiefdom so defined offers an analogy with the European “kingdom”.

The *kofun* of Japan are perhaps the largest burial mounds ever built. Mounded tombs were already being erected in the late Yayoi period but the genre erupted suddenly as a number of massive keyhole-shaped hills over 300 m long. This monumental upsurge is held to indicate a major episode in the formation of the Yamato state in the early fifth century⁶⁷. Traditionally this state united the southern provinces under a single emperor, ancestors of the surviving imperial family. These monuments, for example, the tomb of the Emperor Nintoku in Osaka, which is 821 m long and 32 ha in area, remain in the care of the imperial household.

Although excavation of the Osaka mounds is prohibited, examples in Kyushu further south have been completely dissected (Figure 5).

This shows that the mounds, keyhole in plan, are constructed in terraces reinforced by pebbles. Burials in stone chambers are found in the round part of the keyhole. The earliest tombs of the third to fifth centuries are secondary to the mounds, while from the fifth to seventh century the mounds are erected over the tombs⁶⁸. On the terraces are found pottery vessels and models of ships, houses etc., and it is on the typology accorded to these *haniwa* that the chronology of mounds is based. In the general evolutionary model of mound building, small

⁶⁵ *Milner G.R.* The Moundbuilders. Ancient peoples of Eastern North America. London, 2004. P. 134.

⁶⁶ *Ibidem.* P. 124.

⁶⁷ *Anderson A.* Recent developments in Japanese prehistory: a review // *Antiquity*. 1987. Vol. 61. P. 279; *Ichinose K.* Dai o bo to zenpo koenfun (Tombs of the great kings and keyhole-shaped mounds). Tokyo, 2005; *Pearson R.* Fifth-century rulers of the Kawachi Plain, Osaka, and early state formation in Japan: some recent publications // *Antiquity*. 2009. Vol. 83. P. 523–527.

⁶⁸ *Pearson R.* Fifth-century rulers of the Kawachi Plain, Osaka. P. 524.

Figure 5: Saitobaru on Kyushu (Japan) — a terraced mound, key-hole shaped in plan (*kofun*), with the round focal point (left) visible from the rising flange (right). It is surrounded by “satellite” mounds (*baicho*) third–fifth c. AD (author).

keyhole mounds give way to larger, and then to massive keyhole mounds, which are joined by satellite mounds both round and square (*baicho*). The grand *kofun* occupy a sanctified space defined by a moat so that visits are regulated, but the quantities of *haniwa* show that large number of people were involved. It is legitimate to imagine that these people had access to the terraces according to their rank and that the most important people, like the ancestors before them, occupied the focal point at the round end, which could be seen by those standing on the rising flange of the mound, so providing an auditorium on the same principle as the Yeavinger grandstand. Thus the rationale for the ever larger *kofuns* should be that they had to assemble ever larger groups of people. This hypothesis is hard to prove, but it might provide an enhancement of the general model preferred in the Japanese literature — that the mounds witness a state formation process — and suggest a practical way in which they might serve it.

The context or prompt for the onset of state formation and the building of giant mounds in Japan is debated. Interaction between Japan, Korea and China was already developed and all three lands were affected by invasion from the north. An incoming warrior culture is implied by the finds of elaborate weapons and horse gear

in the mounds. Buddhism arrived from China via Korea in 552 AD. It did not supplant Shinto, especially in imperial circles, but the construction of Buddhist (and Shinto) temples had largely superseded the construction of mounds by the seventh century⁶⁹. The analogy can thus be stretched beyond the role of the mounds in social control, to the context of their construction at a time of ideological aggression.

Conclusion

One hundred years after the publication “The Heroic Age” we are still in its debt for its illumination of the Migration period. For Chadwick, barrows were material corroborations of the heroic poetry and confirmed the formation of kingdoms, which he saw as happening without an ethnic basis. The barrows may also be regarded as poetic statements in their own right, proclaiming the transfer of spiritual allegiance to the hero or to Odin. The barrow was complemented by the grand hall, in which the new elite abrogated ritual practice to themselves. The new supernatural apparatus arrived in the fifth century and may or may not have owed its genesis to the Huns. It does appear to have provided a new prescription that slowly superseded that of making votive offerings to local deities in natural places.

Burial mounds remained in the landscape, so could not be neglected in later state-forming projects. They could be broken where it was perceived that their power was subversive, and the active agent (the skeleton of the ancestor) removed. It seems likely that mounds were used at first, and subsequently, as assembly places, their high platforms serving to emphasise domination. We have few examples of this in Europe, as our mounds are so damaged. But there are useful analogies from Japan and elsewhere that might help to direct future lines of inquiry.

Just as we understand better the meaning of heroic poems by studying their broader context, so the study of these broader analogies should help us understand the language of the burial mounds. The role of the barrow in state formation is indirect, offering us the rousing speeches of leaders rather than the substance of a nation. What the burial mound appears to witness is an ideological pressure, either from a triumphant incoming group as was proposed for the fifth-century Huns in Scandinavia, or from a new religion as in seventh-century

⁶⁹ *Mason R.H.P. and Caiger J.G. A History of Japan. Tokyo, 1997.*

England. In either event, the monuments may signal the arrival of a new dynasty, or more certainly a new political direction and declared allegiance. Anything less would seem unworthy of such a colossal investment.

REFERENCES

- Alcock L.* Dinas Powys. An Iron Age, Dark Age and early medieval settlement in Glamorgan. Cardiff, 1963.
- Anderson A.* Recent developments in Japanese prehistory: a review // *Antiquity*. 1987. Vol. 61. P. 270–281.
- Assembly Places and Practices in Medieval Europe* / Ed. A. Pantos and S. Semple. Dublin, 2004.
- Before Sutton Hoo: the Prehistoric Landscape and Early Anglo-Saxon Cemetery a Tranmer House, Bromeswell, Suffolk* / Ed. C. Fern. Norwich (forthcoming).
- Bill J. and Daly A.* The plundering of the ship graves from Oseberg and Gokstad: an example of power politics // *Antiquity*. 2012. Vol. 82. P. 808–824.
- Böhme H.W.* Adelsgräber im Frankenreich. Archäologische Zeugnisse zur Herausbildung einer Herrschicht unter dem merowingischen Königen // *Jahrbuch des Römisch-Germansischen Zentralmuseums*. 1993. Bd. 40. S. 397–534.
- Bradley R.* *The Passage of Arms: An archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits*. Cambridge, 1990.
- Brusgaard N.III.* *Places of Cult and Spaces of Power* (MA diss University of Leiden, 2012).
- Campbell J.* The impact of the Sutton Hoo discovery on the study of Anglo-Saxon history // *Voyage to the Other World. The legacy of Sutton Hoo* / Ed. C.B. Kendall and P.S. Wells. Minneapolis, 1992. P. 79–102.
- Carver M.* Burial as Poetry: the context of treasure in Anglo-Saxon Graves // *Treasure in the Medieval West* / Ed. E. Tyler. York, 2000. P. 25–48.
- Carver M.* *Sutton Hoo. A seventh century princely burial ground and its context*. London, 2005.
- Carver M.O.H.* Commerce and cult. Confronted ideologies in 6–9th century Europe // *Medieval Archaeology*. 2015. Vol. 59. P. 1–23.
- Carver M.O.H.* Sutton Hoo in context // *Settimane di Studio del Centro Italiano di studi sull'alto medioevo*. 1986. Vol. 32. P. 77–123.
- Carver M., Hills C. and Scheschkewitz J.* *Wasperton: A Roman, British and Anglo-Saxon Community in Central England*. Woodbridge, 2009.
- Chadwick H.M.* *The Cult of Othin: An Essay in the Ancient Religion of the North*. London, 1899 (online at URL: < <http://ru.scribd.com/doc/2906612/The-Cult-of-Othin-by-H-M-Chadwick#scribd> >).
- Chadwick H.M.* *The Heroic Age*. Cambridge, 1912.

- Continuity for Centuries. A ceremonial building and its context at Uppåkra, southern Sweden / Ed. L. Larsson. Uppsala, 2004 (Uppåkrastudier 10).
- Crumlin-Pedersen O.* Bådgrave og gravbåde på Slusegård. Slusegård-gravpladsen III // Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. 1991. B. XIV, 3. S. 93–266.
- Darvill T.* Tynwald Hill and the ‘things’ of power // Assembly Places and Practices in Medieval Europe / Ed. A. Pantos and S. Semple. Dublin, 2004. P. 217–232.
- Edwards N.* Early Medieval Inscribed Stones and Stone Sculpture in Wales: Context and Function // *Medieval Archaeology*. 2001. Vol. 45. P. 15–40.
- Eriksen M.H.* Between the real and ideal. Ordering, controlling and utilising space in power negotiations — Hall buildings in Scandinavia, 250–1050. Unpublished MA dissertation, University of Oslo, 2010.
- Excavations at Helgö XVIII: Conclusions and New Aspects / Ed. B. Arrhenius and U. O’Meadhra. Stockholm, 2011.
- Fabech Ch.* Reading Society from the Cultural Landscape. South Scandinavia between Sacral and Political Power // *The Archaeology of Gudme and Lundeborg. Papers presented at a Conference at Svendborg, October 1991* / Ed. P.O. Nielsen, K. Randsborg and H. Thrane (Arkæologiske Studier X). Copenhagen, 1994. P. 169–183.
- Fabech Ch. and Näsman U.* Ritual landscapes and sacral places in the First Millennium AD in South Scandinavia // *Sacred Sites and Holy Places* / Ed. N.S. Walaker and S. Brink. Turnhout, 2013. P. 53–109.
- Härke H.* Anglo-Saxon immigration and ethnogenesis // *Medieval Archaeology*. 2011. Vol. 55. P. 1–28.
- Hedeager L.* Iron Age Myth and Materiality. An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. Oxford, 2011.
- Herschend F.* Beowulf and St Sabas: the tension between the Individual and the Collective in the Germanic society around 500AD // *Tor*. 1992. Vol. 24. P. 145–164.
- Hills C.* History and archaeology: the state of play in early medieval Europe // *Antiquity*. 2007. Vol. 81. P. 191–200.
- Hills C. and Lucy S.* Spong Hill. Part XI: Chronology and synthesis. Cambridge, 2013.
- Holbrook N. and Thomas A.* An Early-medieval Monastic Cemetery at Llandough, Glamorgan: Excavations in 1994 // *Medieval Archaeology*. 2005. Vol. 49. P. 1–92.
- Hope-Taylor B.* Yeavinger: an Anglo-British Centre of Early Northumbria. HMSO, 1977.
- Ichinose K.* Dai o bo to zenpo koenfun (Tombs of the great kings and keyhole-shaped mounds). Tokyo, 2005.
- Jacobsen L., Moltke E.* Danmarks runeindskrifter. Kobenhavn, 1941. B. I.
- James H.* Early Medieval cemeteries in Wales // *The Early Church in Wales and the West* / Ed. N. Edwards and A. Lane. Oxford, 1992. P. 90–103.

- Jørgensen L.* Gudme and Tissø. Two magnate complexes in Denmark from the 3rd to the 11th century // *Neue Studien zur Sachsenforschung*. 2010. Vol. 1. P. 273–286.
- Krogh K.* The royal Viking Age monuments at Jelling in the light of recent archaeological excavations // *Acta Archaeologica*. 1982. Vol. 53. P. 183–216.
- Mason R.H.P. and Caiger J.G.* A History of Japan. Tokyo, 1997.
- Milner G.R.* The Moundbuilders. Ancient peoples of Eastern North America. London, 2004.
- Müller-Wille M.* Kongtum und Adel im Spiegel der Grabfunde // *Die Franken: Wegbereiter Europas*. Mannheim, 1996. S. 206–221.
- Müller-Wille M.* Monumentale Grabhügel der Völkerwanderungszeit in Mittel- und Nordeuropa: Bestand und Deutung // *Mare Balticum: Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Nuezeit: Festschrift zum 65. Geburtstag von Erich Hoffmann* / Hrggb. W. Paravicini (Kieler Historische Studien. Bd. 36). Sigmaringen, 1992. S. 1–20.
- Munch G.S., Johansen O.S. and Roesdahl E.* Borg in Lofoten. A chieftain's farm in North Norway. Trondheim, 2003.
- Myhre B.* Chieftains' graves and chieftom territories in South Norway in the Migration period // *Studien zur Sachsenforschung*. 1987. Vol. 6. P. 169–197.
- Näsman U.* Scandinavia and the Huns. A source-critical approach to an old question // *Fornvännen*. 2008. Vol. 103. P. 111–118.
- Pantos A.* The location and form of Anglo-Saxon Assembly-places; some “moot points” // *Assembly Places and Practices in Medieval Europe* / Ed. A. Pantos and S. Semple. Dublin, 2004. P. 155–180.
- Pearson R.* Fifth-century rulers of the Kawachi Plain, Osaka, and early state formation in Japan: some recent publications // *Antiquity*. 2009. Vol. 83. P. 523–527.
- Price N.* The Viking Way. Religion and war in Late Iron Age Scandinavia (AUN 31) Uppsala, 2002.
- Ramqvist P.H.* Högom. Part 1: The excavations 1949–1984. Stockholm, 1992.
- Ramqvist P.H., Müller-Wille M.* Regionale und überregionale Bedeutung des völkerwanderungszeitlichen Gräberfeldes von Högom, Medelpad, Nordschweden. Ein Vorbericht // *Germania*. 1988. Bd. 66/1. S. 95–134.
- Reynolds A.* Anglo-Saxon Deviant Burial Customs. Oxford, 2009.
- Roesdahl E.* The emergence of Denmark and the reign of Harald Bluetooth // *The Viking World* / Ed. S. Brink. Oxford, 2008. p. 652–664.
- Sacred Sites and Holy Places* / Ed. N.S. Walaker and S. Brink. Turnhout, 2013.
- Semple S.* Locations of assembly in early Anglo-Saxon England // *Assembly Places and Practices in Medieval Europe* / Ed. A. Pantos and S. Semple. Dublin, 2004. P. 135–154.
- Semple S.* Perceptions of the Prehistoric in Anglo-Saxon England. Oxford, 2013.
- Signals of Belief in Early England: Anglo-Saxon paganism revisited* / Ed. M.O.H. Carver, A. Sanmark and S. Semple. Oxford, 2010.

Stocker D. and Everson P. The straight and narrow way; Fenland causeways and the conversion of the landscape in the Witham valley, Lincolnshire // The Cross goes North. Processes of conversion in northern Europe / Ed. M.O.H. Carver. Oxford, 2003. P. 271–288.

The Archaeology of Gudme and Lundeborg. Papers presented at a Conference at Svendborg, October 1991 / Ed. P.O. Nielsen, K. Randsborg and H. Thrane (Arkaeologiske Studier X). Copenhagen, 1994.

Van de Noort R. The context of early medieval barrows in western Europe // Antiquity. 1993. Vol. 67. P. 66–73.

Мартин Карвер

ВОЗВЕДЕНИЕ КУРГАНОВ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА: ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация: Автор статьи, основываясь на теории «героического века» Г.М. Чэдвика, рассматривает взаимосвязь между сооружением мемориальных могильных курганов и образованием государств. Чэдвик доказал, что появление сохранившихся до наших дней литературных памятников Северной Европы, особенно эпической поэзии, совпало по времени с крупными идеологическими изменениями в V в. н. э., когда тесная связь с народными обычаями и политеистическим культом уступила тесной связи с отдельными вождями и Одином. Такие народы формировались благодаря не столько этногенезу, сколько «героям». Считается, что появление больших мемориальных могильных курганов можно считать материализацией данного процесса: они служили прославлению ушедших вождей в манере аналогичной поэтическому панегирику. Форма этих курганов и символические украшения находящихся в них предметов говорят об их духовной роли. Их роль в сфере власти выражается в богатстве, размерах и местоположении могильника. Автор приводит примеры длительного политического влияния курганов на их территории: одни курганы сравнивались с землей вместе с находящимся в них телом, другие обновлялись и укреплялись, что, вероятно, свидетельствовало об их непреходящем значении. Особая роль курганов (примером чего служат Япония V века и Америка X века) проявляется в том, что они были местами сходов для принятия решений в присутствии предков. Мемориальные курганы возводились не везде и не во все времена. Они появлялись в особых политических условиях, когда сторонники новых вождей, как правило, преемников, создавали монархию, снабжая ее подходящим прошлым. Такое событие сопровождалось принятием религии, в которой отдельный воин-герой превращался в высшее божество (Один). Таким образом, могильный курган служил памятником, историей и святыней для династии, вокруг которой сплачивалась новая нация.

Ключевые слова: Северная Европа, раннее Средневековье (V–X вв.), места культа, погребальные обряды, курганы, образование государства, идеология

Grenville G. Astill

REVISITING THE ENGLISH STATE, AD c. 700–1100

Abstract: This paper reviews some differing views about the character and development of the English state between AD 700 and 1100 and concentrates on those aspects where archaeology has made most impact: the preconditions for state development; the military impetus and crucially the control and nature of the economy.

Preconditions for state development include social differentiation and political centralisation which is based on the intensification of landuse and the ideological underpinnings of Christianity. The spatial expression of this process is often multi-focal rather than based on a single central place: this latter pattern was not achieved until after the Norman Conquest.

Territorial expansion and stabilisation of borders were predicated on effective military organisation and warfare. The series of measures taken to counter the Scandinavian conquests stimulated both an effective defensive system and a collective English identity, itself an important component of a state.

The relationship between state and economic development is a major area of debate and has centred on the level at which the state engaged with the economy, for example, either through the exercise of various forms of taxation or intervention in the practice of local agrarian economies. Similar concerns are expressed over the development of towns, such as the character and control of the emporia; and the speed at which the later towns grew and the extent and effectiveness of state control over trade, towns and the coinage. Further work is needed to understand the scale and social specificity of the production process which underpinned the better-studied trade.

Lastly, how does this archaeological research relate to the current historical views about the state; for example, the reconsideration of the extent and efficacy of the Anglo-Saxon state and its relationship to the exercise of lordship in the localities.

Keywords: state, government, lordship, military action, economy, towns, coinage

The English state is commonly portrayed as having an exceptional character, particularly with regard to its precocity and effectiveness in comparison to similar institutions in other parts of Europe. However, there are alternative views and the purpose of this paper is to examine

some aspects of the debate about the development and character of the English state, concentrating on those where archaeology has had most impact. Three themes are reviewed: the preconditions for state development; the military impetus; most consideration is given to the control and character of the economy. Finally, we consider how these themes are related to current historical research on Anglo-Saxon government.

Preconditions for state development

We should perhaps start by offering a definition of the English state: it is often discussed, but rarely defined. And those definitions are frequently in terms of a nation state: “It was an entity with an effective central authority, uniformly organised institutions, a national language, a national church, defined frontiers... and, above all, a strong sense of national identity”¹. Any definition is conditioned by the evidence that survives and this certainly applies in this case. Discussions and analyses of the narrative histories (for example the “Anglo-Saxon Chronicle”), the laws and the charters have, since at least the nineteenth century, provided the foundation for outlining the political development of England². The relevance of the archaeological material was realized relatively late, in the later twentieth century, and even then the archaeology was empirically- rather than theoretically-informed. The contemporary anthropological discussions about the development of complex societies were ignored. The quality and range of the documentary material may have made any theoretical approaches redundant, whereas some European pre- and protohistoric archaeologists embraced theory in order better to understand the processes behind their data (although there were concerns about a uni-lineal approach to cultural development³).

More recently attempts to apply Early State Module theory have been made to help interpret the archaeological data. This approach stresses that political complexity is often predicated on social change

¹ *Campbell J.* The Anglo-Saxon State. London, 2000. P. 10.

² *Stafford P.* Historiography. A Companion to the Early Middle Ages / Ed. P. Stafford. Chichester, 2009. P. 9–21.

³ The Origins of the State / Ed. R. Cohen, and E. Service. Philadelphia, 1978; *Johnson A. and Earle T.* The Evolution of Human Societies. Stanford, CA, 1987; and see comments in *Brooks N.* The Creation and Early Structure of the Kingdom of Kent // The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms / Ed. S. Bassett. Leicester, 1989. P. 55.

and in particular the maintenance and reproduction of rank and status which fuelled peer competition and exclusion. So, for example, the English state is sometimes seen as the outcome of competition, aggression, war and territorial expansion between kingdoms whereby one (Wessex) eventually achieved major control⁴.

The archaeological evidence from the later sixth century onwards indicates a new and greater degree of social differentiation and political centralisation as reflected in rich “princely” burials (Prittlewell, Sutton Hoo and later at Hamwic and Ipswich), an increasing settlement hierarchy which included places with special purposes such as palaces (Yeavinger), monasteries (Jarrow, Hartlepool) and emporia (or trading stations — Hamwic, Ipswich, Londenwic). These developments also indicate the importance of land as a relatively new major source of wealth, the exploitation of which generated surplus sufficient to produce a more permanently ranked and increasingly competitive and centralised society⁵. It is also important to emphasise that the elite comprised both secular and religious members and that the ideology and symbolism of Christianity was an important strand in the development and legitimisation of centralised institutions⁶.

While the social aspects of such processual theories are potentially helpful, they nevertheless rely on a spatial analysis with which to identify polities that is invariably based on a central place. However, the early medieval archaeological evidence instead shows that socio-political change was not achieved with a single centre but instead in a more diffuse way, with a collection of places spread across the landscape, each performing one central function⁷. So far it has been suggested that religious, military and secular, and economic centres existed at different locations, and this has been proposed, for example for the early seventh century in Suffolk (Snape/Butley, Rendlesham,

⁴ *Scull C.* Social archaeology and Anglo-Saxon kingdom origins // *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*. 1999. Vol. 10. P. 17–24; *Bassett S.* Introduction. In *Search of the Origins of Anglo-Saxon Kingdoms* / Ed. S. Bassett. Leicester, 1989. P. 23–27.

⁵ *Scull C.* Social archaeology and Anglo-Saxon kingdom origins; *Carver M.* Overview: Signals of Power // *The Oxford Handbook of Anglo-Saxon Archaeology* / Ed. H. Hamerow, D. Hinton and S. Crawford. Oxford, 2011. P. 846.

⁶ *Campbell J.* The Anglo-Saxon State. P. xxii–xiii; *Yorke B.* Kings and Kingship // *A Companion to the Early Middle Ages* / Ed. P. Stafford. Chichester, 2009. P. 84–87.

⁷ Cf. Scandinavia: *Andersson H.* Urbanisation // *The Cambridge History of Scandinavia*. Vol. 1 / Ed. K. Helle. Cambridge, 2003. P. 312–316.

Ipswich⁸) and c. 900 in Wessex (Ramsbury, Chisbury, Great Bedwyn in Wiltshire, or in Somerset, Somerton and Langport, or Cheddar and Axbridge⁹) The network of such places was subject to change, perhaps as a result of military, territorial or economic considerations: in the early eleventh century, for example, several mints and moneymen were relocated and strongholds recommissioned¹⁰. The diffuse nature of the loci of power was gradually reduced between the ninth and eleventh centuries but was not finally achieved until after the Norman Conquest, when centres of religious power, the *sedes*, were transferred to, and castles were imposed on, the economic and administrative centres of county and regional towns¹¹.

While evidence of burial customs and settlements can support the development of English political institutions, archaeology has also made an impact on the study of governance at a local level. A study of “execution” cemeteries has shown that they can be dated from the seventh to twelfth centuries. Their location was often on the boundaries of local units of administration, the hundreds (subdivisions of the shire) and it has been argued that this correlation could indicate a relatively early “recognition of territorial limits” and a similar date for this form of local government. It should be noted, however, that the extent of hundredal boundaries is reconstructed from “Domesday Book” (1086) and that hundreds are first documented in the tenth century. It has also been reckoned from the dated burials that cemeteries could have been used for 500 years. However, execution burials may have occurred every 10–20 years, so these sites could not have been a regular or frequent element in local administration¹².

Judicial cases and disputes were heard at meetings of hundredal courts and these “assembly sites”, where local communities came together, have been located by topographic and documentary fieldwork. It is, however, often difficult to date these features in the

⁸ *Scull C.* Archaeology, early Anglo-Saxon society and the origins of Anglo-Saxon kingdoms // *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*. 1993. Vol. 6. P. 67–70.

⁹ *Astill G.* Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town // *People and Space in the Middle Ages* / Ed. W. Davies, G. Halsall and A. Reynolds. Turnhout, 2006. P. 242; *Idem.* General Survey 600–1100 // *The Cambridge Urban History of Britain*. Vol. 1 / Ed. D. Palliser. Cambridge, 2000. P. 42.

¹⁰ *Astill G.* General Survey. P. 41–42.

¹¹ *Campbell J.* The Church in Anglo-Saxon Towns // *The Church in Town and Countryside* / Ed. D. Baker. Oxford. 1979. P. 132–133; *Astill G.* General Survey. P. 42–44.

¹² *Reynolds A.* Anglo-Saxon Deviant Burial Customs. Oxford, 2009; *Idem.* Crime and Punishment // *The Oxford Handbook of Anglo-Saxon Archaeology*. P. 901, 910.

landscape¹³. These cemeteries and assembly sites shed archaeological light on government because it has been long recognised that the formalisation of justice was an important element in the development of kingship, concerned as it was with dispute settlement and the limitation of feud¹⁴.

The military impetus

Territorial expansion and consolidation of boundaries, precursors of state development, were achieved through military organisation and warfare. The obligations of military service, bridge-work and fortress-work were conditions attached to royal grants of land from the eighth century and became common a century later¹⁵. The defence of the country was founded on these “common burdens” from the later ninth to the eleventh centuries and mark an important stage in state formation. The common burdens were probably used to achieve major expressions of royal power such as Offa’s Dyke, but also important improvements in the communication infrastructure such as the causeways and river crossings from the eighth century, so necessary for the effective movement of forces¹⁶. The fortress-building obligation was probably enforced to help create the resistance to the Viking attacks and colonisation. While this may be first seen in Mercia, it is most obvious in Alfred’s defence of Wessex¹⁷.

A central element in the revision of the military forces was the burh¹⁸, designed both to garrison forces and offer shelter to the surrounding population: a “planned scheme of national defence”

¹³ Assembly Places and Practices in Medieval Europe / Ed. A. Pantos and S. Semple. Dublin, 2004; Political Assemblies in the Earlier Middle Ages / Ed. I. Barnwell and M. Mostert. Turnhout, 2003.

¹⁴ Hyams P. Rancor and Reconciliation in Medieval England. Ithaca, NY, 2003.

¹⁵ Brooks N. The Development of Military Obligations in Eighth- and Ninth-Century England // England Before the Conquest / Ed. P. Clemons and K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 128–150.

¹⁶ E. g. Blair J. Introduction // Waterways and Canal-building in Medieval England / Ed. J. Blair. Oxford, 2007. P. 1–20.

¹⁷ Biddle M. Towns // The Archaeology of Anglo-Saxon England / Ed. D. Wilson. London, 1976. P. 120–134; Haslam J. Market and Fortress in England in the Reign of Offa // World Archaeology. 1987. Vol. 19. P. 76–93.

¹⁸ Recorded in the Burghal Hidage, c. 914–918 (The Defence of Wessex: the Burghal Hidage and Anglo-Saxon Fortifications / Ed. D. Hill and A. Rumble. Manchester, 1996).

where nowhere was further than 30 km from a burh¹⁹. Most of the burhs have been identified, although few have been excavated extensively and dating remains problematic²⁰. The sites selected as burhs included walled Roman towns and existing small-scale central places. Some were regularly planned on open ground; others had their streets laid to accommodate the topography, usually on promontories²¹. A high proportion of the burhs were founded on royal land (and communications nodes), which may have initially facilitated the victualling of the garrisons by earmarking food rents²².

This strategy was so successful that it was again deployed in Edward the Elder's extension of Wessex territory into the midlands and into the Danelaw. The eleventh-century Viking resurgence was again met with further construction of fortresses²³. The extent to which these military sites were integrated into the existing socio-economic structure is unclear and so has fuelled the discussion about the urban status of the burhs (below). In some senses the speed of military success fast rendered the burhs redundant, and this may explain why the evidence for forts between the ninth and eleventh centuries is dynamic and not fixed: forts represent a pragmatic response to the military needs of a particular situation and were not part of a fixed network²⁴.

It is also argued that a common enemy not only generated an effective military response, it also succeeded in fostering an English (and collective Christian) identity under Alfred which weakened dynastic loyalties and facilitated the expansion and consolidation of a greater Wessex²⁵. Another analysis of the development of English

¹⁹ *Biddle M.* Towns // The Archaeology of Anglo-Saxon England / Ed. D. Wilson. London, 1976. P. 124; The Defence of Wessex; *Baker J. and Brookes S.* Beyond the Burghal Hidage. Anglo-Saxon Civil Defence in the Viking Age. Leiden, 2013.

²⁰ *Hinton D.* The Large Towns // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1 / Ed. D. Palliser. Cambridge, 2000. P. 222–225.

²¹ *Biddle M.* Towns // The Archaeology of Anglo-Saxon England / Ed. D. Wilson. London, 1976. P. 124–137)

²² *Astill G.* Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town. 242–243)

²³ But see *Baker J. and Brookes S.* Beyond the Burghal Hidage for the argument that these campaigns represent different military strategies.

²⁴ *Astill G.* Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town. P. 234–237; *Idem.* Medieval Towns and Urbanization // Reflections: 50 Years of Medieval Archaeology, 1957–2007 / Ed. R. Gilchrist and A. Reynolds. Leeds, 2009. P. 263–264.

²⁵ *Smyth A.* The Emergence of English Identity // Medieval Europeans. Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. Smyth. Basingstoke, 1998. P. 24–52.

identity confirms the importance of Alfred, but roots it more in his use of a common descent, mythology and language and literary tradition to create a “national identity”²⁶. The effect was still to create an important element in the composition of the state.

The state and the economy

The third major theme considers the extent to which the economy was a key feature in the genesis of the state. Most commentaries assume that economic growth was fundamental for political development: “There was an intimate, and two way, relationship between economic development and the exercise of political authority”; “an effective state and a developing economy was mutually supportive”: the essential elements identified for the relationship were the maintenance of peace, the importance of an abundant coinage of a uniform quality that had circulated over a wide area; and the upkeep of the infrastructure of roads and bridges, the latter providing the closest link between the exercise of public power and economic development²⁷.

The relationship between economic and political development, however, is a much debated topic, especially if we take a north European perspective. For example, some of the state attributes mentioned above and the extensive evidence for economic growth in terms of agricultural intensification and urban growth were clearly evident in the later tenth and eleventh centuries, yet they occurred in very different circumstances in different areas. In England these are often related to the presence of a strong state, but the same economic indicators existed in northern Francia at a time which was experiencing political fragmentation²⁸. In England there is a further difference of view between those who see the role of the king as being fundamental in the management and stimulation of the economy and those who think that, in a time of general economic growth, the state’s role was limited to the provision of legal protection so as to profit from exchange activities through taxation²⁹.

To a certain extent these differences could be reconciled if it can be decided at what level the state usually engaged with the economy.

²⁶ *Foot S.* The Making of *Angelcynn*: English Identity before the Norman Conquest // Transactions of the Royal Historical Society. 1996. Vol. 6. P. 25–49.

²⁷ *Campbell J.* The Anglo-Saxon State. P. 17.

²⁸ *Astill G.* Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town. P. 234–235.

²⁹ *Ibidem.* P. 234–235.

This may be reflected in the distinction made between intensive and extensive lordship. Intensive lordship concerned the agrarian process whereby land was managed and made productive — the land that was cultivated either through paid labour, slaves or tenants. Extensive lordship — “the power to command services and goods from the population of an area” — was reinforced by the collection of tribute, often in form of food rents. It also characterised the relationship between kings and important subjects and underpinned the exercise of royal power. By its nature, extensive lordship is an element of a political economy and so does not have to be related directly to the production process whether in the countryside or in towns³⁰.

However, it is important to consider the level at which the state interacted with the localities and the economic implications. The lowest administrative unit at which government operated is usually regarded as the hundred, as has been shown with the execution cemeteries and the assembly sites. But it is sometimes argued that the state penetrated to village level, and the evidence used for this is frankpledge, the system by which the whole adult male population was bound to keep the peace and this was achieved by grouping men into accountable units of ten. However, it is not clear how much of this regulatory system actually existed before the Norman Conquest³¹.

If frankpledge were found to be an element of Anglo-Saxon governance, do we need to consider a similar intervention of the centre into the local agrarian economy? Did the state exploit intensive lordship to become directly involved in the farming process? Or indeed would such an intervention have been tolerated by the local landholding aristocracy (below)?

The results of two fieldwork projects have been explained in terms of the intervention of a central authority. In the Bourn valley in Cambridgeshire a large field system has been reconstructed that extended over at least four (later) parishes and is proposed as eighth-century. In a search for the most likely context for this massive change, neither demographic change nor lordship were regarded as convincing explanations. The scale of the replanning implied the exercise of a higher authority and it represented a burgeoning, royal (Mercian), authority. The Bourn fields were part and parcel of a centrally directed attempt to control the rural economy, and

³⁰ *Faith R.* *The English Peasantry and the Growth of Lordship.* Leicester, 1997. P. 10, 8–48.

³¹ *Campbell J.* *The Anglo-Saxon State.* P. xxvi.

in this case to increase cereal production by achieving a switch from a pastoral to an arable economy³².

The second case concerns the extensive excavations and fieldwork which illustrate the nucleation of settlements and their associated field systems in Raunds parish, Northamptonshire. The late ninth-century phase of settlement at Raunds — the Anglo-Scandinavian farm — is seen as an instrument of the Danish takeover of the locality. And then fifty years later, a regularly planned village attached to a high-status farm was created and is similarly interpreted in political terms. The scale and regularity of the arrangement is taken to indicate the exercise of a central authority and it is proposed the most probable context is the consolidation of territory and the shiring of the east midlands which accompanied the reconquest of the Danelaw by Edward the Elder in the first two decades of the tenth century³³. The nucleated phase of the neighbouring settlement of West Cotton is interpreted in the same, political, way³⁴.

While these interpretations might be problematic, in terms of our immediate concerns they involve the intervention of the state at an unprecedentedly low level compared to how such activity has been recently constructed. Political involvement at the level of villages and fields could potentially have overridden and discounted the efficacy of local community action.

In these two cases it is argued that in order to achieve the political goals of sustaining a state, it was necessary to control the agrarian economy. Leaving aside the problems of an essentially formalist interpretation of the economy, it also deprived the locality, including the state's agents — the local leaders — any opportunity for the exercise of self interest and seems to strike at the rationale that has been proposed elsewhere for the effectiveness of early medieval government, namely the importance of cooperation based on mutual interest between the centre and the locality. And, as with all exogenous explanations for change in medieval rural

³² *Oosthuisen S.* The Anglo-Saxon Kingdom of Mercia and the Origins and Distribution of Common Fields // *Agricultural History Review*. 2007. Vol. 55. P. 153–180; and see comments in *Bailey M.* Beyond the Midland Field System: the Determinants of Common Rights over the Arable in Medieval England // *Agricultural History Review*. 2010. Vol. 58. P. 153–171.

³³ *Audouy M. and Chapman A.* Raunds: the Origin and Growth of a Midland Village, AD 450–1500. Oxford, 2009. P. 30–36; 51–52.

³⁴ *Chapman A.* West Cotton, Raunds: a Study of medieval Settlement Dynamics, AD 450–1500. Oxford, 2010. P. 30.

society, one has to ask why this particular tactic for state control was exercised in such a chronologically and geographically limited way.

A similar debate concerns the character and development of towns and their role in the growth of Anglo-Saxon government. The post-Roman revival of towns mainly took the form of a Christian colonisation of former Roman cities as they became bishops' seats and centres of dioceses; and although many existed in the countryside, some secular palaces were also based in these former towns. These much-shrunken settlements should be seen as foci for high-status consumption, perhaps drawing in surplus and tribute from outlying secular and religious estates³⁵.

The "long eighth century" (c. 680–830) has now become a formative time in European economic development, with widespread evidence for agricultural intensification that included the exploitation of new environmental zones. It was also a time of increased exchange articulated by an extensive network³⁶. This is the context for the rise of the international trading stations, the emporia or wics, which fringed the coast and major waterways of the English Channel, the North and Baltic Seas.

These sites were previously seen as the major way by which kings secured prestige goods with which to reinforce their status through gift-giving. To a certain extent this interpretation was conditioned by an emphasis on the exotic or imported element in the material culture. With the analyses of the more local material and the faunal assemblages, we now tend to see emporia more as the means by which agricultural surplus of the elite groups was redistributed, overseen by kings and their officials. In order for these sites to function as foci of redistribution and exchange, it is postulated that they depended on a network of tribute-gathering places, often centres of estates and these are documented as monasteries and sometimes as secular palaces, and archaeologically attested as "productive centres" or concentrations of coins and metalwork, and potential beach markets³⁷.

³⁵ *Astill G.* Medieval Towns and Urbanization. P. 258–259.

³⁶ *The Long Eighth Century* / Ed. I. Hansen and C. Wickham. Leiden, 2000; *McCormick M.* Origins of the European Economy: Communications and Commerce AD 300–900. Cambridge, 2001.

³⁷ *Scull C.* Urban Centres in Pre-Viking England? // *The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century* / Ed. J. Hines. Woodbridge, 1997. P. 269–310; *Markets in Early Medieval Europe: Trading and Productive Sites 650–850* / Ed. T. Pestell, and K. Ulmschneider. Macclesfield, 2003.

However, it is important to note that this economic network, essentially based on emporia and productive sites and estate centres, did not coincide chronologically with the development of the kingdoms to which it was connected because the system seems to have failed by the earlier ninth century (830–840s). This collapse of exchange may be related to the direct and indirect effects of the Viking attacks but may also reflect changed circumstances within the kingdoms. Again, it is instructive to compare the experiences of Francia and Anglo-Saxon England. The more politically fragmented Francia, and yet one of the most commercially developed parts of Europe, had a three-level exchange network: estate centres; *portus* — regional centres such as St Denis and Verdun which were mints, fairs and toll stations set in the major north French river valleys; and the emporia. Located at the estuaries of the rivers, the emporia were the least numerous element of the network, but the most engaged with long-distance trade and yet the shortest-lived. The demise of the emporia had no apparent effect on the Frankish structure which continued to influence the urban pattern for most of the middle ages. The English exchange infrastructure had no equivalent to the *portus* and had to develop a new urban and trading network after the ninth century³⁸.

That the foundations of a more durable urban framework were laid through royal initiative and most clearly seen in the defensive burhs is one version of England's urban sequence. In this reading, the burhs were part of an economic as well as a military strategy. The burhs were intended as planned towns as well as garrisoned forts — and they in turn facilitated the creation of the state. The major places such as Canterbury and Winchester where both documentary, and to a lesser extent archaeological, evidence show they were urban centres and mints in the ninth century, are integral to this argument³⁹. An alternative interpretation takes into account the evidence from the more unexceptional burhs, and as a result seeks to separate the military and urban functions of these sites. The archaeological evidence for when most of the burhs acquired an urban character is considerably

³⁸ *Verhulst A.* The Rise of Cities in Northwest Europe. Cambridge, 1999; *Astill G.* Medieval Towns and Urbanization. P. 262.

³⁹ *Biddle M.* Towns // The Archaeology of Anglo-Saxon England / Ed. D. Wilson. London, 1976. P. 120–134; *Russo D.* Town Origins and Development in Early England, 400–950 AD. Westport, CN, 1998. P. 193–231; *Hodges R.* The Anglo-Saxon Achievement. Archaeology and the Beginnings of English Society. London, 1989. P. 155–166; but see *Hinton D.* The Large Towns. P. 226.

later than their foundation and delayed their economic development until the late tenth or eleventh century, when they became centres of local exchange and industry⁴⁰.

Royal interest or concern for managing the burhs is best assessed from the laws. From the early tenth century the laws reflect a royal intention to supervise trade, to judge from the emphasis on witnessing transactions and preventing theft. Edward the Elder tried to concentrate all trade into “ports”, but Athelstan’s, Edgar’s and Cnut’s laws seem to acknowledge that there were places where small-scale trading took place and which were beyond direct royal control⁴¹. Although it could be argued that most laws are essentially responses to existing situations, these trading references might indicate the essentially regulatory role of kings in the urban economy.

One of the most telling indications of royal control is the coinage. The siting of mints in burhs would have obliged people to visit these places to obtain coin, presumably in exchange for commodities they had produced, in order to pay taxes. From the 920s, there is a steady increase in the number of mints founded in burhs, and this presumably reflects the royal determination to control the coinage, and to supervise and protect the moneyers and their bullion⁴². Viewed in the light of the legislation concerning trade, this is further evidence of the attempt to extend royal control over the local economy. Yet, while the mechanisms for this level of control appear to have been in place by the mid-tenth century, whether they worked is dependent on how effective the Anglo-Saxon state had become, a point to which we will return.

But we also need to consider whether there was a sufficiently high level of trade to warrant such royal measures. The number of coins in circulation during the later ninth and tenth century was limited which suggests that economic growth, or the extent of trading, was circumscribed⁴³.

⁴⁰ *Astill G.* Medieval Towns and Urbanization. P. 264–265; *Hinton D.* The Large Towns. P. 230–235; *Carver M.* Birth of a Borough: Stafford, An Anglo-Saxon ‘New Town’. Woodbridge, 2010. P. 127–145.

⁴¹ *Loyn H.* Towns in Late Anglo-Saxon England: the Evidence and Some Possible Lines of Enquiry // *England Before the Conquest* / Ed. P. Clemoes and K. Hughes. Cambridge, 1971. P.115–128; *Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Oxford, 1999. P. 289–290, 319–320.

⁴² *Astill G.* Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town. P. 244–245.

⁴³ *Blackburn M.* Coin Circulation in Germany During the Early Middle Ages: the Evidence of Single Finds // *Fernhandel und Geldwirtschaft: Beiträge Zum Deutschen Münzwesen: Beiträge zum deutschen Münzwesen in sächsischer und salischer Zeit:*

The importance of coinage in lubricating the economy could be regarded as variable until at least the later tenth century, and this may be because trade was conducted using other exchange media. But this was not necessarily the main function of coinage because coin was still used as a symbol of royal authority and as a means of taxation, both important attributes of a medieval state⁴⁴. This returns us to the political economy and whether coin might have been confined to the exercise of extensive lordship and so did not deeply penetrate the agrarian economy until the late tenth or eleventh centuries. And this also reflects the continuing discussions about the character of the early medieval economy, if it was highly monetised and market-based — the formalist approach — or if it was a more socially embedded system where transactions had little independent economic significance — the substantivist view⁴⁵. The latter view, for example, might delay the effect or even challenge the notion of the association quoted above, that an effective state and a developing economy were mutually supportive.

The revision of the coinage in c. 973 by Edgar which provided for the frequent recall and reissue of the coinage has always been taken as one of the most important indicators of the effectiveness of the English state because such a regular change of the coinage would have required an administrative infrastructure (and one which also facilitated the collection of the tax to pay to the Danes — Danegeld)⁴⁶. It is also important to remember that the regular change of coinage was a reliable bullion tax and thus an important source of royal income. It is usually agreed that the coinage was successfully recalled and reissued every six years until about 1135. However, whether this actually occurred with such regularity, and if a mechanism existed to make it possible, has been questioned⁴⁷. And the economic implications of such a regular monetary change need further investigation and cannot necessarily be assumed.

Ergebnisse des Dannenberg-Kolloquiums 1990 / Ed. B. Kluge. Mainz, 1993. P. 31–32;
Vince A. Saxon London. London, 1990. P. 106–108.

⁴⁴ *Naismith R.* Money and Power in Anglo-Saxon England. Cambridge, 2012. P. 199–251.

⁴⁵ *Blackburn M.* Money and Coinage // The New Cambridge Medieval History. Vol. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1991. P. 539.

⁴⁶ *Campbell J.* The Anglo-Saxon State.

⁴⁷ Stewart 1990.

This review of the economy has reflected current work which has tended to concentrate on trade and its articulation. While this is critical, it nevertheless does not exploit all the available archaeological evidence. A key area in need of investigation is the character and scale of the production that fuelled the exchange systems. This would bring the enquiry to the level of landscapes and settlements and should include all the environmental data, especially the faunal assemblages. We would then, for example, be in a position to reconsider the relative roles of the aristocracy and the peasantry in the production process; and at the very least it would make a contribution to understanding more fully the role of the different levels of the aristocracy in the development of towns⁴⁸.

Having reviewed these themes, it seems that the development of the English state owes much to increasing social and political stratification and competition, underpinned by territorial growth enabled by the creation of an effective military force, particularly in the face of foreign invasion; and in combination with a governmental structure. While such a trajectory must be reinforced by significant economic power, this may have been achieved as much by the levy of tribute, tax and regulation as by a more intrusive intervention into the agrarian structure of the country. If the latter occurred at all, it may have been relatively late in the process and it could be argued that it was not complete by the mid-eleventh century and that it was the consequences of the Norman Conquest which further extended the political and economic power of the state⁴⁹.

While these themes were chosen to highlight the archaeological impact on, and the areas of debate about, the study of the state, they are nevertheless documentarily informed, whether it be concerned with specific classes of document, such as the laws, or the more general interpretations of the political or socio-economic character of Anglo-Saxon society. This interaction is fundamental, but in order to maximise the benefit, we should acknowledge those areas of historical debate, be aware of their significance and reconsider our data and interpretations accordingly. But it is important to accept the differing range of the information — the archaeological evidence, for example, tends to emphasise the long period of gestation, from the

⁴⁸ *Fleming R.* Rural Elites and Urban Communities in Late Saxon England // Past and Present. 1993. Vol. 141. P. 3–37.

⁴⁹ *Faith R.* The English Peasantry. P. 178–200.

later sixth century, whereas the documentary material points to the late ninth century and beyond as the period when much of the state structure was put in place⁵⁰.

For example, archaeological discussions about the development of polities tend not to distinguish between the means by which kingdoms and states came into being. In one sense it is a question of scale and sequence: that the state is seen as emerging from a growing kingdom. The state was the outcome of a competitive and aggressive process whereby one kingdom achieved dominance. This outcome was facilitated because the competing kingdoms shared a similar developmental sequence (territorial consolidation; administrative procedures; exploitation of natural resources; developing hierarchies⁵¹). This historical interpretation has been modified because it was regarded as too unilinear a sequence: the character of the regional kingdoms was much more divergent and these polities did not share a similar developmental sequence⁵². This emphasis on regional differentiation could usefully be considered by archaeologists: this could become a common theme.

Most archaeological interpretations of the state are usually set in the context of the “maximum” view of the Anglo-Saxon state which has been the dominant paradigm; the state had an exceptional character, was precocious and highly effective compared to the rest of Europe. This maximum view reflects the English historiographic tradition since the nineteenth century: it stresses the power of Anglo-Saxon government, and the capability of its institutional framework as reflected in the networks of burhs, the shires and hundreds and the large number appointed as royal officials. The results were the defensive measures, a closely controlled coinage, an effective taxation system and the development of the law to manage disputes and control crime⁵³.

An alternative approach has been growing which questions the real extent and power of these centralised institutions and how they might have actually worked. It has been argued, for example, that the evidential basis — the laws and charters — might be interpreted as ideological statements

⁵⁰ *Campbell J. The Anglo-Saxon State.* P. xxi–xxii.

⁵¹ *Bassett S. Introduction; Keynes S. England, 700–900 // The New Cambridge Medieval History. Vol. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1991. P. 19–23*

⁵² *Keynes S. England, 700–900. P. 18–21.*

⁵³ E. g. *Campbell J. The Anglo-Saxon State; Wormald P. Frederick William Maitland and the Earliest English Law // Law and History Review. 1998. Vol. 16. P. 1–25.*

(and so more related with European traditions) rather than bureaucratic actualities, with a consequence for how we judge the effectiveness of a state mechanism⁵⁴. And the efficacy of central government was dependent on local power structures: the capability of the state may have been determined by the extent to which its interests coincided with the political networks in the localities. A further consideration is that, if central administration was delegated to those who were powerful in the regions, the impact of the state could vary from region to region⁵⁵. And if regional variation influenced the state, it need neither have developed progressively nor evenly over time. Indeed, as the state was so dependent on the locally powerful, it has been suggested that the term has become too confusing and should be substituted by “lordship”⁵⁶.

Others have drawn attention to the potential for political instability, such as the succession problems in 978 and during Cnut’s reign⁵⁷. The state may not have become so deeply rooted, and some argue that the absence of laws and charters in the eleventh century represented a hiatus in government and could indicate periods when the institutions did not function. And there were cases when the state’s dependence on regional magnates failed and resulted in expressions of local disaffection that the king dealt with by forceful harassment, that is the lawless option. The possibility existed that the kingdom could be dominated by some aristocratic families, which might have resulted in partition, or even a take-over, as happened twice in the eleventh century⁵⁸. However, some historians have argued that we should adopt ways of exploring in less extreme, opposite, terms the relationship between royal power vested in central institutions and the local power

⁵⁴ *Insley C.* Assemblies and Charters in Late Anglo-Saxon England // *Political Assemblies in the Earlier Middle Ages*. P. 47–59.

⁵⁵ *Green J.* Kingship, Lordship and Community in Eleventh-Century England // *Anglo-Norman Studies*. 2009. Vol. 31. P. 1–16.

⁵⁶ *Davies R.* The Medieval State: the Tyranny of a Concept // *Journal of Historical Sociology*. 2003. Vol. 16. P. 296.

⁵⁷ *Reuter T.* The Making of England and Germany, 850–1050: Points of Comparison and Difference // *Medieval Europeans: Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe* / Ed. A. Smyth. Basingstoke and N.Y., 1998. P. 55–59.

⁵⁸ *Reuter T.* Debate: the Feudal Revolution, III // *Past and Present*. 1997. Vol. 155. P. 191–192; *Green J.* Kingship, Lordship and Community. P. 9–10; *Insley C.* Southumbria // *A Companion to the Early Middle Ages* / Ed. P. Stafford. Chichester, 2009. P. 324–327.

structures⁵⁹. For example, the king's power in the eleventh century is indicated by the importance of royal patronage of the earls, whereby kings lent lands for periods of the earl's office. Kings also regranted and reallocated earldoms which could make these units relatively short lived: this produced a "highly stressed polity"⁶⁰.

In contrast, recent work on the king's council (witan) and assemblies has emphasised the importance of royal interaction with magnates and how assemblies were a way of achieving consensus. This approach represents a shift away from the legalistic and administrative character of the state to accommodate the ritual and charismatic aspects of government. Itineraries and assemblies, for example, were ways of emphasising the importance of social interaction among elites in terms of rites of passage and feasting⁶¹. The last two aspects are common concerns for early Anglo-Saxon archaeologists who study the period c. AD 450–700, but they should also be considered for later times, at least until AD1100.

This recent work shows the increasing sophistication of the historical enquiry and this should stimulate further archaeological work of a similar character. One of the most important lessons is to move from the large-scale, "national" approach and try to refine the enquiry by considering the character and importance of regions and to explain inter-regional variability. Such work is already in progress. The detailed research on aspects of Anglo-Saxon governance and the studies of civil defence rely on a combination of archaeological, documentary, topographic and place name studies, which, with theoretically-informed interpretations, will produce a much more nuanced appreciation of the Anglo-Saxon state.

LIST OF CITED LITERATURE

Andersson H. Urbanisation // The Cambridge History of Scandinavia. Vol. 1 / Ed. K. Helle. Cambridge, 2003. P. 312–342.
Assembly Places and Practices in Medieval Europe / Ed. A. Pantos and S. Semple. Dublin, 2004.

⁵⁹ *Baxter S.* The Earls of Mercia: Lordship and Power in Late Anglo-Saxon England. Oxford, 2007. P. 11–13.

⁶⁰ *Ibidem.* P. 61–124.

⁶¹ *Roach L.* Kingship and Consent in Anglo-Saxon England, 871–978. Cambridge, 2013. P. 161–194; 212–238.

- Astill G.* Community, Identity and the Later Anglo-Saxon Town // People and Space in the Middle Ages / Ed. W. Davies, G. Halsall and A. Reynolds. Turnhout, 2006. P. 233–254.
- Astill G.* General Survey 600–1100 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1 / Ed. D. Palliser. Cambridge, 2000. P. 27–50.
- Astill G.* Medieval Towns and Urbanization // Reflections: 50 Years of Medieval Archaeology, 1957–2007 / Ed. R. Gilchrist and A. Reynolds. Leeds, 2009. P. 255–270.
- Audouy M. and Chapman A.* Raunds: the Origin and Growth of a Midland Village, AD 450–1500. Oxford, 2009.
- Bailey M.* Beyond the Midland Field System: the Determinants of Common Rights over the Arable in Medieval England // Agricultural History Review. 2010. Vol. 58. P. 153–171.
- Baker J. and Brookes S.* Beyond the Burghal Hidage. Anglo-Saxon Civil Defence in the Viking Age. Leiden, 2013.
- Bassett S.* Introduction. In Search of the Origins of Anglo-Saxon Kingdoms / Ed. S. Bassett. Leicester, 1989. P. 3–27.
- Baxter S.* The Earls of Mercia: Lordship and Power in Late Anglo-Saxon England. Oxford, 2007.
- Biddle M.* Towns // The Archaeology of Anglo-Saxon England / Ed. D. Wilson. London, 1976. P. 91–150.
- Blackburn M.* Coin Circulation in Germany During the Early Middle Ages: the Evidence of Single Finds // Fernhandel und Geldwirtschaft: Beiträge zum Deutschen Münzwesen: Beiträge zum deutschen Münzwesen in sächsischer und salischer Zeit: Ergebnisse des Dannenberg-Kolloquiums 1990 / Ed. B. Kluge. Mainz, 1993. P. 37–54.
- Blackburn M.* Money and Coinage // The New Cambridge Medieval History. Vol. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1991. P. 538–559.
- Blair J.* Introduction // Waterways and Canal-building in Medieval England / Ed. J. Blair. Oxford, 2007. P. 1–20.
- Brooks N.* The Creation and Early Structure of the Kingdom of Kent // The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms / Ed. S. Bassett. Leicester, 1989.
- Brooks N.* The Development of Military Obligations in Eighth- and Ninth-Century England // England Before the Conquest / Ed. P. Clemoes and K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 128–150.
- Campbell J.* The Anglo-Saxon State. London, 2000.
- Campbell J.* The Church in Anglo-Saxon Towns // The Church in Town and Countryside / Ed. D. Baker. Oxford. 1979. P. 119–135.
- Carver M.* Birth of a Borough: Stafford, An Anglo-Saxon ‘New Town’. Woodbridge, 2010.
- Carver M.* Overview: Signals of Power // The Oxford Handbook of Anglo-Saxon Archaeology / Ed. H. Hamerow, D. Hinton and S. Crawford. Oxford, 2011. P. 845–847.

- Chapman A.* West Cotton, Raunds: a Study of medieval Settlement Dynamics, AD 450–1500. Oxford, 2010.
- Davies R.* The Medieval State: the Tyranny of a Concept // *Journal of Historical Sociology*. 2003. Vol. 16. P. 280–300.
- Faith R.* The English Peasantry and the Growth of Lordship. Leicester, 1997.
- Fleming R.* Rural Elites and Urban Communities in Late Saxon England // *Past and Present*. 1993. Vol. 141. P. 3–37.
- Foot S.* The Making of *Angelcynn*: English Identity before the Norman Conquest // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1996. Vol. 6. P. 25–49.
- Green J.* Kingship, Lordship and Community in Eleventh-Century England // *Anglo-Norman Studies*. 2009. Vol. 31. P. 1–16.
- Haslam J.* Market and Fortress in England in the Reign of Offa // *World Archaeology*. 1987. Vol. 19. P. 76–93.
- Hinton D.* The Large Towns // *The Cambridge Urban History of Britain*. Vol. 1 / Ed. D. Palliser. Cambridge, 2000. P. 217–244.
- Hodges R.* The Anglo-Saxon Achievement. Archaeology and the Beginnings of English Society. London, 1989.
- Hyams P.* Rancor and Reconciliation in Medieval England. Ithaca, NY, 2003.
- Inasley C.* Assemblies and Charters in Late Anglo-Saxon England // *Political Assemblies in the Earlier Middle Ages* / Ed. I. Barnwell and M. Mostert. Turnhout, 2003. P. 47–59.
- Inasley C.* Southumbria // *A Companion to the Early Middle Ages* / Ed. P. Stafford. Chichester, 2009. P. 322–340.
- Johnson A. and Earle T.* The Evolution of Human Societies. Stanford, CA, 1987.
- Keynes S.* England, 700–900 // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1991. P. 18–42.
- Loyd H.* Towns in Late Anglo-Saxon England: the Evidence and Some Possible Lines of Enquiry // *England Before the Conquest* / Ed. P. Clemoes and K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 115–128.
- Markets in Early Medieval Europe: Trading and Productive Sites 650–850* / Ed. T. Pestell, and K. Ulmschneider. Macclesfield, 2003.
- McCormick M.* Origins of the European Economy: Communications and Commerce AD 300–900. Cambridge, 2001.
- Naismith R.* Money and Power in Anglo-Saxon England. Cambridge, 2012.
- Oosthuisen S.* The Anglo-Saxon Kingdom of Mercia and the Origins and Distribution of Common Fields // *Agricultural History Review*. 2007. Vol. 55. P. 153–180.
- Reuter T.* Debate: the Feudal Revolution, III // *Past and Present*. 1997. Vol. 155. P. 177–195.
- Reuter T.* The Making of England and Germany, 850–1050: Points of Comparison and Difference // *Medieval Europeans: Studies in Ethnic Identity*

- and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. Smyth. Basingstoke and N.Y., 1998. P. 53–70.
- Reynolds A.* Anglo-Saxon Deviant Burial Customs. Oxford, 2009.
- Reynolds A.* Crime and Punishment // The Oxford Handbook of Anglo-Saxon Archaeology / Ed. H. Hamerow, D. Hinton and S. Crawford. Oxford, 2011. P. 892–913.
- Roach L.* Kingship and Consent in Anglo-Saxon England, 871–978. Cambridge, 2013.
- Russo D.* Town Origins and Development in Early England, 400–950 AD. Westport, CN, 1998.
- Scull C.* Archaeology, early Anglo-Saxon society and the origins of Anglo-Saxon kingdoms // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. 1993. Vol. 6. P. 65–82.
- Scull C.* Social archaeology and Anglo-Saxon kingdom origins // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. 1999. Vol. 10. P. 17–24.
- Scull C.* Urban Centres in Pre-Viking England? // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century / Ed. J. Hines. Woodbridge, 1997. P. 269–310.
- Smyth A.* The Emergence of English Identity // Medieval Europeans. Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. Smyth. Basingstoke, 1998. P. 24–52.
- Stafford P.* Historiography // A Companion to the Early Middle Ages / Ed. P. Stafford. Chichester, 2009. P. 9–21.
- Stewart I.* Coinage and Recoinage after Edgar’s Reform // Studies in Late Anglo-Saxon Coinage in Memory of Bror Emil Hildebrand (Svenska Numismatiska Meddelanden. 1990. Vol. 35). P. 455–485.
- The Defence of Wessex: the Burghal Hidage and Anglo-Saxon Fortifications / Ed. D. Hill and A. Rumble. Manchester, 1996.
- The Long Eighth Century / Ed. I. Hansen and C. Wickham. Leiden, 2000.
- The Origins of the State / Ed. R. Cohen, and E. Service. Philadelphia, 1978.
- Verhulst A.* The Rise of Cities in Northwest Europe. Cambridge, 1999.
- Vince A.* Saxon London. London, 1990.
- Wormald P.* Frederick William Maitland and the Earliest English Law // Law and History Review. 1998. Vol. 16. P. 1–25.
- Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Oxford, 1999.
- Yorke B.* Kings and Kingship // A Companion to the Early Middle Ages / Ed. P. Stafford. Chichester, 2009. P. 76–90.

СНОВА ОБ АНГЛИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ, ок. 700–1100 гг.

Аннотация: В статье рассматриваются различные концепции характера и становления английского государства между 700 и 1100 гг. Особое внимание уделяется тем аспектам, для изучения которых большое значение имеет археология: предпосылки становления государства, военный стимул и (что немаловажно) характер экономики и управление ею.

К предпосылкам становления государства относятся социальное неравенство и политическая централизация, основанные на интенсификации землепользования и идеологических устоях христианства. В пространственном отношении это, скорее, процесс, происходящий во многих местах, а не фокусирующийся в единственном центре: эта последняя модель возникла лишь после нормандского завоевания.

Основой территориальной экспансии и стабилизации границ служила развитая военная организация и войны. Ряд мер, предпринятых для противодействия набегам скандинавов, стимулировал создание как эффективной обороны, так и коллективной английской идентичности, которая сама по себе являлась важным компонентом государства.

В статье широко освещается связь между государством и экономическим развитием — на том уровне, где государство имеет дело с экономикой, например, посредством различных форм налогообложения или интервенции в практику местных сельскохозяйственных экономик. То же самое наблюдается и в развитии городов, особенно если речь идет о характере центров торговли и управления ими, а также о скорости роста позднейших городов и о степени эффективности государственного управления торговлей, городами и чеканкой монет. В дальнейшем будет необходимо исследовать масштаб и социальные особенности процесса производства, лежавшего в основе торговли, изученной значительно лучше.

Наконец, показано, как это археологическое исследование соотносится с современными историческими концепциями государства, например, с пересмотром масштаба и эффективности англо-саксонского государства и его связи с осуществлением власти на местах.

Ключевые слова: государство, правительство, власть, военные действия, экономика, города, чеканка монет

Dagfinn Skre

NORÐVEGR — NORWAY: FROM SEA KINGS TO LAND KINGS

Abstract: Along the West-Scandinavian coast agrarian settlements are found along fjords and in valleys which are separated from each other and from the lands to the east by high mountains. Thus, seafaring was the main communication mode from the Stone Age onwards. Unlike the coasts of Britain, Ireland and continental Europe, this 1,000 kilometres long coastline is littered with thousands of islands, islets and reefs which create a protected coastal sailing route — the *Norðrvegr* — from which the kingdom took its name.

The naming of the kingdom reflects how it was created. The reason that Denmark, England and numerous other Germanic kingdoms have names composed of an ethnonym and a term for ‘land’ is that they are based on control of territory. Because of the unusual topography, the lands along the west-Scandinavian coasts could be subdued by taking control of the sailing route. If local chieftains wanted to move their people and products out of their territory, they would need to be in the grace of the king that controlled the sailing route. While most kings at the time were land-kings, the king of Norway was a *sjó-konungr*, a sea-king, as reflected in the name of the country.

A few sites along the coast are better suited for control of the sailing routes than others — Avaldsnes at Karmøy near the town of Haugesund being one of them. Although the climate is rougher and the land less fertile than along the fjords, many of these sites have prominent archaeological monuments from the first millennium AD, some even from the Bronze Age. This long history of seafaring being the main transport mode and naval warfare being a necessary skill for political dominance makes out a backdrop for the Viking incursions in Britain, Ireland and the Continent c. 790–1050.

Keywords: Kingship, Viking, Scandinavia

In the mind of the average contemporary Norwegian, the country is divided into four regions, northern, southern, eastern and western. However, the perception was rather different two centuries ago, when the country was viewed as divided into *nordaffjells* and *sønnaffjells*, that is, ‘north of the mountains’ and ‘south of the mountains’¹; the

¹ *Helle K.* Ei soge om Vestlandet // A. Lillehammer, A.E. Tryti, K. Helle, O. Grepstad, E. Sunde (eds). *Vestlandets historie*. Bergen, 2006. Vol. 1. S. 12

‘mountains’ in this context is the range which runs south-south-west from the very north of the Scandinavian peninsula.

From a strictly geographical perspective this terminology is clearly incorrect, as some regions ‘north of the mountains’ lie further to the south than the regions ‘south of the mountains’. Rather than being derived from compasses and maps, the terminology probably grew from a widespread consciousness of unity based on communication routes, landscape-type and living conditions within each of the two regions.

This division of western Scandinavia, which has ancient roots, was reflected in the way people identified themselves and each other. As late as the nineteenth century people from the west coast were called *Nórdmenn*, ‘men from the north’, by their countrymen on the other side of the mountains. To add to the confusion, those who lived ‘south of the mountains’ were called *Austmenn*, ‘men from the east’².

This terminology can be traced back through the High Middle Ages to the Viking Age (c. 790–1050). Ohthere, around 890 AD, described to King Alfred of England the voyage from his homeland in northern Norway to the town Kaupang, by the mouth of the Oslofjord, and on to the town Haithabu near present-day Schleswig in Germany. Ohthere stated that he lived furthest north of all the Northmen and that *Norðmanna land*, ‘the land of the Northmen’, was narrow in the north and broad in the south. In some translations of Ohthere’s account, *Norðman* is understood to mean ‘Norwegian’³, but this is inaccurate. Evidently, when using this term Ohthere was neither referring to a country nor a kingdom and its inhabitants, but rather he was identifying himself in the same manner as the people from the west and north still did a hundred years ago. He was referring to a geographic zone where the people, in addition to their many local identities, shared one: they were Northmen, because they lived in the land ‘north’ of the great mountains. At that time this was a geographic zone, not a political entity.

Before the Kingdom of Norway was formed in the tenth and eleventh centuries there were several smaller polities within

² Ibidem. S. 12–14.

³ E. g., *Bately J.* Text and translation: the three parts of the known world and the geography of Europe north of the Danube according to Orosius’ *Historia* and its Old English version // J. Bately & A. Englert (eds.). Ohthere’s voyages: a late 9th-century account of voyages along the coasts of Norway and Denmark and its cultural context. Roskilde, 2007. S. 44, 46–47

Norðmanna land. In “Getica”, Jordanes’ mid-sixth century history of the Goths, twenty-eight tribes are listed in Scandinavia⁴. By comparing the names of these with more recent records of the names of districts and regions, the lands of several tribes may be identified. For instance, in “Getica”, the following names are listed: “*Granii, Augandzi, [...] Rugi, Arochi*”. They correspond to the prefixes in the following regional names that are still in use: *Grenland, Agder, Rogaland* and *Hordaland*. These are neighbouring regions lying from the east towards the west along the southern coast of present-day Norway. Three of these regional names carry the suffix *-land*, which indicates that Grenland was the land of the *Granii*, Rogaland was the land of the *Rugi*, etc. In addition to the names listed in “Getica”, several other regional names have their roots in the names of tribes, such as *Sogn* (*Sygnafylki* in the Middle Ages), the land of the *Sygni*.

Not only do Jordanes’ tribal names fit the regional names, but these regions also correspond very closely with tribal areas in south-western Norway that professor Bjørn Myhre⁵ identified on the basis of his analysis of various high-status categories of archaeological finds from the Late Roman and Migration periods (c. 300–550 AD). The centres that he identified lie in the lands of the *Granii, Augandzi, Rugi, Arochi* and *Sygni*. As illustrated in Figure 1, the centres of these tribal areas are not located on the exposed coastline, but rather in the much more fertile areas of the fjords and inlands.

How *Norðvegr* became Norway

In early-medieval Europe there was a general development from numerous small polities to fewer larger ones. Normally a large polity was created by the dynasty of a polity taking control of neighbouring ones and forming a kingdom, some of which endured into the modern period.

The creation of the western Scandinavian kingdom, however, seems to have been of different character. This is evident from its name. Many European countries have a prefix that denotes a tribe and a suffix that means ‘territory’. For instance, Denmark means ‘the

⁴ *Lund A.A.* De etnografiske kilder til Nordens tidligere historie. Århus, 1993. S. 282–285; *Svennung J.* Jordanes und Scandia: kritisch-exegetische studien // Kungl. humanistiska vetenskapssamfundet i Uppsala Skrifter. 1967. Vol. 44:2A.

⁵ *Myhre B.* Chieftain’s graves and chiefdom territories in south Norway in the migration period // Studien zur Sachsenforschung. 1987. Vol. 6. S. 169–188.

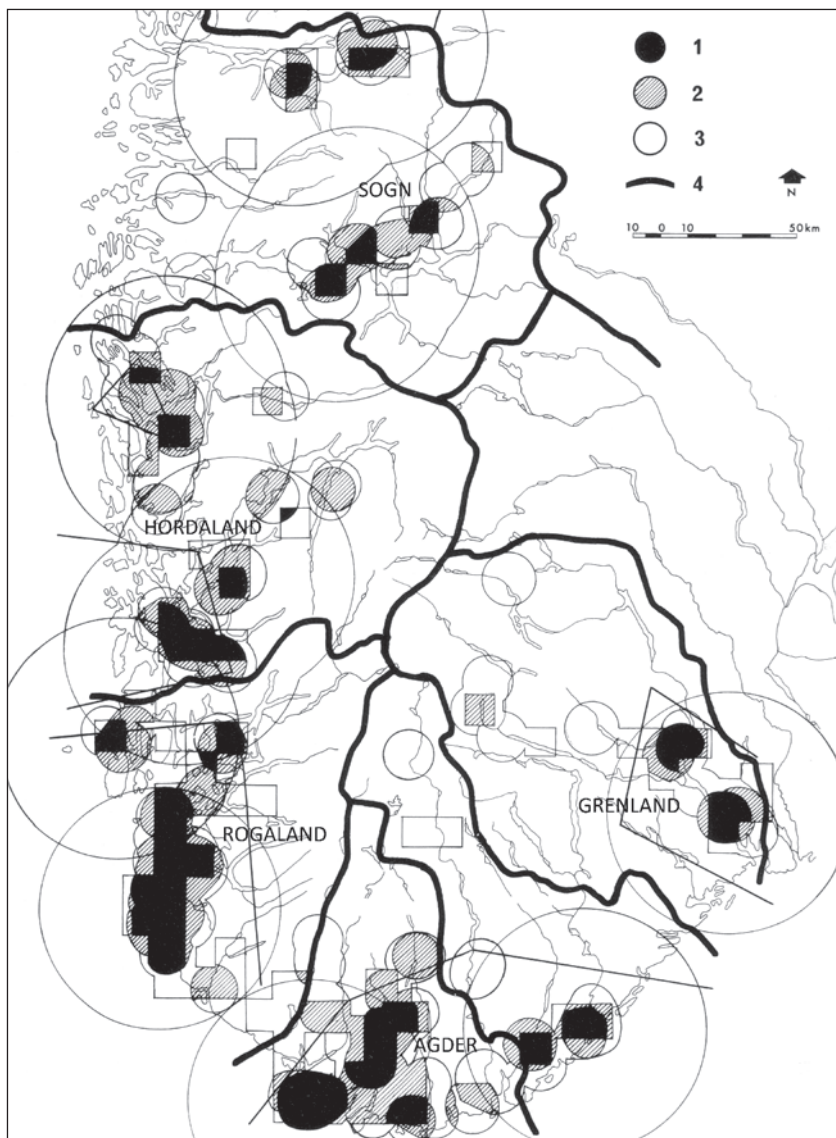

Figure 1. Professor Bjørn Myhre's map of high-status grave-finds — that is, those that contain bronze vessels, glasses and items of gold — from the period c. 300–550 AD. Each find has been mapped as a square or circle, and where three or more overlap the shading is black (1). Where two overlap the shade is hatched (2), and no overlap is marked as a white circle or square (3). Present-day county borders are marked (4). For bibliographical reference, see note 5.

mark (land) of the Danes', England means 'the land of the Angles', etc. But the Old Norse name of Norway, *Norðvegr*, is composed differently. The prefix simply means 'north', while the suffix means 'way'.

This 'way' is no doubt the sailing route along the coast of western Scandinavia, running for more than 1,000 kilometres from Rogaland in the southwest to Lofoten, which lies well north of the Polar circle. The route is, for the most part, sheltered by thousands of islands, islets and reefs. Even when the open sea outside is rough and the wind terrifying, it is safe to sail along the sheltered route. The name of this sailing route was *Norðvegr*, 'the Northern way', and it binds together the lands 'north of the mountains' where the Northmen live.

Thus, the West-Scandinavian kingdom actually took its name from a communication route, the only such case in the world known to the author. The name's background is that, unlike the many kingdoms that were based on control of a territory, the kingdom of Norway was based on the control of the sea. The king of the sailing route was the king of the land. This is mirrored in the location of the five earliest royal manors, Urnes, Avaldsnes, Fitjar, Alrekstad and Seim (Figure 2), all of which are mentioned in skaldic poetry and sagas in connection with the first king of Norway, *Haraldr hárfagri*, who came to power in the late ninth century and ruled until c. 930. These manors are all located on islands or in bays along the sailing route, not on the fjords where Myhre's wealthy graves were found.

The outer coastline and the islands outside are rather rough and rocky, with good pasture and arable land being located in only a few places. These few places are where the royal manors are situated. In the fjords, just a few kilometres inland, the landscape opens up and

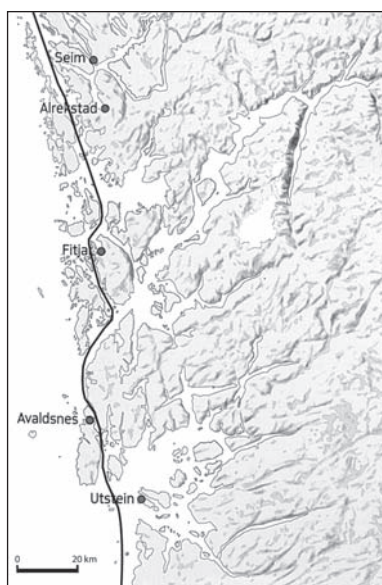

Figure 2. The five manors that are mentioned in the Old Norse literature in connection with Norway's first king, *Haraldr hárfagri*. As can be seen, they are all located near the main sailing route along the coast, marked by the black line. Redrawn by the author.

large stretches of fertile land with deep soil occur, sheltered from the wind by surrounding mountains. Here the climate is much more favourable for farming than on the outer coast. Further inland are valleys and, eventually, mountains, with resources of timber, game, fur, etc. As the distribution of the wealthy graves testifies, this is where the tribal aristocracies had their land and people. Their manors occupied the most fertile spots, surrounded by their people on neighbouring farms, from where they had access to the rich resources in the valley and mountain areas. Each tribe could live along the same fjord, as in Sogn, in valleys, like the *Granii*, in neighbouring and connected fjords and valleys, like the *Arochi*, or on a fertile plain, like most the *Rugi* did on the plain of Jæren.

Overland transport between the tribal areas was hindered by the mountains, and the most convenient way to travel was by sea. As a consequence, anyone travelling with some cargo outside of their tribal area would need to sail along the *Norðvegr*. This means that in this landscape a convenient key to gain authority over the tribal aristocracies would be to settle on the strategic points along this route with sufficient ships and men to be able to halt passing ships and make them pay homage, perhaps also duties. The king who could establish himself on several of these locations would be king of the *Norðvegr*, and thereby king of the land. While most kings at the time were land-kings, the king of Norway was a *sjó-konungr*, a sea-king, as reflected in the name of the country.

The most important of the five earliest royal manors was, undoubtedly, Avaldsnes (*Qgvaldsnes* in Old Norse), near the southern end of the sailing route. The manor is frequently mentioned in the sagas, and the archaeological finds from there are remarkable, spanning three thousand years from the earliest Bronze Age to the High Middle Ages, when King *Hákon Hákonarson* had a magnificent church built on the manor. This is where, according to Snorri Sturluson, the author of the most elaborate of the Kings' sagas, the first king of the Kingdom of *Norðvegr*, *Haraldr hárfagri*, settled in the late ninth century following his victory over rivals⁶. Chieftains and petty-kings were associated with the area before him, but what seems to be

⁶ Avaldsnes (*Qgvaldsnes*) is mentioned in the following chapters of Snorri Sturluson's *Heimskringla*: *Haralds saga ins hárfagra*, ch. 38, *Hákonar saga góða*, ch. 19, *Óláfs saga Tryggvasonar*, ch. 63–64, and *Óláfs saga ins helga*, ch. 118–121. In addition, Snorri describes in detail the place close to Avaldsnes where *Haraldr hárfagri* was buried (ch. 43 in *Haralds saga*).

novel is that he also possessed the four other royal manors along the southern part of the sailing route *Norðvegr*. Consequently he was in a position to guarantee safe passage along that whole stretch to those who submitted to him. The five royal manors seem ideal for this. The local agricultural resources are sufficient to feed numerous people; they all have good harbours from where one can swiftly sail north and south. The five manors are located from Hordaland in the north to Rogaland in the south (Figures 1 and 2). This seems to be the core of the kingdom from which he had some authority further north and east through allied petty-kings.

Avaldsnes and the other royal manors played a decisive role in the period when the Norwegian kingdom was expanded and consolidated — the tenth and eleventh centuries. But in the twelfth and in particular the thirteenth century they lost their significance as royal strongholds to the towns, notably to Bergen — the High-Mediaeval capital of Norway. At that time kings resided in towns and controlled both lands and seas from there.

Polities and ships before the Viking Age

Archaeological finds testify that some manors along the sailing route *Norðvegr* were in the possession of kings and chieftains many centuries before the time of *Haraldr hárfagri*. For instance, the Avaldsnes area has exquisite finds spread over a period of 3000 years before the Viking Age. The top-quality finds occur at times when there also was a leap in ship construction.

This indicates that in this part of the world a close connection existed between naval technology and political authority through the Bronze and Iron Ages. In-depth studies of this connection may reveal how and why warriors from these coasts over the centuries could build up the expertise in maritime warfare which allowed them to raid with such efficiency the coasts of Britain, Ireland and Francia from the 790s onwards. Such studies are ongoing in the Avaldsnes Royal Manor Project which conducted excavations at Avaldsnes in 2011–2012. In the following some preliminary results from these excavations will be considered in the context of the naval history of Scandinavia.

The Scandinavian-type ship deviates from the Mediterranean and the Continental ones by basically being a soft shell supported by some inner constructions. While most other European ship-types are

constructed by first building a stiff skeleton and then covering the outside with planks, the Scandinavian ships were built by — from the keel — adding one plank to the other. As the hull was shaped, some inner constructions were added to supply stability. The Continental so-called carvel-built ship is stiff, while the Scandinavian clinker-built ship is flexible and much lighter. Such ships and boats are still being built on traditional shipyards along the coasts of Norway.

One can draw a straight evolutionary line from this type of ship and back to the simple dugouts of the Stone Age, hollowed out from a single log using stone axes. The first step along that line was taken c. 4000 years ago, when the first bronze axes arrived in Scandinavia. Using them, one could split logs into planks, and one could shape the planks into slim and flexible ship boards. Such boards were sown onto the sides of the dugout, thereby creating a more seaworthy vessel that could carry more cargo and cross open waters more safely. Numerous ships of this type are depicted on Bronze-Age rock carvings.

Around the time when the first bronze axes arrived in Scandinavia, the first extraordinary finds found their way to the rocky and windy Avaldsnes area. Three hoards of precious flint tools have been retrieved from the soil — an extraordinary density. One of these hoards is the largest found in Scandinavia. Flint does not occur naturally in Norway, and these items are obviously quarried and shaped in the flint mines in Denmark and then shipped to the West-Scandinavian coast. Avaldsnes was apparently a place where such items were stored before they were shipped on further north. This trade must have been controlled by the local aristocracy.

The likely reason why these rich flint finds should occur at Avaldsnes is the site's location by a narrow passage near the southern end of the sailing route *Norðvegr*. Their occurrence there should probably be connected to the contemporary development of plank-built ships. Such ships created a sufficient power-base for an aristocracy to establish itself on this island which supplied perfect opportunities to control the sailing route. Richly furnished graves in huge mounds from the following centuries demonstrate the presence of this aristocracy. 14 such mounds arranged in a straight line were built at Reheia, c. one kilometre west of the Avaldsnes manor site.

The next leap in ship technology happened around 200 AD. After having been paddled for more than 2000 years, ships were now rowed. The longer oars allowed a higher freeboard; therefore ships could carry more cargo and cross rougher waters. The best preserved

example of such a ship is the c. 20 meters long Nydam ship excavated from a bog in southern Jutland.

At the time when ores were introduced, in the third century AD, a petty-king was entombed in the so-called Flaghaug at Avaldsnes. The 5 meter high grave-mound, 40 meters in diameter, was excavated in 1834, revealing fantastic finds. The grave is considered to be one of the richest male graves from the Roman Iron Age in Scandinavia. It contained several Roman bronze vessels, exquisite weaponry, drinking horn, several gold rings; and the finest piece of them all — a neck ring weighing 600 grams. It is without hinges and has been bent around its owner's neck to stay there, even into the grave (Figure 3).

Figure 3. The neck ring of solid gold found in 1834 in the male grave in Flaghaug, Avaldsnes. It weighs c. 600 grams and has been fixed around the owner's neck. Copyright: Terje Tveit, Archaeological Museum, University of Stavanger

The quality of the weaponry in the grave has few parallels. The only in Scandinavia is that which has been identified as belonging to the commander of an army of several hundred men which, probably after suffering defeat, had their weaponry and personal belongings sacrificed in a lake in Illerup Ådal near Århus, eastern Jutland. This parallel may give some indication as to the political position the man buried at Avaldsnes may have retained.

The recent excavations at Avaldsnes revealed several elements in what appears to be a high-status settlement from the period c. 200–600

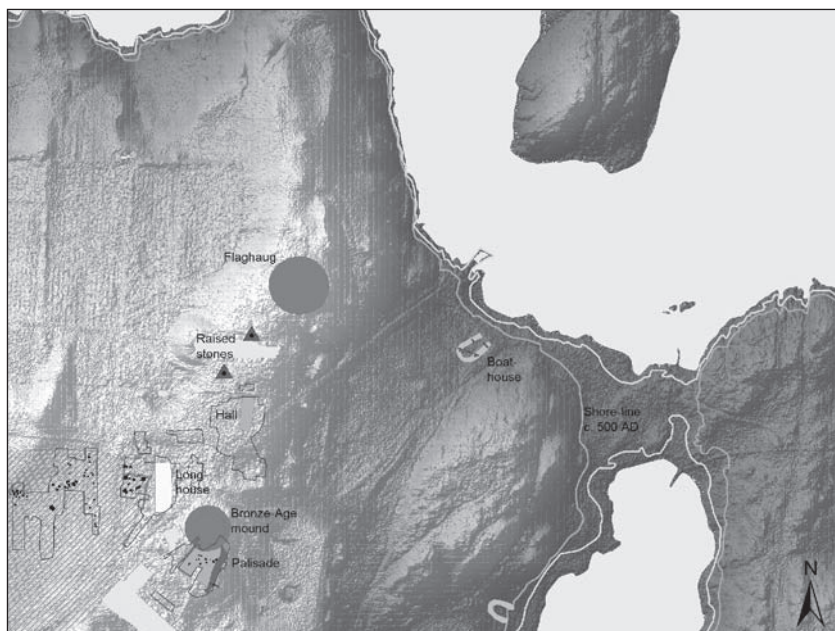

Figure 4. The main archaeological features from excavations at Avaldsnes. All the named features date from the period c. 200–600 AD, except for the Bronze-Age mound. Copyright, The Avaldsnes Royal Manor Project, Museum of Cultural History, University of Oslo

AD (Figure 4). C. 50 meters south of Flaghaug were unearthed the remains of a hall-building. In such buildings chieftains and petty-kings resided with their retinue. Both the mound and the hall lay on the edge of a plateau c. 20 meters above the sea, and therefore clearly visible from every ship that sailed the *Norðvegr* — an unmistakable display of power.

Adding to that, at least two raised stones, the remaining one c. 8 metres high, stood between the mound and the hall, equally visible for travellers. These stones, among the highest in Scandinavia, cannot be dated more closely than to some time in the period 200–600 AD. The second mound, from the Bronze Age, lay c. 50 meters south of the hall. And just south of this mound, what is believed to be the remains of a fortification — a palisade — were found. Such fortifications have been found in great numbers, creating secure refuges on uninhabited hilltops. But until now, in western Scandinavia, they have not been found on Iron-Age settlement sites, like at Avaldsnes. In eastern

Scandinavia some 50 such fortified settlements have been identified.

While all these features were meant to be seen from ships sailing by, the multifunctional longhouse located further west of the plateau would be more or less unseen from the sea. Also rather hidden was a boathouse from the same period found in a sheltered bay just beneath the plateau. Neither the longhouse nor the boathouse were preserved in their full length, but other features show that both were of dimensions that support the impression of Avaldsnes being a high-status settlement in the period c. 200–600 AD.

The Avaldsnes excavations also identified settlement remains from the Viking Period, but they are much more fragmentary than those from the previous few centuries. Until they are further analysed, we must rely on earlier grave-finds to supply evidence for the site's significance in the Viking Period.

Recently new light has been shed on Avaldsnes some decades before *Haraldr hárfagri* established his kingdom; that is, in the decades leading up to the first Viking raids on the British Isles and Ireland. Some hundred years ago two ship-graves were excavated just north of the Avaldsnes settlement site, the so-called Storhaug and Grønhaug ships⁷. These were preserved in a much more fragmentary state than their better-known counterparts excavated in Vestfold, the Oseberg and Gokstad ships. Vestfold is located by the Oslofjord, that is, *sønna fjells*, 'south of the mountains'. Recent dendrochronological investigations demonstrate that both of the Avaldsnes ships date to the same narrow period: the Storhaug ship was built around 770, and buried in 779, while the Grønhaug ship was built around 780, and buried c. 790–795⁸.

What is even more interesting is that dendrochronological data from the Oseberg ship, the construction of which took place c. 820⁹, have now been compared to those from the Storhaug and Grønhaug ships. The outcome is that the three ships were built in the same precise region. That this may be identified as the Avaldsnes region is strongly suggested by the fact that the wood from a small boat in the Storhaug mound, as well as from a stretcher-plank used during

⁷ *Lorange A.L.* Storhaugen paa Karmøen // Bergen Museums Aarbog. 1887. S. 3–17; *Shetelig H.* En plyndret baadgrav // Bergen Museums Aarbog. 1902. Vol 8. S. 3–14.

⁸ *Stylergar F.-A., Bonde N.* Fra Avaldsnes til Oseberg: dendrokronologiske undersøkelser av skipsgravene fra Storhaug og Grønhaug på Karmøy // Viking. 2009. Vol. 72. S. 149–168.

⁹ *Bonde N., Christensen A.E.* Dendrochronological dating of the Viking Age ship burials at Oseberg, Gokstad and Tune, Norway // Antiquity. 1993. Vol. 67. S. 575–583.

the construction of this mound, also originated from the same region as the ships. They have hardly been transported over long distances before being buried.

From these facts, and from the distribution of oak in the Avaldsnes region, it is evident that each of these three ships — a rowing vessel, a sailing vessel, and one which cannot be firmly identified as either — were built in the fjords a few kilometres inland from Avaldsnes within a period of fifty years duration. It seems very likely that the development of Viking-age sailing ships, which made raiding in the British Isles and Ireland feasible, took place in this region some time around 800.

Epilogue

The warriors that swarmed ashore from their ships, ravaged and plundered monasteries and settlements overseas, benefited from expertise developed through three millennia of naval warfare along the western Scandinavian coast. Their highly developed tactics, like that of moving fast before a counter attack could be mustered, was fully integrated with the properties of their ships, e. g. their light weight and swiftness. Sites like Avaldsnes demonstrate that for many centuries the sea had been the Northmen's most important arena for gaining power and honour, during which they developed shipbuilding, seamanship and naval warfare to a level that was difficult to match for anyone in northern Europe. Ships were at the core of their military tactics and their identity as warriors.

The long history of a close connection between naval warfare and political power also forms the background for understanding the way the Norwegian kingdom was formed and named in the late ninth and tenth centuries. Saga authors of the twelfth and thirteenth centuries claimed that the roots of the Norwegian kingdom lay in Vestfold in Viken, the region that engulfs the Oslofjord. But this is evidently a construction designed to strengthen thirteenth-century Norwegian claims to Viken. What seems much more likely is that Viken was a disputed area, and that throughout the Viking Age its petty-kings developed shifting alliances with the west and south. The fact that the Oseberg ship was built in the west and ended up in Viken is probably the result of such an alliance. Indeed, it appears likely that one of the two women buried in the ship was given in wedlock to a Vestfold petty-king around 820, and the ship and its fantastic associated

material accompanied her to the grave when she died in 834. The Viken petty-kings continued to play their game of power until Viken and the rest of eastern Norway — *sønnaffels*: the region south of the mountains — was firmly incorporated into the Norwegian kingdom by the end of the tenth century.

REFERENCES

- Bately J.* Text and translation: the three parts of the known world and the geography of Europe north of the Danube according to Orosius' *Historia* and its Old English version // J. Bately & A. Englert (eds.). *Ohthere's voyages: a late 9th-century account of voyages along the coasts of Norway and Denmark and its cultural context*. Roskilde, 2007. S. 40–58.
- Bonde N., Christensen A.E.* Dendrochronological dating of the Viking Age ship burials at Oseberg, Gokstad and Tune, Norway // *Antiquity*. 1993. Vol. 67. S. 575–583.
- Helle K.* Ei soge om Vestlandet // A. Lillehammer, A.E. Tryti, K. Helle, O. Grepstad, E. Sunde (eds). *Vestlandets historie*. Bergen, 2006. Vol. 1. S. 10–25.
- Lorange A.L.* Storhaugen paa Karmøen // *Bergen Museums Aarbog*. 1887. S. 3–17.
- Lund A.A.* De etnografiske kilder til Nordens tidligere historie. Århus, 1993. S. 282–285.
- Myhre B.* Chieftain's graves and chiefdom territories in south Norway in the migration period // *Studien zur Sachsenforschung*. 1987. Vol. 6. S. 169–188.
- Shetelig H.* En plyndret baadgrav // *Bergen Museums Aarbog*. 1902. Vol 8. S. 3–14.
- Stylegar F.-A., Bonde N.* Fra Avaldsnes til Oseberg: dendrokronologiske undersøkelser av skipsgravene fra Storhaug og Grønhaug på Karmøy // *Viking*. 2009. Vol. 72. S. 149–168.
- Svennung J.* *Jordanes und Scandia: kritisch-exegetische studien* // *Kungl. humanistiska vetenskapssamfundet i Uppsala Skrifter*. 1967. Vol. 44:2A.

Датфинн Скре

NORÐVEGR — НОРВЕГИЯ: ОТ КОРОЛЕЙ МОРЯ
К КОРОЛЯМ ЗЕМЛИ

Аннотация: Вдоль западного побережья Скандинавского полуострова, близ фьордов и в долинах, отделенных друг от друга и от лежащих к востоку земель высокими горами, разбросаны аграрные поселения. Начиная с

каменного века главным средством сообщения между ними было мореплавание. В отличие от побережья Британии, Ирландии и континентальной Европы вдоль этой береговой линии протяженностью 1000 км разбросаны тысячи островов, островков и рифов, создающих защищенный каботажный морской путь — *Norðrvegr*, — давший название всему королевству.

В названии королевства отражается и то, как оно создавалось. Причина того, что Дания (*Denmark*), Англия (*England*) и многие другие германские королевства носят имена, состоящие из этнонима и термина для обозначения «земли», заключается в том, что их основой является контроль над территорией. Необычная топография обусловила то, что землями вдоль западного побережья Скандинавии можно было овладеть, держа под контролем морской путь. Если бы местные вожди собрались вывезти своих людей и нажитое ими с их территории, им пришлось бы получить на то согласие короля, контролировавшего морской путь. Большинство королей того времени правили на суше, но король Норвегии был *sjó-konungr*, морским королем, что нашло отражение в названии этой страны.

Несколько мест вдоль побережья обеспечивают лучший по сравнению с остальными контроль за морскими путями. Одно из них — Авальдснес на острове Кармёй недалеко от города Хёугесунн. Хотя климат здесь более суров, а земля менее плодородна, чем вдоль фьордов, тем не менее во многих из этих мест сохранились выдающиеся археологические памятники, относящиеся к первому тысячелетию до н. э., а порой даже к бронзовому веку. Долгая история мореплавания как основного способа транспортного сообщения и искусство ведения морских войн как необходимое условие политического господства создают основу набегов викингов на Британию, Ирландию и на континент в период ок. 790–1050 гг.

Ключевые слова: королевская власть, викинг, Скандинавия

Цветелин Степанов

БОЛГАРСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ IV–IX вв.: ОТ ВОЖДЕСТВА К РАННЕМУ ГОСУДАРСТВУ

Аннотация: Автор использует ключевые концепты «вождество» и «раннее государство» («chiefdom» и «early state»), чтобы попытаться очертить процесс развития ранней государственности у праболгар и ее трансформации. Учитывается тот факт, что праболгары в период до 680-х годов тесно связаны с пространством степной империи и унаследовали отсюда ряд черт своей государственности. В период до создания «Старой Великой Болгарии» Кубрата (632 г.) ранние болгары еще не достигли стадии типичного раннего государства. Поэтому более удачно говорить о наличии «стратифицированного (поздне-потестарного) общества», или так называемого «сложного вождества». «Старая Великая Болгария» Кубрата находилась на стадии между «сложным вождеством» и «ранним государством», но на данный момент более аккуратная формулировка не может быть дана. На этапе с начала IX в. и до крещения в 860-х годах, болгарская государственность «модернизуется»: Болгария — уже типичное «варварское» государство, но не типа, характерного для Западной Европы и известного как «германо-римский синтез», а *степного* (ирано-тюркского) с осторожно «дозированными» *римскими/ромейскими* элементами. Кажется, что все эти «дозированные» ромейские элементы являются и главным, специфическим вкладом болгар в становление ранних государств средневековой Европы. Для автора не представляется приемлемым считать, что Дунайскую Болгарию середины IX в. можно описать термином «имперская конфедерация» центрально-азиатского типа. То же самое можно сказать и о термине «сложное/комплексное вождество» («complex chiefdom, или даже «supercomplex chiefdom»).

Ключевые слова: праболгары, вождество, раннее государство, имперские конфедерации, степная империя

В этой статье я намерен использовать ключевые концепты «вождество» и «раннее государство» («chiefdom» и «early state»), которые оказались достаточно продуктивными в течение нескольких последних десятилетий в исследовании становления ранних государств. Подходы разных научных дисциплин из области истории и культурной/социальной антропологии сочетаются таким образом,

что это приводит к более точным наблюдениям и выводам относительно постепенного развития раннесредневековой государственности в Евразии и формирования классических раннесредневековых государств на Европейском континенте. Однако наличие двух уровней анализа — социально-антропологического и исторического — может в отдельных случаях в какой-то степени создавать трудности для интерпретации явлений, поскольку приходится синхронизировать и сочетать разные подходы, терминологический аппарат, концепции и т. д.

Следует еще с самого начала учесть давно установившееся мнение Г. Клаессена и П. Скальника¹, что формирование государств в действительности является продолжительным процессом, а не отдельным актом, т. е. государство обычно находится «в движении-и-развитии». Нужно также обратить внимание на еще одну важную особенность: не существует общей и обязательной для всех отдельных случаев причины возникновения государств. Множество самых разнообразных факторов внутреннего и внешнего характера (рост прибавочной стоимости, развитие технологий, прирост населения, экологические проблемы, война и завоевание чужих территорий, внешние влияния и торговля, идеологические моменты и т. д.) могут оказать более или менее сильное влияние на процессы формирования государства².

Что касается праболгар, то достаточно широкие хронологические рамки (IV–IX вв.) их исследования выбраны здесь намеренно. Цель такого подхода — попытаться наметить, хотя и коротко, процесс становления ранней государственности у праболгар, а также ее трансформации. Следует учитывать и тот факт, что праболгары в период до 680-х гг. тесно связаны с пространством «степной империи» и унаследовали отсюда ряд черт своей государственности. Таким образом, хорошо известные исследования

¹ *Claessen H., Skalnik P. Limits: Beginning and End of the Early State // The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 619–635, особенно P. 620.*

² *The Early State; The Study of the State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981; Claessen H.J.M. Was the State Inevitable? // Social Evolution & History. 2002. Vol. 1. P. 101–117; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989; Коротаев А.В. Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003; Kradin N. State Origins in Anthropological Thought // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 28–29.*

Л. Крэйдера³, Р. Карнейро⁴, Т. Эрла⁵, Т. Барфилда⁶, А. Хазанова⁷, Н. Ди Космо⁸, М. Дромпа⁹, П. Голдена¹⁰, Н.Н. Крадина¹¹, С.Г. Кляшторного¹² — даю здесь лишь небольшой перечень авторов, работавших по этим проблемам, — являются хорошей базой для сравнения с праболгарским «казусом».

Тема ранней болгарской государственности, рассматриваемой через призму концептов «вождества» и «раннего государства» (в болгарской литературе встречаются еще термины «родовое» и «варварское» государство¹³), уже была поставлена в современной болгарской историографии в 90-х годах прошлого века О. Ми-

³ *Krader L.* Formation of the State. Englewood Cliffs, N.J., 1968; *Idem.* The Origin of the State among the Nomads of Asia // *The Early State*. P. 93–107.

⁴ *Carneiro R.* The Chieftdom as Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / G. Jones, R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 37–79.

⁵ *Earle T.* Chieftdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // *Annual Review of Anthropology*. 1987. Vol. 16. P. 279–308.

⁶ *Barfield Th.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Oxford, 1989; *Idem.* Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective // *Tribes and State Formation in the Middle East* / P.S. Khoury, J. Kostiner. L., 1991. P. 153–182.

⁷ *Khazanov A.* Nomads and the Outside World. Madison; Wisconsin, 1984; 2nd ed. 1994.

⁸ *Di Cosmo N.* Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History // *The Journal of Asian Studies*. 1994. Vol. LIII/4. P. 1092–1126; *Idem.* Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2004.

⁹ *Drompp M.* Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. Vol. 58/1. P. 101–111.

¹⁰ *Golden P.* Ethnicity and State Formation in Pre-Çinggisid Turkic Eurasia // *The Central Eurasian Studies Lectures* 1. Bloomington, Indiana, 2001; *Idem.* Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipçaqs. Hampshire; Burlington, 2003.

¹¹ *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61; *Он же.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 21–32; *Kradin N.* Nomadic Empires: Origins, Rise, Decline // *Nomadic Pathways in Social Evolution* / N. Kradin, D. Bondarenko, Th. Barfield. Moscow, 2003. P. 73–87; *Idem.* State Origins in Anthropological Thought. P. 25–51; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.

¹² *Кляшторный С.Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003. С. 115–125; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.

¹³ См.: *Божилов Ив.* Раждането на средновековна България (нова интерпретация) // Исторически преглед. 1992. № 1–2. С. 3–34; *Он же.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995. С. 11–72, особенно С. 61; *Степанов Цв.* Власт и

наевой¹⁴ и Цв. Степановым¹⁵. Автор настоящей статьи рассматривал преимущественно специфику Кубратовой «Великой (или Большой) Болгарии»¹⁶ и Дунайской Болгарии в период правления Крума (803–814 гг.) и до крещения болгар¹⁷.

Также в 90-е годы прошлого века другой болгарский автор, И. Божилов, предпочел рассматривать Дунайскую Болгарию как «варварское государство»¹⁸, но не использовал термина «вожде-ство» и его производных («chiefdom»/«dukedom»), которые позволили бы разделить на отдельные подпериоды время между 630-ми/681 г. и 865 г. Начиная с VII в. и далее, Божилов считает удачным применение к праболгарской государственности схемы западноевропейской раннесредневековой государственности, где термин «варварское государство» давно установлен. Проблема этого подхода состоит в том, что раннесредневековые «варварские» государства Западной Европы, как известно, явились продуктом синтеза *германских*, *римских* и *христианских* элементов, в то время как для праболгар вопрос о синтезе с началами ромейской христианской и имперской идеологии не стоял до конца VIII — начала IX в.

Что касается периода до создания «Старой Великой Болгарии» Кубрата, государственного объединения праболгар на севере Черного и около Азовского моря и севернее р. Кубань, то можно утверждать, что тогда ранние болгары еще не достигли стадии типичного раннего государства. Поэтому, думается, удачнее говорить о наличии «стратифицированного (поздне-потестарного) общества», которое некоторые авторы приписывают ранним аланам в Европе¹⁹,

авторитет в раннесредневековна България (VII — средата на IX в.). София, 1999; *Он же*. Средновековните българи. Нови факти, интерпретации, хипотези. София, 2000. С. 108.

¹⁴ *Minaeva O.* From Paganism to Christianity: Formation of Medieval Bulgarian Art (681–972). Frankfurt am Main et al., 1996. P. 16–17.

¹⁵ *Степанов Цв.* Власт и авторитет в раннесредневековна България; *Он же*. Средновековните българи. С. 107–108; *Он же*. Българите от най-древни времена до втората половина на VII в. // История на българите. Т. 1: От древността до края на XVI век / Под редакцията на Г. Бакалов. София, 2003. С. 44–46)

¹⁶ *Степанов Цв.* Българите от най-древни времена до втората половина на VII в. С. 44–46.

¹⁷ *Степанов Цв.* Власт и авторитет в раннесредневековна България.

¹⁸ *Божилов Ив.* Раждането на средновековна България; *Он же*. Седем етюда по средновековна история. С. 11–72.

¹⁹ *Гутнов Ф.Х.* Аланы начала нашей эры в закавказских памятниках // ДГ. 2003 год. М., 2005. С. 62.

или, другими словами, о «сложном вожестве»²⁰. Здесь я имею в виду разные группы болгар, описанные в сочинениях периода IV–VI вв. как вторгающиеся в земли Восточной Римской империи или как проживающие на дунайской границе той же империи. Как правило, во главе их стояли военные вожди, которые иногда были независимыми, а иногда подчинялись одному из верховных каганов степной империи. Так, группы болгар были подвластны гуннской квази-империи, а позже, с 60–70-х гг. VI в., признавали власть каганов авар или тюрков. Другие подчинялись лангобардам на Апенинском полуострове. Очевидно, до периода Кубратовой Болгарии, т. е. до 632 г., не может быть и речи о наличии стабильного, централизованного государства среди ранних болгар, занимавших территории к северу от Кавказа и в регионах Центральной и Юго-Восточной Европы. Это видно и в «Именике болгарских князей»²¹, где неслучайно годы правления (жизни ?) Авитохол и Ирника, первых правителей праболгар согласно данному памятнику, окутаны мифологическим покровом: они «живут» (*sic!*), соответственно, 300 и 150 лет. Совсем очевидно, что эти двое правителей заменили всех реально управлявших вождей с середины II в. (начало периода «Авитохол»)²² до начала VII в. Но это не означает, что в рассматриваемых политических предгосударственных формированиях не существовало никакого аппарата принуждения или классового расслоения, хотя и, конечно же, слабо выявленного. Последнее, вероятно, было двухступенчатым: были *управляющие* и *управляемые*. Несомненно, существовал своеобразный совет старейшин из среды «боилов», который советовал верховному вождю, управляющему независимо или будучи подчиненным кому-то из каганов. Все-таки необходимо подчеркнуть, что такой аппарат находился лишь на стадии зарождения. С уверенностью можно утверждать, что до начала VII в. вожди праболгар действовали как политические, военные и экономические лидеры. Одной из самых важных их задач, в то же время являвшейся и их привилегией, было осуществление связей с чужими кочевыми и оседлыми политическими формированиями. Во времена мира, ко-

²⁰ См.: Крадин Н.Н. Вожество. С. 24–25, с литературой.

²¹ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Т.1; Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.

²² Степанов Цв. Мифологические стратегии генеалогии власти в раннесредневековой Болгарии и Хазарии // Хазарский альманах. Харьков, 2010–2011. Т. 9. С. 241–257.

торые в IV–VI вв. были редкостью в этой части Европы, власть и влияние вождей опирались на их личный престиж и способность регулировать отношения между разными слоями общества. Так как мужчины, следовавшие за такими лидерами, в принципе были свободными и носили оружие, их вождям было нелегко применять к ним внеэкономические меры принуждения. Г.Е. Марков, следуя хорошо знакомой схеме Л. Моргана, развитой также К. Марксом и Ф. Энгельсом, называет эту стадию «военной демократией»²³. Согласно другим авторам, к которым присоединяюсь и я, еще точнее данную стадию можно определить как стадию «вождества» («chiefdom»).

«Старая Великая Болгария» Кубрата находилась на переходной стадии между «сложным вождеством» и «ранним государством», но на сегодняшний день предложить более аккуратную формулировку затруднительно. Также трудно утверждать, когда именно это политическое формирование трансформировалось из «вождества» в «раннее государство». Проследить детально данный процесс во времени сложно. Такая констатация вполне согласуется с давно замеченной в науке особенностью: указать точный момент возникновения государства невозможно²⁴. Ясно, что в таком формировании наличествует комплексная социальная структура и социальное неравенство, но это — элементы, встречающиеся еще на фазе «вождества»²⁵; кроме того, имеются централизаторские тенденции, характерные в принципе для степной Евразии в ситуации появления ранней государственной организации; ясно и то, что государь Кубрат был лидером харизматического рода (Дуло, согласно «Именнику болгарских князей»); известно также наличие абсолютного подчинения мужчин, женщин и детей главе клана. Все это — черты «(сложного) вождества», которые не упраздняются с переходом к раннему государству²⁶.

²³ *Markov G.E. Problems of Social Change Among the Asiatic Nomads // The Nomadic Alternative / W. Weissleder. The Hague; Paris, 1978. P. 311; подробнее см.: Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.*

²⁴ *Claessen H., Skalnik P. Limits: Beginning and End of the Early State. P. 620.*

²⁵ *Ibidem. P. 621.*

²⁶ *Carneiro R. Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures // A Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroli, R. Cohen. N.Y., 1970. P. 834–871; Service E. Primitive Social Organization. 2nd ed. N.Y., 1971; Idem. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.*

В пользу такой гипотезы говорит и факт специфического разделения власти после смерти Кубрата — она перешла к его сыновьям, но в то же время признавалось лидерство самого старшего из них, Бат' Баяна, который одновременно руководил так называемой Первой Болгарией и всем союзом праболгарских племен. Такая практика была характерна для степной империи, хотя многие авторы, среди которых О. Прицак и П. Голден, склонны искать схожий механизм распределения власти, территорий и подданных на этапе становления ранней русской государственности, в частности до конца X в.²⁷

Все еще не проведено углубленное изучение проблемы степени влияния Боспорского царства на политическую формацию, во главе которой стоял Кубрат, на что обратил внимание О. Прицак²⁸, а в последние годы — и болгарские исследователи С. Чурешки и К. Станев²⁹. Речь идет как о множестве совпадений болгарских аристократических личных имен с именами, прочитанными в боспорских надписях (ср., например, болгарские *Аспарух*, *Остро*, *Гостун*, *Мостич*, *Токт*, *Телец*, *Паган* с боспорскими *Аспар/Аспургос*, *Оструи/Острус*, *Гастеис*, *Мостиос/Мастус*, *Токтос*, *Телесинос*, *Паганос*)³⁰, так и о сходстве родового имени *Дуло* (известного из уже упомянутого «Именника болгарских князей») с боспорским именем *Дулас*³¹; а родовое болгарское имя *Ерми* также сходно с боспорским *Ермиас/Ермас/Ермес*³². Можно добавить

²⁷ Golden P. "Ascent by Scales": the System of Succession in Kievan Rus' in a Eurasian Context // States, Societies, Cultures: East and West. Essays in Honor of Jaroslav Pelenski / J. Duzinkiewicz et al. N.Y., 2004. P. 229–258; Pritsak O. The System of Government under Volodimer the Great and His Foreign Policy // Harvard Ukrainian Studies. 1995 [1997]. Vol. 19. P. 572–593.

²⁸ Прицак О. Българо-арабска кореспонденция от IX век // Минало. 2006. № 1. С. 16–19.

²⁹ Чурешки С. Имената на князете от Именника на българските князе — славянски, тюркски или други? // Минало. 2001. № 3. С. 15–29, особенно С. 27; Станев К. Боспорското наследство на прабългарите. Защо Аспарух е носил това име и произход на знака ГYI // Минало. 2005. № 1. С. 25–34. См. также: Мошев Ал. Родовото име Дуло — произход и значение (Една хипотеза) // Старобългаристика/Palaeobulgaria. 2008. № 1. С. 19–35; Степанов Цв. Болгарские, аварские и хазарские аристократические имена в эпоху раннего средневековья (К вопросу о скифско-сарматском и алтайском наследстве в Центральной и Восточной Европе) // Anamnesis. 2010. № 11. С. 29–46, online at URL: <<http://www.anamnesis.info>>.

³⁰ См.: Корпус Боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. Л., 1965. №№ 59, 417, 795, 907, 924, 932, 962, 963, 1134, 1142 и др.

³¹ Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 62–64.

³² Корпус Боспорских надписей. №№ 73, 102, 399, 400, 619, 778, 988 и др.

и тот факт, что так называемый «знак ипсилон с двумя гастами» (YI), обнаруженный во многих местах Северного Причерноморья, имеет свои аналогии и на территории Дунайской Болгарии (IX–X вв.).

Совсем недавно русские авторы С.А. Васютин и А.Ю. Пугачев³³ проявили интерес к рассмотрению ранней болгарской государственности через призму понятия «вождества», хотя не отразили того, что писали О. Минаева и Цв. Степанов. Но невозможно согласиться с их тезисами о достижении дунайскими болгарами стадии «“зачаточного” раннего государства» (*sic!*) лишь в первых трех десятилетиях IX в. и о сохранении у них стадии «вождества» вплоть до управления Кардама, т. е. до самого конца VIII в. Представляется, что специфика этапа, протекавшего с конца VII до самого конца VIII в., заключается в том, что Дунайская Болгария была расположена частично на бывших территориях Ромейской державы, к тому же в качестве признанного византийцами государства, а не просто в качестве владения с федератским статусом. Ее статус *государства* признается также западноевропейскими христианскими королевствами, для которых болгарские государи были «королями» (в источниках «*reges*»). Необходимо подчеркнуть, что черты государственности праболгар этого периода не схожи с чертами государственности ромеев³⁴. При этом Дунайская Болгария VIII в. также не представляется типичной центрально-азиатской кочевнической «имперской конфедерацией».

Что касается следующего этапа, с начала IX в. и до крещения болгар в 860-х гг., то болгарская государственность «модернизуется», и при Омуртаге (814–831) и его наследниках она уже — типичное «варварское» государство, но, конечно же, не типа, известного как «германо-римский синтез», характерного для Западной Европы, а типа *степного* (ирано-тюркского), с осторожно «дозированными» *римскими/ромейскими* элементами³⁵. В начале IX в. в болгарском государстве появляются такие ро-

³³ Васютин С.А., Пугачев А.Ю. Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII — VIII веке: Модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации // Славяноведение. 2009. № 4. С. 3–16.

³⁴ Степанов Цв. Власт и авторитет в раннесредновековна България, *passim*.

³⁵ Там же; Степанов Цв. Средновековните българи; *Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others*. Leiden; Boston, 2010.

мейские титулы, как «стратег» и «кандидат»³⁶, а также административное деление, при котором используется старый римский, а впоследствии и западноевропейский, термин «комитат». Этот термин с точностью зафиксирован во время царствования Бориса (852–889), а по мнению некоторых авторов, он встречается уже во время правления Омуртага, т. е. в 820-х гг. Тот же Омуртаг высекает как минимум два монетообразных медальона, на которых он изображен как ромейский василевс, т. е. здесь наблюдается и характерное для «варварских государств» *imitatio imperii*³⁷. Кажется, что эти осторожно «дозированные» ромейские элементы являются и главным, специфическим вкладом болгар в становление ранних государств в средневековой Европе. Тот же Омуртаг стремился четко определить границы государства и успел осуществить свой политический проект, заключая тридцатилетний мир с Византией в 815 (или 816?) г.³⁸ Болгарский государь проявил терпение к франкам и в 20-е годы IX в. отправил по меньшей мере три посольства к ним со специальной целью определить совместные границы в районе рек Дуная и Тисы. Только после явной демонстрации пренебрежения к решению этого вопроса со стороны франков болгарский государь послал карательную экспедицию против них и близких им славянских князей, которая закончилась полным успехом болгар³⁹. Определение границ и стремление зафиксировать их в письменных соглашениях можно считать еще одной чертой раннего государства.

Одновременно с этим, однако, продолжается и хорошо знакомое в степной империи деление власти на левое и правое крыло и на центр, о чем свидетельствует надпись на камне из Хамбарли (нынешняя болгарская деревня Маламирово), воздвигнутом по приказу кана Крума в начале IX в. (вероятно после битвы при

³⁶ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992. С. 187, № 47.

³⁷ Stepanov Ts. The Bulgar Title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, 822–836 // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10/1. P. 1–19, с литературой; Степанов Цв. *Imitatio Imperii Romanorum (et Christianorum)*: имперска символика при българите и франките в началото на IX век // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин Петър Ангелов / Съставители А. Николов и Г.Н. Николов. София, 2013. С. 87–96.

³⁸ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 164–175, № 41; ср.: Treadgold W. The Bulgars' Treaty with the Byzantines in 816 // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1984. Т. 4. P. 213–220.

³⁹ См.: Stepanov Ts. The Bulgar Title, с литературой.

Версиникии в 813 г.)⁴⁰. В надписи сказано, что ичиргубоил Тук возглавлял «правую сторону» так называемого *саракта* Крума, а «левой стороной» руководил кавхан Иратаис. Очевидно, центр саракта был под начальством самого брата Крума. Особого внимания заслуживает тот факт, что все они имели в качестве подчиненных *стратегов* (*sic!*) Вардана, Яни, Кордила и Григораса, т. е. знатных ромеев (некоторые из них, судя по их именам, вероятно, были армянского происхождения), перешедших на болгарскую службу.

Надпись *канасубиги* Маламира (831–836) уже показывает наличие двойного деления аристократии в Дунайской Болгарии — на боилов («старших») и багаинов («младших»), которые начальствовали над остальными свободными болгарами. Надпись гласит: «Канасубиги Маламир, от Бога архонт; его старый боил, кавхан Исбул, соорудил этот фонтан (водопровод?) и дал его государю. А архонт дал болгарам (*sic!*) много раз еды и питья, а боилам (*sic!*) и багаинам (*sic!*) — большие подарки. Бог да удостоит Богом поставленного архонта прожить вместе с кавханом Исбулом сто лет!»⁴¹. Подобное трехчастное деление (боилы, багаины и простой люд) праболгарского общества к 30-м годам IX в. свидетельствует о зашедшем далеко вперед социальном расслоении, что является несомненным признаком раннего государства. Для этого типа государства характерно еще и масштабное строительство, и в частности строительство представительных, монументальных зданий, особенно в столичных центрах и резиденциях власти. В Болгарии, начиная с конца первого десятилетия IX в., именно такими центрами были Плиска, Преслав, Дрыстыр (сегодняшний г. Силистра на Дунае). Кроме них, были построены еще ряд аулов, т. е. укрепленных пунктов⁴².

⁴⁰ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С. 187, № 47.

⁴¹ Там же. С. 225, № 58; о социальной структуре см. также: *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 72–76, с литературой.

⁴² *Ваклинова М.* Дворците в средновековна България // България 1300. Институции и държавна традиция. София, 1982. Т. 2. С. 255–263; *Станков С.* Селища и аули (някои въпроси за преселението и усядането на прабългарите на Долния Дунав — VII–VIII в.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 100–105; *Георгиев П.* Големият езически храм в Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989. [Т. 1]. С. 338–354; *Гюзелев В.* Отново за столиците на средновековна България (Няколко нови гледнища и хипотези) // *Studia protobulgarica et mediaevalia europemisia* (в чест на проф. Веселин Бешевлиев). Велико Търново, 1993. С. 3–13; *Панова Р.* Столичният град

К первой половине IX в. можно наметить еще одну черту раннего государства дунайских болгар. Это хорошо развитый бюрократический аппарат, что особенно отчетливо видно в болгарских каменных надписях. В них встречается ряд титулов и должностей, которые, как правило, не могут быть четко разделены по функциям и полномочиям, но их большое число не оставляет сомнений относительно высокого развития аппарата власти. Среди них можно отметить титулы *кавхан*, *ичиргубоил*, *жупан*, *имник/миник*, *дронг/другове*, *багатур*, *колобър*, *таркан*, *мир*, *чигот*, *боритаркан*, *копан* и т. д.⁴³. Хорошо известно, что именно присутствие сильно развитого, специализированного государственного аппарата является ясным признаком наличия раннего государства на данной территории⁴⁴. К первой половине IX в. в Болгарии этот аппарат был основан не только на распространенном в степной Евразии обычае привлечения близких и дальних родственников государя для целей управления, но и на принципе настоящей меритократии, т. е. на привлечении к определенным должностям людей, имеющих заслуги перед государем, но с более низким для данного государства статусом. Таким людям поручались особые задачи, чаще всего связанные с собиранием налогов, войнами, управлением городами и организацией пограничной охраны.

К сказанному можно добавить еще и с точностью установленное к первой половине IX в. появление среди праболгар института «кормильцев» (*threptoi anthropoi*), который родствен институту кормильства в Древней Руси, а также институту *nutriti* в раннесредневековой Франкии⁴⁵. Данный обычай засвидетельствован в

в культурата на средновековна България. София, 1995. С. 49–70; *Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008, *passim*; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 126–129, 148–149, 156–160; *Бояджиев С.* Архитектурата на българите от VII до XIV век в три тома. София, 2008. Т. 1: Дохристиянска архитектура, *passim*; *Чобанов Т.* Свещените дворци на българските канове. София, 2008, *passim*.

⁴³ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи; *Бакалов Г.* Средновековният български владетел (Титулатура и инсигнии). София, 1985; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България; *Славова Т.* Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. София, 2010.

⁴⁴ *Wittfogel K.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, CT, 1957. P. 239.

⁴⁵ *Степанов Цв.* Владетелската доктрина в предхристиянска България (Един опит за «прочит» и интерпретация) // Родина. 1997. № 3–4. С. 5–18; *Он же.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 93–94.

надгробных надписях на камне, датированных временем правления канов Омуртага и Маламира, в которых, в качестве основного элемента, наряду с именем государя, рода и титула умершего, всегда указывается и его положение государева кормильца⁴⁶.

Следовательно, не представляется приемлемым считать, что Дунайскую Болгарию середины IX в. можно описать термином «имперская конфедерация» центрально-азиатского типа. То же самое можно сказать и о термине «сложное/комплексное вожжество» («complex chiefdom», или даже «supercomplex chiefdom»)⁴⁷. Если бы в IX в. Дунайская Болгария действительно принадлежала к упомянутому типу, то частые центробежные тенденции и проявления сепаратизма были бы характерны для болгар. Напротив, как отметил Д. Цийман, Болгария — в отличие от многих других политических систем раннего средневековья — проявляет «относительную стабильность» и это, на самом деле, замечательно⁴⁸.

В итоге хотелось бы обратить внимание на еще один момент. Мне кажется, что было бы неправильно связывать ранние болгарские политические формирования до середины IX в. только с их экономической спецификой. Без всякого сомнения, нужно отметить и те характеристики, которые связаны с их идеологией и с их (прото)государственным устройством и которые в действительности позволяют причислить их к типу «степной империи», в особенности сакрализация власти и связанная с ней харизма государя⁴⁹. То, что мы теоретически относим Дунайскую Болгарию до IX в. к степным империям, не означает, что хозяйство болгар было типично кочевым. Археологические данные одно-

⁴⁶ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С. 227–240, №№ 59–69; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 92–94, с литературой.

⁴⁷ *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992; *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 42; *Nomadic Pathways in Social Evolution.*

⁴⁸ *Ziemann D.* Between Authoritarianism and Consensus: Domination and the Role of Nobility in the First Bulgarian Realm (7th — late 9th century) // *Bulgaria Mediaevalis / V. Gjuzelev, V. Tăpkova-Zaimova, K. Nenov.* Sofia, 2011. Vol. 2. P. 395.

⁴⁹ *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България; *Stepanov Ts.* The Bulgar Title; *Idem.* Rulers, Doctrines, and Title Practices in Eastern Europe, 6th–9th Centuries // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 2005. Vol. 14. P. 263–279 [= *Степанов Цв.* Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // *Хазары / В.Я. Петрухин и др.* М.; Иерусалим, 2005 (Евреи и славяне. Т. 16). С. 317–325]; *Степанов Цв.* *Imitatio Imperii Romanorum (et Christianorum)*; в связи с Хазарией см., например: *Живков Б.* Хазария през IX и X век. София, 2010. С. 333, 338.

значно указывают на наличие смешанной экономики, какая была и у Хазарского каганата в VIII–X вв.⁵⁰ Если изменить привычную перспективу, при которой сопоставляются оседлые и кочевники, то в глазах, например, печенегов и мадьяр VIII–IX вв. дунайские болгары несомненно выглядели бы как оседлое население, а Болгария — как «седентарное государство» («sedentary state»)⁵¹. Именно с этого ракурса становится ясно, что ранние политико-государственные формации, такие как Болгария и Хазария после VII–VIII вв., не могут быть причислены к типу кочевых конфедераций Центрально-Азиатского региона (или к «имперским конфедерациям», как называет их Т. Барфильд). Таким образом, их характеристики и специфические черты нуждаются в более углубленном рассмотрении. Это в особенности относится к дунайским болгарам после первого десятилетия IX в., когда они овладевают немалой долей восточного и центрального Балканского полуострова, а их экологическое пространство (или так называемая экологическая ниша) больше не может рассматриваться сквозь призму степного пространства и экономики. Иными словами, они перестают быть северной периферией оседлой римской цивилизации, что неминуемо ведет к изменениям, которые более десяти лет тому назад я предпочел условно назвать «модернизацией»⁵². Необходимо иметь в виду и то, что с этого момента праболгары попадают в ситуацию «контактной зоны»⁵³ с Византийской империей на территориях сегодняшних Болгарии, Македонии, Северной Греции и Сербии — давних владений Византии, — а этот факт не мог не способствовать интенсификации процессов развития новых элементов раннего государства среди праболгар.

⁵⁰ Noonan Th. The Khazar Economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–97. Vol. 9. P. 253–318; *Idem*. Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium. Leiden; Boston, 2007. P. 207–244; Живков Б. Хазария, *passim*.

⁵¹ Ср. про хазар и, соответственно, с другой стороны, взгляд печенегов, мадьяр и огузов на них: Живков Б. Хазария. С. 331.

⁵² Степанов Цв. Средневековните българи. С. 96.

⁵³ Ср.: Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 42–61; Королюк В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 158–184; Контактные зоны.

Управление таких формаций всегда было ориентировано на централизацию всего государства и на установление такой же централизованной верховной власти, с ясно подчеркнутым сакральным характером⁵⁴. Заметна также и отчетливая тенденция, что правители таких государств живут в известном отдалении от своих подданных, обычно за стенами или в укрепленном и четко обособленном пространстве⁵⁵. Это можно видеть в Плиске, столице Дунайской Болгарии, где после 811 г. для государя был воздвигнут ряд построек (среди которых жилые здания, бани, бассейн, хозяйственные помещения, здания для охраны, языческий храм), огороженных стеной⁵⁶. Это означает наличие постоянной резиденции государя⁵⁷ или, по меньшей мере, такой резиденции, которая (в конкретном болгарском случае) служит ему в качестве дома и убежища, чаще всего зимой. Такова ситуация и с дворцом в хазарской столице Итиль на Волге, о чем свидетельствует переписка хазарского каган-бека Иосифа с видным иудеем из Кордобского халифата Хасдаем б. Шафрутом (сер. X в.)⁵⁸.

Итак, еще с первых десятилетий IX в. в Дунайской Болгарии можно видеть все те элементы, которые исследователи давно наметили как характеризующие раннее государство⁵⁹: постоянная резиденция, централизованное управление, независимость от других государств, комплексная социальная стратификация и ясно очерченные прослойки, постоянное производство избыточной продукции, сакрализованная верховная власть, которая в состоянии регулировать социально-экономические отношения между классами и устанавливать налоги со всех подданных, а также перераспределять производственные избытки, наличие специализированного и эффективного бюрократического аппарата⁶⁰ и всеобщие законы,

⁵⁴ *Claessen H., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State. P. 639; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 171.

⁵⁵ *Claessen H., Skalnik P.* The Early State. P. 639.

⁵⁶ *Ваклинова М.* Дворците в средновековна България; *Панова Р.* Столичният град. С. 49–70; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 126–129, 148–149, 156–160, 172.

⁵⁷ *Claessen H., Skalnik P.* The Early State. P. 639.

⁵⁸ *Кокочинов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

⁵⁹ Ср.: *Claessen H., Skalnik P.* The Early State. P. 639–640; *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 25–51, особенно P. 31–34.

⁶⁰ Ср.: *Wittfogel K.* Oriental Despotism. P. 239; *Крадин Н.Н.* Вождество. С. 44; *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 33.

т. е. установленные для всех поданных, вне зависимости от их племенной принадлежности. А как говорится в византийском трактате X в. «Суда» («Суидас», «Свидас»), такие законы появились среди праболгар во время правления Крума, т. е. в самом начале IX в. Хотя наличие письменности не является необходимым условием существования раннего государства⁶¹, таковая имеется в Дунайской Болгарии с начала IX в. Праболгары (или, точнее, центральная власть) пользовались греческим письмом для своих нужд, и каменная летопись является хорошим свидетельством этой практики.

«Модернизация» эта, однако, приобретает свой завершённый вид лишь после крещения болгар во второй половине IX в. И все же, даже до попадания Дунайской Болгарии под византийскую власть (1018 г.), некоторые термины степной империи, в особенности из сферы титулатуры и административной практики, продолжают существовать в христианской Болгарии⁶², что указывает на стабильность этих институций и на склонность такого типа обществ к поддержанию древних традиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова-Фиданян В.А.* К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 42–61.
- Бакалов Г.* Средновековният български владетел (Титулатура и инсигнии). София, 1985.
- Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992.
- Божилев Ив.* Раждането на средновековна България (нова интерпретация) // Исторически преглед. 1992. № 1–2. С. 3–34.
- Божилев Ив.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995.
- Бояджиев С.* Архитектурата на българите от VII до XIV век в три тома. София, 2008. Т. 1: Дохристиянска архитектура.
- Ваклинова М.* Дворците в средновековна България // България 1300. Институции и държавна традиция. София, 1982. Т. 2. С. 255–263.

⁶¹ *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 31–32.

⁶² См.: *Бакалов Г.* Средновековният български владетел; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България; *Славова Т.* Владетел и администрация в ранносредновековна България. С. 297–298.

- Васютин С.А., Пугачев А.Ю.* Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII — VIII веке: Модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации // *Славяноведение*. 2009. № 4. С. 3–16.
- Горгиев П.* Големият езически храм в Плиска // *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 1989. [Т. 1]. С. 338–354.
- Гутнов Ф.Х.* Аланы начала нашей эры в закавказских памятниках // *ДГ*. 2003 год. М., 2005. С. 50–62.
- Гюзелев В.* Отново за столиците на средновековна България (Няколко нови гледища и хипотези) // *Studia protobulgarica et mediaevalia europemisia* (в чест на проф. Веселин Бешевлиев). Велико Търново, 1993. С. 3–13.
- Живков Б.* Хазария през IX и X век. София, 2010.
- Кляшторный С.Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // *Проблемы политогенеза кыргызской государственности*. Бишкек, 2003. С. 115–125.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995.
- Королюк В.Д.* Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // *Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования*. М., 1975. С. 158–184.
- Кортаев А.В.* Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.
- Корпус Боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. Л., 1965.
- Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности*. М., 1995. С. 11–61.
- Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992.
- Крадин Н.Н.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // *Вопросы истории*. 2001. № 4. С. 21–32.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
- Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Мошев Ал.* Родовото име Дуло — произход и значение (Една хипотеза) // *Старобългаристика/Palaeobulgarica*. 2008. № 1. С. 19–35.
- Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989.
- Панова Р.* Столичният град в културата на средновековна България. София, 1995.

- Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Т.1.
- Прицак О. Българо-арабска кореспонденция от IX век // Минало. 2006. № 1. С. 16–19.
- Рашев Р. Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008.
- Славова Т. Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. София, 2010.
- Станев К. Боспорското наследство на прабългарите. Защо Аспарух е носил това име и произход на знака ГΥΙ // Минало. 2005. № 1. С. 25–34.
- Станислов С. Селища и аули (някои въпроси за преселението и усядането на прабългарите на Долния Дунав — VII–VIII в.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 100–105.
- Степанов Цв. *Imitatio Imperii Romanorum (et Christianorum)*: имперска символика при българи и франки в началото на IX век // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин Петър Ангелов / Съставители А. Николов и Г.Н. Николов. София, 2013. С. 87–96.
- Степанов Цв. Болгарские, аварские и хазарские аристократические имена в эпоху раннего средневековья (К вопросу о скифско-сарматском и алтайском наследстве в Центральной и Восточной Европе) // Anamnesis. 2010. № 11. С. 29–46. online at URL: <<http://www.anamnesis.info>>.
- Степанов Цв. Българите от най-древни времена до втората половина на VII в. // История на българите. София, 2003. Т. 1: От древността до края на XVI век / Под редакцията на Г. Бакалов. С. 11–94.
- Степанов Цв. Владетелската доктрина в предхристиянска България (Един опит за «прочит» и интерпретация) // Родина. 1997. № 3–4. С. 5–18.
- Степанов Цв. Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII — средата на IX в.). София, 1999.
- Степанов Цв. Мифологическите стратегии генеалогии власти в раннесредновековна България и Хазарии // Хазарский альманах. Харьков, 2010–2011. Т. 9. С. 241–257.
- Степанов Цв. Развитие концепции сакралного царя у хазар и болгар епохи раннего Средневековья // Хазары / Ред. В.Я. Петрухин и др. М.; Иерусалим, 2005 [Евреи и славяне. Т. 16]. С. 317–325.
- Степанов Цв. Средновековните българи. Нови факти, интерпретации, хипотези. София, 2000.
- Чобанов Т. Свещените дворци на българските канове. София, 2008.
- Чурешки С. Имената на князете от Именника на българските князе — славянски, тюркски или други? // Минало. 2001. № 3. С. 15–29.
- Barfield Th. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Oxford, 1989.
- Barfield Th. *Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective* // *Tribes and State Formation in the Middle East* / P.S. Khoury, J. Kostiner. L., 1991. P. 153–182.

- Carneiro R.* Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures // A Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroli, R. Cohen. N.Y., 1970. P. 834–871.
- Carneiro R.* The Chieftdom as Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / G. Jones, R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 37–79.
- Claessen H., Skalnik P.* Limits: Beginning and End of the Early State // The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978. P. 619–635.
- Claessen H., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State / H. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978. P. 637–650.
- Claessen H.J.M.* Was the State Inevitable? // Social Evolution & History. 2002. Vol. 1. P. 101–117.
- Di Cosmo N.* Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2004.
- Di Cosmo N.* Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History // The Journal of Asian Studies. 1994. Vol. LIII/4. P. 1092–1126.
- Drompp M.* Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005. Vol. 58/1. P. 101–111.
- Earle T.* Chieftdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279–308.
- Golden P.* “Ascent by Scales”: the System of Succession in Kievan Rus’ in a Eurasian Context // States, Societies, Cultures: East and West. Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski / J. Duzinkiewicz et al. N.Y., 2004. P. 229–258.
- Golden P.* Ethnicity and State Formation in Pre-Činggisid Turkic Eurasia // The Central Eurasian Studies Lectures 1. Bloomington, Indiana, 2001.
- Golden P.* Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipčaq. Hampshire; Burlington, 2003.
- Khazanov A.* Nomads and the Outside World. Madison; Wisconsin, 1984; 2nd ed. 1994.
- Krader L.* Formation of the State. Englewood Cliffs, N.J., 1968.
- Krader L.* The Origin of the State among the Nomads of Asia // The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978. P. 93–107.
- Kradin N.* Nomadic Empires: Origins, Rise, Decline // Nomadic Pathways in Social Evolution / N. Kradin et al. Moscow, 2003. P. 73–87.
- Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No 1. P. 25–51.
- Markov G.E.* Problems of Social Change Among the Asiatic Nomads // The Nomadic Alternative / W. Weissleder. The Hague; Paris, 1978. P. 305–311.
- Minaeva O.* From Paganism to Christianity: Formation of Medieval Bulgarian Art (681–972). Frankfurt-am-Main et al., 1996.

Nomadic Pathways in Social Evolution / N. Kradin, D. Bondarenko, Th. Barfield. Moscow, 2003.

Noonan Th. Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium. Leiden; Boston, 2007. P. 207–244.

Noonan Th. The Khazar Economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. Vol. 9. P. 253–318.

Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.

Pritsak O. The System of Government under Volodimer the Great and His Foreign Policy // Harvard Ukrainian Studies 19, 1995 [1997]. P. 572–593.

Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

Service E. Primitive Social Organization. 2nd ed. N.Y., 1971.

Stepanov Ts. Rulers, Doctrines, and Title Practices in Eastern Europe, 6th–9th Centuries // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2005. Vol. 14. P. 263–279.

Stepanov Ts. The Bulgar Title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, 822–836 // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10/1. P. 1–19.

Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the *Others*. Leiden; Boston, 2010.

The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978.

The Study of the State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981.

Treadgold W. The Bulgars' Treaty with the Byzantines in 816 // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1984. T. 4. P. 213–220.

Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, CT, 1957.

Ziemann D. Between Authoritarianism and Consensus: Domination and the Role of Nobility in the First Bulgarian Realm (7th — late 9th century) // Bulgaria Mediaevalis / V. Gjuzelev, V. Tăpkova-Zaimova, K. Nenov. Sofia, 2011. Vol. 2. P. 373–397.

Tsvetelin Stepanov

BULGAR POLITIES IN THE FOURTH–NINTH CENTURIES: FROM CHIEFDOM TO THE EARLY STATE

Abstract: The author of this article uses key concepts such as “chiefdom”/“dukedom” and “early state” in order to explain the development of both the Bulgars’ political ideas and organization in the period between the fourth and mid-ninth century. *Great Bulgaria* of Qubrat could be positioned between the levels of “chiefdom” and “early state”. For the period before the establishment of Qubrat’s *Great Bulgaria*, the known early Bulgar polities were not in the phase of state organization known in Late Antiquity and during the

Early Middle Ages as “barbarian states” (with their synthesis of *Germanic* and *Roman* plus *Christian* elements). The Bulgars in the decades between the fourth and early seventh centuries can be best depicted as having “stratified societies”, i. e. “chiefdoms”. According to the author, the specific features in Bulgar statehood of the period between the late seventh and the late eighth century seem to be best explained through the prism of the geographical situation of Danube Bulgaria which was positioned partly on ex-Byzantine territories and as a legitimate state being officially declared as such by the Eastern Romans themselves at that, which means that Danube Bulgaria was not of the *foederati*-type polities on Byzantine territory known in the fourth and fifth centuries. Its *status* as a “state” was also confirmed by the Western Christian powers. From the early ninth century till the 860s, the Bulgar statehood is “under modernization” and Bulgaria is already a typical “barbarian state”. Yet the Bulgar state was not of the type well known as “German-Roman” synthesis, but the synthesis of both *steppic* (Irano-Turkic) and carefully “adapted” *Roman* features and traditions. This indeed is the main and specific Bulgar contribution to the protracted process of establishment of the early states in Medieval Europe. Therefore in the first six decades of the ninth century Bulgaria was neither an “imperial confederation” of Central Asiatic type, nor a “complex chiefdom”.

Keywords: Bulgars, chiefdom, early state, imperial confederations, steppe empire

П.П. Толочко

НАЧАЛО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы происхождения восточнославянской государственности. В авторском представлении она была, прежде всего, продуктом внутреннего социально-политического развития восточных славян. Уже задолго до прихода на Русь варяжских дружин здесь имелась собственная административно-территориальная организация общества в виде межплеменных союзов, возглавляемых князьями, а также их социальных центров — летописных градов. Варяги не принесли восточным славянам своей социально-политической системы с конунгами, ярлами, хёвдингами, тингами и другими норманнскими управленческими институтами, но восприняли местную: стали князьями, посадниками, воеводами, тысяцкими и др. Можно сказать, они встроились в восточнославянскую жизнь, возглавив дальнейший процесс ее консолидации. Особенностью варяжской княжеской династии на Руси было то, что она сравнительно быстро стала славянской, не мыслившей себя вне интересов того государства, во главе которого оказалась. Общий вывод статьи сводится к тому, что мы не можем исключать «племенной» этап в жизни восточных славян из эволюции их государственности, равно как и начинать политическую историю Руси только с прихода варягов, что стало особенно заметно в наше время. Совершенно некорректными представляются и поиски первой столицы Руси на севере восточнославянского мира — в Старой Ладоге или Новгороде. Названные центры являлись такими же средоточиями роста ранней государственности, как Киев и Искоростень на юге, или Полоцк на западе. И ни один из них не может рассматриваться до 80-х годов IX в. в качестве общерусского. Первой и единственной столицей Руси был Киев.

Ключевые слова: Восточные славяне, Русь, Варяги, Славиния, «княжье», Рюриковичи, грады

Согласно традиции отечественной историографии, идущей от первых летописцев, начальным этапом древнерусской государственности считаются 50–60-е годы IX в. В это время наша страна обрела свое название («нача ся прозывати Руска земля»¹),

¹ ПВЛ. С. 12.

осуществила поход на Константинополь («Приходиша Русь на Царьгородъ»²), призвала на княжение варяжских братьев («Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами»³).

Так вышло, что именно последнее событие, о котором красочно рассказано в летописи под 862 г., стало точкой отсчета истории отечественной государственности, получившей официальное закрепление и в правительственных указах России: в 1862 г. — царском, а в 2011 г. — президентском. Правда, в последнем случае, почему-то, только как российского национального явления, а не общевосточнославянского.

Конечно, это слишком упрощенный взгляд на политическую эволюцию восточных славян. Он, по существу, исключает признание у них внутренней самоорганизации в доваряжское время. Не было наряда у славян, как простодушно отметил летописец, но пришли из-за моря варяги (Рюрик, Синеус и Трувор) и установили его⁴. В реальной жизни, разумеется, все было намного сложнее, что, собственно, и следует из внимательного прочтения летописи, а также из анализа археологических источников, полученных многолетними раскопками восточнославянских памятников.

Думается, уместно здесь будет хотя бы кратко остановиться на вопросе происхождения названия «Русь», которое, согласно одной из историографических традиций, как и государственность, также принесли в восточнославянскую среду варяги. Исходные данные для вывода историков о северном, а точнее, шведском происхождении термина «русь», находятся в летописной статье 862 г. Между тем, она настолько противоречива, что делать на ней однозначное заключение нет и малейших оснований. Заявив, что словене «идоша за море къ варягомъ, к руси», летописец затем привел перечень скандинавских народов, в котором места для руси не нашлось. «Сиче бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмане, анъглыне, друзии гъте»⁵.

² Там же.

³ Там же. С. 13.

⁴ Принципиально ситуация не изменилась бы и в том случае, если бы оказалось, что Рюрик и его окружение были выходцами не из Ютландии, но из славянской Южной Балтики.

⁵ ПВЛ. С. 13.

Еще более существенным в приведенном летописном свидетельстве является то, что оно не отождествляет русь со шведами. Наоборот, оно утверждает, что шведы относительно руси — такой же другой народ, как и норвежцы или датчане. Несколькими строчками ниже русы у летописца выступают и теми, кто участвовал в приглашении, и теми, кого приглашали. «Рѣша русь, чюдъ, словѣни, и кривичи, и вси... И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь»⁶.

Этническая разность руси и шведов засвидетельствована и в Бертинской хронике епископа Пруденция. Рассказывая о пребывании посольства русов 838–839 гг. в Константинополе и Ингельгейме, автор отметил, что в столице Византии они отрекомендовались представителями народа «Рос» (*Rhos*) и посланниками хакана (*chacanus*), а в столице Франкского королевства назвались не русами, а свеонами. Из этого признания следует, что в действительности послы не были этническими русами, но лишь находились у них на службе. Аналогичные ситуации имели место и во времена Олега и Игоря, чьи послы-норманны также заявляли, что они «от рода рускаго».

Исходя из свидетельств Бертинских анналов, а также «Баварского географа», разместившего Русь (*Ruzzi*) в непосредственном юго-западном соседстве с хазарами (*Caziri*), можно полагать, что русы были известны на юге восточнославянского мира задолго до их летописного «призвания» из-за моря⁷.

Собственно, и наиболее резонансное событие, связанное с русами (имеется в виду поход 860 г. на Константинополь), состоялось также раньше их «призвания». Предполагать, что поход был осуществлен из далекого и малонаселенного Волховско-Ильменского края, совершенно не реалистично, о чем автору этих строк уже приходилось писать⁸. Однако парадокс в объяснении этого события заключается в том, что исследователи, даже и те, которые разделяют практическую невозможность такого дальнего похода, упорно не хотят признать исходным его пунктом Киев и Среднее Поднепровье. Для них это какая-то

⁶ Там же. Как показали А.А. Шахматов, А.Н. Насонов, Б.А. Рыбаков и другие исследователи, Русь была отождествлена с варягами автором или редактором «Повести временных лет».

⁷ Толочко П.П. В поисках загадочного Русского каганата // Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 29–39.

⁸ Толочко П.П. Русь изначальная // Археологія. 2003. № 1. С. 100–103.

незнаемая земля, находящаяся где-то севернее Причерноморья, но при этом, как утверждает А.А. Горский, не слишком далеко к северу⁹.

При ответе на вопрос, кто такие русы и откуда они происходят, нельзя абстрагироваться от тех летописных свидетельств, которые связывают это название исключительно с насельниками Среднего Поднепровья. Единственным восточнославянским племенем, получившим новое имя, были поляне: «поляне, яже нынѣ зовомая Русь»¹⁰. «Матерью городов русских» был назван их город Киев¹¹, а не Ладога или Новгород, где раньше всего утвердились северные пришельцы.

Не позволяют отождествлять русов с варягами и более поздние летописные свидетельства, в частности те, в которых рассказывается о борьбе за Киев Ярослава и Святополка. В собранной Ярославом в Новгороде многотысячной дружине, с которой он выступил на Киев, были «варяги» и «прочие вои», но не было русов. В то время как Святополк выступил навстречу ему из Киева, «пристрои бе-щисла вой, Руси и печенѣгъ»¹². О русах в войске Ярослава говорится в статье 1018 г., когда он, будучи уже киевским князем, отражал наступление Болеслава Храброго и Святополка. «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варягы и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку»¹³. В приведенных свидетельствах важными являются два обстоятельства. Во-первых, летописец не отождествляет варягов с русами и, во-вторых, обнаруживает последних только в дружинах киевских князей.

О южном происхождении этнонима «русъ» и его носителей свидетельствуют также византийские письменные источники. В них название «росы» постоянно заменяется названиями «скифы» и «тавроскифы», что было бы совершенно невозможным, если бы эти росы являлись жителями далекого скандинавского севера. К тому же, греческие авторы всегда четко различали варягов и русов. В частности, во всех императорских хрисовулах, регламентировавших пребывание иностранных наемников в Византии, варяги и русы неизменно названы как различные этнические группы.

⁹ Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 50.

¹⁰ ПВЛ. С. 15.

¹¹ Там же. С. 14: «Се буди мати градомъ русьскимъ».

¹² Там же. С. 62.

¹³ Там же. С. 63.

Так что, перефразировав известное изречение классика, можно сказать, что выводы о тождестве варягов и руси оказываются слишком преувеличенными¹⁴.

Однако, независимо от того, кем были летописные варяги, совершенно очевидно, что не они положили начало восточнославянской государственности. Это немыслимо ни теоретически, ни практически. Если мы внимательно вчитаемся в летопись, то окажется, что варяжские находники не принесли в среду восточных славян новой административно-политической организации, но воспользовались уже существующей. «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро». Отметив, что в этих городах сели находники варяги, летописец пояснил, что «перввии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома»¹⁵.

По существу, аналогичная ситуация имела место и на юге восточнославянского мира. Аскольд и Дир, названные летописью боярами Рюрика, по пути в Царьград увидели на «горѣ городокъ» и, после выяснения, чей он, решили в нем остаться. «Аскольдъ же и Диръ остаѣта въ градѣ семь... и начаста владѣти польскою (т. е. Полянскою. — П. Т.) землею»¹⁶.

Еще более убедительным свидетельством существования административной и политической организации восточных славян доваряжского времени является рассказ о походе Олега в 882 г. на юг: «и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои». В Киеве он сел сам, убив Аскольда и Дира. «И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ»¹⁷.

Как видим, варяги не основывают новых городов, но овладевают уже существующими, не учреждают в них администрации, но меняют прежнюю на свою, не создают волостей-земель, но распространяют свой суверенитет на уже существующие.

Чтобы завершить этот сюжет, следует сказать, что в наше время вопрос о том, кому принадлежит приоритет в создании Древнерусского государства, потерял свою остроту. С одной стороны,

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Толочко П.П.* Київська Русь // Київ і Русь. С. 7–11.

¹⁵ ПВЛ. С. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 14.

уже никто не спорит с тем, что варяги принимали участие в начальной русской истории, а с другой, — для всех стал очевидным тот факт, что государства являются прежде всего продуктами внутреннего социально-экономического развития обществ. Что касается варягов, то здесь и спорить не о чем. Они по определению не могли принести в восточнославянский мир структурированную государственность, поскольку еще не имели таковой у себя на родине.

Оказавшись по воле случая в чужой стране и в чуждом для себя мире, варяжские пришельцы должны были очень быстро адаптироваться к новым условиям жизни, перенять от восточных славян традиции их государственности, принять их властную титулатуру. Не случайно, Рюрик и его ближайшие преемники назывались не конунгами, коими они были в прошлом, но князьями. Да, по существу, и натуральными варягами были только Рюрик, Олег и Игорь. Остальных ближайших к ним князей можно называть варяжскими лишь очень условно. Ольга была славянкой, ее сын Святослав — наполовину славянином, а Владимир и вовсе на три четверти славянином.

Трудно сказать, сколь долго сохранялся в киевском княжеском роде пиетет по отношению к своему норманнскому происхождению, но то, что уже со времен Ольги и Святослава этот род не мыслил себя вне интересов государства, во главе которого находился, совершенно определено.

Из летописных свидетельств явствует, что начало восточнославянской политической организации относится к третьей четверти I тысячелетия н. э. Перечисляя восточнославянские племенные объединения, Нестор или его предшественники, называют их поименно — поляне, древляне, северяне, дреговичи, словене и др., а там, где пытаются определить их социальную организацию, — княжениями. После смерти полянского князя Кия, замечает летописец, «почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое»¹⁸. Род здесь определенно выступает как правящая княжеская династия.

В юбилейном сборнике «Средневековая Русь», посвященном 1150-летию зарождения российской государственности, А.А. Горский в содержательной статье «Первое столетие Руси» пришел к выводу, что предложенный им ранее термин «племенное кня-

¹⁸ Там же. С. 10.

жение» не очень удобен в употреблении, поскольку определение «племенное» сохраняет иллюзию, что эти общности носили родоплеменной характер. Теперь он предлагает применять к ним термин, известный в византийских источниках — «славинии»¹⁹.

Должен огорчить А.А. Горского. Термин «племенное княжение» был введен в научное обращение не им, но Д.Я. Самоквасовым еще в начале XX в. «Формой общежития русских славян IX в., — писал он, — было племенное княжение, племенное государство... Таких государств на всем пространстве земли между Ладожским озером и Черным морем, Карпатами и верхним течением Волги было только двенадцать»²⁰. В 60–70 годы XX в. этот термин широко применялся по отношению к летописным племенам третьей четверти I тысячелетия н. э. В том числе и автором этих строк в книгах «Исторична топографія древнього Києва», «Древнерусский феодальный город» и др.²¹.

Опасения А.А. Горского, что определение «племенные» порождает иллюзию некой архаичности этой общности, безосновательно. О терминах ведь договариваются. А в том, что летописные племена — не мелкие родоплеменные образования, а крупные территориальные объединения, союзы племен, ни у кого из занимавшихся этой проблемой не было сомнений уже со времен А.А. Спицына и Д.Я. Самоквасова.

И уж, конечно, его никак не может заменить византийский термин «славиния». В нем нет социально-политического содержания. Это — этническое определение, уточняющее, что «поляне», «древляне», «северяне» и др. являются славянами²². Он не отвечает на вопрос, на каком этапе политического развития находились эти восточнославянские «славинии». Попытки объяснить их социальную сущность новомодными терминами «сложного и сверхсложного вожества», что предлагает А.А. Горский, не кажутся удачными. Да и зачем придумывать какое-то

¹⁹ Горский А.А. Первое столетие Руси. С. 35.

²⁰ Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908. С. 6.

²¹ Толочко П.П. Исторична топографія древнього Києва. Київ, 1970. С. 55; *Он же*. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 34.

²² «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов» *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 51 (9-я глава).

вождество, когда в летописи имеется термин «княжение». Не проще ли соотносить эти ранние восточнославянские княжения с военно-демократической стадией государственности, установленной Ф. Энгельсом?

Практически каждому из племенных княжений соответствует своя археологическая культура, памятники которой покрывают большие территории. Их социальные центры в летописи названы «градами». В рассказе об основании Киева читаем: «И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго»²³. Говоря об улицах, летописец замечает, что те сидели по Днепру до моря «и суть гради их и до сего дне»²⁴.

Археологические исследования выявили такие ранние городки в Киеве, Чернигове, Зимно, Пастырском, Битице, Хотомеле, Колочине, Тушемле, Изборске, Пскове, Старой Ладоге и др. Типологически все они очень близки между собой и, определенно, являлись административными центрами племенных союзов²⁵.

В свое время П.Н. Третьяков применил по отношению к раннесредневековым племенным или точнее межплеменным центрам термин «эмбрион города»²⁶. При всей его условности, он в целом верно выражает социальную сущность восточнославянских градов VI–VIII вв. Видеть в них истоки древнейших городов так же естественно, как и в племенных княжениях — начало древнерусской государственности.

Исследуя проблему происхождения древнерусских городов, я пришел к выводу, что ранние восточнославянские «грады» социально и стадияльно очень близки к таким же центрам западных славян — Макульчицы, Стары Замки, Ленчица, Шелиги, а восточнославянские союзы племен или княжения политически напоминали раннегосударственные образования моравов и словаков (государство Само), полянский и мазовшанский союзы племен в Польше²⁷. В уже упоминавшейся статье А.А. Горского также содержится подобный аналогический ряд, но, как и в случае с «племенными княжениями», без ссылок на своих предшественников.

²³ ПВЛ. С. 9.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. С. 19–34.

²⁶ *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 245.

²⁷ *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. С. 25–28.

О наличии у восточных славян собственной общественно-политической организации еще до прихода варягов наглядно свидетельствуют военные походы против них Олега. Их цель — подчинить местное население новой киевской власти. «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на них дань по чернѣ кунѣ». «Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити»²⁸. Вслед за древлянами и северянами даннические отношения Олег распространил и на радимичей. С уличами и тиверцами, как отметил летописец, новый киевский князь находился в состоянии войны.

«Примучиванием» восточнославянских княжений пришлось заниматься и преемникам Олега. Причем, по несколько раз одних и тех же. Из летописной статьи 913 г. следует, что поход Игоря на древлян был вызван тем, что они после смерти Олега вышли из подчинения Киеву: «затворишася отъ Игоря по Олговѣ смѣрти»²⁹. В результате нового похода на них была возложена дань еще большая, чем та, что была при Олеге. Неумеренные даннические аппетиты Игоря закончились, как известно, восстанием древлян и казнью киевского князя³⁰. Окончательно покорить древлян удалось только Ольге. Дважды ходил на вятичей Святослав, в результате чего они также оказались данниками Киева. «В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи»³¹.

К сожалению, лаконичные летописные известия не сохранили нам (за редким исключением) имен племенных князей, которых «примучивали» первые киевские Рюриковичи. На этом основании некоторые исследователи вообще не находят им места в ранней государственной структуре Руси, отдавая приоритет в этом варягам.

Между тем, административно-политическая система восточных славян, сохранявшаяся практически неизменной вплоть до административных реформ Святослава и Владимира, хорошо отражена в летописи. Говоря об укладах на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любечь и другие города, летописец в статье 907 г. отметил,

²⁸ ПВЛ. С. 14.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ В обращении древлян к Ольге после убийства Игоря, последний назван князем русским («Се князя убихомъ рускаго» — Там же. С. 27), что свидетельствует о том, что себя в это время они русичами еще не считали.

³¹ Там же. С. 31.

что «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиици князи, под Олгом суще»³². Близкие содержательно записи находятся и в договоре 911 г. Послы «от рода рускаго» представляли не только Олега, но и «всѣх, иже суть подъ рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих боярь», а греки должны были хранить любовь «ко княземъ нашим свѣтлым руским и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего»³³. В договоре 944 г. говорится, что большое русское посольство было направлено в Царьград «от Игоря, великого князя рускаго, и от всякая княжя, и от всѣхъ людей Руския земли»³⁴.

Мимо этих, не совсем понятных, летописных дефиниций не прошел, по существу, ни один историк Киевской Руси. Объяснение они получили разное. Одни (М.П. Погодин, С.М. Соловьев, Х. Ловмянский, А.В. Назаренко и др.) видели в «князьях под Олгом сущих» или во «всяком княжье» договора 944 г. членов семейства Рюриковичей, другие (С.В. Юшков, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, П.П. Толочко и др.) полагали, что летописец под этими определениями имел в виду местных славянских князей, покоренных центральной киевской властью³⁵.

М.С. Грушевский, обратив внимание на стабильное число слов в договорах, считал, что оно отражало «состав государства из двадцати княжеств до середины X в.». При этом не исключал, что в некоторых уже могли быть князья, посаженные из Киева, но в большинстве «нерушимым оставалось собственное управление и свои князья»³⁶.

В наше время близкую мысль высказал Г.Г. Литаврин. Согласно ему, русские послы договора 944 г. и свиты Ольги, осуществившей визит в Константинополь, числом 22 представляли

³² Там же. С. 17. Исследователи несправедливо обвинили летописца в намеренной фальсификации: договор был один и только 911 г., а он сделал из него два, переместив часть текста в статью 907 г. Если признавать поход Олега на Константинополь 907 г. реальностью, тогда такой же реальностью следует считать и договор этого года. См.: *Толочко П.П.* Русско-византийские договоры и время включения их в летопись // *Київ і Русь*. С. 59–60.

³³ ПВЛ. С. 18.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Подробнее об этом см.: *Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. XLIX)*. СПб., 2009. С. 411–425.

³⁶ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1994. Т. 1. С. 423–425.

интересы 22-х «городских и одновременно крупных административных центров»³⁷.

Для историка, владеющего не только письменными, но и археологическими источниками, такое понимание летописных свидетельств кажется естественным и единственно возможным. Посольства в Константинополь ведь снаряжались киевскими князьями после военных походов. А поэтому определенно должны были иметь такое же представительство, какое было и в военных акциях. Невозможно представить, чтобы для походов привлекались силы многих восточнославянских племенных объединений (полян, северян, древлян, кривичей, словен, тиверцев и др.), а при заключении мирных договоров их интересы никто не представлял.

А.В. Назаренко, посвятивший этим свидетельствам летописи специальное исследование, вернулся, по существу, к объяснениям, предложенным еще С.М. Соловьевым. При этом он отказал уточнению «по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще»³⁸, завершающему список городов, в аутентичности. Ему кажется, что это — разъяснение летописца начала XII в., который не мог представить себе никакой другой местной для князя позиции, кроме стола в том или ином «граде»³⁹.

К сожалению, это сомнение не подкреплено какими-либо аргументами. Скажем, хотя бы тем, что в источниках известен прецедент, когда бы все «княжье» сосредотачивалось в одном городе. Ссылка на авторитет А.Е. Преснякова, что в «древнейшее — Игоревое — время семья княжая сидит, по-видимому, нераздельно в Киеве», не убедительна, поскольку это не источник, а тоже мнение. К тому же каких-либо документальных данных, которые бы показывали, что семья Игоря состояла, кроме Ольги и Святослава, также из многочисленного «княжья», у нас нет.

В связи с этим, основной вывод А.В. Назаренко, что князья, «под Олгом суще», и «всякое княжье», это — «довольно многочисленный *кровнородственный* коллектив», «княжеское семейство в широком смысле слова», «княжеский род», корпоративность владения которого выражалась, в том числе, и в совмест-

³⁷ Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 82.

³⁸ ПВЛ. С. 17.

³⁹ Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси. С. 413.

ном пребывании в общей столице⁴⁰, подтвердить нечем. Из текста договоров это никак не следует⁴¹. Наоборот, свидетельства о том, что это «княжье» находилось во власти Олега — «под Олгом суще», или «подъ рукою его», к тому же представляло не только киевский княжеский род, но и «всѣхъ людей Руския земли», а греческая дань распределялась между древнейшими городами (даже если их было и меньше, чем это перечислено летописью), указывают на то, что русские посольства действительно представляли интересы всех административно-территориальных единиц подвластных или временно подконтрольных Киеву.

Отказывая послам в широком поземельном представительстве, А.В. Назаренко неожиданно предположил, что таковыми следует считать «гостьев»⁴². Но эта интересная мысль, по существу, разрушает его же вывод об исключительно киевском составе посольств. Если города и земли могли быть представлены купцами, то почему не могли — послами? Тем более что в договоре 944 г., где упомянуты послы и гости («сълы и гостье»)⁴³, они не расчленены по этим двум категориям и, скорее всего, сочетали в себе обе функции.

И конечно же, у нас нет оснований видеть во всяком княжье исключительно членов семейства Рюриковичей. Если исходить из свидетельств русской летописи, а других источников о семействе первых киевских князей северного происхождения у нас нет, говорить о Рюриковичах во множественном числе для конца IX — первой половины X в. вообще не приходится. Рюриковичем был Игорь. К этому роду, возможно (но не обязательно), принадлежал Олег, укорявший Аскольда и Дира в их не княжеском происхождении и рекомендовавший таковым себя («но азъ

⁴⁰ Там же. С. 418.

⁴¹ Во время дискуссии на Международной конференции в Институте всеобщей истории РАН 29 октября 2012 г. А.В. Назаренко призвал своих оппонентов внимательно анализировать византийские источники, в частности, произведения Константина Багрянородного. Однако даже и наивнимательнейшее чтение византийского автора не может приблизить нас к пониманию того, кто скрывается под определением «всякое княжье» договора 944 г. У Константина об этом ничего не сказано. Здесь, все-таки, лучше внимательно анализировать русскую летопись, в которой присутствует имя одного из этих «всяких» князей. Это древлянский князь Мал.

⁴² Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси. С. 422.

⁴³ ПВЛ. С. 23.

есмы роду княжа»)⁴⁴. Но это и все Рюриковичи, которые утвердились в Киеве. Большая кровнородственная семья из них явно не получается. Даже и в широком смысле слова.

Против расширительного понимания киевского семейства Рюриковичей конца IX — первой половины X в. как многочисленного кровнородственного коллектива свидетельствует и тот факт, что ни один из предполагаемых его представителей не заменил собой кого-либо из племенных князей. Первыми Рюриковичами, посаженными на земельные столы, были сыновья Святослава⁴⁵.

Не убежден, что нам стоит слишком концентрировать свое внимание на виртуальном, когда имеем столько реальных свидетельств о характере и структуре восточнославянской власти накануне и в первые десятилетия утверждения на Руси варяжских князей. Наглядное представление об этом дает пространный летописный рассказ о взаимоотношениях князей Игоря и Ольги с древлянами.

Конфликт между Киевом и Искоростенем возник из-за неупорядоченных даннических отношений. Древляне требовали установления нормированной дани и сохранения автономии своей земли, а Киев стремился устранить местную администрацию и заменить ее киевской.

Из статьи 945 г. явствует, что древляне, вопреки не очень благосклонному представлению их киевским летописцем, в социально-политическом отношении ничем не отличались от полян. У них был свой князь, лучшие или нарочитые мужи, дружина, вече, то есть все те институты, которые характеризуют раннегосударственную форму общественной жизни. Причем сложились они задолго до середины X в. Это видно из речи древлянских послов, обращенной к Ольге. В ней говорится не только о нынешнем древлянском князе Мале, но также и о его предшественниках, которые обустроили Древлянскую землю. «А наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»⁴⁶.

⁴⁴ Там же. С. 14.

⁴⁵ Согласно Константину Багрянородному, в Новгороде при Игоре княжил Святослав. Из наших летописей это не следует. Скорее всего, в реальности этого и не было, ибо трудно представить в роли князя-наместника двух-трехлетнего ребенка. К тому же, согласно летописи, он в это время находился в Киеве.

⁴⁶ ПВЛ. С. 27. Думается, спор о том, кого следует понимать под «нашими князьями» лишен предметности. Конечно, это предшественники Мала, а не его современники. Вряд ли можно предположить, что в середине X в. у древлян было много князей.

Центральным или стольным городом Древлянской земли был Искоростень. Однако он — не единственное городское средоточие древлян, имелись и другие, о чем вполне отчетливо говорит летописная статья 946 г. После неудачного сражения с киевской дружиной, водимой Ольгой и Святославом, древляне отступили в свои «грады» и закрылись в них. «Древляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своихъ»⁴⁷. О градах во множественном числе говорит и Ольга в своем послании к осажденным искоростенцам. «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань»⁴⁸.

Археологические исследования последних лет, осуществленные Б.А. Звиздецким, показали, что как город Искоростень ничем не уступал Киеву. Имел двухчастную планировочную структуру, располагал мощными укреплениями, имел достаточно богатую материальную культуру, развитые ремесло и торговлю. Найденные в нем золотые и серебряные височные кольца находят ближайšie аналогии в древностях Великой Моравии, Венгрии и Малой Польши, железные фибулы и серебряные гарнитурные бляхи — в Балтийском регионе, серебряные дирхемы — на Арабском Востоке, предметы вооружения — в Средней и Северной Европе⁴⁹. Все эти вещи обнаружены под слоем пожарища 945 г. и, следовательно, их верхние даты не выходят за пределы первой половины X в.

Взятием и сожжением Искоростеня Ольга, по существу, определила новый статус Древлянской земли в административно-территориальной структуре Киевского государства. С ее автономией было покончено. Местная администрация была пленена и уничтожена: «старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ избѣи»⁵⁰. Ее место заняла киевская. Система взимания дани была упорядочена, но ее размеры стали еще большими, чем это было при Игоре. Кроме того, в Древлянской земле появились опорные пункты киевской власти. «И иде Вольга по Дервьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища»⁵¹.

⁴⁷ Там же. С. 28.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Звіздецький Б.А., Петраускас А.В., Польчуй В.І. Нові дослідження стародавнього Искоростеня // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 51–86.

⁵⁰ ПВЛ. С. 29.

⁵¹ Там же.

Летописный рассказ о драматических взаимоотношениях Киева с Искоростенем в середине X в. позволяет утверждать, что точно такими же они были и с другими восточнославянскими административно-политическими центрами⁵².

В свое время А.Е. Пресняков полагал, что древнерусские волости возникли постепенно уже на глазах истории и не представляли собой наследия «докняжеских» времен. Они явились на развалинах племенного быта, «не из него выросли, а его разрушили»⁵³. Близкую мысль утверждал и С.В. Юшков, считавший, что крупная феодальная сеньория Киевской державы возникла на развалинах племенных княжений⁵⁴. Сторонники такого взгляда на начало древнерусской государственности есть и в наше время.

Наверное, летописные известия о противостоянии племенных княжений и варяжской княжеской власти Киева дают основания для таких выводов. Внешне это действительно выглядело, как отрицание наследия племенного этапа и создание нового строя власти. Известно ведь, что «примучивание» восточнославянских племен сопровождалось истреблением их князей и сожжением административно-политических центров. Археологические исследования укрепленных «градов» VII–IX вв. обнаружили практически повсеместно мощные слои пожарищ, которые как бы разделили их жизнь на два этапа — племенной и киеворусский⁵⁵.

И тем не менее у нас нет оснований отрицать естественную преемственность этих двух периодов отечественной истории. Изучение процессов формирования старейших древнерусских городов показывает, что практически все они имеют культурные слои третьей четверти I тысячелетия. Их социальное и общественно-политическое значение как племенных средоточий не пресеклось и на следующем этапе развития. Только теперь они стали стольными городами уделов, а Киев — столицей объединенной Руси.

Сказанное в полной мере справедливо и по отношению к новым городам, которые строились княжеской властью на необжитых ранее местах. Речь идет о необжитости конкретных топографических точек, но не территорий, где они основывались. Новый

⁵² Толочко П.П. Киев и Искоростень в середине X в. // Київ і Русь. С. 69–74.

⁵³ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 62, 93.

⁵⁴ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 172.

⁵⁵ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 61–69.

Искоростень, к примеру, был сооружен не более чем в километре от старого. И с тем же названием. Этот и другие подобные примеры свидетельствуют о том, что города, строившиеся княжеской властью, накладывались на сформировавшуюся до них социальную округу. По существу, не претерпела изменений на княжеском этапе сколько-нибудь и племенная территориальная структура. Она естественным образом трансформировалась в удельную.

Из всего сказанного следует, что мы не можем, не должны, исключать «племенной» этап в жизни восточных славян из эволюции их государственности. Равно как и начинать политическую историю Древней Руси только с прихода варягов, что имеет место в наше время. И даже сопровождается поиском первой русской столицы где-то на Севере восточнославянского мира — в Старой Ладоге или Новгороде.

Это контрпродуктивное занятие. Как в научном, так и в общественно-политическом смысле. Мы в лучшем случае определим административно-политические средоточия отдельных восточнославянских межплеменных объединений. При этом, если не будем прибегать к насилию над источниками, придем к выводу, что все они в социальном плане — явления одного порядка. Ни один существенно не старше другого и политически не значимее. Ладога и Новгород на севере — такие же локальные центры роста ранней государственности, как Киев и Искоростень на юге, или Полоцк на северо-западе. И ни один из этих городов не может рассматриваться для 60-х годов IX в. как столица Руси.

Общая столица для всех восточных славян появилась тогда, когда север и юг восточнославянского мира объединились в единое государственное образование. Ею с 882 г. стал Киев, в котором утвердилось варяжская по происхождению княжеская династия. И хотя появление названия «Русская земля» в летописи приурочивается к началу царствования императора Михаила III⁵⁶, числа в ней положены не от княжения Рюрика или Аскольда, но Олега. «А от перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя лѣт 29»⁵⁷. Несомненно, летописцы отдавали себе отчет в том, что только с этого события и следует отсчитывать историю восточнославянского государства с центром в Киеве.

⁵⁶ Реальнее относить это событие к 860 г., когда Русь заявила о себе мощным нападением на столицу Византии.

⁵⁷ ПВЛ. С. 12.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Горский А.А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 7–112.
- Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1994. Т. 1.
- Звіздецький Б.А., Петраускас А.В., Польчуй В.І.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 51–86.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 71–92.
- Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. XLIX). СПб., 2009. С. 411–425.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 1996.*
- Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1.
- Самоквасов Д.Я.* Происхождение русского народа. М., 1908.
- Толочко П.П.* В поисках загадочного Русского каганата // Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 29–39.
- Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
- Толочко П.П.* Исторична топографія древнього Києва. Київ, 1970.
- Толочко П.П.* Киев и Искоростень в середине X в. // Київ і Русь. С. 69–74.
- Толочко П.П.* Київська Русь // Київ і Русь. С. 7–28.
- Толочко П.П.* Русско-византийские договоры и время включения их в летопись // Київ і Русь. С. 57–68.
- Толочко П.П.* Русь изначальная // Археологія. 2003. № 1. С. 100–103.
- Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
- Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

P.P. Tolochko

THE ORIGINS OF EAST-SLAVIC POLITY

Abstract: The paper discusses some problems of East-Slavic polity. The author considers the state to be the result of inner social and political development of Eastern Slavs. Long before the arrival of Varangian armed forces Rus' had

had its own administrative and territorial structure of the society in the form of inter-tribal unions headed by princes, with their social centers (“grady” of the chronicles). Varangians did not bring their own social and political system with konungs, jarls, hövdings, tings and other Norman administrative institutes to Eastern Slavs, but accepted the local one. They became princes, posadniks, voivodes, tsysyatskys (captains), etc. They were, so to say, built into the life of Eastern Slavs, and led on the process of its consolidation. The Varangian princely dynasty in Rus’ was notable for the fact that they comparatively quickly became Slavic and shared the interests of the state they headed. The author concludes that it is impossible to eliminate the “tribal” stage in the life of Eastern Slavs in the evolution of their polity. Nor would it be correct to begin Russian political history with the arrival of Varangians, which has so often been done nowadays. It would be quite incorrect to look for the first Russian capital in the North of the East-Slavic world, be it Staraya Ladoga or Novgorod. Those centers were focuses of the growing state along with Kiev and Iskorosten’ in the South, or Polotsk in the West. Till the 80s of the ninth century none of them could be considered the All-Russian one. The first and only capital of Rus’ was Kiev.

Keywords: Eastern Slavs, Rus’, Varangians, Slavina, “knjazhje”, the Rurikids, “grady”

Marika Mägi

THE ORIGIN OF RUS' AND THE QUESTION OF BALTO-FINNIC ROLE IN THIS PROCESS

Abstract: The article evolves on the role of people called Chud' in the multiple formation processes of the medieval Kiev-Rus' state, as it is indicated by the latest archaeological finds and interpretations, as well as according to early written sources.

Archaeological evidence in the area of present-day Estonia indicated two different culture spheres, sometimes called Coastal Estonia and Inland Estonia. The north-eastern coast of the country — the district of Virumaa — was a kind of transformation area that culturally, however, seems to have had closer links with the inland districts. Coastal and Inland Estonia differed not only archaeologically, but also linguistically and anthropologically, and were very likely treated as regions with different ethnic groups in the Viking Age.

Archaeological evidence in certain areas in the eastern and especially north-eastern coasts of the Baltic Sea demonstrated close cultural contacts with Eastern Sweden as early as in the eighth century. This system of shared culture values characterised mainly a warrior sphere and mainly coastal districts, while inland districts possessed different material culture. The evaluation of archaeological situation around the northern part of the Baltic is hindered by Balto-Finnic burial customs in the sixth — mid-tenth centuries, which did not foresee grave goods or even archaeologically traceable graves. However, some parts of this region were marked with abundant dirham finds and complexes consisting of hill-forts and adjacent settlements. Several of them, particularly the ones situated along Estonian coasts, were probably directly connected with internationally relevant communication routes, called Austrvegr in Old Norse sagas. In the second half of the tenth century, when artefacts, again, appeared in graves, it became clear that the grave goods of Coastal-Estonian warriors were hardly possible to distinguish from Gotlandic or Central Swedish ones.

According to Russian chronicles, a people called Chud' was among the ones who in the ninth century paid tribute to the Varangians, and later invited Rus' to rule over their country. In the parts of Russian chronicles depicting the time up to the late tenth century, Chud' seem to occupy a special place, often creating a kind of parallelism with Rus'. The existence of coastal and inland culture spheres in present-day Estonia enables us to suggest that the ethnonym Chud' was only used for the inhabitants of Inland Estonia and Virumaa, which might have been considered as belonging to the Garðaríki dominion in the ninth and tenth centuries.

The situation changed around 1000 AD when the Chud', who had earlier been considered allies in Russian chronicles, now appeared as enemies. This change coincided with major alterations in Baltic Sea communication and cultural landscape, but also with an abrupt cessation of Scandinavian influence in Kiev-Rus'.

Keywords: Viking Age communication, Finnic peoples, Austrvegr, Chud', Rus'

Although scholars discussing Scandinavian expansion into present-day Russia never entirely overlook the ethnic factors in these processes, the problem is nearly always reduced to a question about the relationship between the Scandinavians and the Slavs. Large areas once inhabited by Balto-Finnic- and Baltic-speaking peoples in the northern half of the European part of present-day Russia have normally been mentioned in all writings, but without particular interest or wish to examine their existence more closely, or to look at how their linguistic and cultural unity might have influenced communications over long distances. In the Viking Age as well as in the centuries preceding it, however, the situation probably differed markedly from that in the later periods.

Theories by Johan Callmer and Priit Ligi

Here it is relevant to refer to Swedish-German archaeologist J. Callmer's writings on the early stages of Rus', that is, during the period 500–900 AD¹. Callmer, who expressed a special interest in the ethnic situation in northern Europe at this time, discussed the topics of migration, assimilation, and acculturation. He argued against the Scandinavian archaeologists T. Arne² and H. Arbman³, who had suggested that the Scandinavian colonization in certain parts of present-day Russia, primarily in the south-eastern Ladoga region, was predominantly an agrarian colonization, although initially driven by trade. Callmer found no archaeological evidence for this presumption and suggested instead that these were initially some few

¹ E. g. *Callmer J.* The archaeology of the early Rus' c. A. D. 500–900 // *Medieval Scandinavia*. 2000. Vol. 13. P. 7–63.

² *Arne T.I.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.

³ *Arbman H.* Svear i österviking. Stockholm, 1955.

Scandinavian hunters and traders, who in the pre-Viking and early Viking Period were active in the Eastern European areas⁴.

Callmer surmised that a leading role in Scandinavians' eastern expansion was played by the mixed Scandinavian-Finnish population that inhabited the Finnish and Estonian coastal areas, and particularly the Åland archipelago, centuries before the Viking Age. This population displayed a Scandinavian cultural identity and attitudes, but consisted ethnically of different components. The evolving Rus' identity was already bilingual from its beginning. Skills in speaking Finnic languages helped to create contacts with Finno-Ugric-speaking peoples, and thus contributed considerably to the process of extending the communication network eastwards.

Callmer also took into consideration problems connected with the Slavic expansion towards the North and East of present-day Russia, that is, questions which have traditionally been very closely linked with political preferences. He supported the ideas presented by e. g. G. Lebedev, E. Melnikova and V. Petrukhin, that the numbers of Slavic aristocracy, much less the common Slavic population, could not have been considerable in North-West Rus' or in certain areas along the Volga route until the end of the ninth century. The Eastern Slavs, Callmer concluded, became the central contributors to the later development of Russian princedoms, but they were not part of the initial stage of the (northern) Rus' state, where the dominant role was played by local Finnic and Baltic speaking peoples.

A somewhat similar theory had already been put forward in 1993 by Estonian archaeologist P. Ligi. He argued that sixth- to tenth-century archaeological evidence in present-day North-West Russia indicated consistency. Slavic colonisation in these areas was very modest, he believed, until the eleventh century, and consisted only of members of the higher social strata in the early centres of Rus'. Large-scale Slavic immigration never took place in these areas, but the local Finno-Ugric population accepted Russian as a common language, and integrated into the Russian state in the course of the following centuries⁵. Ligi's theories were, however, immediately

⁴ *Callmer J.* The archaeology of the early Rus'.

⁵ *Ligi P.* National romanticism in archaeology: the paradigm of Slavonic colonization in North-West Russia // *Fennoscandia Archaeologica*. 1993. Vol. X. P. 31–39. *Idem.* “Active Slavs” and “passive Finns”: a reply // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. Vol. XI. P. 104–112.

associated with politics, called “national extremism” and political incorrectness⁶.

Several other archaeologists have also emphasized in their writings that the Viking Age eastern trade through the areas of Rus’ was making use of an earlier transaction network, relying on the linguistic and cultural similarity between people speaking Balto-Finnic and eastern Finno-Ugrian languages⁷. Scandinavians were thus actually just profiting on an already existing communication network, threading their way through potential logistic obstacles, when it became economically profitable in the middle of the Viking Age. Callmer’s theories, however, have not been developed much further.

Common culture sphere in the coasts around the northern part of the Baltic Sea

The Eastern Baltic was 1000 years ago — and still is — divided between different cultures talking Finnic and Baltic languages. Researchers from outside this region have been reluctant to differentiate between the areas archaeological cultures, although the variability from one area to another is obvious. Similarly different were the ways, how different parts of the Eastern Baltic communicated with Scandinavia in the West, and later Old Rus’ in the East.

The evaluation of archaeological cultures in the eighth to the mid-tenth-century northern half of the Eastern Baltic is hindered by this-time burial customs of the local Finnic-speaking peoples that left so very few, if any, archaeological traces⁸. The same areas were,

⁶ *Klejn L.S.* Overcoming national romanticism in archaeology // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. T. XI. L. 87–88; *Lebedev G.* Slavs and Finns in Northwest Russia revisited // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. Vol. XI. P. 89–95; *Panchenko A., Petrov N., Selin A.* “Language replacement” by Priit Ligi // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. Vol. XI. P. 96–99; *Trigger B.G.* Ethnicity: an appropriate concept for archaeology? // *Fennoscandia archaeologica*. 1994. Vol. XI. P. 100–103.

⁷ E. g. *Jansson I.* Östersjöländerna och vikingatiden // *Att förstå det mänskliga. Humanistisk forskning vid Stockholms universitet* / K. Dahlbäck. Stockholm, 2000. S. 109–137; *Sindbæk S.* Ruter og rutinisering. Vikingetidens fjernhandel i Nordeuropa. København, 2005. S. 240–244; *Ambrosiani B., Bäck M.* ‘Our man in Pskov’ — Birka’s Baltic connection in the ninth and tenth centuries // *Cultural Interaction Between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe* / U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk (Stockholm Studies in Archaeology 44.) Stockholm, 2007. P. 180–184.

⁸ *Mägi M.* Late prehistoric societies and burials in the Eastern Baltic // *Archaeologia Baltica*. 2013. Vol. 19. P. 177–194.

however, at the same time marked by other archaeological sites and, starting from the ninth century, by numerous dirham finds. Especially noteworthy are several hill-forts with adjacent settlements along the North-Estonian coast and the south-eastern coast of the Saaremaa Island, both marking the main communicational routes in early Viking Age (Figure 1)⁹.

Figure 1. Distribution of silver hoards and hill-forts in the northern half of the Eastern Baltic.

1 — archaeologically dated hill-forts from the ninth-tenth-century;

2 — dirham hoards buried in the ninth-tenth century;

3 — most relevant international trade routes (see: [Mägi 2011]).

The distribution of hill-forts is mainly based on: [Apals et al 1974, fig. 59]; [Apals & Mugurēvičs 2001, 378-413]; [Zabiela 2003]; [Tõnisson et al 2008]

⁹ Mägi M. Viking Age and early mediaeval Eastern Baltic between the West and the East // Taxes, tributes and tributary lands in the making of the Scandinavian kingdoms in the Middle Ages / S. Imsen ("Norgesveldet", Occasional papers. No. 2). Trondheim, 2011. P. 189–233.

While ethnic Baltic cultures in the southern half of the Eastern Baltic stayed very distinctive in their artefactual material, the coastal regions of the present-day Estonia and Finland, as well as parts of Latvia demonstrated a common artefactual culture for warriors in these coasts, in Eastern Sweden and in Gotland. The general rule seems to be that a widespread cultural impact from eastern Scandinavia to the eastern regions became less intensive and more topographically isolated towards the south; in the south-eastern coast of the Baltic, where Scandinavian colonies seem to have existed at some nodal points on the international routes (e. g. Grobiņa and Kaup-Wiskiauten), the cultural impact hardly reached further away than the colonies themselves.

C. Gosden has classified communication such as it seems characteristic for the southern half of the Eastern Baltic, as “the middle ground”, describing it as a culture colonialism with some certain colonies and only a small impact outside a restricted area of the colonists. As typical for such type of colonialism, the colonists normally formed complex social groups, consisting of both men and women from different strata¹⁰.

Another type of cultural colonialism has been categorised “shared culture values” by Gosden. This category is particularly difficult to be distinguished from cultural contacts, and has sometimes pointedly been called “colonialism without colonies”. In this system, new forms of social and cultural capital could be seen as novel sets of resources by the local elite, the non-elite, on the other hand, being excluded from the new cultural network. Acculturation processes from both sides played an essential role, and the system was characterized by the polyglot and hybrid nature of cultures¹¹.

Global comparison of other cultures has demonstrated that systems of shared culture values often relied on long-distance communication and existing patterns of exchange. In the Eastern Baltic, it mainly seems to have characterised the areas where numerous dirham finds also indicate intensive international communication: the coastal areas of North-Estonia and the islands, as well as the south-western part of Finland.

¹⁰ *Gosden C. Archaeology of Colonialism. Cultural contact from 5000 BC to the present. Cambridge, 2004. P. 26–32; see also Callmer J. The archaeology of the early Rus’. P. 8–9.*

¹¹ *Gosden C. Archaeology of Colonialism. P. 26, 39–81.*

Vikings warriors in all coasts of the northern Baltic Sea?

Clear signs of developing communication between the West and the East appeared in Finnish and Estonian material as early as in the fifth to sixth centuries. In the southern coast of the Gulf of Finland, artefacts uncovered in a stone grave at Proosa near the present-day Tallinn are most noteworthy¹². It was a stone grave without formal structure, where cremations of different individuals were totally intermingled. Remarkably abundant Migration Period find material, a number of luxury items, probably imported from Scandinavia, were found there, while the majority of finds, as well as the burial custom, were entirely of local origin¹³. In addition to the Scandinavian artefacts, numerous weapons were uncovered in the same grave, and several belt mounts originating from the Perm area in the basin of the Kama River in present-day Russia indicate that the elite group buried at Proosa had connections both in East and West.

Perm belt decorations were also recorded in an abundantly equipped seventh-century male burial at Eura Pappilanmäki in Finland¹⁴, where they formed a complex together with some other artefacts, including a luxurious sword of the same type as known from Proosa, too. Eastern belt mounts have been recorded in several other finds in Finland, and in some selected places in Estonia. They date mainly to the seventh or early eighth centuries and suggest intensified communication with the Perm areas in the Volga River Basin during the pre-Viking Period.

The time right before the Viking Age, the seventh to eighth centuries, was rich in weapon graves in Finland. Weapons in these consisted of a great number of international types that were also widespread in Middle Sweden, where the Svearike was gradually taking shape. Most scholars have considered the warrior culture in the Merovingian period or early Viking Age Finland as defined through vassalage, where the Svearike played the superior role¹⁵.

¹² *Deemant K.* Neue Funde aus dem Steingräberfeld von Proosa // ENSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria. 1977. T. 26: 1. S. 62–63; *Idem.* Funde der mittleren Eisenzeit aus Proosa // ENSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria. 1978. T. 27: 4. S. 337–338.

¹³ *Selirand J., Deemant K.* Völkerwanderungszeitliche Gegenstände mit ostskandinavischen Ornamenten von Proosa (Nordestland) // Fornvännen. 1985. B. 80. S. 243–253.

¹⁴ *Salmo H.* Merovinkiaikaisen ratsusotilaan hautakalusto Euran pitäjän Pappilanmästä // Suomen Museo. 1941. Vol. XLVII (1940). P. 11–39.

¹⁵ *Schauman-Lönnqvist M.* The Vainionmäki society // Vainionmäki — a Merovingian Period Cemetery in Laitila, Finland / P. Purhonen. Helsinki, 1996. P. 134; *Raninen S.*

The archaeological evidence on Åland was conspicuously Scandinavian. In the middle Iron Age, a great number of the dead were buried cremated and in individual graves, covered with stone heaps. The grave type did not resemble collective stone graves without formal structures, which were widespread in most parts of Finland and Estonia; on the other hand, graves on Åland were similar to burials in Middle Sweden, and the same applied to the majority of finds uncovered in these graves. Many of them were international weapon types and some other items that actually were widespread on the coastal areas of Finland and Estonia as well. A smaller part of the artefacts in these graves belonged to types that characterized Finland or Estonia¹⁶.

In Estonia, much less was known about weapons in the eighth — early tenth centuries, due to the lacking evidence of graves. The situation has started to change during the last years. First, two eighth-century boat graves with Eastern Scandinavian warriors, buried according to mixed Scandinavian and local traditions were uncovered at Salme in Saaremaa¹⁷. Recent finds from an offering place at Viidumäe, at the distance of only 20 km from Salme, indicated that the same “Scandinavian” weapon types as at Salme were used together with local jewellery, and accordingly by locals, as early as in the eighth century¹⁸. It was the beginning of the common warrior culture sphere that characterised Estonian and Finnish coastal areas in the Viking Age,

Big men on the river banks. Some thoughts on the middle Merovingian Period weapon burials in Finland // *Rituals and Relations. Studies on the Society and Material Culture of the Baltic Finns (Suomalaisen Tiedeakademian Toimituksia. Humaniora. 336.)* Saarijärvi, 2005. P. 224–245.

¹⁶ *Kivikoski E.* Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963, especially p. 127–133; *Gustavsson R., Tomtlund J-E., Kennebjörk J., Storå J.* Identities in transition in Viking Age Åland? // *The Viking Age in Åland. Insights into Identity and Remnants of Culture / Ahola J., Frog , Lucenius J. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Humaniora 372).* Helsinki, 2014. P. 159–186.

¹⁷ *Konsa M., Allmäe R., Maldre L., Vassiljev J.* Rescue excavations of a Vendel era boat-grave in Salme, Saaremaa // *Archaeological fieldwork in Estonia, 2008.* Tartu; Tallinn, 2009. P. 53–64; *Peets J., Allmäe R., Maldre L.* Archaeological investigations of Pre-Viking Age burial boat in Salme village at Saaremaa // *Archaeological fieldwork in Estonia, 2010.* Tartu; Tallinn, 2011. P. 29–48; *Peets J., Allmäe R., Maldre L., Saage R., Tomek T., Lõugas L.* Research results of the Salme ship burials in 2011–2012 // *Archaeological fieldwork in Estonia, 2012.* Tartu; Tallinn, 2013. P. 43–60.

¹⁸ *Jets I., Mägi M.* Local shape, foreign decoration. Shared culture values in pre-Viking Period Baltic Rim as indicated in the decoration of triangular-headed pins // *Fornvännen.* 2015 (in press); *Mägi M., Jets I., Riitel R., Allmäe R., Limbo-Simovart J.* Pre-Viking and early Viking Age sacrificial place at Viidumäe, eastern Saaremaa // *Archaeological fieldwork in Estonia 2014.* Tartu; Tallinn, 2015 (in press).

and became particularly obvious in the second half of the tenth century, when artefacts, again, appeared in graves. Tenth or eleventh century grave goods of Saaremaa or Coastal Estonian warriors were hardly possible to distinguish from Gotlandic or Central Swedish ones¹⁹. Not only weapons and other warrior attributes, but also the Nordic Animal Styles were taken over as early as in the eighth century, adapted to the local culture and developed locally (Figure 2)²⁰.

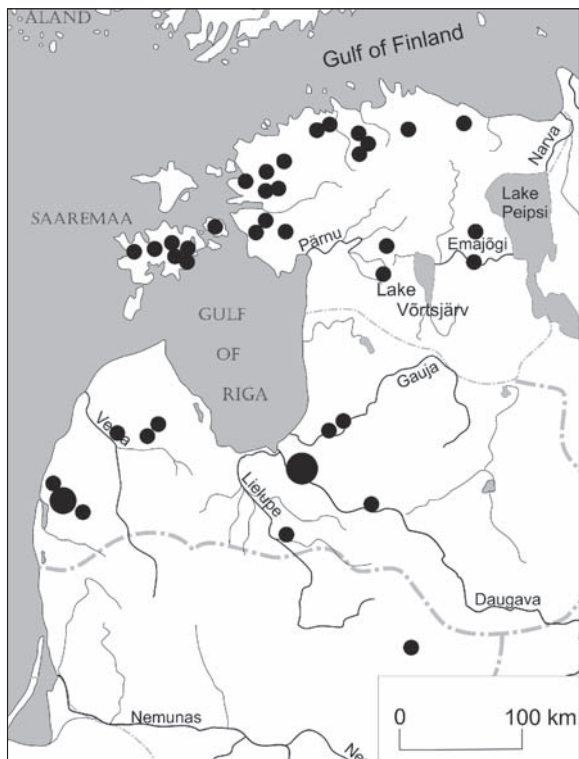

Figure 2. Distribution of ninth-tenth century artefacts decorated in Nordic animal styles in the Eastern Baltic. Weapons and other artefacts decorated with Urnes Style are not shown on the map, since most of them belong to the following period. Mainly based on [Jets 2012].

¹⁹ Examples see e.g. *Mägi M. At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), 9th–13th centuries AD* (CCC papers. 6). Tallinn, 2002.

²⁰ *Jets I. Lahingu maod. Skandinaavia 9.–11. sajandi sajandi kunstistiilid Eesti arheoloogilistel leidudel*. Tallinn, 2013.

The archaeologically evident unity of Viking Age warrior culture, which embraced all coastal areas around the northern half of the Baltic Sea, could hardly have developed without some kind of lingua franca. The generally Scandinavian artefact culture that expressed the cultural unity suggests that it might have been some Eastern Scandinavian dialect, or perhaps a sort of pidgin Scandinavian supplemented with Balto-Finnic. Bilingualism in certain social spheres, notably in the military sphere, was probably commonplace in the areas around the Gulf of Finland.

Although the system of shared culture values is mainly based on the adaptation of material culture and styles, it may also have included the movement of some particular groups, e. g. warriors or merchants²¹. Similarly, the possibility that some Scandinavians from present-day Sweden migrated to the Eastern Baltic areas or vice versa is a probability, even without forming clear colonies or clusters of foreign settlement.

Coastal and inland peoples in Estonia

The culture sphere shared with Eastern Scandinavia, as it was described above, was, however, true mainly for the part of Estonia that is called Coastal Estonia. Throughout prehistory, Estonia can be divided into two big cultural regions, separated from each other by a broad zone of forests and infertile lands that is running diagonally from the central northern coasts to the south-western corner of the present-day country. Virumaa, the north-eastern region of Estonia, is sometimes counted as Coastal Estonia²², sometimes as a transitional area²³. It is topographically mainly united with the areas of Inland Estonia, while its access to the sea has caused several cultural similarities with the other coastal regions of the country, too. As such, Virumaa includes culture traditions from both major regions of the present-day Estonia.

Coastal and Inland Estonia were characterised by different burial customs and artefact types as early as in the Bronze Age. The same differentiation continued up to historical times; it was, in addition to the archaeological evidence, traceable in ethnographic, linguistic

²¹ *Gosden C.* Archaeology of Colonialism. P. 53–71.

²² *Tvaari A.* The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia (Estonian Archaeology. 4). Tartu, 2012. P. 321–325.

²³ *Mägi M.* Mortuary houses in Iron Age Estonia // Estonian Journal of Archaeology. 2005. Vol. 9: 2, footnote 2.

and even bio-anthropological material. These were assumably predominantly the different substantial conditions and cultural interaction that patterned the various cultures in these regions. Linguistic variability might have only reinforced that inhabitants in the two regions probably perceived each other as clearly different, and were presumably treated as such by foreigners as well.

Scandinavian influences that characterised Coastal Estonia were considerably less visible in Inland Estonia. Since the shortage of grave goods up to the late tenth century characterised both of these areas, ninth- and tenth-century ceramics found at hill-forts and settlements can be pointed out as an example of the cultural differences. Some of the highest quality tableware produced inside the common culture sphere of the northern coasts of the Baltic Sea was the so-called Balto-Finnic pottery: small and thin-walled, often carinated bowls, frequently decorated with lines, zigzag or some other modest patterns. This pottery²⁴ dominated in West- and North-Estonia, on the island of Saaremaa and in South-West Finland. Outside these areas, quite numerous finds of this ceramics are known from the Mälars area, particularly Birka, but also from Åland, as well as from Couronia and the lower reaches of the Daugava River in Latvia, and from the present-day North-West Russia, e. g. from the Rurikovo Gorodishche, Staraja Ladoga, and the southern coast of the Ladoga Lake²⁵. The distribution of such ceramics thus coincided with the area of shared cultural values in martial sphere, as it was pointed out before, and probably indicated intensive contacts between these regions. B. Ambrosiani and M. Bäck have assumed that ceramics in East Scandinavia, North-West Russia and the Eastern Baltic (coastal areas?) is frequently not possible to distinguish from each other and was probably a widespread phenomenon, although it frequently is labelled as Scandinavian pottery when found in towns of North-Eastern Russia²⁶.

²⁴ In Estonia it is called Iru pottery, but in Scandinavian countries it is often simply called Finnish ceramics.

²⁵ *Kivikoski E.* Kvarnbacken. Pls. 12: 8, 19: 1, 39: 9–10; *Cimernane I.* Spodrinātā keramika Latvijā // *Arheoloģija un etnogrāfija*. 1974. T. XI. L. 99–110; *Lang V.* Muistne Rävåla. Muistised, kronoloogia ja maaviiljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. 1–2 (Muinasaja teadus. 4). Tallinn, 1996. L. 73–93; *Tvauri A.* The Migration Period. P. 70–76; *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari I. The Graves (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 82:1). Helsinki, 1982. P. 76–84; *Ambrosiani B., Bäck M.* ‘Our man in Pskov’.

²⁶ *Ambrosiani B., Bäck M.* ‘Our man in Pskov’.

Inland Estonian Viking Age ceramics²⁷ was also widespread in Izborsk and Pskov, as well as in the district of Pskov²⁸, where it obviously reflected another common culture sphere²⁹. Although some common traits with the coastal pottery described above can be followed, it indicated another cultural tradition. These were regions that had close mutual contacts and resembled each other. Scandinavian influences were in this region concentrated in certain areas, e. g. Pskov³⁰, where they can be categorised as “middle ground” colonies.

Who were the *Chud'* people?

The legend of Varangian brothers becoming the leaders of the Russian state describes events in the ninth century, that is, in the period when the coastal regions in the northern Baltic were characterised by the shared culture in the martial sphere. However, chronicles describing the beginning of the Rus' state were written down in the early twelfth century³¹ and patterned by the realities and attitudes of this time (Figure 3).

The “Povest' Vremennykh Let” announced that in the year 859 the Varangians “from beyond the sea” took tribute from the Chud', the Slovens, the Merians, and the Krivichians³². The first of these ethnonyms — Chud' — is usually believed to have embraced the Balto-Finnic-speaking inhabitants in present-day Estonia, but perhaps also in the present-day North-West Russia³³. After having driven the Scandinavians out soon after that — which, as we could see from other sources, happened quite often in the unstable political

²⁷ Called Rõuge-type pottery in Estonia.

²⁸ *Tvauri A.* The Migration Period. P. 76–78.

²⁹ See also *Ambrosiani B., Bäck M.* ‘Our man in Pskov’.

³⁰ *Beletzki S.* Viikingiaegne Pihkva // *Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani* / Valk H., Selart A., Lillak A. Tartu, 2009. L. 406–412.

³¹ *Melnikova E.* The Baltic policy of Jaroslav the Wise // *Cultural Interaction Between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe* / U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk (Stockholm Studies in Archaeology. 44). Stockholm, 2007. P. 73–77, and references.

³² ПВЛ. С. 12, s. a. 859 (6367).

³³ *Аеева P.A.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 86–115; *Melnikova Elena A., Petrukhin Vladimir J.* The origin and evolution of the name Rus'. The Scandinavians in Eastern-European ethno-political processes before the eleventh century // *Tor*. 1991. Vol. 23. P. 203–234.

Figure 3. Place names and most important Viking Age centres around the northern half of the Baltic Sea.

circumstances of the Viking Age — they had to ask them back soon afterwards, according to the chronicler, in order to stop fighting between themselves. Whatever the real situation was, some Swedish supremacy was thereupon established in the territory of the later state of Novgorod.

The subsequent notification in the chronicles, that two years later Rurik of Novgorod had taken over the estates of his brothers, and become ruler of the whole Rus' state, probably indicates the gradual concentration of power in one centre — Gorodishche³⁴. The list of

³⁴ Novgorod mentioned in the chronicle must actually have been Rurikovo Gorodishche, since Novgorod did not exist before the late tenth century (Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (Новые материалы и исследования). СПб., 2005. С. 31–32).

ethnicities and their centres that followed is also of special interest — here were mentioned all the same ethnic groups as before, except the Chud'. Neither was Izborsk, their probable “centre”, named³⁵. The Chud' were accordingly in the ninth-century context not among those who paid tribute to the Varangians. The Chud', however, appeared in numerous places later in the chronicle.

The ethnonym Chud' is generally believed to be linked with early Slavic *tjudjo* (“alien”) and Germanic *piuða* — *peudo* (“people”). Thiudi were listed among northern peoples by the sixth-century writer Jordanes³⁶. In the parts of Russian chronicles depicting the time up to the late tenth century, Chud' seem to occupy a special place, often creating a kind of parallelism with Rus'. Already in the cosmographic introduction of the “Russian Primary Chronicle”, Rus' and Chud' were listed together, in apparent distinction from other ethnicities mentioned.

In the share of Japheth lies Rus', Chud', and all the gentiles: Merya, Muroma, Ves', Mordva, Chud' beyond the portages, Perm', Pechera, Yam' (Finns. — M.M.), Ugra, Litva, Zimegola (Semigallians. — M.M.), Kors' (Couronians. — M.M.), Let'gola (Latgallians. — M.M.), and Liv'. The Lyakhs (Poles. — M.M.), the Prussians, and Chud' border on the Varangian Sea (the Baltic Sea. — M.M.)³⁷.

E. Melnikova and V. Petrukhin believe that the list of ethnicities, seen through the eyes of an early-twelfth-century writer, probably indicated a memory of some inner connection between Rus' and Chud', the difference between these two and the rest of the “peoples”³⁸. The Chud' “border on the Varangian Sea” together with Prussians and Poles; however, the Couronians, Finns and Livs listed together with the other, inland people, actually inhabited coastal areas as well.

In connection with the problem of the Chud' it has been suggested that the term Rus' when first used might have embraced not only “proper” Scandinavians but also the very Scandinavianised, perhaps mixed population in North-Estonia³⁹. The overview of archaeologically detectable shared culture in military sphere, as it characterised not

³⁵ ПВЛ. С. 12, s. a. 859 (6367).

³⁶ Агеева Р.А. Страны и народы. С. 93.

³⁷ ПВЛ. С. 7–8; Russian Primary Chronicle / Trans. S.H. Cross and O.P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Mass., 1953. P. 52.

³⁸ Melnikova Elena A., Petrukhin Vladimir J. The origin and evolution of the name Rus'.

³⁹ Ibidem, and references.

only North-Estonia, but also some other coastal areas around the northern half of the Baltic Sea, seems to support this suggestion. Since the coastal culture was different, it is also possible that the ethnonym Chud' was used only or predominantly for the part of Estonia that might have belonged to the earliest *Garðaríki* — the people living in the inland districts and in Virumaa. The problematic of the appearance of this ethnonym is thus intermingled with the discussion around the earliest meaning of Rus'.

Garðaríki and Rus' in their initial stages

Rus', as it appears in several Viking Age narratives seems to be very closely connected with maritime culture and activities, or simply is described in connections which in the Viking Age context suited better to some Eastern Baltic coastal areas than to Old Rus' like it existed after the turn of the first millennium. Outlet from the eleventh-twelfth-century Kiev-Rus' states to the Baltic Sea was quite complicated, and actually only possible along rivers that, on the other hand, were very difficult to navigate with sea-going vessels, demanding frequent re-loading and sliding, if not the change of ship type. It is important to keep in mind that the south-eastern coast of the Gulf of Finland between present-day Estonia and the Karelian Isthmus was, and still is, a big wetland area that in the Viking Age more or less lacked population. Therefore, outlet to the sea from Novgorod was mainly through the water route along the Lake Ladoga and the River Neva, while Staraja Ladoga was probably the furthest place to sail directly with sea-faring ships. It was not much easier to reach Pskov through the rivers and lakes between present Estonia and Russia. More than hundred impassable rapids stopped the direct way to Polotsk along the River Daugava. Especially plundering raids to what is Russia in its later meaning must have been very difficult to carry on in these conditions, although Scandinavian sources comparatively often mention such Viking-style ravaging expeditions to Rus'.

The twelfth century writers of sagas and chronicles, in what Viking Age narratives are re-cited, probably simply translated the old Scandinavian name *Garðaríki* as Rus', according to the lines how this place-name was used in their time. The old names *Garðar* and *Garðaríki*, meaning approximately “the fortifications/towns” and “the kingdom of fortifications/towns”, need not necessarily

refer only to the region of Rurikovo Gorodishche near Novgorod. It also expresses perfectly the Viking Age reality — sailing from Scandinavia, where such early fortifications were rare, the most striking peculiarity on the eastern coast of the Baltic Sea was the abundance of fortifications, and especially the phenomenon that trade-related settlements in most cases were adjacent with hill-forts. In the beginning of the Viking Age these hill-forts were generally not particularly strongly fortified, in most cases more like manors or small “towns” on top of some hill, surrounded by a wooden fence. Scandinavian *garðr* was probably the best term describing them. As for sagas that probably reflect some stories before the end of the tenth century, e. g. the mythological sagas, activities in *Garðaríki* or, for instance, in Bjarmaland, quite often took place around, or were somehow connected with, strongholds.

Viking Age *Garðaríki* did probably not cover directly the area of eleventh-twelfth-century Russia, but perhaps also some coastal districts in present-day Baltic States. It can especially be true for these regions that paid taxes to the Novgorodian Princes or princes residing in the Rurikovo Gorodishche, first of all the North Estonian coast and eastern Inland Estonia⁴⁰, but also some districts along the River Daugava. It is also likely that in early Viking Age circumstances the name *Garðaríki* was defined not purely politically, but just indicated the area in the east, thus overlapping with other place-names used.

A good example of how *Garðaríki* appeared in earlier Scandinavian sources as an area associated with maritime culture is given by Snorri Sturluson in “*Óláfs saga Tryggvasonar*” (ch. 90), who has mediated us a story of Jarl Eiríkr’s ravaging raids in the East.

Jarl Eiríkr sailed in the autumn back to *Svíþjóð* and stayed there a second winter. And in the spring the jarl fitted out his army and after that sailed to the eastern Baltic (*í Austrveg*). And when he came into the realm of King *Valdamarr*, he began to make raids and kill the people and burn everything wherever he went, and laid waste the land. He got to *Aldeigjuborg* and besieged it until he took the place, killing many people there, and destroyed and burned all the fortifications, and after that he travelled widely making raids over *Garðaríki*. So it says in *Bandadrápa*... Jarl Eiríkr spent altogether five summers on this raiding expedition. And when he left *Garðaríki* he went making raids over all *Aðalsýsla* and

⁴⁰ See also *Ibidem*.

Eysýsla, and there he took four viking warships from Danes and slew everyone on them. So it says in *Bandadrápa*...⁴¹.

One can presume that the areas plundered by the Scandinavian Vikings did not situate very far from coasts, in a zone where they could reach with their own ships. It is therefore likely that the Jarl actually plundered, perhaps in addition to the south-eastern coasts of the Ladoga Lake, and the western coasts of the Peipus Lake, densely populated areas of present North or North-East Estonian coast. Indirectly it is also supported subsequently in the narrative, where Jarl Eiríkr, after having been finished with Garðaríki, ravaged all Aðalsýsla and Eysýsla, that is, probably West-Estonia and Saaremaa⁴².

That some part of Estonia was subject to taxation by the Princedom of Novgorod in the 990s, is obvious from “Óláfs saga Tryggvasonar” (ch. 7), where Óláfr’s uncle came into Eistland to collect taxes and rents, met there the young enslaved Óláfr and bought him free⁴². In which part of the country it was, unfortunately remained unspecified, but the market where he arrived was plausibly situated somewhere in the coast, perhaps Virumaa, or in some other easily accessible place, for instance in Tartu.

The aforementioned written sources accordingly referred to parts of present-day Estonia, as well as perhaps some other areas in the Eastern Baltic, paying taxes to the leaders of the northern Russian princedoms in the second half of the tenth century, thus in the time when these leaders were predominantly still of Scandinavian origin. Also the ones in charge of exacting the taxes at places seem to have been Scandinavians. These tributary areas might have covered mainly Estonian coastal regions, both the coast in Virumaa and the bank of the big Peipus Lake in the eastern part of the country.

Western and insular areas of Estonia stayed in the common culture and perhaps political sphere with Svearíke in Eastern Scandinavia. In “Óláfs saga Helga” (ch. 80) the Swedish king Olaf Skötkonung (Óláfr

⁴¹ *Snorri Sturluson*. *Heimskringla*. Vol. I: The Beginnings to Óláfr Tryggvason / Trans. by A. Finlay and A. Faulkes. L., 2011. P. 212; cf. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012. С. 164–165, 169; 223–224.

⁴² *Snorri Sturluson*. *Heimskringla*. Vol. I. P. 140; cp. *A History of Norway and The Passion and Miracles of the Blessed Óláfr* / Trans. by D. Kunin, ed. by C. Phelpstead. L., 2001. P. 19; cf. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги. С. 126, 127; 133, 140; 149, 153; 161, 165; 172, 180; 548, 550; 196–198.

Sviakonungr) was accused in an assembly (þing) at Uppsala in early eleventh century as having lost control over ancient Swedish “tributary lands”, among the others Eistland⁴³. Adam of Bremen considered in the late eleventh century the islands of Courland (Churland) and Estland (Aestland) as “subject to the authority of the Swedes”⁴⁴. In addition, a source from the first half of the twelfth century, known as “the Florence document”, named Findia (Finland) and Hestia (Estonia) among the “islands”, that is, provinces of Sweden⁴⁵.

Changing attitudes towards the *Chud*'

The major trade route from Scandinavia to the Volga River lost its international importance around 1000 AD. The inflow of new dirhams stopped in most Scandinavian areas around 960, although in the eastern coast of the Baltic Sea some of Kufic coins still arrived in the early eleventh century⁴⁶. Around the year 975, the trade centre at Birka ceased to function. A number of other trading places were also abandoned or lost their international importance around the same time — e. g. Staraja Ladoga, Hedeby, Truso and Wolin. In Estonia, several Viking Age complexes consisting of a hill-fort and an adjacent settlement, fell out of use around 1000 AD, too, which possibly indicates that they were connected with the trade along the Eastern Way as well⁴⁷.

The Scandinavian impact in the territory of the present-day Russia was most intensive in the tenth century, that is, in the time when the Austrvegr (the Eastern Way) towards the Volga River was in its heyday as well. The route was in use earlier and after this century, but the most extensive trade along it took undoubtedly place in the tenth century. The Scandinavian colonies in Russia lasted until the turn of the tenth and eleventh century. Starting from around 1000 AD the archaeological

⁴³ *Snorri Sturluson*. Heimskringla. Vol. II: Óláfr Haraldsson (the Saint) / Trans. by A. Finlay and A. Faulkes. L., 2014. P. 73–75; cf. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги. С. 264–265, 275; 331–332.

⁴⁴ *Adam of Bremen*. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen / Trans. with an introduction and notes by F.J. Tschan. N.Y., 1959. P. 197–198 (Book IV, 16, 17).

⁴⁵ *Blomkvist N.* East Baltic Vikings — with particular consideration to the Couronians // *Praeities Puslapiai: archeologija, kultūra, visuomenė.* Klaipėdos universiteto Baltijos regiono istorijos ir archeologijos institutas. Klaipėda, 2005. P. 71–93.

⁴⁶ *Leimus I.* Millenniumi murrang. North goes West // *Tuna*. 2007. Vol. 1. P. 27–53, and references.

⁴⁷ *Mägi M.* Rafala. Idateest ja Tallinna agusest. Tallinn, 2015. L. 20–30.

evidence demonstrated much less Nordic influences, compared with the previous century, although the Scandinavians in Kiev-Rus' still were mentioned in written documents⁴⁸. Most people with Scandinavian origin probably Slavonized in course of this century, and the number of newcomers from Nordic countries was too small for leaving clear archaeological traces⁴⁹.

It is hardly a coincidence that the status of the Chud' in the Rus' state also seems to have changed abruptly in the last decades of the tenth century, during the rule of Vladimir Svjatoslavich (987–1015), or Konungr Valdamarr, as he appears in Scandinavian sources⁵⁰. In addition to having been present in the foundation of Rus', Chud' participated in the military campaigns arranged by the Russian Princes until the 980s. In 980 they helped the then-current Novgorodian Prince Vladimir to subjugate Polotsk⁵¹. After that, they were probably helping Vladimir to gain power over the whole of Kiev-Rus', at least “the best men” of the Chud', together with the Slavs, were the ones who manned the newly-founded towns after Vladimir's campaign to the South⁵².

The first attacks by the Russian Princes on the territory of present-day Estonia, according to the “Povest' Vremennykh Let”, were undertaken not earlier than in the 1030s⁵³. The first raid was followed by several other against the eastern part of Estonia, mainly during the first half of the eleventh century. The Estonian historian H. Ligi has suggested the Conversion of Prince Vladimir in 988 as the main reason, accordingly considering the campaigns as a sort of crusade against the still pagan Chud'⁵⁴. In addition to this, the change in the

⁴⁸ Е. г. Рыбина Е.А., Хвоцинская Н.В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб., 2010. С. 66–78.

⁴⁹ Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011. С. 257–268.

⁵⁰ Ligi H. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tallinn, 1968. L. 38–46; Агеева Р.А. Страны и народы. С. 89.

⁵¹ Ligi H. Talupoegade koormised Eestis. L. 40 and references.

⁵² ПВЛ. С. 54, s. a. 988 (6496).

⁵³ Still, according to Vasilij Tatishchev, Prince Vladimir Svjatoslavich the Holy arranged a campaign against the Chud' in 997 (*Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 // *Татищев В.Н.* Собрание сочинений в 8-ми томах. М., 1995. Т. 2–3. С. 67: “Владимир, не уповая от печенег нападения, умыслил идти на чудь и оных покорить”). However, the accuracy of Tatishchev's data is questioned by many scholars.

⁵⁴ Ligi H. Talupoegade koormised Eestis. L. 38–46.

relationship with the Chud' coincides remarkably with the generally diminishing Scandinavian impact in Rus'. The beginning of the eleventh century is the time when the political system in Old Rus' was already firmly established and the now Christian elite of the princedoms was Slavonized.

The change in Scandinavian-Russian relations during the reign of Vladimir Svjatoslavich has also been pointed out by Russian historians. Before the eleventh century the connections between these areas were arbitrary, and Scandinavians appeared as an entity, without differentiating by their country of origin. From the last decade of the tenth century until late 1010s Scandinavians did not figure in Russian chronicles (which were altogether very laconic in the period between 998 and 1013), and this was generally also the time when their influence in archaeological evidence ceased. The next and last intense period of Scandinavian relationships appeared during the reign of Jaroslav the Wise (1016–1018, 1019–1054), but then the character of the relations had already changed: from now on they could be described as political connections between consolidated states⁵⁵.

Chud' in the eleventh century

Attacks from the East against the areas in present-day Estonia differed in certain extent from those described in Scandinavian sources. First of all, the Russian princes assaulted mainly inland areas, not the coasts which were preferred by Scandinavians. The campaigns were frequently carried out in winter-time, when it was easier to move over frozen wetlands and along frozen rivers. In 1030 the Novgorodian and Kievan Prince Jaroslav attacked Tartu⁵⁶, the most important nodal point on the River Emajõgi-route in eastern Estonia, and made it his own tax collection centre for the following three decades⁵⁷. The next larger-scale campaign was led by his son Izjaslav in the late 1050s, again to eastern Estonia⁵⁸.

The attempts of Russian princedoms to conquer the area of the present-day Estonia intensified in the middle of the eleventh

⁵⁵ *Melnikova E.* The Baltic policy of Jaroslav the Wise.

⁵⁶ ПБЛ. С. 65, с. а. 6538 (1030).

⁵⁷ Cf. *Tvauri A.* Muinas-Tartu (Muinasaja teadus. 10). Tartu; Tallinn, 2001. L. 218–219.

⁵⁸ Cf. *Ligi H.* Talupoegade koormised Eestis. L. 42–43 and references.

century. Izjaslav, the new Prince of Kiev and Novgorod, undertook two campaigns to Estonia, the first of them unsuccessful for the Novgorodians, but the next one apparently victorious. In 1060, the same Prince attacked the Sossols (Sosoly) and forced them to pay 2000 grivnas per year as tribute. The Sossols are generally believed to have been inhabitants of some Estonian district, which, taking into account the amount of the tribute, must have been a big and wealthy one. They must have been military powerful as well, since already in 1061 the Sossols counterattacked, burnt down the centre of Russian princes in eastern Estonia — the hill-fort and settlement at Tartu, — laid waste the lands around it and attacked thereafter Pskov⁵⁹. United forces of Pskov and Novgorod could however avoid the Sossols to burn down Pskov as well⁶⁰.

Several historians believe that Sossols was a Russian name for the Osilians, derived from the Scandinavian Sýsla⁶¹. However, this term embraced not only the inhabitants of Saaremaa (Eysýsla), but also the inhabitants of Harjumaa and Rävåla, that is, the western or north-western coastal Estonians (Aðalsýsla)⁶². That the Sossols apparently inhabited quite large area, presumably with a maritime culture, seems to be indicated not only by the size of the tribute or their military success, but also by the seasons of the expeditions. Izjaslav attacked in winter, as it would be expected. The Sossols, on the contrary, counterattacked in spring, which suggests that they used ships. In any case, the mentioning of the Sossols seems to support the theory that not all inhabitants in the present-day Estonia were called Chud' in the Russian chronicles.

The rest of the eleventh century was characterized by internal fights between the Princedoms of Polotsk and Novgorod-Kiev. No more campaigns against the Eastern Baltic areas are known, at least according to the chronicles.

⁵⁹ The Pskov 3rd Chronicle / Ed., transl. and annotated by D. Savignac. Crofton, 2015. Available at URL: <<https://sites.google.com/site/pskovrelease3/home/Translation>> (visited on 11.09.2015), s. a. 1060 (6568 AM); HPLJ. C. 183.

⁶⁰ *Bonnell E.* Russisch-Liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862. S. 5; *Ligi H.* Talupoegade koormised Eestis. L. 42–43; *Tvauri A.* Muinas-Tartu. L. 226–227.

⁶¹ E. g. *Ligi H.* Talupoegade koormised Eestis. L. 42–43.

⁶² See also *Tvauri A.* Muinas-Tartu. L. 227–229.

Conclusions

The early network of eastern trade, mainly for obtaining fur but also other commodities, was based on relationships between local Balto-Finnic and Finno-Ugrian groups, which had the advantage of language similarity. It may have been a system built on barter between neighbours, forming a network that could reach far towards the East. Trading places, connected with these networks, appeared in the densely populated North-Estonian coast, most of them supported by hill-forts. Some of them, at least, were residences of the local elite, and thus also functioned as political centres.

In Estonia, a political change may be assumed by the turn of the tenth and the eleventh centuries. The Chud' had previously acted, according to the Russian chronicles, as close allies to the Scandinavian Kiev-Rus' princes up to the 980s. There are indications that they, or part of them, also paid taxes to the prince residing in Staraja Ladoga or Rurikovo Gorodishche, and thus probably formed a part of the early political structures of Garðaríki. It was the same time as Vikings from Scandinavia, or perhaps from other areas around the northern part of the Baltic Sea, still dominated in the area. Relations between the Princedom of Novgorod and the Chud' became aggravated in the following decades, when the Chud' also seem to have stopped to pay taxes.

Starting from around 1000 AD, the Chud' in present-day Estonia seem to have turned hostile against Novgorod, which brought along plundering raids from the East⁶³. Since that time, Garðaríki clearly embraced only the areas of present-day Russia, where the power was consolidating in Kiev-Rus' princedoms. The phenomenon coincides with the Conversion of Prince Vladimir in 988, and with the sudden decrease of Scandinavian influence in Kiev-Rus' starting from the beginning of the eleventh century. In the same time took place quick Slavonization of the Kiev-Rus' elite, that now also encompassed the North-West Russia. Whatever the "Russian Primary Chronicle" stated, the princes from Kiev seem to have taken over the Novgorod area, and not the other way round. All these alterations caused that Chud', at least those Chud' who lived in the territory of present-day Estonia, now appeared in Russian chronicles as enemies.

⁶³ Ibidem. L. 38–46; *Агеева П.А.* Страны и народы. С. 89.

Acknowledgements

The research was supported by Estonian Science Foundation (ETF 9027), and by institutional research funding IUT of the Estonian Ministry of Education and Research (IUT18-8).

PRIMARY SOURCES AND SECONDARY WORKS

- Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). Спб., 2005.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. Спб., 1996.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; 2-е репр. изд. ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.
- Рыбина Е.А., Хвоцинская Н.В.* Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. Спб., 2010. С. 66–78.
- A History of Norway and The Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Trans. by D. Kunin, ed. by C. Phelpstead. L., 2001. P. 1–25.
- Adam of Bremen.* History of the Archbishops of Hamburg-Bremen / Trans. with an introduction and notes by F.J. Tschan. N.Y., 1959.
- Ambrosiani B., Bäck M.* ‘Our man in Pskov’ — Birka’s Baltic connection in the ninth and tenth centuries // Cultural Interaction Between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe / U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androschuk (Stockholm Studies in Archaeology 44.) Stockholm, 2007. P. 180–184.
- Apals J., Atgāzis M., Daiga J., Deņisova R., Graudonis J., Loze I., Mugurēvičs Ē., Stubavs Ā., Šnore E., Zagorskis F. & Zariņa A.* Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974.
- Apals J., Mugurēvičs Ē.* Vēlais dzelzs laikmets (agrie viduslaiki) // Latvijas senākā vēsture 9. g. t. pr. Kr. — 1200. g. / Ē. Mugurēvičs, A. Vasks. Rīga, 2001. L. 290–377.

- Arbman H.* Svear i österviking. Stockholm, 1955.
- Arne T.I.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Beletzki S.* Viikingiaegne Pihkva // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Valk H., Selart A., Lillak A. Tartu, 2009. L. 406–412.
- Blomkvist N.* East Baltic Vikings — with particular consideration to the Couronians // Praeities Puslapi: archeologija, kultūra, visuomenė. Klaipėdos universiteto Baltijos regiono istorijos ir archeologijos institutas. Klaipėda, 2005. P. 71–93.
- Bonnell E. Russisch-Liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.
- Callmer J. The archaeology of the early Rus' c. A. D. 500–900 // Medieval Scandinavia. 2000. Vol. 13. P. 7–63.
- Cimermāne I. Spodrinātā keramika Latvijā // Arheoloģija un etnogrāfija. 1974. T. XI. L. 99–110.
- Deemant K. Funde der mittleren Eisenzeit aus Proosa // ENSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria. 1978. T. 27: 4. L. 337–338.
- Deemant K. Neue Funde aus dem Steingräberfeld von Proosa // ENSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria. 1977. T. 26: 1. L. 62–63.
- Gosden C. Archaeology of Colonialism. Cultural contact from 5000 BC to the present. Cambridge, 2004.
- Gustavsson R., Tomtlund J-E., Kennebjörk J., Storå J. Identities in transition in Viking Age Åland? // The Viking Age in Åland. Insights into Identity and Remnants of Culture / Ahola J., Frog , Lucenius J. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Humaniora 372). Helsinki, 2014. P. 159–186.
- Jansson I. Östersjöländerna och vikingatiden // Att förstå det mänskliga. Humanistisk forskning vid Stockholms universitet / K. Dahlbäck. Stockholm, 2000. S. 109–137.
- Jets I. Lahingu maod. Skandinaavia 9.–11. sajandi sajandi kunstistiilid Eesti arheoloogilistel leidudel. Tallinn, 2013.
- Jets I., Mägi M. Local shape, foreign decoration. Shared culture values in pre-Viking Period Baltic Rim as indicated in the decoration of triangular-headed pins // Fornvännen. 2015. B. 4. S. 257–266.
- Kivikoski E. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963.
- Klejn L.S. Overcoming national romanticism in archaeology // Fennoscandia Archaeologica. 1994. T. XI. L. 87–88.
- Konsa M., Allmäe R., Maldre L., Vassiljev J. Rescue excavations of a Vendel era boat-grave in Salme, Saaremaa // Archaeological fieldwork in Estonia, 2008. Tartu; Tallinn, 2009. P. 53–64.
- Lang V. Muistne Rävåla. Muistised, kronoloogia ja maaviiljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. 1–2 (Muinasaja teadus. 4). Tallinn, 1996.

- Lebedev G. Slavs and Finns in Northwest Russia revisited // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. Vol. XI. P. 89–95.
- Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari I. The Graves (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 82:1). Helsinki, 1982.
- Leimus I. Millenniumi murrang. North goes West // *Tuna*. 2007. Vol. 1. P. 27–53.
- Ligi H. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tallinn, 1968.
- Ligi P. “Active Slavs” and “passive Finns”: a reply // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. Vol. XI. P. 104–112.
- Ligi P. National romanticism in archaeology: the paradigm of Slavonic colonization in North-West Russia // *Fennoscandia Archaeologica*. 1993. Vol. X. P. 31–39.
- Mägi M. At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), ninth–13th centuries AD (CCC papers. 6). Tallinn, 2002.
- Mägi M. Late prehistoric societies and burials in the Eastern Baltic // *Archaeologia Baltica*. 2013. Vol. 19. P. 177–194.
- Mägi M. Mortuary houses in Iron Age Estonia // *Estonian Journal of Archaeology*. 2005. Vol. 9: 2. P. 93–131.
- Mägi M. Rafala. Idateest ja Tallinna algusest. Tallinn, 2015.
- Mägi M. Viking Age and early mediaeval Eastern Baltic between the West and the East // *Taxes, tributes and tributary lands in the making of the Scandinavian kingdoms in the Middle Ages / S. Imsen (“Norgesveldet“, Occasional papers. No. 2). Trondheim, 2011. P. 189–233.*
- Mägi M., Jets I., Riitel R., Allmäe R., Limbo-Simovart J. Pre-Viking and early Viking Age sacrificial place at Viidumäe, eastern Saaremaa // *Archaeological fieldwork in Estonia, 2014. Tartu; Tallinn, 2015 (in press).*
- Melnikova E. The Baltic policy of Jaroslav the Wise // *Cultural Interaction Between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe / U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk (Stockholm Studies in Archaeology. 44). Stockholm, 2007. P. 73–77.*
- Melnikova E. A., Petrukhin V. J. The origin and evolution of the name Rus’. The Scandinavians in Eastern-European ethno-political processes before the eleventh century // *Tor*. 1991. Vol. 23. P. 203–234.
- Panchenko A., Petrov N., Selin A. “Language replacement” by Priit Ligi // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. Vol. XI. P. 96–99.
- Peets J., Allmäe R., Maldre L. Archaeological investigations of Pre-Viking Age burial boat in Salme village at Saaremaa // *Archaeological fieldwork in Estonia, 2010. Tartu; Tallinn, 2011. P. 29–48.*
- Peets J., Allmäe R., Maldre L., Saage R., Tomek T., Lõugas L. Research results of the Salme ship burials in 2011–2012 // *Archaeological fieldwork in Estonia, 2012. Tartu; Tallinn, 2013. P. 43–60.*

- Raninen S. Big men on the river banks. Some thoughts on the middle Merovingian Period weapon burials in Finland // Rituals and Relations. Studies on the Society and Material Culture of the Baltic Finns (Suomalaisen Tiedekademan Toimituksia. Humaniora. 336.) Saarijärvi, 2005. P. 224–245.
- Russian Primary Chronicle / Trans. S.H. Cross and O.P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Mass., 1953.
- Salmo H. Merovinkiaikaisen ratsusotilaan hautakalusto Euran pitäjän Pappilanmästä // Suomen Museo. 1941. Vol. XLVII (1940). P. 11–39.
- Schauman-Lönnqvist M. The Vainionmäki society // Vainionmäki — a Merovingian Period Cemetery in Laitila, Finland / P. Purhonen. Helsinki, 1996. P. 131–135.
- Selirand J., Deemant K. Völkerwanderungszeitliche Gegenstände mit ostskandinavischen Ornamenten von Proosa (Nordestland) // Fornvännen. 1985. B. 80. S. 243–253.
- Sindbæk S. Ruter og rutinisering. Vikingetidens fjernhandel i Nordeuropa. København, 2005.
- Snorri Sturluson. Heimskringla. Vol. I: The Beginnings to Óláfr Tryggvason / Trans. by A. Finlay and A. Faulkes. L., 2011.
- Snorri Sturluson. Heimskringla. Vol. II: Óláfr Haraldsson (the Saint) / Trans. by A. Finlay and A. Faulkes. L., 2014.
- The Pskov 3rd Chronicle / Ed., transl. and annotated by D. Savignac. Crofton, 2015. Available at URL: <<https://sites.google.com/site/pskovrelease3/home/Translation>>.
- Trigger B.G. Ethnicity: an appropriate concept for archaeology? // Fennoscandia archaeologica. 1994. Vol. XI. P. 100–103.
- Tvauri A. Muinas-Tartu (Muinasaja teadus. 10). Tartu; Tallinn, 2001.
- Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia (Estonian Archaeology. 4). Tartu, 2012.
- Tõnisson E., Mäesalu A., Valk H. Eesti muinaslinnad (Muinasaja teadus. T. 20). Tartu; Tallinn, 2008.
- Zabiela G. Lietuvos piliakalniai: tyrinėjimų aspektas // Lietuvos Archeologija. 2003. T. 24. L. 33–56.

Мари́ка Мяги

НАЧАЛО РУСИ И ВОПРОС О РОЛИ ПРИБАЛТИЙСКИХ ФИННОВ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: Статья посвящена роли народа чудь в разносторонних процессах, сопутствовавших образованию средневекового государства Киевская Русь, какими они предстают на основе последних археологических находок и толкований, а также на основе древних письменных источников.

Результаты археологических раскопок на территории современной Эстонии свидетельствуют о существовании двух культурных регионов; иногда их называют «прибрежная Эстония» и «центральная Эстония». Северо-восточное побережье страны (район Вирумаа) был, так сказать, переходной областью, но, кажется, в культурном плане она больше тяготела к центральным территориям. Судя по археологическим данным, прибрежная и центральная Эстонии отличались друг от друга, но также имелись лингвистические и антропологические отличия, и, вероятно, в эпоху викингов они считались районами, населенными разными этническими группами.

Археологические находки на отдельных территориях восточного и особенно северо-восточного побережья Балтийского моря, относящиеся к VIII в., свидетельствуют о тесных культурных контактах с восточной Швецией. Такая система общих культурных ценностей была типична в основном для воинской среды преимущественно в прибрежных районах, тогда как материальная культура центральных районов была иной. Археологам трудно судить о северной части Прибалтики, поскольку прибалтийские финны в VI — середине X в. не помещали в могилы предметы погребального инвентаря; не обнаружены при раскопках и сами могилы. Однако в некоторых частях этого региона нередко встречаются клады с дирхемами и комплексы, образованные городищами и примыкавшими к ним поселениями. Несколько таких комплексов, в частности, расположенных вдоль береговой линии, вероятно, находились на пути, имевшем международное значение, — в древнескандинавских сагах он называется «Восточный путь». Артефакты, найденные в захоронениях второй половины X в., свидетельствуют о том, что предметы погребального инвентаря воинов прибрежной Эстонии почти не отличались от тех же предметов воинов Готланда или центральной Швеции.

Согласно древнерусским летописям, чудь относилась к тем народам, которые в IX в. платили дань варягам, а впоследствии пригласили русь править своей страной. Во фрагментах древнерусских летописей, описывающих события до конца X в., чудь занимает особое место, зачастую выступая параллелью к руси. Существование в современной Эстонии двух культурных областей (прибрежной и центральной) наводит на мысль, что этноним чудь распространялся на население центральной Эстонии и Вирумаа, которые в IX–X вв., возможно, мыслились частью земель Гардарики.

Ситуация изменилась около 1000 г., когда чудь, до тех пор представлявшая в древнерусских летописях как союзник Руси, превратилась в ее врага. Это изменение совпало с большими переменами на путях и в культурной сфере Прибалтики, а также с внезапным прекращением скандинавского влияния в Киевской Руси.

Ключевые слова: пути в эпоху викингов, финны, Аустрвег, чудь, русь

Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина

ГНЁЗДОВО КАК РАННЕГОРОДСКОЙ ЦЕНТР ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Аннотация: Статья посвящена дискуссионным вопросам археологической и культурно-исторической интерпретации Гнёздовского комплекса, расположенного в Верхнем Поднепровье. На его обширной территории исследованы восемь курганных групп, жилые и производственные зоны, а также участки, связанные с функционированием речного порта. Площадь поселения, включавшего городище с оборонительными сооружениями и селище, в период расцвета достигала 30 га. Судя по материалам некрополя, приблизительная численность населения памятника была 800–1100 человек, его отличала стабильная демографическая структура и очевидная социальная дифференциация населения. Единственный раннегородской центр Смоленского Поднепровья занимал доминирующую позицию в регионе, контролируя систему поселений, обеспечивающих функционирование Днепро-Ловатского отрезка «пути из варяг в греки». Местное ремесло сложилось на основе производственных традиций различных этнических групп и носило стационарный характер. Возделывание культурных растений и пастбищное хозяйство играли важную роль в экономике поселения. Все эти данные свидетельствуют против интерпретации памятника как «открытого торгово-ремесленного» центра с населением, численность которого существенно менялась из-за сезонного притока «гостей» и транзитных путешественников, а незначительная доля «воинских» погребений не позволяет трактовать некрополь Гнёздова как дружинное кладбище. Расцвет города на Верхнем Днепре приходится на вторую половину X в.: территория поселения достигла максимального размера; абсолютное большинство исследованных курганов также возведено в этот период. В них похоронены представители местной элиты, связанные с воинской службой и административными функциями, их слуги, торговцы, ремесленники, владельцы пахотных земель и скота. Значительный объём серебра в руках жителей Гнёздова указывает на то, что основное направление торговой активности определяли восточные связи. Высокая доля фрагментированных монет в культурном слое свидетельствует об активном участии населения в торговых и обменных операциях. Обилие находок северного происхождения на различных участках гнёздовского комплекса отражает непрерывные контакты с территорией

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-01-18024 «Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников».

Скандинавии на протяжении X в. и дает основания говорить о миграции на эту территорию населения из Средней Швеции. Судя по находкам украшений, скандинавские женщины были похоронены в 40–50% гнёздовских курганов, а скандинавам в целом принадлежит не менее четверти погребений некрополя. Аккумуляция престижных византийских импортов в руках гнёздовской элиты свидетельствует, что Киев не был единственным центром дипломатических и торговых отношений с Византийской империей, а Гнёздово занимало особое место в отношениях с Константинополем с первых десятилетий до конца X в. Раннегородской центр на Днепре существовал в течение жизни нескольких поколений и перестал функционировать в результате комплекса причин, среди которых постепенное прекращение импорта исламских монет в 70-е годы X в. и изменение торговых путей, а также конфликт между местной элитой и центральной властью формирующегося государства.

Ключевые слова: Верхнее Поднепровье, Гнёздовский археологический комплекс, раннегородской центр, импорт восточных монет, контакты со Скандинавией, находки византийского происхождения

Несмотря на долгую и плодотворную историю исследований Гнёздова, расположенного в Верхнем Поднепровье на узловом участке «пути из варяг в греки», по-прежнему остаются дискуссионными многие вопросы его археологической и культурно-исторической интерпретации. Среди них — хронология и топография памятника, характер взаимодействия Гнёздова с округой, идентификация представителей населения «не скандинавского» происхождения в материалах погребений и поселения, оценка роли различных этнических групп, населявших Гнёздово, в иерархической структуре местного общества. Далека от решения проблема определения статуса людей, погребенных в наиболее богатых курганах некрополя. Не до конца понятна их роль в организации сети речных и сухопутных коммуникаций, сборе дани, торговых и дипломатических связях с близкими и дальними соседями. Нам неизвестны обстоятельства, в результате которых «угасла» активная жизнь на поселении, и прекратилось существование могильника. Несмотря на то, что все исследователи признают городской облик гнёздовских древностей, конкретный статус Гнёздова на разных этапах его существования по-прежнему оценивается неоднозначно¹.

¹ *Мурашова В.В.* Актуальные проблемы исследования Гнёздова // ДГ. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 389–405; *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Там же. С. 270–299; *Пушкина Т.А., Мурашова В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический

Последний из указанных вопросов может показаться странным после появления целого ряда публикаций, посвященных обобщению результатов современных археологических исследований памятника. Однако острые дискуссии вокруг исторически ориентированных интерпретаций Гнёздова и периодизации археологических материалов из раскопок последних десятилетий заставляют нас вернуться к обсуждению характера гнёздовского поселения и его статуса в политической системе складывающегося Древнерусского государства. В этой связи остановимся на некоторых из высказанных ранее суждений более подробно.

Первые заключения о причинах возникновения, времени существования и характере Гнёздова, основанные на материалах раскопок курганов, были высказаны в начале XX в. Один из основных исследователей гнёздовских погребений В.И. Сизов считал, что «важное и характерное значение Гнёздова заключается главным образом в его торговле и промышленности», подчеркнув его связь с развитием «пути из варяг в греки»². Отмечая отсутствие летописных свидетельств о Гнёздове, Сизов предполагал его параллельное существование со Смоленском и связывал прекращение функционирования «языческого» кладбища и поселения с крутыми административными мерами периода христианизации³.

А.А. Спицын, опубликовавший дневники раскопок курганов С.И. Сергеева, также связывал роль Гнёздова с «транзитным путем между норманнами и хозарами». Оценивая соотношение Гнёздова с летописным городом, он полагал, что это — «старый Смоленск», дважды поменявший место своего расположения со времен Олега до эпохи Ярослава, переместившись вдоль правого берега Днепра с запада на восток⁴.

Согласно одной из версий, выдвинутой в начале 70-х гг. XX в. на основе курганного материала и незначительных данных о по-

комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 243–273 (в этой статье содержится самая полная на сегодняшний день характеристика памятника и результатов его изучения, что избавляет нас от необходимости подробно приводить здесь все эти материалы).

² Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска. Материалы по археологии России. СПб., 1902. № 28. С. 115.

³ Там же. С. 125–126.

⁴ Спицын А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15. С. 7–8.

селении⁵, Гнёздово — пункт по обслуживанию и контролю над волоком с Днепра на Двину, «открытое поселение» с колеблющимся составом населения, «приливы и отливы» которого связаны с обслуживанием водной коммуникации и функционированием торжища. В.А. Булкин и Г.С. Лебедев впервые сопоставили топографию поселения, структуру некрополя и характер гнёздовских древностей с материалами некоторых североевропейских памятников VIII–X вв. В настоящее время невозможно отрицать ключевую роль Гнёздова в период активного использования Днепроовского отрезка «пути из варяг в греки». Однако поселение не может считаться «открытым»: его топографическое ядро образовано Центральным городищем, система укреплений которого возникла уже на раннем этапе истории памятника⁶. Первоначальные дерево-земляные конструкции с восточной стороны площадки городища появились не позднее второй четверти X в., частично перекрыв уже образовавшийся здесь культурный слой⁷. Примерно этим или немного более ранним временем датируются обнаруженные раскопками последних лет следы эскарпа и столбовых конструкций вдоль склона ниже края площадки⁸.

Трудно полностью согласиться с тезисом о колеблющейся численности населения. Она могла только в какой-то мере меняться в зависимости от интенсивности использования пути как сезонной системы сухопутных и водных маршрутов⁹. Материалы, полученные в ходе раскопок пойменной части селища, красноречиво указывают на наиболее активную жизнь «портовых зон» именно в период навигации. Ремесленное производство Гнёздова в целом имело стационарный характер, а деятельность кузнецов, ювелиров, косторезов и гончаров протекала не в отдельной про-

⁵ *Авдусин Д.А.* Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. Сб. статей, посвященных 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972. С. 165–166; *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнёздово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.

⁶ В данной работе мы не будем касаться проблемы хронологии Гнёздова, используя условно выделенные и предложенные Ю.Э. Жарновым «ранний» и «поздний этап».

⁷ *Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1984. С. 48.

⁸ *Пушкина Т.А., Енисосова Н.В., Мурашева В.В.* Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников // Вестник РГНФ. 2015. № 3 (80). С. 192–193.

⁹ *Микляев А.М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1992. Вып. 4–5. С. 133–138.

изводственной зоне, а среди жилых и хозяйственных построек¹⁰. Однако для многих видов средневекового ремесла характерны природные ритмы активности, а некоторые виды работ, такие как ремонт лодок и ладей, следы которых зафиксированы вне жилой зоны — в прибрежной зоне Днепра и на берегу внутренней гавани в пойме, свидетельствуют об определенной периодичности постоянных занятий на долговременной местной основе¹¹.

В то же время естественный и стабильный состав демографической структуры, прослеженный по материалам некрополя, противоречит интерпретации Гнёздова как «открытого торгово-ремесленного поселения» с населением, численность которого существенно менялась из-за сезонного притока «купеческого и военного сословия и транспортных рабочих»¹².

Вторая концепция была сформулирована во второй половине XX в. По мнению ряда исследователей (конец 70-х — конец 90-х гг. XX в.), Гнёздово — один из пунктов в общегосударственной сети поселений во главе с Киевом, погост, связанный с административно-фискальной деятельностью дружины великого князя — полюдьем. Обширный некрополь этого памятника интерпретируется как дружинное кладбище. «Оплот» великокняжеской власти располагался на территории кривичей в непосредственной близости от их племенного центра — Смоленска, неподвластного Киеву¹³. Рассматривать Гнёздово в качестве военного лагеря, а гнёздовские курганы в качестве дружинного кладбища невозможно. Этому противоречат не только подсчеты, сделанные на основе гендерных соотношений популяции, оставившей гнёздовский некрополь, в которой примерно равным количеством представлены мужчины, женщины, дети, но и общий характер материалов, полученных в результате раскопок поселения.

¹⁰ *Енисосова Н.В.* Ювелирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 11–12.

¹¹ *Мурашова В.В., Фетисов А.А.* Портовая зона Гнёздова // *Міста Давньої Русі*. Київ, 2014. С. 290.

¹² *Жарнов Ю.Э.* Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 22.

¹³ «Военный лагерь» — *Рыбаков Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. // *ВИ*. 1962. № 4. С. 37; «погост», центр сбора полюдья киевского князя — *Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К предьстории древнерусского города // *ИСССР*. 1979. № 4. С. 110–112. Наиболее последовательно эту концепцию развивает и поддерживает В.Я. Петрухин (см.: *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014. С. 232 и далее).

В целом следует отметить значительное количество предметов вооружения в гнёздовской коллекции — не менее 1000 находок, обнаруженных в погребениях и на территории Центрального поселения. Среди них почти половина принадлежит наконечникам стрел, характерных преимущественно для североευропейских типов вооружения¹⁴. По некоторым оценкам до 10% из исследованных к настоящему времени гнёздовских погребений содержали те или иные предметы оборонительного и наступательного вооружения или их сочетание, т. е. чисто теоретически их можно отнести к «дружинным». В подавляющем большинстве случаев в этих курганах найден только один вид вооружения, более половины достоверных комплексов погребений содержали только стрелы. Как правило, число стрел варьирует от одной до пяти, причем они встречены и в детских погребениях. В настоящее время лук и стрелы не рассматриваются как характерный и обязательный атрибут воина-профессионала. Археологическими признаками погребений людей, чьим основным занятием было военное дело, могут быть находки комплекса боевых средств, предназначенных для применения во время военных столкновений — меча или наборов из нескольких видов вооружения, особенно защитного¹⁵. Действительно, число найденных в гнёздовском некрополе мечей оказывается весьма значительным — 16. Однако в пределах достоверной выборки два или более двух видов предметов вооружения (включая меч) обнаружено примерно в 7% курганов с оружием. Совершенно очевидно, что такая доля «воинских» погребений не может определять основной характер памятника, а указывает лишь на то, что частью постоянного населения были участники военных походов и их предводители. Следует отметить также, что оружие, найденное в курганах, не обязательно принадлежало представителям специализированного воинского сословия или элиты. В Скандинавии престижным и

¹⁴ *Каинов С.Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок в Гнёздово // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 49, 61; *Kainov S.* Swords from Gnězdovo // *Acta Militaria Mediaevalia*. Kraków; Rzeszów; Sanok, 2012. Т. VIII. S. 7–68. Из учтенных находок наконечников стрел (около 500) только 190 обнаружены в погребениях; больше всего стрел происходит из слоя Центрального городища, с территорией которого связана и большая часть найденных на поселении деталей мечей или их ножен (устная консультация С.Ю. Каинова).

¹⁵ *Каинов С.Ю.* К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнёздовском могильнике // XVI Сканд. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 201.

дорогим оружием обладали не только короли или аристократическая верхушка, но и широкий круг свободных людей — представителей «среднего класса» эпохи викингов¹⁶.

В этой связи уместно привести данные подсчетов по материалам некрополя Бирки. Погребения с предметами вооружения составляют здесь чуть более 9%, причем более четверти из них содержали разные комбинации оружия, включая меч¹⁷. На основании находок оружия в погребениях и культурном слое на территории поселения в Бирке, в особенности в «Гарнизоне», шведские исследователи реконструируют воинскую структуру в рамках политэтнического населения города, но никто не рассматривает памятник в качестве дружинного лагеря¹⁸.

Третья концепция, выдвинутая, в первую очередь, Л.В. Алексеевым, оценивает Гнёздово как племенной центр кривичей¹⁹. Но на территории гнёздовского поселения не известны слои, которые можно было бы сопоставить с материалами селищ культуры длинных курганов («ранних кривичей»), а среди гнёздовских погребений мы не можем назвать ни одного, совершенного в соответствии с традициями этого населения, хотя женские украшения культуры смоленских длинных курганов встречены трижды в гнёздовских погребениях²⁰. Поселение, этническую неоднородность населения которого признавал и сам Л.В. Алексеев, никак не могло быть племенным центром.

Последняя, наиболее убедительная концепция, признающая Гнёздово раннегородским центром, сформировалась к концу XX в. Сейчас это поселение рубежа IX–X — начала XI в. рассматривают как единственный раннегородской центр на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья эпохи становления Древне-

¹⁶ Pedersen A. Viking weaponry // *The Viking World*. L.; N.Y., 2012. P. 208–209.

¹⁷ Thälin-Bergman L. Die Waffengräber von Birka // *Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1986. S. 5–10, Tab. 1:1.

¹⁸ Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society // *Theses and papers in scientific archaeology*. Stockholm, 2006. Vol. 8. P. 48–63.

¹⁹ Алексеев Л.В. О древнем Смоленске (К проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // *СА*. 1977. № 1. С. 91. Недавно совершенно справедливо эта концепция была кратко подвергнута критике В.С. Нефёдовым, археологическую аргументацию которого мы поддерживаем (см.: Нефёдов В.С. Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 271).

²⁰ Ениосова Н.В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // *Археология и история Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 год*. Псков, 2001. С. 207.

русского государства²¹. Многие характеристики, полученные при комплексном анализе результатов археологического изучения, сближают Гнёздово с городскими центрами Северной Европы конца I — начала II тыс. н. э.

Среди археологических критериев начальных этапов урбанизации Северной Европы называют размеры памятника, превышающие масштаб обычного сельского поселения, доступность водных и сухопутных путей, доминирующую позицию в регионе и систему взаимосвязей как с окружающими поселениями, так и с центрами торговли на отдаленных территориях. Города эпохи викингов отличает относительно высокая плотность населения и наличие различных социальных групп; концентрация торговой и производственной деятельности и археологические свидетельства таких элементов инфраструктуры как разделение земли на участки, фортификация, портовые сооружения, открытые площади для рыночной торговли и системы дорог. Практически все эти характеристики применимы к Гнёздову: площадь поселения около 30 га, несколько тысяч курганов в составе некрополя, неоднородность социально-этнического состава населения, высокий уровень развития ремесла и торговли, наличие дорогих импортов, сосредоточие запасов драгоценного металла²². Характер археологических находок из Рибе, Каупанга, Бирки, Хедебю и Гнёздова свидетельствует об особом «городском» стиле жизни населения²³.

С интерпретацией Гнёздова в качестве раннегородского центра тесно связана гипотеза о формировании иерархии поселений конца I — начала II тыс. н. э. на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья²⁴. Эта тема смыкается с вопросом о харак-

²¹ *Жарнов Ю.Э.* Погребальный обряд. С. 22; *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 277; *Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический комплекс.

²² *Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический комплекс.

²³ *Callmer J.* Urbanisation in Northern and Eastern Europe, ca.700–1100 // *Post-Roman towns, trade and settlements in Europe and Byzantium* (Millenium Studien. Vol. 5). B., N.Y., 2007. P. 234–238; *Steuer H.* Urban Settlement. Part 2: Central, Northern, Eastern and Southern Europe // *The Archaeology of medieval Europe 1. Eighth to Twelfth Centuries AD.* Aarhus. 2007. P. 129, 134–153; *Skre D.* The development of urbanism in Scandinavia // *The Viking World.* P. 83–93.

²⁴ *Нефёдов В.С.* Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Мат-лы науч. конф. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 250–259; *Он же.* Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV Сканд. конф.

тере взаимосвязей Гнёздова с округой. На важность и сложность решения вопроса одному из авторов уже приходилось высказываться, отмечая при этом определенную территориальную удаленность Гнёздова от памятников культуры длинных курганов и скудость материала для проведения анализа²⁵.

Как уже отмечалось, географическое положение памятника на «переломе» водных систем открывало возможность движения как на запад — к Балтике по Западной Двине, так и на восток — по Оке и Волге. Вероятно, на левом берегу Днепра в районе Гнёздова начиналась дорога к притоку Днепра Сожу, ведущая на юг — в Среднее Поднепровье; а путь из Днепра на Ловать замыкался на Новгород. Функционирование Днепро-Ловатского участка «пути из варяг в греки», по мнению В.С. Нефедова, обеспечивала система поселений, которая входила в структуру транспортных коммуникаций, контролируемых гнёздовской элитой. Немногочисленные памятники этого круга оставлены небольшими группами населения, в составе которого были носители культуры смоленско-полоцких длинных курганов — ранние кривичи, а также скандинавы. Автор полагает, что находки импортов, среди которых встречаются предметы вооружения, монеты и украшения, указывают на участие кривичского населения в ближней и дальней торговле. Следует заметить, что за исключением находок стеклянных бус и бисера (самая массовая категория импортов в погребениях), иные свидетельства участия местного населения региона Верхнего Поднепровья в дальней торговле оказываются менее выразительными. К ним относятся не более 20 предметов северного облика — скандинавских фибул, плетеных бронзовых цепочек, железных ножей, роговых гребней и несколько десятков изделий, характерных для населения салтовской культуры лесостепи²⁶.

М., 2004. Ч. 1. С. 238-241. Наиболее развернуто гипотеза изложена в последней статье того же автора: *Он же*. Смоленское Поднепровье и Подвинье.

²⁵ *Puškina T.A.* Gnezdovo-boplassen: En boplass fra vikingtiden ved Øvre Dnepr // *Gunneria*. Trondheim, 1991. Vol. 64. S. 360.

²⁶ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 282–283; *Он же*. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск, 2002. № 17. С. 131–139. Автор отнес к «импортам» в широком смысле слова и такие считающиеся характерными для убора ранних кривичей предметы, как трехкольчатые и ромбовидные привески, производство которых документировано находками из Гнёздова и Городка на Ловати. Как показывают археологические материалы, в Гнёздове могли быть изготовлены и ножи указанных В.С. Нефёдовым типов, и гребни (ср.: *Пушкина Т.А.* Изделия косторезного

Относительно осязаемое количество восточных и византийских монет, торговый инвентарь и другие предметы «импорта», включая немногочисленный набор скандинавских украшений, обнаружены всего в двух пунктах системы транспортных коммуникаций — в Новоселках и Рокоте. С этими же памятниками, входящими в гнёздовскую округу, связаны находки 4 мечей, известных на территории Верхнего Поднепровья за пределами Гнёздова IX–X вв.²⁷

Более 40 лет назад Е.А. Шмидт указывал на отдельные находки материалов V–VII вв., предположив, что место возникновения гнёздовского поселения «было уже окультурено и в какой-то степени заселено во второй-третьей четвертях I тыс. н. э.». Автор осторожно заключил, что пока нельзя делать вывод о вхождении коренного населения первоначального земледельческого поселения в состав населения торгово-ремесленного поселка из-за хронологической нестыковки материалов²⁸. В недавних публикациях Ю. Кальмера и С.Ю. Каинова на основе немногочисленных находок предметов вооружения, украшений и керамики третьей четверти I тыс. н. э. вновь обсуждается вопрос о существовании Гнёздова в IX в.²⁹ Получение даты ранних слоев Гнёздова является важнейшей задачей полевых исследований Гнёздова³⁰, однако

ремесла из Гнездова (Труды ГИМ. Вып. 82). М. 1993. С. 57–68; *Пушкина Т.А., Розанова Л.С.* Кузнечные изделия из Гнездова // РА. 1992. № 2. С. 201–220). Однако немногочисленность подобных находок среди материалов культуры длинных курганов едва ли может говорить о стабильных связях ранних кривичей с ремесленниками Гнёздова.

²⁷ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвине. С. 280.

²⁸ *Шмидт Е.А.* К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // *Материалы по изучению Смоленской области.* Смоленск, 1974. Вып. VIII. С. 157–158.

²⁹ *Каинов С.Ю.* Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // *Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура.* М., 2014. С. 43–44; *Callmer J.* At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // *From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black sea.* Aarhus, 2013. P. 71–72.

³⁰ По меткому замечанию польского исследователя П. Урбанчика, «археологи приходят на помощь историкам, протягивая руки, полные исключительных находок, например, золотых и серебряных кладов». Иногда они хорошо локализованы во времени и пространстве, но не несут на себе имен владельцев — исторических персонажей, которые были движущей силой социально-политического развития (см.: *Urbańczyk P.* What did early medieval authors know about structures of governance and religion in northern Central Europe // *Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 1).* Hannover, 2010. P. 356).

во многом усилия направлены на заполнение лакуны между летописными сообщениями, относящимися ко второй половине IX в., и существующими на сегодняшний день датировками культурного слоя и погребений: до сих пор не обнаружено ни одного погребения или «закрытого» комплекса на всех участках поселения, дату которых можно было бы опустить ниже рубежа IX–X вв., а «ранние» находки происходят либо из переотложенного слоя, либо найдены в слоях вместе с более поздними вещами. Нельзя считать убедительным аргумент о тотальном уничтожении ранних слоев активной деятельностью на поселении в X в. На примере таких памятников, как Бирка, Хедебю и Каупанг, существовавших с ранней эпохи викингов, или Упокра и Тиссё, возникших до эпохи викингов, хорошо видно, что ранние слои сохраняются, несмотря на последующее бурное развитие этих поселений и распашку на протяжении нескольких столетий³¹. Вещи, выбивающиеся из хронологических рамок, попадают в культурный слой в силу различных обстоятельств. Цветной, драгоценный и даже черный металл из-за его способности бесконечно менять форму всегда можно использовать вторично. Отсутствие собственных источников ювелирного сырья в странах Северной и Восточной Европы вплоть до XII в. привело к многократной переплавке вышедших из употребления вещей, включая лом римской эпохи³². Несмотря на отдельные находки третьей четверти I тыс. н. э., обнаруженные на территории археологического комплекса, пока нет данных, противоречащих утверждению, что Гнёздово возникло на свободном, никем не заселенном пространстве на рубеже IX–X вв.

Выбор места для поселения был обусловлен ландшафтной ситуацией и благоприятными климатическими условиями: в этот относительно засушливый период пойма Днепра не затоплялась в половодье и была пригодна для освоения³³. Первоначально площадь заселенных участков не была значительной и составляла не более 1–2 га. К раннему этапу функционирования могиль-

³¹ *Hårdh B.* Scandinavian Metalwork // Things from the Town. Artefacts and Inhabitants in the Viking-age Kaupang (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 3). Aarhus, 2011. P. 59–61.

³² *Forshell H.* The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992. P. 165–168.

³³ *Зазовская Э.П., Бронникова М.А.* Палеоландшафты Гнёздова: реконструкция, перспективы исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124). М., 2001. С. 197–201.

ника относится незначительное число погребений, что вполне соответствует скромным масштабам освоенной территории.

Топография находок на самых древних участках поселения — в юго-западной части Центрального городища, мысовой части Западного и пойменной части селища — свидетельствует, что с самого начала здесь жили скандинавы и славяне. Эти наблюдения подтверждаются данными о погребальном обряде, формах оружия, орудий труда, украшений и глиняной посуды. Присутствие среди гнёздовского населения ранних кривичей требует более убедительных доказательств, чем обнаруженные здесь следы изготовления украшений, характерных для населения смоленско-полоцких длинных курганов, и отмечаемая рядом исследователей близость некоторых форм лепной керамики. Следует еще раз подчеркнуть, что среди многочисленных раскопанных курганов в Гнёздове нет ни одного, в котором можно было бы увидеть погребение, аналогичное погребальным сооружениям культуры длинных курганов³⁴.

Расцвет Гнёздова пришелся на вторую половину X в.: площадь поселения увеличилась и достигла максимального размера (около 30 га) благодаря расширению застройки в границах поймы и освоению новых значительных участков вдоль и вглубь надпойменной террасы по обоим берегам Свинца (рис. 1). Исследования территории поселения показали его неоднородную структуру и наличие различных зон: жилых, производственных, а также участков, связанных с функционированием Гнёздова как речного порта³⁵. Следы производственной деятельности в виде находок инструментов, бракованных изделий, заготовок и запасов сырья отмечены на всех исследованных участках, начиная с самого раннего периода его существования. В эпоху расцвета поселения (середина — вторая половина X в.) функционировало не менее 5 производственных зон, в пределах которых концентрируются находки, связанные с обработкой черного, цветного и драгоцен-

³⁴ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 270–271.

³⁵ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 251–255; Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Изучение. С. 186. Очень выразительными в этой связи являются находки фрагментов ладей (шпангоута, уключин) и весел, происходящие с территории пойменной части селища вблизи древней береговой линии Днепра, а также заметная концентрация железных заклепок в этой части поселения.

Рис. 1. Схема Гнёздовского комплекса археологических памятников.

1 — Центральное городище; 2 — Центральное селение; 3 — Центральная группа курганов; 4 — Глушецковская группа курганов; 5 — Лесная группа курганов; 6 — Левобережная группа курганов; 7 — Днепровская группа курганов; 8 — Ольшанская группа курганов; 9 — Ольшанское городище; 10–11 — Ольшанские селище; 12 — Правобережная Ольшанская группа курганов

ного металла. В мастерских изготавливали украшения для скандинавских и славянских женщин, уздечные и поясные накладки волжско-болгарской традиции и изделия, характерные для культуры длинных курганов³⁶.

Судя по мощности и характеру напластований культурного слоя, застройка и активность жизни на территории поселения была неравномерной. На «обжитых» участках постройки неоднократно возобновлялись или перестраивались — это особенно отчетливо зафиксировано в юго-западной части площадки городища, где на ограниченном пространстве сооружения различной конструкции воздвигались на протяжении середины — второй половины X в. не менее трех раз. Неоднократное обновление или перестройка производственных сооружений прослежены и в пределах пойменной части поселения³⁷. Другие участки забрасывались и образовывали пустыри — на это красноречиво указывает неравномерность мощности и насыщенности пятен культурного слоя на территории селища. При этом застройка пространства не была хаотичной — на некоторых участках пойменного и Восточного селища зафиксированы признаки усадеб, границы которых обозначены канавами или частоколами. Площадь некоторых из этих участков могла достигать 200 кв. м. Усадебная планировка выявлена уже на раннем этапе существования таких городов, как Риббе, Каупанг, Дублин, Старая Ладога и Новгород, прослеживается она и на некоторых поселениях роменской культуры Левобережья Днепра³⁸.

С ростом поселения связан и рост могильника. Абсолютное большинство исследованных во всех восьми группах курганов

³⁶ Ениосова Н.В. Находки — индикаторы ювелирного производства из раннегородского центра Гнездова // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Тезисы научной конференции, посвященной 110 годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 209–215. Работами последних лет еще одна производственная зона второй половины X в. определена в северо-западной части селища (см.: Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Каинов С.Ю., Новиков В.В., Шарганова О.Л. Изучение Центрального поселения в Гнездове // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 242).

³⁷ Мурашева В.В. Актуальные проблемы. С. 394–395.

³⁸ Skre D. Towns and Markets, Kings and Central Places in South-western Scandinavia c. AD 800–950 // Kaupang in Skiringssal (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 1). Aarhus, 2007. P. 452–454; Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005. С. 32–33.

было возведено в период «позднего Гнёздова», то есть в середине — второй половине X в. Анализ керамического материала, происходящего из погребений, позволяет наметить основные этапы развития могильника³⁹. С ранним периодом соотносятся немногочисленные курганы, возведенные над кремированными остатками жителей Гнёздова вблизи восточной, северо-западной и западной границ поселения — это некоторые курганы Лесной и частично Центральной групп. Среди них и известный курган Л-13, давший наиболее раннюю для Гнёздова находку византийской амфоры со славянским граффити. В «поздний период» формируются, располагаясь вдоль берега ниже по течению Днепра, остальные курганные группы, Днепровская, Ольшанская и Правобережная Ольшанская, и продолжают расти Лесная и Центральная⁴⁰. Причем стоит отметить, что наиболее поздние погребения Лесной курганной группы оказываются расположенными как вблизи ее границы с поселением, так и на далекой северной и южной периферии могильника. К позднему периоду относятся одиночные и парные погребения, совершенные по обряду кремации под невысокими насыпями, и так называемые большие курганы, обряд кремации которых достаточно сложен; одиночные ингумации в подкурганых ямах и камерах. Среди них несколько погребений с височными кольцами самой простой формы в виде проволочных перстнеобразных с завитком на конце — это самое распространенное славянское украшение, не имеющее определенной племенной привязки. К этому же времени относятся и мужские погребения в камерах, сопровождаемые верховыми лошадьми. К концу «позднего периода» общее число курганов в Гнёздове достигало 4500–5000, которые образовали не менее восьми групп, вытянутых в основном вдоль правого берега Днепра. Наиболее значительные из них — это Лесная и Центральная группы, насыпи которых вплотную подходят к границам селища, окружающего Центральное городище. Можно предполагать, что

³⁹ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 271; Каменецкая Е.В. К вопросу о хронологии и топографии Гнёздова по керамическому материалу // Славяне и иные языки... (Труды ГИМ. Вып. 198). М., 2014. С. 146.

⁴⁰ Заметим, кстати, что установление более позднего времени формирования Ольшанской и Правобережной Ольшанской курганных групп по отношению к Центральной и Лесной группам полностью лишает смысла предположение А.А. Спицына о возникновении Гнёздовского поселения на р. Ольше.

не ранее второй половины X в. сформировалось западное крыло Гнёздовского комплекса в устье р. Ольшанки, в его состав вошло селище и курганы Ольшанской и Правобережной Ольшанской группы, погребения которых содержали только гончарные урны.

Судя по материалам курганного некрополя, приблизительная численность населения Гнёздова достигала 800–1100 человек, его отличала стабильная демографическая структура и очевидная социальная дифференциация. Гнёздовское общество включало в себя группы людей, связанных с воинской службой — местную элиту в большинстве своем скандинавского происхождения. Несмотря на то, что археологические свидетельства не позволяют достоверно реконструировать структуры власти, мы можем предположить, что рост раннегородского центра на Верхнем Днепре был неразрывно связан с местными правителями. С помощью военного и административного аппарата они осуществляли защиту территории от нападений, организацию транспортных коммуникаций, регулирование и защиту торговли и ремесла и безопасность сезонного торжища. Вероятно, демографическая разница между «летним» и «зимним» населением в какой-то мере регулировалась правилами, определявшими условия длительного пребывания «гостей» в сезон навигации или в период использования зимнего пути. Даже транзитные путешественники, направляясь к далекой цели, во время кратких остановок должны были вступать в отношения с людьми, исполнявшими административные функции.

Находки из погребений, кладов и культурного слоя гнёздовского поселения свидетельствуют, что среди его жителей было немало «преуспевающих» людей: воинов, слуг местных правителей, купцов, богатых ремесленников — кузнецов и ювелиров, владельцев земли и угодий, а также представителей их семей. Они имели доступ к ресурсам для процветания в виде движимого богатства — серебра, а также «недвижимые ценности» — пахотные участки и луга. Высокая концентрация престижных импортов — византийских амфор, монет и украшений из драгоценных металлов, стеклянных сосудов, каменных бус и шелка — свидетельствует о высоком качестве жизни представителей гнёздовской элиты. Возможно, они использовали дорогие и редкие вещи для укрепления связей и союзов. С этими группами населения связаны гнёздовские погребения с шейными железными гривнами или совершенные в ладьях, сопровождаемые ритуалом

особого обращения с оружием, металлическими ритуальными котлами, набором характерных женских украшений или языческих амулетов, а также камерные погребения⁴¹.

Данные споро-пыльцевого, карпологического и остеологического анализов свидетельствуют, что возделывание культурных растений и пастбищное хозяйство играли важную роль в экономике поселения и в какой-то мере обеспечивали жизненные потребности людей. Незначительная площадь остатков пахотных угодий, обнаруженных в западной части Гнёздовского комплекса под курганами Днепровской группы, и характер палеоландшафта того времени, говорят о том, что население города на Верхнем Днепре не могло полностью обеспечить себя продуктами и должно было получать их значительную часть извне⁴².

Как было замечено, определенные трудности в вопросе продовольственного снабжения могли возникать с вероятным увеличением населения в зимний период, с декабря по апрель, в период наиболее активного функционирования Днепро-Ловатского отрезка «пути из варяг в греки»⁴³. Решить эту проблему могли хорошо налаженные контакты с ближайшей сельскохозяйственной округой. Их характер, возможные пути взаимодействия и степень прочности пока невозможно оценить из-за скудости материала.

Топография археологических памятников микрорегиона достаточно красноречива — ближайшие к Гнёздову длинные курганы и соответствующие им поселения расположены на расстоянии нескольких десятков километров. Трудно судить также о контактах с населением, оставившим хронологически близкие Гнёздову древнерусские памятники, изученные чрезвычайно слабо⁴⁴. Было высказано предположение, что в обмен на продукты сельского хозяйства ранние кривичи могли получать в Гнёздове продукцию кузнечного, косторезного и ювелирного ремесла, а также стеклянный бисер⁴⁵.

Вероятно, направление части сухопутных дорог, связывавших Гнёздово с округой, нашло отражение в характере расположения курганных групп — они достаточно ясно видны на топографиче-

⁴¹ Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд. С. 138–259.

⁴² Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А. Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 176.

⁴³ Нефёдов В.С. Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 281–282.

⁴⁴ Там же. Рис. 1.

⁴⁵ Там же. С. 282–283.

ском плане (рис. 1). Так, одна из дорог, которая могла связывать гнёздовское поселение с расположенным в 5 км к северо-востоку от него небольшим поселком в районе современных Новоселок, отмечена двумя вытянутыми вдоль нее скоплениями курганов Лесной группы. Вторая дорога угадывается на западе вдоль расположенных цепочкой курганов на краю днепровской террасы Днепровской группы.

Топография находок восточного монетного серебра и скандинавских древностей Смоленского Поднепровья в IX–X вв. свидетельствует об их концентрации в Гнёздове и его ближайшей округе. Лишь единичные экземпляры восточных монет и предметов северного происхождения встречены в материалах других памятников этого региона. В пределах Смоленской земли, включающей территорию Верхнего Поднепровья, Верхнего Подвинья и их междуречье, известно более 20 кладов IX–X вв. Все клады IX в. обнаружены на памятниках, расположенных в бассейне Западной Двины, Верхней Волги и в системе мелких притоков правобережного Днепра в районе его резкого поворота на юг. Распределение кладов в общих чертах соотносится с распределением на этой территории единичных находок вещей североевропейского происхождения⁴⁶. Клады раннего времени из центральных регионов Смоленского Поднепровья неизвестны. Топография кладов X в. совсем иная: тринадцать из них происходят из Гнёздова, два — из его ближайших окрестностей (Дубровенка и Боровая), еще два найдены на юге в верховьях реки Сож (Барсуки, Сож)⁴⁷.

В составе гнёздовских кладов сохранилось более 1400 восточных серебряных монет (целых и обломков, с пробитыми отверстиями или приклепанными ушками) и две византийские номисмы, превращенные в подвески, а также различные предметы, преимущественно украшения. В их числе 190 изделий из золота и серебра, среди которых есть вещи славянского, скандинавского и восточного происхождения. Большая часть этих сокровищ сосредоточена в самом знаменитом и крупном гнёздовском кладе, обнаруженном в 1867 г. Следует особо отметить, что этот ком-

⁴⁶ *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010. С. 485–509.

⁴⁷ *Пушкина Т.А., Мурашова В.В., Енисова Н.В.* Гнёздовский археологический комплекс. С. 267; *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X вв. // Русь в IX–X веках. Рис. 2, 3.

плекс не может быть датирован на основе *terminus post quem* из-за недостоверных обстоятельств обнаружения и неполного монетного состава⁴⁸. А.С. Гущин полагал, что наиболее вероятное время выпадения клада — последняя треть X в.⁴⁹. Косвенным подтверждением этой даты являются следы многократного ремонта круглых серебряных фибул, собранных из 3–5 частей различных украшений, — их носили долгое время, прежде чем клад оказался сокрытым в восточной части гнёздовского селища. Сочетание в орнаменте неожиданных стилистических черт свидетельствует о работе мастера, «плохо представляющего модные течения ювелирного искусства» на родине⁵⁰. Роскошные фибулы — часть престижного и дорогого убора, полученного в наследство женщиной, проживающей на удаленной от Скандинавии территории. Владелица клада и ювелир, чинивший дорогие для нее фибулы, принадлежали, вероятно, к последнему поколению гнёздовских скандинавов.

Второй аргумент в пользу того, что клад 1867 года можно датировать финальным периодом существования Гнёздова, основан на данных по химическому составу серебра эпохи викингов. Только в этом комплексе есть несколько скандинавских украшений, выполненных из металла переплавленных английских монет, поступивших на территорию Скандинавии после выплат огромной дани (*Danegeld*) датскому конунгу Кнуту в 991 г.⁵¹.

Концентрация значительного объема серебра в руках местной элиты указывает на то, что основное направление торговой активности определяли восточные связи. Резкое увеличение вво-

⁴⁸ Пушкина Т.А. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 371–374, 376.

⁴⁹ Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л., 1936. С. 53.

⁵⁰ Neiß M., Sholts S., Wärmländer S. 3D Laser scanning as a tool for Viking studies // Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospections, modeling, reconstructions). SPb., 2012. P. 174–178.

⁵¹ Hårdh B. Wikingertidens Depotfunde aus Südschweden. Probleme und Analysen (Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° Minore. No. 6). Lund, 1976. S. 110–112; 115–119; Eniosova N.V. Tracing the routes of silver procurement to the early urban centre Gnezdovo in the 10th — early 11th centuries // Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. RGZM — TAGUNGEN. Mainz, 2012. Bd.17. S. 270–273.

за восточной монеты, начавшееся в конце первого десятилетия и достигшее максимума к середине X в.⁵², нашло отражение в хронологическом составе гнёздовских находок — саманидские дирхамы первой трети X в. составляют среди них около 53%. Можно достаточно уверенно говорить о регулярном притоке серебра в Гнёздово в этот период. Анализ погодного чекана арабских монет из состава кладов и даты дирхамов, найденных на поселении и в погребальных комплексах, позволяют выделить три одновременных потока монетного серебра, поступившего в Гнёздово. Первый пик фиксируется во второй четверти X в., вторая волна достигает Гнёздова в 40–50-е гг. этого столетия. Завершающий, отчетливо прослеживаемый приток восточных монет в Гнёздово относится к концу 50-х — началу 60-х гг. X в. Значительная часть всех дирхамов выпала из обращения в виде 11 одиннадцати денежных и денежно-вещевых кладов, образующих пять хронологических групп, время сокрытия которых формально определяется по младшей монете (табл. 1).

Таблица 1

Хронологические группы гнёздовских кладов

Группа кладов	Т.р.г комплексов/дата находки и категория клада	Хронологические рамки группы
1	925/1975 (монетный)	Конец 20-х гг. X в.
2	936/1973 (монетный) 937/2010 (монетный)	Конец 30-х гг. X в.
3	946/2001a (производственный) 949/1870 (денежно-вещевой) 950-е гг./2007 (денежно-вещевой) 952/1993 (денежно-вещевой с торговым инвентарем) 954/2001б (денежно-вещевой) 954/1909 (денежно-вещевой)	Конец 40-х — конец 50-х гг. X в.
4	961/ 1885 (денежно-вещевой)	Первая половина 60-х гг. X в.
5	? / 1867 (денежно-вещевой) ? / 1940 (вещевой) ?/2013 (клад торгового инвентаря)	Последняя треть X в.

⁵² Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории средневекового Новгорода. М., 2009. С. 136–146.

По наблюдениям А.В. Фомина, активное выпадение кладов происходит в узловых и конечных пунктах движения монетного потока, причем «тезаврация сокровищ происходила не в периферийных районах, а в центрах *при условии задержки серебра на местном рынке* (выделено нами. — Авт.) и при условии нарушения обычных средних норм ввоза монет»⁵³. Несколькими десятилетиями ранее В.Л. Янин указывал на преобладание экономических факторов выпадения денежно-вещевых кладов над политическими⁵⁴.

Концентрация близких по условной дате сокрытия кладов на территории одного памятника вызывает естественное желание соотнести этот факт с историческими событиями, отраженными в летописных свидетельствах. В недавней статье, посвященной вопросам раннего политогенеза Смоленского Поднепровья и Подвинья, В.С. Нефёдов разделил известные ему восемь гнёздовских кладов на две типохронологические группы (920-е — начало 940-х гг. и конец 940-х — начало 960-х гг.), связывая второй период с катастрофическими событиями военного разгрома Гнёздова. Автор датировал предполагаемые события первой половиной 960-х гг. и связал их с крупной военно-административной акцией с целью подчинения Смоленска/Гнёздова власти Киева⁵⁵. В.В. Мурашева также привлекает компактные даты тезаврации гнёздовских кладов для реконструкции политических процессов, происходивших в Верхнем Поднепровье в середине X в. Она рассматривает клады 950-х — начала 960-х гг. как одно из доказательств насильственных изменений, зафиксированных в материальной культуре в период установления прямой зависимости Гнёздова от центральной киевской власти — погостами и данями

⁵³ *Фомин А.В.* Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 80.

⁵⁴ *Янин В.Л.* Рецензия на: Корзухина Г.Ф. Русские клады X–XIII вв. М.; Л., 1954 // СА. 1956. № XXV. С. 364.

⁵⁵ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 288–289. На наш взгляд, использованное В.С. Нефедовым разделение гнёздовских кладов на две типохронологические группы не отражает реальной ситуации, поскольку в состав «смешанных кладов» входят не только предметы парадного убора, но и запасы сырья вместе с торговым инвентарем, т. е. столь же условно эти комплексы делятся на «денежные, сокровища и ремесленные клады» (ср.: *Пушкина Т.А.* Клад «ювелира» периода викингов из Верхнего Поднепровья // *Arheoloģija un Etnogrāfija*. Rīga, 2010. Т. XXIV. Tab. 1).

княгини Ольги⁵⁶. Обратим внимание на то, что в хронологические интервалы, предложенные В.С. Нефедовым для гнёздовских кладов, вписываются многие комплексы, обнаруженные на отдаленных друг от друга территориях. В сводке кладов, составленной А.А. Гомзиным для статьи А.Е. Леонтьева и Е.Н. Носова, есть сведения о примерно тридцати кладах 20–40-х гг. и двадцати кладах 50–60-х гг. X столетия, обнаруженных на территории Восточной Европы. Обе группы в равной мере представлены в двух обособленных областях, сложившихся до образования Древнерусского государства, соответствующих Южной и Северной Руси⁵⁷. Даты как гнёздовских, так и всех остальных кладов, традиционно определяемые датой чеканки младшей монеты, следует считать достаточно условными, учитывая периоды участия тех или иных монет в обращении. Временной разрыв между датой выпуска младшей монеты клада и датой его «невозврата», достигающий 10–25 лет, хорошо показывают дендродаты слоя, в котором были обнаружены три новгородских клада X в.⁵⁸

Практически все гнёздовские клады были обнаружены на различных участках поселения, и лишь один из них (монетный — т.р.к 937) — за его пределами, но поблизости от крайних курганов Днепровской группы на трассе предполагаемой сухопутной дороги⁵⁹.

В.М. Потиним была отмечена прямая связь между кладами и количеством находок монет в погребениях: там, где богаче клады, там больше единичных находок монет в курганах⁶⁰. Из погребений и с территории гнёздовского поселения происходит более 500 серебряных, медных и золотых монет, выпущенных с VI по XI в. на различных монетных дворах Востока, Византии и Западной Европы. Среди нумизматических материалов решительно преобладают серебряные дирхамы и болгарские подражания куфическим монетам — они составляют около 90% гнёз-

⁵⁶ *Мурашева В.В.* Актуальные проблемы исследования Гнёздова. С. 398–399.

⁵⁷ *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути. С. 384, рис. 2.

⁵⁸ *Гайдуков П.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Янин В.Л.* Новый клад куфических монет из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 17–21 апреля 2000 г. Тезисы. М., 2000. С. 55–56.

⁵⁹ *Зозуля С.С., Каинов С.Ю., Гомзин А.А.* Клад куфического серебра из Гнёздова // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 50–58.

⁶⁰ *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: историко-нумизматический очерк. Л., 1968. С. 29.

довской коллекции. Чуть более 9% — это византийские монеты; западноевропейские денарии представлены двумя экземплярами. Примерно четверть находок происходит из 52 погребальных комплексов. Как в погребениях, так и на территории поселения среди находок есть монеты, превращенные в подвески, однако их число весьма незначительно. В обеих выборках велика роль фрагментированных монет: их доля достигает 80% среди 359 монет, найденных на поселении. Этот показатель практически вдвое превышает процент фрагментированных монет в кладах (38%). По концентрации восточного серебра Гнёздово сопоставимо с такими памятниками как Бирка, Рюриково городище и ранние слои Новгорода. В этих выборках также доминируют разрезанные на фракции дирхамы.

В Бирке найдено более 1000 монет, включая 4 клада в составе которых 600 экземпляров восточной чеканки. Более 230 находок происходит из погребений, известны также многочисленные случайные находки с различных участков памятника. Монеты с поселения в большинстве своем фрагментированы: более 70% составляют обломки, по размеру не превышающее четвертинки дирхама⁶¹. К 2005 г. среди материалов Рюрикова городища были учтены 144 единичные находки (91% — фрагменты) и более 15 монет в составе 3 кладов, большинство из которых — обломки. Эту коллекцию дополняют более 77 случайных находок на отрясах Ильмена. Полные данные о находках из Новгорода пока не опубликованы, но в 2005 г. было известно о шести отдельных монетах и двух кладах куфических монет X в., содержащих 1600 дирхамов, более 80% которых фрагментировано⁶². Еще один клад конца X — первой половины XI в. состоял из 57 целых западноевропейских и 2 византийских монет, одна из которых обрезана⁶³. Сравнивая данные о фрагментации монет в кладах и культурном слое, открытых до второй половины прошлого века,

⁶¹ Blackburn M. The Coin-finds // Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 2). Aarhus, 2007. P. 45–47.

⁶² Гайдуков П.Г., Молчанов А.А., Носов Е.Н. Находки восточных монет VI–X вв. на новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 82–88.

⁶³ Гайдуков П.Г., Янин В.Л. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // ДГВ. 1994 г. Новое в нумизматике. М. 1996. С. 151–170.

следует помнить, что обнаружение мелких фрагментов зависит от техники раскопок, либо от случайных обстоятельств находок комплексов кладов, часто прошедших через многие руки. Очевидно также, что исследование культурного слоя без промывки или просеивания не позволяет полноценно извлекать мелкие части дирхамов из почвы. Так, например, резкое увеличение количества куфических монет, найденных на поселении Крутик в верховьях Шексны, связано с полной промывкой культурных напластований. Среди найденных на ситах обломков преобладают мелкие фрагменты⁶⁴.

Концентрация рубленного монетного серебра в культурном слое поселения в сочетании с находками весов и гирек, по мнению некоторых исследователей, отражает местные потребности в мелких номиналах, говорит о многократном переходе весового серебра из рук в руки, разнообразии товаров для продажи и покупки и значительной вовлеченности населения в торговые и обменные операции. В то же время высокий процент находок монет-подвесок указывает на доминирующую репрезентативную роль серебра в обществе, включая обмен дарами внутри элиты⁶⁵.

Торговый инвентарь — весы и гирьки составляют особую группу гнёздовских находок. На разных участках поселения обнаружено более 170 экземпляров разновесок, а также детали складных весов. Приспособления для взвешивания в виде единичных предметов или небольших наборов входили в погребальный инвентарь 52 курганов, большинство из которых расположено в Центральной и Лесной группах, наиболее тесно связанных с Центральным поселением. Приблизительно четвертая часть гнёздовских погребений с гирьками и весами содержала предметы вооружения, чаще всего наконечники стрел. Приспособления для взвешивания обнаружены в парных и одиночных захоронениях, в том числе и женских. В некоторых погребениях гнёздовского некрополя как раннего, так и позднего периодов торговый инвентарь сочетается с находками скоплений монет, единичными целыми экземплярами и фрагментами. К ним относится известный курган Л-13 со скандинавским парным сожжением, в котором оказалась гирька и 5 аббасидских монет (три из них в виде

⁶⁴ Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках. С. 223–276

⁶⁵ Blackburn M. The Coin-finds. P. 63–67 ; Hårdh B. Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study. Stockholm, 1996. P. 86.

обрезков). Парное сожжение кургана Л-23 содержало 2 гирьки разных форм и целый дирхам начала X в.; в богатом скандинавском парном сожжении Лб-1 вместе с весовой гирькой найдены 2 целых дирхама и обломки еще восьми монет; комплекс мужского труположения из Центральной группы (курган Ц-66) включал свинцовую гирьку и обломок саманидского дирхама первой половины X в.; парное сожжение кургана Ц-251 — две гирьки и фоллис Романа I (919–921); детское труположение кургана Дн-51 сопровождали миниатюрные складные весы в кожаном футляре и набор мелких обрезков восточных монет X в. Самое раннее погребение из указанных датировано вторым десятилетием X в., самое позднее — последней четвертью столетия.

В составе двух денежно-вещевых кладов, обнаруженных в восточной части селища, разновески были представлены наборами, отличающимися по форме, размерам и весу. На пойменном участке поселения найден также необычный клад торгового инвентаря, состоящий из складных весов в футляре, набора гирь для малых взвешиваний и нескольких скандинавских амулетов⁶⁶. В древнерусских кладах весы и гирьки встречаются исключительно редко, сейчас мы можем назвать четыре находки: новгородский клад XI в., найденный в 1938 г.; первый Неревский клад 970-х гг.; Подборовский клад конца X в. и Брилевский клад 90-х гг. IX в.⁶⁷. Единичные случаи находок весов и гирек в кладах X — начала XI в. известны в Южной Скандинавии и на территории Прибалтики⁶⁸.

⁶⁶ *Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М., 1991. С. 226–234; *Пушкина Т.А.* Новый Гнёздовский клад // ДГ. 1994 год.: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 171–186; *Пушкина Т.А.* Новые монетно-вещевые клады из Гнёздова // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В.Л.Янина. М., 2009. С.526–527; *Авдусина С.А.* Клад торгового инвентаря из Гнёздова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. III. С. 10–11.

⁶⁷ *Строков А.А., Богусевич В.А., Мантейфель Б.К.* Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 году // Новгородский исторический сборник. Новгород. 1939. Вып. 5.; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы. С. 173; *Рабицэвіч В.Н., Плавінскі М.А., Іоў А.В.* Брылёўскі скарб. Мінск, 2011. С. 221.

⁶⁸ *Hårdh B.* Wikingertidliche Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 9). Lund, 1976. S. 22, 23, 36, 42–45; *Strömberg M.* Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen. II: Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 4). Lund, 1961. S. 61, Taf. 76:4; *Urtāns V.* Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. gs.). Rīga, 1977. Lpp. 176–180, att. 86:18–18a.

В целом на сегодняшний день гнёздовская коллекция насчитывает 250 гирек и более 30 деталей и фрагментов складных весов, иногда дополненных футлярами для их хранения из металла и органических материалов. Эти цифры сопоставимы с данными по такому памятнику поздней эпохи викингов, как Бандлунде на Готланде. Здесь в культурном слое поселения обнаружено 153 разновески, причем почти 90% из них — это многогранные и сферические гирьки из медных сплавов и омедненного железа. Около 200 гирек найдено на торгово-ремесленном поселении Упокра в провинции Сконе на Юге Швеции. Этот памятник существовал с раннего железного века до поздней эпохи викингов. Здесь представлено другое соотношение типов разновесок: доля сферических экземпляров и кубооктаэдров составляет только 30%. В выборке преобладают различные типы свинцовых гирек, характерные больше для IX в. В Гнёздове они представлены двумя десятками экземпляров из раскопок поселения. По этой же причине трудно сравнивать гнёздовские материалы с находками из Бирки. Концентрация весовых гирек в некрополе и на поселении этого памятника значительно выше, чем в Гнёздове; они найдены в 148 из 1100 раскопанных в Бирке погребений — 252 штуки, а также на двух участках поселения (*Svarta Jorden, Stadsvallen*) — 293 экземпляра. Среди них меньше всего сферических гирек (6%), многогранные разновески составляют 19%, более 75% — это свинцовые экземпляры. В могильнике, напротив, доминируют сферические гирьки (63%), а кубооктаэдры и свинцовые разновески представлены почти равными долями (18–19%)⁶⁹. Сопоставляя материалы Бирки и Гнёздова, нельзя забывать и о значительных хронологических различиях. Памятник на озере Меларен возник примерно на 150 лет раньше, чем город на Верхнем Днепре, который, в свою очередь, существовал еще несколько десятков лет после заката Бирки в 70-е годы X в.⁷⁰ Самая многочисленная группа гирек шведского города в IX в. — свинцовые разновески — в X в. уступают место наиболее популярным типам поздней эпохи викингов — сферическим и многогранным гирькам.

⁶⁹ *Gustin I. Mellan Gåva och Marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid // Lund Studies in Medieval Archaeology. 2004. B. 34. S. 89–96.*

⁷⁰ *Jansson I. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet (AUN. 7). Uppsala, 1985. S. 178–186.*

Появление складных весов и стандартных гирек напрямую связано с фрагментацией монет. Их распространение на территории Северной и Восточной Европы вызвано повседневной необходимостью совершать мелкие торговые операции, а также выплачивать дань, налоги и долги, взвешивая целые дирхамы и их фракции — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{12}$ частей. Судя по находкам в культурном слое и погребениях, наборами весов обладали воины, торговцы, ремесленники, женщины и другие жители городов, торгово-ремесленных и сельских поселений. Весы и гири были обязательным атрибутом ювелира. Вероятно, представители элиты, выполняющие административные функции, в какой-то мере следили за операциями купли-продажи и обмена. Они могли, например, контролировать производство гирек, выступая гарантами их точного веса⁷¹. Однако массовый характер находок весовых гирек на таких памятниках, как Риббе, Каупанг, Бирка, Хедебю, Упокра и Гнёздово свидетельствует, что помимо операций купли-продажи под административным контролем процветала и мелкая свободная торговля, позволяющая получать прибыль рядовым жителям города⁷².

На территории Смоленского Поднепровья за пределами Гнёздовского археологического комплекса находки монет и торгового инвентаря на памятниках этого времени известны мало. Единичные экземпляры весов, их фрагментов или гирек встречены в курганах Новоселок и на городище Рокот — памятниках, близких к Гнёздову территориально и по некоторым характеристикам, но гораздо меньшего масштаба. Они обнаружены также в нескольких отдаленных от Гнёздова пунктах — Арефине, Слободе, Лопине и Сукромле (весы)⁷³. Столь же невелико и число памятников с находками монет — это уже названные Новоселки (обрезок восточной монеты) и Рокот (около 10 монет из культурного слоя, в том числе византийский фоллис). В Новоселках об-

⁷¹ *Söderberg A. & Holmquist Olausson L.* On Bronzing Iron Objects — Archaeological Evidence of Weight-Manufacture in Viking Age Scandinavia // *Proceedings of the VII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology.* Savonlinna, 1996. P. 188–192.

⁷² *Gustin I.* Mellan Gåva och Marknad. S. 256–258.

⁷³ *Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М., 1991. С. 226; *Енисосова Н.В., Нефёдов В.С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // *Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер (Труды ГИМ. Вып. 111).* М., 1999. С. 64–67.

резок восточной монеты и обе гирьки найдены в скандинавском погребении с мечом⁷⁴.

Одна из наиболее выразительных черт материальной культуры Гнёздова — обилие вещей скандинавского происхождения. Для того, чтобы оценить степень их концентрации в Верхнем Поднепровье, достаточно обратиться к топографии находок характерных женских украшений, амулетов, бытовых изделий и предметов вооружения, попавших на Русь из Северной Европы. Следует заметить, что на данном этапе исследования сравнение производилось без учета типов памятников и их периодизации. В перспективе сопоставление следовало бы провести более строго по единому списку категорий находок, отдельно для поселений, могильников и кладов и внутри отдельных хронологических периодов. К сожалению, пока выполнить такое условие невозможно, поскольку, во-первых, материалы опубликованы далеко не полностью; во-вторых, остается спорным вопрос о возможности этнической атрибуции и происхождения некоторых групп находок, например, роговых гребней или наконечников стрел.

Скандинавские древности широко представлены в Новгородской и Псковской землях, Приладожье, на Верхней Волге, в Суздальском Ополе, Среднем Поднепровье и Подвинье⁷⁵. К настоящему времени на территории Украины, включая Киев, Чернигов и Шестовицы, известно более 250 объектов этого круга. Предметы вооружения составляют 1/3 этой выборки, такую же долю занимают украшения женского и мужского костюма, включая амулеты⁷⁶. На территории западных областей Руси в пределах современной Беларуси обнаружено около 50 находок⁷⁷. На Севере Руси скандинавские вещи появляются раньше, чем на Юге, здесь преобладают предметы женского и мужского убора, и присутствуют такие редкие типы находок, как амулеты с руническими надписями или «татингские» сосуды, обна-

⁷⁴ Шмидт Е.А. Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4. С. 178–179; Нефёдов В.С. Городище Рокот. С. 239.

⁷⁵ Пушкина Т.А. Скандинавские находки с территории Древней Руси (обзор и топография) // XIII Сканд. конф. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 176–177.

⁷⁶ Зоценко В.Н., Андричук Ф.А. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012. С. 32–36.

⁷⁷ Дернович С.П. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006. С. 55–65, каталог находок.

руженные на Рюриковом городище и в Старой Ладогe. Одна из самых крупных в Восточной Европе коллекций, содержащая более 150 предметов скандинавского круга, происходит из раскопок Рюрикова городища под Новгородом⁷⁸.

На территории Смоленского Поднепровья примерно в 11 пунктах найдено несколько сотен предметов скандинавского происхождения. Единичные находки фибул, предметов вооружения, элементов ременной гарнитуры и бытовых предметов, не образующие отдельных комплексов, происходят из восьми памятников, так или иначе тяготеющих к водным путям этой территории. Поселения и курганы в Новоселках и Рокоте, расположенные в округе Гнёздова, обладают более значительными коллекциями — около 20 предметов в каждом из пунктов⁷⁹. Подавляющее большинство находок североευропейского облика в верхнеднепровском регионе обнаружено в Гнёздове в составе погребальных комплексов, кладов и в культурном слое поселения. К ним относятся различные украшения, детали женского и мужского костюма, амулеты, игральные шашки, бытовые предметы, литейные формы, оружие, предметы вооружения, снаряжение коня и некоторые другие категории — всего более 500 находок⁸⁰. Почти половина из них происходит с территории поселения. Различные типы фибул, подвески, амулеты, браслеты и принадлежности ременной гарнитуры насчитывают более 350 экземпляров. Появление этих вещей не было результатом одноактного культурного импульса: новые типы вещей поступали в Верхнее Поднепровье благодаря постоянному притоку людей из Северной Европы. Бытование и, возможно, производство скандинавских изделий осуществлялось без запаздывания вплоть до последней четверти X в. Круг аналогий гнёздовским находкам свидетельствует о хорошо налаженных связях с Восточной и Средней Швецией, в особенности с Биркой: на прямые контакты этих центров указывают не только различные категории находок, встреченные

⁷⁸ Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменьe и Поволховье // Русь в IX–X веках. С. 115.

⁷⁹ В Новоселках найдены 3 каролингских меча, 4 кольцевидных и 2 скорлупообразные фибулы, которые происходят из достоверных комплексов. Находки из Рокота в основном носят случайный характер.

⁸⁰ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 255–257.

только в этих двух пунктах, но и общие черты погребального обряда⁸¹.

Североевропейские производственные традиции доминировали в металлообрабатывающем ремесле Гнёздова. Местные кузнецы изготавливали бытовые ножи, орудия труда и некоторые виды вооружения, используя северную технику трехслойного или пятислойного пакета, а также вварку стального лезвия⁸². Жители города на Верхнем Днепре обладали значительными платежными средствами и запасами весового серебра для развития элитарного ювелирного ремесла. Изготовление более дешевых украшений, например, языческих амулетов из медных сплавов, было рассчитано на представителей другой социальной группы — рядового скандинавского населения. На различных участках гнёздовского поселения найдены многочисленные следы обработки золота, серебра, медных и легкоплавких сплавов, а также свидетельства производства украшений — важных символов культурной принадлежности для поселенцев, живущих вне Скандинавии⁸³. Несмотря на убедительную картину присутствия скандинавов во многих пунктах на территории Древней Руси, находки — индикаторы изготовления вещей северных типов — обнаружены помимо Гнёздова в Старой Ладогге, на Рюриковом городище, Городке на Ловати, Белоозере и Суздале хотя масштаб этих свидетельств неравнозначен⁸⁴.

Обилие и разнообразие вещей скандинавского круга в гнёздовском некрополе и на всех участках поселения с самого раннего этапа существования памятника до первых десятилетий XI в. отражает непрерывные контакты с территорией Скандинавии и с большой долей вероятности дает основание говорить о миграции на эту территорию населения из Северной Европы, преимуще-

⁸¹ Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнёздово и Бирка. С. 11–17; Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М. 1989. С. 190–204.

⁸² Розанова Л.С., Пушкина Т.А. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. С. 81–82.

⁸³ Ениосова Н.В. Ювелирное производство Гнёздова. С. 14; Она же. О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнёздове // XIV Сканд. конф. М., 2001. Ч. 1. С. 133–135; Она же. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. С. 83–92.

⁸⁴ Хвоцинская Н.В. Бронзолитойное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 124–139.

ственно из Средней Швеции⁸⁵. Этот вывод основан, прежде всего, на оценке удельного веса скандинавских погребений в гнёздовском могильнике, произведенной Ю.Э. Жарновым с учетом этноопределяющих признаков в комплексах, дифференцированных по половозрастной принадлежности. Судя по находкам украшений — надежных индикаторов присутствия скандинавских женщин, — они были похоронены в 40–50% гнёздовских курганов. Эта тенденция разделения женщин по этническому признаку и естественный характер соотношения мужчин и женщин позволяют предположить, что скандинавам принадлежит не менее четверти гнёздовских погребений⁸⁶. Заманчиво видеть в них росов, живущих в верховьях реки Днепр, упоминаемых в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»⁸⁷.

О контактах города на Верхнем Днепре и Константинополя свидетельствует исключительная по масштабу коллекция находок византийского происхождения из Гнёздова, содержащая 50 монет, большая часть из которых фоллисы, выпущенные с VI по первую четверть XI в. на различных монетных дворах⁸⁸. Менее многочисленные милиарисии и номисмы были превращены в подвески. Прямые контакты с официальными представителями империи подтверждаются находками четырех свинцовых печатей, принадлежавших сановникам высокого ранга⁸⁹.

Интенсивные раскопки последних десятилетий на различных участках гнёздовского поселения значительно пополнили число отдельных фрагментов и определимых форм амфорной тары на-

⁸⁵ *Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // *The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996 in the manor of Karlsund. Örebro, 1997.* P. 47–51, 53.

⁸⁶ *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнёздове // *Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города).* М., 1991. С. 215–216; Табл. 2, 3.

⁸⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е исправ. М., 1991. С. 173; ср.: *Мельникова Е.А.* Росия и росы в *De administrando imperio* Константина VII Багрянородного // *ВЕДС-XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация.* М., 2009. С. 201–209.

⁸⁸ *Шевцов А.О.* О проблеме присутствия монет Феофила (829–841) на территории Гнёздовского археологического комплекса (в печати). Благодарим автора за предоставленную возможность сослаться на его статью.

⁸⁹ *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздова в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // *Сугдейский сборник. Киев, 2012. Вып. V. С. 45–48.*

чального этапа русско-византийской торговли. Только на небольшом по площади раскопе (72 кв. м), исследованном в 2008–2013 гг. в юго-западной части городища, обнаружено более 70 обломков амфор византийского культурного круга. Сосуды этой группы, датирующиеся второй половиной X — первой половиной XI в., известны по находкам фрагментов на Севере и Юге Древней Руси, но гнёздовская выборка на настоящий момент — самая впечатляющая. Рост числа обломков в культурном слое городища, на восточном и пойменном селищах показывает, что потребители дорогих продуктов жили во второй половине X в. на различных участках поселения. Несмотря на то, что находки амфор чаще всего отражают перемещение археологически «невидимых» товаров, в отмывках культурного слоя из двух ям конца X в., исследованных в восточной части селища, обнаружены виноградные косточки, попавшие сюда, вероятнее всего, вместе с греческим вином⁹⁰. На высокий престиж греческой товарной тары указывает находка знаменитой гнёздовской амфоры в одном из самых богатых погребений некрополя.

Гнёздовская коллекция византийской поливной керамики, состоящая из целых и фрагментированных блюд (3), кружек (4) и миниатюрных кувшинов (3), является наиболее представительной для территории Древней Руси X — первой половины XI в. Небольшое полихромное блюдо с изображением сэнмурва, обнаруженное В.И. Сизовым в 1885 г. в «Большом» кургане, имеет наиболее близкие параллели в материалах Преслава — второй столицы Первого Болгарского царства. На территории этого города были исследованы мастерские, производящие поливную архитектурную и столовую керамику с конца IX до середины X в. За пределами Преслава продукция его мастерских встречается исключительно редко. Белоглиняные полихромные сосуды принадлежали к наиболее редким и дорогим типам византийской керамики и распространялись в качестве дипломатических даров, а не предметов торговли⁹¹.

Для русов, посещавших Константинополь в X в., шелк, ценный наравне с золотом, был наиболее желанным продуктом «ма-

⁹⁰ Там же. С. 48–51.

⁹¹ Там же. С. 48–55; *Kostova R.* Polychrome ceramics in Preslav, 9th to 11th centuries: where were they produced and used? // *Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange.* Oxford, 2009. P. 97–121.

стерских великолепия». Они принимали драгоценные одежды в дар от императора на приемах, получали их в виде дани во время набегов или покупали в Константинополе, хотя торговля шелком была ограничена. В гнёздовских курганах и на поселении обнаружены фрагменты шелка и золотных нитей византийского производства. В составе некоторых погребений они соседствуют с атрибутами христианской веры — серебряными крестиками или свечами. Эти находки свидетельствуют о распространении христианства до официального крещения Руси среди представителей аристократии, поддерживающих прямые дипломатические и торговые контакты с Византией. В Гнёздове обнаружены предметы личного благочестия первых христиан: кресты-тельники и энколпионы. Все три креста-реликвария, найденные в западной и пойменной части гнёздовского селища, относятся к типам, широко распространенным на территории Византийской империи и Балкано-Дунайского региона. Однако они занимают особое место в истории начальной христианизации Древней Руси, так как принадлежат к небольшой группе наиболее ранних мощевиков на этой территории⁹².

Изделия византийского прикладного ремесла представлены в Гнёздове такими редкими вещами, как ларец «розеточного» типа из кургана Оль-23, резная ложка из слоновой кости, обнаруженная в кладе золотых и серебряных вещей в юго-западной части городища в 1940 г., а также отдельными находками из стекла, камня, кости и металла. Среди них костяные шашка и пуговица, мозаичный кубик и браслет, перстни, пряжки, книжные застежки-кинжальчики и пинцеты⁹³. В финальном горизонте на «высоком» участке поймы около озера Камыши (конец X — начало XI в.) найдены железные писала, наиболее близкие аналогии которым известны на территории Дунайской Болгарии. Это самые ранние инструменты для письма на территории Верхнего Поднепровья⁹⁴.

В целом, находки византийского круга, привезенные из метрополии или с территорий, на которых ощущалось ее сильное влияние, обнаружены в культурном слое Центрального городища и на всех участках окружающего его селища, а также в 20-ти

⁹² Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки. С. 55–65.

⁹³ Там же. С. 65–74.

⁹⁴ Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Изучение. С. 185.

наиболее богатых захоронениях гнёздовского некрополя. По ряду критериев, используемых традиционно для выявления скандинавских комплексов, к таковым можно отнести 17 из 20 обсуждаемых курганов. В них похоронены мужчины и женщины высокого социального статуса, принадлежащие, вероятно, к кругу участников военных походов, торговых и дипломатических миссий. Об их пребывании в Константинополе говорят такие находки как полихромная поливная керамика, одежда из шелка, монеты и ларец «розеточного» типа. Производство предметов роскоши в Византии предназначалось не для рынка, а для потребностей двора, армии, дипломатических даров, дани и строго контролировалось государством. Нельзя не учитывать и того факта, что изделия столичных мастерских на территории Руси могли менять своих владельцев в результате дарения, грабежа или торговли⁹⁵.

Согласно русско-греческим договорам и трактату «Об управлении империей» Константина Багрянородного, Киев — резиденция главного «архонта» Руси — играл ключевую роль в дипломатических и торговых отношениях с Константинополем. Нет никаких сомнений, что Киев занимал выгодное положение на широтном пути с Востока на Запад и находился в нескольких неделях плавания от Византии в весеннее время. Однако при сопоставлении синхронных и во многом схожих гнёздовских и киевских материалов мы не находим признаков особого столичного статуса Киева вплоть до конца X в.⁹⁶ Византийские вещи не часто встречаются в культурных напластованиях и погребениях конца IX–X в.⁹⁷ Резкое увеличение числа находок, включая произведения художественного ремесла, характерно для киевских материалов XI — первой половины XIII в.⁹⁸ Аккумуляция престижных византийских импортов в руках гнёздовской аристократии свидетельствует, что в X в. Киев не был единственным центром дипломатических и торговых отношений с Византийской империей.

⁹⁵ Енисова Н.В., Пушкина Т.А. Находки. С. 74–76.

⁹⁶ Следует заметить, что богатство и разнообразие находок из Гнёздова во многом определяется относительно хорошей сохранностью некрополя и поселения, но, тем не менее, для обсуждаемого хронологического периода масштабы коллекций из Гнёздова и Киева несопоставимы по многим критериям.

⁹⁷ Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л. 1958. Т. I. С. 215; Сагайдак М.А. Хронология археологических комплексов древнего Киева // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 2. С. 136–142.

⁹⁸ Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XII века. М. 1975. С. 295–297.

В картине становления и развития древнерусской элиты, реконструируемой в трудах таких исследователей, как А.В. Назаренко и П.С. Стефанович, в формирующемся государственном устройстве Руси X в. есть место для «политической стихии покуда еще не окняженных торгово-ремесленных центров» или для «архонтов», которые управляли фактически независимыми землями, хоть и признавали первенство киевского князя⁹⁹. Вероятно, в Верхнем Поднепровье на протяжении X в. правили «архонты»/«князья»/«бояре», известные по русско-греческим договорам и сообщениям Константина Багрянородного.

Недавно на основе материалов раскопок на пойменном участке гнёздовского поселения были высказаны предположения о «катастрофических событиях», сыгравших ключевую роль в истории Гнёздова. Следы пожаров и временного запустения на отдельных участках пойменного селища рассматриваются В.В. Мурашевой как свидетельство насильственного установления киевской власти в Верхнем Поднепровье в середине X в. Исследовательница связывает «перелом» в отношениях Киева и Гнёздова с процессом установления погостов и даней княгиней Ольгой¹⁰⁰. Смена власти, по ее мнению, прослеживается и в материальной культуре Гнёздова. Здесь появляются пиррофиллитовые пряслица, ременная гарнитура «черниговской школы» и среднеднепровская круговая керамика. По мнению В.В. Мурашевой, с юга приходит традиция погребения в камерах, а хронологически компактная группа гнёздовских кладов середины X в. является прямым отражением разгрома «старой» гнёздовской элиты. Практически те же археологические материалы использует В.С. Нефёдов, рассмотревший процесс политогенеза на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья. В рамках второго этапа (вторая половина X — первая половина XI в.) в первой половине 960-х гг., по мнению автора, «в раннегородском центре произошло катастрофическое событие», т. е. военный разгром. В данном случае автор связывает акцию подчинения Гнёздова с какими-то действиями первых лет самостоятельного правления Святослава¹⁰¹. Конечно,

⁹⁹ Назаренко А.В. Князь и дружина в эпоху договора Руси с греками // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда. 2014. С. 22; Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 437–440.

¹⁰⁰ Мурашева В.В. Актуальные проблемы. С. 399.

¹⁰¹ Нефёдов В.С. Смоленское Понепровье и Подвинье. С. 289.

трудно не обратить вслед за Н.И. Платоновой внимания на то, что в русско-византийском договоре 971 г. отсутствует упоминание о 22 «князьях» или «архонтах», фигурировавших в подписанных ранее документах¹⁰². Однако в эту эпоху контроль над людьми и территориями не был стабильным, а правители и даже династии находились у власти непродолжительный период. За 27 лет, прошедших между заключением договоров, многие участники посольства 944 года могли умереть естественной смертью или погибнуть в неведомых нам локальных конфликтах, хотя все предложенные сценарии уязвимы из-за скудости письменных источников и фрагментарности археологических данных.

Как уже говорилось, немало кладов, синхронных гнёздовской компактной группе 950–960-х гг., известно на других близких или далеких территориях Древней Руси. Одновременность пожарищ, выявленных на разных участках поселения, особенно если учитывать наши ограниченные возможности в определении точных дат, совсем не очевидна. В большинстве случаев мы можем говорить только о том, что эти слои, вероятно, относятся к первой половине, середине или второй половине века, либо к рубежу X–XI вв. Следы нескольких пожаров, разрушивших жилые и другие постройки первой половины — середины X в., были зафиксированы на площадке городища. Перестройка или подновление дерево-земляных укреплений Центрального городища происходили несколько раз и не только в середине, но и в конце X в.¹⁰³.

Остановимся на некоторых других аргументах в поддержку военной экспансии Киева. Появление и распространение круговой керамики и ременной гарнитуры среднеднепровского типа трудно рассматривать как результат подчинения центральной власти. Среднеднепровский тип круговой керамики, наиболее выразительно представленный материалами Шестовиц и Киева, до недавнего времени был известен по единичным находкам в виде урн в гнёздовских погребениях и составлял лишь около 1% среди массового материала¹⁰⁴. В настоящее время фрагменты этих характерных

¹⁰² Платонова Н.И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС-IX: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997. С. 72–73.

¹⁰³ Пушкина Т.А. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 8.

¹⁰⁴ Каменецкая Е.В. О некоторых типах керамики Гнёздова // СА. 1988. № 1. С. 258–262. В этой же статье отмечены в Шестовицких курганах находки характерных

сосудов составляют значительную часть керамической коллекции; они найдены практически на всей территории поселения. Обычно этот тип керамики датируется второй половиной X — рубежом X—XI вв. Исследовавшая находки среднеднепровской керамики Е.В. Каменецкая, не исключая местного производства, осторожно отмечала, что сосуды могли попасть в Гнёздово либо с владельцами, либо как предметы торговли единичными экземплярами или небольшими партиями¹⁰⁵. Формы найденных в Гнёздове височных, в том числе и лучевых, колец и формы гнёздовской керамики, особенно раннекруговой, указывают на связь славянской части населения Гнёздова с роменцами, памятники которых на Левобережье Днепра существуют на протяжении первой половины X в. и позже¹⁰⁶. На наш взгляд, появление среднеднепровской керамики среди материалов верхнеднепровского раннегородского центра указывает всего лишь на продолжение и дальнейшее развитие связей между названными регионами. Ременные накладки, выполненные в традициях «черниговской школы» (среднеднепровского типа), наиболее характерны для гнёздовской коллекции и составляют более 18% всех находок этой группы¹⁰⁷. Однако существование этой школы отнесено в целом ко второй половине X в., *т. е. ко времени после 950 г.*, и, следовательно, эти предметы не могли появиться где бы то ни было раньше. Точно так же обстоит дело и с опорой на датировку пиррофиллитовых пряслиц. По последним данным, поселения на Овручском кряже возникают не ранее второй половины X в., а стандартные пряслица массово присутствуют в городских слоях Киева в 70–80-е гг. того же столетия¹⁰⁸. В попытках подобрать необходимые археологические иллюстрации для исторических реконструкций можно попробовать обсудить, например, огромный массив ременной гарнитуры из Волжской Болгарии и Прикамья. Такой тип поясных и уздечных накладок доминирует в Гнёздове и других раннегородских центрах также со второй по-

гнёздовских сосудов, что со всей очевидностью говорит о двусторонних контактах населения этих центров.

¹⁰⁵ Каменецкая Е.В. Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 133.

¹⁰⁶ Пушкина Т.А. Лучевые кольца Гнёздова // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. М.; Вологда. 2015. С. 155–160.

¹⁰⁷ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) М., 2000. С. 95.

¹⁰⁸ Томашевский А.П. Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 58–59.

ловины X в., но у нас, к счастью, нет летописных данных об экспансии Волжской Болгарии в Верхнее Поднепровье в этот период. Оценивая роль военных конфликтов, нельзя оставлять за рамками культурно-исторических интерпретаций торговые контакты, развитие моды и естественный процесс появления новых типов вещей на обширных пространствах Древней Руси. Было бы корректнее обсуждать изменения в материальной культуре раннегородских центров, сопоставив их общие признаки.

Гнёздовские материалы с большой долей вероятности указывают на независимое существование раннегородского центра на Верхнем Днепре вплоть до последних десятилетий X в., несмотря на политическую и территориальную экспансию Киева.

При отсутствии письменных источников трудно судить, какие именно исторические события вызвали упадок Гнёздова. Самые поздние погребения Гнёздовского некрополя могут быть датированы рубежом X–XI — началом XI в., хотя число их невелико. Археологические материалы указывают на то, что достаточно активная жизнь здесь продолжалась и в начале XI в., но постепенно Гнёздово утратило уникальный характер городского центра, превратившись в феодальную усадьбу. Мы не знаем, был ли этот процесс мирным, и были ли среди жителей Смоленска люди, родившиеся в Гнёздове. Признаков того, что «финал Гнёздова был событием, а не процессом», связанным с междукняжескими усобицами 1015–1026 гг.¹⁰⁹, мы не находим. Финальный этап, связанный с угасанием города и переходом его функций к летописному Смоленску, сближает Гнёздово с некоторыми раннегородскими центрами Северной Европы. Как полагают, они перестали существовать в результате комплекса причин, среди которых — постепенное прекращение импорта исламских монет в 70-е гг. X в. и изменение торговых путей, а также конфликт между местной элитой и центральной властью формирующегося государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д.А.* Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 159–169.
- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 190–205.

¹⁰⁹ *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье. С. 293.

- Авдусина С.А.* Клад торгового инвентаря из Гнёздова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. III. С. 10–11.
- Алексеев Л.В.* О древнем Смоленске (К проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 83–103.
- Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.
- Гайдуков П.Г., Молчанов А.А., Носов Е.Н.* Находки восточных монет VI–X вв. на новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 82–88.
- Гайдуков П.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Янин В.Л.* Новый клад куфических монет из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 17–21 апреля 2000г. Тезисы. М., 2000. С. 55–56.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // ДГ. 1994 год: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Гуцин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л., 1936.
- Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XII века. М., 1975.
- Дернович С.П.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006.
- Ениосова Н.В.* О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнездове // XIV Сканд. конф. М., 2001. Ч. 1. С. 133–135.
- Ениосова Н.В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124). М., 2001. С. 83–92.
- Ениосова Н.В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара. 2000. Псков, 2001. С. 207–219.
- Ениосова Н.В.* Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Ениосова Н.В., Нефёдов В.С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер (Труды ГИМ. Вып. 111). М., 1999. С. 64–73.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Скандинавские украшения из гнездовских кладов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 187–191.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010.

- Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М., 1991. С. 200–225.
- Жарнов Ю.Э.* Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Завозская Э.П., Бронникова М.А.* Палеоландшафты Гнёздова: реконструкция, перспективы исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124). М., 2001. С. 197–201.
- Захаров С.Д.* Белоозеро // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 212–239.
- Зозуля С.С., Каинов С.Ю., Гомзин А.А.* Клад куфического серебра из Гнёздова // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 50–73.
- Зоценко В.Н., Андрощук Ф.А.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012.
- Каинов С.Ю.* К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнёздовском могильнике // XVI Сканд. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 200–203.
- Каинов С.Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок в Гнёздово // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999. С. 49–62.
- Каинов С.Ю.* Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М., 2014. С. 34–46.
- Каменеуцкая Е.В.* К вопросу о хронологии и топографии Гнёздова по керамическому материалу // Славяне и иные языки... (Труды ГИМ. Вып. 198). М., 2014. С. 141–151.
- Каменеуцкая Е.В.* Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 122–134.
- Каменеуцкая Е.В.* О некоторых типах керамики Гнёздова // СА. 1988. № 1. С. 258–262.
- Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л. 1958. Т. I.
- Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А.* Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 171–176.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е исправ. М., 1991.
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X вв. // Русь в IX–X веках Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 382–401.

- Мельникова Е.А.* Росия и росы в *De administrando imperio* Константина VII Багрянородного // ВЕДС-XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 201–209.
- Микляев А.М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1992. Вып. 4–5. С. 133–138.
- Мурашева В.В.* Актуальные проблемы исследования Гнёздова // ДГ. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 389–405.
- Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) М., 2000.
- Мурашева В.В., Фетисов А.А.* Портовая зона Гнёздова // Міста Давньої Русі. Київ, 2014. С. 287–293.
- Назаренко А.В.* Князь и дружина в эпоху договора Руси с греками // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014. С. 14–24.
- Нефёдов В.С.* Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 250–258.
- Нефёдов В.С.* Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV Сканд. конф. М., 2004. Ч. 1. С. 238–241.
- Нефёдов В.С.* Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2002. № 17. С. 131–139.
- Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // ДГ. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 270–299.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., Смоленск, 1995.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2014.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979 № 4. С. 100–112.
- Платонова Н.И.* Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС-IX: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997. С. 69–73.
- Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.
- Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1984. С. 46–48.
- Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

- Пушкина Т.А.* Изделия косторезного ремесла из Гнездова (Труды ГИМ. Вып. 82). М., 1993. С. 57–68.
- Пушкина Т.А.* Клад «ювелира» периода викингов из Верхнего Поднепровья // *Arheoloģija un Etnogrāfija. Rīga*, 2010. Т. XXIV. С. 183–188.
- Пушкина Т.А.* Лучевые кольца Гнездова // *Города и веси* (в печати).
- Пушкина Т.А.* Новые монетно-вещевые клады из Гнездова // *Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В.Л. Янина*. М., 2009. С. 525–532.
- Пушкина Т.А.* Новый Гнездовский клад // *ДГ*. 1994 год: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 171–186.
- Пушкина Т.А.* Первые Гнездовские клады: история открытия и состав // *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина*. М., 1998. С. 370–377.
- Пушкина Т.А.* Скандинавские находки с территории Древней Руси (обзор и топография) // XIII Сканд. конф. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 175–178.
- Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // *Смоленск и Гнездово (К истории древнерусского города)*. М., 1991. С. 226–243.
- Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Каинов С.Ю., Новиков В.В., Шарганова О.Л.* Изучение Центрального поселения в Гнездове // *Археологические открытия 2010–2013 годов*. М., 2015. С. 240–243.
- Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В.* Изучение Гнездовского комплекса археологических памятников // *Вестник РГНФ*. 2015. № 3 (80). С. 181–193.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В.* Гнездовский археологический комплекс // *Русь в IX–X веках Археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012. С. 242–273.
- Пушкина Т.А., Розанова Л.С.* Кузнечные изделия из Гнездова // *РА*. 1992. № 2. С. 201–220.
- Рабцэвіч В.Н., Плавінскі М.А., Іоў А.В.* Брыльёўскі скарб. Мінск, 2011.
- Розанова Л.С., Пушкина Т.А.* Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнездова // *Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник (Труды ГИМ. Вып. 124)*. М., 2001. С. 77–82.
- Рыбаков Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. // *ВИ*. 1962. № 4. С. 34–57.
- Сагайдак М.А.* Хронология археологических комплексов древнего Киева // *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов*. Киев, 1988. Т. 2. С. 136–142.
- Сизов В.И.* С. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска // *Материалы по археологии России*. СПб., 1902. № 28.
- Спицын А.А.* Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // *Известия археологической комиссии*. СПб., 1905. Вып. 15. С. 6–70.

- Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.
- Строков А.А., Богусевич В.А., Мантейфель Б.К.* Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 году // Новгородский исторический сборник. Новгород. 1939. Вып. 5. С. 136–142.
- Томашевский А.П.* Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 50–73.
- Фомин А.В.* Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX — XIII вв. Киев, 1988. С. 74–80.
- Хвоцинская Н.В.* Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 123–141.
- Шевцов А.О.* О проблеме присутствия монет Феофила (829–841) на территории Гнездовского археологического комплекса (в печати).
- Шмидт Е.А.* Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4. С. 146–218.
- Шмидт Е.А.* К вопросу о древних поселениях в Гнездове // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1974. Вып. VIII. С. 150–164.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории средневекового Новгорода. М., 2009.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956.
- Янин В.Л.* Рецензия на: Корзухина Г.Ф. Русские клады X–XIII вв. М.; Л., 1954 // СА. 1956. № XXV. С. 357–366.
- Blackburn M.* The Coin-finds // Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 2). Aarhus, 2007. P. 29–72.
- Callmer J.* Urbanisation in Northern and Eastern Europe, ca.700–1100 // Post-Roman towns, trade and settlements in Europe and Byzantium (Millenium Studien. Vol. 5). B.; N.Y., 2007. P. 233–302.
- Callmer J.* At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black sea. Aarhus, 2013. P. 39–87.
- Eniosova N.V.* Tracing the routes of silver procurement to the early urban centre Gnezdovo in the 10th — early 11th centuries // Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. RGZM — TAGUNGEN. Mainz, 2012. Bd. 17. P. 261–276.
- Forshell H.* The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992.
- Gustin I.* Mellan Gäva och Marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid // Lund Studies in Medieval Archaeology. 2004. B. 34.
- Hedenstierna-Jonson Ch.* The Birka Warrior. The material culture of a martial society // Theses and papers in scientific archaeology. Stockholm. 2006. Vol. 8.

- Hårdh B.* Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 9). Lund, 1976.
- Hårdh B.* Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Probleme und Analysen (Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° Minore. No. 6). Lund, 1976.
- Hårdh B.* Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study (Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° No.25) Stockholm, 1996.
- Hårdh B.* Scandinavian Metalwork // Things from the Town. Artefacts and Inhabitants in the Viking-age Kaupang (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 3). Aarhus, 2011. P. 29–64. P. 29–63.
- Jansson I.* Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet (AUN. 7). Uppsala, 1985.
- Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996 in the manor of Karlsund. Örebro, 1997. P. 9–64.
- Kainov S.* Swords from Gnězdovo // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Rzeszów; Sanok, 2012. T. VIII. P. 7–68.
- Kostova R.* Polychrome ceramics in Preslav, 9th to 11th centuries: where were they produced and used? // Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange. Oxford, 2009. P. 83–97.
- Neiß M., Sholts S., Wärmländer S.* 3D Laser scanning as a tool for Viking studies // Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospections, modeling, reconstructions). SPb., 2012. P. 170–185.
- Nosov E., Chvoščinskaja N.* Some Aspects of Studies of Ringed Pins from Rus' // Cultural interrection between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm, 2007. P. 239–242.
- Puškina T.A.* Gnezdovo-boplassen: En boplass fra vikingtiden ved Øvre Dnepr // Gunneria. Trondheim, 1991. Vol. 64. S. 359–366.
- Pedersen A.* Viking weaponry // The Viking World. L., N.Y., 2012. P. 204–211.
- Skre D.* The development of urbanism in Scandinavia // The Viking World. L.; N.Y., 2012. P. 83–93.
- Skre D.* Towns and Markets, Kings and Central Places in South-western Scandinavia c. AD 800–950 // Kaupang in Skiringssal (Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. by D. Skre. Vol. 1). Aarhus, 2007. P. 445–469.
- Steuer H.* Urban Settlement. Part 2: Central, Northern, Eastern and Southern Europe // The Archaeology of medieval Europe. Aarhus. 2007. Vol. 1: Eighth to Twelfth Centuries AD. P. 129–153.
- Söderberg A. & Holmquist Olausson L.* On Bronzing Iron Objects — Archaeological Evidence of Weight-Manufacture in Viking Age Scandinavia // Proceedings of the VII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology. Savonlinna, 1996. P. 188–193.

- Strömberg M.* Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen. II: Katalog und Tafeln (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. No. 4). Lund, 1961.
- Thålin-Bergman L.* Die Waffengräber von Birka // Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986. S. 5–10.
- Urbańczyk P.* What did early medieval authors know about structures of governance and religion in northern Central Europe // Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 1.). Hannover, 2010. P. 356–361.
- Urtāns V.* Senākie depoziīti Latvijā (līdz 1200. gs.). Rīga, 1977.

N.V. Eniosova, T.A. Pushkina

GNEZDOVO AS THE EARLY URBAN CENTER IN THE AGE OF
FORMATION OF THE EARLY RUSSIAN STATE:
SOME PROBLEMS OF ITS INTERPRETATION

Abstract: The article discusses vexed questions of archaeological, cultural and historical interpretation of Gnezdovo archaeological complex in the Upper Dnieper region. On its spacious territory there were investigated eight mound groups, living and manufacturing zones, as well as plots connected with the river harbour. The area of the settlement comprising the hillfort (*gorodishche*) with fortifications and the unfortified part (*selishche*) was about 30 ha in its heyday. Judging by the necropolis data, the approximate numbers of the population were somewhat 800–1100 persons. The area was notable for its stable demographic structure and for obvious social differentiation of its population. The only early urban centre of the Smolensk area along the Dnieper occupied the dominating position in the region and controlled the system of settlements which ensured the functioning of the trade route “from the Varangians to the Greeks” on its section along the Dnieper and the Lovat. Local handicraft arose on the basis of manufacturing traditions of various ethnic groups and was of permanent character. Cultivated plants and animal agriculture on pastures were of great importance in the economy of the settlement. These facts show against its interpretation as an “open trade and handicraft” centre with the population whose number changed vitally because of the seasonal intake of “guests” (merchants) and transit travellers. A tiny part of the “military” burials prevents from taking Gnezdovo necropolis for a druzhina cemetery. The second half of the tenth century was the heyday of the town on the Upper Dnieper: the territory of the settlement achieved its maximum; absolute majority of investigated mound graves were also erected at that time. They were burials of the representatives of local élite who used to fulfil military and administrative functions, and their servants, as well as merchants, craftsmen, owners of ploughed fields and livestock. Considerable volume of silver belonging to Gnezdovo inhabitants

shows that the main direction of trade activity was determined with oriental contacts. Predominance of fragmented coins in the cultural layers is an evidence for the active participation of the inhabitants in trade and exchange. Plenty of finds of northern origin on various plots of Gnezdovo archaeological complex reflect continuous contacts with Scandinavia during the tenth century. It has reason to suppose the migration of the population from Middle Sweden to this territory. Finds of female jewellery evidence that 40 to 50 per cent of the Gnezdovo graves were burials of Scandinavian women. No less than a quarter of the burials as a whole belong to Scandinavians. The accumulation of prestigious Byzantine imports belonging to the Gnezdovo élite shows that Kiev was not the only centre of diplomatic and trade contacts with the Byzantine empire, Gnezdovo having a special place in relations with Constantinople since the first decades of the tenth century to its end. The early urban centre on the Dnieper existed during several generations and finished functioning due to a complex of causes, such as gradual ceasing of the import of Islam coins during the 70s of the tenth century and changing of trade routes, as well as the conflict of the local élite and the central authorities of the growing state.

Keywords: The Upper Dnieper region, Gnezdovo archaeological complex, early urban centre, import of oriental coins, contacts with Scandinavia, finds of Byzantine origin

А.А. Горский

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ПОСАДНИЧЕСТВА НА РУСИ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о времени складывания на Руси системы управления через княжеских наместников в городах (явлении, признаваемом современной политической антропологией показателем перехода к государственной стадии политического развития). Сведения из главы 9 трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (940-е гг.) о русских «крепостях» сопоставляются с данными русско-византийского договора 944 г. и известиями Начального свода и Повести временных лет. В результате автор приходит к выводу, что во всех упоминаемых Константином центрах (к ним относятся Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Витичев) сидели наместники киевского князя, а не славянские князья и не независимые от Киева варяжские предводители. Эти города служили местами концентрации дани, собранной с близлежащих к ним славянских догосударственных общностей («славиний» по византийской терминологии). Таким образом, в княжение Игоря система посадничества предстает уже в достаточно развитом виде (поэтому можно полагать, что элементы ее возникли еще при Рюрике и Олеге, хотя надежных данных о посадниках этих князей нет). Управление через наместников непосредственно подвластной русским князьям территорией (вытянутой с севера на юг вдоль «пути из варяг в греки») сочеталось в середине X в. с элементами, свойственными т. н. «сложному вожеству» — наличием «славиний», сохраняющих своих князей и обязанных Киеву только данью. К концу X столетия посадничество распространяется на всю территорию, где признается власть киевского князя. При этом структура распределения князей-наместников при Владимире Святославиче развивает ту, что фиксируется в середине X в., видоизменяя ее в условиях значительного расширения непосредственно подвластной русским князьям территории. Владимир сажал сыновей на недавно присоединенных землях — в бывших «славиниях» (Полоцк — кривичи, Туров — дреговичи, земля древлян, Владимир — вольянце) и на неславянских территориях (Ростов — меря, Муром — мурома, Тьмуторокань в Приазовье). Из городов же, издавна находившихся под непосредственной властью киевских князей, наместники-Владимировичи были отправлены только в наиболее отдаленные от Киева центры — Новгород и Смоленск. Среднее Поднепровье, где были расположены Чернигов, Любеч, Вышгород и Витичев, оставалось под управлением Владимира, здесь сидели посадники-бояре.

Ключевые слова: Русь, X век, формирование государства, посадник

Должность *посадника* — княжеского наместника в городе — начинает упоминаться в отечественных источниках начиная с описания событий 970-х гг.¹ К близкому времени (концу X — началу XI в.) относятся данные о посажении киевскими князьями (Святославом, а затем Владимиром) своих сыновей в главных центрах подвластной им территории². Обычно в историографии разделяют князей-наместников и наместников не княжеского статуса, именуя «посадниками» только последних. Но по сути и князья и посадники не княжеского ранга выполняли одну функцию — наместников вышестоящего правителя. Территории, управляемые князьями, получили наименование *волостей*³; бояре же сажались в городах — опорных пунктах княжеской власти внутри волостей, или могли замещать князя в столице волости во время его отсутствия по тем или иным причинам⁴. Назначение наместника-князя описывается в источниках с помощью того же глагола *посадити*⁵, от которого происходит слово «посадник». Вероятно, поначалу князья-наместники также могли именоваться посадниками: так, «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), рассказывая под 1014 г. о порядке распределения дани с Новгородской волости в княжение там Ярослава Владимировича, отмечает: «такое даяху вси посадници новъгородьстии»⁶, т. е. определяет Ярослава и его предшественников (среди которых были, только по летописным данным, князья Владимир Святославич и Вышеслав Владимирович, и лишь один наместник не княжеского статуса — Добрыня⁷) как посадников⁸.

С укоренением наместников киевского князя прекращают существование догосударственные славянские общности во главе с собственными князьями, в византийских источниках опреде-

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 75, 125.

² Там же. Стб. 69, 121.

³ См.: Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 13–18.

⁴ См.: Толочко П.П. Власть в Древней Руси. СПб., 2011. С. 131–149.

⁵ «Святослав посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ»; «Володимерь... посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 121).

⁶ Там же. Стб. 130.

⁷ Там же. Стб. 69, 79, 121.

⁸ Ср.: Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003. С. 68, 73.

ляемые как «славинии»⁹. Вопрос о формировании новой системы управления имеет особое значение, поскольку в современной политической антропологии именно переход к управлению подвластными территориями через лиц, назначаемых верховным правителем, признается чертой, отделяющей государство от предшествующей стадии политического развития — т.н. «вождества»¹⁰.

Помимо данных Начального летописания о князьях-наместниках при Святославе и Владимире и посадниках иного статуса начиная с 970-х гг., имеются и известия о более ранних событиях, в которые можно было бы усмотреть упоминания института посадничества.

В ПВЛ первое известие о посадении наместников относится к рассказу о деятельности Рюрика: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлозеро»¹¹. Но в Новгородской первой летописи, донесшей текст более раннего, чем ПВЛ начала XII в., летописного памятника — т.н. Начального свода конца XI столетия — этого известия нет¹², поэтому возможно, что перед нами домысел составителя ПВЛ, исходившего из реалий своего времени.

В рассказе ПВЛ о походе Олега на Киев говорится о посадении Олегом своих «мужей» в Смоленске и Любече¹³. Однако в Начальном своде эти сведения отсутствуют и здесь также можно подозревать реконструкцию событий со стороны составителя ПВЛ. Исходя из общих соображений, можно допустить, что управление через наместников при Олеге существовало, так как после прихода в Киев под его властью оказалось вытянутая более чем на тысячу километров с севера на юг территория и

⁹ См. об этом термине: *Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984; *Горский А.А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9–19. Традиционное определение этих общностей как «племен» неверно как фактически (они ни в одном источнике ни разу не называются «племенами»), так и с точки зрения современной политической антропологии, исходя из которой эти образования следует относить не к племенам (в научном смысле этого понятия), а к более высокой стадии развития — т.н. «вождествам» (см. подробно: *Горский А.А.* Первое столетие Руси // *Средневековая Русь*. М., 2012. Вып. 10. С. 32–48).

¹⁰ См.: *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004. С. 149–192.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

¹² Ср.: НПЛ. С. 106–107.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

контролировать ее без наместников было вряд ли возможно. Но надежных сведений, подкрепляющих такое допущение, нет.

В этой связи особое значение имеют сведения современного события источнику — трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, рисующего ситуацию 940-х гг. В гл. 9 трактата, повествующей о Руси, упоминаются несколько укрепленных поселений (автор определяет их через термин *κίστρον* — «крепость»). Рассказывая о сборе судов «моноксилон», отправляющихся затем в Византию для торговли, Константин отмечает: «[Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда¹⁴. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочии Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом россов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр»¹⁵. Далее идет рассказо ежегодных путешествиях «росов» в Византию для торговли, а в конце главы говорится: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полудня, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев (т.е. древлян, дреговичей, кривичей и северян¹⁶. — А. Г.) и прочих славян, которые

¹⁴ Речь идет соответственно о Новгороде, Смоленске, Любече, Чернигове и Вышгороде (см.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* М., 1989. С. 310, 312–314, коммент. 6, 11–14).

¹⁵ Там же. С. 44–47.

¹⁶ См.: Там же. С. 330–331, коммент. 67–70.

являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев»¹⁷.

Из фрагмента о сборе монокилов прямо следует, что Киев являлся главным центром Руси, а в Новгороде¹⁸ сидел на княжении в качестве наместника киевского князя сын Игоря Святослав. Каков был статус остальных укрепленных поселений? Возможны три варианта: 1) в них сидели наместники-посадники киевского князя; 2) они были центрами зависимых от русских князей «славиний»; 3) в них правили независимые от киевского князя варяжские предводители¹⁹. Некоторые данные для решения этого вопроса есть. Суммируем их, расположив крепости в порядке удаленности от Киева.

В отношении Вышгорода (в 15 км от Киева выше по Днепру) имеется известие Начального свода и ПВЛ под 946 г. После рассказа о покорении Ольгой древлян говорится: «И возложиша на них дань тяжку, и двѣ части дани Киеву идет, а третья Вышегороду ко Олзѣ; бѣ бо Вышегород Олгинъ град»²⁰. Если ремарка об Ольге может быть комментарием летописца, объясняющим, почему треть дани шла в Вышгород, то сама фраза о распределении дани домислом книжника явно не является, поскольку упоминание Вышгорода предыдущим текстом никак не мотивировано; перед нами, несомненно, припоминание некой реалии. В связи с этим примечательно, что принцип распределения дани совпадает с тем, который действовал, согласно летописной статье под 1014 г., по отношению к волости с центром в Новгороде: «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси князи (в ПВЛ — «посадници») новгородстии»²¹. В обоих случаях две трети дани отпра-

¹⁷ Там же. С. 50–51.

¹⁸ «Новгороду» второй половины IX — X в. соответствует т.н. Рюриково городище, см.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. М., 2012. С. 92–119.

¹⁹ Такое предположение высказывалось в отношении Чернигова (*Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю.* Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995) и Смоленска–Гнездова (*Енисосова Н.В., Пушкина Т.А.* Гнездово — раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государства. Материалы конференции. М., 2012. С. 59–60).

²⁰ НПЛ. С. 113; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

²¹ НПЛ. С. 168; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

ляется в Киев, а одна остается в другом городе. Таким образом, для Вышгорода середины X в., т.е. времени его упоминания в труде Константина Багрянородного, характерно распределение дани, имевшее место при посадническом управлении. Отсюда следует, что там, вероятнее всего, правил наместник киевского князя, к которому свозилась дань с древлян²².

Витичев (на Днепре ниже Киева в 60 км) в X столетии упоминается только в сочинении Константина. При этом обращает внимание его характеристика — «крепость-пактиот росов». «Пактиотами» в других местах главы 9 названы «славинии» — древляне, дреговичи, кривичи, северяне и лендзяне²³. Обычно считается, что термин «пактиоты» указывает как на даннические, так и союзнические отношения²⁴. Но специальное исследование термина *пáктон* показало, что в византийских источниках X в., в т.ч. в сочинениях Константина Багрянородного, при описании событий VII — X вв. он обозначал только *tributum* — дань²⁵. Следовательно, обозначение Витичева как «пактиота» означает, что с этой крепости в Киев²⁶ поступала дань, т.е. местный правитель был зависим от киевского князя. С кого эта дань могла быть собрана? В гл. 37 трактата Константина как «подплатежная Руси» упоминается еще одна, помимо названных в гл. 9, «славиния» — уличи²⁷. Согласно Начальному своду, уличи были покорены Игорем в начале 940-х гг. При этом источник указывает, что первоначально они жили на Днепре ниже Киева: «И примучи углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣньделду. И не вдадѣшется единѣ град, именовѣ Пересѣченѣ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдяще углицѣ по Днѣпру внизи, и посеми приидоша межи Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо...

²² Связь Вышгорода именно с Ольгой, если не является домыслом летописца, может свидетельствовать об особом статусе города в ее княжение, после покорения древлян; там, например, могла находиться часть личной дружины Ольги, упоминаемой в рассказе о третьей мести древлянам (ПСРЛ, Т. 1. Стб. 57).

²³ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 44–45, 50–51.

²⁴ Там же. С. 316, коммент. 18.

²⁵ *Synellis K.* Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «пáктон» im Rahmen der Entwicklung der Internationalen Beziehungen von Byzanz vom 4. Bis zum 10. Jahrhundert // *Studien zur Geschichte der römischen Spätantike*. Athen, 1989.

²⁶ Нет сомнений, что «пактиот росов» означает данника именно киевского князя, т. к. у Константина Киев выступает как главное место концентрации «росов»: из Киева они ходят в полюдье и туда же возвращаются.

²⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 156–157.

В лѣто 6448. В се лѣто яшася уличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взят бысть. В се же лѣто дасть дань на них Свѣнделду»²⁸. Уличи, таким образом, были ближайшей к Витичеву «славинией». Правда, из летописного текста неясно, когда уличи ушли с Днепра — после подчинения киевскому князю или в какие-то более ранние времена²⁹. Но даже если в 940-е гг. они обитали уже в районе Южного Буга и Днестра, все равно ближайшей к улицам русской крепостью был именно Витичев. При этом «уличским» «градом» он несомненно не был — центром улочей в сообщении Начального свода выступает Пересечен. Таким образом, вероятнее всего, Витичев играл ту же роль, что Вышгород в отношении древлян³⁰ — там концентрировалась дань с близлежащей «славинии», часть ее (скорее всего, те же две трети) затем переправлялась в Киев. И для Витичева, следовательно, наиболее вероятным представляется, что там сидел посадник киевского князя.

Расположенный в низовьях Десны Чернигов называется в договоре Игоря с Византией 944 г. : «...взъмут мѣсяцное свое, сли слѣбное свое, а гостие мѣсяцное свое, пѣрвое от града Киева, и паки ис Чернигова, и ис Переяслава, и прочии города»³¹. Сомнения, высказывавшиеся в историографии по поводу аутентичности этого фрагмента³², не могут быть признаны обоснованными: упоминание Переяслава, основанного в конце X столетия, могло появиться на месте непонятого русскими переводчиками греческого названия города³³, но в отношении Киева и Чернигова, в 940-е гг. несомненно существовавших и называемых в

²⁸ НПЛ. С. 109–110.

²⁹ Ситуацию не проясняет и гл. 37 Константина, где говорится о соседстве улочей с печенегами, что подходит и для днепровской, и для южнобужской локализации.

³⁰ Археологические данные позволяют датировать основание Витичева серединой X в. (см.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. С. 325). Если это так, то очень похоже, что крепость была основана сразу после подчинения улочей, для контроля над ними.

³¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 37; ср.: Т. 1. Стб. 48–49.

³² Lind J.H. The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. V. 62. № 3.

³³ О возможности наличия таких названий в греческих текстах говорит упоминание у Константина Багрянородного крепости под названием *Τελιούτζα*. Его интерпретируют как Любеч, но только благодаря географическому развертыванию перечня поселений (потому, что между Смоленском и Черниговом другого русского города для того времени источники не знают). Если бы *Τελιούτζα* читалось в ином контексте, опознать в этом поселении Любеч не смогли бы ни современные комментаторы, ни древнерусские читатели.

сочинении Константина Багрянородного, сомнения беспочвенны³⁴. Согласно тексту статьи, в которой упоминается Чернигов, устанавливалась ответственность русского князя Игоря за поведение послов и купцов, приходящих из перечисленных, а также «прочих» городов: «Да запретить князь словомъ своимъ и приходящи Руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ ни в странѣ нашей; и приходящимъ имъ да витають у святого Мамы, да послеть цесарство ваше, да испишетъ имена ихъ, и тогда възмутъ мѣсяцное свое, сли слѣбное свое, а гостие мѣсяцное свое, пѣрвое от града Киева, и паки ис Чернигова, и ис Переяславля, и прочии городаы»³⁵. А это значит, что Игорь имел властные prerogatives в отношении людей, приходящих из Чернигова, что объяснимо только в случае, если в Чернигове сидел зависимый от него правитель.

Что касается Любеча (на Днепре выше впадения Припяти), то здесь мы имеем только известие ПВЛ под 882 г. о посажении Олегом «мужа своего»³⁶. Воспринимать его как достоверное нет оснований, особенно учитывая молчание об этом факте Начального свода. Данных, позволяющих допустить, что Любеч был центром какой-либо «славинии», или что там находился независимый от Киева варяжский предводитель, не имеется.

В отношении Смоленска в Начальном своде говорится, что Игорь и Олег «налѣзоста Днѣбрь рѣку и Смоленскъ град»³⁷, а ПВЛ под 882 г. утверждает, что Олег «прия градъ и посади мужъ свои»³⁸. Во вводной (недатированной) части ПВЛ Смоленск охарактеризован как город кривичей³⁹ — т.е. одной из «славиний», упомянутых среди «пактиотов» Руси Константином Багрянородным. Но археологическое изучение Гнездовского комплекса⁴⁰, показавшее, что элитный слой здесь был представлен выходцами

³⁴ См.: *Горский А.А.* Первое столетие Руси. С. 63–67.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 37; ср.: Т. 1. Стб. 48–49.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

³⁷ НПЛ. С. 107.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; ср.: Т. 2. Стб. 16.

³⁹ «... кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины, и на вѣрхъ Днѣпра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8; ср.: Т. 1. Стб. 10).

⁴⁰ Хотя донные можно встретить отрицание тождества Гнездова и Смоленска X столетия — «Милински» трактата Константина (*Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв.: От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 238–243), иной разумной версии, в условиях отсутствия на современном месте города археологических слоев старше середины XI в., не существует.

из Скандинавии, фактически исключает возможность того, что в середине X в. Смоленск играл роль центра «славиний»⁴¹. С другой стороны, для предположения о принадлежности Смоленска независимым от Киева варяжским предводителям⁴² этого факта недостаточно⁴³, поскольку присутствие норманнов в это время прослеживается и там, где несомненно правили преемники Рюрика, в т.ч. в Киеве.

Итак, из шести названных в рассказе Константина поселений для четырех (Новгорода, Вышгорода, Витичева и Чернигова) имеются данные в пользу того, что они управлялись наместниками киевского князя. Сопоставление рассказов о сборе моноксилов и о полюдьях наводит на предположение о параллельности списка крепостей и перечня «славиний», на которые распространялись полюдья. Если в Вышгороде концентрировалась дань с древлян, то Чернигов был наиболее подходящим местом для своза дани с северян, Любеч — с дреговичей, а Смоленск — с кривичей. По тексту Константина, все участники полюдий выходили из Киева и возвращались по окончании «кружений» туда же. Однако рассказ явно подразумевает не одно большое «полюдь» (как предполагал Б.А.Рыбаков⁴⁴), а несколько «полюдий» — по каждой из «славиний»⁴⁵. Известие Начального летописания о распределении древлянской дани с участием Вышгорода позволяет полагать, что участники полюдий свозили дань в соответствующую той или иной «славинии» крепость, после чего две трети ее отправлялось в Киев. Вероятно, перед началом полюдий в каждую из крепостей прибывал отряд из Киева, который участвовал в сборе, контролировал распределение продукта и весной доставлял в столицу его «киевскую долю»; отсюда и представление византийского автора, что все участники полюдий осенью

⁴¹ См.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. С. 242–273.

⁴² См.: *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Гнёздово.

⁴³ Свидетельства контактов знатных жителей Гнездова–Смоленска с Византией не могут расцениваться как показатели независимости от киевского князя: вполне естественно, что в посольствах и торговых поездках в Константинополь участвовали представители тех самых «прочих городов», «слы» и «гости» из которых прямо упоминаются в договоре 944 г. и выступают как подданные киевского князя, за чье поведение на территории Империи он несет ответственность.

⁴⁴ *Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 38–49.

⁴⁵ См.: *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 60–62; *Горский А.А.* Первое столетие Руси. С. 23–24.

выезжают из Киева, а весной возвращаются туда⁴⁶. Общая картина функционирования политической системы Руси, рисуемая Константином, склоняет к мнению, что *все* названные поселения управлялись наместниками киевского князя.

Таким образом, на той территории, что в 940-е гг. относилась не к зависимым «славиниям», а находилась под непосредственной властью русских князей, уже функционировало наместничество — как минимум в большинстве перечисленных в сообщении Константина Багрянородного поселений, а вероятнее всего во всех⁴⁷. Сведения памятников Начального летописания, Константина Багрянородного и русско-византийского договора 944 г. не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Данных в пользу того, что в каком-то из городов, названных в сочинении Константина, сидел независимый от Киева варяжский предводитель или славянский князь, не содержит ни один источник⁴⁸.

⁴⁶ Предложенная картина на первый взгляд противоречит сообщениям Начального свода и ПВЛ о передаче Игорем дани с древлян и уличей воеводе Свенельду и о непосредственном сборе дани с древлян самим Игорем (НПЛ. С. 109–110; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55). Однако из летописного изложения «речи» дружины Игоря («отрочи Свѣльжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы назѣ; а поиди, княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мы» — НПЛ. С. 110; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54) следуют два обстоятельства: 1) передача дани с древлян Свенельду привела к сокращению доходов дружины Игоря; 2) в обычной ситуации сам киевский князь за данью не ходил. Поэтому вероятнее всего, что воевода киевского князя получил право на «киевскую долю» дани с древлян и уличей — те самые две трети; дружина князя таким образом лишилась доходов с двух «славиний» (две трети их шло Свенельду и его отрокам, одна оставалась в распоряжении посадников Вышгорода и Витичева), что и вызвало ее недовольство и привело к вторичному, сверх установленных норм, сбору дани с древлян самим Игорем.

⁴⁷ При этом существование в Восточной Европе в X столетии укрепленных поселений, в которых правили не связанные с киевской династией варяжские предводители, несомненно: есть прямое известие о правлении такого предводителя (Рогволода) в Полоцке в 970-е гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75–76). Не исключено их наличие в Верхнем Поволжье (где присутствие скандинавов по материалам археологии прослеживается с IX в.), в отношении которого мы не имеем данных о распространении власти русских князей до конца X в., кроме присутствующего только в ПВЛ и скорее всего являющегося плодом реконструкции летописца начала XII столетия указания на посажение Рюриком своего «мужа» в Ростове (иногда его воспринимают как достоверное, ср.: *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв. С. 112–113, 160). Но те поселения, которые перечислены в гл. 9 трактата «Об управлении империей», вероятнее всего все находились под верховной властью киевского князя.

⁴⁸ По мнению А.В. Назаренко, упоминаемые в договоре 944 г. «гости» были представителями не киевского князя и его родичей, а иных предводителей «росов», сидящих в «торгово-ремесленных поселениях» (*Назаренко А.В.* «Сль» и «гостие»: О структуре политической элиты Древней Руси в первой половине —

Как наместничество Игоревой эпохи соотносится с тем, которое известно в эпоху Владимира? На первый взгляд перечень «крепостей» Константина Багрянородного мало сходен с тем, что дает Начальное летописание для конца X в.

940-е гг.: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Витичев.

Распределение сыновей Владимиром: Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром, земля древлян, Владимир (Волынский), Тьмуторокань, Смоленск⁴⁹.

Среди городов, где Владимир сажает сыновей, фигурируют упомянутые Константином Новгород и Смоленск, но нет Чернигова, Любеча, Вышгорода и Витичева. Однако это может лишь означать, что во времена Владимира и позже посадниками в этих городах были не князья, а бояре⁵⁰. Очевидно, сыновей Владимир сажал на недавно присоединенных землях — в бывших «славиниях» (Полоцк — кривичи, Туров — дреговичи, земля древлян, Владимир — волыняне) и на неславянских территориях (Ростов — меря, Муром — мурома, Тьмуторокань в Приазовье). Из городов же, издавна (со времен Олега) находившихся под непосредственной властью киевских князей, наместники-Владимировичи были отправлены только в наиболее отдаленные от Киева центры — Новгород и Смоленск. Среднее Поднепровье, где были расположены Чернигов, Любеч, Вышгород и Витичев, оставалось под управлением Владимира, здесь сидели посадники-бояре. Таким образом, структура распределения наместников при Владимире развивает ту, что фиксируется в сере-

середине X в. // ВЕДС-ХІХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 169–174). Однако участие людей, проводящих торговые операции в чужой стране (таково значение древнерусского термина *гость*) в переговорах не представляло ничего необычного, тем более в середине X столетия. Согласно рассказу Константина Багрянородного, сбыт продуктов, добытых в полюдьях, осуществляли те же «рось», которые ходили в полюдья, т.е. дружинники русских князей. Следовательно, «гости» договора 944 г. — это приплывшие в Царьград вместе с послами «сбытчики» продуктов, полученных в качестве дани от «славиний»; их статус как членов военной элиты вполне позволял участвовать в заверении договора. Никаких данных в пользу того, что они представляли кого-то, кроме киевского князя, его родственников и наместников в «градах», нет.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 105.

⁵⁰ Под 996 г. упоминается празднество в Киеве, на которое были созваны «посадники старѣшины по всѣм градомъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125), явно ближайшим к Киеву; под 1072 г. упоминается в качестве посадника в Вышгороде боярин Чюдин (Там же. Стб. 182).

дине X в., видоизменяя ее в условиях значительного расширения непосредственно подвластной русским князьям территории.

Итак, в княжение Игоря система посадничества предстает уже в достаточно развитом виде (поэтому можно полагать, что элементы ее возникли еще при Рюрике и Олеге, хотя надежных данных о посадниках этих князей нет⁵¹). Управление через наместников непосредственно подвластной русским князьям территорией (вытянутой с севера на юг вдоль «пути из варяг в греки») сочеталось в середине X в. с элементами, свойственными т.н. «сложному вождеству» — наличием «славиний», сохраняющих своих князей и обязанных только данью. К концу X столетия посадничество распространяется на всю территорию, где признается власть киевского князя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 7–112.

Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Гнёздово — раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 55–62.

Зоценко В. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. 1.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.

⁵¹ Вместе с тем можно заметить, что по археологическим данным большинство из названных у Константина Багрянородного центров (Смоленск–Гнездово, Чернигов, Любеч, Вышгород) существовали уже во времена Олега, и возникли как укрепленные поселения примерно синхронно, около рубежа IX — X вв. (см.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. С. 270–271, 338–341, 356–357; Зоценко В. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. 1. С. 23–25). Это позволяет допускать, что они появились как опорные пункты русских князей после закрепления в Киеве (для контроля над торговыми путями и близлежащими «славиниями»-данниками), и, следовательно, с самого начала управлялись их наместниками.

- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004.
- Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 193–203.
- Назаренко А.В.* «Слы» и «гостие»: О структуре политической элиты Древней Руси в первой половине — середине X в. // ВЕДС-ХІХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 169–174.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.
- ПСРЛ. М., 2001. Т. 2.
- Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама. М., 2012.
- Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 36–57.
- Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. СПб., 2011.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003.
- Lind J.H.* The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. V. 62. N 3. P. 362–370.
- Synellis K.* Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «πάκτων» im Rahmen der Entwicklung der internationalen Beziehungen von Byzanz vom 4. bis zum 10. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der römischen Spätantike. Festgabe für Johannes Straub / Ed. E. Chrysos. Athen, 1989. S. 234–250.
- A.A. Gorsky*

DISCUSSING THE FORMATION OF THE POSADNIK SYSTEM IN RUS'

Abstract: The paper discusses the problem of the time of formation of the posadnik system, i. e. the government through prince's governor-generals in Russian towns (modern political anthropology considers it to be the evidence of the transition to the state level of political development). The information of “De administrando imperio” by Constantine Porphyrogenitus (ch. 9, the 940s) about Russian “fortresses” is compared with the data of the Rus'-Byzantine treaty of 944 and with the information of the Primary Code and the Primary Chronicle (Povest' vremennykh let). The conclusion is: all the centres which Constantine names (Novgorod, Smolensk, Lyubech, Chernigov, Vyshgorod and Vitichev among them) were governed not by Slavic princes or independent of Kiev Varangian chiefs, but by posadniks of the Kievan Prince. These towns accumulated the tribute from the neighbouring pre-state communities (“Slavinii”, to use the Byzantine term). So, under Igor' the posadnik system appears already rather developed one (its elements can be considered to have appeared under

Rurik and Oleg, though there are no trustworthy data about posadniks of those princes). In the mid-tenth century the governing through posadniks on the territory subject to Russian princes (along the trade route “from the Varangians to the Greeks”) combined with the elements of the so-called “complex chiefdom”, i. e. the existence of “Slavinii” which were subject to their own princes and which only paid the tribute. By the late tenth century the posadnik system extended to the whole territory which acknowledged the authority of the Kievan Prince. At the same time the structure of the allocation of princes-posadniks under Vladimir Svyatoslavich develops the one of the tenth century and transforms it under the conditions of considerable expansion of the territory subject to the Russian princes. Vladimir set his sons on the newly annexed lands, both in the former “Slavinii” (Polotsk — the Krivichs, Turov — the Dregovichs, Murom — the Muroma, T’mutorokan’ near the Azov sea). Among the towns for a long time subject to the Kievan princes Vladimirovichs were only sent to Novgorod and Smolensk being the centres farthest from Kiev. The territory along the middle part of the Dnieper, with Chernigov, Lyubech, Vyshgorod and Vitichev, was subject to Vladimir. Posadniks-boyars governed there.

Keywords: Rus’, tenth century, formation of state, “posadnik”

Б.Н. Флоря

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА НА ЗАПАДНОМ ПОМОРЬЕ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация: В истории Западного Поморья — небольшого политическо-го образования на южном побережье Балтийского моря — автор выделяет два этапа формирования государства в эпоху Раннего Средневековья.

Сведения о первом из них доносят до нас источники, посвященные событиям 20-х гг. XII в. (жития «апостола поморян» Оттона Бамбергского). Сведения, содержащиеся в этих текстах, характеризуют поморское общество этого времени как общество, в котором княжеская власть, имеющая свои владения и опирающаяся на значительную дружину, сосуществует с поморскими «градами». Они подчиняются верховенству князя, который представляет Западное Поморье перед внешним миром, но на их внутреннюю жизнь его власть не распространяется. Вопрос о принятии новой религии — христианства — каждый из «градов» решал самостоятельно, и в принятии решения участвовали не только жители «града», но и сельское население округа. Имели место и вооруженные конфликты между князем и главным из поморских градов — Щецином. Большой властью князь пользовался на землях, отвоеванных у лютичей. Здесь вопрос о принятии христианства решался на собрании, созванном княжескими наместниками.

О втором этапе позволяют судить документальные источники (грамоты князей, папские буллы) второй половины XII — начала XIII в. На этом этапе и сельское население, и население «градов» было подчиненно на всей территории Поморья власти княжеских наместников и судей. Документы фиксируют существование развитой системы обложения, когда поборами облагались и основные отрасли хозяйственной деятельности (не только земельные наделы, но и солеварение, и рыболовство), и торговля. Население должно было также нести разные «службы» в пользу власти. Решение важных вопросов было теперь делом социальной элиты («баронов» и «нобилей»), объединившейся вокруг монарха, на содержание которой расходовались собранные в княжескую казну доходы.

Такая организация общества обнаруживает (несмотря на некоторые отклонения) принципиальное сходство с той моделью организации общества, которая существовала в эпоху Раннего Средневековья в странах Центральной Европы и в Древней Руси. Таким образом, общество Западного Поморья шло по тому же историческому пути, что и общество этих стран. Эта констатация позволяет прийти к заключению, что сведения житий Оттона Бамбергского об обществе Западного Поморья 20-х гг. XII в. отражают не

какую-либо региональную специфику, а содержат уникальную информацию о таком этапе в формировании модели государственности в восточной части Европы, который не имеет конкретного описания в источниках, отражающих прошлое стран Центральной Европы и Древней Руси.

Ключевые слова: Западное Поморье, Щецин, Польша, княжеская власть, поморские «грады», поморские «бароны» и «нобили»

История Западного Поморья, этого небольшого славянского политического образования на южном побережье Балтийского моря, постоянно привлекала и еще долго будет привлекать к себе внимание исследователей. Причина такого интереса проста. Сохранились три биографии крестившего поморян в 20-е гг. XII в. епископа Оттона Бамбергского, в каждой из которых дано особое оригинальное описание происходивших событий¹. Биографии эти содержат много различных сведений, анализ которых позволяет дать характеристику общественного строя общества Западного Поморья в то время, когда произошло столь значительное событие, как крещение поморян.

Предпринимавшиеся в течение длительного времени исследования польских, чешских, русских и немецких историков позволили извлечь из Житий Оттона необходимые сведения и дать определенную характеристику общественного строя Западного Поморья в 20-е гг. XII в.

Во главе поморян, когда к ним направился Оттон Бамбергский, стоял князь Вратислав. Князь был главой поморского войска² и представлял поморян при сношениях с другими государствами, его «поцелуй мира» с польским князем Болеславом Кривоустым скрепил мирный договор между Польшей и Поморьем³. Князь обладал и какими-то иными функциями помимо военных: так, в городах имелись княжеские дворы, где находили приют миссионеры, так как находившиеся там люди пользовались правом убежища⁴.

¹ Ottonis episcopi Babenbergensis vita Prieflingensis (далее — Vita Prieflingensis) // MPH NS. T. VII/1 / Wyd. J. Wikarjak, K. Liman. Warszawa, 1966; Ebonis vita Ottonis episcopi Babenbergensis (далее — Ebo) // MPH NS. T. VII/2 / Wyd. J. Wikarjak, K. Liman. Warszawa, 1969; Herbordi dialogus de vita s Ottonis episcopi Babenbergensis (далее — Herbord) // MPH NS. T. VII/3 / Wyd. J. Wikarjak, K. Liman. Warszawa, 1974.

² Herbord. III. 2.

³ Ebo. III. 13.

⁴ Vita Prieflingensis. II. 5; Ebo. II. 7.

У Вратислава была довольно значительная дружина: Оттона Бамбергского он встретил на границе в сопровождении 300 воинов⁵. На территории Поморья владением князя был Камень Поморский (*sedes ducis, civitas ducis*). В Камне проживала семья князя, его дружинники, вокруг города находились земли, во главе которых стояли княжеские управляющие (*villici*). Еще до приезда миссионеров жители Камня приняли новую религию по предложению жены князя. Поставленный в Камне храм князь наделил «дарами и имениями» (*prediis ac dote*)⁶.

Поездка на Поморье была предпринята Оттоном по договоренности с Вратиславом, который, как отмечено выше, встретил миссионеров на границе, как приверженец новой религии, и дал им конвой⁷. Решение князя принять новую религию оказалось обязательным для жителей Камня Поморского, но не для главных поморских градов. Характерно замечание одного из агиографов, что принятие князем христианства навлекло на него ненависть поморян⁸. Когда Оттон Бамбергский приехал в Волин, его жители решительно отказались следовать примеру жителей Камня Поморского и заявили, что авторитетным для них может быть только решение жителей главного поморского града (*metropolis*) Щецина⁹. Решение князя при этом никакой роли не играло.

В Щецине, где епископ находился в течение девяти недель, вопрос о принятии новой религии рассматривался на народном собрании, куда был созван «язычниками из деревни и градов народ бесчисленный» (*paganis de rure ac de villis plebem innumeram*)¹⁰. Благоприятное решение, по ясному свидетельству агиографа, было принято под давлением со стороны угрожавшего войной польского князя¹¹. О князе поморян и его действиях в этой связи ничего не говорится. Очевидно, какой-либо реальной властью над главными поморскими градами князь Вратислав не обладал. В 1128 г. во время второй поездки Оттона на Поморье имела место война между Щецином и Вратиславом, когда войска Щецина разорили владения князя. Оттон выступал как посредник при за-

⁵ Vita Prieflingensis. II. 2; Herbord. II. 11.

⁶ Ebo. II. 5. Herbord. II. 19–22.

⁷ Vita Prieflingensis. II. 3.

⁸ Ibidem. II. 3.

⁹ Ibidem. II. 5–6.

¹⁰ Ibidem. II. 10.

¹¹ Ibidem.

ключении мирного договора между ними¹². Важно, что подобно князю Щецин мог выступать перед польским князем от имени Поморья с предложением уменьшить размер дани¹³. Что касается других поморских градов, определенные данные об их отношениях с князем в эти годы отсутствуют, так как, судя по сообщениям агиографов, Оттон Бамбергский не столкнулся в них при осуществлении своей миссии с какими-либо трудностями. Однако заслуживает внимания замечание одного из агиографов, Херборда¹⁴, что жители одного из таких градов, Белограда, не сразу оказали епископу благоприятный прием. Это замечание позволяет предполагать, что жители града самостоятельно решали вопрос, принять ли христианского проповедника, и мнение князя не было при этом для них обязательным.

Перед нами такая социальная структура, в рамках которой существуют княжеская власть, опирающаяся на свои владения и дружину, и земли Поморья, во главе с «градами» как политическими центрами, где важный вопрос о принятии новой религии решался на собраниях жителей, созданных местной знатью. Князь является главой такого объединения, но одновременно рядом с ним как глава выступает Щецин, который один из агиографов так и назвал «столицей целого края»¹⁵.

Особое место занимали в этом объединении земли на запад от Одры, отвоеванные в предшествующие годы князем Вратиславом у лютичей. Ряд сведений об общественном строе на этих землях содержат сообщения агиографов о втором приезде Оттона на Поморье в 1128 г., когда он стал проповедовать христианство на этих землях.

Владением князя (подобным Камню Поморскому) на этих землях был, по-видимому, Узнам¹⁶. Если на основной территории Поморья вопрос о принятии новой религии рассматривали народные собрания в разных градах, то на землях за Одрой вопрос был решен на собрании в Узнаме, куда съехалась местная знать

¹² Ebo. III. 20, 23.

¹³ Herbord. II. 25–26, 30.

¹⁴ Ibidem. II. 39.

¹⁵ Vita Prieflingensis. II. 7. О Щецине как «столице» Поморья см. также: Herbord. II. 5.

¹⁶ *Dowiat J. Pochodzenie dynastii zachodnio-pomorskiej a ukształtowanie się terytorium księstwa zachodniopomorskiego // Przegląd historyczny. 1954. T. 45, z. 2–3. S. 257–259.*

и княжеские наместники (*prefecti*) из градов¹⁷. Участники собрания выразили убеждение, что если они примут христианство, то подчиненный им народ последует их примеру¹⁸. Основанные в градах церкви наделил имуществом князь Вратислав¹⁹.

Все это указывает на то, что власть князя на завоеванных землях была гораздо сильнее, чем на основной территории Поморья. Как представляется, налицо важный пример того, как внешняя экспансия способствовала усилению княжеской власти.

Вместе с тем, как видно из последующего изложения агиографов, участники собрания в Узнаме в известной мере переоценили свои возможности. Жители одного из крупных градов, Вологощи, на своем собрании постановили, несмотря на принятые в Узнаме решения, не допускать в город христианских миссионеров. Они вынуждены были отказаться от своего решения, когда к городу подступил князь Вратислав с войском²⁰. Обращение власти к мерам открытого военного давления еще раз подтверждает положение о более сильной позиции князя на отвоеванных у лютичей землях.

У исследователей нет расхождений в характеристике общественных отношений на Поморье в 20-х гг. XII в., характера той социально-политической структуры, которую источники позволяют описать достаточно подробно. Очевидны ее существенные отличия от тех порядков, которые существовали в западнославянских государствах раннего средневековья и которые удалось реконструировать, опираясь на ретроспективный анализ источников.

Чем же вызваны эти отличия? Должна идти речь о том, что эта структура с характерным для нее двоевластием отражает более ранний этап развития славянского общества или перед нами особый путь развития, связанный с принадлежностью Поморья к Балтийскому региону, для которого характерен высокий уровень развития торговли и городской жизни. Ведь хорошо известно о существовании на землях Поморского княжества в XIII–XIV вв. целого ряда городских центров — членов Ганзейского союза, обладавших широкой автономией и занимавших подчас весьма самостоятельную позицию по отношению к княжеской власти.

¹⁷ О княжеских наместниках в градах см. также: Ebo. III. 7; Herbord. III. 1–2.

¹⁸ Ebo. III. 6; Herbord. III. 3.

¹⁹ Vita Prieflingensis. III. 4.

²⁰ Ebo. III. 7; Herbord. III. 5.

Для ответа на поставленный вопрос следует рассмотреть, каково было состояние поморского общества через несколько десятилетий после крещения, чем оно отличалось от того общества, которое выступает на страницах Житий Оттона Бамбергского. Изучение сохранившихся (хотя и немногочисленных) документов позволяет дать такую характеристику.

Первым письменным документом, касающимся Поморского княжества после крещения поморян, является булла папы Иннокентия II об учреждении на Западном Поморье епископства с центром в Волине²¹. В тексте буллы помещен большой перечень поморских градов, включавший такие крупные центры, как Волин, Щецин, Узнам и другие. Значение этого перечня раскрывается при сопоставлении с таким современным документом, как булла Иннокентия II Гнезненскому архиепископству 1136 г., где перечисляются грады как центры территорий, десятая часть доходов с которых должна была поступать в казну архиепископа²². Такое предположение подтверждает грамота епископа Войтеха 1159 г. монастырю в Столпе (усыпальнице кн. Вратислава)²³, где указано, что епископ передает монастырю «decimam de tota provincia Grozwin» — одного из градов, фигурирующих в папской булле.

Аналогия с папской буллой Гнезненскому архиепископству позволяет ставить вопрос о подчинении поморских «градов» княжеской власти, передававшей епископству десятую часть собранных с них доходов²⁴. В той же грамоте 1159 г. епископ Войтех отмечает, что стал епископом благодаря избранию (*electio*) князем Вратиславом и посвящению в сан Иннокентием II. Об участии поморян в избрании епископа ничего не говорилось. Такое предположение позволяет постулировать существование в градах представителей княжеской власти, в руках которых и находился сбор этих доходов. И такие данные в документах второй половины XII в. обнаруживаются. Так, в грамоте 1159 г. епископа Войтеха монастырю Св. Марии и Готхарда в Гробе среди свидетелей фигурирует Остробод — «каштелян», т. е. наместник

²¹ PU. Köln; Wien, 1970. Bd. I/1: 786–1253. № 30.

²² Codex diplomatius Majoris Poloniae. Poznań, 1877. T. I. № 7.

²³ PU. Bd. I/1. № 43.

²⁴ *Walachowicz J.* Dziesięcina biskupia na Pomorzu Zachodnim w okresie wczesnofeudalnym // *Czasopismo prawno-historyczne*. 1999. № 1–2. S. 155–156.

в Узнаме²⁵. Это свидетельство, впрочем, интересно как первое упоминание такого наместника в поморских грамотах, так как княжеский наместник был в Узнаме и в 20-е гг. XII в. Гораздо большее значение имеет грамота епископа Конрада монастырю в Гробе 1168 г.²⁶. В качестве свидетелей в ней фигурируют каштеляны Щецина, Камня Поморского, Волина, Узнама и Дымина. В грамоте князя Казимира 1175 г. среди свидетелей выступает каштелян Колобжега²⁷. Наместники обладали значительной властью. Так, известно, что в 1173 г. во время осады Щецина датчанами наместник Вратислав Свебожиц сдал город, получив его затем в лен от датского короля²⁸. Наличие в главных поморских градах княжеских наместников говорит об их определенном подчинении княжеской власти.

О постоянном присутствии на поморских землях княжеской администрации, принуждавшей население к несению различных поборов и повинностей, говорят и формулы, появляющиеся в поморских грамотах в 70-е гг. XII в. Грамота князя Казимира монастырю в Даргуне 1174 г.²⁹ освобождала его владения «*ab omni exactione*» в пользу князя и его «баронов» и «*ab omni servitia*» в их пользу «*more gentis nostrae*», в том числе от обязанностей по строительству град и мостов. В грамоте сер. 70-х гг. XII в. князя Богуслава монастырю в Кольбаче «светским судьям» запрещалось привлекать крестьян монастыря к строительству град и взимать с них какие-либо сборы³⁰. В грамоте 1176 г. князя Казимира монастырю в Кольбаче население освобождалось от обязанности выплачивать «*principi terre censum ... cum reliquo populo*» и от юрисдикции светских лиц³¹.

Более конкретные сведения об уплатах в княжескую казну содержит грамота князя Казимира епископскому капитулу второй половины 70-х гг. XII в.³², по которой владения капитула освобождались от таких взносов в княжескую казну, как «*pagaz*» и

²⁵ PU. Bd. I/1. № 48.

²⁶ Ibidem. № 51-a.

²⁷ Ibidem. № 66.

²⁸ *Dowiat J. Ekspansja Pomorza Zachodniego na ziemie wielecko-obodrzyckie w drugiej polowie XII w. // Przegląd historyczny. 1959. № 4. S. 715.*

²⁹ PU. Bd. I/1. № 62.

³⁰ Ibidem. № 63.

³¹ Ibidem. № 68.

³² Ibidem. № 70.

«oszer». Обе повинности хорошо известны польским источникам XIII–XIV вв. как дань, взимавшаяся с выпаса свиней, и дань зерном³³. Очевидно, система обложения в Поморском княжестве середины — второй половины XII в. формировалась по образцу той, которая сложилась ранее в соседней Польше. В той же грамоте содержалось освобождение от «gastitua» — обязательства принимать и кормить правителя и его свиту при объезде края.

Все эти данные позволяют говорить, что во второй половине XII в. характер отношений между поморянами и княжеской властью существенно изменился. Повсеместным стало присутствие представителей власти, принуждавших население к уплате налогов и несению разных служб. Ряд сведений, содержащихся в грамотах поморским монастырям, дает возможность более точно судить об объеме власти поморских князей над местным населением.

Так, документы второй половины XII в. говорят о праве княжеской власти устанавливать и взимать разные виды торговых пошлин, которые она полностью или частично могла передавать находившемуся под ее покровительством монастырю. Ряд таких пожалований зафиксирован в грамоте 1159 г. монастырю в Гробе, в которой епископ перечислял пожалования князя Ратибора, преемника Вратислава. Монастырь получил доход от пошлины, взимаемой с кораблей, которые проходили по реке перед замком в Узнаме, в Колобжеге монастырь получил право взимать пошлину на мосту с каждого воза, в Белаграде — третий динарий из пошлины с каждого воза, перевозимого по суше³⁴. В 70-е гг. XII в. князь Богуслав освободил возы с имуществом монастыря в Кольбаче и принадлежавшие монастырю корабли от уплаты торговых пошлин на всей территории княжества³⁵. Важно, что торговые пошлины взимались в пользу князя и «in terra» и «in urbibus»³⁶.

³³ *Walachowicz J.* Immunitet ekonomiczny na Pomorzu Zachodnim w okresie wczesnofeudalnym // *Czasopismo prawno-historyczne*. 1963. № 1. S. 52; *Buczek K.* Przemiany ustrojowe na Pomorzu Zachodnim w XII–XIII wieku // *Kwartalnik historyczny*. 1965. № 2. S. 356.

³⁴ *PUB*. Bd. I/1. № 48.

³⁵ *Ibidem*. № 63.

³⁶ Подробнее о праве власти на сбор торговых пошлин см. *Walachowicz J.* Monopole książęce w skarbowości wczesnofeudalnej Pomorza Zachodniego. Poznań, 1963. S. 24–29, 47–48, 52–53.

С этим тесно связано право монарха на основании «торга» и взимание с него соответствующих доходов. В грамоте об основании поморского епископства (1140 г.) упоминался Волин «*sum foro*», аналогичные формулы использованы по отношению к таким центрам, как Щецин, Камень Поморский, Колобжег³⁷. Как полагают исследователи, эти формулы означают передачу монастырю дохода, который поступал с городских торгов в пользу князя³⁸. Следовательно, уже к 1140 г. княжеская власть обладала таким правом в главных поморских градах. В 1159 г. монастырю в Гробе был передан «*in provincia Wanzlo ... forum*», «*forum*» в провинции *Scithene*³⁹.

В сферу действия власти входили и находившиеся на торгах корчмы. По грамоте 1140 г. Поморскому епископству передавались корчмы (*taverna*) в Волине, Камне Поморском и Колобжеге⁴⁰. Очевидно, епископству передавались доходы, которые поступали с этих корчем в пользу князя. В 1159 г. монастырю в Гробе были переданы «*taverna*» в провинции *Wanzlo*, «*taverna*» в провинции *Scithene* и «*taverna*», расположенная перед крепостью в Колобжеге⁴¹. В подтверждении 1168 г. указываются уже суммы, которые те или иные корчмы должны были выплачивать монастырю⁴². Об отношениях корчмарей с государственной властью позволяет судить грамота князя Богуслава 1182 г. монастырю Св. Михаила в Бамберге, откуда происходил и где был похоронен креститель поморян. В грамоте устанавливалось, что все корчмы в его княжестве должны давать воск храму Св. Михаила: большая корчма — камень воску, малая — половину⁴³. В грамоте поморских князей 1209 г. предписывалось надзирать за корчмарями, чтобы они не задержали доставки воска, «*sive prefecti sive castellani, sive in aliis officiis sub nostra potestale positi*»⁴⁴. Ясно, что корчмы находились под постоянным надзором представителей власти.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что так важная для поморских градов торговая деятельность осуществлялась

³⁷ PU. Bd. I/1. № 30.

³⁸ *Walachowicz J.* Monopole książęce. S. 76–77.

³⁹ PU. Bd. I/1. № 48.

⁴⁰ *Ibidem.* № 40.

⁴¹ *Ibidem.* № 48.

⁴² *Ibidem.* № 51-a.

⁴³ *Ibidem.* № 91.

⁴⁴ *Ibidem.* № 140.

под контролем княжеской власти и являлась важным источником доходов для княжеской казны⁴⁵.

Большое значение в жизни населения региона в силу его природных условий имели такие отрасли хозяйства, как солеварение (выпаривание соли из морской воды) и рыболовство. Варницы в таком крупном центре солеварения, как Колобжег, также входили в сферу действия власти. Монастырю в Гробе в 1159 г. был передан «*census salis*» — побор, взимавшийся по воскресеньям с цренов (*sartaginibus*) в Колобжеге⁴⁶. В 1214 г. князя Богуслав и Казимир пожаловали монастырю в Тшебнице варницу (*tugurium*), которая освобождалась от всех взиманий и служб, «*quo nobis alia tuguria sciuntur*»⁴⁷. Несколько иначе была оформлена грамота на варницу монастырю в Жукове 1229 г. Варница освобождалась «*a castellano et a familia ducis*»⁴⁸ — очевидно, это были лица, которые и могли требовать от солеваров уплат и служб⁴⁹.

Что касается рыболовства, то о княжеских правах в этой области сведения содержатся главным образом в документах XIII в. Наиболее раннее свидетельство, касающееся этой отрасли хозяйства, содержит грамота князя Богуслава монастырю в Гробе 1184 г.⁵⁰ Монастырь получил право ловить рыбу в тех водах, где забрасывают сети княжеские рыболовы. Уже это свидетельство показывает, что и в этой области хозяйственной деятельности было налицо вмешательство княжеской власти. Данные источников XIII в. позволили установить, что население повсеместно имело возможность ловить рыбу на мелких речках и озерах с помощью мелких орудий лова. Что касается ловли рыбы с помощью больших сетей и запруд в судорожных реках, Щецинском заливе и на море, то это было возможно лишь с санкции власти, взимавшей, по-видимому, в свою пользу часть улова. Такой побор носил название «*census aquae nostrae*»⁵¹. Есть все основания полагать, что солевары и рыбаки составляли существенную часть населения поморских градов.

⁴⁵ См. об этом подробнее: *Walachowicz J.* Monopole książęce. S. 89–99; см. также: *Buczek K.* Przemiany ustrojowe na Pomorzu Zachodnim. S. 364 i n.

⁴⁶ PU. Bd. I/1. № 48.

⁴⁷ Ibidem. № 162.

⁴⁸ Ibidem. № 250.

⁴⁹ Подробнее об этом: *Walachowicz J.* Regale solne na Pomorzu Zachodnim // *Czasopismo prawno-historyczne.* 1959. № 1.

⁵⁰ PU. Bd. I/1. № 96.

⁵¹ *Walachowicz J.* Monopole książęce. S. 160 i n.

Для оценки характера общественного строя Поморского княжества в середине XII — начале XIII в. важно установить, какие общественные силы, по свидетельству поморских грамот, участвовали в принятии решений князя.

Наиболее ранний из таких документов — грамота 1168 г. епископа Конрада, подтверждающая дарения князя Ратибора и его сыновей монастырю в Гробе, — завершалась формулой: «in presentia totius populi terre convocati illuc ad consilium»⁵². Но в более поздних документах подобная формула не встречается.

В 1187 г. грамота монастырю в Гробе была выдана вдовой князя Богуслава Анастасией и ее сыном Богуславом II «fere totius terre nostre nobilium consilio»⁵³. Пожалования монастырю Св. Михаила в Бамберге были сделаны по желанию «omnium principum terre», «in generali conventu et consilio consensu fere omnium baronum et supranorum»⁵⁴. В 1223 г. княжеское пожалование было сделано «coram nobilibus totius Slauie»⁵⁵. Эти формулы грамот четко обрисовывают выделившуюся из общества социальную элиту, участвующую вместе с князем в принятии важных решений.

Поморские грамоты позволяют выявить важную особенность положения этой элиты. В формулах жалованных грамот читаем, что владения монастыря освобождаются от поборов и служб не только в пользу князя и его слуг, но также в пользу «баронов» и их слуг⁵⁶.

Рассмотренные данные позволяют дать достаточно четкую характеристику общественного строя Западного Поморья во второй половине XII — начале XIII в. Из состава населения четко выделилась социальная элита, объединившаяся вокруг монарха и осуществляющая суд и управление от его имени. Население подчинено судебной-административной власти княжеских наместников и судей. В пользу князя и этих представителей власти (и социальной элиты) обложены поборами (*exactiones*) основные отрасли хозяйственной деятельности населения и сфера торговли, а население должно было нести также многие «службы».

⁵² PU. Bd. I/1. № 51-a.

⁵³ Ibidem. № 106.

⁵⁴ Ibidem. № 108, 109.

⁵⁵ Ibidem. № 213.

⁵⁶ Грамота князя Казимира монастырю в Даргуне 1174 г. (Ibidem. № 62); см. также в грамоте князя Барнима 1219 г. об освобождении владений ордена Иоаннитов от всех поборов «curie mei et beneficiariorum meorum» (Ibidem. № 257); см. об этом также: *Buczek K. Przemiany ustrojowe na Pomorzu Zachodnim*. S. 354, 373.

Перед нами и государственная власть, и общество, по своим основным признакам совпадающие с государством и обществом как Польши раннего средневековья, так и других славянских стран (в их числе и Древней Руси).

Разумеется, Поморское княжество имело свои особенности. Так, здесь отсутствовал, например, такой важный компонент государства раннего средневековья в восточной части Европы, как «служебная организация». По предположению исследователей, в небольшом Поморском княжестве функции «служебного населения» выполняла княжеская челядь — «familia ducis»⁵⁷. Но это важное отличие не может, как представляется, отменить вывода об однотипности модели общественных отношений в Поморье второй половины XII — начала XIII в. и в других славянских государствах раннего средневековья. Тем самым можно констатировать, что поморское общество шло по тому же историческому пути, что и остальной славянский мир. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод, что сведения о поморском обществе, содержащиеся в Житиях Оттона Бамбергского, отражают более ранний этап развития общества, когда еще не произошло полного подчинения населения власти князя и его дружины. Эти данные, как представляется, могут быть использованы при научной реконструкции предгосударственных структур в других славянских странах (в их числе и в Древней Руси).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Buczek K. Przemiany ustrojowe na Pomorzu Zachodnim w XII–XIII wieku // Kwartalnik historyczny. 1965. № 2. S. 349–380.*
Codex diplomatikus Majoris Poloniae. Poznań, 1877. T. I. № 7.
Dowiat J. Ekspansja Pomorza Zachodniego na ziemie wielecko-obodrzyckie w drugiej polowie XII w. // Przegląd historyczny. 1959. № 4. S. 698–719.
Dowiat J. Pochodzenie dynastii zachodnio-pomorskiej a ukształtowanie się terytorium księstwa zachodniopomorskiego // Przegląd historyczny. 1954. T. 45, z. 2–3. S. 237–279.
Ebonis vita Ottonis episcopi Babenbergensis (далее — Ebo) // MPH NS. T. VII/2 / Wyd. J. Wikarjak, K. Liman. Warszawa, 1969.
Herbordi dialogus de vita s Ottonis episcopi Babenbergensis // MPH NS. T. VII/3 / Wyd. J. Wikarjak, K. Liman. Warszawa, 1974.

⁵⁷ *Buczek K. Przemiany ustrojowe na Pomorzu Zachodnim. S. 356.*

- Otonis episcopi Babenbergensis vita Prieflingensis // MPH NS. T. VII/1 / Wyd. J. Wikarjak, K. Liman. Warszawa, 1966.
- Pommersches Urkundenbuch. Köln; Wien, 1970. Bd. I. Abt. 1: 786–1253.
- Walachowicz J.* Dziesiocina biskupia na Pomorzu Zachodnim w okresie wczesnofeudalnym // *Czasopismo prawno-historyczne*. 1999. № 1–2. S. 155–167.
- Walachowicz J.* Immunitet ekonomiczny na Pomorzu Zachodnim w okresie wczesnofeudalnym // *Czasopismo prawno-historyczne*. 1963. № 1. S. 50–65.
- Walachowicz J.* Monopole książęce w skarbowości wczesnofeudalnej Pomorza Zachodniego. Poznań, 1963.
- Walachowicz J.* Regale solne na Pomorzu Zachodnim // *Czasopismo prawno-historyczne*. 1959. № 1. S. 40–61.

B.N. Florya

STAGES OF FORMATION OF THE STATE IN WESTERN POMERANIA

Abstract: Western Pomerania was a small political unit on the South coast of the Baltic sea. The author distinguishes between two stages in the formation of the state there in the early Middle Ages.

The evidence to the first stage can be found in the narrative sources on the events of the 1120s (the lives of Otto von Bamberg, “apostolus gentis Pomeranorum”). These texts describe the Pomeranian society of that time as the society where the prince’s authority and his domains and the support of a large armed force (“druzhina”) co-exists with Pomeranian political centers (“grady”). “Grady” were subject to the leadership of the prince who represented Western Pomerania to foreign lands, but the prince’s authority did not spread to the inner life of “grady”. Every “grad” was independent in its decision to converse or not to converse. The decision was taken with the participation of the inhabitants of a “grad” and its neighbourhood. Sometimes there were armed conflicts between the prince and Szczecin (the main Pomeranian “grad”). The prince’s authority was stronger on the lands won back from the Lutici, where the decision to converse to Christianity was taken at the assembly summoned by the prince’s deputy.

The second stage found its reflection in documents (prince’s letters, Papal letters) of the second half of the twelfth — early thirteenth centuries. At this stage both rural and “grad” inhabitants of the whole Pomerania were subject to the authority of prince’s deputies and judges. The documents contain evidence to the existence of the developed system of taxation. The main branches of economy (not only allotments, but also salt production and fishery) were taxed. The inhabitants were also to perform various “services” for the benefit of the authority. The important decisions were taken then by the social élite (“barons”

and “nobiles”) joined to the sovereign and supported financially from the prince’s coffers.

Such social organization shows (in spite of some deviations) the principal resemblance with the pattern of the social organization which existed in Central-European countries and Rus’ in the early Middle Ages. Thus, the society of Western Pomerania followed the same pattern of historical development as those countries. The conclusion is: the lives of Otton von Bamberg which describe the society of Western Pomerania in the 1120s show not only the regional specifics, but they are unique as the evidence of a special stage in the formation of the polity model in Eastern Europe. There is no written evidence as to this stage in medieval Central Europe and Rus’.

Keywords: Poland, Pomeranian “grady”, Pomeranian “barons” and “nobiles”, prince’s authority, Szczecin, Western Pomerania

Jonathan Shepard

HISTORY AS PROPAGANDA, PROTO-FOUNDATION MYTH AND “TRACT FOR THE TIMES” IN THE LONG ELEVENTH CENTURY (c. 1000 — c. 1130)

Abstract: The long eleventh century saw a flurry of historical writing across Europe for a wide variety of reasons. In Byzantium, periods of political instability tended to prompt narratives giving a partisan account — often purporting to be objective — of recent events. Newly established regimes and conquerors in western Europe tended to commission self-glorifying and -justifying historical texts. This holds true of the Normans in Southern Italy and Sicily and England and of some Rus’ princely regimes. However, elements of criticism of the conduct of rulers may be detected in works that appear at first sight to be encomiastic or propagandist. Works written in a monastic milieu could serve the local interests of their religious house while recounting a more general narrative. Equally, they could set out norms and taboos of political culture by means of cautionary tales. Instances of such literary techniques are noted in Anglo-Norman England and Rus’, with reference made to the Bayeux Tapestry, and the works of Eadmer, William of Malmesbury and the “Povest’ Vremennykh Let”. The intimations of disapproval by churchmen of a ruler’s actions could bring him serious political embarrassment, even if it could not unilaterally topple him. In all the polities under consideration the validity of Christian oaths was deemed to be an absolute, transgression being correspondingly heinous and potentially incurring general catastrophe. The appearance of Halley’s Comet and its direct connection with broken oaths and subsequent disasters appears to be a theme in the Bayeux Tapestry and the “Povest’ Vremennykh Let” alike.

Keywords: Anglo-Norman England, Byzantium, chronicle, criticism, encomia, historical writing, Kievan Cave Monastery, kissing of the Cross, monastery, ethical norms, oaths, political culture, Rus’

Introduction: the spectrum of historical writing in the long eleventh century

There was a profusion of historical writing in the course of Europe’s long eleventh century. Rather than trying to explain this solely in terms of “state-formation”, one must bear in mind a few other developments that were propitious to historical writing around that time. This was a

period of rapid demographic and economic growth. Europe was for the first time interconnected by “Three Circuits”, commercial waterways spanning the North Atlantic, the “Way from the Varangians to the Greeks”, and the Mediterranean, facilitating the circulation not only of travellers and commodities but also of writings¹. And precisely because the long eleventh century saw so many challenges to the status quo, with new centres of economic resources and of military power seeking legitimacy, attempts at dignifying political structures by means of an admirable — often Providential — “historical” record were numerous, and sometimes mutually competitive. These attempts formed part of a greater tendency to resort to the written word for “authority” and the “force of law” than in preceding centuries. What Brian Stock has called “the implications of literacy” were ambivalent and even contradictory, allowing opportunities for articulate dissent alongside the justification and consolidation of authority². And, of course, the long eleventh century saw the expansion across northern and eastern Europe of Christianity, propagating an ideology of respect for “writings” — Scriptures — and their authors and keepers throughout the continent³.

What is so unusual about the long eleventh century is the contemporaneous existence of Christian polities at markedly different stages of development, and their use of historical writing for very different purposes. At one end of the spectrum are the nouveaux

¹ *Moore R.I.* The First European Revolution, c. 970–1215. Oxford, 2000; *Fossier R.* The Rural Economy and Demographic Growth // *New Cambridge Medieval History*. Vol. IV.1 / Ed. D. Luscombe and J. Riley-Smith. Cambridge, 2004. P. 12–14, 27–29, 35, 40–46; *Keene D.* Towns and the Growth of Trade // *New Cambridge Medieval History*. Vol. IV.1. P. 47–52, 60–61, 64–70; *Epstein S.A.* An Economic and Social History of later Medieval Europe, 1000–1500. Cambridge, 2009. P. 63–65, 74–78, 93, 100–103, 112; *Garipzanov I.H.* Wandering Clerics and Mixed Rituals in the Early Christian North, c. 1000 — c. 1150 // *Journal of Ecclesiastical History*. 2012. Vol. 63. P. 3–5, 10–13; *Shepard J.* Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Some Introductory Remarks // *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence / Ed. M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin and P. Špehar.* Cracow; Leipzig; Rzeszów; Warsaw, 2012. Vol. I. P. 25–26.

² *Stock B.* The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, 1983. P. 35–37, 46–49, 54–56, 59–77, 88–90, 517–521; *Moore R.I.* Literacy and the Making of Heresy, c. 1000 — c. 1150 // *Heresy and literacy, 1000–1530 / Ed. P. Biller and A. Hudson.* Cambridge, 1994. P. 19–20, 22–23, 33; *Epstein S.A.* An Economic and Social History. P. 38–39.

³ *Berend N.* Introduction // *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus’ c.900–1200 / Ed. N. Berend.* Cambridge, 2007. P. 6–10, 16–19, 28–30, 37–39.

regimes, bedecking themselves with encomia and narratives comparable to the *origines gentium* underlying some of the works of barbarian historians in the early middle ages⁴. These are, largely, triumphalist. Obvious examples would be the praises skalds sang of Knut, master of a sea-empire encompassing Denmark and England⁵; the “official histories” of the Norman Conquest of England after 1066 (See below); and the works celebrating “The Deeds Done” of Robert Guiscard and Count Roger in southern Italy and on Sicily⁶. One may also cite those sections of the “Povest’ Vremennykh Let” which provide answers to the questions posed at its outset: “Whence came the Rus’ land, which prince first reigned in Kiev, and how did the Rus’ land come to be?” These sections include the Rus’ imposition of “tribute (дань)” on the Slavs and Finns, but also those peoples’ request for someone to come and rule over them and to adjudicate “acording to the law (*no pravu*)”⁷. At the opposite end of the spectrum are writers operating within the political cultures of long-established states. They tend to use the past as a means of criticising current or recent governments, writing “tracts for the times” rather than full and balanced exegeses of past events. They do not need to justify the existence of the political structure within which they operate. On the contrary, their aim is to restore the body politic, presupposing a fairly wide circle of readers or hearers and that History is an ingredient of everyday political discourse.

Byzantium is a prime example of a polity too self-assured to feel in need of extensive self-justifying narratives. What is notable there is the dearth of “official histories” that were regularly kept up by the imperial court⁸. Encomia, rather than extensive narratives

⁴ *Goffart W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.

⁵ *Lawson M.K.* Cnut. England’s Viking King. 2nd ed. Stroud, 2004. P. 74–75, 202.

⁶ *William of Apulia.* Gesta Roberti Wiscardi / Ed. and tr. M. Mathieu, La geste de Robert Guiscard. Palermo, 1961; *Geoffrey Malaterra.* De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius / Ed. E. Pontieri. Bologna, 1925–1928; *Wolf K.B.* Making History. The Normans and their Historians in Eleventh-Century Italy. Philadelphia, 1995. P. 123–169; *Chibnall M.* The Normans. Oxford, 2000. P. 117–119.

⁷ ИВЛ. С. 7, 12–13.

⁸ *Shepard J.* The Uses of “History” in Byzantine Diplomacy: Observations and Comparisons // Porphyrogenita. Essays on the history and literature of Byzantium and the Latin East in honour of Julian Chrysostomides / Ed. C. Dendrinos, J. Harris, E. Harvalia-Crook and J. Herrin. Aldershot, 2003. P. 101–104, 113–114; *Kaldellis A.* The Corpus of Byzantine Historiography. An Interpretive Essay // The Byzantine world / Ed. P. Stephenson. London, 2010. P. 212–214.

of the emperor's doings, tended to do the business of maintaining and propagating a positive image of the current regime. Indeed, Byzantine historical writings (about the distant or the fairly recent past) tended to proliferate in times of political instability, when a regime was weak or no one faction was dominant at court. They could be celebrations of an individual's personal achievements, setting out his qualifications for the Purple, or their reviews of recent events could amount to criticism of the present-day regime. Hints of such oblique criticisms surface in the later tenth century, for example Leo the Deacon's remarks about the inadvisability of invading Bulgaria through its densely-wooded passes, ostensibly in praise of Nikephoros II's perspicacity but with implicit imputation of folly to the reigning emperor Basil II. Basil's defeat at Trajan's Gates in 986 is the subject of eyewitness reporting by Leo himself⁹. And there was an outpouring of versions of the recent past in the mid-eleventh century, when interest-groups and opinionated individuals like Katakalon Kekaumenos jockeyed for prominence if not the throne itself; and, in Michael Psellos' case, this entailed the claim to be writing objective "History" so as to justify one's behaviour under previous regimes and to highlight one's importance to them¹⁰. To describe levels of output of historical writings in Byzantium as a barometer of political instability is only a slight exaggeration. Equally, such writings register a lively political culture, and their responses to socio-economic change could even envisage reconstitution of the body politic¹¹.

Here, then, is a spectrum of political structures and the historical writing they inspired in the long eleventh century. The contrasts between them reflect differing stages of development, the old East Roman State as against a plethora of polities new to Christianity or still at an embryonic stage of formation. What is more striking is that in the newly-forming polities, too, critiques of regimes and "tracts for

⁹ *Leo the Deacon*. *Historiarum Decem Libri* / Ed. C.B. Hase. Bonn, 1828. P. 62–63, 171–173.

¹⁰ *Jeffreys M.* Psellos and "his Emperors": Fact, Fiction and Genre // *History as Literature in Byzantium* / Ed. R. Macrides. Farnham, 2010. P. 73–74, 77–81, 89–90; *Shepard J.* *Memoirs as Manifesto: the Rhetoric of Katakalon Katakakon* // *Reading in Byzantium and Beyond*. Festschrift for Professors Elizabeth and Michael Jeffreys / Ed. T. Shawcross and I. Toth. Cambridge (forthcoming).

¹¹ *Krallis D.* *Democratic Action in Eleventh-Century Byzantium: Michael Attaleiates' "Republicanism" in Context* // *Viator*. 2009. Vol. 40.2. P. 47–53.

the times” emerged, couched in the form of histories of the recent or more distant past. And a certain correlation is discernible between the writing of such works and bouts of political instability or disputes over the succession, as in Byzantium. One should emphasise that the scope of the works emanating from the newer polities is generally narrower than Byzantium’s, reflecting the outlook of the monks who were the principal authors and whose concerns were often local. Nonetheless, they tended to link these concerns with broader issues of “law”, justice and governance and, as in Byzantium, to couch criticism of rulers in ambiguous or ostensibly “apolitical” terms. All this suggests a certain sense of the “common weal” and it presupposes an audience for such tracts, a political nation with a forum of discourse, if not yet a fully-fledged polity. There is scope here for only two case-studies, Anglo-Norman England and the land of Rus’. But one may note en passant that Geoffrey Malaterra, although commissioned to commemorate Roger’s feats in Sicily and southern Italy, apparently wove negative aspects of the Normans’ overweening ambitions and greed into his narrative¹².

Anglo-Norman England

One cannot elaborate here on the various “triumphalist” works written after the Normans’ victory over the English, beyond noting that within a few years they were portraying it in terms of the feats of classical antiquity. Bishop Guy of Amiens’ “Song of the Battle of Hastings”, written perhaps only a year or so afterwards, portrays the slayers of King Harold in gory but Homeric terms, repeatedly terming his own nephew “a son of Hector” (*Hectorides*)¹³. And William of Poitiers compares the invasion plans favourably with those of the Romans: Julius Caesar’s preparations had been less provident and systematic than Duke William’s¹⁴. Similar claims for William’s careful preparations and war-leadership occur in the Bayeux Tapestry, a work designed for propagandistic purposes, and probably woven by Englishmen or -women at St Augustine’s monastery, Canterbury

¹² *Wolf K.B. Making History*. P. 164–168.

¹³ *Guy, Bishop of Amiens*. The *Carmen de Hastingae Proelio* / Ed. and tr. F. Barlow. Oxford, 1999. P. 32, 34 (text); xxii–xxiv, xxxii, xl–xlii.

¹⁴ *William of Poitiers*. *Gesta Guillelmi* / Ed. and tr. R.H.C. Davis and M. Chibnall. Oxford, 1998. P. 172–173.

in King William's lifetime¹⁵. Scenes such as William's lifting of his helmet to reassure his men that he is still alive demonstrate his decisive role in the battle of Hastings.

Illustration 1. William lifts helmet to show his face

And, in line with contemporary Norman historians, the Tapestry shows Harold as an oath-breaker, who has broken the *sacramentum* sworn on holy relics to William some years earlier in Normandy and duly suffers divine punishment for this, in the form of death and bloody defeat.

Illustration 2. Harold swears an oath on relics

Nonetheless, the “message” is more ambivalent, and perhaps more critical of the Normans, than a hasty glance reveals. Not only does the Tapestry show Harold's courage, as in the scene where he drags two of Duke William's men from the quicksand near Mont-Saint-

¹⁵ Pastan E.C. Building Stories: the Representation of Architecture in the Bayeux Embroidery // Anglo-Norman Studies. 2010 [2011]. Vol. 33. P. 162–163, 165–166.

Michel, during his visit to Normandy. E.C. Pastan has noted the brutality in the depiction of Harold's brothers' deaths at Hastings, with the earlier marginal pastoral and animal scenes giving way to dismembered Anglo-Saxon corpses that "begin to overwhelm the lower borders"¹⁶.

Illustration 3. Killing of Harold's brothers, Leofwine and Gyrth

Illustration 4. The Saxon dead

In Pastan's words, "The horror of battle and the depiction of all the dead to be buried ... mirror the emphasis of the Martyrology of St Augustine's which, for 14th October, records the deaths of Harold, king of the English, 'and so many of our brothers'¹⁷. She sees ambivalence even over the key question of whether — as Norman historians strenuously assert — Edward the Confessor wished Duke William to succeed him. The Tapestry represents Edward on his deathbed, reaching out to touch Harold with his

¹⁶ Ibidem. P. 175.

¹⁷ Ibidem, citing BL Cotton MS Vitellius B.xii, fol. 145v.

fingertips, perhaps as if commending his widow and his kingdom to him¹⁸.

Illustration 5. Edward reaches out, apparently to Harold

There is similar ambivalence towards the conquerors, and also some outright criticism of their conduct, in the earliest Anglo-Norman historical works, notably those written in monasteries in the 1120s — Eadmer’s “History of Recent Events in England”, and William of Malmesbury’s works on the kings and the bishops of the English. In fact Eadmer, who could remember life as a boy in Canterbury’s Christ Church on the eve of the Conquest, shows sympathies for the Saxons akin to those of the Martyrology of St Augustine’s cited a moment ago: “what treatment [William] meted out to those leaders of the English who survived the great slaughter, I forbear to tell, for it could do no good”¹⁹. Eadmer’s abhorrence at the Norman ruler’s ruthlessness and sympathy for the losers runs through his entire work. He pictures a golden age under King Edgar in the mid-tenth century, commenting darkly that the correctness of a Saxon prophecy of “invasions of foreign foes and all their horrible oppression” “can be seen all too easily...in our own afflictions by those who know how

¹⁸ Ibidem. P. 154–155, 173 and n. 158. See also *Brooks N.P. and Walker H.E. The Authority and Interpretation of the Bayeux Tapestry // Anglo-Norman Studies. 1978 [1979]. Vol. 1. P. 11–13; Gameson R. The Origin, Art and Message of the Bayeux Tapestry // The Study of the Bayeux Tapestry / Ed. R. Gameson. Woodbridge, 1997. P. 203; Baxter S. Edward the Confessor and the Succession Question // Edward the Confessor. The Man and the Legend / Ed. R. Mortimer. Woodbridge, 2009. P. 112.*

¹⁹ *Eadmer. Historia novorum in Anglia / Ed. M. Rule. London, 1884. P. 9. See Williams A. The English and the Norman Conquest. Woodbridge, 1995. P. 166 and n. 62.*

to discern them”²⁰. Instead of the golden age, malpractices prevail, the worst being what he brands a Norman innovation, lay investiture: “From the time when William, Duke of Normandy, conquered England...no one was ever made a bishop or abbot there without first being made the king’s man and receiving from the king investiture by the presentation of the pastoral staff”²¹. Eadmer declares that his purpose is to record Archbishop Anselm of Canterbury’s bid “to put an end to this practice of investiture by the king, as being contrary to God and to the canons of the Church”²².

One might discuss how far Eadmer’s “History of Recent Events” — recounting Anselm’s stand against royal policies and lay investiture, and consequent spells in exile — amounted to a polemic against the Norman regime, and compare it with the “Anglo-Saxon Chronicle”, which was written, in the vernacular, until the mid-twelfth century. But worth more attention for our purposes is Eadmer’s interweaving in his “History” of universal issues of justice and church law with Christ Church monastery’s local interests — its objections to royal officials’ seizure of lands and revenues²³. The “History” essentially recounts how a holy man, Archbishop Anselm, opposed the malpractices of a wicked ruler, William II, invoking against him “the canons of the church” and relying on *external* authority — the papacy — for support. There are constant references to the rule of “law”, and much of the “History” is taken up with correspondence between Anselm and the pope, with many citations of church councils’ decrees. In writing his “History”, Eadmer sets out the basics of what he considers to be lawful in the internal affairs of the church, relations between churchmen and the ruler, and governance of the English kingdom²⁴. External spiritual authority, in the form of the pope, may lack power, but its role as guarantor of good practice is nonetheless invaluable. In that sense, Eadmer’s work is less a “History of Recent Events” than “a tract for the times”.

William of Malmesbury’s “Histories” reach back far into the past, and they contain many favourable remarks about Henry I, the king at the time he wrote his “History of the kings of the English”. Here I

²⁰ *Eadmer*. *Historia novorum in Anglia*. P. 3.

²¹ *Ibidem*. P. 1–2.

²² *Ibidem*. P. 2

²³ *Southern R.W.* *St Anselm and his Biographer*. Cambridge, 1963. P. 274–276, 302–304, 309–312.

²⁴ *Williams A.* *The English and the Norman Conquest*. P. 166.

shall just make three observations, bearing on what may perhaps also be seen in Rus'. Firstly, the early 1120s was a time of uncertainty as to the succession, because Henry's only son to be born in wedlock had perished in 1120, and there were several possible contenders for the succession. William's "History" offered a compendium rich in lively stories and basic data about kings that was also a historical handbook and a guide to kingship. William dedicated it to those most likely to play a part in determining the succession and in counselling the new ruler²⁵. And he went much further than any of his contemporaries in trying to align a kingdom's history to a set of fixed principles of political conduct²⁶. William expected quite a wide audience, dedicating his work to those most likely to succeed Henry or to be leading players in a succession-dispute or a new regime, what one might call "the political nation". Secondly, William uses the distant past by way of criticising current malpractices. His major "Histories" constitute a defence of his home-monastery, Malmesbury, which had lost its lands and "liberty" to the local bishop, Roger of Salisbury. Quite recently, P. Hayward has shown how lengthy — and largely fictional — stories about Anglo-Saxon bishops serve to illustrate misconduct in the church. Recounting ninth-century bishops' extravagance funded by their ill-gotten gains from monastic property, William has the present-day bishop of Salisbury in his sights²⁷. Pointedly, he compares the Saxon bishop Ealhstan, who had infringed on Malmesbury Abbey's rights yet had been a generous lord, with modern predators: "our plunderers oppress as well as rob us, so that open talk of suffering is not allowed..."²⁸. Thirdly, in signalling that Bishop Roger has both despoiled his abbey and suppressed dissent, William casts indirect aspersions on the current ruler: Roger was Henry's righthand man, administering England during the king's absences in Normandy and exercising substantial political weight. So his mismanagement reflects badly on Henry, counterbalancing the conventional words of

²⁵ *Weiler B.* William of Malmesbury, King Henry I, and the *Gesta Regum Anglorum* // *Anglo-Norman Studies*. 2008 [2009]. Vol. 31. P. 172–173.

²⁶ *Ibidem*. P. 174.

²⁷ *Hayward P.A.* The Importance of being Ambiguous: Innuendo and Legerdemain in William of Malmesbury's *Gesta regum* and *Gesta pontificum Anglorum* // *Anglo-Norman Studies*. 2010 [2011]. Vol. 33. P. 93–97.

²⁸ *William of Malmesbury*. *Gesta pontificum Anglorum* / Ed. and tr. M. Winterbottom. Oxford, 2007. Vol. I. P. 278–279; *Hayward P.A.* The Importance of being Ambiguous. P. 95.

praise William has for Henry's performance of his kingly duties. The apparently "apolitical" stories about Anglo-Saxon bishops turn out to have highly contemporary overtones. William veils his critique in what is essentially rhetoric. He claims to be objective, writing in accordance with "the true law of the historian", piously echoing the Venerable Bede²⁹. One should note that Bede's "History" itself amounted to a "tract for the times". Monasteries could better defend their properties and independence by setting essentially local disputes on the level of universal significance, through the writing of "true", seemingly apolitical, history and the invocation of sacred rules. This seems to me to hold true not only of Saxon and Anglo-Norman England but also of Rus'.

Rus'

Turning to the land of Rus', one must concede that few subject groupings or literary centres besides those at Novgorod and Tmutarakan' were capable of oblique criticism of the ruling elite's conduct in the manner of the Anglo-Saxons and Anglo-Normans. There are, nonetheless, articulate commentaries on the rulers' conduct, sometimes amounting to critiques, with assessments being made against a set of clear-cut ethical criteria. And in Rus', much as in Anglo-Norman England, one may find an association between these independent assessments and the institution of monasteries, as also invocation of an external authority, beyond the land of Rus', by way of validating the right of a church or monastery to broadcast critiques. I have in mind the Kievan Cave Monastery and those of its brethren who contributed to the composition of the "Povest' Vremennykh Let" whilst also writing the story of their own house, the Paterik. Even to phrase the interrelationship between the Paterik and the Chronicle in these general terms (and, indeed, to label the "Povest'" a "Chronicle") is to invite controversy and, as with all discussion of the composition of Rus' chronicle-writing, an English saying springs to mind: "fools rush in where angels fear to tread" — and all the more so in the homeland of the giant Shakhmatov and of subsequent

²⁹ *William of Malmesbury. Gesta regum Anglorum / Ed. and tr. R.A.B. Mynors, R.M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford, 1998. Vol. I. P. 796–797; Hayward P.A. The Importance of being Ambiguous. P. 100–101.*

generations of textologists³⁰! The difficulty of unpeeling the layers of texts incorporated within the “Povest” and other early Rus’ works may not, however, deprive the observations of mere general historians of all sense and purpose. Indeed, the sheer multiplicity of texts and overlays in the “Povest” tends to support a general characterisation: the vitality of political discourse. In early twelfth-century Rus’, as in contemporary England and indeed Byzantium, historical writing could amount to tracts for the times, perhaps read by few but whose essence might be disseminated orally, a “ripple effect”. Here one can only outline a comparison that deserves fuller exegesis³¹.

As in Anglo-Norman England, so in Rus’, lack of a binding order of succession to the preeminent throne provided openings for strife. At one in a lengthy series of family gatherings, in Liubech in 1097³², the princes made a solemn arrangement as to which of them should hold Kiev and the other established throne-cities, swearing jointly to uphold it. The difficulty of observing a somewhat ambivalent, foreseeably obsolescent, agreement seems to have triggered various historical writings that were also tracts for the times. The arch-manipulator of such writings is, of course, one of the chief political players: Vladimir Monomakh, whose “Pouchenie” recounts his campaigns, almsgiving, church-going and equitable judgements as models for his sons and other members of the governing elites to imitate. Monomakh seemingly wrote the earlier drafts around 1100³³.

³⁰ *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. See, e. g., *Насонов А.Н.* История русского летописания: XI — начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; *Милотенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica Antiqua*. Исследования и материалы / Отв. ред. А.И. Дворниченко, А.В. Майорова. СПб., 2006. С. 156–169; *Гимон Т.В., Гитиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. М., 2005. С. 174–200; *Гитиус А.А.* «Рекоша дружина Игоревы» — 3. Ответ О. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII/2. P. 152–195; *Шайкин А.А.* Заглавия и вводные тексты двух старших русских летописей: идеология и повествование // *ТОДРЛ*. 2010. Т. LXI. С. 398–418; *Вилкул Т.Л.* О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. 2012. Vol. XX/1. P. 1–15; *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.

³¹ For fruitful comparison of various aspects of historical writing in Rus and Anglo-Saxon England, see now *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.

³² *Щавелёв А.С.* Съезд князей как политический институт Древней Руси // ДГ. 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 272–273.

³³ *Гитиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I // *Русский язык в научном освещении*. 2003. № 6. С. 91–92.

He highlighted his own recent rejection of an invitation instigated by the senior prince, Sviatopolk Iziaslavich, to attack the two Rostislavichi, junior princes, thereby breaching the agreement he had sworn on the Cross at Liubech³⁴. In emphasising the inviolability of all such agreements sworn to one's brethren or anyone else and the need for utter fidelity to them, Monomakh strikes a high moral note³⁵. Yet he could already have been positioning himself for an eventual bid to succeed Sviatopolk on the Kievan throne, putting his own particular interpretation on what was agreed at Liubech and thereby straining the spirit, if not the letter, of the arrangement.

It can hardly be coincidence that identical themes — especially the inviolability of oaths sworn on the Cross — pervade the text of the “Povest”³⁶. That the editing of the “Povest” into something like its present-day form occurred under the aegis of Monomakh seems most likely. But — and this is quite a big “but” — the “Povest” was not simply a mouthpiece for Vladimir Monomakh. It occasionally makes a positive allusion to his rival, Sviatopolk, noting the latter's custom of visiting the Cave Monastery “before he went forth to war or for some other purpose,” and of venerating the tomb of Feodosii and receiving the abbot's prayers³⁷. The Chronicle's entry for the year 6615 even ascribes a victory over the Polovtsy under Sviatopolk's leadership to “the prayers of the Mother of God and our holy father, Feodosii”, clearly a reflection of the text's incubation within the walls of the Cave Monastery. Conversely, Vladimir Monomakh is criticised quite directly for the killing in 1095 of the Polovtsian chief Itlar' after he had come to Pereiaslavl' so as to negotiate peace, an incident with no obvious bearing on the monastery's fortunes. The Chronicle describes Itlar' as losing his life “in evil fashion” on a particularly holy day, “the first Sunday in Lent”. Reportedly, Monomakh was heeding what western chronicles would call “evil counsellors”³⁸, but the message that princes should keep even the oaths they had sworn to pagans is plain enough.

A claim amounting to special moral authority to comment on such matters may also be found in the “Povest' Vremennykh Let”. The

³⁴ ПБЛ. С. 98.

³⁵ Ibidem. P. 101; *Mikhailova Y. and D.K. Prestel*. Cross-kissing: Keeping one's Word in Twelfth-Century Rus' // *Slavic Review*. 2011. Vol. 70:1. P. 8–9.

³⁶ *Mikhailova Y. and D.K. Prestel*. Cross-kissing. P. 6–7.

³⁷ ПБЛ. С. 120.

³⁸ Ibidem. P. 95–96; *Mikhailova Y. and D.K. Prestel*. Cross-kissing. P. 9, n. 52.

claim is made on behalf of the Cave Monastery as a whole, rather than specifically for the contributors to the Chronicle³⁹. But the Cave Monastery's right to self-determination was closely bound-up with its role as, in effect, keeper of the conscience of the princes. And the contributors to the "Povest'" linked a prince's personal morality with matters of public concern — the keeping of agreements, whether they were sworn on the Cross with other princes, or made with the Polovtsy. This aspect of autonomy in the claim made by the "Povest'" for the Cave Monastery's unique status tends to escape notice because of the seemingly "apolitical" context in which it occurs — the tale of Anthony's return from Mount Athos and foundation of a house at Kiev "with the blessing of the Holy Mount", a phrase used repeatedly in the story, whose original source is not of prime concern to us here⁴⁰. However, the Chronicle goes on to recount Prince Iziaslav's foundation of a monastery and his apparently arbitrary transfer there of the Cave Monastery's Abbot Barlaam, "wanting to make it superior to this monastery (i. e. the Pecherskii. — *J. Sh.*), trusting in riches". The Chronicle continues: "many monasteries have indeed been founded by emperors, nobles and riches, but they are not such as those founded by tears, fasting, prayer and vigils"⁴¹. The unfavourable comparison with the Cave Monastery of the house founded by Iziaslav and, by implication, of all mere princely foundations is carefully phrased, yet clear. Similar comparisons to the Cave Monastery's advantage follow from the Chronicle's next statement but one. Reportedly, Barlaam's successor, Feodosii, obtained the text of the Stoudite Rule, copied it out and introduced it, so that the monastery's liturgy, fasting practices and in fact "everything", might function "by institution (*все съ уставленьем*)"⁴².

³⁹ For the brethren's responsibility for updating and reshaping the Chronicle in its more or less final phases, see, e. g. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении.* 2001. № 1. С. 207–214; *Гунтуц А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // *Славяноведение.* 2008. № 2. С. 22; *Гунтуц А.А.* «Рекоша дружина Игоревы» — 3. С. 267.

⁴⁰ ПВЛ. С. 68–69. On the existence of some sort of Life of Anthony, see, e. g. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. второе, исправленное и дополненное для русского перевода / Перевод А.В. Назаренко, под редакцией К.К. Акентьева. СПб., 1996. С. 85–88, 263–264, 526.

⁴¹ ПВЛ. С. 69.

⁴² *Ibidem.* P. 70. See also the somewhat different version of Nestor in his "Life of Feodosii": *Нестор.* Житие Феодосия Печерского / Подготовка текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII вв. С. 378–381; *Пентковский А.М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 155–158.

My concern here is neither with the literal truth of these claims made for Feodosii nor with possible differences in emphasis between links with Athos and links with the house of Stoudios. It is in any case clear that a translation was made in Rus' of the newly-composed "Typikon of Alexios the Stoudite"⁴³. More significantly, the claims serve to establish the Cave Monastery's moral authority for judging all others: it functions in accordance with the regulations in force at the Stoudite monastery in Constantinople, *and* it benefits from the blessing and on-going prayers of "the fathers who are on the Holy Mount"⁴⁴, invoked for them by Anthony. There is, I suggest, an analogy between this invocation of external good practice and holiness on behalf of the Cave Monastery and that made by Eadmer and other Anglo-Saxon monks to defend their own houses against kings and despoliation by their "evil counsellors". Anglo-Norman writers, like the hero of Eadmer's "History", Anselm, looked to the Roman papacy to safeguard "the canons of the church"⁴⁵. For them, as for the monks in Rus', universally valid rules could be found in loci of authority situated beyond the reach of a nation's princes or, indeed, churchmen. And they, too, were moved to write of the more distant past, so as to put present-day rulers firmly in their place. In England as in Rus', there was a close link between concern for maintaining present-day standards and interest in the writing of history.

The "Povest' Vremennykh Let", then, establishes an independent platform for itself by means of recounting the origins of the Pecherskii monastery, Anthony's stay on "the Holy Mount", and his spiritual father's injunction to return to Rus' to propagate true monasticism. The tale is self-serving, in that this foundation-myth renders princes superfluous, however pious or beneficent they might be. But from this position of relative autonomy, contributors to the "Povest'" could more readily pass judgement on public doings as well as the personal life of princes, refashioning past events so as to instruct contemporaries. One instance of this is worth considering. By the time the Chronicle gained something like its present form, the activities of the "Triumvirate" of Iaroslav's sons lay a generation or so in the past. The abundance of precise dates and topographical details about Kiev

⁴³ *Пентковский А.М.* Типикон патриарха Алексия Студита. С. 160–161, 165–173, 176.

⁴⁴ «сущихъ отецъ иже в Свягѣй Горѣ» (ПВЛ. С. 69).

⁴⁵ *Eadmer.* *Historia novorum in Anglia.* P. 2.

in its account of the events of 1067–1068 may well be the produce of a detailed record, kept at the time: the strife between the Iaroslavichi and Prince Vseslav of Polotsk; their breach of an oath sworn on the Cross of safe-conduct and their imprisonment of Vseslav, followed by the Polovtsy's invasion and victory over the princes "because of our sins"⁴⁶; the populace's freeing of Vseslav from jail, prompting the flight of Iziaslav to the Poles; and, for seven months, the reign of Vseslav in Kiev. But it seems likely that the contemporary record was later amplified to serve as prelude to the Chronicle's discursive treatment of oaths on the Cross in its entries for the 1090s, notably the aftermath of Liubech⁴⁷. Contributors to the Chronicle refashioned the events of 1068 so as to demonstrate how Vseslav benefited from staying true to the Cross and observing his oath sworn on it. Vseslav gained his freedom whereas God punished the Triumvirate, giving victory to the Polovtsy. The moral of the story for Rus' in general and for princes in particular is clear: "God demonstrated the power of the Cross as a warning to the land of Rus' that one should not violate the true Cross after kissing it"⁴⁸. The Chronicle lays most blame for the breaking of the oath upon Iziaslav, but Sviatoslav and Vsevolod — the father of Vladimir Monomakh — do not wholly escape blame.

These remarks raise questions as to the mechanics of the composition of the "Povest'", and I am certainly not claiming that the extant text represents the mouthpiece of the Cave Monastery any more than that it is the exclusive mouthpiece of Monomakh. My point is that there emerged a "tract for the times", recalling a golden age of internal peace and success against the steppe-nomads, especially after Vladimir's baptism and during Iaroslav's heyday. This stands out in contrast with the age of princely disunity and defeats at the hands of the nomads presaged by Halley's Comet (which also features prominently in the Bayeux Tapestry)⁴⁹, and beginning in earnest with the events of 1067–1068. Prime responsibility for defeat at the Polovtsy's hands lies with those princes who had broken their oath on the Cross. The passage on 1067–1068 interlocks well with the Chronicle's account of the Council of Liubech and its aftermath. There, Vladimir

⁴⁶ ПБЛ. С. 73.

⁴⁷ Ibidem. P. 110, 114–115.

⁴⁸ Ibidem. P. 74.

⁴⁹ Ibidem. P. 71–72.

Illustration 6. Halley's Comet overshadows Harold on his throne

Monomakh is depicted in glowing colours, upholder of inter-princely concord and decrifier of the opportunities that strife would give the Polovtsy to “come and take the land of Rus”⁵⁰. However, the lengthy text recounting the events of 1067–1068 is unlikely to have been refashioned wholly by Monomakh or his sympathisers. Well before his time, the Cave Monastery had been championing themes like the special status of oaths sworn on the Cross, and advocating the model of princely love and respect for one’s elder brother embodied in Boris and Gleb. Indeed, we have evidence of the political role the abbots could play from the “Life of Feodosii”’s account of his objections to Sviatoslav Iaroslavich’s seizure of the Kievan throne: he was “sitting on this throne not by law (*не по закону*)”; even after reluctantly agreeing to let Sviatoslav’s name be mentioned in the liturgy, Feodosii still had the “Christ-loving” Iziaslav named in first place, as being the legitimate prince of Kiev⁵¹. Liturgical recognition by leading monasteries could not alone secure a prince’s throne, yet no prince could do comfortably without it.

This is not to claim for the Cave Monastery the role of active enforcer of norms of conduct. It did not house an equivalent of Archbishop Anselm, nor did it keep up in the mid-twelfth century an acute historical commentary, in the manner of William of Malmesbury. Equally, Vladimir Monomakh was liable to bend the rules, especially if one accepts the respective theses of Professors Gippius and Nazarenko: these, once collated, would suggest that Monomakh issued the third version of his “Pouchenie” in 1117, and

⁵⁰ Ibidem. P. 112.

⁵¹ *Нестор*. Житие Феодосия Печерского. С. 420–421, 424–425.

thus around the time of breaching an agreement that Sviatopolk's eldest son Iaroslav should inherit the Kievan throne upon his own death⁵². Considering his formidable reputation and the ample material resources then at Monomakh's disposal, one can scarcely wonder at his success in reserving the Kievan succession for his own son, Mstislav. More remarkable is the fact that he still found it worthwhile to bring out a new version of his "Pouchenie", presenting his lifestyle even more emphatically in quasi-monastic tones. This implies a continuous political discourse, which rendered even Monomakh vulnerable to damaging commentary on his power-play, perhaps opening up the possibility that he would not receive liturgical prayers in key monasteries like the Pecherskii. The new version of Monomakh's "Pouchenie" could, I suggest, represent an attempt to parry this, presenting his lifestyle as a kind of monastic Typikon.

Monasteries such as the Pecherskii may not have maintained a tradition of nuanced narratives of the deeds of princes throughout the twelfth century. Yet political commentary did carry on, with judgements being expressed in literary form on princes according to norms of conduct and models drawn from the Rus' own past, in non-monastic milieus. One may glance at just a couple of instances here. The overriding validity of oaths sworn on the Cross is proclaimed in the "Discourse concerning Princes", which holds up as exemplary the senior prince of Chernigov, David Sviatoslavich, who "did not harbour hostility towards anyone"⁵³. His other virtues included willingness to make concessions for the sake of peace and, above all, fidelity to agreements sealed by kissing of the Cross⁵⁴. Reportedly, David upheld such standards even when dealing with persons who breached their oaths made with him. It seems to me quite possible that the "Discourse" has undertones of criticism of that flamboyantly "happy warrior", Vladimir Monomakh, whose approach towards oaths may have been more elastic than his "Pouchenie" would have us suppose. And, somewhat more explicitly, the "Lay of Igor" criticises Prince

⁵² Гунтуц А.А. Сочинения Владимира Мономаха. С. 86–87, 90, 92; Назаренко А.В. Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 284–285, 288–289.

⁵³ Слово о князьях / Подготовка текста Т.В. Рождественской; пер. и коммент. И.П. Еремина // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 226–227; Mikhailova Y. and D.K. Prestel. Cross-kissing. P. 9.

⁵⁴ Слово о князьях. С. 226–229; Mikhailova Y. and D.K. Prestel. Cross-kissing. P. 9–10.

Igor Sviatoslavich for folly in trying to defeat the Polovtsy on his own, rather than joining forces with the other princes against them, whilst also criticising their tardiness and urging united action⁵⁵. The poet compares contemporary princes' conduct unfavourably with what seems to him the golden age of "Vladimir the old" and his son Iaroslav⁵⁶. Given the odds against the survival of the "Lay of Igor"'s text to the modern era (and setting aside doubts as to its ultimate authenticity⁵⁷) one may suppose it to represent the tip of an iceberg of written and, importantly, oral commentary on the feats, virtues, yet also policies and shortcomings of individual princes. Such works, of varying levels of literary accomplishment, could well have circulated between courts, whose "custom" of minstrels playing and also, presumably, singing before princes was noted in passing by Nestor⁵⁸. Indeed, in so far as one may infer from the audience or readership seemingly addressed by the Lay's author, compositions could even have circulated beyond princely courts, to the households of wealthy families of status, not least in Novgorod⁵⁹.

Conclusion

As was stated at the outset, the long eleventh century comprises a spectrum of European polities at varying stages of development. One might expect historical writing in the newer polities such as Rus' to have differed markedly from that in an ancient political order like the East Roman State. What is more remarkable is the speed with which critical literary voices emerged in Rus', not merely passing judgement on the deeds of individual princes but also proposing norms of conduct, good faith and non-aggression secured by oaths taken on the Cross. And the ways in which criticism was conveyed by monastic writers in the later eleventh and earlier twelfth centuries bear a striking resemblance to those of writers like William of

⁵⁵ Слово о полку Игореве / Подготовка текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 256–257, 260–263, 266–267.

⁵⁶ Ibidem. P. 254–255, 258–259.

⁵⁷ Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004. С. 163–173, 176–179, 206.

⁵⁸ *Нестор*. Житие Феодосия Печерского. С. 422–423.

⁵⁹ On the author's detachment from "any specific centre of authority", see *Флоря Б.Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII — начало XIII вв.) // *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII — XIII вв.)* / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2012. С. 87.

Malmesbury, the ostensibly “apolitical” carrying a coded message, while literary formulations of correct political conduct spread beyond the cloister. There was in Rus’, as in Anglo-Norman England and Byzantium, an ongoing political discourse of considerable subtlety, in which historical writing and invocation of a supposed golden age had their part to play. So, too, did criticism masquerading as (or intermingling with) praise, together with works of self-glorification, such as those of Michael Psellos, Katakalon Kekaumenos and Vladimir Monomakh.

In these spheres of discourse, local monastic and ecclesiastical interests and personal and political rivalries were interwoven with avowals of lofty concern for “canons of the church”, “law”, and the wellbeing of the body politic. And in all these polities the validity of oaths, whether sworn on holy relics or the Cross or by more general Christian invocations, was deemed an absolute, transgression being correspondingly heinous and potentially incurring dire consequences for everyone. As already noted, Harold’s breach of the *sacramentum* he had sworn to William of Normandy supposedly brought down divine judgement, in the form of the Normans’ victory over him and the English at Hastings. The theme is dramatized in the Bayeux Tapestry with the appearance of Halley’s Comet immediately after Harold’s coronation in breach of his alleged oath⁶⁰. While such discourse is not tantamount to the functioning of an advanced institutional structure, the body politic presupposed by the conception of a “land of Rus’” to which God issues “warning” against the violation of oaths sworn on the Cross⁶¹ is that of a sophisticated, and self-critical, political culture.

PRIMARY SOURCES AND SECONDARY WORKS

Вилкул Т.Л. О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. 2012. Vol. XX/1. P. 1–15.

Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.

⁶⁰ See above, P. 347 and Illustration 6. See also *Cheyne J.-C.* Foi et conjuration à Byzance // *Oralité et lien social au Moyen Âge (Occident, Byzance, Islam): parole donnée, foi jurée, serment* / Ed. M.-F. Auzépy and G. Saint-Guillain. Paris, 2008. P. 269–273; *Mikhailova Y.* and *D.K. Prestel.* Cross-kissing.

⁶¹ ПБЛ. С. 74; above P. 347.

- Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 174–200.
- Гиппиус А.А.* «Рекоша дружина Игореву» –3. Ответ О. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII/2. P. 248–287.
- Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.
- Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
- Гиппиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6. С. 61–99.
- Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.
- Милотенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica Antiqua*. Исследования и материалы / Отв. ред. А.И. Дворниченко, А.В. Майорова. СПб., 2006. С. 156–169.
- Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // ДГ. 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 279–290.
- Насонов А.Н.* История русского летописания: XI — начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Нестор.* Житие Феодосия Печерского / Подготовка текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII вв. С. 352–433.
- Пентковский А.М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. второе, исправленное и дополненное для русского перевода / Перевод А.В. Назаренко, под редакцией К.К. Аментьева. СПб., 1996. (with *A. Porre*).
- Слово о князьях / Подготовка текста Т.В. Рождественской; пер. и коммент. И.П. Еремина // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 226–229.
- Слово о полку Игореве / Подготовка текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 254–267.
- Флоря Б.Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII — начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII — XIII вв.) / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2012. С. 9–94.

- Шайкин А.А.* Заглавия и вводные тексты двух старших русских летописей: идеология и повествование // ТОДРЛ. 2010. Т. LXI. С. 398–418.
- Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. Reprint of: М., 1908.
- Щавелёв А.С.* Съезд князей как политический институт Древней Руси // ДГ. 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 268–279.
- Baxter S.* Edward the Confessor and the Succession Question // Edward the Confessor. The Man and the Legend / Ed. R. Mortimer. Woodbridge, 2009. P. 77–118.
- Berend N.* Introduction // Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007. P. 1–46.
- Brooks N.P. and Walker H.E.* The Authority and Interpretation of the Bayeux Tapestry // Anglo-Norman Studies. 1978 [1979]. Vol. 1. P. 1–34.
- Cheyne J.-C.* Foi et conjuration à Byzance // Oralité et lien social au Moyen Âge (Occident, Byzance, Islam): parole donnée, foi jurée, serment / Ed. M.-F. Auzépy and G. Saint-Guillain. Paris, 2008. P. 265–279.
- Chibnall M.* The Normans. Oxford, 2000.
- Eadmer.* Historia novorum in Anglia / Ed. M. Rule. London, 1884.
- Epstein S.A.* An Economic and Social History of later Medieval Europe, 1000–1500. Cambridge, 2009.
- Fossier R.* The Rural Economy and Demographic Growth // New Cambridge Medieval History. Vol. IV.1 / Ed. D. Luscombe and J. Riley-Smith. Cambridge, 2004. P. 11–46.
- Gameson R.* The Origin, Art and Message of the Bayeux Tapestry // The Study of the Bayeux Tapestry / Ed. R. Gameson. Woodbridge, 1997. P. 157–211.
- Garipzanov I.H.* Wandering Clerics and Mixed Rituals in the Early Christian North, c. 1000 — c. 1150 // Journal of Ecclesiastical History. 2012. Vol. 63. P. 1–17.
- Geoffrey Malaterra.* De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius / Ed. E. Pontieri. Bologna, 1925–1928.
- Goffart W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.
- Guy, Bishop of Amiens.* The Carmen de Hastingae Proelio / Ed. and tr. F. Barlow. Oxford, 1999.
- Hayward P.A.* The Importance of being Ambiguous: Innuendo and Legerdemain in William of Malmesbury's *Gesta regum* and *Gesta pontificum Anglorum* // Anglo-Norman Studies. 2010 [2011]. Vol. 33. P. 75–102.
- Jeffreys M.* Psellos and “his Emperors”: Fact, Fiction and Genre // History as Literature in Byzantium / Ed. R. Macrides. Farnham, 2010. P. 73–91.
- Kaldellis A.* The Corpus of Byzantine Historiography. An Interpretive Essay // The Byzantine world / Ed. P. Stephenson. London, 2010. P. 211–222.

- Keene D.* Towns and the Growth of Trade // *New Cambridge Medieval History*. Vol. IV.1. P. 47–85.
- Krallis D.* Democratic Action in Eleventh-Century Byzantium: Michael Attaleiates' "Republicanism" in Context // *Viator*. 2009. Vol. 40.2. P. 35–53.
- Lawson M.K.* *Cnut. England's Viking King*. 2nd ed. Stroud, 2004.
- Leo the Deacon.* *Historiarum Decem Libri* / Ed. C.B. Hase. Bonn, 1828.
- Mikhailova Y. and D.K. Prestel.* Cross-kissing: Keeping one's Word in Twelfth-Century Rus' // *Slavic Review*. 2011. Vol. 70.1. P. 1–22.
- Moore R.I.* Literacy and the Making of Heresy, c. 1000 — c. 1150 // *Heresy and literacy, 1000–1530* / Ed. P. Biller and A. Hudson. Cambridge, 1994. P. 19–37.
- Moore R.I.* *The First European Revolution, c. 970–1215*. Oxford, 2000.
- Pastan E.C.* Building Stories: the Representation of Architecture in the Bayeux Embroidery // *Anglo-Norman Studies*. 2010 [2011]. Vol. 33. P. 151–185.
- Shepard J.* The Uses of "History" in Byzantine Diplomacy: Observations and Comparisons // *Porphyrogenita. Essays on the history and literature of Byzantium and the Latin East in honour of Julian Chrysostomides* / Ed. C. Dendrinos, J. Harris, E. Harvalia-Crook and J. Herrin. Aldershot, 2003. P. 91–115.
- Shepard J.* *Memoirs as Manifesto: the Rhetoric of Katakalon Katakakon* // *Reading in Byzantium and Beyond. Festschrift for Professors Elizabeth and Michael Jeffreys.* / Ed. T. Shawcross and I. Toth. Cambridge (forthcoming).
- Shepard J.* Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Some Introductory Remarks // *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence* / Ed. M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin and P. Špehar. Cracow; Leipzig; Rzeszów; Warsaw, 2012. Vol. I. P. 23–29.
- Southern R.W.* *St Anselm and his Biographer*. Cambridge, 1963.
- Stock B.* *The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Princeton, 1983.
- Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении*. 2001. Вып. 1. С. 196–218.
- Weiler B.* William of Malmesbury, King Henry I, and the *Gesta Regum Anglorum* // *Anglo-Norman Studies*. 2008 [2009]. Vol. 31. P. 157–176.
- William of Apulia.* *Gesta Roberti Wiscardi* / Ed. and tr. M. Mathieu, *La geste de Robert Guiscard*. Palermo, 1961.
- William of Malmesbury.* *Gesta pontificum Anglorum* / Ed. and tr. M. Winterbottom. Oxford, 2007. Vol. I.
- William of Malmesbury.* *Gesta regum Anglorum* / Ed. and tr. R.A.B. Mynors, R.M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford, 1998. Vol. I.
- William of Poitiers.* *Gesta Guillelmi* / Ed. and tr. R.H.C. Davis and M. Chibnall. Oxford, 1998.
- Williams A.* *The English and the Norman Conquest*. Woodbridge, 1995.
- Wolf K.B.* *Making History. The Normans and their Historians in Eleventh-Century Italy*. Philadelphia, 1995.

ИСТОРИЯ КАК ПРОПАГАНДА, МИФ О ПРОТО-ОСНОВЕ И «ТРАКТАТ
ДЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ДОЛГОМ ОДИННАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ
(ок. 1000 — ок. 1130 гг.)

Аннотация: Долгий одиннадцатый век был веком расцвета историописания по всей Европе. Тому было немало причин. В Византии вслед за периодами политической нестабильности обычно появлялись повествования, подающие недавние события с позиции сторонников режима, зачастую сохраняя видимость объективности. Вновь созданные режимы и завоеватели в Западной Европе заказывали исторические сочинения, прославлявшие их и оправдывавшие их действия. Это справедливо в отношении норманнов в Южной Италии и на Сицилии, а также в Англии и в отдельных древнерусских княжествах. Однако и в сочинениях, на первый взгляд хвалебных или пропагандистских, можно уловить элементы критики правителей. Сочинения, написанные монахами, могли служить местным интересам их монастыря, даже сообщая более общие исторические сведения. Точно так же, они излагали нормы и табу политической культуры в рассказах, служащих предостережением правителям. Примеры такого литературного приема встречаются в англо-нормандской Англии и в Древней Руси: гобелен из Байё, а также сочинения Эадмера, Уильяма Мальмсберийского и «Повесть временных лет». Монахи не могли по своей воле свергнуть правителя, но осуждение духовными лицами его действий могло доставить ему как политику серьезные неприятности. Полагают, что во всех упомянутых государствах христианские клятвы имели абсолютную юридическую силу, и клятвопреступление мыслилось причиной страшной всеобщей катастрофы. Похоже, прямая связь кометы Галлея с клятвопреступлениями и последующими катастрофами стала одной из тем гобелена из Байё, что прослеживается и в «Повести временных лет».

Ключевые слова: Англо-нормандская Англия, Византия, историописание, Киево-Печерская Лавра, клятвы, критика, монастырь, политическая культура, Русь, хроника, целование креста, центр торговли, этические нормы

Ian Wood

WESTERN MISSIONARIES IN EASTERN EUROPE,
962–1009

Abstract: The second half of the tenth century and the first decade of the eleventh marked a major revival in missionary activity, following the interruption caused by Viking expansion, especially in Eastern and Northern Europe. The period witnessed missions to the Danes, the Hungarians, the Rus', the Pechenegs and the Prussians. This paper considers the large number of Christian missions undertaken during the period, most especially the best-evidenced of them (those of Adalbert of Prague and Bruno of Querfurt), but also those for which we have less information, including that of Poppo to the Danes and Adalbert of Magdeburg to the Rus', as well as the intended mission of Romuald to Hungary, within the context of both religious and diplomatic activity (and therefore of state formation). Given that many of the missions had political backing, not least from the Ottonian rulers of Germany, comparison is also made with the mission of John of Gorze to the caliph in Cordoba. The scale of the missions is considered, as is the significance of imperial, secular (in the case of Bolesław Chrobry and Vladimir), and papal involvement, both for the missionaries themselves and also for their backers. In addition to considering the backing, organisation and scale of the missions, this paper also examines the experiences of the individual missionary, whose interests and concerns went beyond those of his secular and ecclesiastical patrons. In particular, it examines the strategies evolved by individual missionaries in order to survive, but also to work, within an alien environment.

Keywords: Adalbert of Prague, Bolesław Chrobry, Bruno of Querfurt, Hungary, Liturgy, Mission, Otto III, Rus', Vladimir

The second half of the tenth century was a golden age of evangelisation. Christianisation of the non-Roman world had been a marked feature of the early Carolingian Age, with missions to the Saxons, and also to the Avars, the Carantians, the Moravians and the Bohemians. There was even a lengthy but ultimately unsuccessful mission to the Danes and the Swedes. This was brought to an end by the growing aggression of the Vikings, while the arrival of the Magyars put a stop to mission among the Slavs. From the 950s onwards, however, missionary activity revived and even increased

dramatically — perhaps inspired by the idea that the Last Days were at hand¹. There were missions from Constantinople as well as from Rome and Germany: sometimes in competition with one another. The eventual outcome of this period of missionary activity was the emergence of “Christian monarchies” in central, eastern and northern Europe². Mission thus contributed to the process of state formation.

In some instances missionaries addressed societies in which royal, or quasi-royal, power was already established: one thinks here of the Danish kingdom of Harald Bluetooth, and the principalities of Bohemia, Poland and Kiev. Where such power was already present, Christianity brought literacy and increased political sophistication. But missionaries also worked in other, less politically developed societies, as, for example, that of the Prussians, where Adalbert of Prague met his fate. In fact, our narratives of mission often provide the earliest insights into the stage of political development current in a given kingdom or polity. A sizeable mission directed to a royal court (like that of the Trier monk Adalbert to Kiev) suggests the existence of a very different political society from that implied by a small scale attempt at evangelisation undertaken by a handful of ascetics — though one should also note that not every mission directed to an established king was large-scale³. Thus, while mission contributed to state formation, the evidence for it also constitutes important information for our understanding of the development of early states.

Mission, of course, was not simply an issue of state-formation. Ecclesiastics were aware of the possible jurisdictional gains that might accrue: competition between churches is, therefore, a recurrent issue. But mission also involved deep personal commitment, above all from the missionaries themselves, and no doubt also from some of their backers, and not just from ecclesiastics: Otto III’s commitment to the salvation of souls is unquestionable (Bruno of Querfurt, *Vita Quinque Fratrum*, 2–3)⁴. The contrast between the diplomatic context

¹ *Roach L.* Emperor Otto III and the End of Time // Transactions of the Royal Historical Society 2013. Vol. 23. S. 75–102.

² *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus’, c.900–1200* / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007.

³ *Wood I.N.* What is a mission? // *Converting the Isles* / Ed. R. Flechner and M. Ni Mhainiaigh. Turnhout, 2015.

⁴ *Bruno of Querfurt. Vita Quinque Fratrum* / Ed. M. Miladinov // *Vitae Sanctorum Aetatis Conversionis Europae Centralis (Saec. X–XI)* / G. Klaniczay. Budapest, 2013.

within which some missions can be understood and the more personal concerns of the individual missionary will constitute a theme in the final part of my discussion. To begin, however, I will concentrate on the more formal aspects of missionary history. After a brief narrative and consideration of the evidence, I will first consider the missions as aspects of state activity, before considering some facets of the views of the missionaries themselves. Although there were important and successful Byzantine missions in this period, it is on those which had their origins in the West that I will concentrate.

In 962 a Trier monk named Adalbert (later to become Archbishop of Magdeburg) led a large and prestigious Ottonian mission to the Rus', at the request of Olga: however, nothing was achieved, and he returned having experienced considerable hostility (Adalbert, *Continuatio Reginonis*, s. a. 959, 961, 962)⁵. By contrast, probably in 963, the priest Poppo, apparently without significant German backing, converted the Danish king Harald Bluetooth (Widukind, III, 65)⁶. Three years or so later the Polish ruler Miesko accepted Christianity, under the influence of his Bohemian wife Dobrawa (Thietmar, IV, 56; *Gesta Principum Polanorum*, I, 5)⁷. There were missions to Hungary from the German Reich and sent by the pope through the 960s and 970s⁸. Already by the end of 965 pope Leo VIII had sent a Bulgarian called Salek together with a bishop Zachaeus to the Hungarians, on what appears to have been a diplomatic as well as a religious mission, although it was intercepted by Otto (Liudprand, *Liber de Ottone*, 6)⁹. Bishop Pilgrim prevented a monk Wolfgang from entering Hungary to preach, but did send missionaries there himself in 972–973¹⁰. Either Otto I or II also sent a legation led by Bruno, perhaps to be identified with bishop Prunwart, who is said by the necrology of Sankt Gallen to have baptised many Hungarians, including the king. Whether or

⁵ *Adalbert. Continuatio Reginonis // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit / Ed. A. Bauer and R. Rau. Darmstadt, 1977.*

⁶ *Widukind of Corvey. Res Gestae Saxonicae // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit / Ed. A. Bauer and R. Rau. Darmstadt, 1977; Gelting M.H. The kingdom of Denmark // Christianization and the Rise of Christian Monarchy. P. 80.*

⁷ *Thietmar of Merseburg. Chronicon / Ed. R. Buchner. Darmstadt, 1957; Gesta Principum Polanorum / Ed. P.W. Knoll and F. Schaeer. Budapest, 2003.*

⁸ *Berend N., Laszlovsky J. and Szakács B.Z. The Kingdom of Hungary // Christianization and the Rise of Christian Monarchy. P. 326–328.*

⁹ *Liudprand. Liber de Ottone // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit / Ed. A. Bauer and R. Rau. Darmstadt, 1977.*

¹⁰ *Berend N., Laszlovsky J. and Szakács B.Z. The Kingdom of Hungary. P. 329.*

not this is true, the king, Géza, did convert, perhaps out of concern that one of his rivals, Gyula, had been baptised in Constantinople (Annales Hildesheimenses, s. a. 973; Annales Altahenses maiores, s. a. 973; Thietmar, II, 31)¹¹, and perhaps partly because of the influence of his wife (Bruno of Querfurt, Passio II Adalberti, 23)¹², but he accepted Christianity very much on his own terms. Pagan practices continued, and the king himself supposedly claimed that he was rich enough to offer sacrifices to the old gods while worshipping the new one (Thietmar, VIII, 4).

Certainly much remained to be done in Hungary and to the east of Poland. Adalbert of Prague, bishop from 982–987 and again from 992–994, worked among the Hungarians, and he would be martyred among the Prussians. In c. 1001, the monks Benedict and John headed north to Poland, in preparation for a mission to pagan Slavs, but they were murdered before they could begin their mission. Their intended companion, Bruno of Querfurt, did work among the Black Hungarians, and then among the Pechenegs, before he too was killed by Prussians. His martyrdom inspired his sometime abbot Romuald to undertake mission as well, but the latter turned back at the borders of Hungary, having decided that evangelisation was not a task for which he was destined (Peter Damian, Vita Romualdi, 39)¹³.

Adalbert of Trier (who was to become archbishop of Magdeburg), his namesake the bishop of Prague, the monks Benedict and John, Bruno of Querfurt and Romuald of Ravenna can be grouped together in various ways. The Lives of Adalbert of Prague make much of the saint's education in Magdeburg during his namesake's archiepiscopate, and they speak approvingly of the archbishop. Moreover, the young Bohemian, whose name had originally been Woitech, adopted that of Adalbert as a mark of respect (Passio Adalberti, 3)¹⁴. Curiously, given the regard shown by Adalbert of Prague for his namesake, nothing is made of the older man's failed mission to the Rus' in

¹¹ Annales Hildesheimenses / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover, 1839. Bd. III; Annales Altahenses maiores / Ed. E. von Oefele // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum. Hannover, 1891. [T. 4].

¹² Bruno of Querfurt. Passio II Adalberti / Ed. L. Weinrich // Heiligenleben zur deutsch-slawischen Geschichte. Darmstadt, 2005.

¹³ Peter Damian. Vita Romualdi // Fonti per la storia d'Italia. T. 94 / Ed. G. Tabacco. Rome, 1957.

¹⁴ Passio Adalberti / Ed. C. Gaşpar // Vitae Sanctorum Aetatis Conversionis Europae Centralis (Saec. X–XI) / G. Klaniczay. Budapest, 2013.

any of the martyr's vitae, although one might well guess that the episode had highlighted the need for missions to the East, and could even have instilled in the young Woitech a desire to evangelise. Bruno of Querfurt revered Adalbert of Prague, and his own missions were certainly undertaken with the intention of continuing his work (Bruno, *Vita Quinque Fratrum*, 6, 10, 11, 13; Ademar of Chabannes, *Chronicon*, III, 31)¹⁵. He and his friends Benedict and John were also disciples of Romuald of Ravenna (Bruno, *Vita Quinque Fratrum*, 2, 3, 32). They would all inspire him by their deaths (Peter Damian, *Vita Romualdi*, 28, 39).

Out of all the missionary histories of the late tenth and early eleventh centuries it is the failures that are best evidenced: those of Adalbert of Prague and Bruno of Querfurt to the Prussians, of Benedict and John to the Slavs, and of Bruno, once more, to the Pechenegs. For all these, especially those that culminated in martyrdom, we have contemporary narrative accounts. The successful missions have usually to be reconstructed from fragmentary references or from later sources. Although in many respects this means that writing a clear history of the Christianization of Eastern Europe is impossible, the source material that we have does allow us to pose certain questions about the nature of missionary activity: about the extent to which missions were part of the world of official diplomacy, and about how far they were very much more private enterprises, depending on the zeal of the individual. By extension, our documentation, because the best of it was written by men who were themselves missionaries, also allows us to see something of the personal experience of those working in the missionary field.

Our earliest source for the missions with which we are concerned is in fact a personal account, albeit a very short one: that of Adalbert of Trier, included in his continuation of the "Chronicle" of Regino of Prüm (Adalbert, *Continuatio Reginonis*, s. a. 962). Although the "Russian Primary Chronicle" tells us nothing of the hostile reception of the mission, it does allow us to see something of the context in its presentation of the anti-Christian position of Olga's son Svyatoslav¹⁶. We are similarly reliant on short chronicle entries for the mission

¹⁵ *Ademar of Chabannes. Chronicon* / Ed. P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999.

¹⁶ *Russian Primary Chronicle* / Trans. S.H. Cross and O.P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Mass., 1953. P. 82–84.

of Poppo to the Danes (Widukind, III, 65; Thietmar, II, 14; Adam of Bremen, *Gesta*, II, 25, scholion 20 (21))¹⁷. The history of the conversion of Miesko has to be reconstructed from allusions in the works of Thietmar and the later Gallus Anonymus (Thietmar, IV, 56; *Gesta Principum Polanorum*, I, 5). That of Géza and the subsequent baptism of Istvan (St Stephen) in Hungary have equally slight contemporary documentation, although Géza's conversion seems to lie at the centre of a great deal of diplomatic activity, political as much as religious¹⁸, while for Stephen there are significant later legends¹⁹: even Adalbert of Prague's involvement with the Hungarians, which may have included Stephen's baptism is only mentioned in passing by Bruno of Querfurt (*Passio* II Adalberti, 16, 23).

When we get to Adalbert's failed mission to the Prussians the evidence increases considerably. We have a number of Lives which provide detailed accounts of the martyr's early life and training, his episcopate, his time as a monk in Rome, and his final mission to the Prussians. The earliest of these, the so-called "Ottonian Life", seems to be a version of a work written by John Canaparius, abbot of the monastery of SS Boniface and Alexius in Rome²⁰. Canaparius had known Adalbert when he was a monk at the community, and he also had access to information supplied by the saint's brother, Radim-Gaudentius, who was present at his martyrdom. This "Ottonian Life" was used by Bruno of Querfurt, who wrote two versions of his "Passio of Adalbert", one in 1004 and the other in 1008. He would appear to have received additional information from both Radim and the Polish ruler Bolesław Chrobry. For Bruno's own missions we have first-hand information, in chapters of his "Life of the monks Boniface and John", often known as the "Life of the Five Brothers": he himself was meant to be a member of their mission, but had failed to join them by the time of their murder. In addition he provides a reference to his own work among the Hungarians as well as a more substantial account of his mission to the Pechenegs in his letter

¹⁷ *Adam of Bremen. Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum* // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches / Ed. R. Buchner. Darmstadt, 1961.

¹⁸ *Berend N., Laszlovsy J. and Szakács B.Z. The Kingdom of Hungary*. P. 328–330.

¹⁹ *Legendae Stephani regis* / Ed. E. Bartoniek // *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Budapest, 1938. Vol. 2.

²⁰ *Gaspar C. Preface: The Life of Saint Adalbert, Bishop of Prague and Martyr* // *Vitae Sanctorum Aetatis Conversionis Europae Centralis*. P. 79–94.

to Henry II of c. 1008²¹. We thus have extensive autobiographical material relating to some of his missionary activities. About his death we are less well informed, but there are short (and contradictory) passages in Thietmar's "Chronicle", the "Quedlinburg Annals", the "Chronicle" of Ademar of Chabannes, and in Peter Damian's "Life of Romuald", together with the "Hystoria de predicatione Brunonis" of Wibert, who was supposedly present at the time, and who thus purports to give us one final eye-witness narrative.

The earliest of our missions, that Adalbert of Trier, was certainly an officially organised undertaking. Adalbert himself relates in his continuation to Regino's "Chronicle" under the year 959 that "Legates of Helena queen of the Rugi (that is Olga of the Rus'. — *I. W.*), who had been baptised in Constantinople under emperor Romanus, fraudulently, as it turned out, came to the king (Otto I. — *I. W.*) asking him to ordain a bishop and priests for that people". Adalbert was consecrated bishop three years later, and travelled to the Rus', only to discover that his voyage was in vain: the return journey was hazardous, and some of his companions were killed on the way (Adalbert, *Continuatio Reginonis*, s. a. 962). These events can be placed in the context of Olga's political diplomacy, in which she used both Otto and the Byzantines to try to strengthen her position²², albeit unsuccessfully. Olga's machinations provide perhaps our first contemporary insight into the development of the power of the ruling dynasty in Kievan Rus'. Although Adalbert had to beat a hasty retreat, it is clear that his was a major diplomatic mission, sponsored by the German king, and backed by the Church.

By contrast, the mission of Poppo to the Danes is something of a mystery. There is only one early substantial reference to it, in Widukind's "History" (III, 65). There was probably once a *vita* of Poppo, the main moments of which are depicted in the panels of the Tamdrup altar from Jutland²³, but no detailed narrative account survives. Poppo is said to have converted the king, having successfully undergone the ordeal of holding a piece of hot iron (in later versions wearing a heated iron glove) in defence of his faith. The event ought to have interested Adam of Bremen. The history

²¹ *Bruno of Querfurt*. *Epistola ad Henricum II imperatorem* / Ed. W. von Giesebrecht // *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*. 4e Aufl. Leipzig, 1875. Bd. 2. S. 689–692.

²² *Franklin S. and Shepard J.* *The Emergence of Rus 750–1200*. Harlow, 1996. P. 132–138.

²³ *Gelting M.H.* *The kingdom of Denmark*. P. 99.

of the Danish kingdom from the eighth century onwards, and the repeated attempts to Christianise it, is a central theme of his work, but clearly Poppo was not a member of the Church of Hamburg-Bremen, and therefore, except in a *scholion* added to his “History” (Gesta, II, 25, schol. 20 (21)), Adam places his account of the mission, which would have constituted too much of a threat to the claims of his own Church, several decades too late (Gesta, II, 35). As a result we know nothing of Poppo himself, unless, as seems likely, given that Widukind describes him as becoming a notably religious bishop, he is to be identified with Folkmar, Archbishop of Cologne from 965–969 (Widukind, III, 65)²⁴. Certainly an association with a rival diocese would explain Adam’s silence. If Poppo were associated with the Church of Cologne, we might guess that his mission had official backing: indeed, since the Archbishop of Cologne from 953–965 was Bruno, brother of Otto I, the mission might have been as official as that to the Rus’, but we cannot be certain, and the absence of any detailed comment in Ottonian sources suggests that caution should be exercised.

Diplomacy seems also to lie at the heart of the conversion of Géza. There are traces of Byzantine, papal, Ottonian, and perhaps merely episcopal legations in our sources. That some of these legations were as much political as religious is highly likely, but the evidence is too slight²⁵. If we wish to form an impression of what an official Ottonian legation might have looked like we can turn to Liudprand of Cremona’s journey to the Byzantine court in 960²⁶. And Liudprand, one might note, was in contact with Adalbert of Trier²⁷. Yet his mission was to another Christian ruler, however alien Constantinople may seem in Liudprand’s account. A better parallel may be the embassy of John of Gorze to the caliph in Cordoba in c. 953 (John of St-Arnoul, *Vita Iohannis Gorziensis*, 116)²⁸. Given the overlap between diplomacy and religious action in some of the legations we have been talking about,

²⁴ *Ibidem*. P. 80.

²⁵ *Berend N., Laszlovszky J. and Szakács B.Z.* The Kingdom of Hungary. P. 328–329.

²⁶ *Liudprand*. *Legatio ad imperatorem Constantinopolitanum Nicephorum Phocam // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit / Ed. A. Bauer and R. Rau.* Darmstadt, 1977.

²⁷ *Huschner W.* *Transalpine Kommunikation im Mittelalter: diplomatische, kulturelle und politische Wechselwirkungen zwischen Italien und dem nordalpinen Reich (9.–11. Jahrhundert)*, 3 vols. Hannover, 2003. P. 596–599.

²⁸ *John of St-Arnoul. Vita Iohannis Gorziensis // Jean de Saint-Arnoul. La vie de Jean, abbé de Gorze / Ed. M. Parisse.* Paris, 1999.

we need not worry that this visit to al-Andalus would have been radically different from a formally constituted religious mission. An initial legation sent by Abd Ar-Rahman had been interrupted when its leader, a Spanish bishop, died at the court of Otto. The German king decided to send an official delegation to Cordoba in response. The task was, however, a dangerous one because Otto's letter deliberately insulted Islam. Further, because of the insulting nature of the letter, there was genuine fear among members of the Christian community in Cordoba that they would suffer as a result. The diplomatic legation of c. 953 thus had significant religious overtones that allow comparison with the missions of evangelisation which concern us. Because of the nature of the message and the danger it raised, the legation was entrusted to a monk, since theoretically monks, being already dead to the world, did not fear martyrdom (Ibidem). Moreover, John himself made the legation all the more dangerous by refusing to compromise in his undertaking, even though it meant that the lives of others were at stake: for the saint himself this offered the possibility of martyrdom (Ibidem, 117), and, according to his hagiographer, he did end up spending three years in a Cordoban prison (Ibidem, 131, 134). The issue of danger is explicitly dealt with in the section of the "Life" concerning the saint's appointment to lead the delegation. Although John was senior enough to be excused the task, he volunteered to undertake it (Ibidem, 117). Here one can find an exact parallel in the choice of monks for the Danish mission of 829. Anskar was of relatively humble birth, and could therefore be chosen to accompany Harald Klak without any qualms, but there was some concern that his friend Autbert wished to accompany him, for he was regarded as being too noble for such a dangerous job (Rimbert, *Vita Anskarii*, 7)²⁹.

The missions of the 990s and the first decade of the eleventh century are less obviously tied up with royal or imperial diplomacy, and shed less direct light on state development, although they were officially sanctioned. The final mission of Adalbert of Prague and the first mission of Bruno of Querfurt had royal agreement. Otto III was a keen supporter of missionary activity, and gave his approval in both instances (*Passio Adalberti*, 159; Bruno, *Vita Quinque Fratrum*, 3). Particularly hard to evaluate is the missionary work of Adalbert of Prague in Hungary. We know from Bruno of Querfurt, although not

²⁹ *Rimbert. Vita Anskarii // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches / Ed. R. Buchner. Darmstadt, 1961.*

from the earlier “Ottonian” *vita* of Adalbert, that the saint was involved in what appears to have been a formally constituted mission, perhaps just before his second exile from Prague in *c.* 994. In addition he both sent messengers to the Hungarians and on one occasion offered to go himself, and drew them from error to Christianity (Bruno, *Passio II Adalberti*, 16). In later tradition, including the “*Legenda maior*” of St Stephen (4, 5)³⁰, his involvement extended to a major campaign of Christianisation and to the baptism of the infant Istvan. Bruno records an exchange of letters between Adalbert and the wife of a Hungarian ruler, probably Sarolt the wife of Géza, concerning the possibility of mission at the time of his final departure from Rome (*Passio II Adalberti*, 23). All of this suggests contacts with the court — and is indeed important evidence for the Arpadian royal household — though none of it indicates a legation on the scale of that of Adalbert of Trier to Kiev, or indeed the mission sent by one of the Ottos (perhaps in 972) to Géza. That of John of Gorze does, however, show that even a legation sponsored by Otto I might be small scale, since it involved only two monks and five baggage animals, though they were accompanied by at least one member of the original Muslim legation. Protocol still demanded that an attempt should be made to entertain them lavishly on their journey through Muslim Spain (John of St-Arnoul, *Vita Iohannis Gorziensis*, 117–119).

Most of the missions undertaken by Adalbert of Prague and Bruno of Querfurt seem to have been slightly larger but less formally constituted than that of John of Gorze. Adalbert gained the approval of Otto III to embark on mission, instead of returning to Prague, and he subsequently secured the backing of Bolesław Chrobry for his evangelisation of the Prussians, but it seems to have been a small scale affair. Bolesław, it is true, supplied a ship and thirty heavily armed men to transport the saint to Gdansk (*Passio Adalberti*, 27, 28; Bruno, *Passio II Adalberti*, 24). This official (and indeed forceful) backing, however, was not something that Adalbert wanted, and he apparently proceeded from Gdansk with only two companions, his half-brother, Radim, and a priest called Benedict. This may not have been what the Polish ruler intended, but his support was not necessarily a help when it came to working among the Prussians. According to Bruno, the brother of the man who killed Adalbert had been killed by the

³⁰ *Legenda S. Stephani regis maior* /Ed. E. Bartoniek // *Scriptores Rerum Hungaricarum*, Budapest, 1938. Vol. 2.

Poles (*Passio II Adalberti*, 30). Bolesław's backing also proved fatal to the small community set up by Benedict and John at Meseritz. News of the treasure he had given prompted robbers to kill the two monks and their three companions (Bruno, *Vita Quinque Fratrum*, 13; Peter Damian, *Vita Romualdi*, 28). Ironically, it was all for nothing, since Benedict had already returned the silver to Bolesław. As for the Meseritz community itself, while it could certainly call on helpers, it does not seem to have numbered many more than the five men who were killed by the robbers.

Whether Bruno received any backing from the court of Stephen during his missions to the Black Hungarians is unclear: indeed we do not even know the whereabouts of the Hungarians he evangelised³¹. We should perhaps assume rather more official support for his missionary work than is apparent from our sources. Although he lost an important patron with the death of Otto III, like Adalbert of Prague Bruno was supported by Bolesław Chrobry, whose backing for mission was an important aspect of his relations with neighbouring peoples: indeed one might say that it is a mark of Bolesław's statesmanship. It is tempting to think that Bruno's journey to Kiev was backed by the Polish ruler, who we are told in the "Russian Primary Chronicle" was on good terms with Vladimir after 996³². The latter's amicable relations with Bolesław and Stephen of Hungary surely facilitated the work of the missionary. It is also tempting to think that the missions that Bruno sent to Sweden, about which we only hear in his letter to Henry II, were related to Bolesław's contacts with Denmark: the Polish ruler's sister, after all, had married king Swein (Thietmar, VII, 39).

We get a little more information from Bruno's mission to the Pechenegs in the letter sent by the saint to Henry II. Before crossing into Pecheneg territory he and his companions — how many there were we do not know — stayed with Vladimir in Kiev, and the ruler tried to persuade them not to proceed with their mission. When he failed to do so, Vladimir took his army and led Bruno and his companions out to the Serpent Walls, and he and his troops waited on one hill, while the group of missionaries waited on another: this would seem to suggest quite a substantial number of people, and certainly Bruno's company was large enough for him to leave behind one of their number as bishop to the thirty Pechenegs he had

³¹ *Berend N., Laszlovsy J. and Szakács B.Z.* The Kingdom of Hungary. P. 331–332.

³² Russian Primary Chronicle. P. 122.

converted, together with a son of Vladimir, who was offered as a hostage. Although our evidence here is that of an eye-witness, it is worth remembering what Bruno has omitted. He does not pause to tell us anything about the church of Kiev, or its bishop, who must in some way have acquiesced in Bruno's missionary activities beyond the Serpent Walls³³.

The letter to Henry II suggests that Bruno's following at the time of his mission to the Pechenegs was not insignificant: certainly not as small as the community of Benedict and John at Meseritz, which he had originally intended to join. Although we may not be dealing with anything as officially constituted as the legation of Adalbert of Trier, the group surrounding Bruno in 1009, at the time of his martyrdom among the Prussians — or perhaps, as has been suggested among a different group of Rus³⁴ — does appear to have been somewhat larger than that accompanying the bishop of Prague at his death. Wibert, who claims to have been one of Bruno's chaplains and was supposedly present at the time, lists four colleagues, Tiemic, Icus, Hezich, and Apich, who were killed, while he himself was blinded³⁵. How many lesser figures may have been with them we do not know. Thietmar (VI, 95) claims that many were martyred along with Bruno, while the "Quedlinburg Annals" talk of eighteen companions (*Annales Quedlinburgenses, s. a. 1009*)³⁶. This suggests a well supported mission, and, since Bruno in all probability set out from the court of Bolesław, we should probably see it as yet one more example of the Polish ruler's realisation of the potential political value of backing the Christianisation of his pagan neighbours³⁷. Thietmar (VI, 95) thought that Bolesław subsequently secured the return of Bruno's relics. Intriguingly Ademar of Chabannes (III, 31) claimed that it was the Rus' who redeemed them, suggesting perhaps that Vladimir was involved either jointly, or in competition with Bolesław, in backing Bruno's last act of evangelisation³⁸. Damian goes some way towards

³³ *Baronas D.* The year 1009: St Bruno of Querfurt between Poland and Rus // *Journal of Medieval History*. 2008. Vol. 34. P. 14.

³⁴ *Ibidem*. P. 1–22.

³⁵ *Wibert*. *Hystoria de predicacione episcopi Brunonis cum suis capellanis in Prussia et martyrio eorum* / Ed. G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum*. Hannover, 1841. Bd. VI. S. 579–580.

³⁶ *Annales Quedlinburgenses* / Ed. G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum*. Hannover, 1839. Bd. III.

³⁷ *Baronas D.* The year 1009. P. 11–12

³⁸ *Ibidem*.

supporting Ademar's account, by claiming that the Rus' still venerated Bruno in his own day (Peter Damian, *Vita Romualdi*, 39)³⁹.

The intended mission of Romuald was rather grander than those that inspired him. According to Damian (*Vita Romualdi*, 39), on hearing of the death of Boniface, the name by which he knew Bruno, he decided to copy his missionary example, and went to Rome, where two colleagues, though probably not Romuald himself (the Latin is ambiguous), were elevated to the status of archbishop, and then set out for Hungary with twenty-four disciples. This suggests a significant papally-approved mission. In the event Romuald fell ill on the frontiers of Pannonia, and turned back.

In addition to the backing of such secular rulers as Otto I, III and Bolesław Chrobry, most of the missions which concern us were also officially approved by the papacy. Leaving aside the intercepted mission of Salek and Zachaeus sent by pope Leo, even if we turn to the smaller missions at the end of our period, Adalbert, Bruno, Benedict, John and Romuald all made certain that they had papal, in addition to imperial, approval, even though in the case of the mission of John and Benedict this led to their being murdered while awaiting the arrival of the papal license (Bruno, *Passio II Adalberti*, 18; Bruno, *Vita Quinque Fratrum*, 5; Peter Damian, *Vita Romualdi*, 39). Not that any pope in this period (unlike Gregory I or Nicholas I) seems to have had a missionary strategy — though occupants of the papal see tended to realise that mission in the name of Rome could enhance their authority and jurisdiction.

While these missions can be placed within a world of papal and secular diplomacy, they can also be analysed from a different perspective. The greatest of the missionaries, Adalbert of Prague and Bruno of Querfurt, were not simple pawns in the hands of monarchs, and indeed Bruno in particular was a scourge of secular rulers, criticising Otto II, III and Henry II (*Passio II Adalberti*, 12; *Vita Quinque Fratrum*, 7; *Epistola ad Henricum II*). While the evidence allows us only to consider some large-scale official legations, like that of Adalbert of Trier, in terms of international politics, the final mission of Adalbert of Prague and the intended missions of Benedict and John invite a different approach, which concentrates rather on missionary ideology. These were relatively small scale projects, which involved a more complex relationship with the surrounding

³⁹ *Ibidem*. P. 14.

pagan communities. Marina Miladinov, in discussing the work of Adalbert and Bruno, has presented it not so much as a missionary enterprise as an exercise in eremitism⁴⁰, and this is a powerful way to read the evidence. Yet mission was central to these saints, even if it was differently conceived than was the official delegation of Adalbert of Trier. Moreover, the complaints of Benedict and John, while waiting for Bruno to arrive with the papal license, contrast the idea of eremitism, which might be undertaken anywhere, with martyrdom among the pagans (Bruno, *Vita Quinque Fratrum*, 5, 9, 10, 12, 13, 21). Not only that: mission involved action over and above the practice of the ascetic life. We get some sense of the missionary strategy envisaged in the discussions between Adalbert of Prague and his followers and their opponents in the “Ottonian Life” and in Bruno of Querfurt’s account, as well as in the latter’s *Life of Benedict and John*.

Preaching the Gospel was, of course, central. Not surprisingly it is given pride of place in the “Russian Primary Chronicle”⁴¹. But an assertion of Christian doctrine was not always well received. Faced with a Prussian audience the bishop of Prague announced, “I am a Slav by birth, Adalbert by name, a monk by profession, and once a bishop by rank, but now by my function — your apostle. Your salvation is the purpose of our journey; that you abandon your deaf and dumb idols and recognise your Maker, who alone is God and besides whom there is no other; and that you may come to life, believing in His Name, and to be found worthy to receive the reward of celestial joys in the imperishable dwellings”. The reaction was naturally hostile, and Adalbert was told that his views did not coincide with the common law and single way of life of the region (*Passio Adalberti*, 28)⁴². Such an exchange takes us away from the history of state formation, into one of cultural conflicts at the local level.

Bruno’s description of Adalbert’s missionary strategy is slightly more detailed than is that of the “Ottonian Life”. He provides an equivalent exchange between the saint and a group of hostile Prussians, though he puts into their mouths a fear that the mission will cause

⁴⁰ *Miladinov M. Margins of Solitude. Eremitism in Central Europe between East and West. Zagreb, 2008.*

⁴¹ *Russian Primary Chronicle. P. 98–110.*

⁴² *Passio Adalberti / Ed. C. Gašpar // Vitae Sanctorum Aetatis Conversionis Europae Centralis (Saec. X–XI) / G. Klaniczay. Budapest, 2013.*

famine (Bruno, *Passio II Adalberti*, 25). Thereafter, however, he adds a conversation between Adalbert and his companions in which they take stock of their missionary strategy. Realizing that they looked far too distinctive, Adalbert said, “It seems to me that our raiment and horror of our clothes harms the souls of the pagans not a little. So, if it appears acceptable, let us change our clerical garb, let our hair become long and hang down, and allow the bristles of our shaven beards to grow, so that being unrecognised we may have greater safety to work. Becoming like them we can live familiarly with them, speaking to them and dwelling among them; let us seek food by working with our own hands like the apostles, and let us meditate secretly in the depths of our minds on the riches of the Psalms” (Bruno, *Passio II Adalberti*, 26)⁴³.

It may be that the ideas expressed here are genuinely those of Adalbert, but they also represent Bruno’s own consideration of the problem of missionary activity in an alien land. We find similar ideas in his “Life of the Five Brothers” (10). Once Benedict could speak Slavonic, something he had also urged on Bruno, he suggested to John that he should “cut all his hair and put on male clothing such as is worn by seculars, in order to win over with his appearance the eyes of the pagans, lest they should be affrighted by the novelty of dress at the first contact and not allow anyone to approach them. This way, as they hoped, since he would not differ from them either in his bearing or in his dress, he would find more easily an opportunity for preaching”. The only distinction between this plan and that put into the mouth of Adalbert concerns a different hairstyle, and presumably reflects the differing local populations.

In political sophistication the setting of Bruno’s own martyrdom is somewhere between the relatively sophisticated political societies that we have encountered among the Rus’, the Hungarians and the Danes, and the village communities of the last days of Adalbert of Prague. There was a king, Nethimir, but he scarcely seems equivalent in power to Vladimir, Stephen or Bolesław. According to Damian (*Vita Romualdi*, 27), Bruno arrived at the court of the king of the Rus’ (which is usually regarded, not necessarily correctly, as a mistake for Prussians) in rags and barefoot. The king mistook him for a beggar, so the saint went out and changed into his clerical robes, which

⁴³ Wood *I.N.* *Pagans and Holy Men, 600–800 // Irland und die Christenheit / Ed. P. Ní Chatháin and M. Richter. Stuttgart, 1987. P. 358–359.*

prompted the king to state that it was clear that he was ignorant of the truth. Following this exchange Bruno underwent an ordeal by fire. It is not impossible that Bruno's original appearance before the king was dictated by his desire to look like a native.

Clearly going native was not possible for a mission like that of Adalbert of Trier. Indeed the protocol of a large scale diplomatic mission would have required radically different behaviour. The strategy set out by Bruno in his Lives of Adalbert and of Benedict and John can only have been appropriate for small-scale missions: and the notion of going native would not have appealed to everyone. And while some missionaries were keen to integrate as far as they could into the societies within which they were working, there were certain aspects of the Christian life which they would not abandon. Above all, they continued the performance of the liturgy. This is a recurrent feature in the lives of missionaries and missions, which is scarcely surprising, since ritual and ritual objects provided a familiar routine which the Christian could follow wherever he was⁴⁴. The "Life of John of Gorze", a man who made no attempt to integrate into his surroundings, includes a fine account of the saint's liturgical activity while waiting in Cordoba for an audience with Abd Ar-Rahman. He and his companion went to church every Sunday, as well as on the great feasts, including Christmas, Epiphany, Easter, Ascension and Pentecost (John of St-Arnoul, *Vita Iohannis Gorziensis*, 124). The little eremitic community of Meseritz, where Benedict and John waited for Bruno, celebrated a full liturgy in their small church (Bruno, *Vita Quinque Fratrum*, 13). We hear of nothing so elaborate for Adalbert or Bruno in the mission field, but on arriving at Gdansk Adalbert celebrated mass, and the morning before his martyrdom he and his companions Radim and Gaudentius sang psalms and again celebrated mass (*Passio Adalberti*, 27, 30; Bruno, *Passio II Adalberti*, 24, 30). While waiting on the Serpent Walls for agreement from Vladimir to be allowed to proceed into Pecheneg territory, Bruno sang the responsory for the Feast of the See of St Peter, "Peter if you love me tend my sheep" (*Epistola ad Henricum II*). Among the Pechenegs he clearly performed the liturgy, since it was at none one Sunday that he was seized and dragged to a meeting of the council. That he could appear in full vestments before a minor Russian or Prussian king also

⁴⁴ Wood *I.N.* *The Missionary Life. Saints and the Evangelisation of Europe 400–1050.* Harlow, 2001. P. 260–261.

indicates the centrality of ritual (Wibert, *Hystoria de predicacione*). Poppo, one might add, would have seen the ordeal that he underwent in liturgical terms, since within the Frankish Church it was a form of trial for which there was a liturgy⁴⁵.

That the liturgy should continue to dominate the day of a missionary even in the most alien of circumstances is scarcely surprising. It provided a regular routine for each day of every year. Initially it marked the missionary off from the society in which he was active. To the outsider ritual was intriguing, and not surprisingly it surfaces in a number of tales of mission. In the “Russian Primary Chronicle”⁴⁶ observation of the rival ritual observances of the Bulgars, Germans and Greeks was key to determining which faith would be adopted by the Kievan Rus’. According to this tradition it was the glory of the Byzantine liturgy that ensured commitment to the Orthodox Church. From being a set of private rituals that reassured the missionary in an alien world, the liturgy was transformed into one of the foundation stones of the new Christian monarchy. The services of the Church came to structure early medieval year alongside, and sometimes in conflict with, the rhythms of nature.

While the liturgy provided the missionary with a daily timetable, the Bible and the *acta martyrum* provided a model for behaviour: in his letter to Henry II Bruno talks of the blood of martyrs shed in his own day. It is to the Martyr Acts, and the awareness of them shown by our missionaries, that I wish finally to turn, since Adalbert, Bruno and their fellows hoped that they would be able to live up to the standards of previous generations of Christians willing to die for the sake of Christ: that hope was indeed a major concern of Bruno’s hagiography. The *acta martyrum*, whether real or imaginary, tend to revolve around a confrontation between the saint and a pagan ruler or judge, and many also include an account of tortures used to try to force the saint to sacrifice to pagan idols. The tales of suffering provided models of what a saint might be expected to endure at the hands of hostile rulers in order to achieve eternal life.

We find citations of individual martyr acts in missionary texts from the ninth century onwards. Rimbart’s “Life of Anskar” is full

⁴⁵ *Keefer S.L.* The Anglo-Saxon Lay Ordeal // *Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald* / Ed. S.D. Baxter, C.E. Karkov, J.L. Nelson and D. Pelteret. Farnham, 2009. P. 359.

⁴⁶ Russian Primary Chronicle. P. 110–111.

of references to the “Passio of Sixtus and Sinicius”. Here there is a complex undertone, since the cult had been championed by Ebo of Rheims, one of Anskar’s early patrons, and indeed himself involved in the Danish mission. Ebo, however, had fallen from grace during the crisis of Louis the Pious’ reign⁴⁷. To cite the “Passio Sixti et Sinicii” might have been a way of acknowledging Ebo’s importance.

More directly associated with the missionaries with whom we have been concerned is the “Passio Gorgonii”. Gorgonius was supposedly martyred in Nicomedia during the persecution of Diocletian, and his relics were translated to Rome. In the mid-eighth century they were acquired by Chrodegang of Metz, who installed them in the monastery of Gorze. The cult was, therefore, one with which John of Gorze was familiar, and indeed the account of the *Translatio* of the relics from Rome to Metz has recently been ascribed to John himself⁴⁸. Despite this, John did not initially know anything about the supposed life of Gorgonius, as Milo of Minden discovered on a visit to the monastery. Back in his own diocese, however, the latter came across a copy of the “Passio”, which he sent to John⁴⁹. Intriguingly, the “Passio of Gorgonius”, which includes not only a confrontation between the martyr and the emperor Diocletian but also a peculiarly gruesome account of the torture of the saint before his execution, was written by a bishop named Adalbert. Traditionally, the Adalbert in question has been thought to be the bishop of Prague, but it now appears more likely that it was Adalbert of Magdeburg, the Trier monk sent by Otto to the Rus⁵⁰. If this is the case, we might make a connection between the composition of the “Passio Gorgonii” and the 962 mission to the Rus’. Adalbert was conjuring up an image of what it was like to be interrogated before a pagan ruler. Of course, if the author were Adalbert of Prague, we could also set the “Passio” against his expectations of martyrdom while involved in evangelising the pagans.

Although we should probably not ascribe the “Acta of Gorgonius” to Adalbert of Prague, we know that the tales of martyrs influenced

⁴⁷ Palmer J.T. Rimbart’s *Vita Anskarii* and the Scandinavian Mission in the Ninth Century // *The Journal of Ecclesiastical History*. 2004. Vol. 55. P. 235–256.

⁴⁸ Jacobsen P.J. *Miracula s. Gorgonii*. Studien und Texte zur Gorgonius-Verehrung im 10. Jahrhundert // *Monumenta Germaniae Historica. Studien und Texte*. Hannover, 2009. Bd. 46. S. 83–86.

⁴⁹ *Ibidem*. S. 61–63.

⁵⁰ *Ibidem*.

him. The cult of the martyrs was strong in his episcopal city, where there was a church dedicated to St George, while the cathedral was dedicated to St Vitus, another supposed victim of the Diocletianic persecution. Equally important, the memory of more recent martyrs was very present: it was only two generations since the killing of Ludmilla and Wenceslas, and the murdered king is remembered in the “Life of Adalbert” himself (*Passio Adalberti*, 8; Bruno, *Passio II Adalberti*, 21). In Rome Adalbert stayed in the monastery dedicated to SS Boniface and Alexius (*Passio Adalberti*, 16). Alexius, as a saint who abandoned the parental home to become a pauper might have seemed an appropriate role model for Adalbert in Italy. In addition, Adalbert may have seen a parallel between his own poor reception in Prague and the treatment of Alexius as a pauper in his parents’ house: his sympathy for the saint may be deduced from the homily *in natali sancti Alexii confessoris* which is ascribed to him⁵¹. Boniface, however, was more appropriate as model for a man confronting pagans. The Boniface in question was not the Anglo-Saxon missionary, but rather a legendary Roman martyr who had supposedly travelled to Tarsus to proclaim his Christianity, and to be tortured and martyred. Otto III deliberately associated Adalbert with another apostle strongly associated with mission, Bartholemew, installing relics of the Bohemian martyr in the church of St Bartholemew that he founded on the Isola Tiberina in Rome⁵².

The missionaries of the late tenth and early eleventh centuries were deeply influenced by the idea of martyrdom. Missions and legations to alien societies were dangerous, though a high-profile officially-sponsored mission, like that of John of Gorze or Adalbert of Trier, was probably less so than the personally-conceived projects of Adalbert of Prague or Bruno of Querfurt. Martyr Acts seem to have been seen as providing some sort of preparation for working in a pagan world. Perhaps because of the danger we also find a remarkable percentage of missionaries writing either autobiographically about their own experiences or exploring the parallel experiences of others, as we see in the works of Adalbert of Trier and Bruno of Querfurt⁵³. Above all, in the writings of Bruno, some of whose missions may have been

⁵¹ *Voigt H.G.* Adalbert von Prag. Ein Beitrag zur Geschichte der Kirche und des Mönchtums im zehnten Jahrhundert. Berlin, 1898. S. 358–365.

⁵² *Wood I.N.* The Missionary Life. P. 212.

⁵³ *Ibidem.* P. 264–265.

relatively high-profile while others were small-scale, we get a real sense of what it was like to be a missionary in the late tenth and early eleventh centuries.

The great revival of missionary work that we see in the sixty years after 950 of course reflects the expansionist policies of the newly confident Ottonian Reich and of the Polish state, and it plays into the development of the Christian monarchies of Denmark, Hungary and Kiev. A series of missions were sent under Ottonian aegis, with papal approval, and in the last decades of the period with the support of Bolesław Chrobry, to the Rus', to the Hungarians, and the Prussians: Vladimir of Kiev also backed some missionary endeavours. Some of these were substantial legations, others were small affairs. In either case, the missionary set off into a world that was alien, even if, in retrospect, we can see within it the seeds of later states: to cope with that he looked to past history, to the history of the Roman martyrs, and to the histories of immediate predecessors. In trying to grapple with the dangers, Bruno of Querfurt in particular, but also Adalbert of Trier and others, set down a remarkable dossier for the understanding of missionary history, and by extension of one aspect of the development of the Christian monarchies of the Ottonian period.

PRIMARY SOURCES AND SECONDARY WORKS

Sources

- Adalbert*. *Continuatio Reginonis // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit* / Ed. A. Bauer and R. Rau. Darmstadt, 1977.
- Adam of Bremen*. *Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches* / Ed. R. Buchner. Darmstadt, 1961.
- Ademar of Chabannes*. *Chronicon* / Ed. P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999.
- Annales Altahenses maiores* / Ed. E. von Oefele // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum*. Hannover, 1891. [T. 4].
- Annales Hildesheimenses* / Ed. G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Hannover, 1839. Bd. III.
- Annales Quedlinburgenses* / Ed. G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Hannover, 1839. Bd. III.
- Bruno of Querfurt*. *Epistola ad Henricum II imperatorem* / Ed. W. von Giesebrecht // *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*. 4e Aufl. Leipzig, 1875. Bd. 2. S. 689–692.

- Bruno of Querfurt*. Passio II Adalberti / Ed. L. Weinrich // Heiligenleben zur deutsch-slawischen Geschichte. Darmstadt, 2005.
- Bruno of Querfurt*. Vita Quinque Fratrum / Ed. M. Miladinov // Vitae Sanctorum Aetatis Conversionis Europae Centralis (Saec. X–XI) / G. Klaniczay. Budapest, 2013.
- Gesta Principum Polanorum / Ed. P.W. Knoll and F. Schaer. Budapest, 2003.
- John of St-Arnoul*. Vita Iohannis Gorziensis // *Jean de Saint-Arnoul*. La vie de Jean, abbé de Gorze / Ed. M. Parisse. Paris, 1999.
- Legenda S. Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hartvico episcopo conscripta / Ed. E. Bartoniek // *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Budapest, 1938. Vol. 2.
- Liudprand*. Legatio ad imperatorem Constantinopolitanum Nicephorum Phocam // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit / Ed. A. Bauer and R. Rau. Darmstadt, 1977.
- Liudprand*. Liber de Ottone // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit / Ed. A. Bauer and R. Rau. Darmstadt, 1977.
- Passio Adalberti / Ed. C. Gaşpar // *Vitae Sanctorum Aetatis Conversionis Europae Centralis (Saec. X–XI)* / G. Klaniczay. Budapest, 2013.
- Peter Damian*. Vita Romualdi // *Fonti per la storia d'Italia*. T. 94 / Ed. G. Tabacco. Rome, 1957.
- Rimbert*. Vita Anskarii // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches / Ed. R. Buchner. Darmstadt, 1961.
- Russian Primary Chronicle* / Trans. S.H. Cross and O.P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Mass., 1953.
- Thietmar of Merseburg*. Chronicon / Ed. R. Buchner. Darmstadt, 1957.
- Wibert*. Hystoria de predicacione episcopi Brunonis cum suis capellanis in Pruscia et martyrio eorum / Ed. G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*. Hannover, 1841. Bd. VI. S. 579–580.
- Widukind of Corvey*. Res Gestae Saxonicae // Quellen zur Geschichte der sächsischen Kaiserzeit / Ed. A. Bauer and R. Rau. Darmstadt, 1977.

Monographs

- Franklin S. and Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. Harlow, 1996.
- Huschner W.* Transalpine Kommunikation im Mittelalter: diplomatische, kulturelle und politische Wechselwirkungen zwischen Italien und dem nordalpinen Reich (9.–11. Jahrhundert), 3 vols. Hannover, 2003.
- Jacobsen P.J.* Miracula s. Gorgonii. Studien und Texte zur Gorgonius-Verehrung im 10. Jahrhundert // *Monumenta Germaniae Historica, Studien und Texte*. Hannover, 2009. Bd. 46.
- Miladinov M.* Margins of Solitude. Eremitism in Central Europe between East and West. Zagreb, 2008.
- Voigt H.G.* Adalbert von Prag. Ein Beitrag zur Geschichte der Kirche und des Mönchtums im zehnten Jahrhundert. Berlin, 1898.

Wood I.N. The Missionary Life. Saints and the Evangelisation of Europe 400–1050. Harlow, 2001.

Collections of Articles

Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus', c. 900–1200 / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007.

Articles

Baronas D. The year 1009: St Bruno of Querfurt between Poland and Rus' // Journal of Medieval History. 2008. Vol. 34. P. 1–22.

Berend N. Laszlovsky J. and Szakács B.Z. The Kingdom of Hungary // Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus', c. 900–1200 / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007. P. 319–368.

Gaspar C. Preface: The Life of Saint Adalbert, Bishop of Prague and Martyr // Vitae Sanctorum Aetatis Conversionis Europae Centralis (Saec. X–XI) / Ed. G. Klaniczay. Budapest, 2013. P. 79–94.

Gelting M.H. The kingdom of Denmark // Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus', c. 900–1200 / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007. P. 73–120.

Keefe S.L. The Anglo-Saxon Lay Ordeal // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. S.D. Baxter, C.E. Karkov, J.L. Nelson and D. Pelletier. Farnham, 2009. P. 353–367.

Palmer J.T. Rimbert's Vita Anskarii and the Scandinavian Mission in the Ninth Century // The Journal of Ecclesiastical History. 2004. Vol. 55. P. 235–256.

Roach L. Emperor Otto III and the End of Time // Transactions of the Royal Historical Society 2013. Vol. 23. S. 75–102.

Wood I.N. Pagans and Holy Men, 600–800 // Irland und die Christenheit / Ed. P. Ni Chatháin and M. Richter. Stuttgart, 1987. P. 347–361.

Wood I.N. What is a mission? // Converting the Isles / Ed. R. Flechner and M. Ni Mhaonaigh. Turnhout, 2015.

Иэн Вуд

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ МИССИОНЕРЫ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, 962–1009 гг.

Аннотация: В период со второй половины X в. до первого десятилетия XI в., когда набеги викингов прекратились, заметно оживилось миссионерство, особенно в Восточной и Северной Европе. Именно в это время осуществляются миссии к датчанам, венграм, на Русь, к печенегам и пруссам. В статье рассматриваются многие христианские миссии, предпринятые в

данный период, особенно имеющие документальное подтверждение (миссии Адальберта Пражского и Бруно Кверфуртского), но равным образом и те, информация о которых невелика, в том числе миссии Поппо к датчанам и Адальберта Магдебургского на Русь, а также намечавшаяся миссия Ромуальда в Венгрию, в контексте как религии, так и дипломатии (и, значит, становления государственности). Поскольку многие миссии имели политическую поддержку, не в последнюю очередь со стороны Оттоновской династии в Германии (*или*: Саксонской династии), в статье проводится сравнение и с миссией Иоанна Горзенгского к халифу Кордовы. Рассматривается масштаб миссий, а также значение участия императора, мирских правителей (в частности, Болеслава Смелого и Владимира) и папы Римского как для самих миссионеров, так и для их покровителей. Помимо освещения причин, организации и масштаба миссий, в статье исследуется опыт конкретных миссионеров, чьи интересы и задачи подчас стояли выше интересов и задач светских и церковных покровителей. В частности, внимание уделяется стратегиям конкретных миссионеров, выработанным ими для выживания, но также и для ведения своей деятельности в чуждом им окружении.

Ключевые слова: Адальберт Пражский, Болеслав Смелый, Бруно Кверфуртский, Венгрия, Владимир, литургия, миссия, Оттон III, Русь

Andrzej Poppe

GAB ES EINE OTTONISCHE OSTPOLITIK, DIE DIE KIEWER RUS' IM BLICKFELD HATTE?*

Zusammenfassung: In der deutschen Historiographie des 20. Jh. wurde die Grundgedanke entwickelt, dass die Ottonen führten weiter die christliche Politik Karls den Großen bei der Taufe der germanischen und slawischen Stämmen mit Evangelium und dem Schwert im Osten bis Dneper. Aus der Daten der Magdeburger Metropolitankirche folgt aber, dass von 968 bis 1000 politische und kirchlichen Grenzen lagen fest an der Elbe und Saale mit Ausnahme Pozenerbistum jenseits der Oder.

Die Regentin der Rus' Olga (sie beabsichtigte gerade im eigenem Staat Christentum zu gründen) im Herbst 959 begab sich auf die Reise nach Frankfurt, und wurde zuerst sachlich vom Mainzer Erzbischof Wilhelm (Reichskanzler und vollmächtige Vertreter unter dem Papst Johannes XII.) empfangen. Während der Gespräche mit aus Italien eingetroffenen Otto hat Olga begriffen, dass dieser hervorragende Herrscher ernst zur Stellung eines Machthabers des Reiches und der Kirche sich bereitet (gekrönt im Rom am 2. Februar 962). Russische Königin verstand, dass so lange ihre Sohn Swiatoslaw wünschte nicht Christ zu sein, Byzanz hat alle Gründe zu versagen einen Bischof in Kiew zu setzen. Otto I. schlug unterdessen nach Kiew eine normannische Mission abkommandieren vor. Er beauftragte dazu ermächtigten Erzbischof von Bremen und Hamburg Adaldag, der sorgte über die Missionen in noch heidnischen Skandinavien. Zum Bischof gesegnete Mönch Adalbert erreichte Kiew im Sommer 961. Etwa zu dieser Zeit 21-jähriger Swiatoslaw die Regentschaft seiner Mutter aufhebe. Zwangweise nach Rus' gesandte Adalbert, ohne üblichen Schutz vernehmend dazu einige Verspottungen, z.B. christliche Glaube als "urodstwo" (Torheit), genannt wird, kehrte mit seinen Mönchen heim. Nach 968 als Adalbert zum Magdeburger Erzbischof wurde, in *Continuatio Reginonis* (wahrscheinlich

* Dieser Beitrag basiert an meinem Vortrag an Universitäten mit Ergänzungen und Korrekturen, welche die Zeit und Prüfung brachten. Thema der Kontakten der *regina* Olga mit Reich und Byzanz wurde bewußt begränzt mit Hinweis auf die eingehende Untersuchung: *Poppe A.* Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jh. // Österreichische Osthefte. 1988. Bd. 30. S. 460–465, 492–494, Anm.17–38; *Idem.* Once again concerning the baptism of Olga, Archontissa of Rus' // *Dumbarton Oaks Papers.* 1992. Vol. 46: Homo Byzantinus. Papers in Honor of Alexander Kazhdan. P. 271–277; reprint with Addendum in: *Idem.* Christian Russia in the Making (Variorum Collected Studies Series). Farnham, 2007. P. 271–279a.

auch der Verfasser dieser Chronik), hat ohne Begründung Olga in der Heuchelei belastet.

Otto II. (973–983) versuchte südliche Italien ohne Ergebnis in römisches Reich einschließen. Seine Witwe, die Kaiserin Theophanu (†991) betrieb gedeihlich mit der Staatspolitik und die Erziehung und Bildung seiner Sohns (Otto III., 983–1002), sorgte auch über sachsische Slawen nach ihrigen Niederschlagung des Aufstandes 983. Aber das Verknüpfen diesen sachsische Slawen mit Ostslawen ist völlig grundlos. Die Blutverwandschaft und Verbindungen der Kaiserin Theophanu mit purpurborenen Wladimirs Gemahlin Anna ergaben sich irrtümlich.

Otto III. mit seinem Gelehrtenkreis samt Gerbert (künftige Papst Silvester II., 999–1003) an der Spitze, die beschäftigten sich mit dem Aufbau universalen christlichen Weltreich (*renovatio imperii*), fanden auch notwendig eine byzantinische, purpurborene Gemahlin für römischen Weltkaiser zu erachten. Aber einige Schriftstücke datierten auf 990, erwiesen sich als Moskauer Imitation aus der Regierungszeit von Iwan III. und seinen Sohn Wassili III.

Schlüsselwörter: Adalag, Adalbert, Anna Porphyrogeneta, Wilhelm, Erzbischof von Mainz, Olga (Helen), Königin der Rus', Otto I. der Große, Otto III., Papst Johann XII., Papst Silvester II., Swiatoslaw, Igors Sohn

Die Beziehungen zwischen den Ottonen und Kiew gehörten eigentlich immer zu den Marginalthemen der Forschung, und wenn sie erwogen wurden, so galten diese Verbindungen als mehr oder weniger wesentlicher Bestandteil der ottonischen Politik im Osten. Zwei Fragenkomplexe sollen hier aufgegriffen und in den Hauptzügen vorgetragen werden.

Zuerst geht es um die Gesandtschaft der Regentin der Rus' Olga an Otto den Großen und deren Auswirkung, die vor allem Adalbert, den Missionsbischof für die Rus' und den seit 968 ersten Magdeburger Erzbischof, betrifft. Der gegenwärtige Standpunkt der Geschichtsschreibung spiegelt der im Vergleich zu Albert Brackmanns schwungvoller Vision¹ moderate Kommentar von Arnold Angenendt wider: „Otto den Großen muss jedenfalls das Ersuchen Olgas zu größten Hoffnungen beflügelt haben, betrieb er doch damals die Erhebung Magdeburgs zum Erzbistum, dem alle für die Slawen östlich der Elbe zu gründenden Bistümer unterstellt sein sollten. Für ihn muss sich darum bei der Ankunft der russischen Gesandten

¹ Besonders in: *Brackmann A.* Magdeburg als Hauptstadt des deutschen Ostens. Leipzig, 1937. S. 13.

die visionäre Vorstellung eines christlichen Imperiums, das vom 'ewigen Rom' bis zu den Toren Kiews reichte', aufgetan haben; was er damals wollte, gehörte, so Brackmann, 'zu den umfassendsten Plänen...', die je ein deutscher Staatsmann im Osten verfolgt hat'. Um so kläglicher war das Scheitern². Brackmanns Gedanke, dass Otto den ehemaligen Russenbischof zum Erzbischof von Magdeburg ernannte, weil „Otto daran gelegen war, von Magdeburg aus Beziehungen auch mit den entfernteren slawischen Ländern des Ostens zu unterhalten“³, hat Heinrich Felix Schmid unter Hinweis auf die Bulle Papst Johannes' des XII. aus dem Jahr 962 wie folgt ergänzt: „Dem Kaiser und seinen Nachfolgern wird das Recht eingeräumt, überall, wo das richtig erscheinen wird, im Slawenlande Bistümer zu errichten und sie der neuen Metropole zu unterstellen. Aus diesen Worten spricht augenscheinlich die Absicht, im gegebenen Zeitpunkt das Rußlandprojekt wieder aufzunehmen“⁴. Brackmann und den Vertretern seiner Auffassung folgend wäre Schmid sogar bereit, „in dem Misserfolg der Russlandmission Adalberts einen der Gründe dafür [zu] erkennen, dass Otto nach der Kaiserwürde strebte“⁴. Diesen Hypothesen zu Adalbert und Magdeburg ist der Moskauer Wissenschaftler Aleksandr Nazarenko nachgegangen und hat dabei eine weitere Hypothese aufgestellt, nämlich dass es infolge der Italienpolitik Ottos I. a. 968 zu einer gegen Byzanz gerichteten Allianz mit dem Kiewer Fürsten Swjatoslaw kam⁵.

In der Diskussion über die ottonische Ostpolitik geht es zweitens um die Beteiligung der Kaiserin Theophanu an dieser Politik, „der Griechin an der Spitze des Reiches“, mit „einem weiten bis Kiew reichenden geographischen Horizont“, „denn in Kiew kreuzten sich damals die römischen und die byzantinischen Missionspläne“⁶. Die

² *Angenendt A.* Kaiserherrschaft und Königstaupe. Berlin, 1984. S. 293–294.

³ *Brackmann A.* Ostpolitik Ottos des Großen // *Historische Zeitschrift*. 1926. Bd. 134. S. 242–256. Nachdruck in: *Idem.* Gesammelte Aufsätze. Weimar, 1941. S. 144.

⁴ *Schmid H.F.* Otto I. und der Osten // *Festschrift zur Jahrtausendfeier der Kaiserkrönung Ottos des Großen*. Graz, 1962/63. S. 84–85.

⁵ *Назаренко А.В.* Русь и Германия при Святославе // *История СССР*. 1990. № 2. С. 60–74; *Он же.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI–XII веков. М., 2001. С. 310–338, besonders 315–317. Seine Thesen nimmt an *Eickhoff E.* Kaiser Otto III. Die erste Jahrtausende und die Entfaltung Europas. Stuttgart, 1999. S.113–121.

⁶ *Fried J.* Theophanu und die Slawen. Bemerkungen zur Ostpolitik der Kaiserin // *Kaiserin Theophanu. Gedenkschrift des Kölner Schnütgen-Museums zum 1000. Todesjahr der Kaiserin*. Köln, 1991. Bd. II. S. 362–363.

Tätigkeit der Kaiserin, nachdem sie 972 in Rom eingetroffen war, wird folgendermaßen geschildert: „In Rom gewährte die Kaiserin dem... aus Prag geflohenen Bischof Adalbert (Wojciech) eine private Audienz und dürfte auch mit den weiterreichenden missionspolitischen Fragen in Berührung gekommen sein, die wegen des Kiewer Reiches zwischen Rom und Byzanz schwebten. In Kiew hatte der König Wladimir erst kürzlich ein vor allem gegen die Bulgaren gerichtetes Waffenbündnis mit Ostrom geschlossen, dabei eben jene Prinzessin Anna geheiratet, um deren Hand einst Otto der Große für seinen Sohn hatte werben lassen, und die Taufe genommen. Mehrere römische Legationen, deren eine während des Aufenthaltes der Kaiserin nach Kiew aufbrach, zeugen von dem Bestreben des Papstes, Russland trotz des einstigen Fehlschlages der Mission Adalberts in der Zeit der *regina* Olga doch noch für die römische Obödienz zu gewinnen“⁷. An diese These anknüpfend wurde die Initiative Theophanu direkt zugeschrieben: „...die Kaiserin Theophanu... [die] noch Ende 989/Anfang 990, von Rom aus mit dem Hof in Kiew durch eine Gesandtschaft in Verbindung trat, und Reliquien, als ‘Augebinde’ für Anna wahrscheinlich, nach Kiew sandte“. Und Ostern 991 soll beim feierlichen Hoftag Theophanu und ihres Sohnes Ottos III. in Quedlinburg eine russische Gesandtschaft anwesend gewesen sein⁸. Diese letzte Feststellung wird mit den *Annales Quedlinburgenses* ad a. 991 belegt, die berichten, dass am Hoftag auch Markgraf Hugo von der Toskana und Fürst Mieszko von Polen „cum caeteris Europae primis“ teilgenommen hätten. Unter den „Europae primis“ kann sich natürlich jeder beliebige Herrscher verbergen.

* * *

Der Fortsetzer Reginos von Prüm bringt wichtige Nachrichten über Kiew und den Hof Ottos d. Gr. um 960. Es herrscht Übereinstimmung darin, dass es sich bei diesem Autor um den Mönch Adalbert von St. Maximin aus Trier handelt, der im Sommer 961 als Missionbischof in die Rus’ ging, 962 enttäuscht und erbittert zurückkehrte, 966 die Abtei Weißenburg erhielt und 968 den neugegründeten erzbischöflichen Stuhl in Magdeburg bestieg. Der Verfasser weiß uns nicht nur das Schicksal Adalberts mitzuteilen, er kennt sogar dessen

⁷ *Beumann H.* Die Ottonen. Stuttgart, 1987. S. 133–134.

⁸ *Wolf G.* Kaiserin Theophanu. Prinzessin aus der Ferne — des Westreichs Große Kaiserin. Köln, 1991. S. 148–149.

Gefühle, mit denen er sich auf seine Missionsreise begab und von ihr zurückkehrte. Aus seiner Chronik erfahren wir, dass im Jahre 959 „Gesandte von Helena, der Königin der Russen, die sich unter Romanus, dem Kaiser von Konstantinopel, in Konstantinopel taufen ließ, zum König kamen und baten — unaufrichtig (*ficte*), wie man nachher erkannte — man möchte für dieses Volk einen Bischof und Priester bestellen“⁹. Aus den Adalberts fluchtiger Worten ergibt sich, dass Olga zur Regierungszeit Romanos Lakapenos (bis Herbst 944) oder Romanos II, d.h. in der Zeit zwischen dem 9. November 959 und dem 15. März 963, getauft wurde.

Der Bericht über *regina Russorum*, aller Wahrscheinlichkeit nach, ist erst nach dem Jahr 967 entstanden. Adalbert musste, als er in Kiew war, von Olga selbst über ihre Taufe, ihren Taufnamen und den Taufort erfahren haben. Dabei war sicher die Rede auch auf den (seit 6. April 945) mitregierenden Kaiser Romanos gekommen, insbesondere da dieser zu jener Zeit (nach dem Tode Konstantin VII. Porphyrogenetos am 9. November 959) Hauptkaiser wurde. Beim Niederschreiben der Chronik einige Jahre später dürfte sich Adalbert geirrt haben; andere bei ihm auftretende Irrtümer und Unstimmigkeiten erklären eine solche Ungenauigkeit hinreichend¹⁰.

An dieser Stelle muss darauf hingewiesen werden, dass Olgas Taufe nur deshalb in der Chronik erwähnt wurde, weil Adalbert sich verletzt und gekränkt darüber fühlte, dass man ihn in eine solche wilde Fremde geschickt hatte und er ein Bedürfnis nach Rechtfertigung für den Misserfolg seiner Kiewer Mission hatte.

Olga wurde aus tiefer persönlicher Überzeugung Christin. Sie versuchte ihr Land zum christlichen Glauben zu bekehren, stieß dabei aber auf Widerstand, der auch vom Thronfolger Swjatoslaw unterstützt wurde. Die Nestor-Chronik schildert diesen Umstand sehr anschaulich: „Wollte sich jemand taufen lassen, verwehrte man es ihm nicht, doch verspottete man ihn“¹¹. Aus diesem Grunde wird

⁹ *Adalbert. Continuatio Reginonis* / A. Bauer, R. Rau // Quellen zur Geschichte der Sächsischen Kaiserzeit (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters 8). Darmstadt, 1977. S. 214–219 (a. 907–967).

¹⁰ Vgl. *Lintzel M.* Ausgewählte Schriften. Berlin, 1961. Bd. 2. S. 400–401; *Hauck K.* Erzbischof Adalbert von Magdeburg als Geschichtsschreiber // Festschrift für W. Schlesinger. Köln; Wien, 1974. Bd. 2. S. 276–353. Wenn das Gespräch über den Dolmetscher ging, es war leicht um Mißverständnisse.

¹¹ Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiewer Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja,

verständlich, warum der von Otto I. zum Volk der Rus' entsandte Bischof Adalbert mitteilt, dass er „in der Angelegenheit, derentwegen er gesandt worden ist, nichts ausrichten konnte, und sah, dass man ihn vergeblich bemüht hatte; einige seiner Leute wurden auf dem Rückweg getötet, er selbst entkam mit großen Mühe“. Und wenn man darüber hinaus erfährt, dass Adalbert „eine so schwierige Reise in die Fremde“ als eine Art Verbannung „auf Betreiben und Rat [an die Adresse des Königs] des Erzbischofs Wilhelm [von Mainz]“ ansah, obgleich er „Besseres von ihm erwartet und niemals sich gegen ihn vergangen hatte“, dann wird klar, dass der erste Magdeburger Erzbischof zu jener Kategorie von Kirchenmännern zählte, die kein Verständnis dafür aufbrachten, sein Leben, ja, seine Karriere für die Evangelisierung von Völkern aufs Spiel zu setzen. Adalbert muss in diametralem Gegensatz zu solch glaubenseifrigen Kirchenmännern wie Adalbert-Wojciech oder Bruno von Querfurt gesehen werden, für die die christliche Mission unter Heiden bis zum Märtyrerkranz das höchste lebenswerte Ziel darstellte.

Seinen Misserfolg zu rechtfertigen, wurde für Adalbert mehr als eine Frage des Ehrgeizes in dem Augenblick, als er vom Kaiser als Kandidat für den Stuhl des Erzbischofs von Magdeburg in Aussicht genommen wurde (Herbst 967)¹².

Es steht also fest, dass der Aufmerksamkeit des *continuator Reginonis* mancherlei in kirchlichen Angelegenheiten entgangen ist; ihn interessierten augenscheinlich nur die westlichen Diözesen des Reiches. Der damalige Abt von Weißenburg, vieljähriges Mitglied der königlichen Kanzlei und zukünftiger Erzbischof von Magdeburg, scheint den in jener Zeit vorgenommenen Bistumsgründungen in Bayern und Sachsen sowie auf slawischem und dänischen Boden

Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, und ins Deutsche übersetzt von L. Müller. München, 2001. S. 77 (Handbuch zur Nestorchronik. Bd. 4); IICPJ. T. I. Cr6. 63; vgl.: Poppe A. Svjatoslav the Glorious and the Byzantine Empire // Byzantina et Slavica Cracoviensia. Cracow, 2007. T. V. P. 133–138.

¹² Vgl. die Rechtfertigung aus Magdeburger Moritz Kloster: „*Non sua autem ignavia (Lässigkeit), sed illorum (d. h. der Russen) nequitia depulsum*“ (Urkundenbuch des Erzstiftes Magdeburg / Ed. F. Israel und W. Möllenberg. 1937. Bd. I. S. 185. Nr. 130.). Die Legende über Adalbert als ein aus der Rus' von Heiden Vertriebener, wie sie auch Thietmar von Merseburg (*Thietmar von Merseburg*. Chronik / Neu übertr. und erd. von W. Trillmich // Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters 9. Berlin, 1957. S. 56/57) aufgenommen hat (Lib. II. 22: „*et hinc a gentilibus expulsum*“), muß im Zusammenhang mit Adalberts Magdeburger Ernennung entstanden sein. Kurz davor wagte er selbst eine solche Vertreibung nicht zu behaupten.

gleichgültig gegenübergestanden zu haben¹³. Oder soll man erneut in Frage stellen, dass der *continuator Reginonis* Adalbert gewesen ist oder sein alter ego?

Es wäre aber ungerecht, den vollen Misserfolg, der vor allem innere Ursachen hatte, der Kleinmütigkeit und Passivität des Missionsbischofs zuzuschreiben. Doch die Vermutung, dass Adalbert sich nicht gegen die von Swjatoslaw ins Land gerufene byzantinische Mission habe durchsetzen können¹⁴, ist vollkommen haltlos. Es gab wirkliche Schwierigkeiten, auf die Adalbert gestoßen ist. Als er zwei Jahre nach der Einladung in Kiew eintraf, war Olga nicht mehr die Kiewer Regentin, da Swjatoslaw, der sein Mannesalter erreicht und die Macht übernommen hatte, nicht bereit war, die Bevölkerung zu „nötigen hereinzukommen“ (*compellere intrare*, Luk. 14, 23). Kein Wunder, dass die deutsch-slawischen Missionare sich um ihre Erwartungen betrogen sahen und mit der Rückkehr nicht zögerten, auch wenn nichts darauf hindeutet, dass sie dazu gezwungen waren.

* * *

Die gescheiterte Mission Adalberts wurde oft als Symptom für die Rivalität zwischen Konstantinopel und Rom angesehen. Für diese Beurteilung liegen aber keine wirklichen Gründe vor, abgesehen von gewissen Unterschieden zwischen den byzantinischen und den römischen Dogma und Riten, die für Olga jedoch keineswegs relevant waren. Trotz verschiedener Obödienzen gab es damals nur eine Kirche. Die griechische und die lateinische Missionstätigkeit in der Rus', sofern eine solche überhaupt unternommen wurde, stellte noch keine sich gegenseitig ausschließende Alternative dar, obgleich ein bedeutender Erfolg einer der Missionen die Frage der jurisdiktionellen Abhängigkeit auf die Tagesordnung setzen musste.

Der Regentin Olga war bewusst, dass die Bekehrung eines Landes ohne politische und dynastische Beziehungen und ohne wirksame kirchliche und staatliche Unterstützung von außen kaum zu verwirklichen war. So konnte sich Olga an jeden christlichen Herrscher wenden, von dem Hilfe zu erwarten war. Olga musste auch bemerkt haben, dass nicht der Bischof in Rom oder in Konstantinopel, sondern der jeweilige staatliche Herrscher der eigentliche *vir ecclesiae*, der

¹³ Lintzel M. Ausgewählte Schriften. Bd. 2. S. 403–404.

¹⁴ Prinz F. Grundlagen und Anfänge. Deutschland bis 1056. München, 1985. S. 156–157.

dominus terrae christianae und als Herrscher zum Ausbau der Kirche verpflichtet war. Der Ruhmesglanz Ottos nach dem Sieg auf dem Lechfeld über die Magyaren könnte Olgas Entscheidung beeinflusst haben¹⁵; ihre Bitte fand an seinem Hofe jedenfalls Widerhall, obgleich gut begründete zwei Jahre vergehen mussten, bis eine bescheidene Mission sich auf den Weg nach Kiew machte.

In Adalberts Bericht wird man des indirekten Hinweises gewahr, dass Kiew sich außerhalb des politischen Horizontes Ottos des Großen befand. Die ganze Angelegenheit hat Otto dem Mainzer Erzbischof Wilhelm anvertraut. Der erste Missionbischof Libutius aus dem Mainzer St. Alban-Kloster schon vorbereitete für Mission erkrankte und verschied am 15. Februar 961. Über Adalbert, obwohl er aus dem Trierer Kloster St. Maximin stammte, hatte auch der Mainzer ein entscheidendes Wort mitzureden. Dietrich Claude findet es höchst ungewöhnlich, dass der Erzbischof von Bremen Adaldag mit der Weihe von Libutius betraut wurde¹⁶; die Weihe Adalberts schreibt er dem Mainzer Erzbischof zu, was aus der *continuatio Reginonis* nicht zwingend folgt; Adalbert selbst sagt nur, dass es zu seiner *ordinatio* „auf Betreiben und Rat“ (*machinatione et consilio*) des Mainzer Metropolitens gekommen sei¹⁷.

Eine Erklärung dafür, weshalb Erzbischof von Hamburg-Bremen Adaldag (937–988) beide Konsekrierende, Libutius und später Adalbert geweiht hat, ist in der Zuständigkeit dieser Metropole für die Missionierung der skandinavischen Stämme und Waräger zugleich zu suchen. Die Hypothese, dass Otto mit diesem Akt Wilhelm von Mainz habe brüskieren wollen, ist kaum haltbar, da der als Erzkanzler Königs und Vikar des Papstes in Germania handelte. Mit Sicherheit darf angenommen werden, dass die 959 eingetroffene Gesandtschaft in Mehranzahl aus Gefolgen skandinavischer Herkunft bestand. Im Gegensatz zu der Gesandtschaft, die der Kiewer *rex* Igor 944 nach Konstantinopel schickte und die in der Mehrheit skandinavische Namen trug, wobei erst wenige Christen darunter waren, waren Olgas Gesandte 955 und an Otto I. in 959, allein schon der Sache wegen,

¹⁵ Über Schlacht auf dem Lechfeld v.: *Beumann H.* „Laurentius und Mauritius“. Zu den missionpolitischen Folgen des Ungarnsieges Ottos des Großen // Festschrift für W. Schlesinger. S. 238–275.

¹⁶ *Claude D.* Geschichte des Erzbistums Magdeburg bis in das 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1972. Bd. 1. S. 77. Claude irrt sich, damals eher *ordines minores*, danach die Weihe=*consecratio* am Sonntag.

¹⁷ *Continuatio Reginonis*. S. 215–217.

vor allem Christen. Trotz fortschreitender Slawisierung der Kiewer Oberschicht im Laufe von 15 Jahren konnte ein Wandel nicht so schnell erfolgen. Am ottonischen Hofe hat man diese Gesandtschaft aus sprachlichen Gründen als normannisch betrachtet (wie die 839 in Ingelheim eingetroffenen *Rhōs* als Schweden betrachtet wurden¹⁸).

* * *

Und wie stand es mit Magdeburg? Sollte es wirklich als einer der Mittelpunkte des ottonischen Reiches zur kirchlichen Metropole „aller Slawenländer des Ostens“ werden und bis zum Dnepr reichen?

Der Grundlage für diese Vision ist eine sehr disparate Überlieferung — ein Paket von Gründungsurkunden des Erzbistums Magdeburg, angefangen von der Papsturkunde vom 12. Februar 962 bis zur Vollzugsanweisung Ottos I. vom Spätherbst 968, in der Adalbert als Haupthirt *esse metropolitanum totius ultra Salam et Albiam Sclavorum gentis tunc ad Deum converse vel convertende...* bezeichnet wurde¹⁹.

Hier scheint deutlich ausgesprochen zu werden, dass die Ostgrenze dieser Metropole als eine bewegliche, offene Grenze angesehen wurde, was übrigens in engem Zusammenhang mit den politischen Plänen Ottos zum Ausbau des Reiches auf dem Wege der Unterwerfung der ?????slawischen Stämme stand. Da die ottonische Missionierung vor allem als Mittel zur Verwirklichung der politischen Pläne verstanden wurde. Die Pläne Ottos I. über das Gebiet von Elbe und Saale kaum hinaus reichten und praktisch nicht weiter als bis zur Oder. Und was die Kirchenprovinz angeht, so handelte es sich hierbei um alle die Slawen, die sich im politischen Wirkungsfeld des Reiches befanden

¹⁸ Annales Bertiniani / G. Schramm // Altrußlands Anfang: historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jh. Freiburg in Br., 2002. S. 179–193 (a. 839); vgl. auch: *Liutprand. Antapodosis* / A. Bauer, R. Rau // Quellen zur Geschichte der Sächsischen Kaiserzeit (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters 8). Darmstadt, 1977. S. 460–461: „Im Norden wohnt ein Volk, das die Griechen . . . Rusios, wir aber nach seiner geographischen Lage Nordmanos nennen“ (Lib. V. Cap. 15).

¹⁹ Urkundenbuch des Erzstiftes Magdeburg. 1937. Bd. I. S. 97. Nr. 67. *Beumann H.* Theutonum nova metropolis. Studien zur Geschichte des Erzbistums Magdeburg in ottonischer Zeit. Köln; Wien, 2000. S. 217–228. Der Verfasser dieser wichtigen Quellenuntersuchung hat teilweise Magdeburger Erzstiftesurkunden neu herausgegeben. Dabei nur dem Erzbistum Magdeburg zugehörte Bistum Posen überschreitete Oder. Gegründet im Jahre 968 wurde im Jahre 1004 als Magdeburger Entwurf einer Papsurkunde (UBEM 130) veröffentlicht.

oder einbezogen werden konnten. Sachsen, ein *confinium Saxonum et Sclavorum*, war an sich schon ein Siedlungsgebiet „unvollkommener Christen“, wie man sie in Rom rücksichtsvoll bezeichnete, oder, nach Otto II. einfacher ausgedrückt, von „Heiden“. Als neue Kirchenprovinz hatte Sachsen gewaltige Aufgaben zu bewältigen, was der slawische Aufstand von 983 drastisch zeigen sollte. Die wichtigste Aufgabe war die Christianisierung des Landes, welche mit enormen Mitteln und Anstrengungen und ohne Scheu vor Gewalt durchgeführt wurde. Die energische Verwirklichung der ottonischen Pläne an Elbe und Saale ist angesichts der Dimension bewundernswert. Otto I. war ein realistischer Politiker und ließ sich nicht durch Truggebilde irreführen. Das Erscheinen einer Gesandtschaft aus dem fernen Kiew schmeichelte ihm sicher; als christlicher Herrscher war er sich gewisser Pflichten bewusst, und so beauftragte er seine Kirchenmänner mit der Mission, denen die Sache aber offensichtlich nicht eilig war. Als Politiker aber ließ Otto sich nicht selbstgefällig von der visionären Vorstellung eines universalen christlichen Reiches leiten, wie ihm zuweilen unterstellt wird.

Damit scheint die von A. Brackmann aufgebrachte und von W. Schlesinger (sowie D. Claude, H. Zimmermann u. a.) heftig verteidigte These über die Spannungen und die Unterschiede in der Planung der Slawenmission und deren Reichweite zwischen Otto I. und Johannes XIII., die auf einer Überinterpretation der Quellenbelege basierte, ein bemerkbares, aber überholtes Kapitel der Forschungsgeschichte zu sein. Hier soll die Meinung Gerd Tellenbachs geteilt werden, nämlich dass es eine starre Begrenzung des slawischen Missionsraumes kaum geben konnte und dass Johannes XIII., der dem Kaiser alles verdankte und unter ständiger Existenzbedrohung litt, nicht den Gedanken hegen konnte, seinem Retter die Missionspläne im Osten zu durchkreuzen. Mit Tellenbachs Deutung der Weite des slawischen Raumes, die die Ostpolitik Ottos I. im Blick hatte, handelt es sich nur um eine weitere Stimme, die für eine nüchterne Einschätzung plädiert²⁰.

Die Frage an sich, ob die Kiewer Rus' von der ottonischen Ostpolitik erfasst werden sollte, lässt sich auf einfache Weise als gegenstandslos erweisen. Mit *Sclavorum gentes* waren in den

²⁰ Tellenbach G. Zur Geschichte der Päpste im 10. und frühen 11. Jahrhundert // Festschrift für Josef Fleckenstein zu seinem 65. Geburtstag. Sigmaringen, 1984. S. 171–173.

deutschen Quellen der 9. und 10. Jahrhunderte nicht die Ostslawen gemeint. Das Kiewer Reich und seine Bewohner treten immer unter den Bezeichnungen Ruzzia, Russia, Rusi, Ruzzos, Russi, Rugi u. ä. auf²¹. Noch bei Adam von Bremen finden wir eine Abgrenzung von Sclavania (Slavonia, Slavia) und Ruzzia. Gemäß der frühmittelalterlichen Tradition ist Sclavinia die *amplissima Germaniae provintia*, zehnmal so groß wie Saxonia, zu der auch Tschechen und Polen gehören und die sich von der Elbe bis zum Baltikum erstreckt²². So bleibt all jenen, die im Visier von Ottos Ostpolitik Kiew sehen wollen, zu beweisen, dass die Kiewer Rus' auch als Slavia oder Slavonia im Westen bekannt war. Bemerkenswert ist dabei, dass die Forscher, die sogar mit einer gewissen Übertreibung im Kiewer Reich eine Normannengründung sahen, bereit waren zu vergessen, dass die Kiewer Rus' unter diesem Blickwinkel ein Warägerreich darstellen musste.

Kiew war sicher eine abenteuerliche und zufällige Episode in der ottonischen Missionspolitik und blieb in der realen Politik Ottos nicht nur geographisch in weiter Ferne.

Ähnlich verhielt es sich mit Byzanz. Die zur Verfügung gestellten Söldnertruppen wie auch die wirtschaftlichen Kontakte mit der Rus' waren zwar sehr geschätzt, aber die Taufe Olgas (normannischen Helgas) wurde nicht als eine Öffnung der ganzen Rus' für die Christianisierung wahrgenommen. Frühere, misslungene Versuche haben wahrscheinlich dazu beigetragen, dass im Spektrum der byzantinischen imperial Politik authentische Missionsabsichten fehlten²³.

²¹ Назаренко А. В. Древняя Русь. С. 11–50.

²² Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler (MGH SS rer. Germ. 2). Hannover; Leipzig, 1917. Lib. II. 22; II. 39; IV. 13. Auch in einem um 1100 entstandenen Zusatz (II. 35) wird die Rus' deutlich abgegrenzt: „Boleslaw ... omnem Sclavianiam subiecit et Ruzziam et Pruzzos“. In einem anderen Zusatz, der wohl aus Adams eigener Feder stammt (in der jedenfalls Hs. A 2 um 1100 präsent ist), ist zu lesen: „*Ruzzia vocatur a barbaris Danis Ostrogard*“ (Lib. IV. Schol. 120); IV. 32: „Sonst werden noch Wisente im Slawenlande und in der Rus' gefangen (in *Sclavonia et Ruzzia*)“.

²³ Die wahre Mission des studitischen Mönchtums hat im X–XI Jh. die Vereinigungen und Eliten der Rus' für Christentum gewonnen, v. Поннэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря (Ruthenica. Supplementum 3). Київ, 2011. S. 85–100; *Idem*. Студиты — просветителями Руси // 22nd International Congress of Byzantine Studies, Sofia 22–27 August 2011. Sofia, 2011. Vol. 1: Plenary Papers. P. 131–141.

Es stellt sich die Frage, warum Olga sich im Jahre 959 noch als die Regentin der Russia an Otto I. wandte, obgleich bescheidene religiöse Kontakte zwischen Kiew und Byzanz bei dem Besuch 957 dank der persönlichen Beziehungen Olgas zur kaiserlichen Familie gefestigt wurden.

Die Persönlichkeit Ottos und seine aktive Stellung in der Kirche Olga beeindruckt haben mussten. Hinzu kam, dass es vom Standpunkt einer neubekehrten und tiefgläubigen Christin, die sich die Bekehrung des eigenen Landes sehr wünschen musste, keine Rolle spielte, woher die Missionäre kamen. Fragen der kirchlichen Obödienz wie der kirchlichen Jurisdiktion wurden sicher anders empfunden und verstanden als im alten und im neuen Rom.

Es ist nicht bekannt, ob Olga den Umstand ihrer eigenen Taufe während ihres Aufenthaltes in der Kaiserstadt 954 oder 955 mit der Bitte um Entsendung eines Bischofs verbunden hat. Die Erfüllung einer solchen Bitte war Sache des Kaisers und des Patriarchen.

Konstantinos VII., Gelehrter und Schriftsteller, Mensch und Herrscher von einnehmender Lebensweise, war so freigebig in Versprechungen wie nachlässig in Entscheidungen.

Der damalige Patriarch Theophilaktos „verbrachte mehr Zeit im Pferdestall als in der Kirche“. Als der Kaiser Romanos I. Lakapenos die Erhebung seines sechzehnjährigen Sohnes auf den Patriarchenstuhl erpresste, war der Widerstand der byzantinischen kirchlichen Würdenträger so groß, dass die Weihe (933) des Jünglings von päpstlichen Legaten durchgeführt werden musste. Diese bejammernswerte Lage dauerte bis zum Tode Theophilaktos' am 27. Februar 956. In seinen zwei letzten Lebensjahren unter diese Beeinträchtigung fielen auch Verfahren zur Ordination von Bischöfen. Auch die Suche nach einem Anwärter, der seine Mission nicht als eine Verbannung ins Land der Barbaren betrachtet, durfte Schwierigkeiten bereitet haben.

Wenn im Jahre 957 Olga als Christin nach Konstantinopel kam, so war zu erwarten, dass sie dort auch in kirchlichen Angelegenheiten, insbesondere mit der gleichen Bitte wie zwei Jahre später an Otto, vorstellig wurde.

Seit dem 3. April 956 wurde das Patriarchenamt von dem des Amtes würdigen Polyuktos bekleidet, der aber als Verteidiger der kirchlichen Prinzipien und Kanons alsbald mit einem Teil der Bischöfe und selbst dem Kaiser in Konflikt geraten war. Konstantinos

fürchtete ihn, und, wie Skylitzes sagt „er grollte Polyeuktos bis zum letzten Atemzug und träumte von seiner Amtsenthebung“.

So kann man sich vorstellen, dass sowohl der Kaiser wie auch der Patriarch Olgas Bitte nicht abgeneigt waren, doch als es an die Koordinierung von Handlungen und an die Absprache im Hinblick auf eine Kandidatur ging, führten Ränkespiele und Streitigkeiten zwischen Palast und Hagia Sophia zur Aufschiebung einer Entscheidung. Als nun im Jahre 958 und im Sommer 959 noch kein Hirte in Kiew eingetroffen war, entschied sich die Regentin für eine Gesandtschaft an Otto I.

Es führte also nicht die angebliche Rivalität zwischen dem alten und dem neuen Rom, sondern gerade lokale Zwistigkeiten in den beiden Zentren der christlichen Welt zur Unterlassung der großen Kirchenmission. Johannes XII. Pontifikat (955–964) fällt in die Zeit der tiefsten Verkommenheit des Papsttums. Baronius, der große Kirchenhistoriker, nannte diese Zeit *saeculum obscurum*. Johannes XII. ähnlich wie Theophilaktos als siebzehnjähriger Jüngling zum Papst erhoben, führte ein skandalöses Leben voller Vergehen. In beiden Kirchen mangelte es nicht an Bemühungen und Bestrebungen um die eine Erneuerung, aber allein schon die Anwesenheit der unwürdigen Kirchenwürdenträger vereitelte die unternommenen Missionsanstrengungen. Dass in dieser Situation die königliche Herrschaft über die Kirche und das Staatskirchentum von Otto I. zu einem funktionsfähigen Kirchensystem entwickelt wurde, konnte Olgas Aufmerksamkeit nicht entgangen sein.

* * *

Nach der gescheiterten Mission Adalberts weitere Kontakte zwischen dem Kiewer und dem ottonischen Hof fehlen. Für derartige Verbindungen vorliegen keine glaubwürdige Quellenbelege.

Mit einer solchen Antwort möchte man sich aber zu Recht nicht abfinden, da in den *Regesta Imperii* unter den Jahren 977, 986, 988, 990 und 1000 Gesandtschaften der Päpste nach Kiew angezeigt sind, wovon drei den Vermerk des Herausgebers tragen, dass es sich um Gesandtschaften Ottos II. (977), Theophanus (990) und Ottos III. (1000) handeln dürfte²⁴. Die Wissenschaftler, die der altrussischen

²⁴ Papstregesten. Sächsische Zeit, 911–1024 / Neubearbeitung von H. Zimmermann. Wien, 1969. Nr. 553, 656, 667, 685, 904; Die Regesten des Kaiserreiches unter Otto III., 983–1002 / Neubearbeitet von M. Uhlirz. Graz; Köln, 1957. S. 738. Nr. 1337 b.

Quellen nicht mächtig waren und sich darauf berufen haben, müssen sich irreführt sehen, da die Bearbeiter der *Regesta Imperii* nicht vor der Gefahr einer Nichtauthentizität der Überlieferung warnten, obwohl eine der angeführten Arbeiten die Glaubwürdigkeit dieser Tradition klar und eindeutig in Frage stellt und sie als eine Erfindung des 16. Jahrhunderts betrachtet²⁵. Dem Herausgeber der Regesten ist es obendrein gelungen, die Glaubwürdigkeit der altrussischen Überlieferung sogar noch zu unterstreichen, indem die der Nestorchronik unter dem Jahr 986 entstammende Nachricht über die Gesandtschaft des Papstes nach Kiew mit dem Angebot, das Christentum römischer Prägung anzunehmen, zwar als Legende bezeichnet, aber mit dem vielsagenden Kommentar versehen wurde: „Wahrer Kern der Legende ist wohl, dass sich das Papsttum in jener Zeit bemühte, in Russland Fuß zu fassen, wie andere Gesandtschaften aus Rom nach Kiew beweisen“²⁶.

Die Sage über die Bekehrung Wladimirs, nach der sich als Konkurrenten Moslems, Juden, Griechen und Lateiner (die 986 in Kiew des Gebrauchs von Oblaten bezichtigt wurden) in Kiew einfanden und die erst Anfang des 12. Jahrhunderts entstanden ist, stellt einen hervorragenden Beweis für das historische Selbstbewusstsein der gut 100 Jahre davor bekehrten orthodox-christlichen *natio* dar, aber keinen Quellenbeleg für die Zeit der Taufe.

Als Quellengrundlage für alle anderen Gesandtschaften dient eine um 1527 in Moskau entstandene Chronikkompilation, die nach dem Namen ihres Besitzers um 1670, dem Patriarchen Nikon, benannt wurde²⁷.

In der mittelalterlichen russischen Geschichtsschreibung hat sich der bis ins 17. Jahrhundert reichende Brauch entwickelt, als gültige Geschichtsauffassung der Rus' vom 9. bis zum Anfang des 12. Jahrhunderts die Nestorchronik zu betrachten. So bildete diese Chronik die Grundlage fast aller späteren chronistischen Kompilationen und ist daher in einigen hundert Handschriften und zahlreichen Redaktionen enthalten. Diese Tradition wirkte auch im moskowitzischen Reich, womit man die besondere Beziehung und das

²⁵ Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln, 1959. S. 26–36: Die römische These.

²⁶ Papstregesten. S. 261. Nr. 656.

²⁷ Weshalb auch die Anzeige in den Regesten „Nikon-Patriarchenchronik“ irreführend ist, ПСРЛ. 14/2 (указатель к ПСРЛ IX–XIV/1). СПб., 1910; v.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 187–188.

Recht auf das Erbe Kiews hervorhob. Dabei wurde die Nestorchronik selten nur einfach kopiert, manche Passagen wurden einfach gekürzt oder gar ausgelassen und bisweilen durch Ergänzungen bereichert. Auch die Nikonchronik gehörte zu jenen Geschichtswerken, die im Vergleich zur ältesten Fassung (der Nestorchronik) mit zahlreichen Nachträgen versehen wurde. Die Vermutung, dass in manchen Fällen der Chronist über eine zusätzliche alte Überlieferung verfügte, ist in unserem Falle nicht berechtigt; die reiche und verwickelte Stemma von ein paar Dutzend Handschriften, die bis zur Wende des 16. Jahrhunderts datiert sind, lässt nicht auf die Existenz einer völlig separaten Handschrift schließen, die der Nikonchronik als Protograph hätte dienen können. Abgesehen von offensichtlichen Interpolationen zeigt die Nikonchronik auch in den Lesarten aus dem Bereich des Textes der Nestorchronik eine deutliche Verwandtschaft mit der erhaltenen Überlieferung aus dem 14.–15. Jahrhundert. Da die uns interessierenden Einschübe nur der Nikonchronik (die die Hauptquelle des um 1562 verfassten Stufenbuches war) zugeschrieben werden können, wurde auch schon mit Recht vermutet, dass der Inhalt dieser Interpolationen irgendwann in Hof- und Metropolitankreisen in Moskau formuliert und in die in den 1520er Jahren unter Federführung des Metropoliten Daniil zusammengestellte Chronik eingefügt wurde²⁸.

In der Zeit nach der Florentiner Union, als der Moskauer Herrscher und die Moskauer Kirche sich für die einzigen Wächter der Rechtgläubigkeit hielten, und insbesondere seit den 1460er Jahren, als die Beziehungen zu Westeuropa zunahmen und der Austausch von Gesandtschaften mit der Römischen Kurie gepflegt wurde, musste man sich wegen dieser Kontakte gegen die Gefahr der lateinischen Häresie rechtfertigen (allein schon wegen der von den Päpsten Paul II. und Sixtus IV. vermittelten Ehe zwischen der Nichte des letzten byzantinischen Kaisers, Zoe, und Ivan III. oder weil

²⁸ Eingehend v. *Клосс Б.М.* Никоновский свод, und Zusammenfassung vom D.M. Bulanin, in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в.* СПб., 1988. Ч. 1. С. 182–185; 1989. Ч. 2. С. 49–50. *Шмурло Е.* Рим и Москва. Начало сношений московского государства с папским престолом 1462–1528 // *Записки русского научного института в Белграде.* 1934. Т. 3. С. 31–137; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 176–215. Beide Untersuchungen über die Korespondenz des Moskowitischen Reiches mit Papsttum im XIV–XV Jh. erläutern auch die Umstände des Erscheinen der imitierten Urkunden.

einem Schismatiker, dem Italiener Aristoteles Fiorovanti, 1475 der Bau der Kremlkathedrale anvertraut wurde). Gleichzeitig benötigte man im Zusammenhang mit dem Untergang des zweiten Rom und zur Ankündigung des Aufstiegs Moskaus als des dritten und ewigen Rom einen historischen Hintergrund.

Nach regem Austausch von Gesandtschaften mit Rom während der Jahre 1468–1472 fanden noch einige weitere (in den Jahren 1474, 1483, 1488, 1501, 1515 und 1517) statt, wobei es den Päpsten um die Gewinnung Ivans III. und später seines Sohnes Vasilij III. für eine Kirchenunion und einen Kreuzzug gegen die Türken ging. Die Bemühungen um eine Allianz, auch von seiten der Kaiser Friedrich II. und Maximilian I., vermittelten dem Moskauer Herrscher ein Machtgefühl, an dem auch die Moskauer Kirche teilhatte. Nach der Überwindung der Spannungen mit Ivan III. wegen dessen Säkularisierungsbestrebungen hat sich die Kirche 1508 zu einer engen Zusammenarbeit mit Vasilij III. entschlossen; Metropolit Daniil, der die Abfassung der Nikonchronik besorgen ließ, gehörte zu den engsten Beratern des Moskauer Herrschers. Das Vorbild des hl. Wladimir der Großen, der schon, als das Christentum in der Rus' noch in der Wiege lag, mit dem Neuen Rom Kontakte zu pflegen verstand, aber auch bereit war, sich von Gesandtschaften aus dem alten Rom ehren zu lassen, und dabei sein Land in der Rechtgläubigkeit zu halten vermochte, lieferte für die Handlungen seiner rechtgläubigen Erben die religiöse und politische Begründung.

In der moskowitischen Betrachtungsweise der Bekehrung hl. Vladimirs verfügte somit die vorgenommene Fälschung mit dem schon erwähnten Bericht der Nestorchronik über eine authentische Grundlage. Man möchte glauben, dass, wo es eine bezeugte päpstliche Gesandtschaft gab, schon einige andere gewesen sein mussten. Diese Interpolationen, die gemäß der damaligen Zeit, der damaligen Möglichkeiten sowie gemäß der damaligen Bildung und Geschichtskennntnis vorgenommen wurden, ist man heute bereit, — doch wegen der unzulänglichen Kenntnis der religiösen und politischen Mentalität des mittelalterlichen Menschen zu Unrecht — als primitive, leicht erkennbare Fälschungen zu betrachten. Unter den Jahren 986, 988 und 979,990–1000²⁹ finden wir außer diesen

²⁹ ПСРЛ. СПб., 1862 (репринт — 1965). Т. IX. С. 39, 42, 57, 64, 68; Papstregesten. Nr. 667, 685, 904. Englische Übersetzung des PSRL Bd. 9 wurde vor einigen Jahren in USA herausgegeben.

vom Papst „mit Liebe und Ehre“ geschickten Gesandtschaften auch andere Einschübe; es wurde wiederholt unterstrichen, dass Wladimir den „griechischen Glauben“ angenommen hat und dass er Metropolit und Bischöfe vom Patriarchen Photios (†886) erhalten hat. Der Verfasser der Nikonchronik scheint dem Umstand keine Bedeutung zuzumessen, dass Patriarch Photios mehr als 100 Jahre vor Wladimir gelebt hat. Für ihn ist wichtig mitzuteilen, dass Photios, die stärkste Säule der Orthodoxie und der gerechteste Wegweiser der Rechtgläubigkeit, an der Gründung der russischen Kirche und der Unterweisung Wladimirs unmittelbaren Anteil hatte. Wiederholt wird in der Nikonchronik darauf hingewiesen, dass die ersten beiden Metropoliten (deren Namen eine Erfindung des 13. Jahrhunderts sind) und die ersten Bischöfe von Photios geweiht und zu Wladimir gesandt wurden. Der Verfasser der Nikonchronik lässt uns auch wissen, dass Wladimir Gesandtschaften nicht nur aus dem alten und dem neuen Rom, sondern auch aus Babylon, Ägypten und Jerusalem empfangen hat. Dies entspricht sicher nicht den Tatsachen; aber wenn dies auch erfunden wurde, so stammen die Erfindungen doch aus dem kirchengeschichtlichen Wissensfundus, der über die Jahrhunderte zur Grundlage des russischen Christentums wurde. So sollte man in den Berichten über Wladimirs des Großen Rom-Kontakte nicht in erster Linie eine Fälschung sehen, sondern einen wichtigen Hinweis auf die Ideologie der im Aufstieg befindlichen Moskauer Macht.

Es ist nicht verwunderlich, dass das konfessionelle Schrifttum nicht bereit war, auf dieses angebliche Ost-West-Geschehen um die Jahrtausendwende zu verzichten. Für den einen bezeugte es die Anwesenheit Roms bei der Geburt des ostslawischen Christentums, für andere gar die Bereitschaft Wladimirs und der russischen Kirche, das alte und das neue Rom gleichermaßen zu ehren. Und für dritte wiederum erbrachte es den Beweis, dass Wladimir sich den Glauben nicht einfach von den Griechen aufdrängen ließ, sondern sich in seiner Wahl bewusst für die Orthodoxie entschieden hat.

Und wie kam es dazu, dass in diese ganze Geschichte der Gesandtschaften zwischen Rom und Kiew die Ottonen und Theophanu involviert wurden? Francis Dvornik war bereit, die Berichte der Nikonchronik über die päpstlichen Gesandtschaften als im Kern glaubwürdig zu betrachten; ihm war jedoch bewusst, dass Papst Johannes XV. um das Jahr 990 und Papst Silvester II. um das Jahr 1000 wegen der damaligen Verhältnisse in Rom kaum an solche

Legationen denken konnten, und er stellte die These auf, dass die erste Gesandtschaft im Einvernehmen mit Kaiserin Theophanu und die zweite unter Absprache mit Otto III. unternommen wurden³⁰. Wenn man aber heute dieser Hypothese Dvorniks folgt, vergisst man eine wichtige Voraussetzung, die nun nicht mehr gegeben ist. Fr. Dvornik huldigte nämlich der zwar angezweifelt, aber bis in die 1950er Jahre hartnäckig verteidigten These, dass Theophanu zu den purpurborenen Kaiserkindern gehörte³¹. Unter dieser Annahme war Theophanu die Schwester oder zumindest eine Verwandte (nach Dvornik eine Cousine) von Porphyrogenneta Anna³², die dann Ottos III. Tante gewesen wäre. Wenn nun heute als sicher gilt, was schon Thietmar wusste, Johannes Moltmann (1878) und Percy E. Schramm (1924) annahmen, so stammten die beiden Damen aus aristokratischen Familien, die sich im Bürgerkrieg 986–990 gegenseitig bekämpften. Verwitwete Kaiserin Theophanu mit Kinderjungen Sohn hatten also in Kiew keine Not um bei Schwager und Schwester des Basileios II., des Erzfeindes der Phokaden und der Skleroi, Beistand zu suchen.

* * *

In der Geschichtsschreibung des 20. Jahrhunderts wurde die Ostpolitik der Ottonen als Baustein in den visionären Plänen des Aufbaus eines christlichen Imperiums, das vom „ewigen Rom bis zu den Toren Kiews reichte“, bewertet. Die Überprüfung der erhaltenen Überlieferung erlaubt es, die Frage „Gab es eine ottonische Ostpolitik, die die Kiewer Rus‘ im Blickfeld hatte?“ ablehnend zu beantworten.

³⁰ V. Dvornik *Fr. The Making of Central and Eastern Europe*. L., 1949. P. 173–175, 179–180. Gilbert von Aurillac als wichtigste Berater des jüngeren Kaiser erreichte nicht wenig bevor selbst zum Silvester II. wurde, aber die Lage in Rom blieb zu verwirrt. Die Übersicht Silvesters Tätigkeit im Lichte der Vorschungen am Neigung des 20 Jh. v. *Brandmüller W. Silvester II. Römischer Primat an der Schwelle zum 2. Jahrtausend* // *Estrato dal Bulletino dell' Instituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. Roma, 2002. № 104. S. 1–29.

³¹ Sprach dafür in einige Beiträgen, zum letztenmal *Uhlirz M. Zur Frage der Herkunft der Kaiserin Theophanu und der Brautwerbung ihres Sohnes, Kaiser Ottos III.*, in *Byzanz // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters*. 1957. Bd. 13. S. 369–391. Lit. v. in: *Wolf G. Kaiserin Theophanu*. S. 301–307.

³² Über die Schwester des Kaisers Basileios II. und König Wladimirs den Großen Gemahlin (geb. 963 †1011) v. *Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus'*: *Byzantine-Russian Relations between 986–89* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Vol. 30. P. 223–241.

LITERATUR

- Adalbert*. Continuatio Reginonis / A. Bauer, R. Rau // Quellen zur Geschichte der Sächsischen Kaiserzeit (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters 8). Darmstadt, 1977. S. 185–231.
- Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum — Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte / B. Schmeidler. 3. Aufl. Leipzig, 1917 (MGH SRG. [T. 2]).
- Angenendt A.* Kaiserherrschaft und Königstaufe. Berlin, 1984.
- Annales Bertiniani* / G. Waitz. Hannover; Leipzig, 1883 (MGH SRG. T. [5]).
- Beumann H.* „Laurentius und Mauritius“. Zu den missionpolitischen Folgen des Ungarnsieges Ottos des Großen // Festschrift für Walter Schlesinger / H. Beumann. Köln; Wien, 1973/74. Bd. 2. S. 238–275.
- Beumann H.* Die Ottonen. Stuttgart, 1987.
- Beumann H.* Theutonum nova metropolis. Studien zur Geschichte des Erzbistums Magdeburg in ottonischer Zeit. Köln; Wien, 2000. S. 217–228.
- Brackmann A.* Die Ostpolitik Ottos des Großen // *Brackmann A.* Gesammelte Aufsätze. Zu seinem 70. Geburtstag am 24. Juni 1941 von Freunden, Fachgenossen und Schülern als Festgabe dargebracht. Weimar, 1941. S. 140–153.
- Brackmann A.* Die Ostpolitik Ottos des Großen // *Historische Zeitschrift*. 1926. Bd. 134. S. 242–256.
- Brackmann A.* Magdeburg als Hauptstadt des deutschen Ostens. Leipzig, 1937.
- Brandmüller W.* Silvester II. Römischer Primat an der Schwelle zum 2. Jahrtausend // *Estrato dal Bulletino dell’Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. Roma, 2002. № 104. S. 1–29.
- Claude D.* Geschichte des Erzbistums Magdeburg bis in das 12. Jahrhundert (Mitteldeutsche Forschungen 67). Köln; Wien, 1972. 2 Bde.
- Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil’vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent’evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat’evskaja und Chlebnikovskaja, und ins Deutsche übersetzt / L. Müller. München, 2001 (Handbuch zur Nestorchronik. Bd. 4).
- Die Regesten des Kaiserreiches unter Otto III., 983–1002 / Neubearbeitet von M. Uhlirz. Graz; Köln, 1957.
- Dvornik Fr.* The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949.
- Eickhoff E.* Kaiser Otto III. Die erste Jahrtausende und die Entfaltung Europas. Stuttgart, 1999.
- Fried J.* Theophanu und die Slawen. Bemerkungen zur Ostpolitik der Kaiserin // Kaiserin Theophanu. Gedenkschrift des Kölner Schnütgen-Museums zum 1000. Todesjahr der Kaiserin. Köln, 1991. Bd. II. S. 361–370.
- Hauck K.* Erzbischof Adalbert von Magdeburg als Geschichtsschreiber // Festschrift für Walter Schlesinger / H. Beumann. Köln; Wien, 1973/74. Bd. 2. S. 276–353.

- Lintzel M.* Ausgewählte Schriften. Berlin, 1961. 2 Bde.
- Liutprand.* Antapodosis / A. Bauer, R. Rau // Quellen zur Geschichte der Sächsischen Kaiserzeit (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters 8). Darmstadt, 1977. S. 244–495.
- Müller L.* Zum Problem der hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln, 1959.
- Papstregesten. Sächsische Zeit, 911–1024 / Neubearbeitung von H. Zimmermann. Wien, 1969.
- Poppe A.* Svjatoslav the Glorious and the Byzantine Empire // *Byzantina et Slavica Cracoviensia*. Cracow, 2007. T. V. P. 133–138.
- Poppe A.* Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslaven in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jh. // *Österreichische Osthefte*. 1988. Bd. 30. S. 456–507.
- Poppe A.* Once again concerning the baptism of Olga, Archontissa of Rus' (with Addendum) // *Christian Russia in the Making* (Variorum Collected Studies Series). Farnham, 2007. P. 271–279a.
- Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Vol. 30. P. S. 223–241.
- Prinz F.* Grundlagen und Anfänge. Deutschland bis 1056. München, 1985.
- Schmid H.F.* Otto I. und der Osten // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. Supplement 20 (1): Festschrift zur Jahrtausendfeier der Kaiserkrönung Ottos des Großen. Graz; Köln, 1962. S. 70–106.
- Schramm G.* Altrußlands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002.
- Tellenbach G.* Zur Geschichte der Päpste im 10. und frühen 11. Jahrhundert // *Festschrift für Josef Fleckenstein zu seinem 65. Geburtstag*. Sigmaringen, 1984. S. 171–173.
- Thietmar von Merseburg.* Chronik / Neu übertr. und erd. von W. Trillmich // *Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters 9*. Berlin, 1957.
- Uhlig M.* Zur Frage der Herkunft der Kaiserin Theophanu und der Brautwerbung ihres Sohnes, Kaiser Ottos III., in Byzanz // *Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters*. 1957. Bd. 13. S. 369–391.
- Urkundenbuch des Erzstiftes Magdeburg / Hrsg. von der Landesgeschichtlichen Forschungsstelle für die Provinz Sachsen und für Anhalt. Bearb. von F. Israel unter Mitwirkung von W. Möllenberg. Magdeburg, 1937. B. I.
- Wolf G.* Kaiserin Theophanu. Prinzessin aus der Ferne — des Westreichs Große Kaiserin. Köln, 1991.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI–XII веков. М., 2001.

Назаренко А.В. Русь и Германия при Святославе // История СССР. 1990. № 2. С. 60–74.

Поппе А. Студиты — просветителями Руси // 22nd International Congress of Byzantine Studies, Sofia 22–27 August 2011. Sofia, 2011. Vol. 1: Plenary Papers. P. 131–141.

Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря (Ruthenica. Supplementum 3). Київ, 2011.

ПСРЛ. 14/2 (указатель к ПСРЛ IX–XIV/1). СПб., 1910.

ПСРЛ. СПб., 1862 (репринт — 1965). Т. IX.

ПСРЛ. Л., 1926. Т. I.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. СПб., 1988. Ч. 1.; 1989. Ч. 2.

Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

Шмуrho Е. Рим и Москва. Начало сношений московского государства с папским престолом 1462–1528 // Записки русского научного института в Белграде. 1934. Т. 3. С. 31–137.

А.В. Поппэ

ИМЕЛА ЛИ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ОТТОНОВ В ВИДУ КИЕВ?

Аннотация: Немецкая историография XX в. развила идею, что Оттоны продолжили христианскую политику Карла Великого, окрещивая евангелием и мечом германские и славянские племена далее на восток вплоть до Днепра. Однако из данных Магдебургской митрополии следует, что с 968 по 1000 г. политические и церковные рубежи закрепились на Эльбе и Саале, за исключением Познанского епископства за рекой Одра.

Прибывшая осенью 959 г. во Франкфурт правительница Руси Ольга-Елена была принята архиепископом Майнца Вильгельмом (сыном Оттона I), исполнявшим также обязанности государственного канцлера и представителя Германии при папе Иоанне XII. Беседа с Оттоном, Ольга поняла, что этот выдающийся государь серьезно готовится стать владыкой державы и церкви (коронован в Риме 2 февраля 962 г.). Она уразумела, что пока ее сын Святослав не желает стать христианином, Византия имеет все основания отказываться поставить Киеву епископа. Оттон предложил пока что отправить в Киев норманнскую миссию. Он уполномочил архиепископа Бремена и Гамбурга Адальдага, полноправного по миссионерству в скандинавских, все еще идолопоклоннических, странах, приготовить подобную варяжскую миссию в Киев. Посвященный в епископы Адальберт с группой из 24–30 монахов достиг Киева летом 961 г., где власть к тому времени перенял сын Ольги Святослав, упразднивший регентство матери. Принудительно по-

сланный на Русь еп. Адальберт, будучи лишен привычной охраны и слыша оскорбительное «называние веры христианской *уродством*», убрался с миссией монахов восвояси. А после 968 г., став архиепископом Магдебургским, в хронике *Продолжателя Регинона* (которой он был вероятным составителем) без объяснений обвинил Ольгу в «неискренности».

Оттон II (973–983) попытался, правда без результата, включить в Римскую империю южную Италию. Его вдова, императрица Феофану (†991), участвовала в государственной политике, воспитании и образовании сына (Оттон III, 983–1002), заботилась также о положении саксонских славян после подавления их восстания. Но связывание их с восточными и ляхскими славянами лишено основания. Ошибочными догадками оказались родство и контакты Феофану с багрянородной Владимировой Анной.

В рамках создания универсальной христианской империи у Оттона III и ученых его круга во главе с будущим папой Сильвестром II (999–1003) возникла идея необходимости византийской супруги для римского императора. Но несколько документов, датированных 990-ми гг., оказались московскими подделками времени правления Ивана III и его сына Василия III.

Ключевые слова: Адальдаг, Адальберт, Анна Багрянородная, Вильгельм, архиепископ Майнца, княгиня Ольга, Оттон I Великий, Оттон III, папа Иоанн XII, папа Сильвестр II, Святослав Игоревич

А.Е. Мусин

БРАЧНЫЙ СОЮЗ ГЕНРИХА КАПЕТИНГА И АННЫ ЯРОСЛАВНЫ: ПРИЧИНЫ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: В статье дается анализ обширной историографии и немногочисленных письменных источников о браке 1051 г. французского короля Генриха I Капетинга и Анны, дочери князя Ярослава Мудрого, а также о судьбе королевы Анны после смерти супруга. Выделяются различные историко-культурные и научные подходы к оценке причин этого альянса. Отмечается мифологизированность этого сюжета в общественном сознании и его влияние на научные стереотипы. Предполагается отказ от историографической перспективы видения проблемы и переход к антропологическому прочтению европейских источников. В статье аргументируется недоверие к мнению о геополитическом характере матримониальных планов французского монарха и русского князя, а также сомнительность гипотезы, связывающей брак с удаленной княжеской фамилией со стремлением французской короны избежать союза в запрещенной Церковью степени родства. Дополнительно применяется контекстуальный анализ современной ситуации во *Франкии* и сопредельных странах, позволяющий уяснить возможные причины и последствия русско-французского брачного альянса. Автор обращает внимание на хронологическое совпадение между брачным проектом короля и конфликтом между Францией и Нормандией, начало которого относится к 1049 г. В это же время складывается коалиция между Нормандией, Англией и Фландрией, усиленная браком Вильгельма Завоевателя и Матильды Фландрской. Русско-французский брак следует рассматривать как попытку *Франкии* установить союз с королем Норвегии Харальдом, женатым на Елизавете, дочери Ярослава Мудрого и сестре Анны. Предполагается, что французский король рассчитывал использовать норвежскую военную активность в регионе Северного моря против англо-нормандско-фландрской коалиции. Новый брак Анны с графом Валуа Раулем IV де Крепи около 1061 г. также мог служить решению проблем *Франкии*. Информация об их отлучении от Церкви и изгнании с королевского двора не соответствует действительности, они продолжали активно участвовать в государственном управлении. Их брак мог стать частью политической системы, поддерживающей баланс сил между старой французской аристократией и новым регентским советом при молодом короле Филиппе. Одновременно он способствовал усилению позиций графа Рауля. Таким образом, «загадочный» брак Генриха и Анны был связан со

становлением государств Северо-Западной Европы в контексте существовавших отношений этой части континента с Древней Русью.

Ключевые слова: Киевская Русь, Франция, Нормандия, Норвегия, брачная политика, международные отношения, культ св. Климента Римского, критика источников, исторические стереотипы

На протяжении XI столетия в разных частях Европы происходили схожие социально-политические процессы. На месте раннегосударственных образований начали складываться государства национального типа. Они определяли свои границы и столицы, выстраивали отношения с соседями, стремились установить внутренний баланс политических сил. В ряде случаев эти новые задачи решались архаически путем заключения матримониальных союзов. Характерно, что именно на XI в. приходится наибольшее число брачных союзов между европейскими правителями. В ряду этих событий свое место занимает и женитьба короля Франции Генриха I (1008–1060 гг.; король с 1031 г.) на Анне, дочери киевского князя Ярослава, о существовании которой, как и о самом браке, нам известно из европейских источников.

В исторической науке этот брак характеризуется как «экзотический», «загадочный», «невероятный» и «необъяснимый». Обстоятельства заключения этого брака будоражили уже воображение современников. Жизнеописание внука Генриха и Анны, короля Людовика VI, рассказывает о рубине, который якобы был привезен из Руси в качестве свадебного дара¹. Подобным образом к дарам Анны Ярославны было причислено и т. н. Реймское евангелие, которое представляет собой конволют, созданный в 1395 г. в Праге и попавший во Францию только в XVI в., кириллическая часть которого, впрочем, восходит к XI в.²

Недоумение, вызванное этим браком, отразилось в обильной историографии, публицистике и беллетристике. Чтобы вернуться к историческим реалиям, необходимо освободиться от «историографического бремени», предварительно оценив его позитивный по-

¹ Suger. Vie de Louis VI le Gros / H. Waquet. P., 1964. P. 276.

² Основные исследования и общую информацию см.: Jadart H. Le Dossier de l'Évangélique slave à la bibliothèque de Reims. Besançon, 1902; Жуковская Л.П. Реймское евангелие. История его изучения и текст. Предварительные публикации (Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Институт русского языка АН СССР. Вып. 114). М., 1978; Реймське Евангеліє Анни Ярославівни / В. Александрович. Львів, 2010.

тенциал. Историографический обзор стоит начать с «романтической традиции» XVII в. Тогда брак связывали с «добродетелями» и «красотой» невесты³. Столетием позже были сформулированы его воображаемые причины, некритическое использование которых в различных комбинациях легло в основу практически всех последующих исследований. Прежде всего, считалось, что французская корона решила на этот шаг из-за большого влияния Руси на европейскую политику XI в. Другим побудительным мотивом найти невесту на окраине христианского мира называлось желание избежать конфликта с Римской церковью, которая запрещала близкородственные браки. В этом союзе был якобы заинтересован и Рим, намеревавшийся таким образом войти в сношения с Русью⁴.

Среди российских историков Н.М. Карамзин был первым, кто относительно подробно остановился на обстоятельствах брака Анны⁵, тогда как В.Н. Татищев и С.М. Соловьев лишь кратко упомянули о нем⁶. В начале XIX в. трудами российских исследователей началось собирание корпуса связанных с Анной источников. А. Лобанов-Ростовский первым опубликовал акты французских королев, упоминавшие Анну. Обратив внимание на то, что в актах королева именуется то Анной, то Агнессой, он предположил, что после схизмы 1054 г. ей пришлось принять латинскую веру, что привело к перекрещиванию⁷. Однако нам ничего не известно о канонических предписаниях середины XI в., касающихся перехода из византийского обряда в латинский⁸. В этом смысле послание

³ *de Mézeray F.E.* Histoire de France depuis Faramond jusqu'à maintenant. P., 1643. Vol. 1. P. 398–399.

⁴ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie, et de principales nations de l'Empire Russe. 4e éd. P., 1812. T. 1. P. 208–209; *Voltaire.* Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII... // *Voltaire.* Oeuvres complètes. P., 1817. Vol. 4. P. 267–268.

⁵ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. С. 24, 207–208.

⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 224; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 1. Т. 1–2. С. 218.

⁷ *Lobanoff de Rostoff A.* Recueil de pièces historiques sur la reine Anne ou Agnès, épouse de Henri Ier, roi de France et fille de Iarosslaf Ier, grand-duc de Russie, avec une notice et des remarques. P., 1825. P. V–X, 20, 51.

⁸ Византийская практика перекрещивания латинян при их переходе в восточный обряд известна, начиная с XI–XII вв. Она просуществовала до 1484 г., после чего возобновилась лишь в XVIII в. Такая практика неизменно осуждалась Римской церковью, которая, за редким исключением, ей не следовала (*Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1978. P. 40, 74–77). В Московской Руси этот обычай сложился в XV–XVI вв., хотя отдельные свидетельства о нем

1059 г. папы Николая II *ad Reginem Galliae*, не названной по имени⁹, никак не доказывает догадки А. Лобанова-Ростовского.

Вместе с тем двойственность именованья Анны в актах заслуживает внимания. Употребление форм *Agne/Agnes* ограничивается лишь двумя грамотами ее сына Филиппа, датируемыми в пределах 4 августа — 25 ноября 1060 г. Начиная с 14 мая 1061 г. королева упоминается в документах только с «православным» именем, а в грамоте 1063 г. ставит свою уникальную кириллическую подпись АНАРЪННА. После кончины в актах *pro remedio animae* она вновь выступает как Анна¹⁰. Ситуация с использованием «латинизированного» имени королевы может быть понята, исходя из практики королевской канцелярии. При молодом короле Филиппе ее составляли архиканцлер Гервасий, архиепископ Реймский, канцлер Бодуэн и нотариус Евстафий¹¹, т. е. те же

вроде бы встречаются и в более раннее время. Не исключено, что он стал реакцией на перекрещивание православных в Болгарии, Венгрии и Польше, практиковавшееся в 1360–1370-х гг. францисканцами и королем Казимиром Великим (*Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. Paris, 1990. С. 86, 391–392). Однако лишь в период 1620–1667 гг. в Московском царстве перекрещивание получило каноническое обоснование.

⁹ *Epistola Nicolai II pape ad Annam reginam // Recueil des Historiens des Gaules et de la France / M. Bouquet. P., 1767. Т. 11. P. 653–654.*

¹⁰ Перечень королевских актов, упоминающих Анну, и обоснование их хронологии см. в: *Prou M. Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France (1059–1108). P., 1908. № II. P. 7 ([11] cum matre regina; 1060 г., после 4 августа); № III. P. 12 ([2] cum regina matre; 1060 г.); № IV. P. 14 ([29] Agne Regine; 1060 г., после 4 августа); № V. P. 17 ([6] A. Regina; 1060 г., после 4 августа); № VI. P. 20 ([2] matris ejus Agnetis; 1060 г., 25 ноября); № X. P. 31, 433 ([12] matris nostre Anne, [28] Annae reginae; 1061 г., 14 мая); № XIV. P. 43 ([8], genitricis mee Anne; 1060–1061 гг.); № XVI. P. CXXXIV, 48 (кириллическая подпись АНАРЪННА; 1063 г.); № XVIII. P. 53 ([6] Anna regina; 1065 г., 26 января); № XIX. P. 56 ([4] matre; 1065 г., до 4 августа); № XXXII. P. 98 ([19] Anna regina; 1067 г.); № XXXVI. P. 106 ([6] A. gratia Dei Francorum regina; 1060–1067 гг.); № XLIII. P. 121 ([20] mater mea nomine Anna; 1069 г., до 4 августа); № LXXV. P. 191 ([19] Anne matris Philippi regis; 1075 г., до 23 мая); № CXXX. P. 330 ([9] Anna); 1072–1092 гг.).*

¹¹ *Prou M. Recueil des actes de Philippe. P. LXVIII* ; по поводу методов работы королевской канцелярии в это время см.: *Guyotjeannin O. Les actes d'Henri Ier et la chancellerie royale dans les années 1020–1060 // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. 1989. Janvier-mars. P. 81–97; Idem. Les actes établis par la chancellerie royale sous Philippe Ier // Bibliothèque de l'École des chartes. 1989. T. 147. P. 29–48; Idem. Actes royaux français. Les actes des trois premiers Capétiens (987–1060) // Typologie der Königsurkunden (Kolloquium der Commission Internationale de Diplomatique in Olmütz 30.8.–3.9.1992) / J. Bistrický. Olomouc, 1998. P. 43–63; Dufour J. Typologie des actes de Philippe Ier (1060–1108) et de Louis VI (1108–1137), rois de France // Typologie der Königsurkunden. P. 65–99.*

лица, которые занимались делопроизводством короля Генриха. Очевидно, в своей деятельности они руководствовались ономастиком, сложившимся при покойном государе, где имя Анны фигурирует лишь в трех грамотах ее супруга¹². Формы имени королевы в акте, подписанном между 23 мая 1059 г. и 4 августа 1060 г. в пользу аббатства св. Ремигия в г. Санс, и в акте в пользу аббатства Сан-Мор-дэ-Фоссэ (12 июля, между 1054 и 1058 гг.) нам установить не удалось¹³. Однако существовал еще один документ, относимый к октябрю 1055 г. — августу 1060 г. и подтверждавший возрождение архиепископом Гервасием монастыря св. Никезия в Реймсе. Акт ныне утрачен, но он цитируется в церковной переписке XVII в. Здесь Анна названа *Agnes*¹⁴.

Факт кириллической подписи королевы 1063 г. способен подтвердить то, что, прожив более 10 лет во Франции, Анна сохранила не только свое имя, но и особенности славянского происхождения латинских слов, отсылающие нас к южному диалекту восточнославянского языка¹⁵. Представляется, что новое положение королевы-матери в регентском совете позволило ей со временем отказаться от «навязанной» латинизированной формы собственного имени. Уникальное использование кириллической подписи стоит рассматривать как культурно-антропологический жест, символизирующий победу средневековой женщины-аристократки над внешними обстоятельствами¹⁶. В связи с этим нельзя не по-

¹² *Dhondt J.* Sept femmes et un trios des rois // Contributions à l'histoire économique et sociale. 1964–1965. Т. 3. P. 53.

¹³ *Soehnée F.* Catalogue des actes d'Henri Ier, roi de France: 1031–1060. P., 1907. P. 103–105, 125–126, № 102, 123.

¹⁴ *Flodoard de Reims.* Metropolis Remensis historia / G. Marlot. Insulis, 1666. Т. 1. P. 646. Ср.: *Soehnée F.* Catalogue des actes d'Henri. P. 105–106, № 104.

¹⁵ О подписи и полемике см.: *Мельников Е.И.* О языке и графике подписи Анны Ярославны // Славянское языкознание. Сб. статей / В.В. Виноградов. М., 1959. С. 113–119; *Shevelov G.Y.* On the So-called Signature of Queen Ann of France (1063) // Linguistic and Literary studies in honor of Archibald A. Hills / M.A. Jazayery et al. Hague et al., 1978. Vol. 3: Historical and Comparative Linguistics. P. 249–256; *Зализняк А.А.* Подпись Анны Ярославны и вопрос о некнижном письме в древней Руси // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3: К 75-летию Вяч. Вс. Иванова. С. 139–147; *Poppe A., Poppe D.* The Autograph of Anna of Rus', Queen of France // Journal of Ukrainian Studies. 2009. Vol. 34. P. 401–406.

¹⁶ А. и Д. Поппэ, обратив внимание на то, что в самом акте 1063 г. королева-мать никак не упомянута, связывают появление подписи с чрезвычайными обстоятельствами. Заметив этот пропуск, очевидно, осознанно допущенный с целью устранить Анну от дел, королева, по их мнению, в эмоциональном порыве собственноручно восстановила свои права, поставив здесь свою подпись и намеренно

жалеть, что Анне не нашлось места на страницах книги, посвященной женщинам династии Капетингов¹⁷.

Упомянем здесь же и историю с обнаружением в аббатстве Вилльер в г. Серни (Фэртэ-Аллэ, Эссон) фрагментированной надгробной плиты, сегодня утраченной, с предполагаемой надписью «*Nic jacet domina Agnes uxor quondam Henrici regis*». Плиту видел, по его собственному признанию, известный знаток древностей иезуит Клод-Франсуа Менэстрие (1631–1705)¹⁸. Какую-либо связь королевы, скончавшейся в XI в., и обители, основанной в 1220-х гг., предположить затруднительно. Впрочем, изготовление подобных надгробных плит и даже кенотафов¹⁹ хорошо вписывается в наши знания о развитии средневековых надгробий во Франции XIII в.²⁰. Нельзя при этом не вспомнить, что среди первых благотворителей аббатства упомянуты «*cambellanus domini Ludovici*» Эрлуаний де Мелан и его жена *Agnes*, а также другая *Agnes*, вдова Арсье Беру²¹, которым и могла принадлежать надгробная плита. Интересно, однако, отметить, что главная часовня аббатства посвящена св. Анне.

Следующий этап развития историографии приходится на время военно-политической Антанты между Россией, Францией и Великобританией. Сам брак с принцессой из далекой страны стал

сделав славянские буквы крупнее латинских литер (*Poppe A., Poppe D. The Autograph of Anna of Rus'. P. 403–404, 406*). Напротив, Ю.В. Шевелёв, считая, что подобная подпись в качестве скрепы документа не характерна для королевских грамот того времени, полагает, что кириллическая надпись была нанесена на документ позднее кем-то из окружения королевы или даже из членов аббатства (*sic!*) в качестве пояснения (*Shevelov G.Y. On the So-called Signature of Queen Ann. P. 250*).

¹⁷ *Capetian women* / K. Nolan. N.Y., 2003.

¹⁸ *Menestrier Cl.-F. Nouvelles découvertes pour l'histoire de France // Journal des Savants. 1682. 22 juin. P. 188; Anselme de Sainte-Marie. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France, des pairs, des grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy. P., 1725. T. 1. P. 73; критическое отношение к находке см.: Gallia Christiana in provincias ecclesiasticas distributa: qua series omnium archiepiscopum, episcoporum et abbatum regionum omnium quas vetus Gallia complectebatur... / J.-V. Le Clerc. P., 1770. T. 12. P. 242.*

¹⁹ О такой интерпретации и даже возможном перенесении останков Анны в Вилльер см.: *Velly P.F. Histoire de France, depuis l'établissement de la monarchie jusqu'au règne de Louis XIV. P., 1775. P. 385.*

²⁰ *Dectot X. Pierres tombales médiévales: sculptures de l'au-delà. P., 2006. P. 37–38.*

²¹ *Fleureau B. Histoire de l'Abbaye de Notre-Dame de Villiers: de l'Ordre de Cîteaux, au diocèse de Sens, près La Ferté Alais...: 1220–1669. Fontainebleau, 1893. P. 14, 18 (note 26), 113.*

объясняться, в том числе, желанием обзавестись потомством для укрепления династии Капетингов²². Появились и публикации источников и исследования, посвященные правлениям Генриха I и Филиппа I. Они ответили на ряд вопросов, касающихся количества свадебных посольств, а также даты самого брака²³. Очевидно, в Киев отправилось только одно посольство в 1049 г., в котором одновременно участвовали епископ Шалонский Роже, упомянутый в т. н. Реймской глоссе²⁴, и Госселан де Шони, епископ Мо, совместно с Кларием Готье, которые фигурируют в Хронике Клария из Санса²⁵. Несмотря на то, что эти лица были упомянуты источниками по отдельности, речь должна идти об одном и том же событии. Свадьба, согласно таким источникам, как «Annales Vindocinenses», «Gesta pontificum Cameracensium» и «Vita sancti Lietbertis», состоялась на праздник Пятидесятницы 19 мая 1051 г. одновременно с посвящением св. Лиетберта в епископы Камбрэ²⁶. Однако эти исследования практически не затрагивали

²² *Caix de Saint-Aymour A.* Anne de Russie, reine de France et comtesse de Valois au XIe siècle. P., 1896. Перипетии французских отношений с Восточной Европой в XX в. всегда способствовали появлению публикаций, порожденных, по меткому выражению Робера-Анри Ботье (*Bautier R.-H.* Anne de Kiev, Reine de France, et la politique royale au XIe siècle, étude critique de la documentation // *Revue des études slaves*. P., 1985. Vol. 57 (4). P. 541), скорее доброй волей, чем здравым смыслом; их оценку и библиографию см. в моей работе: *Мусин А.Е.* Анна Киевская: между историографией и историей // *Княжа доба: історія і культура*. 2014. Вип. 8. С. 134–172.

²³ *Soehnée F.* Catalogue des actes d'Henri Ier, roi de France: 1031–1060. P., 1907; *Prou M.* Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France (1059–1108). P., 1908. P. XVII–XX; *Fliche A.* Le Règne de Philippe Ier, roi de France (1060–1108). P., 1912. К сожалению, нам не удалось познакомиться с диссертацией Фредерика Созэн «Исследование жизни и царствования Генриха I, короля Франции, 1008–1060» (см. о ней: *Soehnée F.* Étude sur la vie et le règne de Henri Ier, roi de France, 1008–1060 // *École nationale des chartes: Positions des thèses soutenues par des élèves de la promotion 1891 pour obtenir le diplôme d'archiviste-paléographe*. P., 1891. P. 45–51).

²⁴ *Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France: Départements*. P., 1904. T. 38: Reims. T. 1 / H. Loriquet. P. 23.

²⁵ *Chronicon sancti Petri Vivi Senonensis* // *Bibliothèque historique de l'Yonne, ou collection de légendes: chroniques et documents divers* / L.-M. Duru. Auxerre, 1863. T. 2. P. 506.

²⁶ *Halphen L.* Recueil d'annales angevines et vendômoises. P., 1903. P. 62; *Ex vita Sancti Lietberti Episcopi Cameracensis, Auctore Radulpho, coaevo S. Sepulchri Monacho* // *Recueil des Historiens des Gaules et de la France* / M. Bouquet. P., 1767. T. 11. P. 481; *Gesta Lietberti episcopi* // *Gesta episcoporum Cameracensium* / L.C. Bethmann (MGH SS. 7). Hannover, 1846. P. 490–492; *Raoul de Cambrai (de Saint-Sépulcre). Vita Lietberti episcopi Cameracensis* / A. Hofmeister (MGH SS. 30 [2]). Leipzig, 1934. P. 80.

тем, связанных с причинами самого брака. Рискнем предположить, что эти ученые приняли гипотезу о стремлении Капетингов избежать конфликта с папством из-за «кровосмесительных» союзов. Впрочем, хорошо известно, что уже Оттон Великий в 972 г. и Гуго Капет в 987 г. ссылались на это обстоятельство в надежде на династические браки с Византией. Исследователи справедливо считают такие заявления частью стратегии по укреплению собственной легитимности через родство с императорами ромеев²⁷.

Напомним, что Гуго Капет, пытаясь реализовать брачный проект с Византией, рассчитывал на заключение брака между своим сыном Робертом и, скорее всего, Анной, дочерью императора Романа II и сестрой Василия II и Константина VIII, которая стала впоследствии супругой князя Владимира Святого и бабкой Анны Ярославны. Возможно, уже в январе 988 г. при французском дворе стало известно, что Анна выходит замуж за Владимира²⁸. Иногда считается, что брак Генриха и Анны 60 лет спустя стоит рассматривать как своеобразный способ реализовать давнюю мечту — облагородить род «европейских выскочек»²⁹. Даже сегодня во французской историографии принято считать, что Капетинги обязаны имени *Филипп* браку с Анной, которая по материнской линии происходила из Македонской династии³⁰, однако среди Рюриковичей и македонских династов в Византии это имя, присутствующее и в латинском календаре, не было известно.

В XX в. появились новые попытки объяснить русско-французский брак. Его инициативу приписывали Ярославу, который стремился установить систему брачных альянсов с правящими

²⁷ *Vasiliev A.* Hugh Capet of France and Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1951. Vol. 6. P. 231; *Soehnée F.* Étude sur la vie et le règne de Henri. P. 45.

²⁸ *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–989 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Vol. 30. P. 232–235.

²⁹ *Olivier-Martin F.* Études sur les régences. 1: Les Régences et la majorité des rois sous les Capétiens directs et les premiers Valois (1060–1375). P., 1931. P. 23.

³⁰ *Theis L.* Histoire du Moyen Âge Français: chronologie commentée de Clovis à Louis XI: 486–1483. P., 1992. P. 94; *Dunbabin J.* What's in a Name? Philip, King of France // *Speculum*. 1993. Vol. 68 (4). P. 949–968. А. и Д. Поппэ полагают, что это имя могло быть дано новорожденному в связи с проповедью апостола Филиппа у скифов (*Poppe A., Poppe D.* The Autograph of Anna of Rus'. P. 402), к которым византийская этногеография возводила русов, однако это мнение, как кажется, не было присуще латинской историографии.

европейскими домами³¹. Исследователи ссылаются обычно на сообщение Ламберта Херсфельдского под 1042–1043 гг. о русском посольстве в Гослар и неудачной попытке брака дочери «короля Руси», предположительно, Анны, с германским императором Генрихом III³². Этот отказ, по некоторым суждениям, и вынудил Ярослава искать союза с европейскими монархиями, который был бы направлен против Германии. Помимо Генриха, в него мог войти и венгерский король Андрей I Арпадович. После провала русского похода на Константинополь в 1043 г. франко-русский союз мог быть направлен, по мнению некоторых исследователей, и против Византии³³.

Иногда инициатива приписывалась французской короне. В.Т. Пашуто полагал, что король рассчитывал на помощь Руси в борьбе с «феодальной лигой» графа Рауля IV де Крепи. Одновременно он рассчитывал на помощь варяго-русской дружины в борьбе с нормандцами³⁴. Эпизодическое участие «русов», возможно, варяжских наемников, в противостоянии Византии с нормандцами в Южной Италии действительно известно источникам. Конкретно речь шла о битве при Каннах в 1018 г.³⁵ и о битве при Мелфи 16 марта 1041 г.³⁶. Интересно, что это предположение, весьма умозрительное, в некотором смысле может оказаться верным.

³¹ *Dhondt J.* Sept femmes et un trios des rois. P. 55–56; *Hellmann M.* Die Heiratspolitik Jaroslavs des Weisen // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* Berlin, 1962. Bd. 8. P. 7–25.

³² *Lamperti Hersfeldensis Annales* / O. Holder-Egger (MGH SS rer. Germ. 38). Hannover, Leipzig, 1894. P. 58.

³³ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 559; *Он же.* Западноевропейские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия* / Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов. М., 2010. Т. IV. С. 137–138, прим. 80.

³⁴ *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 9, 132–133; *Он же.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // *Скандинавский сборник.* Таллин, 1970. Вып. XV. С. 53–55.

³⁵ *Adémar de Chabannes.* Chronique / Y. Chauvin, G. Pon. Turnhout, 2003. P. 208–209 (III, 55).

³⁶ *Cecaumeni strategicon: et incerti scriptoris de officiis regii libellus* / V. Wassilewski, V. Jrnshtedt. (Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Т. 38.). Petropolis, 1896. P. 30; *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 296. См. также: *Anonymus.* Annales Barenenses / G. Pertz (MGH SS. 5). Hannover, 1844. P. 54.

Франко-киевский союз рассматривался и в контексте геополитики. Он мог занимать определенное место в «новой наступательной стратегии римского христианства»³⁷. Однако источники ничего не знают о подобной стратегии. Высказывались предположения о связи этого брака с отношениями Франции и Германии. Так, некоторые исследователи предполагали, что Генрих Капетинг решил вступить в брак с Анной почти сразу после его примирительной встречи с императором Генрихом III в октябре 1048 г. в Ивуа (Кариньян, Шампань-Арденны) после военной кампании 1043–1045 гг. в Бургундии. Вероятно, именно тогда Анна могла быть упомянута как возможная невеста короля, о которой немецкий двор знал, по крайней мере, с 1043 г. Генрих мог согласиться с этим предложением, поскольку папский престол занимал ставленник императора, а конфликт из-за Лотарингии так и не был улажен. Существовали мнения, что брачный союз имел антигерманский характер, поскольку его инициатива могла принадлежать польскому правителю Казимиру Обновителю, супругой которого была тетка Анны и сестра Ярослава Мария Добронега³⁸.

«Германский» и даже «германо-русский след» в этом браке увидел и С. де Важе³⁹. Согласно его гипотезе, вторая супруга Генриха в 1034–1044 гг., «другая Матильда», иногда опускаемая историографией⁴⁰, которую источники выводят «ex cesarum progenie» и называют «neptis Heinrici Imperatoris»⁴¹, была Матильда Фризская, племянница Генриха III и дочь Людольфа Фризского и Гертруды Эгесхайм. Другая их дочь — Ида Фризская или Ида из Эльсдорфа от своего первого брака с Липполдом Штаденским⁴² имела четверых детей, в том числе дочь Оду, которая

³⁷ Journal de la France et des Français. Chronologie politique, culturelle et religieuse de Clovis à 2000 / F. Cibiel. P., 2001. P. 171.

³⁸ *Bautier R.-H.* Anne de Kiev. P. 545.

³⁹ *de Vajay S.* Mathilde, reine de France inconnue Contribution à l'histoire politique et sociale du royaume de France au XIe siècle // Journal des savants. 1971. T. 4. P. 241–260.

⁴⁰ *Dhondt J.* Sept femmes et un trios des rois. P. 53, 54; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 559; *Он же.* Западноевропейские источники. С. 102, 138.

⁴¹ *Miracula sancti Benedicti ab Adrevaldo, Aimoino, Andrea, Radulfo Tortario et Hugone de Sancta Maria, monachis Floriacensibus scripta* / E. de Certain. P., 1858. P. 252; *Ex Continuatione Historiae Aimoini monachi Floriacensis* // Recueil des Historiens des Gaules et de la France / M. Bouquet. P., 1767. T. 11. P. 276.

⁴² По поводу возможного отождествления *Lippoldi, filii domine Glismodis* с Лютпольдом Бабенбергом, маркграфом Венгерской марки, см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 512–514.

вышла замуж за брата Анны князя Черниговского Святослава Ярославича⁴³. Таким образом, вторая супруга Генриха оказывается не только близкой родственницей германского императора, но и свойственницей киевского князя. Если это так, то Генрих был традиционен в своей брачной политике, поскольку его первая невеста, тоже Матильда, скончавшаяся ребенком в 1033 г., была дочерью императора Конрада II.

Эта гипотеза могла бы многое объяснить. Даже «римский фактор» нашел бы здесь свое основание, поскольку Ода была не только внучатой племянницей германского императора, но и состояла в родстве с папой Львом IX (1049–1054) из рода Эгесхаймов. Ее бабка Гертруда приходилась тому сестрой⁴⁴. Однако это предположение сталкивается с непреодолимыми хронологическими противоречиями. Как было убедительно показано А.В. Назаренко, Ода не могла появиться на свет ранее 1040-х гг., и ее брак с князем Святославом должен относиться к 1071–1072 гг.⁴⁵.

Женитьбу на Анне связывали и с внутривосточными проблемами французского короля⁴⁶. Некоторые исследователи продолжают придерживаться мнения, что Капетинги стремились избегать конфликта с Римом из-за кровнородственных браков. Важную роль здесь играют труды П. Корбэ, который считает, что именно канонические проблемы привели к заключению «самого экзогамного брака в династической истории Франции»⁴⁷. Однако сам автор вынужден приводить дополнительную аргументацию, чтобы доказать последовательность папской политики в отноше-

⁴³ Отметим, что существуют и другие отождествления русского супруга Оды (см.: *Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle* (Orientalia Christiana. T. 35). Roma, 1927. P. 7. Tabl. 1, № 22, 25; *Кавтанов С.М.* Была ли Ода Штаденская женой великого князя Святослава Ярославича? // ВЕДС-[VI]: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. М., 1994. С. 16–18).

⁴⁴ *Annales Stadenses auctore Aiberto* // *Annales aevi Suevici* / J.M. Lappenberg (MGH SS. 16). Hannover, 1859. P. 319.

⁴⁵ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 512, 514–529.

⁴⁶ *Werner K.F.* Il y a mille ans, les Carolingiens: fin d'une dynastie, début d'un mythe // *Annuaire-Bulletin de la société de l'histoire de France*. 1993. Années 1991–1992. P. 87.

⁴⁷ *Corbet P.* Autour de Burchard de Worms: l'Église allemande et les interdits de parenté: IXeme — XIIeme siècle. Frankfurt am Main, 2001. Vol. 1. P. 264; *Idem.* In multis orbis partibus. Léon IX et les interdits de parenté (1049–1054) // *Léon IX et son temps. Actes du colloque internationale* / G. Bischoff, B.M. Tock. Turnhout, 2006. P. 347.

нии браков в запрещенных степенях родства⁴⁸. Источники свидетельствуют о снисходительной реакции папы Льва IX на союз Бодуэна VI Фландрского и Рихильды д'Эно в 1051 г. и на брак Вильгельма Нормандского и Матильды Фландрской, изначально запрещенный в 1049 г., но впоследствии одобренный. До этого Бруно, будучи епископом Тула, никак не отреагировал в 1043 г. на «кровосмесительный» брак Генриха III и его двоюродной сестры Агнессы из Пуатье. Все это заставляет предполагать, что позиция Церкви в этом вопросе была достаточно гибкой.

Что же касается «романтической традиции», то она получила свое развитие в формировании различных национальных историографий, традиционно воспроизводила устоявшиеся стереотипы и способствовала новому мифотворчеству⁴⁹. Однако существование параллельных сюжетов в публицистике и в научной литературе ставит вопрос об ответственности историков за присущий массовому сознанию антиисторизм в вопросе брака Генриха и Анны. Стоит подвести итог нашим наблюдениям и наметить перспективные направления исследований.

Прежде всего, необходимо отказаться от «романтических» версий, хотя некоторые авторы до сих пор полагают, что «*roman d'amour*» в средневековом браке хоть и «маловероятен, но не невозможен»⁵⁰. Стремление избежать союзов в близких степенях родства вряд ли было определяющим в силу гибкости церковной практики. Мнение о международном авторитете Киевской Руси, с которой европейские монархи стремились заключить брачные союзы, стоит рассматривать как мотивированное историко-политическими обстоятельствами начала XIX в., когда Россия внесла свой вклад в европейскую победу над Наполеоном. Несмотря на то, что в действиях князя Ярослава Мудрого просматривается некоторая брачная политика, ее успех определялся, в конечном счете, интересами европейских государей. Глобальные причины не были действенны в середине XI в.: по остроумному замечанию Р.-А. Ботье, было бы неосторожным приписывать сла-

⁴⁸ *Corbet P.* Autour de Burchard de Worms. P. 137–146, 262–263; *Idem.* In multis orbis partibus. P. 343, 347.

⁴⁹ Подробный разбор историографии и библиографию см. в моей публикации: *Мусин А.Е.* Анна Киевская: между историографией и историей. С. 134–172.

⁵⁰ *Santinelli E.* Des femmes éplorées ? Les veuves dans la société aristocratique du haut Moyen Âge. [Villeneuve d'Ascq], 2003. P. 245.

бому Генриху I широкие геополитические замыслы⁵¹. В эту эпоху большинство королевских браков в различных частях бывшей Каролингской империи стремилось к созданию местных союзов *sanguinis affinitas*⁵².

Исходя из этих соображений и нужно оценивать брак Генриха и Анны. Остается понять, какими политическими заботами был окружен Генрих в этот исторический момент. Скорее всего, они были связаны с началом противостояния Франции и герцогства Нормандского. На мысль о связи брака с обострением франко-нормандских отношений нас наводит идеальное совпадение общей хронологии конфликта и реализации свадебного прожекта. Подготовка к свадьбе разворачивается между подписанием королевского диплома аббатству Сан-Медар в Суассоне 23 мая 1048 г.⁵³, когда Генрих и Вильгельм еще выступают союзниками после разгрома в 1047 г. восставшей нормандской знати в битве при Валь-э-Дюн, и открытым конфликтом между ними в начале 1050-х гг.⁵⁴. Первые трения и переориентация королевской политики на союз с герцогом Анжуйским Годфруа Мартелом начались после осады нормандцами замков Донфрона и Алансона, захваченных накануне графством Анжу. Если изначально король в целом мог благосклонно отнестись к позиции Нормандии в этом конфликте, то впоследствии он воспринял усиление молодого Вильгельма, до сего времени находившегося под королевским покровительством, как угрозу своей власти.

Многое зависит от уточнения даты этих событий. Обычно осада обоих замков и союз короля с Анжу относится к 1050–1052 гг.⁵⁵. Однако это мнение было оспорено еще Л. Хальфаном, что по-

⁵¹ *Bautier R.-H.* Anne de Kiev. P. 545.

⁵² *Depreux Ph.* Princes, princesses et nobles étrangers à la cour des rois mérovingiens et carolingiens: alliés, hôtes ou otages? // *L'étranger au Moyen Âge. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public.* Göttingen, Juin 1999 / Cl. Gouard. P., 2000. P. 147.

⁵³ *Soehnée F.* Catalogue des actes d'Henri. P. 84–85, № 80.

⁵⁴ *Dhondt J.* Les relations entre la France et la Normandie sous Henri Ier // *Normannia.* 1939. T. 12. P. 465–486.

⁵⁵ *Dhondt J.* Henri Ier, l'Empire et l'Anjou (1043–1056) // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 1946. Vol. 25 (1–2). P. 98, 100, 102, 104; *Douglas D.C.* William the Conqueror: The Norman impact upon England. L., 1964. P. 383–390; *Barlow F.* William I and the Norman Conquest. L., 1965. P. 16; *Bates D.* The dates of William II's campaigns against Geoffrey Martel, 1048–1052 // *Bates D.* Normandy before 1066. L.; N.Y., 1982. P. 255–256; *Potts C.* Normandy 911–1144 // *A Companion to the Anglo-Norman World / C. Harper-Bill, E. van Houts.* Rochester, N.Y., 2003. P. 23.

лучило дополнительное обоснование в трудах О. Гийо и Ж. Луиза, предложивших «высокую хронологию» событий. Согласно их построениям, осада Донфрона происходила одновременно с нормандской оккупацией расположенных неподалеку городов Сэ и Пассэ. Эти события должны были произойти до сентября 1049 г., поскольку на синоде в Реймсе в начале октября Ив из Беллема, новый епископ Сэ, был вынужден оправдываться за пожар, случившийся в кафедральном соборе из-за нашествия неких «разбойников»⁵⁶. Наиболее правдоподобно, что речь шла о нормандцах.

Подозрения короля в отношении Вильгельма могли лишь усилиться после Реймского собора 3–5 октября 1049 г.⁵⁷, на котором сам Генрих и большинство его епископов отсутствовали под предлогом похода против «неких мятежников»⁵⁸. Если О. Гийо полагал, что речь и впрямь могла идти о военной кампании против графства Анжу и осаде Мульерна в 1049 г.⁵⁹, то другие историки скептически восприняли подобное оправдание⁶⁰. Король, обвинявшийся в симонии, явно стремился избежать встречи с папой, активно выступавшим против вмешательства государства в дела Церкви⁶¹. Ж.-Ф. Лемаринье пытался дополнительно объяснить отказ Генриха приехать в Реймс его враждебностью к императору Генриху III, союзнику нового папы⁶². Позиция короля резко контрастировала с благожелательным присутствием импе-

⁵⁶ *Guillot O.* Le comte d'Anjou et son entourage au XIe siècle. P., 1972. Vol. 1. P. 69–72; *Louis G.* La Seigneurie de Bellême X^e–XIIe siècles, dévolution des pouvoirs territoriaux et construction d'une seigneurie de frontière aux confins de la Normandie et du Maine à la charnière de l'An mil. Flers, 1993. T. 1. P. 356–358.

⁵⁷ По поводу собора и его хронологии см.: *Morelle L.* Le concile de Reims de 1049 et le statut de l'abbaye de Montier-en-Der. Avec l'édition du faux précepte de Louis le Pieux en faveur de l'Église de Reims (BM2 835) // *Francia-Forschungen zur westeuropäischen Geschichte.* 2001. Bd. 28(1). P. 91–113.

⁵⁸ Anselmi Remensis historia dedicationis ecclesiae sancti Remigii apud Remos // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / J.-P. Migne. P., 1880. T. 142. Col. 1415–1440.

⁵⁹ *Guillot O.* Le comte d'Anjou et son entourage. P. 72–73.

⁶⁰ *von Hefele K.J.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. P., 1871. Vol. 6. P. 299–312; *Fliche A.* La Réforme grégorienne. Louvain, 1924. Vol. 1. P. 143.

⁶¹ *Amann E., Dumas A.* L'Église au pouvoir des laïques (888–1057). Histoire de l'Église: depuis les origines jusqu'à nos jours / A. Fliche, V. Martin. P., 1940. Vol. 7. P. 102–103.

⁶² *Lemarignier J.-F.* Le gouvernement royal aux premiers temps capétiens (987–1108). P., 1965. P. 99.

ратора на синоде в Майнце в конце 1049 г. Реймский собор действительно высказался против симонии и против участия короля в назначении аббатов и епископов⁶³. Исследователи полагают, что авторитету Генриха был нанесен существенный ущерб⁶⁴.

Если французский епископат практически отсутствовал на соборе, то нормандские епископы активно участвовали во всех его сессиях. Из двадцати епископов, бывших на соборе, пятеро прибыли из Нормандии⁶⁵. Они оказались усилены новоизбранным епископом Сэ Ивом, политически связанным с герцогом Вильгельмом⁶⁶. Исследования показывают, что нормандский провинциальный синод представлял собой весьма замкнутую группу епископов, подчинявшуюся герцогу⁶⁷. Такое активное участие нормандцев в недружественной королю церковной акции могло увеличить его подозрения.

Внимания заслуживает еще один эпизод, имевший место на соборе. Именно тогда папа не благословил брака Вильгельма Нормандского и Матильды Фландрской⁶⁸, все же состоявшегося в самом начале 1050-х гг. Известно, что бабка Матильды Элеонора Нормандская, жена Бодуэна IV Фландрского (ок. 980–1035 гг.), приходилась Вильгельму теткой, будучи дочерью герцога Нормандии Ричарда II Доброго (963–1026 гг.) и родной сестрой его отца Роберта Великолепного (1000–1035 гг.). Соответственно, невеста была двоюродной племянницей герцога Вильгельма и находилась с ним в пятой степени родства. Однако первоначальный церковный запрет был вскоре обойден участниками альянса.

Очевидно, этот брачный союз между Нормандией и Фландрией планировался уже во второй половине 1049 г. Именно тогда не только формируется политический альянс Фландрии и Нормандии и происходит разрыв между Вильгельмом и Генрихом, последний из которых заключает союз с Анжу, но и начинают складываться новые отношения между Нормандией и Англией.

⁶³ *Amann E., Dumas A. L'Église au pouvoir des laïques. P. 96; Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / J.D. Mansi. Florence, 1774. T. 19. Col. 627.*

⁶⁴ *Fliche A. La Réforme grégorienne. Vol. 1. P. 143*

⁶⁵ *Amann E., Dumas A. L'Église au pouvoir des laïques. P. 103.*

⁶⁶ *Louis G. La Seigneurie de Bellême. P. 357.*

⁶⁷ *Foreville R. The Synod of the province of Rouen in the eleventh and twelfth century // Church and government in the Middle Ages: Essays presented to C.R. Cheney on his Seventieth Birthday / C.N.L. Brooke. Cambridge, 1976. P. 34–37.*

⁶⁸ *von Hefele K. J. Histoire des conciles. P. 310.*

Согласно рукописи «D» «Англо-Саксонской хроники», в начале 1050-х гг. Вильгельм побывал на Британских островах, а осенью 1051 г. граф Евстафий Булонский, вассал Фландрии и зять английского короля Эдуарда Исповедника, также нанес последнему визит. Известно, что в 1049 г. император Генрих III пытался использовать английский флот против Фландрии, и весьма возможно, что оба визита имели своей целью нейтрализовать эту потенциальную угрозу⁶⁹.

Можно предполагать, что союз, который начал складываться в 1049–1051 гг., был усилен женитьбой Вильгельма на Матильде. Непосредственно после 1051 г., согласно Гийому из Пуатье и Гийому Жюмьезскому, король Эдуард избрал герцога Вильгельма своим преемником⁷⁰. Роль брака Юдифи, сводной сестры Бодуэна IV, с ярлом Тостигом Годвинссоном, приходящегося на это же время, в сложении тройственного союза не вполне очевидна. Так, Ф. Барлоу, который изначально сопоставил эти события⁷¹, позднее заметил, что в 1051–1052 гг. союз Бодуэна V Фландрского и Годвина Уэссекского, возникший в результате этого брака, мог угрожать планам как английского короля, так и нормандского герцога. Действительно, Годвин, вынужденный бежать из Англии после конфликта с королем Эдуардом, в 1051–1052 гг. нашел убежище именно во Фландрии, с помощью которой он позднее и вернулся к власти⁷².

Таким образом, мы можем предполагать рост политической напряженности между Францией и Нормандией уже во время французского посольства в Киев в 1049 г. Точная последовательность событий остается неизвестной, и противники в течение некоторого времени могли предпринимать дипломатические маневры в поисках компромисса. Так, во время осады Мульерна осенью 1049 г. войска короля и герцога еще могли действовать заодно, если верить сведениям Гийома из Пуатье⁷³. Один из ко-

⁶⁹ *Barlow F.* William I and the Norman Conquest. P. 16–17; *Douglas D.C.* William the Conqueror. P. 169.

⁷⁰ Об этом см.: *Bouet P.* Les relations entre les Scandinaves, l'Angleterre et la Normandie avant la bataille de Hastings // La tapisserie de Bayeux. Une chronique des temps vikings? Actes du colloque international / S. Lemagnen. Bonsecours, 2009. P. 73, 75.

⁷¹ *Barlow F.* William I and the Norman Conquest. P. 16.

⁷² *Barlow F.* Edward the Confessor. Berkeley, Los Angeles, 1970. P. 119–120.

⁷³ *Guillaume de Poitiers.* Histoire de Guillaume le Conquérant [Gesta Guillelmi ducis Normannorum et regis Anglorum] / R. Foreville. P., 1952. P. 16.

ролевских актов сообщает, что Вильгельм мог находиться при дворе Генриха в Витри-о-Лож осенью 1052 г., однако политический смысл такого визита неизвестен, тогда как подлинность самого акта вызывает у некоторых историков сомнение⁷⁴. Как бы то ни было, период 1049–1051 гг. должен рассматриваться как поворотный момент во взаимоотношениях короля Генриха и герцога Вильгельма. В такой ситуации решение Генриха найти себе новую королеву может выглядеть как «симметричный ответ» на политические маневры Вильгельма и его предстоящий брак.

Остается понять, какими могли быть политические мотивы брака с далекой княжной в условиях сложения на Северо-Западе Европы политической коалиции морских держав, которая потенциально угрожала власти короля Генриха. Считаем возможным предположить, что этот брак имел своей целью союз Франции с правителем Норвегии Харальдом I Сигурдарсоном, который был женат на Елизавете, другой дочери князя Ярослава Мудрого. Естественно, речь идет о плохо отраженном в источниках правлении «самого загадочного» короля из династии Капетингов, который «продолжает оставаться фантомом для историков»⁷⁵, и короля Норвегии, история которого не написана до конца⁷⁶. Однако франко-норвежские контакты в эту эпоху определенно существовали, а военная активность норвежского конунга в Северном море превращала его в идеального союзника в противостоянии морским державам.

Харальд вступил в брак с Елизаветой, скорее всего, зимой 1044/1045 г. и получил власть над частью Норвегии в 1046 г.⁷⁷. Если о претензиях Харальда на датскую корону хорошо известно, то его политика в отношении Англии до событий 1066 г.

⁷⁴ Bates D. William the Conqueror's wider western European world // *The Haskins Society Journal*. 2006. Vol. 15. P. 74; Fauroux M. Recueil des actes des ducs de Normandie de 911 à 1066. Caen, 1961. P. 297–299, № 127. О подлинности см.: Guillot O. Le comte d'Anjou et son entourage. P. 105–106.

⁷⁵ Dhondt J. Quelques aspects du règne d'Henri Ier, roi de France // *Mélanges d'histoire du Moyen Ages dédiés à la mémoire de Louis Halphen* / C.E. Perrin. P., 1951. P. 199.

⁷⁶ Christophersen A. Royal Authority and Early Urbanization in Trondheim during the Transition to the Historical Period // *Archaeology and the Urban Economy: Festschrift to Asbjørn E. Herteig* / S. Myrvol. Bergen, 1989. P. 91–135.

⁷⁷ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012. С. 483–485.

остается неясной. Как преемник конунга Норвегии Магнуса I Олавссона (†1047 г.) в силу его соглашения 1036 г. с правителем Дании Хёрдакнутом (†1042 г.) Харальд Суровый Правитель имел возможность претендовать на английскую корону⁷⁸. Полагаем, что формирование амбиций Харальда Сигурдарсона в отношении Англии должно восходить именно к концу 1040-х — началу 1050-х гг.

Подобные амбиции могли послужить основой для его альянса с Генрихом, направленного против Нормандии, правитель которой получает в это время шанс занять английский престол. Морские набеги конунга, названного Адамом Бременским *fulminis septentrionis*, простирались от Оркнейских островов и Исландии до Дании⁷⁹, и Харальд вполне мог создать угрозу морскому сообщению между Нормандией, Англией и Фландрией. Некоторые историки приписывают ему разорение Хедебю в 1050 г.⁸⁰, а присутствие скандинавов, возможно норвежцев, на берегах Ла-Манша и во Фландрии в 1048–1050 гг. упомянуто в «Англо-Саксонской хронике»⁸¹. К тому же Харальд оказывается не первым норвежским конунгом, имевшим союзные отношения с континентальными правителями. Олав Харальдссон уже состоял на службе у герцога Нормандии Ричарда II во время его конфликта с Эдом II, графом Блуа, в 1013–1014 гг. Известие об этом союзе было трансформировано норвежским монахом Теодориком в загадочную информацию, что Вильгельм Нормандский использовал конунга против короля Франции Роберта⁸².

Адам Бременский оказывается одним из немногих авторов-современников описываемых событий. Защищая юрисдикцию гамбургских архиепископов над Норвегией, которую Харальд

⁷⁸ Barlow F. *The Norman Conquest and beyond*. L., 1983. P. 72; Neveux F. *Harald le Sèveire, roi Norvège: le grand oublié de la tapisserie de Bayeux // La tapisserie de Bayeux*. P. 56.

⁷⁹ *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / B. Schmeidler (MGH SS rer. Germ. 3). Hannover; Leipzig, 1917. P. 159 (III. 17).

⁸⁰ Neveux F. *Harald le Sèveire*. P. 55.

⁸¹ Abrams L. *England, Normandy and Scandinavia // A Companion to the Anglo-Norman World* / C. Harper-Bill, E. van Houts. Rochester; N.Y., 2003. P. 54, notes 69, 70.

⁸² *Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen* / G. Storm. Kristiania, 1880. P. 22 (XIII); *Gesta Normannorum ducum of Wiliam of Jumieges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni* / E. van Houts. Oxford, 1995. T. 2. P. 26–28 (V. 12).

постоянно ставил под сомнение, Адам не мог относиться к нему непредвзято. В этой связи представляет особенный интерес его схождения о том, что Харальд сумел установить церковные связи с «Галлией» и отправлял туда на ординацию своих епископов⁸³. Если А. Д. Йоргенсен полагал, что *in Galliam* должно означать Аквитанию, то С. Ковье предложил видеть здесь Нормандию⁸⁴. Общеизвестно, однако, что у Адама Бременского *Gallia* могла обозначать территории к западу от Рейна вообще. Учитывая такое архаичное употребление термина, стоит предположить, что оно отсылает нас скорее к *metropolitanae Remensis* и *Galliae Belgica*, а не к *Normandiae* и *metropolitanae Rothomagensis*. В сообщении Адама можно увидеть указание на церковные контакты между Харальдом Норвежским и Генрихом Французским. Вообще же, континентальные клирики достаточно активно проявляли себя как на Британских островах, так и на Скандинавском полуострове⁸⁵.

История женитьбы Генриха на Анне имеет еще одно временное совпадение с событиями церковной истории Франции, Норвегии и Европы. В данном случае речь идет о почитании св. Климента Римского. Именно на рубеже 1040–1050-х гг. в обеих странах вновь пробуждается интерес к культу этого святого, который, несомненно, уже существовал на этих землях⁸⁶. Средневековая французская рукопись «Псалтырь Одальрика», сохранившаяся в копии XII в., содержит т. н. Реймскую глоссу⁸⁷. Здесь сообщается, что Одальрик, каноник собора в Реймсе, попросил епископа Шалонского Роже II (1042–1066), участника французского посольства в Киев (*Chiou*), собрать сведения относительно мощей св. Климента, которые, по его знанию, некогда находи-

⁸³ Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. P. 160 (III. 16, 17 ; schol. 68, 69). См. также: *Helle K.* The organisation of the twelfth-century Norwegian church // *St Magnus Cathedral and Orkney's Twelfth-Century Renaissance* / B. Crawford. Aberdeen, 1988. P. 47.

⁸⁴ *Coviaux S.* Norvège et Normandie au XIe siècle // *Annales de Normandie*. 2005. T. 55 (3). P. 208–209.

⁸⁵ *Hare M.* Cnut and Lotharinga: Two Notes // *Anglo-Saxon England*. 2000. Vol. 29. P. 261–278.

⁸⁶ *Crawford B.* The Churches dedicated to St. Clement in Medieval England. A Hagiogeography of the Seafarers' Saint in 11th century North Europe. St Petersburg, 2008. P. 13–15, 23–28, 34–37.

⁸⁷ Reims, Bibliothèque municipale, ms № 0015 (anc. A. 020), f. 214 v°.

лись в Херсонесе (*Cersona*) на границе с Русью (*Rabastia*)⁸⁸. В действительности эти реликвии, обретенные св. Константином Философом в Корсуне в середине IX в., во время описываемых событий находились в Киеве, будучи перенесенными сюда князем Владимиром Святым после его крещения в 988 г. Епископ Роже исполнил просьбу Одальрика и по возвращении поведал, не без анахронизмов, например, об участии некоего папы по имени *Iulius* в обретении реликвий в IX в., что мощи находятся непосредственно в Киеве⁸⁹. Еще одна ошибка информатора состоит в том, что перенесение мощей связывается с самим князем Ярославом, а не с его отцом Владимиром Святым.

Не лишне задаться вопросом: что именно могло пробудить интерес Одальрика к мощам св. Климента в 1049 г.? Стоит напомнить, что именно в это время Харальд Сигурдарсон основывает в Осло церковь св. Климента, обновляя уже существовавший в Северо-Западной Европе культ этого святого⁹⁰. Вероятность того, что эта церковь была основана ранее Харальдом Гормссонном, крайне невелика⁹¹. Если, как мы только что предположили, между Осло и Реймсом существовали церковные связи, интерес

⁸⁸ Catalogue général des manuscrits. T. 38. P. 23; de Gaiffier B. Odalric de Reims, ses manuscrits et les reliques de saint Clément à Cherson // Études de civilisation médiévale (IXe–XIIe siècles): Melanges offerts à E.-R. Labande. Poitiers, 1974. P. 315–319. Именно в этой публикации на стр. 318 допущена досадная опечатка, которая «датирует» французское посольство в Киев 1048 г. («anno incarnati Verbi millesimo XLVIII») вместо указанного в рукописи «XLVIII». Правильный год — 1049 г. можно увидеть и тремя строчками выше на той же странице. Эта оплошность привела к «пересмотру» даты посольства в новом российском издании «Реймской глоссы» (Назаренко А.В. Западноевропейские источники. С. 101; ср.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Учебное пособие для студентов вузов / Е.А. Мельникова. М., 1999. С. 354).

⁸⁹ Иногда встречающееся мнение, что свадебное посольство принесло из Киева во Францию частицу мощей св. Климента как дар князя Ярослава Мудрого (см., напр.: Poppe A., Poppe D. The Autograph of Anna of Rus'. P. 401–402), не находит подтверждения в источниках.

⁹⁰ Walaker Nordeide S., Gullusken S. First Generation Christians, Second Generation Radiocarbon Dates: The Cemetery at St. Clement's in Oslo // NAR. 2007. Vol. 40 (1). P. 1–25.

⁹¹ Crawford B. The churches dedicated to St. Clement in Norway. A Discussion of their Origin and Function // Collegium Mediaevale. 2004. Vol. 17. P. 100–131; дискуссию см.: Lidén H.-E. The Church of St Clement in Oslo // West over sea: studies in Scandinavian sea-borne expansion and settlement before 1300: a festschrift in honour of Dr Barbara E. Crawford / B. Ballin Smith, S. Taylor, G. Williams. Leiden, 2007. P. 251–264.

Одальрика к мощам святого вполне мог быть вызван вестями из Норвегии. Дополнительно этот интерес мог быть «подогрет» и визитом в Реймс другого римского епископа, Льва IX, который участвовал в перенесении мощей св. Ремигия. В сделанном современником описании этого события постоянно присутствуют аллюзии на перенесение мощей св. Климента⁹².

Если принять во внимание последнюю возможность, эпизод с мощами может дать *terminus post quem* для посольства. Миссия могла отправиться в Киев после собора в Реймсе, между октябрём и концом декабря 1049 г. Впрочем, известно, что собор отлучил от общения тех французских епископов, которые его проигнорировали. Акты собора упоминают экскоммуникацию архиепископа Санса и епископов Бовэ и Амьена⁹³. Имена Роже Шалонского и Готье, епископа Мо, в этом списке не упомянуты. Это дало М. Бюру возможность заключить, что во время собора они уже отправились в Киев, что являлось уважительной причиной их отсутствия на соборе и не вызвало соответствующего церковного наказания⁹⁴. Если наша гипотеза о времени отправки французского посольства на Русь верна, то это предполагает поиск иных причин отсутствия Роже и Готье на соборе, как и неприменения против них канонических санкций.

В завершение заметим, что Адам Бременский упоминает о возвращении Харальда из Греции в Норвегию и о его браке с Елизаветой в той же схолии, что и о женитьбе Генриха на Анне⁹⁵, как если бы речь шла об информации, полученной из одного источника. Все вышеперечисленные соображения позволяют считать гипотезу о попытке создания франко-норвежского союза в условиях формирования коалиции между Нормандией, Англией и Фландрией вполне допустимой.

Насколько этот союз был успешен, сказать затруднительно. О каких-либо реальных последствиях такого возможного альянса нам не известно. Возможно, он вообще был «заморожен» на стадии сближения двух государей и установления церковных контактов. Основные заботы Харальда были связаны с реше-

⁹² Anselmi Remensis historia. Col. 1415–1440.

⁹³ von Hefele K. J. Histoire des conciles. P. 308.

⁹⁴ Bur M. Léon IX et la France (1026– 1054) // Léon IX et son temps. P. 247.

⁹⁵ Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. P. 153, (III.12, schol. 62 [63]).

нием внутренних проблем Норвегии⁹⁶. Сам Генрих мог предпочесть другие способы сдерживания нормандцев. После поражений в 1054 и 1057 гг. при Мортемаре и Варавилле король уже не рассчитывал подчинить себе нормандского герцога⁹⁷. Не вполне понятна и роль Фландрии в сложении «тройственного союза», о контактах которой с норвежцами около 1050 г. уже писалось выше⁹⁸. Возможно, 1052–1053 гг. были тем рубежом, который мог окончательно «похоронить» предполагаемый франко-норвежский альянс. В это время в нормано-англо-фландрской коалиции обозначились серьезные противоречия из-за Годвина Уэссекского, а через несколько лет, в 1060 г., Бодуэн V Фландрский станет регентом юного короля Франции Филиппа. В январе 1053 г. папа Лев IX подтвердил права гамбургских архиепископов в отношении Норвегии⁹⁹, что поставило крест на ее возможном церковном союзе с Францией.

Отметим, что у выдвинутой нами гипотезы о причинах брака Генриха и Анны есть определенные преимущества перед прочими существующими объяснениями. Она не выходит за рамки границ и политических интересов государств Северо-Западной Европы, возвращает Норвегию середины XI в. в европейскую внешнюю политику, не превосходит интерпретационные возможности источников, свидетельствующих о военной активности Харальда Сигурдарсона в этом регионе и о его церковных контактах с церковью «Галлии», и идеально соответствует хронологии развития конфликта между Францией и Нормандией.

Совершенно очевидно, что следующий брак Анны как вдовствующей королевы с графом Валуа Раулем IV де Крепи, который мог состояться уже в 1061 г.¹⁰⁰, также имел целью решение текущих проблем французского королевства. В литературе этот брак именуется «скандальным», «тайным», «романтическим», а в представлении некоторых писателей он даже сопровождался

⁹⁶ *Krag C.* The early unification of Norway // *The Cambridge History of Scandinavia* / K. Helle. Cambridge, 2008. Vol. 1. P. 198–199.

⁹⁷ *Dhondt J.* Les relations entre la France et la Normandie. P. 465–486.

⁹⁸ *Abrams L.* England, Normandy and Scandinavia. P. 54.

⁹⁹ *Regesta pontificum Romanorum* / W. Seegrün, T. Schieffer. Göttingen, 1988. T. 6. Nr. 81. См. также: *Pedersen F.* Politics and Prelates: Kingdom, Church and Empire in Southern Scandinavia, 950–1076 // *Sacri canones servandi sunt: Ius canonicum et status ecclesiae saeculis XIII–XV* / P. Krafl. Prague, 2008. P. 153–167.

¹⁰⁰ *Verdon J.* Les veuves des rois de France aux Xe et XIe siècles // *Veuves et veuvage dans le haut Moyen Âge* / M. Parisse. P., 1993. P. 188.

«похищением» невесты¹⁰¹. Научная историография, посвященная второму браку Анны, весьма противоречива. Его сравнивают с новым замужеством Феофано, вдовы Оттона II, поскольку в обоих случаях чужестранное происхождение вдовы и отсутствие семейной поддержки обрекало ее на изоляцию, что и заставило искать жизненную опору и утраченный социальный статус в новом браке¹⁰². Однако такой подход, предполагающий инициативу вдовы эпохи Средневековья в вопросе нового брака, представляется нам неоправданной модернизацией истории.

Принято также считать, что папа Александр потребовал от графа Рауля отказаться от новой супруги и вернуться к предыдущей жене Элеоноре, графине Монтидь и Перрона, а после категорического отказа — отлучил его, как и Анну, от Церкви¹⁰³. Однако эти предположения не находят подтверждения в источниках. Гипотеза о церковном отлучении основывается, с одной стороны, на письме архиепископа Реймского Гervasия к папе, которое говорит лишь о беспокойстве регентского совета при молодом короле, вызванном этим браком¹⁰⁴, а с другой стороны, — на известии «*Chronicon sancti Petri Vivi Senonensis*»¹⁰⁵. Информация хроники остается уникальной. Естественно, для некоторых, особенно клириков, такой брак выглядел «скандальным»¹⁰⁶. Очевидно, хронист исходил из канонической нормы, не интересуясь конкретными обстоятельствами и описывая в соответствии с законами нарративного жанра то, что «должно было случиться». Мнение, что Анна вступила во второй брак против воли своего сына Филиппа¹⁰⁷, также не находит подтверждения. Все это не позволяет считать, что новый брак

¹⁰¹ *Feuer D., de Hendecourt J.* Dictionnaire des souverains de France et de leurs épouses. P., 2006. P. 30.

¹⁰² *Parisse M.* Des veuves au monastère // *Veuves et veuvage*. P. 263; *Santinelli E.* Des femmes éplorées. P. 245–246, 372.

¹⁰³ *Caix de Saint-Aymour A.* Anne de Russie. P. 58; cp.: *Dhondt J.* Sept femmes et un trios des rois. P. 59–60; *Feuchère P.* Une tentative manquée de concentration territoriale entre Somme et Seine: la principauté d'Amiens-Valois au XIe siècle, étude de géographie historique // *Le Moyen Âge: revue d'histoire et de philologie*. 1954. Vol. 60 (4e série, № 9). P. 13.

¹⁰⁴ *Gervasii Remorum Archiepiscopi epistula ad Alexandrum II Papam* // *Recueil des Historiens des Gaules et de la France* / M. Bouquet. P., 1767. T. 11. P. 499.

¹⁰⁵ *Chronicon sancti Petri*. P. 507–508.

¹⁰⁶ *Bates D.* Lord Sudeley's Ancestors: the Family of the Counts of Amiens, Valois and Vexin in France and England during the 11th Century // *The Sudeleys — Lords of Toddington* / [s.n.]. Thetford, 1987. P. 43.

¹⁰⁷ *Santinelli E.* Des femmes éplorées. P. 130, note 130.

спровоцировал канонические санкции в отношении супругов и изолировал Анну и Рауля от королевского двора, тем самым подтолкнув графа к союзу с Нормандией¹⁰⁸.

Более того, брак Анны с Раулем не лишил ее статуса королевской матери¹⁰⁹, а сам граф продолжал оставаться одной из влиятельнейших фигур при дворе Филиппа, о чем свидетельствуют его подписи под многочисленными королевскими дипломами¹¹⁰. Если во второй половине 1065 — 1066 г. их имена действительно не встречаются в официальных документах, то это должно объясняться постоянным пребыванием молодого короля на севере Франции и во Фландрии, куда он отправлялся вместе со своим регентом Бодуэном¹¹¹. В связи с этим нельзя согласиться с мнением, что после вступления в новый брак Анна все реже и реже участвовала в государственном управлении¹¹². Непосредственное упоминание Анны в королевских актах 1060–1070-х гг. свидетельствует о ее высоком положении в государстве. Мир с Нормандией должен был соответствовать интересам молодого короля, и сложившийся в 1060-х гг. союз графа Рауля де Крепи с герцогом Вильгельмом должен рассматриваться не как следствие его противоречий с королевским двором, а как результат дипломатических усилий одного из влиятельнейших *principes regalis palatii*. К тому же, став свойственником короля, Рауль, как полагают, усилил свои позиции в Шампани¹¹³.

Все эти наблюдения заставляют предположить, что брак Анны и Рауля де Крепи был лишь эпизодом внутривосточной борьбы за власть после смерти Генриха, когда соотношение сил было нарушено, а роль *optimates Francie* в поддержании политической стабильности возросла¹¹⁴. Брак был позитивно воспринят обще-

¹⁰⁸ Bauduin P. La première Normandie (X^e–XIe siècles). Sur les frontières de la haute Normandie: identité et construction d'une principauté. Caen, 2006. P. 259.

¹⁰⁹ Prou M. Recueil des actes de Philippe. P. XXXII; Olivier-Martin F. Études sur les régence. P. 22–26. См. также: Luchaire A. Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens (987–1180). P., 1891.

¹¹⁰ Fliche A. Le Règne de Philippe. P. 22; Lemaignier J.-F. Le gouvernement royal aux premiers temps capétiens. P. 104, note 144, 113, 114.

¹¹¹ Prou M. Recueil des actes de Philippe. P. CXXXIV.

¹¹² Verdon J. Les veuves des rois de France. P. 188.

¹¹³ Bur M. La Formation du comté de Champagne: v. 950-v. 1150. Nancy, 1977. P. 214.

¹¹⁴ Dhondt J. Election et hérédité sous les Carolingiens et les premiers Capétiens // Revue belge de philologie et d'histoire. 1939. Vol. 18 (4). P. 948–949; Olivier-Martin F. Études sur les régence. P. 11–12, 25.

ством¹¹⁵. Граф Рауль немедленно отреагировал на навязанное извне регентство браком с вдовой короля, разведясь со своей второй супругой, предварительно обвинив ее в измене ради соблюдения канонических норм. Это моментально превращало его в первого советника королевской *curiae*¹¹⁶. В свою очередь, Бодуэн как регент и архиепископ Гервасий как архиканцлер боялись утратить свое политическое влияние, о чем, собственно, и свидетельствует их послание папе Александру, отражавшее смутение в новой ситуации¹¹⁷.

Для графа де Крепи этот брак не был проявлением «цинизма», как полагали некоторые исследователи¹¹⁸, но стратегией социально-политического поведения, продиктованной реалиями средневековой эпохи. Новые браки, иногда даже в запрещенных степенях родства с вдовами правителей, оказывались одним из способов доступа к власти или ее укрепления. Подобным образом Роберт II, отец Генриха, женился на Розалии, вдове Арнульфа II, графа Фландрии, и дочери итальянского короля Беренгария II, потомка Каролингов, которая была на двадцать лет его старше, а затем на своей кузине Берте, вдове графа Блуа Эда I¹¹⁹. Новый брак Огивы Уэссекской, вдовы короля Франции Карла III Простоватого, с Гербертом, графом Вермануда, и союз Эммы Нормандской, вдовы Этельреда II Английского, с конунгом Кнудом Могучим также являлись прецедентами подобного поведения.

Таким образом, и первый, и второй браки Анны перестают быть «загадочными» и «необъяснимыми». Подобные оценки стали возможны не в последнюю очередь потому, что исследователи зачастую игнорировали прочие свидетельства о матримониальных союзах между Северо-Западной и Восточной Европой в XI в. и полагали, что непосредственные контакты между Францией и Русью восходят лишь к позднему Средневековью. Известно, что Кнут Могучий после покорения Англии в 1016 г. выдал замуж (или обручил) свою сестру Эстрид-Маргариту за Ричарда II Нормандского¹²⁰. Согласно

¹¹⁵ *Hugues de Fleury. Liber qui modernorum regum Francorum continet actus / G. Waitz (MGH SS. 9). Hannover, 1851. P. 389.*

¹¹⁶ *Feuchère P. Une tentative manquée. P. 11, 13.*

¹¹⁷ Ср. мнение: *Andrew W. L. Royal Succession in Capetian France. Cambridge (Mass.), L., 1981. P. 46.*

¹¹⁸ Ср.: *Lemarignier J.-F. Le gouvernement royal aux premiers temps capétiens. P. 114, note 185.*

¹¹⁹ *Riché P. Les Carolingiens: une famille qui fit l'Europe. P., 1983. P. 303.*

¹²⁰ *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. P. 114, (II. 54).*

более достоверной информации Рауля Глабера, женихом был сын Ричарда Роберт, отец Вильгельма Завоевателя¹²¹. После разрыва с Робертом Эстрид была выдана замуж за датского ярла Ульва Торгильссона, а затем стала женой «сына короля Руси»¹²². Весьма возможно, что речь идет об Илье Ярославиче, новгородском князе. А.В. Назаренко полагает, что тот умер в 1019 г.¹²³, однако есть основания отнести смерть Ильи к 1033–1034 гг.¹²⁴. Этот пример не одинок, поскольку альянс Владимира Мономаха с Гитой, дочерью англо-саксонского короля Харальда, в 1072–1074 гг., пусть и после нескольких лет, проведенных ею при дворе датского короля Свена Эстридсена¹²⁵, также связывает интересующие нас части Европы. Лишь состояние источников и отсутствие специальных исследований¹²⁶ превратили судьбу Анны Ярославны в «загадку», разгадка которой, как мне представляется, связана преимущественно с политическими проблемами Франции середины XI столетия, решение которых подсказывали исторические связи Руси и Норвегии¹²⁷.

¹²¹ *Raoul Glaber. Histoires* / M. Arnoux. Turnhout, 1996. P. 109–110. См. также: *Stafford P. Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh-Century England*. Oxford, 1997. P. 235.

¹²² *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. P. 114–115 (II. 54, schol. 39 [40]). Ряд исследователей полагает, что брак Эстрид и Ульва состоялся до, а не после ее свадьбы с Робертом Нормандским; см., напр.: *Keynes S. Cnut's Earls // The Reign of Cnut, King of England, Denmark and Norway* / A. Rumble. L.; N.Y., 1994. P. 62–64.

¹²³ *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. С. 476, 483.

¹²⁴ Новгородские летописи // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 210.

¹²⁵ *Saxonia Gesta Danorum* / A. Olrik, H. Ræder. Haunia, 1931. P. 308 (XI. 6. 3); *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. С. 512, 514–529.

¹²⁶ О разнообразных контактах Руси и Франции в ранний период — от культурных связей до паломничества см. в.: *Иоаннисян О.М. К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова / Ю.Г. Алексеев и др. М., 2007. С. 277–315; Мусин А.Е. Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы // ЗИИМК. 2012. Вып. 7. С. 132–147; *Hartman-Virnich A. Saint-Gilles-du-Gard. Nouvelles recherches sur un monument majeur de l'art roman. Conclusion // Bulletin monumental*. 2013. Vol. 171(4). P. 399–400; *Мусин А.Е. К возможным византийским импульсам в Западной Европе IX–XI вв.: комплекс христианских древностей из Тура (Франция) // ЗИИМК. 2014. Вып. 9. С. 152–160; Он же. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья // РАЕ. 2014. № 4. С. 433–454.**

¹²⁷ Здесь я хотел бы поблагодарить профессора Пьера Бодуэна, Университет Нижней Нормандии, Кан, Франция, и профессора Дэвида Бейтса, Университет Восточной Англии, Йорк, Великобритания, за советы и помощь в работе над этой темой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 176–377.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. Москва, 2012.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Учебное пособие для студентов вузов / Е.А. Мельникова. М., 1999.
- Жуковская Л.П.* Реймское евангелие. История его изучения и текст. Предварительные публикации (Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Институт русского языка АН СССР. Вып. 114). М., 1978.
- Зализняк А.А.* Подпись Анны Ярославны и вопрос о некнижном письме в древней Руси // *Антропология культуры.* М., 2005. Вып. 3: К 75-летию Вяч. Вс. Иванова. С. 139–147.
- Иоаннисян О.М.* К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // *Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова / Ю.Г. Алексеев и др.* М., 2007. С. 277–315.
- Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. 2–3.
- Каиштанов С.М.* Была ли Ода Штаденская женой великого князя Святослава Ярославича? // ВЕДС-[VI]: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. М., 1994. С. 16–18.
- Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. Paris, 1990.
- Мельников Е.И.* О языке и графике подписи Анны Ярославны // *Славянское языкознание. Сб. статей / В.В. Виноградов.* М., 1959. С. 113–119.
- Мусин А.Е.* Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы // *ЗИИМК.* 2012. Вып. 7. С. 132–147.
- Мусин А.Е.* К возможным византийским импульсам в Западной Европе IX–XI вв.: комплекс христианских древностей из Тура (Франция) // *ЗИИМК.* 2014. Вып. 9. С. 152–160.
- Мусин А.Е.* Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья // *РАЕ.* 2014. № 4. С. 433–454.
- Мусин А.Е.* Анна Киевская: между историографией и историей // *Княжа доба: історія і культура.* 2014. Вип. 8. С. 134–172.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов.* М., 2010. Т. IV.

- Новгородские летописи // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.
- Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пауто В.Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Вып. 15. С. 53–55.
- Реймське Евангеліє Анни Ярославівни / В. Александрович. Львів, 2010.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 1. Т. 1–2.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2.
- Abrams L.* England, Normandy and Scandinavia // A Companion to the Anglo-Norman World / C. Harper-Bill, E. van Houts. Rochester; N.Y., 2003. P. 43–62.
- Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler (MGH. SS. Rer. Germ. 3). Hannover; Leipzig, 1917.
- Adémar de Chabannes.* Chronique / Y. Chauvin, G. Pon. Turnhout, 2003.
- Amann E., Dumas A.* L'Église au pouvoir des laïques (888–1057). Histoire de l'Église: depuis les origines jusqu'à nos jours / A. Fliche, V. Martin. P., 1940. Vol. 7.
- Andrew W.L.* Royal Succession in Capetian France. Cambridge (Mass.); L., 1981.
- Annales Stadenses auctore Aiberto // Annales aevi Suevici / J.M. Lappenberg (MGH. SS. 16). Hannover, 1859.
- Anonymous.* Annales Baresnes / G. Pertz (MGH. SS. 5). Hannover, 1844.
- Anselme de Sainte-Marie.* Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France, des pairs, des grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy. P., 1725. T. 1.
- Anselmi Remensis historia dedicationis ecclesiae sancti Remigii apud Remos // Patrologiae cursus completus. Series latina / J.-P. Migne. P., 1880. T. 142. Col. 1415–1440.
- Barlow F.* William I and the Norman Conquest. L., 1965.
- Barlow F.* Edward the Confessor. Berkeley; Los Angeles, 1970.
- Barlow F.* The Norman Conquest and beyond. L., 1983.
- Bates D.* The dates of William II's campaigns against Geoffrey Martel, 1048–1052 // *Bates D.* Normandy before 1066. L.; N.Y., 1982. P. 255–256.
- Bates D.* Lord Sudeley's Ancestors: the Family of the Counts of Amiens, Valois and Vexin in France and England during the 11th Century // The Sudeleys — Lords of Toddington / [s.n.]. Thetford, 1987. P. 34–48.
- Bates D.* William the Conqueror's wider western European world // The Haskins Society Journal. 2006. Vol. 15. P. 73–87.
- Bauduin P.* La première Normandie (X^e–XIe siècles). Sur les frontières de la haute Normandie: identité et construction d'une principauté. Caen, 2006.
- Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle (Orientalia Christiana. T. 35). Roma, 1927.

- Bautier R.-H.* Anne de Kiev, Reine de France, et la politique royale au XIe siècle, étude critique de la documentation // *Revue des études slaves*. 1985. Vol. 57 (4). P. 539–562.
- Bouet P.* Les relations entre les Scandinaves, l'Angleterre et la Normandie avant la bataille de Hastings // *La tapisserie de Bayeux. Une chronique des temps vikings?* Actes du colloque international / S. Lemagnen. Bonsecours, 2009. P. 67–81.
- Bur M.* La Formation du comté de Champagne: v. 950-v. 1150. Nancy, 1977.
- Bur M.* Léon IX et la France (1026–1054) // Léon IX et son temps. Actes du colloque internationale / G. Bischoff, B.M. Tock. Turnhout, 2006. P. 233–257.
- Caix de Saint-Aymour A.* Anne de Russie, reine de France et comtesse de Valois au XIe siècle. P., 1896.
- Capetian women / K. Nolan. N.Y., 2003.
- Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France: Départements. P., 1904. T. 38: Reims. T. 1 / H. Loriquet.
- Cecaumeni strategicon: et incerti scriptoris de officiis regis libellus / V. Wassilewski, V. Jnshtedt (Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Т. 38). Petropolis, 1896.
- Christophersen A.* Royal Authority and Early Urbanization in Trondheim during the Transition to the Historical Period // *Archaeology and the Urban Economy: Festschrift to Asbjørn E. Herteig* / S. Myrvol. Bergen, 1989. P. 91–135.
- Chronicon sancti Petri Vivi Senonensis* // *Bibliothèque historique de l'Yonne, ou collection de légendes: chroniques et documents divers* / L.-M. Duru. Auxerre, 1863. T. 2. P. 451–550.
- Corbet P.* Autour de Burchard de Worms: l'Église allemande et les interdits de parenté: IXe–XIIe siècle. Frankfurt am Main, 2001. Vol. 1.
- Corbet P.* In multis orbis partibus. Léon IX et les interdits de parenté (1049–1054) // Léon IX et son temps. Actes du colloque internationale / G. Bischoff, B.M. Tock. Turnhout, 2006. P. 343–353.
- Coviaux S.* Norvège et Normandie au XIe siècle // *Annales de Normandie*. 2005. T. 55 (3). P. 195–211.
- Crawford B.* The Churches dedicated to St. Clement in Medieval England. A Hagio-geography of the Seafarers' Saint in 11th century North Europe. St Petersburg, 2008.
- Crawford B.* The churches dedicated to St. Clement in Norway. A Discussion of their Origin and Function // *Collegium Medievale*. 2004. Vol. 17. P. 100–131.
- Dectot X.* Pierres tombales médiévales: sculptures de l'au-delà. P., 2006.
- Depreux Ph.* Princes, princesses et nobles étrangers à la cour des rois mérovingiens et carolingiens: alliés, hôtes ou otages? // *L'étranger au Moyen Âge. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public*. Göttingen, Juin 1999 / Cl. Govard. P., 2000. P. 133–154.

- Dhondt J.* Election et hérédité sous les Carolingiens et les premiers Capétiens // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1939. Vol. 18 (4). P. 913–953.
- Dhondt J.* Les relations entre la France et la Normandie sous Henri Ier // *Normannia*. 1939. T. 12. P. 465–486.
- Dhondt J.* Henri Ier, l'Empire et l'Anjou (1043–1056) // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1946. Vol. 25 (1–2). P. 87–109.
- Dhondt J.* Quelques aspects du règne d'Henri Ier, roi de France // *Mélanges d'histoire du Moyen Âges dédiés à la mémoire de Louis Halphen* / C.E. Perrin. P., 1951. P. 199–208.
- Dhondt J.* Sept femmes et un trios des rois // *Contributions à l'histoire économique et sociale*. 1964–1965. T. 3. P. 35–70.
- Douglas D. C.* William the Conqueror: The Norman impact upon England. L., 1964.
- Dufour J.* Typologie des actes de Philippe Ier (1060–1108) et de Louis VI (1108–1137), rois de France // *Typologie der Königsurkunden (Kolloquium der Commission Internationale de Diplomatie in Olmütz 30.8.–3.9.1992)* / J. Bistrický. Olomouc, 1998. P. 65–99.
- Dunbabin J.* What's in a Name? Philip, King of France // *Speculum*. 1993. Vol. 68 (4). P. 949–968.
- Epistola Nicolai II pape ad Annam reginam* // *Recueil des Historiens des Gaules et de la France* / M. Bouquet. P., 1767. T. 11. P. 653–654.
- Ex Continuatione Historiae Aimoini monachi Floriacensis* // *Recueil des Historiens des Gaules et de la France* / M. Bouquet. P., 1767. T. 11. P. 276.
- Ex vita Sancti Lietberti Episcopi Cameracensis, Auctore Radulpho, coævo S. Sepulchri Monacho* // *Recueil des Historiens des Gaules et de la France* / M. Bouquet. P., 1767. T. 11. P. 481.
- Fauroux M.* Recueil des actes des ducs de Normandie de 911 à 1066. Caen, 1961.
- Feuchère P.* Une tentative manquée de concentration territoriale entre Somme et Seine: la principauté d'Amiens-Valois au XIe siècle, étude de géographie historique // *Le Moyen Âge: revue d'histoire et de philologie*. 1954. Vol. 60 (4e série, n° 9). P. 1–37.
- Feuer D., de Hendecourt J.* Dictionnaire des souverains de France et de leurs épouses. P., 2006.
- Fleureau B.* Histoire de l'Abbaye de Notre-Dame de Villiers: de l'Ordre de Cîteaux, au diocèse de Sens, près La Ferté Alais...: 1220–1669. Fontainebleau, 1893.
- Fliche A.* La Réforme grégorienne. Louvain, 1924. Vol. 1.
- Fliche A.* Le Règne de Philippe Ier, roi de France (1060–1108). P., 1912.
- Floardoard de Reims.* Metropolis Remensis historia / G. Marlot. Insulis, 1666. T. 1.
- Foreville R.* The Synod of the province of Rouen in the eleventh and twelfth century // *Church and government in the Middle Ages: Essays presented to C.R. Cheney on his Seventieth Birthday* / C.N.L. Brooke. Cambridge, 1976. P. 19–39.

- de Gaiffier B.* Odalric de Reims, ses manuscrits et les reliques de saint Clément à Cherson // Études de civilisation médiévale (IXe–XIIe siècles): Melanges offerts à E.-R. Labande. Poitiers, 1974. P. 315–319.
- Gallia Christiana in provincias ecclesiasticas distributa: qua series omnium archiepiscopum, episcoporum et abbatum regionum omnium quas vetus Gallia complectebatur... / J.-V. Le Clerc. P., 1770. T. 12.
- Gervasii Remorum Archiepiscopi epistula ad Alexandrum II Papam // Recueil des Historiens des Gaules et de la France / M. Bouquet. P., 1767. T. 11. P. 499.
- Gesta Lietberti episcopi // Gesta episcoporum Cameracensium / L.C. Bethmann (MGH. SS. 7). Hannover, 1846. P. 490–492.
- Gesta Normannorum ducum of Wiliam of Jumieges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni / E. van Houts. Oxford, 1995. T. 2.
- Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1978.
- Guillaume de Poitiers.* Histoire de Guillaume le Conquérant [Gesta Guillelmi ducis Normannorum et regis Anglorum] / R. Foreville. P., 1952.
- Guillot O.* Le comte d'Anjou et son entourage au XIe siècle. P., 1972. Vol. 1.
- Guyotjeannin O.* Actes royaux français. Les actes des trois premiers Capétiens (987–1060) // Typologie der Königsurkunden (Kolloquium der Commission Internationale de Diplomatie in Olmütz 30.8.–3.9.1992) / J. Bistrický. Olmouc, 1998. P. 43–63.
- Guyotjeannin O.* Les actes d'Henri Ier et la chancellerie royale dans les années 1020–1060 // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. 1989. Janvier-mars. P. 81–97.
- Guyotjeannin O.* Les actes établis par la chancellerie royale sous Philippe Ier // Bibliothèque de l'École des chartes. 1989. T. 147. P. 29–48.
- Halphen L.* Recueil d'annales angevines et vendômoises. P., 1903.
- Hare M.* Cnut and Lotharingia: Two Notes // Anglo-Saxon England. 2000. Vol. 29. P. 261–278.
- Hartman-Virmich A.* Saint-Gilles-du-Gard. Nouvelles recherches sur un monument majeur de l'art roman. Conclusion // Bulletin monumental. 2013. Vol. 171 (4). P. 399–400.
- von Hefele K.J.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. P., 1871. Vol. 6.
- Helle K.* The organisation of the twelfth-century Norwegian church // St Magnus Cathedral and Orkney's twelfth-century renaissance / B. Crawford. Aberdeen, 1988. P. 46–56.
- Hellmann M.* Die Heiratspolitik Jaroslavs des Weisen // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B., 1962. Bd. 8. P. 7–25.
- Hugues de Fleury.* Liber qui modernorum regum Francorum continet actus / G. Waitz (MGH. SS. 9). Hannover, 1851.
- Jadart H.* Le Dossier de l'Évangélaire slave à la bibliothèque de Reims. Besançon, 1902.

- Journal de la France et des Français. Chronologie politique, culturelle et religieuse de Clovis à 2000 / F. Cibiel. P., 2001.
- Keynes S.* Cnut's Earls // The Reign of Cnut, King of England, Denmark and Norway / A. Rumble. L.; N.Y., 1994. P. 44–88.
- Krag C.* The early unification of Norway // The Cambridge History of Scandinavia / K. Helle. Cambridge, 2008. Vol. 1. P. 184–201.
- Lamperti Hersfeldensis Annales / O. Holder-Egger (MGH. SS. Rer. Germ. 38). Hannover, Leipzig, 1894.
- Lemarignier J.-F.* Le gouvernement royal aux premiers temps capétiens (987–1108). P., 1965.
- Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie, et de principales nations de l'Empire Russe. 4e éd. P., 1812. T. 1.
- Lidén H.-E.* The Church of St Clement in Oslo // West over sea: studies in Scandinavian sea-borne expansion and settlement before 1300: a festschrift in honour of Dr Barbara E. Crawford / B. Ballin Smith, S. Taylor, G. Williams. Leiden, 2007. P. 251–264.
- Lobanoff de Rostoff A.* Recueil de pièces historiques sur la reine Anne ou Agnès, épouse de Henri Ier, roi de France et fille de Iaroslav Ier, grand-duc de Russie, avec une notice et des remarques. P., 1825.
- Louis G.* La Seigneurie de Bellême X^e–XIIe siècles, dévolution des pouvoirs territoriaux et construction d'une seigneurie de frontière aux confins de la Normandie et du Maine à la charnière de l'An mil. Flers, 1993. T. 1.
- Luchaire A.* Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens (987–1180). P., 1891.
- Menestrier Cl.-F.* Nouvelles découvertes pour l'histoire de France // Journal des Savants. 1682. 22 juin. P. 188.
- de Mézeray F.E.* Histoire de France depuis Faramond jusqu'à maintenant. P., 1643. Vol. 1.
- Miracula sancti Benedicti ab Adrevaldo, Aimoino, Andrea, Radulfo Tortario et Hugone de Sancta Maria, monachis Floriacensibus scripta / E. de Certain. P., 1858.
- Morelle L.* Le concile de Reims de 1049 et le statut de l'abbaye de Montier-en-Der. Avec l'édition du faux précepte de Louis le Pieux en faveur de l'Église de Reims (BM2 835) // Francia-Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 2001. Bd. 28 (1). P. 91–113.
- Neveux F.* Harald le Sévère, roi Norvège: le grand oublié de la tapisserie de Bayeux // La tapisserie de Bayeux. Une chronique des temps vikings? Actes du colloque international / S. Lemagnen. Bonsecours, 2009. P. 47–65.
- Olivier-Martin F.* Études sur les régences. I: Les Régences et la majorité des rois sous les Capétiens directs et les premiers Valois (1060–1375). P., 1931.
- Pedersen F.* Politics and Prelates: Kingdom, Church and Empire in Southern Scandinavia, 950–1076 // Sacri canones servandi sunt: Ius canonicum et status ecclesiae saeculis XIII–XV / P. Krafl. Prague, 2008. P. 153–167.

- Pinoteau H.* La symbolique royale française, V^e–XVIIIe siècles. P., 2004.
- Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–989 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Vol. 30. P. 195–244.
- Poppe A., Poppe D.* The Autograph of Anna of Rus', Queen of France // *Journal of Ukrainian Studies*. 2009. Vol. 34. P. 401–406.
- Potts C.* Normandy 911–1144 // *A Companion to the Anglo-Norman World* / C. Harper-Bill, E. van Houts. Rochester ; N.Y., 2003. P. 19–42.
- Prou M.* Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France (1059–1108). P., 1908.
- Raoul de Cambrai (de Saint-Sépulcre).* Vita Lietberti episcopi Cameracensis / A. Hofmeister (MGH. SS. 30 [2]). Leipzig, 1934.
- Raoul Glaber.* Histoires / M. Arnoux. Turnhout, 1996.
- Regesta pontificum Romanorum* / W. Seegrün, T. Schieffer. Göttingen, 1988. T. 6.
- Riché P.* Les Carolingiens: une famille qui fit l'Europe. P., 1983. P. 303.
- Santinelli E.* Des femmes éplorées? Les veuves dans la société aristocratique du haut Moyen Âge. [Villeneuve d'Ascq], 2003.
- Saxonis Gesta Danorum* / A. Olrik, H. Ræder. Hauniae, 1931.
- Shevelov G.Y.* On the So-called Signature of Queen Ann of France (1063) // *Linguistic and Literary studies in honor of Archibald A. Hills* / M.A. Jazayery et al. Hague et al., 1978. Vol. 3: Historical and Comparative Linguistics. P. 249–256.
- Soehnée F.* Catalogue des actes d'Henri Ier, roi de France: 1031–1060. P., 1907.
- Soehnée F.* Étude sur la vie et le règne de Henri Ier, roi de France, 1008–1060 // *École nationale des chartes: Positions des thèses soutenues par des élèves de la promotion 1891 pour obtenir le diplôme d'archiviste-paléographe*. P., 1891. P. 45–51.
- Stafford P.* Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh-Century England. Oxford, 1997.
- Suger.* Vie de Louis VI le Gros / H. Waquet. P., 1964.
- Theis L.* Histoire du Moyen Âge Français: chronologie commentée de Clovis à Louis XI: 486–1483. P., 1992.
- Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium* // *Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen* / G. Storm. Kristiania, 1880.
- de Vajay S.* Mathilde, reine de France inconnue. Contribution à l'histoire politique et sociale du royaume de France au XIe siècle // *Journal des savants*. 1971. T. 4. P. 241–260.
- Voltaire.* Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII... // *Voltaire. Oeuvres complètes*. P., 1817. Vol. 4.
- Vasiliev A.* Hugh Capet of France and Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1951. Vol. 6. P. 229–251.

- Velly P.F.* Histoire de France, depuis l'établissement de la monarchie jusqu'au règne de Louis XIV. P., 1775.
- Verdon J.* Les veuves des rois de France aux Xe et XIe siècles // *Veuves et veuvage dans le haut Moyen Âge* / M. Parisse. P., 1993. P. 187–198.
- Walaker Nordeide S., Gullusken S.* First Generation Christians, Second Generation Radiocarbon Dates: The Cemetery at St. Clement's in Oslo // *Norwegian Archaeological Review*. 2007. Vol. 40 (1). P. 1–25.
- Werner K.F.* Il y a mille ans, les Carolingiens: fin d'une dynastie, début d'un mythe // *Annuaire-Bulletin de la société de l'histoire de France*. 1993. Années 1991–1992. P. 17–89.

Alexander Musin

MATRIMONIAL ALLIANCE OF HENRY I, KING OF FRANCE,
AND ANNE, DAUGHTER OF YAROSLAV THE WISE,
PRINCE OF KIEV: REASONS, BACKGROUND, CONSEQUENCES

Abstract: The paper gives a comprehensive analysis of the extensive historiography and a few written sources concerning the marriage of Henry I of France to Anne, the daughter of Grand Prince Yaroslav the Wise, as well as its historical and political background, and the life of Anne after Henry's death. The existing hypotheses that interpret the reason for this alliance seem to be unconvincing. The author pays attention to chronological coincidence of the matrimonial project of Henry and the conflict between France and Normandy since 1049. The coalition of Normandy, England and Flanders is likely to have come into being about 1050. It was reinforced with the marriage of William the Conqueror to Matilda of Flanders. The marriage of Anne and Henry should be regarded as an attempt of *Francia* to establish the alliance with Harald Hardruler, the king of Norway, who had married Elisabeth, Anne's sister, another daughter of Yaroslav the Wise. The Norwegian military activity in the region of the North Sea could have been used by the French king against the new coalition. The second Anne's marriage to Raoul IV de Crepy, count de Valois, also served to solve problems of the French Kingdom. There is no reliable information on their excommunication and expulsion from the royal court. Anne actively participated in the government as the queen-mother, while Raoul was one of *optimates* and *barones Francie*. This marriage could have been a kind of balance between the old French nobility and the new Regency Council of the young king Phillip. Thus, the so-called "mysterious" alliance of Henry and Anne was connected with the rise of early states in North-Western Europe in the framework of the existing relations between that part of the continent and Rus'.

Keywords: Kievan Rus', France, Normandy, Norway, matrimonial policy, international relations, cult of St. Clement of Rome, source criticism, historical stereotypes

Н.А. Алексеенко

ИМПЕРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ХЕРСОНА: ОТ АРХОНТИИ ДО КАТЕПАНАТА (ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ)*

Аннотация: Из общего комплекса археологических памятников византийской эпохи, происходящих с древнего городища Херсона, особый интерес для исследования вопросов административно-политического развития этого центра представляют свинцовые подвесные печати — моливдовулы, позволяющие получить ценнейшие сведения о структуре городского управления, взаимоотношениях полиса с государственным бюрократическим аппаратом и его контактах с различными регионами империи. Анализ данных печатей позволяет выделить несколько категорий местных чиновников.

На протяжении VIII — середины IX в., так же как и в некоторых других провинциальных центрах Византии, управленческий аппарат существовал здесь в форме малого военно-административного округа — архонтии, главой которого являлся византийский чиновник-архонт, выдвигавшийся на свой пост из среды местной аристократии с одобрения императора. По данным печатей, в аппарате архонта действовало, по крайней мере, два должностных лица — кир и стратор.

Создание в Таврике фемы Климатов, очевидно, существенно не повлияло на положение херсонской архонтии. Надо полагать, она просто структурно вошла в вновь созданную структуру. Трансформация фемы Климатов в фему Херсон где-то на рубеже 840–850-х гг. привела к изменению статуса округа и соответствующую замену архонта стратигом.

С образованием стратигии в Херсоне сохраняется какое-то время должность кира, но появляются и другие представители фемной администрации (эк просопу, коммеркиарий, протонотарий).

Стремление сохранить контроль над северными областями в своих руках вынудило византийское правительство к широкому привлечению к управлению провинцией представителей местных аристократических кругов (патер полиса, экдик и протевон) и раздаче им высоких придворных чинов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

В первой половине XI столетия Херсон все еще считается центром византийских владений в Северном Причерноморье.

Находка моливдовула Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии, указывает на существование в Таврике во второй половине XI — рубеже XI–XII вв. нового военно-административного имперского формирования — катепаната.

Ключевые слова: Византия, провинциальная администрация (архонт, стратег, катепан, экпросоп, коммеркиарий, протонотарий, стратор, кир, патер полуса, экдик, и протевон), византийский Херсон, сфрагистика, моливдовулы

Территория Северного Причерноморья всегда находилась в сфере политических, военных и экономических интересов византийских императоров. Таврике, благодаря ее стратегически выгодному географическому положению, всегда уделялось особое внимание.

Письменные источники и археологические памятники дают нам богатые сведения о структуре имперской администрации на территории Таврики, центром которой являлся хорошо известный еще со времен античности город и порт Херсонес, получивший в эпоху средневековья имя Херсона¹. К вопросам формирования административного устройства византийского Херсона исследователи издавна испытывают постоянный интерес².

¹ *Храпунов Н.И.* О средневековом названии города Херсона // Восток-запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2005. С. 43–50.

² *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Т. 63. С. 17–66; *Соколова И.В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // ПС. 1971. Т. 23. С. 68–73; *Она же.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 207–211; *Она же.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. 1978. Кн. 18. С. 82–97; *Она же.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 66–118; *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 87–103; *Баранов И.А.* Административное устройство ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 137–145; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратегов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 91–97; *Романчук А.И.* Средневековый Херсонес. Отражение в источниках основных функций города // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 133–141; *Алексеевко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 155–170; *Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности-1996. Харьков, 1997. С. 23–30; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 312–323; *Zukermann C.* On the problem of the early history of Byzantine Thema in Cherson // BMGS. 1997. Vol. 21. P. 211–221; *Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 701–743; *Он же.* К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 1998.

Комплексный анализ письменных источников и археологических материалов показывает, что, несмотря на то, что Херсон являлся далекой заморской провинцией империи и здесь сохранялись свои специфические черты в системе управления, — все же это были имперские земли, на которые распространялись все византийские законы.

Вып. 29. С. 221–227; *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *πατέρες τῆς πόλεως* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 161–167; *Dagron G.* *Crimée ambiguë (IVe–Xe siècles)* // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 289–301; *Oikonomides N.* Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 318–323; *Seibt W.* Probleme der staatsrechtliche Stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 302–309; *Шене Ж.-Кл.* Поздний архонт на примере Херсона // Там же. С. 310–316; *Храпунов Н.И.* Администрация *ἐπαρχεὺς οἴκοι* в Херсоне // Там же. С. 357–361; *Алексеевко Н.А.* Протевоны Херсона X в. по данным памятников сфрагистики // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 154–162; *Alekséenko N.* Les proteuônes de Cherson du Xe siècle sur les monuments de sigillographie // SBS. 2002. Vol. 7. P. 79–86; *Алексеевко Н.А.* Архонтия и архонты Херсона в VIII–IX вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 455–500; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 568–582; *Сорочан С.Б.* «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. 2003. Вып. III. С. 73–130; *Науменко В.Е.* Хазарский «студун» в Херсоне: византийская версия // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 427–440; *Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона // Древности-2004. Харьков, 2004. С. 51–59; *Он же.* Некоторые особенности развития администрации византийского Херсона // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2004. Вып. XIV. С. 326–336; *Алексеевко Н.А.* Таможня и коммерциарии Херсона // *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. Т. 2. С. 1592–1626; *Он же.* Defensor civitatis и его роль в управленческом аппарате Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 67–75; *Он же.* Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности-2005. Харьков, 2005. С. 58–63; *Он же.* Должность *ek prosorou* Херсона в структуре византийской администрации Таврики // ССб. 2005. Вып. 2. С. 7–11; *Он же.* Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в.: печати киров // БИ. 2005. Вып. IX. С. 212–220; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005. С. 489–679, 1096–1182; *Алексеевко Н.А.* Административно-политический очерк истории византийского Херсона IX–XI вв. // ХСб. 2006. Supplement 1. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клевиной. С. 17–22; *Сорочан С.Б., Смычков К.Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/1. С. 207–217; *Alekseyenko N.* La douane du thème de Cherson au IXe–Xe siècle: les sceaux des commerciaux // Kiev — Cherson — Constantinople. Ukrainian Papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19-25.08.2001) / Ed. by A. Aibabin and G. Ivakin. Kyiv; Simferopol; P., 2007. P. 121–164; *Сорочан С.Б.* Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // Хазарский альманах. Харьков, 2007. Т. 6. С. 201–221; *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. P., 2012. P. 3–8, 11–70.

Из общего комплекса археологических находок византийской эпохи, происходящих с древнего городища Херсона, особый интерес для исследования вопросов развития административной системы этого центра представляют свинцовые подвесные печати — моливдовулы, сохраняющие ценнейшие сведения о структуре городского управления и его взаимоотношениях с государственным бюрократическим аппаратом. Их всестороннее изучение не только дает новые сведения о различных категориях местных должностных лиц, но и позволяет сделать ряд важных наблюдений, которые в известной степени дают возможность уточнения или даже пересмотра некоторых традиционных позиций в вопросах организации местных органов власти. Благодаря данным памятников сфрагистики Херсон предстает перед нами как типичный провинциальный византийский город, хотя и не лишенный некоторого своеобразия.

Анализ данных печатей позволяет выделить несколько категорий чиновников, представляющих местный бюрократический аппарат на разных этапах его истории.

Традиционно в Херсоне рассматриваются две основные административные системы: архонтия и страгигия (фема). В то же время благодаря памятникам эпиграфики известно, что изначально имперские политические амбиции в Таврике были гораздо масштабнее — в ранневизантийское время здесь был создан дукат³, границы которого должны были охватывать территорию всего полуострова от Херсона до Боспора⁴. Однако печатей местных дук до сих пор не известно, а гипотезы С.Б. Сорочана на этот счет не выдерживают никакой критики⁵.

Как нам показывают данные сфрагистики на протяжении VIII — середины IX в., так же как и в некоторых других провинциальных центрах Византии, административное устройство

³ *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 105–109, № 99; *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 213–214, № 4.

⁴ *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 132; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 124; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 184–186, 620; *Храпунов М.И.* Адміністрація візантійського Херсона (кінець IV–XI ст.). Автореферат дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2009. С. 8.

⁵ *Сорочан С.Б.* О дукатах византийской Таврики и их моливдовулах // ССб. 2008. Вып. 3. С. 208–209.

Херсона существовало в форме архонтии⁶, главой которой являлся византийский государственный чиновник — архонт, в руках которого, надо полагать, была сосредоточена вся полнота власти. На это, как нам представляется, недвусмысленно намекал Петро-на Каматир в известных советах императору относительно изменения аппарата власти в Херсоне⁷.

В большинстве своем печати архонтов составляют компактную типологически однородную группу моливдовулов⁸. В то же время моливдовулов архонтов, относящихся к VIII в., известно лишь незначительное количество. Практически все ранние архонты Херсона (VIII — нач. IX в.) имели титул ипата⁹. Лишь единственный — Феодот — обладал сразу двумя: являлся ипатом и императорским спафарокандидатом¹⁰. Абсолютное же большинство печатей называют архонтов, согласно Табели о рангах, — императорскими спафариями, хотя отдельные из них все же имели и иные ранги (стратор, спафарокандидат)¹¹.

Судя по данным письменных источников и памятников сфрагистики, архонт Херсона, вне всякого сомнения, являлся официальным (*единоличным!*) византийским правителем, хотя и сегодня далеко не все коллеги в той или иной мере разделяют эту точку зрения. Высказанную в свое время Г. Острогорски¹² мысль о принадлежности архонтов византийской администрации разделяет лишь часть исследователей, причисляя архонтов то к чиновникам, ведавшим вопросами обороны¹³ или осуществлявшим гражданское и военное руководство и контролировавшим выпол-

⁶ Алексеевко Н.А. Архонтия. С. 469–487; *Alekseyenko N. L'administration.* P. 17–28.

⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е, исправ. М., 1991. С. 172–173.

⁸ Соколова И.В. Монеты и печати. С. 145–149; Алексеевко Н.А. Новые находки печатей. С. 156–159; *Он же.* Архонтия. С. 455–500;

⁹ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Vol. 1. Basel, 1972. P. 1284, nr. 2345; Соколова И.В. Печати архонтов. С. 82; *Она же.* Монеты и печати. С. 145, № 1; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1. P. 184, nr. 1.82.3; *Alekseyenko N. L'administration.* P. 74, nr. 2.

¹⁰ *Alekseyenko N. L'administration.* P. 73, nr. 1.1-2.

¹¹ *Ibidem.* P. 73–114, nr. 1–22.

¹² Острогорски Г. Тактикон Успенског и Тактикон Бенешевифа: О времени њиховог постанка // ЗРВИ. 1953. Књ. 2. С. 47.

¹³ Баранов И.А. Административное устройство. С. 139.

нение государственных финансовых повинностей¹⁴, то к высшим функционерам гражданской администрации¹⁵. И.В. Соколова сначала видит в архонте представителя центральной власти (VIII в.), но в дальнейшем говорит уже о коллегии архонтов и причисляет их к муниципальному аппарату¹⁶. Аналогичные тезисы звучали и в ее более ранних работах¹⁷. По-прежнему видит в Херсоне пресловутую коллегию архонтов и Н.И. Храпунов, впрочем, наделяя правом владения печатью только первого из архонтов¹⁸.

Однако напомним, что за исключением Тактикона Ф.И. Успенского все другие источники всегда упоминают местного архонта только в единственном числе¹⁹.

О безусловном единоличном исполнении должности архонта в Херсоне, на наш взгляд, свидетельствует и анализ данных самих памятников сфрагистики. Несмотря на существенное увеличение количественного состава печатей архонтов (128 экз. в нашем каталоге + еще более десятка новых неопубликованных булл), круг лиц, которым они принадлежали, за все время практически не вырос. Мы знаем только восемь имен херсонских архонтов (Феодот, Савва, Зоил, Евстафий, Константин, Григора, Григорий и Лев). В абсолютном большинстве своем это функционеры первой половины IX в., архонтов же VIII в. пока известно два или три, а для рубежа VIII–IX вв. — только три²⁰. На данный момент мы определяем число архонтов двенадцатью–пятнадцатью персонажами, а может быть, даже и меньше, если учесть принадлеж-

¹⁴ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 638.

¹⁵ Шене Ж.-Кл. Поздний архонт. С. 310–316.

¹⁶ Соколова И.В. Монеты и печати. С. 113, 115.

¹⁷ Соколова И.В. Клад Херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. 1971. Т. XII. С. 22–23; Она же. Администрация Херсона. С. 208; Она же. Печати архонтов. С. 93–96.

¹⁸ Храпунов Н.И. Администрация. С. 571; Он же. О континуитете. С. 52; Он же. Администрация византийского Херсона (конец IV–XI вв.) / Дисс. ... канд. ист. наук / Институт востоковедения им. А. Крымского. Киев, 2009 (рукопись). С. 88–100, 115–116; Он же. К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII–XI вв. // АДСВ. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 116.

¹⁹ См.: Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Leipzig, 1883–1885. Т. I–III. P. 372–380; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880. P. 44–47; Mango C., Scott R. The Chronicle of Theophanes Confessor. N.Y., 1997. P. 527–528; Mango C. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short history // CFHB. Washington, 1990. Vol. XIII. P. 108–113.

²⁰ См.: Alekseyenko N. L'administration. P. 73–79, nr. 1–7.

ность некоторых серий печатей одному и тому же владельцу. Как нам представляется, для коллегиального органа власти, действовавшего на протяжении как минимум полуторавекового периода, такое количество фигурантов, несомненно, недостаточно.

Но в херсонской архонтии не только правитель обладал правом печати. Памятники сфрагистики называют, по крайней мере, еще два местных института власти.

Ранее мы отмечали, что сложная политическая ситуация в регионе, вызванная военной активностью хазар, потребовала введения в Херсоне особой формы правления, во главе с киром, сменившим на рубеже VIII–IX — в начале IX в. местного архонта²¹.

Долгое время в научном мире была известна единственная печать кира Исаака²², и лишь сравнительно недавно удалось выявить три печати киров, принадлежавшие ипатам Льву²³ и Зоилу²⁴. К сожалению, второй экземпляр последнего (ИФЕВ, инв. № 25), ошибочно отнесенный Н. Зайбт и В. Зайбт к самым ранним стратигам Херсона²⁵, внес серьезную путаницу в историографии и породил ряд кочующих из работы в работу ложных интерпретаций и научных построений вплоть до построения *cursus honorum* этого чиновника²⁶. М. Нистазопулу-Пеликиду даже отождествляла Зоила печатей с известным по письменным источникам херсонским протополитом, считая его византийским чиновником и главой городского совета²⁷. Однако напомним, что в силу стилистических особенностей печать кира Зоила не может быть датирована временем ранее рубежа VIII–IX вв.²⁸, и речь здесь идет о двух различных персонажах.

²¹ Алексеевко Н.А. Херсон на хазарско-византийском пограничье. С. 214–218.

²² Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 122–123. Отметим, что В. Зайбт видит здесь имя Феофилакта (*Seibt W. Probleme*. С. 309).

²³ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей. С. 160, №№ 8–9.

²⁴ Алексеевко Н.А. Херсон на хазарско-византийском пограничье. С. 213, рис. 1.4.

²⁵ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов. С. 91–92.

²⁶ Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. С. 33, 35–36, прим. 97; *Он же*. Византийский Херсон. С. 637, прим. 247.

²⁷ *Nystazopoulou-Pélékidou M. L'Administration locale de Cherson a l'époque byzantine (IVe–XIIe s.)* // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. P., 1998. Т. II. P. 571.

²⁸ Алексеевко Н.А. Херсон на хазарско-византийском пограничье. С. 213; *Alekseyenko N. L'administration*. P. 116–117, nr. 25.1–2.

Появление новой печати кира третьей четверти IX в.²⁹ позволяет внести отдельные коррективы в вопрос о длительности существования и возможном статусе исполнителей этой херсонской должности.

Среди печатей херсонского архива также удалось выделить аналогичную печать³⁰, лучшей сохранности, чем булла из коллекции К.Д. Смычкова, позволяющую не только уточнить имя владельца, но и сфрагистический тип, и датировку.

Моливдовулы императорского спафария ἐπί τῶν οἰκιακῶν и кира Михаила относятся к периоду не ранее последней трети IX в.³¹, что подтверждает и печать известного по письменным источникам василеопатора Стилиана Зауцы³².

Напомним, что А.Ф. Вишнякова относила кира к разряду эпархов, определяя его как градоначальника и главное лицо в городе вплоть до организации фемы в Таврике³³, с чем соглашалась и И.В. Соколова³⁴.

В современной историографии о статусе херсонского кира существует несколько достаточно разноречивых мнений: от главы городского самоуправления³⁵ или представителя власти, направленного в город хазарским каганом³⁶, до чиновника пограничного региона, ведавшего связями с варварами³⁷. С.Б. Сорочан видит в них имперскую «штатную» должность, замечая при этом, что в ее исполнителях «самое большое можно видеть приемников херсонских господ, “первенствующих — протополитов”, первых горожан, но опять-таки как представителей местной знати и имперской администрации, действующих под присмотром византийского архонта, может быть как заместители последнего, прежде всего, по вопросам контроля за прохождением товаров и сбора

²⁹ Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры. С. 210, С. 361, рис. 1–2.

³⁰ Алексеенко Н.А. Ведомство ерi tou oikeakon и его представители в администрации Херсона // VI Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 7–9.

³¹ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов. С. 92, 96, прим. 13.

³² Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. P. 1442–1444, nr. 2674ab, 2674bis; Zacos G. Byzantine Lead Seals. Berne, 1981. Vol. II. P. 181, nr. 298; Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986. P. 62–63. nr. 55.

³³ Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати. С. 123.

³⁴ Соколова И.В. Печати архонтов. С. 95.

³⁵ Айбабин А.И. Этническая история. С. 215–216.

³⁶ Шене Ж.-Кл. Поздний архонт. С. 310–311.

³⁷ Храпунов Н.И. Администрация. С. 574.

налогов и податей»³⁸. А.Н. Домановский сопоставляет кира с коммерциарием и определяет его функции сходными с обязанностями столичного эпарха «по контролю и регулированию коммерческой деятельности»³⁹. В.Е. Науменко относит киров к муниципальным чиновникам с верховными полномочиями, подчиненным местным архонтам, а для кира периода существования фемы, равно как и затем для протевона, исследователь отводит роль высшего муниципального чиновника, решавшего текущие вопросы и следившего за состоянием фортификационных сооружений⁴⁰.

Если принять точку зрения большинства исследователей, кир первой половины IX в. входил в аппарат архонтии и, возможно, выполнял роль своеобразного инспектора над трафиком товаров, что вполне логично при отсутствии должности таможенника. Но как быть с киром Михаилом, при котором в аппарате стратига уже существовала должность коммерциария? Вызывает некоторое недоумение и утверждение С.Б. Сорочана, что печать кира Михаила указывает владельца «как *ἐκ πρὸς τοῦ* стратига»⁴¹.

Тем не менее, сохранение в Херсоне так называемых *внетабельных* чинов свидетельствует о том, что позиции местной городской общины, очевидно, были достаточно прочными⁴². Империя, скорее всего, вынуждена было как-то приспособливаться к местным реалиям и искать пути сохранения своего влияния на местах. Одним из решений этих проблем, надо полагать, явилось привлечение к управлению фемой местных аристократов, включив их должности в аппарат стратига, удостоив придворных рангов и наделив печатями имперского образца. Возможно, они могли даже сохранять и зону своей ответственности, которую исполняли в городских институтах власти. Но теперь их главной задачей, бесспорно, являлось обеспечение помощи стратигу в деле управления подвластной ему территорией и защите имперских интересов в регионе.

³⁸ Сорочан С.Б. Государственное устройство. С. 28; Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры. С. 208–210.

³⁹ Домановский А.Н. К вопросу существования аналогов константинопольского эпарха города в провинциальных городах империи (VIII–IX вв.) // «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос». Материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006. С. 95–97.

⁴⁰ Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX — начале X вв. // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 271–272.

⁴¹ Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры. С. 212–213.

⁴² Храпунов Н.И. К вопросу о роли городской общины. С. 127–130.

Возвращаясь к должности кира, отметим, что сегодня печати херсонских киров синхронны не только печатям архонтов, но и отдельным печатям стратигов и коммеркиариев. Сосуществование этих должностей, как нам представляется, определенно должно предполагать их различную ведомственную принадлежность или, по крайней мере, некую их субординацию.

Судя по данным моливдовулов, должность кира входила в официальную администрацию сначала архонтии, затем фемы Климатов, а при ее трансформации и в стратегии Херсона, и так или иначе просуществовала с рубежа VIII–IX вв. до последней трети IX в. Не исключено, что кир мог ведать городским хозяйством как своеобразный эпарх, находясь в подчинении архонта. Однако с организацией фемы его юрисдикция вряд ли распространялась далее внутригородских проблем и, безусловно, не касалась фискальной деятельности, которая тогда уже была подчинена коммеркиарию.

Очевидно, это был местный вельможа, удостоенный императором, как и ранние архонты Херсона, первоначально чином ипата, а затем и более высоким рангом императорского спафария с полномочиями чиновника ведомства ἐπί τῶν οἰκιακῶν, контролировавшего императорский домен.

Кроме архонта и кира, в городском бюрократическом аппарате в качестве неординарной местной должности выступает и стратор Херсона⁴³.

Ранг императорского стратора известен на печатях Херсона в качестве титула архонта Константина⁴⁴, печати которого относятся к рубежу VIII–IX — началу IX в. Часть новых печатей с именем Сергия, императорского стратора Херсона, в соответствии со сфрагистическим типом и характерными стилистическими особенностями также относится к этому периоду. Другие печати с изображением шестиконечного процветшего креста в сопровождении инвокативного обращения датируются более поздним временем. Печати с данным типом креста В. Зайбт склонен отнести рубежу IX–X вв.⁴⁵, а И.В. Соколова — к первой

⁴³ *Alekseyenko N.* The Particulars of the Byzantine Administration in Taurica: *Seals of the Stratores of Cherson // Byzantine and Rus' Seals.* Kyiv, 2015. P. 55–60.

⁴⁴ *Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // *SBS.* 1995. Vol. 4. P. 139–140; *Alekseyenko H.A.* Новые находки печатей. С. 157–158, 539, № 4–6, рис. 1.10–12; *Он же.* Архонтия. С. 465, 499, № 32–33, рис. 6, 32–33; *Alekseyenko N.* L'administration. P. 76–79, nr. 6–7.

⁴⁵ *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов. С. 92, прим. 18.

половине X в.⁴⁶. Однако весьма не характерный ободок креста, выполненный из очень крупных жемчужин, эпиграфические и стилистические особенности, очевидно, могут предполагать датировку печатей второй группы временем близким моливдовулам архонта Зоила⁴⁷, т.е. в пределах первых десятилетий IX в., а не первой половины X в., как мы полагали ранее⁴⁸.

Появление новых печатей — безусловный факт существования в Херсоне по меньшей мере в начале IX в. экстраординарной должности императорского стратора, абсолютно не характерной для администраций византийских провинций.

Термин «стратор» на византийских моливдовулах известен исключительно только в качестве ранга владельцев печатей, за которым всегда следует исполняемая им должность или приписка к тому или иному ведомству⁴⁹.

Должность протостратора, заведовавшего императорскими конюшнями⁵⁰, известна еще со времен правления Константина V (741–775); с XI в. это одна из высших государственных должностей⁵¹. Не так давно П. Георгиев издал бронзовые матрицы для восковых печатей коллегии страторов византийской провинциальной администрации X–XI вв., найденные в Болгарии⁵², связывая их с существованием в районе Плиски–Преслава коневодческого района, сохранившего свои традиции до наших дней.

Какова была роль херсонского стратора и имел ли он какое-либо отношение к ведомствам логофета стад или комита императорских конюшен, сказать достаточно сложно. Как известно,

⁴⁶ Соколова И.В. Монеты и печати. С. 155, № 30.

⁴⁷ Alekseyenko N. L'administration. P. 75–76, nr. 4–5.1–2.

⁴⁸ Alekseienco N. The Features of the Byzantine Administration in Taurica Again: *molybdobouloi* of the *stratores* of Cherson // International Colloquium on Rus' — Byzantine Sigillography «SPHRAGISTIC MERIDIAN: КИЇВ — КОРСУНЬ / ΧΕΡΣΟΝ — ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ». Program and Abstracts. Kyiv; Sevastopol, 2013. P. 26–27.

⁴⁹ Как пример приведем печати Василия и Константина, императорских страторов и архонтов Фессалоники рубежа IX–X вв. (*Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals.* P. 56–57, nr. 18.12–13).

⁵⁰ Сюзюмов М.Я. Книга эпарха. Свердловск, 1949. С. 26, 89.

⁵¹ *Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century.* L., 1911. P. 117–118; *Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines.* T. I–II. Berlin; Amsterdam, 1967. P. 478–497; *Oikonomidès N. Les listes preseance Byzantines des IXe et Xe siècle.* P., 1972. P. 337–338.

⁵² *Георгиев П.П. За страторската коллегия във византийската провинциална администрация през X–XI в. (по данни на находки от североизточна България) // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 189–206.*

именно эти две имперские службы отвечали за снабжение армии и двора лошадьми и тягловыми животными, а также за поставки снаряжения и фуража для животных⁵³. Однако должность стратора среди должностных лиц этих ведомств не известна⁵⁴. Напомним, что основной функцией логофета стад являлось управление митатами — государственными конными заводами, а комит императорских конюшен осуществлял руководство императорскими конюшнями в столице и в главном из постоянно действовавших военных лагерей-аплект в Малагине на западе Малой Азии. Источники сообщают, что в аплектах с VIII столетия накапливались разнообразные ресурсы, предназначенные для снабжения византийского войска⁵⁵. Очевидно, говорить о существовании конезавода в Таврике у нас нет никаких оснований, а вот предположить существование в Херсоне или его округе склада-аплекта, где могли аккумулироваться необходимые для армии ресурсы, на наш взгляд, вполне логично. Смотритель такого склада в нашем случае мог получить обозначенный на херсонских печатях пост императорского стратора, указывавший на его принадлежность к ведомству имперских конюшен.

Таким образом, моливдовулы новых херсонских чиновников — страторов — не только лишний раз подчеркивают специфику местной административной системы, в которой существовали как хорошо известные имперские должности, так и совсем нетрадиционные *внетабельные* посты, и являются свидетельством того, что среди городских чиновников, подобно известным в Таврике императорскому спафарию Херсона Цуле⁵⁶, протоспафарию Херсона Михаилу Цуле⁵⁷ или протоспафарию Боспора Георгию Цу-

⁵³ Bury J.B. The Imperial Administrative System. P. 107, 126–127; *Каждан А.П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960. С. 130–131; *Guilland R.* Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine // REB. 1971. Т. 29. P. 71–75.

⁵⁴ См.: *Oikonomidès N.* Les listes. P. 116–117, 338–339.

⁵⁵ *Constantine Porphyrogenitus.* Three Treatises in Imperial Military Expeditions / Intr., ed., transl. and comm. by J.F. Haldon. Wien, 1990 (text A. 3–14); *Laiou A.E.* The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, 2002. P. 58–59.

⁵⁶ *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. P., 1884. P. 238, nr. 8; *Соколова И.В.* Печати Георгия Цулы С. 69; *Соколова И.В.* Монеты и печати. С. 159, № 42; *Смычков К.Д.* Неизданная печать с именем Цула // ВВ. 1987. Т. 48. С. 158–159; *Alekseyenko N.* L'administration. P. 231–232, nr. 151–152.

⁵⁷ *Алексеенко Н.А.* Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности-1995. Харьков, 1995. С. 81, 87, рис. 1.1; *Alekseyenko N.* L'administration. P. 232–233, nr. 153.

ле⁵⁸, роль которых пока тоже не вполне понятна, присутствовал и императорский конюший, который, очевидно, как и его коллеги из службы снабжения византийского войска, должен был обеспечивать конями и мулами, их оснасткой и фуражом располагавшиеся в регионе воинские контингенты или различные дипломатические миссии, отправлявшиеся через Херсон сухопутным путем к северным соседям империи.

Итак, сопоставляя сведения письменных источников с новейшими данными памятников сфрагистики, мы можем констатировать, что в VIII — первой половине IX в., административное управление Херсона предстает в форме малого военно-административного округа империи — архонтии, — во главе которого стоял чиновник — архонт, осуществлявший на вверенной ему территории единоличное правление, назначаемый на свой пост императором, очевидно, по предложению херсонской знати и, надо полагать, сам являвшийся одним из херсонских нотаблей⁵⁹. Судя по всему, в его руках находилась вся полнота власти — от контроля за уплатой налогов и податей до решения вопросов войны и мира. Его присутствие среди официальных представителей государственного аппарата наряду со стратигом фемы Климатов, наличие византийских придворных рангов и печати не оставляют сомнения в его именно государственных функциях.

Моливдовулы киров и страторов Херсона дают возможность полагать, что у архонта был собственный аппарат управления, вероятно, сформированный из представителей местного нобилитета, привлеченных на государственную службу.

Известные по письменным источникам VIII в. представители местных властей — протополит⁶⁰, отцы города⁶¹ и архонт-тудун *ἐκ πρὸσώλου τοῦ Χαράνου* (за исключением протевонов) — в памятниках сфрагистики пока никак не проявились. Видимо, тогда они имели лишь опосредованное отношение к официальной власти. Н.И. Храпунов полагает, что в херсонской архонтии существовал

⁵⁸ Соколова И.В. Печати Георгия Цулы. С. 70, № 1; Она же. Монеты и печати. С. 134, прим. 236, табл. XXб; *Alekseyenko N. L'administration.* P. 237, nr. 159.

⁵⁹ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. by Gy. Moravcsik, trans. by J. Jenkins.* Washington. 1967. P. 184–185; ср.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* С. 172–173.

⁶⁰ *Theophanis Chronographia.* P. 372–380; *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica.* P. 44–47.

⁶¹ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.* P. 184, 42₄₄.

аппарат двух уровней — чиновники с печатями, утвержденные императором, и без печатей — не утвержденные⁶². С этим выводом согласен и С.Б. Сорочан, в свою очередь отмечавший, что это были представители «и василевса, и городской общины»⁶³.

Возможно, этими обстоятельствами и было вызвано появление в Херсоне так называемых *внетабельных* чинов, не учтенных в официальных списках, которые затем при феме получают еще большее развитие.

Начало формирования новой администрации в Таврике относится ближе к середине IX в. (весна–лето 841 г.)⁶⁴, когда здесь по распоряжению императора Феофила была образована фема Климатов⁶⁵.

Появление новой администрации сразу же находит отражение в одном из официальных имперских документов. Весьма примечательно, что составленный к концу первой половины IX в.⁶⁶ Тактикон указывает одновременно и стратига Климатов и архонтов Херсона⁶⁷. В свое время Г. Острогорский полагал, что наличие стратига Климатов и архонтов Херсона в документе вызвано тем, что составитель текста таблицы указал и старое и новое название должности правителя области⁶⁸. Однако современное определение Климатов как малых административных районов Готии, каждый из которых имел своего правителя — архонта⁶⁹, надо полагать, во многом проясняет суть текста документа. С учетом испорченного отрезка источника (οἱ ἄρχωνες), где, скорее всего, указаны архонты Климатов и Херсона⁷⁰, становится вполне понятным, почему в этом официальном документе фигурируют и стратиг, и архонты.

⁶² Храпунов Н.И. Администрация. С. 577–578.

⁶³ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 605.

⁶⁴ Цукерман К. К вопросу о ранней истории. С. 312–316; *Zukermann C.* On the problem. P. 211–221.

⁶⁵ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. P. 182–185; Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 122–123.

⁶⁶ *Bury J.B.* The Imperial Administrative System. P. 12–13; *Острогорски Г.* Тактикон Успенског. С. 40–48; *Oikonomidès N.* Les listes. P. 47.

⁶⁷ *Oikonomidès N.* Les listes. P. 48–49¹⁹, 56–57¹³, n. 13.

⁶⁸ *Острогорски Г.* Тактикон Успенског. С. 43; ср.: *Bury J.B.* The Imperial Administrative System. P. 9.

⁶⁹ *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории. С. 317–319; *Науменко В.Е.* Учреждение и развитие. С. 24; *Он же.* Византийская фема. С. 262–263.

⁷⁰ *Алексеевко Н.А.* Архонтия. С. 473.

К сожалению, сфрагистический материал, отражающий изменения в администрации региона в этот период, по-прежнему представлен лишь четырьмя сильно фрагментированными печатями⁷¹. Три моливдовула с определенной долей вероятности относятся к стратигам Климатов и Херсона⁷², а владельцем четвертого издатели считают правителя «пяти Климатов»⁷³.

Анализ письменных источников позволил В.Е. Науменко прийти к заключению, что под «Климатами» византийские авторы подразумевали «горные и приморские области Таврики, входившие в состав Византийской империи или находившиеся традиционно в сфере ее политического и культурного влияния, ограниченные территориально крепостями — Херсоном с запада и Боспором с востока»⁷⁴. Соотнося последние с числом крымских епархий, исследователь высказал мнение о том, что амбициозный проект образования византийской фемы в Таврике подразумевал хотя бы номинально включение в ее состав территорий Херсона, Боспора, Готии, Сугдеи и Фул, т.е. все те же пять регионов.

Учреждение фемы и введение режима прямого правления стратига, который должен был держать в своих руках и гражданскую и военную власть на вверенной ему территории, в известной мере шли вразрез с традиционной гибкостью имперской политики по отношению к местным архонтиям. В то же время невозможно судить о том, в какой мере стратиг мог осуществлять всю эту полноту власти и насколько реальными были его полномочия. Не исключено, что его назначение в какой-то мере было лишь декларативным и изначально не имело под собой реальной почвы.

По-видимому, создание фемы Климатов существенно не повлияло на положение архонтов Таврики. Вполне возможно, что они какое-то время могли, как и прежде, осуществлять свою деятельность, находясь теперь в номинальном подчинении стратигу

⁷¹ *Alekseyenko N.* L'administration. P. 118–119, nr. 26–27.1–3.

⁷² *Соколова И.В.* Монеты и печати. С. 149–150, № 14; ср.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории. С. 319–320; *Шене Ж.-Кл.* Поздний архонт. С. 311; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 2. С. 174, № 8; *Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 54, nr. 16; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 103–104; *Алексеев Н.А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 126–127, 134, № 6, рис. 6.

⁷³ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. P. 182, nr. 81.1.

⁷⁴ *Науменко В.Е.* Византийская фема. С. 263.

фемы. Однако исторические реалии истинного положения дел в регионе где-то уже на рубеже 840–850-х гг. привели к трансформации фемы Климатов в фему Херсон⁷⁵. Соответственно, необходимость в местном архонте и его аппарате отпала естественным образом, и его заменил херсонский стратиг, у которого появился и свой штат чиновников. Около 860 г. глава новой херсонской администрации впервые отмечается и в письменных источниках⁷⁶.

Напомним, что И.В. Соколова связывала переименование фемы с ее реформированием, повлекшим ликвидацию херсонского самоуправления и отмену поста архонтов⁷⁷, в то время как Н. Икономидис полагал, что никакой административной реформы не было и причина замены имени фемы крылась в изменении общих принципов номенклатуры византийских фем в этот период⁷⁸. К. Цукерман, в свою очередь, причину переименования фемы видел в сокращении территории византийского влияния в Таврике из-за вторгшихся на территорию полуострова мадьяр⁷⁹, с чем в принципе согласен и С.Б. Сорочан, лишь отодвигающий это событие к концу 850-х — в 860-е гг.⁸⁰.

Безусловно, изменение названия фемы было вызвано вполне определенными причинами, главные из которых, на наш взгляд, были связаны с реальными возможностями местного стратига по контролю ситуации в регионе и существенным сокращением территории византийского влияния, сведшейся собственно к Херсону и его округе⁸¹.

Следует отметить, что фема Херсон лишь на первый взгляд имеет традиционный для византийской провинции аппарат управления. Наличием стратига, протонотария, коммеркиария и ёк

⁷⁵ Цукерман К. К вопросу о ранней истории. С. 317; ср.: Науменко В.Е. Учреждение и развитие. С. 24–26.

⁷⁶ Vita cum Translatione S. Clementis // ПХХ. М., 1911. Вып. II. С. 144; Meyvaert P., Devos P. Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la Légend Italique résolues grace a un document inédit // АВ. 1955. Т. 73. Р. 457.

⁷⁷ Соколова И.В. Печати архонтов. С. 93, 96.

⁷⁸ Oikonomides N. Le «système» adminiatratif. P. 321.

⁷⁹ Цукерман К. К вопросу о ранней истории. С. 319–321; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 675–678.

⁸⁰ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 1153–1154.

⁸¹ Цукерман К. К вопросу о ранней истории. С. 321; Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // ПИФК. Т. XII. М.; Магнитогорск, 2002. С. 551; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 1154.

πρωτόλου в общем-то и заканчивается это общее сходство с принятой в империи административной моделью. Известные по находкам в Херсоне печати турмархов, друнгариев, комитов, хартуляриев и других функционеров, присущих для обычной византийской административной практики, встречаются исключительно без указания места службы их владельцев. Исключение, пожалуй, составляет лишь печать турмарха Готии⁸², свидетельствующая о том, что во второй половине X в. Готия являлась структурным подразделением фемы Херсона.

В то же время уже удалось выделить более ста пятидесяти моллидовулов стратигов Херсона.

В письменных источниках за ними закрепилось невысокое место в общем списке стратигов фем. Так, в «Табели о рангах» В. Бенешевича (934–944 гг.) стратиг Херсона занимает предпоследнее 31-е место⁸³, а четверть века спустя в «Эскуриальном Тактиконе» (971–975 гг.) — уже 44-е из 86-ти⁸⁴. Между тем, казалось бы, значительное понижение Херсона в списке значимости фем, по всей видимости, не означало падения его рейтинга для империи. Напротив, на наш взгляд, по-видимому, следует говорить о возрастании внимания к городу со стороны византийской администрации и, как следствие, повышении значимости фемы, переместившейся с конца в середину списка.

В «Клиторологии» Филофея стратиги Херсона отнесены к третьему классу — императорским спафариям⁸⁵, и по данным моллидовулов самые ранние из них принадлежали именно к этому классу⁸⁶, хотя уже в первой половине X в. большинство имели ранг императорских протоспафариев, во второй половине — отдельные удостоивались звания императорского протоспафария ἐπί τοῦ Χρυσοτρικλίνου, а в конце X — середине XI в., по крайней мере, два из них (Михаил Херсонит⁸⁷ и Лев Алиат⁸⁸) уже при-

⁸² *Alekséenko N.* Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. 1996. Т. 54. P. 271–275.

⁸³ *Oikonomidès N.* Les listes. P. 246–247₃₀.

⁸⁴ *Ibidem.* P. 266–267₉.

⁸⁵ *Ibidem.* P. 104–105.

⁸⁶ Впрочем, бывали и исключения из правила: например, патрикий Иоанн Вора (см.: *Богданова Н.М.* Херсон. С. 152, прим. 6).

⁸⁷ *Алексеевко Н.А.* Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 257–260, №№ 2–4; *Alekseyenko N.* L'administration. P. 164, 229, nr. 80.1–2, 148.

⁸⁸ *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1895. Т. 2. С. 184–188.

надлежат к сановникам высшего ранга — патрикиям⁸⁹. Впрочем данная тенденция характерна и для других фем империи. Уже с конца IX в. многие стратиги имеют чин императорского протоспафария⁹⁰.

Судя по дошедшим до нас сведениям, стратигами в Херсон назначались, как правило, члены известных византийских семейств, таких как Каматиры, Катафлороны, Алиаты, Иаситы и Протевоны. Несмотря на то, что лянжи этих семейств занимали различное положение в иерархии византийской знати⁹¹, очевидно, уже само назначение членов этих родов стратигами в далекую северную провинцию говорит об определенной значимости Херсона для империи. В то же время появление среди стратигов представителей малоизвестных фамилий (Вога, Цула, Херсонит), не учтенных в византийской иерархической лестнице, по всей видимости, отражает наметившуюся во второй половине X в. тенденцию по отходу от ранее заведенного правила — присылки стратига из столицы или иных мест империи и назначения на этот пост выходцев из самого Херсона. Находясь в центре хазаро-византийских и русско-византийских отношений, испытывавший постоянную угрозу враждебно настроенных соседей⁹². Херсон находился в самой гуще внешнеполитических событий. И центральная власть всячески старалась упрочить свое положение в этом стратегически важном регионе. К концу X в. резко возрастает его роль как центра дипломатических усилий империи в Северном Причерноморье. Достаточно вспомнить об участии херсонитов в посольствах на Русь и особых статьях о Херсоне практически в каждом договоре с русскими князьями⁹³. Возможно, именно этому обстоятельству мы обязаны назначением Михаила Херсонита, очевидно имевшего незаурядные дипло-

⁸⁹ См. печати стратигов: *Alekseyenko N.* L'administration. P. 120–180, nr. 28–94.1–6.

⁹⁰ *Соколова И.В.* Чин стратигов византийских фем в VIII — первой половине X в. по данным сфрагистики // *Българско средновековие. Българско-советски сборник в чест на 70-годишната на проф. И. Дуйчев.* София, 1980. С. 138.

⁹¹ *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 88–101.

⁹² *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. P. 1₂₅₋₂₈, 11₃₋₁₃; ПВЛ. С. 49–50; 186–189; *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 91; *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; L., 1982. P. 117₂₁₋₂₃.

⁹³ ПВЛ. С. 24–25; ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 50–51, 73; Т. II. С. 248; Т. V. С. 39, 61; Т. VIII. С. 281, 291; *Лев Диакон.* История. С. 36–37.

матические способности⁹⁴, в родной город, где ему предстояло отстаивать и защищать интересы империи.

Возвращаясь к вопросам эволюции административного устройства Херсона, следует отметить, что, реально оценивая возможности по осуществлению контроля над провинцией и учитывая устоявшиеся традиции местных властных структур, империя предпринимает вполне определенные шаги по укреплению своей власти в Таврике и в первую очередь усиливает аппарат херсонского стратига. Подобно архонту, он не был единственным представителем официальной имперской власти.

Говоря о государственном бюрократическом аппарате Херсона, нельзя не упомянуть *ἐκ πρὸβόλου*. Все известные моливдовулы этого чиновника (6 экз.) относятся к одной паре матриц⁹⁵. Совокупность стилистических признаков позволяет отнести их к памятникам конца IX — начала X в.⁹⁶

В своей основе термин *ἐκ πρὸβόλου* означал лиц, которым вышестоящее должностное лицо вверяло свои полномочия и позволяло какое-то время действовать от своего имени на вполне определенной территории, как правило, выполняя задачи чиновников фиска или финансов⁹⁷.

⁹⁴ Напомним, что, будучи стратигом Коркиры (Корфу), Михаил Херсонит принимал участие в переговорах, когда византийскую столицу посетил посол саксонского императора Оттона кремонский епископ Лиутпранд, давший оценку его деятельности как ловкого и опасного политика и дипломата (см.: *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о путешествии в Константинополь. М., 2006. С. 147–148).

⁹⁵ *Schlumberger G.* Sceaux byzantin inédits // RN. 1916. Т. 20. P. 36, nr. 306; *Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. P., 1952. P. 109–110, nr. 202; *Соколова И.В.* Монеты и печати. С. 153, nr. 24–24а; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. P. 401–402, nr. 887; *Alekseyenko N.* L'administration. P. 179–180, nr. 94.1–6.

⁹⁶ См.: *Laurent V.* Le Corpus des Sceaux II. Nr. 329, 365bis, 474, 902; *Zacos G.*, *Veglery A.* Byzantine Lead Seals. P. 707–708, 1442; *Nesbitt J.*, *Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. P. 189, nr. 82. 21; *Зайбм Н.*, *Зайбм В.* Печати стратигов. С. 92.

⁹⁷ *Rambaud A.* L'Empire Grèc au X-ème siècle. P., 1870. P. 197–198; *Mitard M.* Études sur le règne de Leo IV // BZ. 1903. Т. 12. P. 594; *Beck H.-G.* Рец. на : *J. Verpeaux.* Contribution à l'études d'administration // BZ. 1956. Т. 49. S. 77, 159, Anm. 64; *Glykatzi Ahweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe–XIe siècle. Athens; P., 1960. P. 41–42; *Lemerle P.* Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et récits» de Kékaumenos. Bruxelles, 1960. P. 92–93; *Oikonomides N.* Les listes. P. 342; *Oikonomides N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–Xe s.). Athènes, 1996. P. 90; *Кекавмен*. Советы и рассказы / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 126.

Наличие лишь единственного представителя этой должности, вне всякого сомнения, ставит ее в разряд уникальных, несмотря на широкое применение последней в византийской административной практике, и, безусловно, свидетельствует об экстраординарности условий ее введения⁹⁸. Например, при проведении какой-либо инспекции или судебного разбирательства, подобно известным по письменным источникам *ἐκ πρὸσώλου* Фессалоники и Стримона, Симеону и Феодору Кладону, осуществлявшим проверку владений Лавры св. Афанасия и близлежащих монастырей⁹⁹.

Факт введения этой должности в херсонскую администрацию, вне всякого сомнения, свидетельствует о ее высокой значимости и важности нашего персонажа.

Судя по печатям, отражающим служебную карьеру Сергия¹⁰⁰, его служба в Херсоне оказалась вполне успешной, что позволило ему после исполнения обязанностей *ἐκ πρὸσώλου* занять пост главы фемы.

Одну из наиболее важных ролей в херсонской администрации играл и местный коммеркиарий.

Стратегически выгодное положение на пересечении торговых путей, связывающих страны Средиземноморья с народами Севера, определило Херсону роль важного таможенного центра, осуществлявшего контроль над трафиком товаров через акваторию Черного моря. Однако собственный представитель имперского фиска здесь появляется только с образованием фемы. Печатей первых коммеркиариев Херсона известно немного. По стилю и эпиграфическим особенностям они полностью соответствуют печатям самых ранних херсонских стратигов, которые датируются в пределах середины — третьей четверти IX в.¹⁰¹ По замечанию И.В. Соколовой, херсонесские коммеркиарии, «по-видимому, происходили из местных жителей или, во всяком случае, долго служили на одном месте»¹⁰².

⁹⁸ Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока // Научное наследство. М., 1991. Т. 19. С. 209.

⁹⁹ Литаврин Г.Г. Византия и Болгария. М., 1960. С. 50, 306; *Он же*. Византийское общество и государство в X–XV вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081. М., 1977. С. 28; *Oikonomidès N. Fiscalité*. P. 284.

¹⁰⁰ См.: Соколова И.В. Монеты и печати. С. 78; *Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals*. P. 185.

¹⁰¹ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов. С. 91–92.

¹⁰² Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. Екатеринбург, 1992. Т. 26. С. 192.

В финансовом управлении Византийского государства коммеркиариям с самого начала была отведена важная и значительная роль. В круг их обязанностей входил надзор над торговлей и производством шелка¹⁰³, а позже к этому добавилось взимание специального 10% налога — коммеркиона — с импорта-экспорта товаров и торговли ими на всей территории империи¹⁰⁴. В конце VIII в. изменение государственной политики внешней торговли и практическое упразднение монополии на шелкопродажу привели к потере основной функции коммеркиариев¹⁰⁵. По мнению С.Б. Сорочана, либерализация условий экспортно-импортных операций вовсе не означала отказа властей от контроля над ними. Напротив, проведенные мероприятия теперь позволяли получать с купцов-иноземцев еще и таможенные пошлины, взимание которых и вошло в компетенцию коммеркиариев¹⁰⁶. Напомним, что еще Г. Шлюмберже и Н.П. Лихачев именно коммеркиариев определяли как сборщиков таможенных пошлин в портовых городах¹⁰⁷.

Сбор налогов и пошлин в провинциях, как правило, осуществлялся в императорских коммерциях, непременным условием существования которых было прохождение через них сухопутных или же морских торговых трактов¹⁰⁸. Именно таким примером является Херсон, через который еще со времен античности проходили традиционные караванные пути, связывавшие Север и Юг, а в византийский период обеспечивавшие связи Византии с Древней Русью, Западной Европой и кочевниками Севера.

По своему статусу коммеркиарии состояли в ведомстве логофета геникона наряду с другими чиновниками фиска и, как

¹⁰³ *Сюзюмов М.Я.* Книга эпарха. С. 63, § 2; *Hendy M.* Studies in Byzantine Monetary Economy. Cambridge, 1985. P. 624–634, 654–662; *Dunn A.* The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios, and the West // *BMGS.* 1993. Vol. 17. P. 3–24; *Бардола К.Ю.* К анализу сфрагистических источников о функциях коммеркиариев в Византии VI–IX вв. // Вестник Харьковского государственного университета. Харьков, 1998. Вып. 413 (Серия история. Вып. 30). С. 69–77.

¹⁰⁴ *Oikonomides N.* Le kommerkion d'Abidos, Thessalonique et le commerce Bulgairé au IXe siècle // *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin.* P., 1991. T. II. P. 242–243.

¹⁰⁵ *Oikonomides N.* Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // *DOP.* 1986. Vol. XL. P. 38–39.

¹⁰⁶ *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв. Этюды рынка. Харьков, 1998. С. 296–297.

¹⁰⁷ *Schlumberger G.* Sigillographie. P. 470–471; *Лихачев Н.П.* Датированные печати Византии // ИРАИМК. 1924. Т. III. С. 154.

¹⁰⁸ *Йорданов И.* Печатите на коммеркиарията Девелт // Поселишни проучвания. София, 1992. Т. II. С. 23.

правило, по рангу стояли не слишком высоко на иерархической лестнице¹⁰⁹. Согласно памятникам сфрагистики, коммеркиарии Херсона также имели невысокие придворные звания: большинство из них были чиновниками третьего класса — императорскими спафариями; в двух случаях зафиксированы представители четвертого класса — кандидат и кувиккулярый, и лишь во второй половине X в. отдельные из них удостаиваются рангов второго класса — императорского спафарокандидата и протоспафария¹¹⁰. Самые же ранние буллы коммеркиариев периода основания фемы в Херсоне, как правило, не несут никаких титулов.

Сравнивая моливдовулы херсонских коммеркиариев с печатями аналогичных представителей византийской администрации из других регионов империи, следует отметить, что в Херсоне не наблюдается каких-либо экстраординарных отличий. К примеру, отмеченные по херсонским печатям особенности прослеживаются и на не менее многочисленных буллах коммеркиариев Фессалоник¹¹¹.

Судя по печатям, значение института коммеркиариев в Херсоне начиная с середины X в. постепенно начинает падать, что впоследствии приводит к окончательному его упразднению. Отсутствие же в Херсоне, например, печатей судей, к которым перешли функции коммеркиариев в отдельных фемах, по-прежнему оставляет открытым вопрос об их преемниках. Возможно, его решение следует искать в структуре своеобразного института кураторов города, появившегося в Херсоне именно в X столетии, в который входили приглашенные на государственную службу местные нотабли — патер полиса, экдик и протевоны¹¹², к одному из которых могли и перейти функции коммеркиариев. В этой связи интересно замечание Н. Иконоmidиса относительно возможности исполнения обязанностей коммеркиария самим стратигом фемы¹¹³ подобно тому, как это имело место, например, в Месопотамии¹¹⁴. Отсутствие печатей правопреемников коммеркиариев на фоне значительного количества моливдовулов стратигов второй половины X в. и малочисленность печатей городской *внетабельной* верхушки с

¹⁰⁹ *Oikonomidès N.* Les listes. P. 313.

¹¹⁰ См.: *Alekseyenko N.* L'administration. P. 181–211, nr. 95–125

¹¹¹ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. P. 51–70, nr. 18. 1–11, 28–50.

¹¹² *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей. С. 162–168.

¹¹³ *Oikonomides N.* Le «système» adminiatratif. P. 323.

¹¹⁴ *Brandes W.* Überlegungen zur Vorgeschichte des Thema Mesopotamien // BSI. T. 44/2. 1983. S. 171–177.

учетом административных особенностей Херсона, на наш взгляд, совсем не исключает такой возможности.

Следует подчеркнуть, что развитие торгово-экономических отношений Херсона с центром обусловило появление местного коммерциария, подобно тому как это происходило и в других византийских центрах, вызванное необходимостью контроля за внешней торговлей и сбором таможенных пошлин. В этой связи совсем не удивляет обилие найденных в Херсоне печатей логофетов геникона¹¹⁵. Видимо, их появлением мы обязаны как раз-таки постоянным служебным контактам местного чиновника с начальством из столичного управления. Усиление центральной власти в Херсоне на рубеже X–XI вв. привело, однако, к упразднению института коммерциариев. Вместе с тем полагать, что Херсон в связи с этим потерял свои привилегии в области внешней торговли, нет никаких оснований. Очевидно, как и в других областях империи, функции сборщика таможенных пошлин здесь перешли к какому-то другому чиновнику, в нашем случае им вполне мог оказаться глава византийской администрации — стратиг фемы.

В этой связи приведем еще один пример, характеризующий, на наш взгляд, тесное переплетение и взаимодействие административного ведомства с налогово-финансовой и таможенной службами. Недавно найденная в Херсоне печать Иоанна, турмарха и коммерциария¹¹⁶, показывает, что византийская администрация в отдельных случаях могла принимать на себя функции не только общего военно-административного управления на местах, но и брала под опеку даже специализированные управления. Очевид-

¹¹⁵ Соколова И.В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 210–211, №№ 41–44; Смычков К.Д. Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе // Нумизматика і фалеристика. Київ, 2000. Вып. 2(14). С. 28–30; Alekséenko N. Les logothètes du Genikon dans les sceaux byzantins des archives de Cherson // 8. Internationales Symposium für Byzantinische Sigillographie 1. bis 4. Octobre 2003, Programme Resume. В., 2003. S. 11; *Idem*. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS. 2003. Vol. 8. P. 77–79, nos. 2–4; Алексеевко Н.А. Печати главных логофетов из Херсонского архива // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 174–205; *Он же*. Моливдовулы византийского Херсона из частной коллекции // АДСВ. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 140–142, №№ 14–16.

¹¹⁶ Алексеевко Н.А. Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой Мировой войны. Волгоград, 2014. С. 77–78, № 1.

но, в исключительных случаях не только стратеги могли принимать на себя функции таможенных инспекторов, но даже их субординанты.

Как уже отмечалось выше, среди херсонских гражданских чиновников мы не знаем обычных для других фем судий или анаграфевсов. Упомянутый В.Е. Науменко хартулярий Херсона Каллист¹¹⁷, из каталога И.В. Соколовой¹¹⁸, исключен нами из списка херсонских чиновников из-за отсутствия на моливдовуле соответствующего топонима.

Но даже должность протонотария в Херсоне это не только весьма редкий пост, но и в очередной раз пример неординарности решений в его административном управлении.

В литературе неоднократно ставился вопрос о существовании должности нотариуса среди аппарата местной администрации¹¹⁹. Доминирующим было мнение, что нотариусы не играли существенной роли в жизни Херсона¹²⁰, так как город «с давних пор был освобожден от важнейших налоговых повинностей»¹²¹ и, кроме того, даже состоял на государственной дотации, ежегодно получая из казны десять литр на свои нужды¹²².

Наконец, находка двух фрагментированных моливдовулов Стефана, императорского протоспафария и протонотария τῶν Μανγύων и Херсона, наконец-то поставила окончательную точку в этом вопросе¹²³. По сфрагистическому типу и эпиграфическим особенностям они датируются X в.

Как известно, созданное при Василии I управление Манган являлось ведомством, следившим за императорскими доменами¹²⁴.

¹¹⁷ Науменко В.Е. Византийская фема. С. 269.

¹¹⁸ Соколова И.В. Монеты и печати. С. 159, № 41.

¹¹⁹ Соколова И.В. Печати Георгия Цулы. С. 73; Она же. Администрация Херсона. С. 208; Она же. Монеты и печати. С. 115–116; Баранов И.А. Административное устройство. С. 140; Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариусов. С. 221–227.

¹²⁰ Соколова И.В. Администрация Херсона. С. 208.

¹²¹ Nasturel P.S. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio // Dacia. 1957. Т. I(1). Р. 373; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 91–93, 107–108.

¹²² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274–275.

¹²³ Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариусов. С. 221–227.

¹²⁴ Vogt A. Basile Ier, empereur de Byzance (867–886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle. P., 1908. P. 102–109; Bury J.B. The Imperial Administrative System. P. 101; Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders im 10. Jahrhundert. München, 1927. S. 14; Oikonomidès N. Les listes. P. 318.

Впервые упоминание о нем в письменных источниках встречается в «Клиторологии» Филофея, где отмечаются входящие в него чиновники, среди которых указывается и протонотарий¹²⁵. Основной функцией чиновников этого секрета изначально было управление прежде всего доменом — императорским имуществом. Впоследствии Манганы были наделены более широкими фискальными функциями. Так, в экскуссионных граматах XI столетия кураторы Манган указаны среди тех имперских должностных лиц, которые не имели права проводить инспекции на территориях, получивших от императора определенные налоговые льготы¹²⁶.

В этой связи особую ценность для истории Херсона приобретают наши находки. Вероятно, Херсон имел определенное отношение к императорскому домену, и таким образом находился под контролем столичного финансового управления τῶν Μανγάνων, которое, вполне вероятно, могло распространить и на город некоторые налоговые свободы. В пользу этого предположения, вероятно, свидетельствует и тот факт, что отдельные из *внетабельных* представителей херсонской администрации имели отношение как раз-таки к столичному ведомству ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν, также связанному с управлением императорскими доменами¹²⁷.

Возвращаясь к проблеме существования должности нотарииев в Херсоне, следует отметить, что практическое отсутствие их печатей, скорее всего, обусловлено все той же спецификой местного управления. Где-то во второй половине X в. Херсон, очевидно, вошел в подчинение инспекции секрета τῶν Μανγάνων, что, в свою очередь, могло предполагать и кадровые привилегии, освобождающие его от других гражданских чиновников, присущих для традиционного фемного аппарата управления.

В то же время наряду с представителями официальной государственной власти в Херсоне в аппарате управления были задействованы и представители местного нобилитета, занимавшие должности, не отмеченные в табелях о рангах. Напомним, что,

¹²⁵ Bury J.B. The Imperial Administrative System. P. 142; ср.: *Oikonomidès N.* Les listes. P. 103¹⁹, 107¹⁸, 123²¹, 141¹³, 147¹.

¹²⁶ Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. 1–6. Vindobonae, 1870–1890. P. 13, 21, 28, 48.

¹²⁷ Каждан А.П. Деревня и город. С. 144; *Oikonomidès N.* Les listes. P. 297–299; *Idem.* L'évaluation de l'organisation administrative de l'empire Byzantin au XI-ème siècle (1025–1118) // ТМ. 1976. Т. 6. P. 136, note 65; Winkelmann F. Byzantinische Rang und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. B., 1985. S. 43. Anm. 1.

кроме кира и стратора, в административный аппарат Херсона привлекаются городской голова — патер полиса¹²⁸, экдик¹²⁹ и протевоны¹³⁰. Здесь мы не будем вновь заострять внимания на роли и значении каждого из этих постов. Отметим лишь то, что в одной из последних публикаций Н.И. Храпунов, вновь обратившись к вопросу о роли херсонской общины в городском управлении, показал важность и значение местных *внетабельных* чиновников¹³¹. Нельзя не согласиться с основными выводами исследователя, хотя и вновь возникает вопрос о пресловутой коллегии архонтов¹³². Особого внимания заслуживает тезис о незавершенности фемного обустройства в Херсоне, чем могло быть вызвано отсутствие здесь и ряда традиционных чиновников, и возможная передача их полномочий в ведение городской верхушки.

Судя по всему, лишь номинально сохранив в X в. деятельность городского управления в лице так называемых *внетабельных* чиновников, центральная власть полностью ставит последних под свой контроль и подчиняет их стратигу. Местные держатели должностей, таким образом, несмотря на безусловное отношение к городской общине, становятся имперскими чиновниками и получают право на титулы и печати. Вероятно, официальная власть тем самым стремилась не столько подчеркнуть роль и значение местного нобилитета в городском управлении, сколько укрепить позиции стратига, сохраняя при этом государственный принцип единоначалия и субординации.

Таким образом, никакого ослабления власти не происходит. Наоборот, печати показывают, что значение стратигов на протяжении X в. растет и развивается, причем аналогичную тенденцию показывают и печати местных протевонов¹³³.

Начавшийся в конце X в. кризис фемного строя¹³⁴ по всем признакам не сильно коснулся Херсона. Напротив, в назначении стратигами в Херсон представителей имперского патрициата, скорее всего, следует видеть свидетельство особого внимания к городу со стороны центральной власти.

¹²⁸ Алексеевко Н.А. Патер полиса Херсона. С. 58–63.

¹²⁹ Алексеевко Н.А. Defensor civitatis. С. 67–75.

¹³⁰ Алексеевко Н.А. Протевоны Херсона. С. 154–162.

¹³¹ Храпунов Н.И. К вопросу о роли городской общины. С. 111–131.

¹³² Там же. С. 116–117.

¹³³ Alekseyenko N. L'administration. P. 216–221, nr. 132–137.

¹³⁴ Glykatzi Ahweiler H. Recherches sur l'administration. P. 67–78.

И в первой половине XI в. Херсон все еще считается центром византийских владений в Северном Причерноморье. К его владениям присоединяется Сугдея, о чем свидетельствует надпись стратига Херсона и Сугдеи, патрикия Льва Алиата, 1059 г.¹³⁵. Объединенная фема, в состав которой, кроме Сугдеи, возможно, вошли и другие территории восточного Крыма, в истории полуострова явилась своеобразным развитием местных административных отношений, но, судя по всему, не была долговечной. Печати стратигов Сугдеи¹³⁶, а также судакские находки печатей владельцев Тмутаракани¹³⁷ — очевидное свидетельство существования здесь во второй половине XI в. собственной фемы, уже никак не связанной с Херсоном¹³⁸. В то же время источники свидетельствуют, что Херсон и к концу века по-прежнему остается верным защитником интересов империи и, как в былые времена, является местом ссылки неугодных императору особ¹³⁹.

Однако дальнейшая судьба фемы или ее очередная трансформация во второй половине XI в. долгое время оставалась лишь в области гипотез.

Как известно, знаменитый пассаж из Лаврентьевской летописи об отравлении тмутараканского князя Ростислава сообщает о *котопане*, которого побили камнями корсунские люди¹⁴⁰. Сюжет хроники датирован 13 февраля 1065/66 г. Однако летописец не

¹³⁵ Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике. С. 184–188.

¹³⁶ Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1 С. 84, 86, рис. 1.2–4; Stepanova E. New Seals from Sudak. P. 49–50, nr. 2a-c; Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судаке в 2005 году // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак. 2006. Т. 2. С. 303–304, № 2; Булгакова В.А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // ССб. 2008. Вып. 3. С. 314–315, № 29–30.

¹³⁷ Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 2003. Vol. 8. P. 129, nr. 12; Bulgakova V. Byzantinische Bliesigel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands // Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. Wiesbaden, 2004. Bd. 6. S. 239–241, nr. 3.2.1.2b-c; Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // ССб. 2005. Вып. 2. С. 541–542, рис. 1,8; Булгакова В.А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи. С. 320–322, № 39–40.

¹³⁸ Степаненко В.П. Фема Сугдея в XI в. // VII Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2015. С. 65.

¹³⁹ Anne Comnène. Alexiade / Trad. par B. Leib. P., 1943. X. 2, P. 191₁₆₋₁₉; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 56–73.

¹⁴⁰ ПСРЛ. СПб., 1846. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 71–72.

указывает, кем являлся названный греческий посланник — херсонским правителем или же присланным имперским функционером.

При анализе интересующего нас отрывка летописи и сопоставлении его с ситуацией, сложившейся тогда в Таврике, напрашивается вывод, что источник, вероятнее всего, называет не имперского представителя власти, который был специально отправлен к Ростиславу, а наместника Херсона¹⁴¹, в пользу чего свидетельствует не только очевидное присутствие местного администратора в Таврике, но и климатические, и финансово-экономические условия, не позволявшие тогда организовать экспедицию в Тмутаракань из центра.

Следует напомнить, что после событий 1016 г. в регионе наступила определенная стабильность. К середине века территория Херсона расширяется на восток и местный наместник возводится в ранг патрикия. Сложившаяся ситуация, вероятно, способствовала укреплению добрососедских связей не только между населением западной и восточной Таврики, но и лежащей за проливом Тмутаракани.

В свое время Г.Г. Литаврин подметил, что при таких обстоятельствах, кроме официальных государственных отношений Руси и Византии или Руси и Херсона, на местах всегда имели место постоянные, устойчивые торговые и культурные связи сторон на так называемом низовом уровне, отнюдь не всегда автоматически прерывавшиеся или возобновлявшиеся в зависимости от осложнений или от потеплений в отношениях высших властей обеих сторон¹⁴². Не исключено, что именно эти отношения и породили действия херсонитов, обративших свой гнев на местного правителя.

Но, так или иначе, оставался вопрос, названа ли в источнике существовавшая должность или же летописец вместо *стратига* использовал более характерное уже для второй половины XI в. название должности византийских пограничных наместников — *катепан*. Казалось бы, здесь нам должны помочь сами печати. Однако приведенные И.В. Соколовой два моливдовула плохой

¹⁴¹ Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. Вып. XVII. С. 7.

¹⁴² Литаврин Г.Г. Византия и Древняя Русь в конце IX — X вв. // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 225–232; *Он же*. Византия и Славяне. СПб., 1999. С. 490–491.

сохранности, отнесенные к херсонским катепанам¹⁴³, имели лишь предположительное чтение легенд. Вследствие чего последние нами были предположительно отнесены к местным стратигам¹⁴⁴.

Таким образом, вопрос о существовании катепаната в Херсоне так и оставался открытым до появления новой находки, исключаяющей всякие сомнения в ранге, должности и месте службы владельца печати — моливдовула Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии, относящегося к 1060–1090-м гг.¹⁴⁵.

Последняя печать, бесспорно, указывает на существование в Таврике во второй половине XI в. *катепаната*, что, собственно, заставляет не только по-новому посмотреть на историю региона, но и, в известном смысле, переоценить роль и значение Херсона в византийской политике и дипломатии того времени.

Полное соответствие титулатуры Никифора Алана традиционным рангам и постам имперских полководцев, назначенных в пограничные области империи, ставит его в один ряд с видными византийскими военачальниками. Надо полагать, о его высоком статусе свидетельствует не только название его должности, но и употребление двойного топонима, указывающее на распространение его полномочий не только на Херсон, но и на некие «хазарские земли».

Отметим, что термин Хазария на печати представлен в сокращенной форме, отличающейся от формулы известной по печатям князя Олега-Михаила¹⁴⁶. Отсутствие приставки *λύθης* (всей) указывает, что юрисдикция херсонского правителя распространялась лишь на вполне определенные земли, которые в силу народной традиции носили название хазарских.

В.П. Степаненко достаточно подробно остановился на данной проблеме и убедительно показал, что под термином «Хазария» крымских источников следует понимать исключительно Северо-Восточный Крым¹⁴⁷. Таким образом, печать Никифора Алана фиксирует вполне определенную территорию, вошедшую в состав нового административного образования. И здесь весьма показательным то, что в то время как Хазария стала частью катепаната, Тмутаракань в его состав не вошла.

¹⁴³ Соколова И.В. Монеты и печати. С. 162, 166, №№ 50, 57.

¹⁴⁴ *Alekseyenko N.* L'administration. P. 177–178, nr. 91, 93.

¹⁴⁵ *Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А.* Катепанат в Таврике. С. 8–9.

¹⁴⁶ Библиографию публикаций печатей см.: Там же. С. 9–10, 13–15.

¹⁴⁷ *Степаненко В.П.* Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 371–375.

К сожалению, благодаря новой находке, кроме собственно должности правителя области, у нас нет никаких данных о других участниках его аппарата. Но очевидно, в Таврике, как и в других областях империи, им отводилась традиционная функция в организации армейских тагм¹⁴⁸. По замечанию А.С. Мохова статус катепанатов весьма неоднозначен. Многие из них, имея ярко выраженные этнические признаки, могли сохранять определенную автономию и только для них характерные особенности военной организации. В других же случаях катепаны могли иметь несколько полномочий и выступать не только как военачальники¹⁴⁹.

В то же время следует отметить, что значение греческого термина *катепан* было практически равнозначным по содержанию латинскому *дукс*. В источниках X–XI вв. армейские командиры предпочтительно называются катепанами определенных географических регионов. Почти исключительное использование греческого термина объяснялось необходимостью избежать какой-либо путаницы в отношении византийского командира и различных местных князей¹⁵⁰.

Фема Херсона переросла в катепанат, несомненно, в силу тревожно складывающейся военно-политической ситуации в регионе и, естественно, была направлена на защиту интересов Византии в Северном Причерноморье.

Как известно, с середины XI в. в империи наметилась тенденция повсеместного укрупнения пограничных фем, вызванная необходимостью увеличения их военной силы¹⁵¹. Не исключено, что возможная активизация половецкой угрозы на северных границах империи толкнула имперскую администрацию на создание в Таврике сначала объединения Херсона с Сугдеей, а затем и создания катепаната, включавшего «хазарские земли». Напомним, что именно из Херсона (ок. 1092 г.) бежал к врагам империи — половцам — сосланный императором Алексеем I Комниным самозванец лже-Диоген Константин¹⁵².

¹⁴⁸ *Oikonomidès N.* Les listes. P. 345, note 327.

¹⁴⁹ *Мохов А.С.* Византийская армия в середине VIII — середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013. С. 140, 233–234, прим. 111–115.

¹⁵⁰ См.: *Oikonomidès N.* Les listes. P. 344, note 326.

¹⁵¹ *Мохов А.С.* Византийская армия в середине — второй половине XI в. по данным сфрагистики // ДАИС. Екатеринбург, 2007. Т. 8. С. 214.

¹⁵² *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965. С. 266.

Дальнейшая судьба реформирования административной системы в Таврике по источникам не известна. В тоже время В.П. Степаненко полагает, что после возвращения Олега-Михаила в Чернигов в 1094 г. Тмутаракань становится византийской фемой или же частью существовавших на это время в Таврике фем¹⁵³. Из свидетельства Мануила Страворомана известно, что Алексей I Комнин в самом конце XI в. вернул Боспор Киммерийский под управление империи¹⁵⁴.

Таким образом, печати херсонских чиновников VIII–XI вв. не только являются свидетельствами существования здесь различных форм имперских структур управления от архонтии до катепаната, но и предоставляют ценнейшую информацию о роли и месте Херсона среди провинциальных администраций империи, знакомят нас со спецификой местного бюрократического аппарата, демонстрируют изменение значимости и повышение роли должностных исполнителей в имперской иерархии и многое другое.

По данным печатей, деятельность местной администрации всегда находилась под постоянным контролем государственной власти и перестраивалась в соответствии с ситуацией в регионе. Роль и значение правителей-наместников с течением времени росли и крепились, несмотря на то, что менялись их должности и функции.

Стремление Византии сохранить контроль над стратегически важной Таврикой во второй половине X в. нашло отражение и в изменении кадровой политики в управлении провинцией, привлечении в аппарат управления представителей городской общины, наделенных полномочиями государственных чиновников. Тем самым империя, очевидно, нашла свой компромиссный вариант решения острых административных вопросов, одновременно подчеркивая права на подвластную ей территорию и, вместе с этим, показывая значимость в деле управления местного нобилитета, ведущую роль в котором, бесспорно, играли известные по письменным источникам, памятникам эпиграфики и сфрагистики представители городского патрициата, такие как Калокир, Михаил Херсонит, члены семейства Цулы и другие аристократы, возглавлявшие городскую администрацию в разное время.

¹⁵³ Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии. С. 375.

¹⁵⁴ Gautier P. La dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis 1er Comnène, Manuel Straboromanos // REB. 1965. Т. 23. P. 190–191.

Надеемся, что продолжение исследований и новые находки печатей в Херсоне позволят получить дополнительную информацию и по структуре административного устройства, и по другим историческим реалиям этого важного административного и экономического центра империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Алексеевко Н.А.* Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности-1995. Харьков, 1995. С. 81–87.
- Алексеевко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 155–170.
- Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 701–743.
- Алексеевко Н.А.* К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 1998. Вып. 29. С. 221–227.
- Алексеевко Н.А.* Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 256–266.
- Алексеевко Н.А.* Протевоны Херсона X в. по данным памятников сфрагистики // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 154–162.
- Алексеевко Н.А.* Архонтия и архонты Херсона в VIII–IX вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 455–500.
- Алексеевко Н.А.* Печати главных логофетов из Херсонского архива // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 174–205.
- Алексеевко Н.А.* Таможня и коммерции Херсона // *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. Т. 2. С. 1592–1626.
- Алексеевко Н.А.* Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в.: печати киров // БИ. 2005. Вып. IX. С. 212–220.
- Алексеевко Н.А.* Defensor civitatis и его роль в управленческом аппарате Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 67–75.
- Алексеевко Н.А.* Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности-2005. Харьков, 2005. С. 58–63.
- Алексеевко Н.А.* Должность ek prosorou Херсона в структуре византийской администрации Таврики // ССб. 2005. Вып. 2. С. 7–11.
- Алексеевко Н.А.* Административно-политический очерк истории византийского Херсона IX–XI вв. // ХСб. 2006. Supplement 1. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клевиной. С. 17–22.
- Алексеевко Н.А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 121–135.

- Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
- Алексеевко Н.А.* Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиск, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. (Волгоград, 26–27 сентября 2014 г.). Волгоград, 2014. С. 69–83.
- Алексеевко Н.А.* Моливдовулы византийского Херсона из частной коллекции // АДСВ. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 122–141.
- Алексеевко Н.А.* Ведомство *epi tou oikeakon* и его представители в администрации Херсона // VI Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 7–9.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев, 1977.
- Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965.
- Баранов И.А.* Административное устройство ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 137–145.
- Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1 С. 83–87.
- Бардола К.Ю.* К анализу сфрагистических источников о функциях коммерциариев в Византии VI–IX вв. // Вестник Харьковского государственного университета. Харьков, 1998. Вып. 413 (Серия история. Вып. 30). С. 69–77.
- Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 87–103.
- Булгакова В.А.* Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // ССб. 2008. Вып. 3. С. 296–330.
- Вишнякова А.Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1(6). С. 121–133.
- Георгиев П.П.* За страторската коллегия във византийската провинциална администрация през X–XI в. (по данни на находки от североизточна България) // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 189–206.
- Домановский А.Н.* К вопросу существования аналогов константинопольского епарха города в провинциальных городах империи (VIII–IX вв.) // «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Οἶκος». Материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006. С. 92–97.
- Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 91–97.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V — VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 118–132.

- Йорданов И.* Печатите на коммеркиарията Девелт // Поселищни проучвания. София, 1992. Вып. II.
- Каждан А.П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960.
- Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М., 1974.
- Кекавмен.* Советы и рассказы / под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е, исправ. М., 1991.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
- Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1895. Т. 2. С. 184–188.
- Лев Диакон.* История. М., 1988.
- Луитпранд Кремонский.* Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о путешествии в Константинополь. М., 2006.
- Литаврин Г.Г.* Византия и Болгария. М., 1960.
- Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XV вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081. М., 1977.
- Литаврин Г.Г.* Византия и Древняя Русь в конце IX–X вв. // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 225–232.
- Литаврин Г.Г.* Византия и Славяне. СПб., 1999.
- Лихачев Н.П.* Датированные печати Византии // ИРАИМК. 1924. Т. III. С. 152–224.
- Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока // Научное наследство. М., 1991. Т. 19.
- Мохов А.С.* Византийская армия в середине — второй половине XI в. по данным сфрагистики // ДАИС. Екатеринбург, 2007. Т. 8. С. 212–218.
- Мохов А.С.* Византийская армия в середине VIII — середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013.
- Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности-1996. Харьков, 1997. С. 23–30.
- Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Т. XII. С. 544–567.
- Науменко В.Е.* Хазарский «тудун» в Херсоне: византийская версия // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 427–440.
- Науменко В.Е.* Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX — начале X вв. // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 259–281.
- Острогорски Г.* Тактикон Успенског и Тактикон Бенешевића: О времену њиховог постанка // ЗРВИ. 1953. Књ. 2. С. 39–60.

- ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 1996.
- ПСРЛ. М., 1962. Т. I, II, V, VIII.
- ПСРЛ. СПб., 1846. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи.
- Романчук А.И.* Средневековый Херсонес. Отражение в источниках основных функций города // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 133–142.
- Смычков К.Д.* Неизданная печать с именем Цула // ВВ. 1987. Т. 48. С. 158–159.
- Смычков К.Д.* Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе // Нумізматика і фалеристика. Київ, 2000. Вып. 2(14). С. 28–30.
- Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 210–218.
- Соколова И.В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // ПС. 1971. Т. 23. С. 68–73.
- Соколова И.В.* Клад Херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. 1971. Т. XII. С. 16–25.
- Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 207–214.
- Соколова И.В.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. 1978. Къ. 18. С. 81–97.
- Соколова И.В.* Чин стратигов византийских фем в VIII — первой половине X в. по данным сфрагистики // Българско средновековие. Българско-советски сборник в чест на 70-годишната на проф. И. Дуйчев. София, 1980. С. 137–141.
- Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л. 1983.
- Соколова И.В.* Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213.
- Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. Екатеринбург, 1992. Вып. 26. С. 191–213.
- Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв. Этюды рынка. Харьков, 1998.
- Сорочан С.Б.* «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. 2003. Вып. III. С. 73–130.
- Сорочан С.Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. С. 21–46.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. I–II.
- Сорочан С.Б., Смычков К.Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Т. XVI (1). С. 207–217.
- Сорочан С.Б.* Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2007. Т. 6. С. 201–221.
- Сорочан С.Б.* О дуках византийской Таврики и их моливдовулах // ССб. Киев; Судак, 2008. Т. III. С. 200–216.

- Степаненко В.П.* Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 368–378.
- Степаненко В.П.* Фема Сугдея в XI в. // VII Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2015. С. 65–66.
- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 2. С. 171–177.
- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.
- Степанова Е.В.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // ССб. 2005. Вып. 2. С. 537–545.
- Степанова Е.В., Фарбей А.М.* Византийские свинцовые печати, найденные в Судаке в 2005 году // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак. 2006. Т. II. С. 303–306.
- Сюзюмов М.Я.* Книга эпарха. Свердловск, 1949.
- Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατέρες τῆς πόλεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 161–167.
- Храпунов Н.И.* Администрация ἐπαρχεῖς οἴκοι в Херсоне // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 357–361.
- Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Т. XII. С. 568–582.
- Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона // Древности-2004. Харьков, 2004. С. 51–59.
- Храпунов Н.И.* Некоторые особенности развития администрации византийского Херсона // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2004. Т. XIV. С. 326–336.
- Храпунов Н.И.* О средневековом названии города Херсона // Восток-запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2005. С. 43–50.
- Храпунов М.И.* Адміністрація візантійського Херсона (кінець IV–XI ст.). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2009.
- Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона (конец IV–XI вв.) / дисс. ... канд. ист. наук / Институт востоковедения им. А. Крымского. Киев, 2009 (рукопись).
- Храпунов Н.И.* К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII–XI вв. // АДСВ. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 111–131.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. Текст, перевод, комментарий. М., 1980.
- Цукерман. К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 312–323.

- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–688.
- Шене Ж.-Кл. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 310–316.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М., 1959. Т. 63.
- Alekséenko N. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. 1996. T. 54. P. 271–275.
- Alekséenko N. Les proteuônes de Cherson du Xe siècle sur les monuments de sigillographie // SBS. 2002. Vol. 7. P. 79–86.
- Alekséenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS. 2003. Vol. 8. P. 75–83.
- Alekséenko N. Les logothètes du Genikon dans les sceaux byzantins des archives de Cherson // 8. Internationales Symposium für Byzantinische Sigillographie 1. bis 4. Octobre 2003. Programme Resume. Berlin, 2003. S. 11.
- Alekseyenko N. La douane du thème de Cherson au IXe–Xe siècle: les sceaux des commerciaux // Kiev — Cherson — Constantinople. Ukrainian Papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25.08.2001) / Ed. by A. Aibabin and G. Ivakin. Kyiv; Simferopol; P., 2007. P. 121–164.
- Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. P., 2012.
- Alekseienko N. The Features of the Byzantine Administration in Taurica Again: *molybdoboulloi* of the *stratores* of Cherson // International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography «SPHRAGISTIC MERIDIAN: КИЇВ — КОРСУНЬ/ΧΕΡΣΟΝ — ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ». Program and Abstracts. Kyiv; Sevastopol, 2013. P. 23–27.
- Alekseienko N. The Particulars of the Byzantine Administration in Taurica: *Seals of the Stratores of Cherson* // Byzantine and Rus' Seals. Kyiv, 2015. P. 55–60.
- Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. 1995. Vol. 4. P. 139–151.
- Anne Comnène. Alexiade / Trad. par B. Leib. P., 1943.
- Beck H.-G. Рец. на : J. Verpeaux. Contribution à l'études d'administration // BZ. 1956. T. 49. S. 77, 159, Anm. 64.
- Brandes W. Überlegungen zur Vorgeschichte des Thema Mesopotamien // BSl. T. 44/2. 1983. S. 171–177.
- Bulgakova V. Byzantinische Bliesigel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands // Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. Wiesbaden, 2004. Bd. 6. S.
- Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. L., 1911.
- Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. by Gy. Moravcsik, trans. by J. Jenkins. Washington. 1967.
- Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises in Imperial Military Expeditions / Intr., ed., transl. and comm. by J.F. Haldon. Wien, 1990.

- Dagron G.* Crimée ambiquë (IVe–Xe siècles) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 289–301.
- Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders im 10. Jahrhundert. München, 1927.
- Dunn A.* The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios, and the West // BMGS. 1993. Vol. 17. P. 3–24.
- Gautier P.* La dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis 1er Comnène, Manuel Straboromanos // REB. 1965. T. 23. P. 168–204.
- Glykatzi Ahweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe–XIe siècle. Athens; P., 1960.
- Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; L., 1982.
- Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. T. I–II.
- Guilland R.* Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine // REB. 1971. T. 29. P. 5–115.
- Hendy M.* Studies in Byzantine Monetary Economy. Cambridge, 1985.
- Laiou A.E.* The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, 2002.
- Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. P., 1952.
- Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. P., 1981. T. II.
- Lemerle P.* Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et récits» de Kékaumenos. Bruxelles, 1960.
- Mango C.* Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short history // CFHB. Washington, 1990. Vol. XIII. P. 108–113.
- Mango C., Scott R.* The Chronicle of Theophanes Confessor. N.Y., 1997.
- Meyvaert P., Devos P.* Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la Légende Italique résolues grâce à un document inédit // AB. 1955. T. 73. P. 457.
- Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. 1–6. Vindobonae, 1870–1890.
- Mitard M.* Études sur le règne de Leo IV // BZ. 1903. T. 12. P. 585–594.
- Nasturel P.S.* Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio // Dacia. 1957. N.S. I (1).
- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1.
- Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani. Opuscula Historica / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880.
- Nystazopoulou-Pélékidou M.* L'Administration locale de Cherson à l'époque byzantine (IVe–XIIe s.) // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. P., 1998. T. II. P. 567–579.
- Oikonomidès N.* Les listes presence Byzantines des IXe et Xe siècle. P., 1972.

- Oikonomidès N.* L'évaluation de l'organisation administrative de l'empire Byzantin au XIe-ème siècle (1025–1118) // TM. 1976. T. 6. P. 126–152.
- Oikonomidès N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.
- Oikonomidès N.* Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // DOP. 1986. Vol. XL. P. 33–54.
- Oikonomidès N.* Le kommerkion d'Abidos, Thessalonique et le commerce Bulgare au IXe siècle // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. P., 1991. T. II. P. 241–248.
- Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–Xe s.). Atnènes, 1996.
- Oikonomidès N.* Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 318–323.
- Rambaud A.* L'Empire Grèc au Xe-ème siècle. P., 1870.
- Seibt W.* Probleme der staatsrechtliche Stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 302–309.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. P., 1884.
- Schlumberger G.* Sceaux byzantin inédits // RN. 1916. T. 20. P. 32–46.
- Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 47–58.
- Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. 2003. Vol. 8. P. 123–130.
- Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Leipzig, 1883–1885. T. I–III.
- Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838.
- Vita cum Translatione S. Clementis // ПХХ. М., 1911. Вып. II.
- Vogt A.* Basile Ier, empereur de Byzance (867–886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle. P., 1908.
- Winkelman F.* Byzantinische Rang und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. B., 1985.
- Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Berne, 1981. Vol. II.
- Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. I.
- Zukermann C.* On the problem of the early history of Byzantine Thema in Cherson // BMGS. 1997. Vol. 21. P. 211–221.

Nicholas Alekseenko

IMPERIAL ADMINISTRATION OF CHERSON: FROM ARCHONTIA TO
KATEPANATE (THE EVIDENCE OF SEALS)

Abstract: In the large set of Byzantine-era archaeological artefacts from the ancient city of Cherson hanging lead seals, or *molybdobouloi* (more than 1,000 pieces), are of special interest for the reconstruction of administrative, political, commercial, and economical development of the centre. They allow

to obtain valuable information on the structure of Cherson administration, its relations with the state and church authorities, trade partners, and its contacts with different regions of the empire.

The seals also supply rich material on the administrative hierarchy of Cherson. Their analysis allows to mark out a few categories of local administrators: *kyrioi*, and *archontes* (eighth — ninth cent.) which were replaced by *strategoi*, *ek prosopou*, *kommerkiarioi*, and *proteuontes* (ninth — tenth cent.); recent discoveries enriched this list with *stratoroi* (ninth — tenth cent.), *protonotarios*, *pater poleos*, and *ekdikos* (tenth cent.).

The artefact of a special interest was discovered in 2011 amidst sigillographic materials originating from the neighbourhood of Cherson — a seal of Nikephoros Alanos, *bestarches* and *katepano* of Cherson and Khazaria.

The discovery of this artefact definitely indicates that in the late eleventh or in the early twelfth century there existed in Taurica not only *arhontia* and *theme*, but also *katepanate*, another imperial military and administrative unit, that was intended against an outside enemy; it allows both to produce a different opinion of the history of this region in the period of disintegration of the *thematic* system and to re-evaluate, in a sense, the role and significance of Cherson in Byzantine policy and diplomacy of that period.

Thus, sigillographic artefacts from the ancient city of Cherson supply us with invaluable data informing both about various aspects of life of this city and its relations with the surrounding world; they also paint a vivid picture of Cherson as a typical Byzantine provincial city having features both of a fortress and a port, which skilfully combined civil administration and church policy, interests of war and trade.

Keywords: Byzantium, provincial administration (*archont*, *strategos*, *katepano*, *ek prosopou*, *kommerkiarios*, *protonotarios*, *stratoros*, *kyrios*, *pater poleos*, *ekdikos*, *proteuon*), Byzantine Cherson, sigillography, *molibdoboules*

В.Е. Науменко

ОТ ФЕМЫ КЛИМАТОВ К ФЕМЕ ХЕРСОН:
ОСОБЕННОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ
ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОДЕЛИ В ТАВРИКЕ
В СЕРЕДИНЕ IX – НАЧАЛЕ X в.

Аннотация: В статье, на основе данных письменных, сфрагистических и археологических источников, реконструируется ранняя политическая история византийской фемы в Таврике. Она охватывает период с 30–40-х гг. IX в., когда замысел административной реформы лишь начал реализовываться, до начала X в., когда структура византийского территориального округа уже окончательно сложилась, что нашло отражение в письменных источниках. Подробно рассматриваются обстоятельства учреждения первоначальной фемы Климатов на полуострове в 841 г. и причины ее трансформации в фему Херсон не позднее конца 50-х гг. IX в.

Административные преобразования в подконтрольных Византии областях Таврики проходили в условиях формирования нового политического баланса сил на юге Восточной Европы, элементами которого, помимо империи и его традиционного соперника — Хазарского каганата, стали мадьяры, а несколько позднее русы и печенеги. Это предопределило принципиальные изменения в практических методах ведения Византией своей внешней политики в регионе. Суть перемен сводится к переходу от решения проблем, главным образом, усилиями дипломатии, как это было на протяжении VIII — начала IX в., к установлению режима прямого имперского правления в стратегически важных центрах Таврики. Основным инструментом проведения такой политики становится фема, внутренняя организация которой, хотя и учитывала местную специфику, следовала все-таки общевизантийским принципам этой модели провинциального управления. Успехи военно-политические закреплялись в ходе массовой христианизации населения глубинных районов полуострова.

Особенностью фемы Херсон, в сравнении с другими военно-административными округами Византии IX–X вв., стало включение в систему ее органов управления институтов местного самоуправления — киров, экдиков, патеров полиса, протевонов, не известных в имперской «табели о рангах» этого времени. Именно эти институты, подчиненные стратигу фемы, осуществляли руководство повседневной жизнью, по крайней мере, столицы новой административной единицы.

К началу X в. процесс превращения приморских и горных областей Таврики в отдельную провинцию Византийской империи, фему Херсон, охва-

ченную также системой «пентархии» епископий Константинопольского патриархата, завершился. Впервые в официальных источниках эта ситуация нашла отражение в Тактиконе Филофея (899 г.) и новости времени первого патриаршества Николая I Мистика (901–907 гг.).

Ключевые слова: Византийская империя, Хазарский каганат, Таврика, хазары, салтово-маяцкая культура, мадьяры, фема Климагов, фема Херсон, стратиг, коммеркиарий, кир, экдик, патер полиса, протевон

В современной историографии история византийской фемы в Таврике постоянно привлекает к себе внимание специалистов¹. Тем не менее далеко не все вопросы, связанные с ее учреждением и в целом административно-территориальной организацией византийских владений в регионе, изучены, на сегодняшний день, одинаково. К числу наиболее дискуссионных проблем относится, несомненно, ранняя история византийского военно-административного округа на полуострове, которая охватывает период с 30–40-х гг. IX в., когда замысел административной реформы лишь начал реализовываться, до первых десятилетий X в., когда источники свидетельствуют об уже сложившейся структуре византийской административной единицы.

Вплоть до середины XX в. из-за фрагментарности сведений письменных источников и редкости публикаций памятников сфрагистики² проблематика ранней истории фемы в Крыму сводилась в основном к нескольким сюжетам — причинам появления административного округа в конце правления императора Феофила (829–842), обстоятельствам обнаружения и перенесения в Херсон мощей св. Климента в 861 г. и гибели ок. 896 г. стратега Симеона во время мятежа херсонитов³.

¹ Основную библиографию работ по истории фемы в Таврике см.: *Науменко В.Е.* Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX — начале X вв. // *БИ.* 2007. Вып. XVI. С. 259–273.

² *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. P., 1884. P. 235–238; *Толстой И.И.* О византийских печатях Херсонской фемы // *ЗРАО.* 1887. Т. II. С. 28–43; *ΚΩΝΣΤΑΝΤΟΠΟΥΛΟΥ Κ.Μ.* ΒΥΖΑΝΤΙΑΚΑ ΜΟΛΥΒΔΟΒΟΥΛΛΑ ΤΟΥ ΕΝ ΑΘΗΝΑΙΣ ΕΘΝΙΚΟΥ ΝΟΜΙΖΜΑΤΙΚΟΥ ΜΟΥΣΕΙΟΥ. ΑΘΗΝΑΙΣ, 1917. С. 36; *Вишнякова А.Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона // *ВДИ.* 1939. № 1. С. 121–133; *Laurent V.* La collection C. Orghidan. P., 1952. P. 109–110, 138–139.

³ *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р.Х. // *Памятники христианского Херсонеса.* М., 1908. Вып. III. С. 42–45, 51; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. P. 108–109; *Острогорски Г.* Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича // *ЗРВИ.* 1953. № 2. С. 40–43; *Ферлуга Ж.*

После введения в научный оборот в 70–90-х гг. XX в. новых меливдовулов администрации и корреспондентов Херсона⁴ стали возможны исследования вопросов внутренней организации и содержания отдельных институтов фемы, ее роли в имперской политике в регионе⁵.

В последние годы достигнут значительный прогресс в решении ряда ключевых проблем, связанных с проведением военно-административной реформы и трансформацией первоначальной фемы Климатов в фему Херсон⁶, выделены особенности византийской административной системы в Таврике IX–X вв. в сравнении с иными провинциями империи⁷.

Однако, пожалуй, главной чертой современного этапа изучения фемной системы в регионе все-таки остается системная пу-

Ниже воіно-административне јединице тематског уречена // ЗРВИ. 1953. № 2. С. 91; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 48–54; *Он же.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 55–56; *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 187–188; *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 153–154.

⁴ *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. P. 1107, 1276, 1284, 1367, 1742, 1745; *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 207–214; *Она же.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. 1978. Т. 17. С. 81–97; *Она же.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 70–106, 145–171; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Berne, 1984. Vol. 2. P. 132, 175, 401–402; *Смычков К.Д.* Несколько неизданных печатей Херсона // ВВ. 1989. Т. 50. С. 189–191; *Соколова И.В.* Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213; *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1. P. 182–190; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсона // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 191–203; *Sokolova I.V.* Les sceaux byzantines de Cherson // SBS. 1993. Vol. 3. P. 99–111; *Йорданов И.* Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София, 1993. С. 159; *Alexeeenko N., Romančuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. 1995. Vol. 4. P. 139–151.

⁵ *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 111–118; *Она же.* О так называемой печати протевона Херсона // ВИД. 1991. Т. 23. С. 94–102; *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 87–92, 104–105; *Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 139–143; *Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности-1996. Харьков, 1997. С. 23–28.

⁶ *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 312–321; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 689–698.

⁷ *Oikonomides N.* Le “system” administratif byzantine en Crimée IX–Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 318–323.

бликация многочисленных сфрагистических материалов, найденных на различных памятниках Крыма. В первую очередь, речь идет о значительном объеме печатей из так называемых городских архивов средневекового Херсонеса и Сугдеи с общей датой в пределах VI–XII/XIII вв., остатки которых обнаружены в прибрежной акватории городищ. В исследованиях Н.А. Алексеенко и Е.В. Степановой представлен анализ структуры архивов, включавших в свой состав моливдовулы представителей центральной и провинциальной администрации Византии, церковных иерархов, местного бюрократического аппарата, частных корреспондентов и отдельных важных внешнеполитических адресантов империи⁸. В целом каждый из архивов уже сейчас насчитывает сотни печатей, но находки постоянно продолжаются.

Сигиллографическая карта византийской Таврики предфемного и фемного периодов ее истории отмечена находками моливдовулов, сделанными не только в Херсонесе и Судаке, но и в Партените, на Мангупе, Керчи, на некоторых памятниках горной и южнобережной части полуострова (Сюйреньское укрепление, Аю-Даг, Демерджи, Симеиз)⁹. Безусловный интерес вызывает

⁸ Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–106; Алексеенко Н.А. «Херсонский архив печатей»: миф или реальность? // ХСб. 2006. Вып. XV. С. 7–11; Степанова Е.В. Находки печатей в Судаке // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 175–189. Здесь же приведена библиография публикаций моливдовулов, что избавляет нас от повторов. Наиболее показательная часть херсонского собрания (410 печатей) уже представлена в виде отдельного каталога: *Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux*. P., 2012. P. 73–238.

⁹ Панченко Б.А. Шесть моливдовулов из Партенита // ИАК. 1906. Вып. 18. С. 160–164; Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 59–65; Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–569; Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 364–369; Алексеенко Н.А. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 80–81; *Он же*. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 121–131; *Он же*. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 405–410; Герцен А.Г. Моливдовул из могильника Алмалык (Мангун) // International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography «SPHRAGISTIC MERIDIAN: КИЇВ — КОРСУНЬ/ΧΕΡΣΟΝ — ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ». Program and Abstracts. Kyiv; Sevastopol, 2013. С. 45–46.

резко выросшая в количественном отношении коллекция византийских печатей, найденных на Таманском городище¹⁰.

Приведенный историографический обзор подчеркивает ряд важных моментов и задач для современного этапа изучения византийской системы управления в регионе в IX–XII вв. Во-первых, значительное увеличение корпуса печатей окончательно превратило материалы сфрагистики в первостепенный источник по политической и административной истории Таврики, наличие или отсутствие в котором того или иного имперского института с трудом может быть объяснено простой случайностью. Во-вторых, огромный фонд новых сфрагистических памятников требует систематизации и осмысления, в том числе сопоставления получаемых результатов с данными имеющихся письменных источников и постоянно пополняемой группой археологических свидетельств. Наконец, в-третьих, в историографии уже сейчас присутствует настоятельная необходимость обобщающих исследований по истории фемной системы в Таврике, в которых бы последовательно рассматривались как эволюция ее внутренней организации, так и роль фемной администрации в политических процессах, протекавших на полуострове. Настоящая работа, ограниченная, как уже отмечалось, ранним периодом существования фемы, призвана, в какой-то степени, компенсировать существующий историографический пробел.

Обстоятельства учреждения фемы в Таврике в конце правления императора Феофила (829–842) византийские источники объясняли словами спафарокандидата Петроны Каматира, главы византийской миссии в Северное Причерноморье накануне этих событий, произнесенными во время доклада Феофилу: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам»¹¹. Константин Багрянородного практически дословно повторяет Продолжатель Феофана¹². Следуя буквально содержанию источников, некоторые исследователи одну из основных

¹⁰ Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. С. 29–118.

¹¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е исправ. М., 1991. С. 172–173.

¹² Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер., заключ. статья и коммент. Я.Н. Любарского; отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб., 1992. С. 56.

причин создания фемы видели в стремлении Византии удержать в повиновении Херсон и прилегающие к нему районы ввиду их традиционной оппозиционности¹³. Нам такая гипотеза кажется маловероятной. Очевидно, что указанные события проходили на фоне реставрации военно-политического союза Византии и Хазарии, выразившейся в участии византийцев в сооружении крепости Саркел на Дону в 840 г., а объяснение сближения интересов империи и каганата следует, видимо, искать в общей для территории государств внешнеполитической угрозе. В историографии она обычно увязывается с «росами»¹⁴, мадьярами¹⁵, либо с теми и другими одновременно¹⁶. Некоторые исследователи полагают, что создание фемы является ответной реакцией Византии на территориальную экспансию хазар в районы Южной Таврики¹⁷. На наш взгляд, исходным фактором, приведшим к административным преобразованиям в Таврике, было все-таки расселение мадьярских племен в Северном Причерноморье, вблизи территории Крыма. Оно нарушило не только сложившееся на протяжении десятилетий византийско-хазарское равновесие, но и естествен-

¹³ Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса. С. 44; Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. С. 87; Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона. С. 140.

¹⁴ Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. P. 111–112; Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton; New Jersey, 1954. P.187; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. С. 55; Пауцто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 58; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX– первая половина X вв. М., 1980. С. 35–36; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 132, 206–208; Вернадский Г.В. Древняя Русь. М.; Тверь, 1996. С. 310.

¹⁵ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantines et les Russes au IXe siècle // Byzance: les pays et les territoires. L., 1976. P. 48; Golden P.B. Khazar Studies: A Historic-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1. P. 69; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии около 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–679; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 220; Науменко В.Е. Византийская фема. С. 261; Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 115.

¹⁶ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 302–306; Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. С. 187–188; Войтович Л. Чи володіла Хозарія Середнім Подніпров'ям у 839–860 рр. // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2013. Т. 11. С. 80.

¹⁷ Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 64; Сорочан С.Б. Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления» // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 311.

ным образом сделало невозможным, как считает ряд специалистов, функционирование системы византийско-хазарского «кондоминиума» в буферных областях полуострова¹⁸.

Точная дата появления мадьяр в Северном Причерноморье не известна, но уже около 836/837 г. отдельные их отряды участвуют, как союзники болгар, в подавлении мятежа греческого населения в Подунавье, переселенного сюда ханом Крумом (803–814) после взятия Адрианополя в 813 г. Помощь восставшим в возвращении на родину оказал византийский флот, посланный императором Феофилом. Вероятно, именно тогда же информация о появлении в регионе неизвестных ранее кочевых племен достигла Константинополя¹⁹.

Константин Багрянородный и Ибн Русте свидетельствуют о напряженном характере отношений мадьяр с хазарами в 830–880-х гг., до момента вытеснения венгров в Паннонию печенегами²⁰. Сам факт первоначального расселения мадьяр в области, назван-

¹⁸ Об основных этапах и особенностях византийско-хазарских отношений см.: *Noonan T.S. Byzantium and the Khazars: a Special Relationship?* // *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, 1992. P. 109–132; *Науменко В.Е.* Место Босфора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 339–345; *Он же.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 544–554. О византийско-хазарском кондоминиуме в Таврике в конце VII — середине IX в. и критике этой гипотезы см.: *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 509–525; *Айбабин А.И.* К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // *Хазарский Альманах*. 2014. Т. 12. С. 161–169; *Сорочан С.Б.* Размышления над критикой (к статье А.И. Айбабина о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму) // Там же. С. 175–186.

¹⁹ *Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с конца IX до начала X вв. СПб., 1881. С. 200–202, 226–227; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии. С. 664, 666. Версия Продолжателя Георгия Амартола не совпадает с хронологией Продолжателя Феофана — около 829–831 гг. (*Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. С. 93). О роли венгров в политической истории на юге Восточной Европы в IX в. см.: *Kristó G.* Hungarian history in the Ninth Century. Szeged, 1996. P. 107–118; *Иванов В.А.* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999. С. 85–107; *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999. P. 328–338; *Комар А.В.* Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований // *Археологія і давня історія України*. Вип. 7. Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. Київ, 2011. С. 21–38.

²⁰ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 38–39, 44–45, 158–165; *Хвольсон Д.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста, арабского писателя начала X века // *ЖМНП*. 1868. № 12. С. 670.

ной Константином Багрянородным «Леведией» и локализуемой в междуречье Днепра и Южного Буга²¹, превращал их в потенциальных противников Хазарского каганата, так как не только нес угрозу западным границам каганата в Подонье, но и значительно сокращал его возможности осуществлять военно-политический контроль за ситуацией в Таврике через Перекопский перешеек. Новый баланс сил на юге Восточной Европы определял для Византии изменения в практических методах ведения внешней политики и защиты собственных интересов в регионе.

Уже весной-летом 841 г. в Таврике учреждается фема Климатов²². Ее глава впервые фиксируется в Тактиконе Ф.И. Успенского (около 842–843 гг.), где «патрикий и стратиг Климатов» замыкает список правителей фем империи²³. Известны три печати, которые принадлежат стратигу фемы Климатов. Первая из них опубликована И.В. Соколовой и содержит на реверсе фрагмент надписи «...Кл(иматов) Херс(она)» (...τῶν Κλ[ιμάτων] [τῆς] Χερσ[ῶνος])²⁴. Учитывая некоторые грамматические неточности при такой реконструкции легенды, К. Цукерман предположил, что на испорченном месте перед топонимом «Херсон» было вырезано сокращение союза καὶ («и»). Следовательно, печать принадлежала стратигу фемы «...Кл(иматов и) Херс(она)» (...τῶν Κλ[ιμάτων καὶ] Χερσ[ῶνος]), с чем согласен Ж.-К. Шене²⁵. Однако, плохая сохранность моливдовула не дает возможности настаивать на таком прочтении. Тем более, что единственная аналогия из Судака содержит идентичный топоним в легенде: «...спа(фарокан) дида(ту)...К(лиматов Х)ерсо(на)» (...σπα[θαροκαν] διδά[τω καὶ στρατηγῶ(?) τ]ῶν Κ[λιμάτων Χ]ερσ[ῶνος]). По мнению Е.В. Степановой, моливдовул принадлежит, скорее всего, стратигу фемы

21 *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 158–159. О локализации «Леведии» см.: *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997. С. 144; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии. С. 667–668.

22 *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 312–316; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике С. 689–691.

23 *Oikonomides N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972. P. 48–49.

24 *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 149–150, № 14, схема VIII.

25 *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 319–320; *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 311.

Климатов²⁶. Наконец, Дж. Несбиттом и Н. Икономидесом опубликована печать неизвестного чиновника «...пяти Климатов» (...τον Πέντε Κλιμάτ[ων]), которого издатели отождествляют с главой византийского военно-административного округа в Крыму²⁷. Приведенные данные сфрагистики позволяют достаточно надежно отождествить фему, образованную в Таврике в правление императора Феофила, с фемой Климатов Тактикона Ф.И. Успенского.

Для понимания цели данного византийского проекта важным является анализ содержания топонима «Климаты» для обозначения новой фемы. К. Цукерман предложил понимать под ним исключительно административные деления Готии, автономные районы области со своей крепостью и архонтом. По его мнению, территориальные пределы фемы Климатов ограничиваются, таким образом, границами Готии, не распространяясь на Херсон и Боспор, с чем согласно большинство исследователей²⁸. Однако, на наш взгляд, такую интерпретацию топонима можно поддержать лишь частично.

Проведенный нами анализ его употребления в византийских источниках IX–X вв. показывает, что в широком смысле под ним подразумеваются горные и приморские области Таврики, традиционно входившие в орбиту политического влияния Византии, ограниченные территориально крепостями Херсоном с запада и Боспором с востока, а в более узком значении — административные единицы, на которые делилась данная территория. Важно подчеркнуть, что Херсон и Боспор являлись центрами таких же, как и остальные, Климатов²⁹.

Следуя такой интерпретации топонима, необходимо обратить внимание на имеющиеся материалы сфрагистики. Если моливдовулы с сохранившимся в легенде топонимом «Климаты Херсона», опубликованные И.В. Соколовой и Е.В. Степановой, дают, несомненно, представление о центральном положении Херсона в пределах новой провинции, то печать анонимного чиновника (стратига?) фемы «...пяти Климатов», изданная Дж. Несбиттом и Н. Икономидесом, становится ключевым звеном в понимании

²⁶ *Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 54, № 16.

²⁷ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. P. 182, № 81.1.

²⁸ *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 317–319.

²⁹ *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. С. 696–698.

ее территориальной структуры, включавшей, по-видимому, пять административных единиц. Наиболее точное воспроизведение последних (Херсон, Боспор, Готия, Сугдея, Фуллы) является возможным при сопоставлении данных легенд моливдовулов с перечнем архиепископий в Таврике в нотиции Николая I Мистика (между 901 и 907 гг.), отражающей итог кардинальных византийских административных преобразований на полуострове в середине — второй половине IX в.³⁰

Итак, проект создания византийской фемы в Таврике в 841 г. подразумевал, по крайней мере, номинально включение в ее состав значительной части горных и приморских областей полуострова. Одновременно он свидетельствовал, что традиционная дипломатическая гибкость империи во взаимоотношениях с местными «топархиями», характерная для периода конца VIII — начала IX в.³¹, сменилась режимом прямого правления византийского стратига, наделенного всей полнотой гражданской и военной власти на вверенной ему территории.

Трудно сказать, насколько реальными были эти полномочия у стратига фемы Климатов. Во-первых, из-за малочисленности источников мы можем лишь предполагать подчинение ему административных структур Боспора, Сугдеи, Готии и Фулл. Во-вторых, сам период существования фемы Климатов крайне ограничен. Уже 850-ми гг. датируются ранние печати стратигов фемы Херсон³², а около 860 г. глава новой административной единицы впервые упоминается в письменных источниках («Житие с перенесением мощей Св. Климента», или «Итальянская легенда»)³³. За этой сменой названия стоит, прежде всего, сокращение тер-

³⁰ *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P., 1981. P. 273–274. О крымской части нотиции см.: *Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatum) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 142–144.

³¹ *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 546–548.

³² *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 92; *Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 732, 738, 740. № 24, 47, 86–88; *Степанова Е.В.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 537–538.

³³ *Meuvaert P., Devos P.* Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la Légend Italique résolues grace a un document inédit // АВ. 1955. Т. 73. P. 457.

ритории фемы до пределов Херсона и его округа, что отражает реальные возможности византийской администрации в регионе в условиях сложной военно-политической обстановки³⁴.

Действительно, круг источников, освещающих пребывание Константина Философа в городе по пути в Хазарию, характеризуют Херсон в начале 860-х гг. как отдаленный, изолированный форпост империи, соседствующий с «землей хазар», а его обитателей — как «жителей тюрьмы» (*carceris habitatores*), не имеющих возможности выйти за крепостные стены³⁵. Однако эти свидетельства не следует понимать буквально и полагать подчиненность ближайших к феме областей хазарам³⁶. Скорее, они отмечают возросшую самостоятельность административных единиц прежней фемы Климатов в связи с напряженной военно-политической обстановкой на полуострове из-за походов мадьяр и хазар, о чем упоминается в Пространном Житии Константина Философа³⁷.

Ослабление позиций Византии на полуострове носило временный характер. С 70-х гг. IX в. империя начинает постепенное восстановление своего присутствия в стратегически важных центрах и областях Таврики. В письме патриарха Фотия к боспорскому архиепископу Антонию (около 873 г.) отмечается факт крещения местных иудеев, что было возможно лишь в условиях размещения здесь византийской администрации и гарнизона³⁸. Близкие по времени арабские источники (Ибн Русте, Ибн Хордадбех, ал-Факих) называют *К-р-х* (Керчь) византийским портом, Керченский пролив для них — западный предел Хазарии³⁹.

³⁴ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 321.

³⁵ Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла. СПб., 1893. С. 6, 9; *Vita cum Translatione S. Clementis* // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. II. С. 143; *Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum* // Там же. С. 141.

³⁶ Мозаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // СРИО. М., 2002. № 4. С. 52–53; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 1125–1128.

³⁷ Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986. С. 106.

³⁸ *Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphiloquia*. Leipzig, 1983. Vol. I. P. 132.

³⁹ Хвольсон Д.А. Известия. С. 27; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 124; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 291–292.

К рубежу IX–X вв. процесс византийской «реконкисты» можно считать завершенным. Вероятно, впервые на официальном уровне ее результаты зафиксированы в Тактиконе Филофея (899 г.), где византийская провинция в Таврике обозначена как *фема Херсон*⁴⁰. О ее территориальных пределах и структуре свидетельствуют трактат Константина VII Багрянородного «О фемах Запада» (около 934–944 гг.) и notiция времени Николая I Мистика. Для первого Херсон являлся столицей провинции, охватывавшей области Климатов, в том числе Боспор⁴¹. Для составителей notiции, как отмечено выше, византийская церковно-административная система на полуострове включала архиепископии Херсона, Боспора, Сугдеи, Готии и Фулл⁴².

Вне Крыма, безусловно, следует размещать области Хазарии, откуда во второе патриаршество Николая I Мистика (912–925) прибыли посланники тамошних христиан с просьбой поставления им нового епископа⁴³. Наконец, показательными являются сведения Кембриджского Анонима (около 949 г.) о походе хазарского наместника Самкерца Песаха против жителей Таврики ок. 935 г. Целью карательной акции были «города Романа», то есть императора Романа I Лакапина (920–941)⁴⁴. Таким образом, принадлежность горных и приморских областей полуострова Византии хазарами уже не оспаривалась.

Политические процессы, происходившие в Таврике во второй половине IX — начале X в., в определенной степени иллюстрируют археологические материалы. В историографии преобладает убеждение о гибели в это время салтово-маяцких поселений и о синхронных им «слоях разрушений» на городищах в восточной

⁴⁰ *Oikonomides N.* Les Listes des préséance byzantines. P. 101, 105.

⁴¹ Costantino Porfirogenito De Thematribus. Introduzione-Testo critico-Commento / A. Pertusi (Studi e Testi. 160). Città del Vaticano, 1952. P. 98.

⁴² *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum. P. 273–274.

⁴³ *Nicholas I Patriarch of Constantinople.* Letters. Washington, 1973. P. 314–315, 388–391, 554–555. Этот вопрос подробно разобран в: *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. С. 34–36.

⁴⁴ *Коквицов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 141; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 141. Об историческом контексте и уточненной хронологии похода подробнее см.: *Zuckerman C.* On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *REB.* 1995. Т. 53. P. 257; *Науменко В.Е.* К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха» // *Хазарский Альманах.* 2014. Т. 12. С. 118–128.

части полуострова⁴⁵. Причину этих катаклизмов видят в набегах печенегов⁴⁶, мадьяр⁴⁷, последствиях похода Песаха⁴⁸ или византийской политики по восстановлению своей власти в Таврике в середине X в.⁴⁹.

Безусловно, такое разнообразие мнений объясняется во многом недостаточной опубликованностью результатов археологических исследований. Кроме того, присутствует порой неоправданное стремление увязать материальные свидетельства с каким-либо одним «внешним» фактором. Поэтому позволим себе сделать ряд замечаний по этому вопросу, из которых не следует завершение дискуссии. Во-первых, отметим, что ни один из указанных внешнеполитических факторов, кроме, пожалуй, византийского, не следует исключать из числа тех, которые могли бы повлиять на изменение политической ситуации в Таврике. Для этого недостаточен, прежде всего, уровень разработанности хронологии массового археологического материала на поселениях полуострова, датировка которого, даже в пределах 50–100 лет, допускает различные варианты интерпретации событий, отраженных в стратиграфии памятников. Во-вторых, политическая нестабильность и постоянная военная угроза сказались, в первую очередь, на жизни неукрепленных селищ, причем не только Восточного, но и Северо-Западного, Центрального и Юго-Западного Крыма. Однако, на памятниках, изученных и опубликованных достаточно полно, следы пожаров и разрушений, отражающие военные действия, как правило, отсутствуют. Население покидает их заблаговременно под давлением каких-то внешних обстоятельств, к числу которых могут быть отнесены и природные катаклизмы

⁴⁵ *Айбабин А.И.* Этническая история. С. 227; *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В.* Проблема «хазарских» поселений // *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 145–155.

⁴⁶ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85. С. 500–501; *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // *Вестник ЛГУ.* 1968. Вып. 3. С. 64.

⁴⁷ *Айбабин А.И.* Этническая история. С. 220, 222.

⁴⁸ *Майко В.В.* Хозари у Криму в другій половині X ст. // *Археологія.* 1999. № 2. С. 40–45; *Науменко В.Е.* Место Боспора. С. 354; *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 417; *Майко В.В.* Восточный Крым во второй половине X — XII вв. Киев, 2014. С. 189–199.

⁴⁹ *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 152–154.

(оползни, землетрясения), и больше не возвращается⁵⁰. Исключения, безусловно, есть, но они немногочисленны и не меняют общего представления о масштабах и характере происходивших на полуострове событий⁵¹. В-третьих, пока, к сожалению, остается не решенным вопрос направления миграции салтово-маяцкого населения, покидавшего места постоянного, с конца VIII в., обитания. Возможно, по крайней мере, часть его пополнило число жителей крупных городских центров Таврики, имевших оборонительные стены и возможности прямых контактов с Византийской империей, наиболее стабильной политической силой в регионе.

С военными событиями указанного периода времени связаны слои разрушения и пожаров, зафиксированные на ряде городищ Таврики — на Боспоре⁵², в Партените⁵³, на Бакле⁵⁴. Несмотря на довольно узкую дату образования комплексов, в пределах конца IX — первой трети X в., пока нет возможности точно увязать их происхождение с определенным противником Византии в регионе, известным в это время по письменным источникам — печенегами, мадьярами, хазарами, или, как иногда присутствует в историографии, с последствиями похода хазар во главе с Песахом около 935 г. Лишь в Партените слой разрушения датирован монетами. В нем наиболее поздней нумизматической находкой является монета Василия I и его соправителя Константина (868–879 гг. выпуска). Нижнюю границу формирования лежащего выше культурного горизонта определяет монета совместного правления Романа I Лакапина и Константина VII Багрянородного (920–944 гг.). На наш взгляд, лишь продолжение археологических исследований, качественная публикация их результатов помогут обеспе-

⁵⁰ Подробный перечень этих памятников см.: *Науменко В.Е.* Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 176–177.

⁵¹ По сути, речь идет о двух поселениях — Горный Ключ и Тау-Кипчак: *Романчук А.И., Омелькова Л.А.* Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. Вып. 16. С. 102; *Айбабин А.И.* Этническая история. С. 220.

⁵² *Макарова Т.И.* Боспор — Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 129, 144; *Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 168–174.

⁵³ *Паришина Е.А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 69–78.

⁵⁴ *Талис Д.Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 62.

чить более точную историческую атрибуцию этих комплексов. Пока же вопрос их интерпретации остается открытым.

С восстановлением византийского присутствия в регионе связаны масштабные работы по укреплению оборонительных сооружений и перепланировке жилой застройки на ряде городищ полуострова. В портовой части Боспора в конце IX в. строится новый квартал вместе с церковью Иоанна Предтечи⁵⁵. Во второй половине IX в., скорее, в 860–880-х гг., появляются ранние крепостные стены Сугдеи⁵⁶. В это же время сооружается новая фортификационная линия на цитадели Баклинского городища⁵⁷. Эски-Кермен со второй половины IX в. приобретает городской облик⁵⁸. С учреждением фемы связана реконструкция системы обороны Херсонеса, а также возведение на территории цитадели здания фемной администрации⁵⁹.

Важной составляющей политики «византинизации» Таврики, является христианизация полиэтничного туземного населения. К X в. у жителей горных областей полуострова окончательно трансформируется погребальный обряд. Распространение христианских плитовых захоронений свидетельствует о принципах

⁵⁵ Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 358–363, 382–383, 390–391.

⁵⁶ Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 49–54; Сазанов А.В. Археологические комплексы раннесредневековой Сугдеи // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошиников А.К. Житие Стефана Сурожского. С. 117–121, 143, 166. Несмотря на близкие даты (середина — вторая половина IX в. (И.А. Баранов) и 60–80-е гг. IX в. (А.В. Сазанов)), исследователи по-разному объясняют причины появления оборонительных стен Сугдеи. И.А. Баранов связывал их с деятельностью хазарского гарнизона, в то время как А.В. Сазанов — с учреждением фемы в Таврике. Не претендуя на первенство, заметим, что ранее мы также высказывались в пользу византийской атрибуции первоначальных фортификационных сооружений Судакской крепости (Науменко В.Е. Византийская фема. С. 267).

⁵⁷ Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 42–56.

⁵⁸ Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–245.

⁵⁹ Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. Византия и сопредельный мир. 1990. Вып. 25. С. 22; Она же. Административные здания Херсонесской вексиляции и фемы Херсон (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 14–18; Сорочан С.Б. Эволюция фортификации византийского Херсона в VI–X вв. // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 46–57.

альных изменениях в мировоззрении населения этого региона⁶⁰. В начале X в. впервые в официальных источниках (нотиции Николая I Мистика) фиксируется система «пентархии» в церковно-административном обустройстве Таврики — епархии Херсона, Боспора, Сугдеи, Готии, Фулл⁶¹.

Говоря о внутренней организации фемы Херсон, мы вынуждены использовать только материалы, характеризующие управление ее столичного центра. Во главе округа стоит стратиг — императорский наместник с верховными полномочиями в округе. В каталоге печатей из Херсона к середине IX — началу X в. относятся 33 моливдовула, принадлежащие девяти (десяти?) стратигам фемы — Карпу (?) (1 экз.; сер. IX в.), Фоке (3 экз.; сер. IX в.), Константину (2 экз.; сер. IX в.), Никифору (8 экз.; 60–80-е гг. IX в.), Феофанию (5 экз.; втор. пол. — посл. треть IX в.), Сергию (4 экз.; рубеж IX–X вв. — 20–30-е гг. X в.), Арсавиру (1 экз., рубеж IX–X вв.), Николаю (1 экз.; рубеж IX–X вв.), Иоанну (7 экз.: втор. пол. IX в. — рубеж IX–X вв.) и неизвестному по имени (1 экз., втор. пол. IX в.)⁶². Особый интерес, конечно, вызывают печати Никифора, владельца которых возможно отождествлять с одноименным «дукой» (стратигом) города в «Итальянской легенде»⁶³. Как уже отмечалось, это первый зафиксированный в письменных источниках пример трансформации фемы Климагов в фему Херсон. Учитывая, что трое из приведенных выше стратигов (Константин, Фока, Карп (?)), скорее всего, предшествовали по времени исполнения своих обязанностей Никифору, и даже не исключая появления новых имен в материалах сфрагистики, можно предполагать длительный, 5–10 лет и более, срок службы наместника фемы в это время. Однако наличием стратига заканчивается сходство провинциального устройства Таврики с принятой в фемный период административной моделью в империи. Местная специфика определенно прослеживается во фрагментарных свидетельствах письменных и сфрагистических источников.

На сегодняшний день нет оснований утверждать, что «штаб» херсонского стратига имел обычный для византийской админи-

⁶⁰ Айбабин А.И. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 130.

⁶¹ Darrouzès J. Notitiae Episcopatum. P. 273–274.

⁶² Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 33–36, 120–134, 137. №№ 28–46, 49.

⁶³ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. С. 316–317.

стративной практики состав — турмархи, друнгари, мерархи, кентархи, κόμης τῆς κόρτης, хартулярий, domestik, протонотарий, протоканкелларий, протомандатор, комит этерии и др.⁶⁴. В письменных источниках по истории фемы в Таврике эти лица не упоминаются. Нет их и среди опубликованных материалов сфрагистики⁶⁵. Единственным исключением, возможно, является печать спафария Калиста, хартулария Херсонской фемы⁶⁶. Однако ее плохая сохранность вызывает сомнения в таком чтении легенды. К тому же единичность находки делает неясным, постоянный или временный характер носила эта должность в составе фемной администрации. Внештатный характер имел институт «эк просопу» Херсона, известный по печатям императорского спафарокандидата Сергия конца IX — начала X в.⁶⁷. Их владелец, очевидно, временно выполнял обязанности стратига фемы, которого не было в это время в округе⁶⁸.

⁶⁴ О штате и функциях должностных лиц фемы см.: *Скабаланович Н.С.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884. С. 182–193; *Успенский Ф.И.* Военное устройство Византийской империи. София, 1900. С. 1–54; *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911. P. 39–47; *Glykatzis-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX–XI s. // BCH. 1960. Vol. 84. P. 36–52; *Oikonomides N.* Les listes de préséance byzantines. P. 341; *Мохов А.С.* Византийская армия в середине VIII — середине IX вв.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013. С. 126–135. В то же время, как отметил А.С. Мохов, образу «классической» византийской фемы среди всех известных для VIII–IX вв. административных округов империи соответствовали только пять — Анатолик, Фракисий, Опсикий, Вукелларий и Фракия. В остальных фемах военно-административные структуры отличались от искусственно созданного современной историографией «образца»: *Мохов А.С.* Византийская армия в середине VIII — середине IX вв. С. 137.

⁶⁵ И.В. Соколова издала две печати κόμης τῆς κόρτης и одну буллу турмарха, происходящие из Херсона: *Соколова И.В.* Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса. С. 212, № 49–51. Однако, они относятся ко времени, предшествующему образованию фемы. К тому же их легенды не сохранили географических указаний на тот округ, к которому были приписаны эти византийские чиновники.

⁶⁶ *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 159, № 41.

⁶⁷ *Там же.* С. 153, № 24, 24а; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. P. 401–402, № 887; *Алексеев Н.А.* Должность ЕК PROSOPOU Херсона в структуре византийской администрации Таврики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 7–8; *Alekseyenko N.* L'administration byzantine de Cherson. P. 179–180.

⁶⁸ О временном характере должности «эк просопу» фемы см.: *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. P. 46–47; *Науменко В.Е.* Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 430–431.

Отсутствие в сфрагистическом корпусе булл командиров отдельных армейских подразделений Херсонской фемы делает актуальной проблему состава ее воинского контингента. Из Партенита, Херсонеса и Судака происходят печати фемного времени, принадлежавшие стратигам фем Армениаков, Востока, Сицилии, Фессалоники, Фракии, Фракисии и Эллады⁶⁹. Но из этого пока не ясно, действительно ли основу воинского контингента фемы составляли отряды стратиотов, выделенные из состава других военно-административных единиц империи, или их дислокация на полуострове носила временный характер, связанный с проведением Византией каких-то военных операций. Как и в случае с должностным штатом византийской провинции в Таврике, следует, вероятно, воздержаться пока от каких бы то ни было окончательных заключений по данному вопросу, так как появление среди материалов сфрагистики любого нового института местной администрации или серии булл внешних корреспондентов округа может в значительной степени изменить существующие представления об организации фемы.

После трансформации фемы Климатов в фему Херсон (не позднее 861 г.) ликвидируется институт архонта Херсона — императорского наместника с верховными полномочиями в округе («архонтии»), охватывавшем с начала VIII в. территорию города и его ближайшей округи⁷⁰. Это вполне объяснимая реформа, так

⁶⁹ Панченко Б.А. Шесть моливдовулов из Партенита. С. 161; Соколова И.В. Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса. С. 211, № 46; *Šandrovskaja V.* Die funde der byzantinischen bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3. P. 94–95; Алексеевко Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности-1996. Харьков, 1997. С. 129–130; *Stepanova E.* New Seals from Sudak. P. 57, №21; Степанова Е.В. Связи Сицилии и Херсона по данным нумизматических и сфрагистических памятников // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 78; Алексеевко Н.А. «MILITARIA BYZANTINA» в Таврике (по данным моливдовулов) // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 350.

⁷⁰ О Херсонской архонтии см.: Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона. С. 310–316; Алексеевко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 455–500. По результатам работы Н.А. Алексеевко, следует, вероятно, отказаться от присутствующих в историографии представлений о коллегиальном характере института архонта в это время, исполнители которого стояли во главе муниципального самоуправления (*Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 571–573). О функциях византийских архонтов, на примере балканских провинций, см.: Науменко В.Е. К вопросу о статусе славянских «архонтий» Македонии и Греции в «темные века» // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный

как стратиг в условиях сокращения размеров фемы был в силах не только выполнять свои прямые обязанности, но и тесно контролировать деятельность местных гражданских структур, в том числе в фискальной сфере, что прежде относилось к компетенции провинциального архонта. Его традиционное содействие налоговой политике империи в регионе на протяжении всей истории фемы в Таврике следует из слов Константина Багрянородного, который характеризует своеобразную фискальную обстановку в городе. Херсон предстает особым «дотационным» округом, получавшим через стратига из имперской казны 10 литр (720 золотых монет) пожалования на содержание, вероятно, муниципальной организации, а также 2 литра «пакта» для функционирования фемной администрации⁷¹.

Интересы Византии были сконцентрированы на получении казной доходов от посреднической торговли, которая традиционно являлась основой экономики Херсона. Именно поэтому в местном архиве печатей наиболее многочисленны, наряду с буллами стратигов, моливдовулы «императорских коммеркиариев» Херсона (74 экз.), которые датируются в пределах от середины IX до второй половины X в.⁷² Как и в других областях Византии, коммеркиарии с начала 830-х гг. были отстранены от контроля за производством шелка и торговли шелковыми изделиями, вошли в ведомство «логофисии геникона», где отвечали за сбор «коммеркиона» — 10% таможенной пошлины от обращения товаров на территории империи⁷³. Таким образом, наиболее доходная часть экономической жизни региона находилась в руках не представителей муниципальной и фемной администрации, а специальных чиновников, назначенных из Константинополя, которым оказывал всяческое содействие местный стратиг.

К концу IX в., как уже отмечалось, фемной организацией были охвачены не только Херсон, но и приморские и горные

70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 179–189; *Степанова Е.В.* Архонты Балкан VIII–X вв. (на примере печатей Государственного Эрмитажа) // ТГЭ. Т. 57. Балканский сборник. СПб., 2011. С. 173.

⁷¹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 274–275; *Oikonomides N.* Le “system” administratif byzantine. С. 322.

⁷² *Алексеев Н.А.* Таможня и коммеркиарии Херсона С. 1592–1626; *Alekseyenko N.* L’administration byzantine de Cherson. P. 51–59, 181–211. №№ 95–125.

⁷³ *Oikonomides N.* Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. 1986. Vol. 40. P. 48–49.

районы Таврики. Сложный состав административного округа, включавшего пять географически изолированных территориальных единиц (Херсон, Боспор, Сугдея, Фуллы, Готия), заставил Византию выделить его столицу в отдельное подразделение фемы, о чем свидетельствуют опубликованные моливдовулы киров, экдика, патеров полиса и протевонов Херсона, датирующиеся в пределах последней трети IX — конца X в. (всего 31 экз.)⁷⁴. Дискуссия в отношении происхождения и содержания этих институтов, не известных в других провинциях империи в IX–X вв., еще не завершена. Поэтому позволим себе сделать ряд общих замечаний о месте данных чиновников в системе управления Херсона.

Первое касается хронологии рассматриваемых ведомств. Наиболее ранними (посл. трети IX в.) являются моливдовулы (2 экз.) императорского спафария Михаила (?), *epi ton oikeiakon* и кира Херсона⁷⁵. Очевидно, этот институт сопоставим с кирами города рубежа VIII–IX вв. или начала IX в., которые, возглавляя местные муниципальные органы власти, были подконтрольны на тот момент ар-

⁷⁴ Толстой И.И. О византийских печатях Херсонской фемы. С. 39, №13; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 116, 159–160, № 43; Она же. О так называемой печати протевона Херсона. С. 94–102; Nesbitt J., *Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. P. 186, № 82.10; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 162–168, № 11–15; Она же. Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 154–162; Alekséenko N. Les sceaux des prôteuontés de Kherson au Xe siècle // SBS. 2002. Vol. 7. P. 79–82, № 1–4; Алексеенко Н.А. Defensor civitatis (ἐκδικος) и его роль в управленческом аппарате Херсона IX в. // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 67–73; Она же. Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации Таврики // Древности-2005. Харьков, 2005. С. 58–61; Она же. Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в. Печати киров // БИ. 2005. Вып. IX. С. 212–218; Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона: проблема статуса и датировки // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Т. XVI/1. С. 207–213; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 29–32, 61–68, 213–221. №№ 23–25, 128–137; Алексеенко Н.А. Патрикий Калокир: этапы карьеры херсонского аристократа по данным сфрагистики // III Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2013. С. 293–308; Она же. Ведомство ΕΡΙ ΤΟΝ ΟΙΚΕΑΚΟΝ и его представители в администрации Херсона // VI Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 8–9.

⁷⁵ Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона. С. 210; Алексеенко Н.А. Ведомство ΕΡΙ ΤΟΝ ΟΙΚΕΑΚΟΝ. С. 8–9.

хонту, императорскому наместнику в регионе⁷⁶. Последней третью IX в. или концом IX — началом X в. датируются печати императорского кандидата Никифора, экдика Херсона (4 экз.)⁷⁷. Одновременно или чуть позднее учреждается пост протевона города, исполнители которого (Михаил, Иоанн, Калокир и другие; всего 17 печатей) известны в источниках на протяжении X в.⁷⁸. Наконец, первой половиной и второй половиной X в. датируются три моливдовула Сергия, Феодора и неизвестного по имени патера полиса Херсона⁷⁹.

Другое замечание связано с содержанием отмеченных институтов. Безусловно, всех владельцев булл кира, экдика, патера полиса и протевонов следует рассматривать как государственных византийских чиновников, о чем свидетельствует, прежде всего, иконографический тип печатей, выполненных в Константинополе, по имперским образцам. В то же время отсутствие этих должностей в общевизантийских «табелях о рангах», несомненно, указывает на местную административную специфику, своеобразную дань традициям муниципального самоуправления, магистратуры которого постепенно трансформировались в отдельные ведомства фемной администрации⁸⁰.

Функции киров Херсона фемного времени, возможно, близки полномочиям городских епархов в Византии, то есть в их ведении находилось муниципальное управление столицы административного округа⁸¹. Пока не ясно, был ли этот институт постоянным с конца VIII до конца IX в. в системе управления Херсоном или его

⁷⁶ Опубликовано пять печатей киров Херсона предфемного времени с именами Исаак, Зоил и Лев: *Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson*. P. 115–117. №№ 23–25.

⁷⁷ *Ibidem*. P. 214–216. № 131.

⁷⁸ *Ibidem*. P. 216–221. №№ 132–137.

⁷⁹ *Ibidem*. P. 213–214. №№ 128–130.

⁸⁰ О поздних примерах сохранения муниципальных органов власти в городах Византии см.: *Храпунов Н.И.* Должности с архаичными названиями в византийских городах второй половины IX–XI вв. // II Международный Византийский семинар ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2010. С. 40–42.

⁸¹ *Сорочан С.Б., Смычков К.Д.* Киры византийского Херсона. С. 210; *Домановский А.Н.* К вопросу о существовании аналогов константинопольского епарха города в провинциальных городах империи (VIII–IX вв.) // VII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Оικος». Материалы конференции. Керчь, 2006. С. 92–97; *Науменко В.Е.* К вопросу о титулах «топарх» и «кир» в истории Таврики конца VIII — начала IX вв. // *Херсонесский колокол*. Сборник научных статей. Симферополь, 2008. С. 335–336.

появление в отдельные отрезки истории города связано с какими-то экстраординарными событиями. На данный момент можно говорить достаточно определенно, что кратковременный и исключительный характер носило среди магистратур Херсона ведомство эдикта, все известные печати которого принадлежат одному человеку. Как известно, в ранневизантийское время в функции городского дефенсора входило решение различных вопросов в судебной области⁸². Совсем не определенным выглядит место городского чиновника с титулом «патер полиса» в фемной администрации Таврики X в., как с точки зрения ординарности этого института, так и в контексте его содержания. Как известно, в позднеримское и ранневизантийское время патеры полисов в различных городах империи осуществляли руководство общественными работами, могли быть судьями по мелким уголовным делам и даже управлять городскими финансами⁸³. Однако, из этого совершенно не следует, что этими же функциями были наделены и патеры полиса в Херсоне в период существования здесь фемы.

Среди рассматриваемых муниципальных ведомств Херсона, пожалуй, единственным существовавшим постоянно на протяжении всего X в. оставался институт городского протевона. Безусловно, сфрагистический тип моливдовулов, наличие в легендах печатей высоких для византийской «табели о рангах» почетных званий («протоспафарий», «патрикий», «хрисотриклит») свидетельствует о причислении протевонов к числу византийской служилой знати и принципиально отличает их от позднеантичных муниципальных служащих. Выделение города в особый округ, оставшийся подконтрольным стратигу фемы, было вполне закономерной реформой из-за частого отсутствия последнего в столице провинции ввиду разбросанности его владений, связанных, по большей части, морскими коммуникациями, и, вероятно, обычных его отлучек в Константинополь⁸⁴. Киру и затем про-

⁸² Алексеевко Н.А. *Defensor civitatis* (ἔδικκος). С. 71.

⁸³ О содержании института см.: Фихман И.Ф. Оксиринх — город папирусов. М., 1976. С. 244–245; Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du πατήρ τῆς πόλεως // Dagon G., Feissel D. *Inscriptions de Cilicie*. P., 1987. P. 332; Храпунов Н.И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατέρες τῆς πόλεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 161–164.

⁸⁴ На это обратила внимание еще Н.М. Богданова при анализе письма патриарха Николая I Мистика к херсонскому стратигу в марте 919 г.: Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. С. 35.

тевону в этих преобразованиях отводится роль высшего муниципального чиновника, решавшего, главным образом, текущие гражданские вопросы и следившего за состоянием фортификационных сооружений города. В отдельных случаях, как это было в конце X в. с патрикием Калокиром, он мог даже совмещать должности протевона города и стратига фемы Херсон⁸⁵.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в истории Таврики период с середины IX до начала X в. характеризуется последовательным ростом дипломатической и политико-административной активности Византийской империи на полуострове. Сложившийся на протяжении 830–880-х гг. новый баланс сил на юге Восточной Европы, элементами которого, помимо империи и ее традиционного соперника — Хазарского каганата, стали мадьяры, а несколько позднее русы и печенег, определил принципиальные изменения в практических методах ведения Византией своей внешней политики в регионе.

Суть перемен сводится к переходу от решения проблем, главным образом, усилиями дипломатии к установлению режима прямого имперского правления в стратегически важных центрах Таврики. Основным инструментом проведения такой политики становится фема, внутренняя организация которой, хотя и учитывала местную специфику, следовала все-таки общевизантийским принципам этой модели провинциального управления. Успехи военно-политические закреплялись в ходе массовой христианизации населения глубинных районов полуострова.

К началу X в. процесс превращения приморских и горных областей Таврики в отдельную провинцию Византийской империи, фему Херсон, охваченную также системой «пентархии» епископий Константинопольского патриархата, можно считать завершенным. Впервые в официальных источниках эта ситуация находит отражение в Тактиконе Филофея (899 г.) и новости времени первого патриаршества Николая I Мистика (901–907 гг.).

⁸⁵ *Алексеевко Н.А.* Патрикий Калокир: этапы карьеры херсонского аристократа по данным сфрагистики. С. 296–300. На возможность такого прочтения легенды печати Калокира впервые указано в: *Сидоренко В.А.* Литые херсоно-византийские монеты IX–XII вв. // IV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 39.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–134.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 168–185.
- Айбабин А.И.* К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2014. Т. 12. С. 161–174.
- Айбабин А.И.* Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
- Алексеевко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 155–170.
- Алексеевко Н.А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности-1996. Харьков, 1997. С. 122–133.
- Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 701–743.
- Алексеевко Н.А.* Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 154–162.
- Алексеевко Н.А.* Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 455–500.
- Алексеевко Н.А.* Таможня и коммерции Херсона // *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Харьков, 2005. С. 1592–1626.
- Алексеевко Н.А.* Defensor civitatis (ἑκδίκος) и его роль в управленческом аппарате Херсона IX в. // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 67–75.
- Алексеевко Н.А.* Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации Таврики // Древности-2005. Харьков, 2005. С. 58–63.
- Алексеевко Н.А.* Должность ЕК PROSOPOU Херсона в структуре византийской администрации Таврики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 7–11.
- Алексеевко Н.А.* Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в. Печати киров // БИ. 2005. Вып. IX. С. 212–220.
- Алексеевко Н.А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–570.
- Алексеевко Н.А.* «Херсонский архив печатей»: миф или реальность? // ХСб. 2006. Вып. XV. С. 7–16.
- Алексеевко Н.А.* Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 79–89.
- Алексеевко Н.А.* «MILITARIA BYZANTINA» в Таврике (по данным моливдовулов) // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 350–356.
- Алексеевко Н.А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 121–135.

- Алексеевко Н.А.* Патрикий Калокир: этапы карьеры херсонского аристократа по данным сфрагистики // III Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2013. С. 293–312.
- Алексеевко Н.А.* Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 405–414.
- Алексеевко Н.А.* Ведомство ΕΡΙ ΤΟΝ ΟΙΚΕΑΚΟΝ и его представители в администрации Херсона // VI Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 7–9.
- Антонова И.А.* Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 8–25.
- Антонова И.А.* Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсон (по материалам раскопок 1989–1993 годов) // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 10–22.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 46–62.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 137–144.
- Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 8–172.
- Вернадский Г.В.* Древняя Русь. М.; Тверь, 1996.
- Вишнякова А.Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. 1939. № 1. С. 121–133.
- Войтович Л.* Чи володіла Хозарія Середнім Подніпров'ям у 839–860 рр. // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2013. Т. 11. С. 70–95.
- Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник ЛГУ. 1968. Вып. 3. С. 55–65.
- Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 58–66.
- Герцен А.Г., Алексеевко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 59–65.
- Герцен А.Г.* Моливдовул из могильника Алмалык (Мангуп) // International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography «SPHRAGISTIC MERIDIAN: КИЇВ — КОРСУНЬ/ΧΕΡΣΩΝ — ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ». Program and Abstracts. Kyiv; Sevastopol, 2013. С. 45–46.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.

- Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с конца IX до начала X вв. СПб., 1881.
- Домановский А.Н.* К вопросу о существовании аналогов константинопольского епарха города в провинциальных городах империи (VIII–IX вв.) // VII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Οικος». Сборник материалов конференции. Керчь, 2006. С. 92–97.
- Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986.
- Зайбт Н., Зайбт В.* Печати страгигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 91–97.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 406–429.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986.
- Иванов В.А.* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
- Йорданов И.* Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София, 1993.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Комар А.В.* Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Вип. 7. Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. Київ, 2011. С. 21–78.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под. ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е, исправ. М., 1991.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Киев, 2002.
- Майко В.В.* Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. 1999. № 2. С. 40–49.
- Майко В.В.* Восточный Крым во второй половине X — XII вв. Киев, 2014.
- Макарова Т.И.* Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 121–146.
- Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–392.
- Могаричев Ю.М.* К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // СРИО. М., 2002. № 4. С. 48–55.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В.* Проблема «хазарских» поселений // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 145–155.
- Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности-1996. Харьков, 1997. С. 23–30.
- Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 689–700.
- Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 336–361.

- Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII — середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 544–568.
- Науменко В.Е.* Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 427–440.
- Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 123–145.
- Науменко В.Е.* Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX — начале X вв. // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 259–281.
- Науменко В.Е.* К вопросу о статусе славянских «архонтий» Македонии и Греции в «темные века» // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 179–189.
- Науменко В.Е.* К вопросу о титулах «топарх» и «кир» в истории Таврики конца VIII — начала IX вв. // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. Симферополь, 2008. С. 333–338.
- Науменко В.Е.* Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 165–188.
- Науменко В.Е.* К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха» // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2014. Т. 12. С. 118–134.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI — IX вв. // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 264–323.
- Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Острогорски Г.* Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича // ЗРВИ. 1953. № 2. С. 39–57.
- Панченко Б.А.* Шесть моливдовулов из Партенита // ИАК. 1906. Вып. 18. С. 160–164.
- Паршина Е.А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 64–100.
- Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.
- Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Перевод, статья и комментарии Я.Н. Любарского; отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб., 1992.

- Романчук А.И., Омелькова Л.А.* Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. Вып. 16. С. 94–125.
- Сазанов А.В.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 42–57.
- Сазанов А.В.* Археологические комплексы раннесредневековой Сугдеи // *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Жизнь Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 104–174.
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X вв. М., 1980.
- Сидоренко В.А.* Литые херсоно-византийские монеты IX–XII вв. // IV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 37–43.
- Скабаланович Н.С.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884.
- Смычков К.Д.* Несколько неизданных печатей Херсона // ВВ. 1989. Т. 50. С. 189–191.
- Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 207–214.
- Соколова И.В.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. 1978. Т. 17. С. 81–97.
- Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- Соколова И.В.* Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213.
- Соколова И.В.* О так называемой печати протевона Херсона // ВИД. М., 1991. Т. 23. С. 94–102.
- Соколова И.В.* Византийские печати из Херсона // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 191–203.
- Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 509–543.
- Сорочан С.Б.* Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления» // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 301–327.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
- Сорочан С.Б., Смычков К.Д.* Киры византийского Херсона: проблема статуса и датировки // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Т. XVI/1. С. 207–217.
- Сорочан С.Б.* Эволюция фортификации византийского Херсона в VI–X вв. // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 31–57.
- Сорочан С.Б.* Размышления над критикой (к статье А.И. Айбабина о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму) // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2014. Т. 12. С. 175–197.
- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.

- Степанова Е.В.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 537–545.
- Степанова Е.В.* Связи Сицилии и Херсона по данным нумизматических и сфрагистических памятников // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 76–84.
- Степанова Е.В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
- Степанова Е.В.* Находки печатей в Судаке // *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 175–192.
- Степанова Е.В.* Архонты Балкан VIII–X вв. (на примере печатей Государственного Эрмитажа) // ТГЭ. Т. 57. Балканский сборник. СПб., 2011. С. 173–179.
- Талис Д.Л.* Керамический комплекс Бакинського городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 55–123.
- Толстой И.И.* О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. 1887. Т. II. С. 28–43.
- Успенский Ф.И.* Военное устройство Византийской империи. София, 1900.
- Ферлуга Ж.* Ниже војно-административне јединице тематског уречена // ЗРВИ. 1953. № 2. С. 61–94.
- Фихман И.Ф.* Оксиринх — город папирусов. М., 1976.
- Хвольсон Д.* Известия о хазарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста, арабского писателя начала X века // ЖМНП. 1868. № 12. С. 657–771.
- Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *πατέρες τῆς πόλεως* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 161–167.
- Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII — начале IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 568–582.
- Храпунов Н.И.* Должности с архаичными названиями в византийских городах второй половины IX — XI вв. // II Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΦΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2010. С. 40–42.
- Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 312–323.
- Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии около 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–688.
- Чхаидзе В.Н.* Византийские печати из Тамани. М., 2015.
- Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 310–317.

- Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. X. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. III. С. 1–141.
- Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
- Ягич И.В.* Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла. СПб., 1893.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85. С. 458–501.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
- Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. 1995. V. 4. P. 139–151.
- Alekséenko N.* Les sceaux des prôteuontés de Kherson au Xe siècle // SBS. 2002. V. 7. P. 79–86.
- Alekseyenko N.* L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. P., 2012.
- Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantines et les Russes au IXe siècle // Byzance: les pays et les territoires. L., 1976. P. 44–70.
- Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911.
- Costantino Porfirogenito De Thematibus. Introduzione-Testo critico-Commento / A. Pertusi (Studi e Testi. 160). Città del Vaticano, 1952.
- Dunlop D.M.* The history of the Jewish Khazars. Princeton; New Jersey, 1954.
- Darrouzès J.* Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P., 1981.
- Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. II. С. 140–142.
- Feissel D.* Nouvelles données sur l'institution du πατήρ τῆς πόλεως // *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. P., 1987. P. 215–220.
- Glykatzis-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX–XI s. // BCH. 1960. V. 84. P. 1–111.
- Golden P.B.* Khazar Studies: A Historic-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980.
- ΚΩΝΣΤΑΝΤΟΠΟΥΛΟΥ Κ.Μ.* ΒΥΖΑΝΤΙΑΚΑ ΜΟΛΥΒΔΟΒΟΥΛΛΑ ΤΟΥ ΕΝ ΑΘΗΝΑΙΣ ΕΘΝΙΚΟΥ ΝΟΜΙΖΜΑΤΙΚΟΥ ΜΟΥΣΕΙΟΥ. ΑΘΗΝΑΙΣ, 1917.
- Kristó G.* Hungarian history in the Ninth Century. Szeged, 1996.
- Laurent V.* La collection C. Orghidan. P., 1952.
- Meyvaert P., Devos P.* Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la Légend Italique résolues grace a un document inédit // AB. 1955. T. 73. P. 454–461.
- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1.
- Nicholas I Patriarch of Constantinople.* Letters. Washington, 1973.
- Noonan T.S.* Byzantium and the Khazars: a Special Relationship? // Byzantine Diplomacy. Aldershot, 1992. P. 109–132.
- Oikonomides N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972.

- Oikonomides N.* Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. 1986. V. 40. P. 33–53.
- Oikonomides N.* Le “système” administratif byzantine en Crimée IX–Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 318–323.
- Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia. Leipzig, 1983. Vol. 1.
- Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999.
- Šandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3. P. 85–98.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l’Empire Byzantin. P., 1884.
- Sokolova I.V.* Les sceaux byzantines de Cherson // SBS. 1993. Vol. 3. P. 99–111.
- Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 47–58.
- Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
- Vita cum Translatione S. Clementis // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. II. С. 142–147.
- Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1.
- Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Berne, 1984. Vol. 2.
- Zuckerman K.* On the date of the Khazar’s conversion to the Judaism and the chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. 1995. T. 53. P. 237–270.

V.E. Naumenko

FROM THE *THEMA* OF KLIMATA TO THE *THEMA*
OF CHERSON: CHARACTERISTICS OF BYZANTINE MILITARY AND
ADMINISTRATIVE MODEL IN TAURICA
IN THE MID-NINTH — EARLY TENTH CENTURIES

Abstract: The article reconstructs the early political history of a Byzantine *thema* in Taurica using the data of written, sigillographic and archaeological sources. The period embraces the 30s–40s of the ninth century (the commencement of the administrative reform) till the early decades of the tenth century (when the system of the Byzantine territorial division had already been established). The article discusses in detail the circumstances of the establishment of the original Klimata in the Crimea in 841 and the causes of its transformation into the *thema* of Cherson no later than at the end of the 850s.

Administrative transformations in the regions of Taurica under the control of the Byzantine empire took place after the establishment of a new political balance of power in the South of Eastern Europe. Not only the Empire and

the Khazar Khaganate, its traditional enemy, were its elements, but also the Magyars and somewhat later the Rus' and the Pechenegs. These circumstances predestined essential changes in the practical methods of Byzantine foreign policy in the region. The essence of those changes was the following: the usual (during the eighth and early ninth centuries) method of solving problems by means of diplomacy gave place to the regime of immediate imperial governance in strategically important centres of Taurica. The main tool of that policy was the *thema*. Its inner structure, being adapted to local originality, followed Byzantine principles of that model of provincial governance. Military and political successes were consolidated in the course of mass Christianization of the population in remote regions of the peninsula.

The peculiarity of the *thema* of Cherson as compared to other Byzantine military and administrative divisions of the ninth to tenth centuries was the inclusion of the institutes of local administration in its governance organs. They were *kyrioi*, *ekdikoi*, *pateres poleos* and *proteuontes*, unknown to the imperial "Table of Ranks" of the time. It was those institutes, subordinate to the strategos of the *thema*, that governed the everyday life of the capital of the new administrative unit, at least.

By the early tenth century the process of transformation of littoral and mountain regions of Taurica in the *thema* of Cherson, the independent province of Byzantine empire, with its "pentarchy" of eparchies of the Patriarchate of Constantinople, had finished. As far as the official sources are concerned, this situation took its first reflection in the *Taktikon* by Philotheus (899) and in the *Notitia* made under Patriarch Nicholas I Mystikos (901–907).

Keywords: Byzantine empire, Khazar Khaganate, Taurica, Khazars, Saltovo-Mayatskaya culture, Magyars, the *thema* of Klimata, the *thema* of Cherson, *strategos*, *kommerkiarios*, *kyrios*, *ekdikos*, *pater poleos*, *proteuon*

Л.В. Столярова

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ СМОЛЕНСКИХ АКТОВ XIII–XIV ВВ. (О КНИГЕ А.С. ИВАНОВА И А.М. КУЗНЕЦОВА)*

Аннотация: Настоящая рецензия посвящена анализу фундаментального издания смоленско-рижских актов, осуществленного в 2009 г. в Латвии А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым. Публикация явилась реализацией целостной концепции авторов, сложившейся на основе комплексного дипломатического, текстологического, лексико-орфографического и палеографического изучения сохранившихся смоленских актов XIII–XIV вв. В рецензии подробно рассматриваются современные принципы медиевистических публикаций памятников славянской кириллической дипломатики и на их фоне — разработанные Ивановым и Кузнецовым правила издания смоленских грамот. Затрагиваются разные актуальные проблемы актовой археологии, в том числе принятые сегодня усложненные и упрощенные нормы исторических и лингвистических изданий. В рецензии показано, что за археографическими принципами, положенными в основу нового издания смоленских актов XIII–XIV вв. и соединившими опыт лингвистических и дипломатических изданий, стоит многолетний труд, связанный с изучением истории происхождения каждого из публикуемых актов, их дипломатического формуляра и палеографических особенностей, систематической истории их текстов, отразившейся в сохранившихся редакциях и списках. Подобного рода подход к изучаемому комплексу грамот позволил А.С. Иванову и А.М. Кузнецову предложить новые атрибуции смоленских актов, обосновать уточнение их датировок и предложить во многих отношениях новые интерпретации текста каждого из документов, вошедших в комплекс смоленско-рижских грамот XIII — первой половины XIV в. В рецензии подчеркнута исключительное значение издания 2009 г. для актовой археологии. Исследование внутренней и внешней формы актов в публикации Иванова-Кузнецова столь детально, основано на тщательном формулярном анализе и новейших методиках изучения почерков, пергамента, декора, диакритических знаков, особенностей прикрепления печатей, степени сохранности и утрат, что ставит его на один уровень с лучшими медиевистическими публикациями современной гуманитарии-

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Памятники древнерусской дипломатики», поддержанного РГНФ (№ 14-01-00425).

стики. Настоящая рецензия посвящена сугубо археографическим проблемам, нашедшим отражение в новом издании смоленских актов, а именно порядку отбора списков и определению правил их воспроизведения; реализации концепции авторов о соотношении разных списков и редакций Договора 1229 г. между собой; о происхождении Договора неизвестного смоленского князя 1229 г. и др. Особое место в рецензии отведено анализу приемов передачи текста смоленских грамот, анализу состава и качества научно-справочного аппарата издания 2009 г., а также соотношению публикации Иванова-Кузнецова с классическим трудом Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатина 1963 г.

Ключевые слова: Дипломатика, актовая археография, смоленские акты XIII–XIV вв., правила издания средневековых текстов, рецензия

В 1963 г. Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатиным были опубликованы 15 смоленских актов XIII–XIV вв. в сопровождении детального описания списков и с большим словоказателем¹. Издание вышло под грифом Института Русского языка АН СССР. В своей рецензии на эту книгу В.А. Кучкин (1966) писал: «Археографический уровень издания настолько высок, что едва ли, по крайней мере в ближайшее время, возникнет необходимость в повторной публикации этих памятников. Очевидно, что теперь исследователи в своих изысканиях будут опираться прежде всего на новое издание грамот Смоленска»².

Фундаментальное издание смоленско-рижских актов, осуществленное в 2009 г. А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым³, не является просто «повторной публикацией этих памятников». Это — реализация целостной концепции авторов, сложившейся на основе комплексного дипломатического, текстологического, лексико-орфографического и палеографического изучения сохранившихся смоленско-рижских актов XIII–XIV вв. За археографическими принципами, положенными в основу этого издания, стоит многолетний труд, связанный с изучением истории происхождения каждого из актов, их дипломатического формуляра и палеографических особенностей, систематической истории их

¹ Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1963.

² Кучкин В.А. О древнейших смоленских грамотах // ИСССР. 1966. № 2. С. 103.

³ Иванов А.[С.], Кузнецов А.[М.] Смоленско-рижские акты XIII в. — первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica — Rutenica* об отношениях Смоленска и Риги. Рига, 2009 (*Latvijas Arhīvi*, серия «Исторические источники»). 765 с., на русск. и латышск. яз.

текстов, отразившейся в сохранившихся редакциях и списках. Подобного рода подход к изучаемому комплексу грамот позволил А.С. Иванову и А.М. Кузнецову предложить новые атрибуции смоленских актов, обосновать уточнение их датировок и предложить во многих отношениях новые интерпретации текста каждого из актов, составивших комплекс смоленско-рижских грамот XIII — первой половины XIV в. В этом — принципиальная новизна издания 2009 г. и исключительное его значение для актовой археографии. Исследование внутренней и внешней формы актов в публикации 2009 г. столь детально, основано на их тщательном формулярном анализе и новейших методиках изучения почерков, пергамента, декора, диакритических знаков, особенностей прикрепления печатей, степени сохранности и утрат, что ставит его на один уровень с лучшими медиевистическими публикациями современной гуманитаристики.

Принципы воспроизведения текста актовых источников в лингвистических и дипломатических изданиях и публикация смоленско-рижских актов 2009 г.

Публикуя комплекс сохранившихся смоленско-рижских актов XIII — первой половины XIV в. и, безусловно, учитывая археографические традиции издания актовых и литературных источников, сложившиеся в советской и российской археографии кириллических текстов, А.С. Иванов и А.М. Кузнецов пошли по пути соединения воедино принципов дипломатической и лингвистической передачи текста. Так, критический аппарат издания 2009 г. (заголовки, легенды, палеографические примечания, библиография, палеографическое описание рукописи, комментарии) соответствует дипломатическим правилам публикации актов, а передача собственно текста смоленско-рижских грамот — лингвистическим. Если принципы дипломатического издания в основном приняты в актовой археографии, то лингвистическими принципами («буква в букву, строка в строку»⁴) чаще всего пользуются при воспроизведении текстов литературных (не актовых и не делопроизводственных) источников.

⁴ Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 27, см. также С. 26–28.

Попытка соединить правила лингвистической и дипломатической передачи средневековых кириллических текстов при издании смоленско-рижских актов в основном понятна. А.С. Иванов и А.М. Кузнецов являют собой исследовательский союз историка и филолога. Компромисс между принципами издания средневековых текстов, принятый у историков и лингвистов, в данном случае неизбежен и продиктован задачами лингвистического и исторического источниковедения (ср.: «...публикация древнерусских документов в данном издании является дипломатической, так как тексты воспроизводятся в полном соответствии с архивными оригиналами, а палеографические описания источников являются достаточно подробными»⁵; «...тексты актов воспроизводятся в общем и целом в соответствии с правилами лингвистического издания памятников древнерусской письменности, так как палеографические и лингвистические особенности источников важны... как существенные датирующие признаки»⁶).

Классическим примером дипломатического издания русских актов принято считать «Духовные и договорные грамоты...» Л.В. Черепнина⁷. Последние три десятилетия разработкой принципов дипломатической передачи текстов средневековых актов (последовательно воплощая их в жизнь) занимается С.М. Каштанов⁸. Подготовленные им публикации актов и грамот по усложненным дипломатическим правилам давно вошли в золотой фонд российской археографии⁹. Рассматривая задачу интерпретации текста в качестве одной из важнейших в научном издании, Каштанов последовательно проводит принцип «уважения текста», когда при дипломатической публикации сохраняется орфография подлинника, ясно отражается буквенная структура слов древнерусского текста, но одновременно видны все реконструкции, предложенные археографом (введение словоделения, членение текста на предло-

⁵ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 511.

⁶ Там же.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950.

⁸ Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998.

⁹ Новонайденная жалованная грамота Ивана III и Василия III 1504 г. Спасскому Валаамскому монастырю // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 419–443; Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С.М. Каштанов; подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, при участии Б.Л. Фонкича. М., 2004; Каштанов С.М. Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012; Каштанов С.М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Каштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 483–638 и др.

жения и абзацы, расстановка знаков препинания, использование курсива для внесенных в строку выносных букв, арабских цифр вместо буквенной цифири, а также квадратных и круглых скобок на месте восстановленных утрат и при раскрытии аббревиатур. Заметим также, что отступление от пунктуации рукописи в дипломатических изданиях дополняется тем, что слова после точки, а также имена собственные пишутся в них с прописной буквы). В современной археографии правила усложненной дипломатической передачи текстов, разработанные С.М. Каштановым и применяемые его учениками и последователями, встречают полное неприятие у сторонников упрощенной передачи текстов (как правило, историков) и нередко критикуются сторонниками лингвистических правил (как правило, филологами)¹⁰. *Aeterna historia!*

Как известно, в середине 1940-х годов, когда появились обобщающие правила публикации документов, хранящихся в СССР, были сделаны первые шаги в направлении унификации археографических принципов воспроизведения средневековых текстов. С 1950-х годов при издании подлинников и копий грамот в советской историографии стал вводиться принцип дифференцированного отношения к передаче текстов, датированных временем до XVI в. и после. Если в правилах 1945 г. еще ничего не говорилось о принципах воспроизведения устаревших букв и способах раскрытия титулов, то в правилах 1956 г. этим вопросам было уделено особое внимание¹¹. Рукописи, датированные временем до начала XVI в., предлагалось воспроизводить гражданским шрифтом, сохраняя буквы *i*, *ѣ*, *ѿ* и *ъ* во всех позициях.

Начиная с «Актов социально-экономической истории», где тексты после 1505 г. издавались критически, т. е. по упрощенным правилам (замена устаревших букв на их современные эквиваленты, раскрытие аббревиатур и внесение всех отсутствующих букв в строку без курсива и пр.)¹², упрощенная передача текста

¹⁰ Позиция «упрощенцев» наиболее ярко сформулирована Н.И. Никитиным: *Никитин Н.И.* Об «усложненных» и «упрощенных» правилах издания актовых источников // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 119–122; см. также: *Кустерев С.Н.* Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке // Очерки феодальной России. М., 2005. Вып. 9. С. 311–334, особенно 311–312, 334 и др.

¹¹ Ср.: Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР. М., 1945; Правила издания исторических документов. М., 1956.

¹² Акты социально-экономической истории. М., 1952. Т. 1. С. 8.

кириллических рукописей в исторических изданиях стала преобладать. Тем не менее тексты, написанные ранее начала XVI в., продолжали издавать по усложненным правилам, т. е. дипломатически. В Правилах публикации исторических документов 1969 г. уже определенно различались издания дипломатические и «научно-критические». Постепенно упрощенные правила издания исторических документов стали преобладать и последовательно проводились составителями «Грамот Великого Новгорода и Пскова», «Актов феодального землевладения и хозяйства», «Русского феодального архива» и других фундаментальных и серийных изданий актов, а также публикаторами актов монастырских архивов¹³. При этом следует отметить, что каждый археограф был волен вводить те или иные новшества в принципы воспроизведения актовых источников по своему усмотрению, либо отказываться от уже принятых схем. Иными словами, единообразия как у «упрощенцев», так и у «усложненцев», как не было так и нет, а обсуждения деталей воспроизведения текстов грамот становятся все более бурными и бескомпромиссными¹⁴. Наиболее значимые в художественном отношении документы (среди которых памятники деловой письменности и актов, как правило, нет) предполагалось издавать факсимиле.

Параллельно правилам издания исторических документов создавались лингвистические правила, в использовании которых

¹³ По правилам упрощенной передачи текста актов воспроизведены документы в приложениях к монографиям 1970–1990-х годов С.М. Каштанова, в дальнейшем — убежденного «усложненца». См., например: *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 342–484; *Он же.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 127–237. По упрощенным правилам изданы, например: Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л.И. Ивина. Л., 1983; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571. Л., 1988; Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990; Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века из собраний ЦГАДА. М., 1992; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1986–1992. Ч. 1–5; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998 и др.

¹⁴ В связи с этим нельзя не вспомнить бурные дебаты, которые велись вокруг правил издания Актов Русского государства и на несколько десятилетий отсрочили выход в свет второго и последующих томов Троицких актов XVI в. См.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. С. 234–235, 283–285; *Столярова Л.В.* Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // *Ad fontem / У источника.* М., 2005. С. 37–38.

филологи оказались более последовательными, чем историки в применении «своих» археографических принципов. Правила лингвистического издания были разработаны О.А. Князевской при участии С.И. Коткова в 1961 г.¹⁵ и предполагают нормы, весьма близкие к средневековым *copie figurée* (рисованным копиям), имитирующим внешний вид рукописи (почерк, строчные и надстрочные знаки, особенности размещения текста и пр.)¹⁶. Правила лингвистического издания воспринимаются филологами едва ли не как обязательные к исполнению и в настоящее время применяются большинством лингвистов, к которым примкнула значительная часть историков-«усложненцев». Споры о целесообразности усложненной передачи текста еще более обострились и ведутся теперь не только между сторонниками и противниками «упрощенцев», но и между сторонниками усложненных правил передачи текста: дипломатического и лингвистического.

Наряду с последовательным осуществлением принципа «буква в букву, строка в строку» лингвистические издания отличаются использованием шрифтов-имитаторов для якобы точного воспроизведения всех особенностей графики уставных или полууставных текстов. Однако лингвистические правила создавались в то время, когда любое фотографическое и тем более факсимильное воспроизведение рукописи было сопряжено с чрезвычайными техническими и финансовыми сложностями, которые превращали факсимильный тип издания в едва ли доступную роскошь. *Copie figurée*, вероятно, казались выходом из создавшейся ситуации. Действительно, только шрифты-имитаторы давали возможность последовательно передать столь важные для любого лингвиста (в скобках заметим, что не только для лингвиста, а также для дипломатиста, текстолога, палеографа) диакритические (т. е. различные надстрочные, подстрочные, внутривстрочные) знаки, особенности расположения текста на листе и границы строк, способы употребления при письме словосокращений, титлов и выносных и пр. Иными словами, шрифты-имитаторы превратились в неперемный атрибут современных *copie figurée*. Тем не менее стандартизованные шрифты-имитаторы типа «Izhitsa», «CyrillicaOchrid» «CyrillicaBgEpigraph» и др. не передают и не

¹⁵ Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.

¹⁶ См.: Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 33.

могут передавать специфические и строго индивидуальные признаки внешней формы средневековых текстов. Представляется совершенно очевидным, что самое качественное подобие не может конкурировать с оригиналом. Фотокопия передает графические особенности любого текста лучше, нежели это делают шрифты-имитаторы. Но и даже она не в состоянии заменить непосредственного обращения исследователя к рукописи!

Строгое следование лингвистическим правилам издания средневековых текстов исключает их историко-правовую интерпретацию, ибо они не предполагают введения современной пунктуации, членения на предложения, рубрики и абзацы, а также замену словосокращений законченными формами слов. В дипломатической публикации знаки препинания вводятся в соответствии с теперешними нормами их употребления. Все реконструкции, производимые археографом, обозначаются курсивом, а также круглыми (при раскрытии титлов) и квадратными (при восполнении утрат и повреждений) скобками. По справедливому замечанию С.М. Каштанова, «непримиримое противоречие» между лингвистическим и дипломатическим изданием состоит именно в принципиально различном отношении археографа к диакритическим знакам¹⁷. В дипломатическом издании они либо полностью игнорируются, либо в лучшем случае комментируются и даже прорисовываются в палеографических примечаниях. В лингвистических изданиях они неизменно сохраняются благодаря шрифтам-имитаторам. Однако ни один самый совершенный шрифт-имитатор не способен отразить всего многообразия форм этих знаков, употребление которых каждым писцом было строго индивидуальным и осуществлялось им в соответствии со сложившимися именно у него представлениями о смыслах, нормах, прикладном значении и традициях использования их в тексте.

В этом смысле показателен опыт издания новгородских грамот на бересте (с 1953 г.), каждая из которых в рамках одного тома воспроизводится трижды, а в ранних выпусках — и четырежды, удовлетворяя профессиональные потребности как историков, так и лингвистов: фотовоспроизведение, прорись, лингвистическая передача текста («буква в букву, строка в строку», причем без разбивки на слова и абзацы), а также публикация-интерпретация с разделением на слова, введением прописных букв и расстанов-

¹⁷ Каштанов С.М. Актовая археография. С. 243.

кой знаков препинания в соответствии с нормами современной пунктуации. Думается, что такие действительно усложненные принципы издания, которые касаются не только собственно порядка воспроизведения текстов берестяных грамот, но и всего археографического аппарата серии «Новгородские грамоты на бересте», отнюдь не связаны только с тем, что в разработке правил передачи текста и подготовке ее томов принимали участие как историки (А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров, В.Л. Янин), так и лингвисты (В.И. Борковский, А.А. Гиппиус, А.А. Зализняк)¹⁸. Попытка максимально приблизить передачу текста к оригиналу, безусловно, отразила представление издателей о том, что любое воспроизведение текста — это лишь более или менее точное отражение текста рукописи и его палеографических особенностей, а также интерпретация текста каждой конкретной грамоты специалистом. Наличие фотовоспроизведений и прорисей как бы приглашает к продолжению исследования, к поиску новых прочтений и смыслов уже известных, введенных в научный оборот текстов берестяных грамот. Для большинства грамот в издании даются прорисы, позволяющие сравнивать опубликованный лингвистическим методом текст с оригиналом и изучать палеографию рукописи.

Полагаю, что современное состояние археографии средневековых памятников письменности, которая служит нуждам и лингвистического, и исторического исследования, настоятельно требует соединения в одном издании как минимум двух способов воспроизведения текста: факсимильного (фотография) и дипломатического. Последовательное фотовоспроизведение рукописи даст

¹⁸ См.: *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963; *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963; *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993; *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004; ср., например: *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // ВЯ. 1994. № 3. С. 3–22; *Кацтанов С.М.* Актовая археография. С. 239.

более полное, впрочем, совсем не исключающее необходимости обращения к подлиннику, представление о ее палеографии, дипломатическое — предложит историко-дипломатическую интерпретацию ее текста публикаторами и сделает этот текст более удобным для изучения и цитирования¹⁹.

Издание смоленско-рижских актов — на полпути к такой «идеальной» по нашему мнению цели. Детальное археографическое сопровождение каждого акта выгодно отличает эту публикацию от изданий, воспроизводящих текст источника сугубо по лингвистическим правилам. В сущности, А.С. Иванов и А.М. Кузнецов творчески разработали и применили собственные правила воспроизведения кириллических текстов XIII–XIV вв., как мы уже говорили, основанные на синтезе лингвистических и дипломатических принципов публикации документальных источников эпохи средневековья. В этом издании не хватает лишь факсимильного воспроизведения грамот, которое, заметим, готовится А.С. Ивановым, А.М. Кузнецовым, С.М. Каштановым, К.В. Барановым, Н.А. Комочевым, Л.В. Столяровой, С.Ю. Королевой в рамках серии «*Monumenta paleographica*» под редакцией С.М. Каштанова и П. Гонно²⁰.

Состав документов и грамот, опубликованных в издании 2009 г. Отбор сохранившихся списков договора 1229 г. для публикации

Исключительное значение сохранившихся смоленских актов для дипломатических, палеографических и лингвистических исследований очевидно. Для дипломатиста и палеографа они являются бесценный материал по истории канцелярской практики средневековой Руси²¹. Отсутствие в России X–XVI вв. «канцелярий» в западном смысле слова — специальных учреждений с определенным штатом и иерархией чинов, в которых осуществ-

¹⁹ *Каштанов С.М.* Актовая археография. С. 243.

²⁰ Имеем в виду совместный российско-французско-латышский проект, инициированный в свое время членом-корреспондентом французской Академии Ж. Везеном и ныне покойным проф. Х. Ацма, над которым авторский коллектив в настоящее время работает.

²¹ Точнее — историю «протоканцелярий». См.: *Каштанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий. С. 6–12.

влялось документирование, — обрекает историка на изучение не столько механизма работы канцелярии-учреждения, сколько на исследование «...особенностей внешней и внутренней формы документов, являвшихся продуктом делопроизводства «прото-канцелярского» периода»²², а точнее — на формулярный анализ. Смоленские акты, демонстрирующие образцы раннего документирования XIII–XIV вв., позволяют обратиться к исследованию подлинников, которое дает бесценный материал для наблюдений над порядком удостоверения актов, способами прикрепления печатей, принципами расположения текста на листе, последовательностью работы писца и пр. Иными словами, не будучи ограничен возможностями сугубо формулярного анализа, дипломатист, изучающий оригиналы и списки смоленских грамот, выходит к исследованию наименее изученной в отечественной историографии проблематики, связанной с реконструкцией процесса документирования в рамках древнейших протоканцелярий. В этом отношении материал смоленских актов бесценен для истории становления государственного аппарата управления в России в средние века и раннее новое время.

Значимость смоленских актов XIII–XIV вв. для лингвистического исследования определяется тем, что они ярко отразили местные диалектные черты, особенно в области фонетики и морфологии древнерусского языка. Уникальность смоленских грамот для истории языка подчеркивается особенностями их словарного состава и употреблением в них специфических синтаксических конструкций. Поэтому вполне оправдан избранный А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым подход к изданию каждого древнейшего списка смоленских актов в виде равноценных текстов (когда каждый список есть самостоятельный документ, и публикуется отдельно от других) и отказ от публикации Рижской и Готландской редакций договора 1229 г. по какому-то основному списку²³ с подведением разночтений по другим сохранившимся спискам. Каждый список (кроме *F*) издается полным текстом.

В издании смоленско-рижских грамот 2009 г. под номерами 1–9 публикуются 12 документов: 1) фрагмент договора²⁴ Смолен-

²² Там же. С. 11.

²³ Т. е. по списку, признанному наиболее древним, наиболее точным, наиболее исправным.

²⁴ «Условия к договору»; см.: Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 215–245.

ска с Ригой и Готландом (так называемый «Договор неизвестного смоленского князя 1229 г.²⁵»), или «список *К*» (под номером **1**); 2) список *Е* Рижской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **2а**); 3) Список *Д* Рижской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **2б**); 4) Список *А* Готландской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **3а**); 5) Список *В* Готландской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **3б**); 6) Список *С* Готландской редакции договора 1229 г. смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (помещен под номером **3с**); 7) Грамота о предоставлении чистого пути немецким и русским купцам смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллекину и ратманам Риги 1284 г. (помещена под номером **4**); 8) Грамота смоленского кн. Федора Ростиславича по судному делу о немецком «колоколе» (гире) 1284 г. (помещена под номером **5**); 9) Грамота рижского архиепископа Иоганна II (?) смоленскому князю Федору Ростиславичу с обвинением жителей г. Витебска в необоснованной жалобе на рижан (помещена под номером **6**); 10) Грамота смоленского кн. Александра Глебовича рижским ратманам и рижанам с подтверждением прежних дружественных отношений между Смоленском и Ригой (помещена под номером **7**); 11) Договорная грамота смоленского кн. Ивана Александровича с магистром Ливонского ордена, рижским архиепископом, ратманами и рижанами о подтверждении прежних договоров между Смоленском и Ригой (помещена под номером **8**); 12) Перевод XVII в. на немецкий язык грамоты 18 мая 1284 г. смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллекину и ратманам Риги (в виде регеста, под номером **9**).

²⁵ А.С. Иванов и А.М. Кузнецов обосновывают датировку этого документа 1219–1228/29 годами (см.: *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты. С. 215–245; *Иванов А.С., Кузнецов А.М.* Договор неизвестного смоленского князя XIII века // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 136–182).

Таблица. Смоленские грамоты в изданиях 1963 и 2009 гг. (соответствия состава публикаций)

Издание 1963 г.			Издание 2009 г.				
№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список	№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список
[№ 1]	Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом, 1229 г.	[1]		№ 1	Условия к договору Смоленска с Ригой и Готским берегом, [1219–1228/29 г., Смоленск]	[1]	К
[№ 2]	Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г.			№ 3	Торговый договор, заключенный смоленским кн. Мстиславом Давыдовичем с Ригой, Готландом и немецкими городами, 1229 г.		
		[2]	A	№ 3a	Готландская редакция, [список 1229 г., Готланд]	[4]	A
		[3]	B	№ 3b	Готландская редакция, [список 1229 г. или немного позже, Смоленск]	[5]	B
		[4]	C	№ 3c	Готландская редакция	[6]	C
				№ 2	Торговый договор, заключенный смоленским кн. Мстиславом Давыдовичем с Ригой, Готландом и немецкими городами, 1229 г.		
		[5]	D	№ 2b	Рижская редакция, [список 1229 г., Смоленск]	[3]	D
		[6]	E	№ 2a	Рижская редакция, [список 1229 г., Смоленск]	[2]	E
		[7]	F				

Издание 1963 г.			Издание 2009 г.				
№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список	№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список
[№ 3]	Грамота кн. Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе, 1284 г.	[8]		№ 5	Грамота смоленского кн. Федора Ростиславича по судному делу о немецком «колоколе» (гире), 1284 г.	[8]	
[№ 4]	Подтвердительная грамота кн. Федора Ростиславича, 1284	[9]		№ 4	Грамота о предоставлении чистого пути немецким и русским купцам смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллемину и ратманам Риги, 1284 г. [18 мая]. Смоленск	[7]	
[№ 5]	Подтвердительная грамота кн. Александра Глебовича, ок. 1300 г.	[10]		№ 7	Грамота смоленского кн. Александра Глебовича рижским ратманам и рижанам с подтверждением прежних дружественных отношений между Смоленском и Ригой. [1297–1313]. Смоленск	[10]	
				№ 6	Грамота рижского архиепископа Иоганна II (?) смоленскому кн. Федору Ростиславичу с обвинением жителей Витебска в необоснованной жалобе на рижан. [1284–1297 гг., очевидно, ближе к 1285–1287 гг.]. Рига	[9]	
№ 6	Подтвердительная грамота кн. Ивана Александровича, перв. пол. XIV в	[11]		8	Договорная грамота смоленского кн. Ивана Александровича с магистром Ливонского ордена, рижским архиепископом, ратманами и рижанами о подтверждении прежних договоров между Смоленском и Ригой [не ранее 1 ноября 1338–1341 г.]	[11]	

Издание 1963 г.			Издание 2009 г.				
№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список	№ грамоты	Наименование документа	Номер документа в издании	Список
[№ 7]	Грамота кн. Юрия Святославича о союзе с королем польским и литовским Володиславом и в. кн. Скиргайлом, 1386 г.	[12]					
[№ 8]	Уставная грамота кн. Ростислава, подтвержденная грамота еп. Мануила 1150 г. и дополнительная грамота	[13: Уставная грамота кн. Ростислава]					
		[14: Грамота еп. Мануила, 1150 г.]					
		[15: Список оброков в пользу епископа]					
				№ 9	Перевод на немецкий язык грамоты о предоставлении чистого пути немецким и русским купцам, написанной 18 мая 1284 г. от имени смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу Иоганну I, магистру Ливонского ордена Виллекину и ратманам, XVII в.	[12]	

В традициях немецкой археографии XIX в. списки договора 1229 г. публикуются под присвоенными им и давно утвердившимися в историографии латинскими буквенными номерами. Все документы в издании 2009 г. располагаются в хронологической последовательности, установленной в соответствии с уточненными Ивановым и Кузнецовым атрибуциями и датировками списков договора 1229 г. Исключением является список *C* договора 1229 г., который датирован первой половиной XIV в., но помещен вместе с двумя другими списками Готландской редакции договора 1229 г. (*A* и *B*), датируемыми XIII в. Под одним номером публикуются списки *E* и *D* Рижской редакции договора 1229 г. (под № 2: 2а и 2б) и списки *A*, *B*, *C* Готландской редакции договора 1229 г. (под № 3: 3а, 3б, 3с). Иными словами, каждый из двух списков Рижской редакции и каждый из трех списков Готландской редакции договора 1229 г. издается как отдельный документ. Сохранившийся без начала так называемый «Договор неизвестного князя 1229 г.» (или «список *K*») издан как «Условия к договору Смоленска с Ригой и Готландом 1219–1228/29 г.» (№ 1).

Список *F* Рижской редакции договора смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г., опубликованный Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатиным как «копия договора 1229 г.»²⁶, в издании 2009 г. не воспроизводится. Как известно, список *F* сохранился в составе сборника текстов юридического характера, датированного серединой — второй половиной XIV в. (РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. Рубр. 1. № 1). А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым последовательно проведен принцип публикации только тех документов договорного вида, которые выполняли функцию официального документа, т. е. были актами не только по содержанию, но и по своим формальным признакам (наличие удостоверительных знаков, прежде всего — печати или следов ее прикрепления). Таковым список *F* никогда не был. Скорее всего, он, равно как и другие документы юридического характера в составе этого сборника, использовался исключительно в справочных целях.

²⁶ См.: Смоленские грамоты. С. 7, примеч. 2: «...Под списком ...понимается текст, списанный с оригинала и оформленный как документ, имеющий самостоятельную, равную с оригиналом юридическую силу (или подготовленный к такому оформлению); текст, списанный с другой целью и потому не имеющий такого оформления, считается копией».

Вместе с тем в списке *F* нет так называемой «приписки о татарах», которая есть в списках *E* и *D* Рижской редакции. По мнению авторов, это является косвенным признаком происхождения списка *F* в Смоленске, т. к. оба «рижских» по происхождению списка Рижской редакции — *E* и *D* — эту приписку содержат и исключают вероятность того, что список *F* копировался непосредственно со списка *E*, находившегося в Риге с 1229 г. В списке *F* нет пропусков текста, которые имеются в списке *D*, что в совокупности с тем, что последний с 1270-х годов хранился в Риге, делает невозможным предположение о том, что список *D* был протографом *F*. По мнению Иванова и Кузнецова, это доказывает связь списка *F* со списком *E*. Однако список *E* не непосредственно предшествовал списку *F*, что допускает вероятность существования еще какого-то несохранившегося списка с *E* — промежуточного между списками *E* и *F*²⁷.

Текст договора 1229 г. в списке F сохранился с большими неточностями, искажениями и пропусками, а потому не пригоден даже для подведения разночтений и восстановления текста гипотетического списка [E₁]. Впрочем, издание текста всех древнейших списков одного и того же договора в виде самостоятельных равноценных документов (списки *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, из которых *E*, *D*, *A* и *B* — подлинники) исключает необходимость такой археографической манипуляции, как подведение разночтений в принципе. В этом подходе А.С. Иванов и А.М. Кузнецов предельно точны: они издают списки договора 1229 г., представляющие две редакции (Готландскую и Рижскую) его текста, а не собственно «договор». Иными словами, в издании 2009 г. текст нескольких списков договора 1229 г. представлен как исторический факт и феномен, как отразившаяся в конкретных списках живая история бытования документа, дипломатической и делопроизводственной практики и языка эпохи.

Избранный подход потребовал отказа от некоей археографической реконструкции текста договора 1229 г., которая должна была бы быть явлена «основным списком» и подведением «разночтений» к нему по другим сохранившимся спискам в рамках той или иной редакции, а также потребовала бы деления текста на структурные и смысловые части (статьи), как это было приня-

²⁷ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 296–339.

то в археографии смоленских грамот, начиная с публикации Э.С. Тобина (1844)²⁸.

История происхождения текста договора 1229 г., генеалогия его списков, а также история его бытования в дипломатической и торговой практике второй четверти XIII в. представлена в книге А.С. Иванова и А.М. Кузнецова в разделе о сравнительной текстологии смоленских договоров, а полученные данные сведены в таблицу²⁹. При этом авторы подчеркивают, что предложенная ими реконструкция хронологии и последовательности возникновения сохранившихся списков договора 1229 г., оставаясь гипотетической, отражает связь появления списков *E*, *D*, *A* и *B* с процедурой разработки, согласования и утверждения договора 1229 г.³⁰.

Список *K* Иванов и Кузнецов считают предназначенным для внутреннего использования документом, содержащим предварительные условия к соглашению Смоленска с Ригой и Готландом. Авторы убедительно доказали, что его формуляр не соответствует внутренней форме международных договоров и вряд ли позволяет считать этот документ неким проектом договора 1229 г., т. к. в нем выражена воля только одной из договаривающихся сторон, а именно смоленского князя. В соответствии с концепцией Иванова и Кузнецова, в середине XIII в. хранившийся в Смоленске список *K* был утвержден печатью и отослан в Ригу. В 1270–1277 гг. смоленский кн. Глеб Ростиславич утвердил своей печатью список *D* Рижской редакции договора 1229 г., приняв его за окончательный вариант договора, и отослал в Ригу. В Риге в списке *D* по приписке, содержащейся в списке *E*, была сделана вставка (т. н. «приписка о татарах»), «очевидно, для того, чтобы оба экземпляра были совершенно одинаковыми»³¹.

²⁸ Tobien. E.S. Die aeltesten Tractate Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutschet und eraeutert durch Dr. jur. E.S. Tobien // Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, hrsg. durch Dr. jur. E.S. Tobien. B. 1: Die Prawda Russkaja und Die aeltesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844. S. 41–72.

²⁹ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 215–245. В следующей части нашего обзора, которая будет опубликована в одном из следующих выпусков ДГ, мы планируем подробно обратиться к текстологическим аспектам публикации А.С. Иванова и А.М. Кузнецова 2009 г., а также к подробному разбору их концепции происхождения списков договора 1229 г. и так называемой «грамоты неизвестного смоленского князя» 1229 г.

³⁰ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты. С. 296–334.

³¹ Там же. С. 333.

Списки *E*, *D*, *A* и *B* договора 1229 г. условно считаются подлинниками, так как они возникли «...примерно в одно и то же время и непосредственно отразили стадии разработки договора 1229 г.»³². Согласно аргументации А.С. Иванова и А.М. Кузнецова, списки *E* и *D* Рижской редакции и список *A* Готландской редакции могли появиться примерно в одно и то же время (скорее всего, в 1229 г.), а список *B* Готландской редакции был составлен либо тогда же, либо несколько позже. При этом текст списков Рижской редакции старше текста списков Готландской редакции. Иными словами, списки Рижской редакции отразили первоначальный вариант договора 1229 г., а точнее — его проект на древнерусском языке. В списках Готландской редакции представлен уже утвержденный текст договора 1229 г. Список *E* Рижской редакции является протографом списка *D*, который, в свою очередь, был современной копией, сделанной со списка *E*. Вместе с тем список *D* можно считать оригиналом договора 1229 г.: впоследствии он был заверен печатью, т. е. использовался как официальный документ, имевший юридическую силу.

Старшим списком Готландской редакции А.С. Иванов и А.М. Кузнецов считают список *A* — протограф остальных списков этой редакции. Сохранившийся со следами целенаправленного редактирования, список *B* Готландской редакции отразил, по мнению Иванова и Кузнецова, его связь со списком *A* через гипотетический список *B* протограф, который к настоящему времени утрачен. Список *C* Готландской редакции текстуально связан не со списком *B*, а со списком *A* — непосредственным протографом списка *C*. При этом список *C* копирует *A* даже во внешнем его оформлении и орфографии³³. Этими положениями определяется датировка названных списков 1229 г. и порядок их расположения в публикации 2009 г. относительно друг друга: *K*, *E*, *D*, *A*, *B*, *C*, *F*.

Текст документа № 9 (перевод XVII в. на немецкий язык грамоты смоленского кн. Федора Ростиславича рижскому архиепископу, магистру Ливонского ордена и ратманам Риги 18 мая 1284 г. (см. № 4)) в издании 2009 г. не воспроизводится. Публикуется лишь регест с кратким палеографическим описанием. Отказ от полной публикации этого источника обосновывается Ивановым и Кузнецовым тем, что он никогда не использовался в диплома-

³² Там же. С. 334.

³³ Там же. С. 327.

тической практике и не предназначался для нее, т. е. не является ни документом, ни актом в строгом смысле этого слова.

Общие принципы воспроизведения текста смоленско-рижских актов в издании 2009 г.

По детальности воспроизведения палеографических и лексико-орфографических особенностей текста издание смоленских грамот 2009 г. представляет собой нечто исключительное. Текст актов передается в орфографии подлинника; замена букв, вышедших из употребления, их современными эквивалентами не допускается. Титла не раскрываются, надстрочные буквы и знаки сохраняются в том положении, в каком они помещались в рукописи. Слова, написанные сокращенно, передаются так, как они написаны в рукописи. Буквенная цифирь арабскими цифрами не заменяется; титла над буквенными обозначениями цифр и точки сохранены. Киноварные буквы выделены жирным шрифтом.

В публикации Т.А. Сумниковой и В.В. Лопатина в текст некоторых смоленских актов в квадратных скобках вводились номера статей и пунктов, что больше свойственно не лингвистическим, а историческим публикациям, причем как дипломатическим, так и упрощенным критическим. Стремясь избежать противоречия с правилами лингвистического издания («буква в букву, строка в строку»), А.С. Иванов и А.М. Кузнецов отказались от разбивки текста грамот на статьи и параграфы. В издании 2009 г. введена только нумерация строк³⁴, при этом границы строк вертикальной чертой не фиксируются. Для списков *B*, *E*, *D* договора 1229 г. отмечено расположение текста в столбцах, которые обозначены латинскими литерами **a**, **b**, **c**, а строки пронумерованы в каждом столбце в отдельности. Приписки, внесенные в текст документов (т. н. приписка «о татарах» в списках *E* и *D*, приписка от имени кн. Александра Глебовича в списке *B* договора 1229 г.), воспроизводятся вместе с текстами документов. Нумерация строк в приписке, сделанной в списке *B*, и в основном тексте документа даны отдельно.

Палеографические примечания даются постранично под строкой, но с общей для каждого документа валовой нумерацией

³⁴ Там же. С. 511.

римскими цифрами. Отмечаются все исправления букв в рукописи, правда, при этом не говорится, каким почерком и какими чернилами они сделаны: «Буква **о** исправлена из другой буквы», «Буквы предшествующего слова и **к** наведены. Вниз до строки 19 тянется пятно» и т. п. К сожалению, отсутствие указаний типа «буква *x* исправлена из *x₁* тем же почерком, но другими чернилами», «буква *x* исправлена из *x₁* тем же почерком, но другими чернилами» «буква *x* исправлена из *x₁* другим почерком и другими чернилами» существенно обедняет информацию о характере исправлений и их синхронности основному тексту. Поскольку в издании 2009 г. факсимильного воспроизведения документов нет, читателю невозможно составить представление о возможном редактировании (или все-таки саморедитировании?) писца, а все предположения публикаторов об этом выглядят лишенными достаточной аргументации.

Исправления и коррективы в текст источника издателями не вносятся, а отношение их к ошибкам писца выражается в примечаниях словами «Так в ркп.» или указанием вероятного правильного чтения (например: «Вм. **боудоучи**», «Так в ркп., не дописано **роусьи**»). Когда пропуск в тексте устанавливается по другим спискам, пропущенное слово приводится в примечании с ссылкой к этим спискам («Далее пропущен союз **и** (см. список *E*)»). Расхождения с предшествующими публикациями отмечаются: «Буква **з** почти не видна; в сборнике “Смоленские грамоты” (1963), с. 37 прочитано — **с**». Размер пропуска в буквах не определяется. Авторский текст примечаний набирается прямым петитом, а слова и отдельные буквы, приводимые из источника или предполагаемые как возможное правильное чтение, вводятся полужирными буквами стилизованного кириллического алфавита. Для дипломатических изданий это несколько непривычно, поскольку в них чаще всего палеографические примечания составителей передаются курсивом (и вообще курсив является признаком археографической обработки текста), а текст рукописи набирается прямым петитом.

Повреждения и утраты в тексте грамот, а также реконструкция лакун в издании 1963 г. отмечались угловыми скобками³⁵. В издании 2009 г. поврежденные и утраченные буквы, которые могли

³⁵ Историки в таких случаях обычно пользуются не угловыми, а квадратными скобками (знак реконструкции утраченного текста).

быть восстановлены по фотокопиям и предшествующим публикациям, обозначены подчеркиванием. Порча букв пятнами чернил и прочих жидкостей оговаривается в подстрочных примечаниях. Однако характер утраты части текста в палеографических примечаниях определен не ясно. Не всегда понятно, что произошло с текстом: был ли он затерт, смыт, полусмыт, написан по стертому, написан по смытому, поновлен тем же почерком и теми же чернилами, поновлен другим почерком, или же повреждения его вызваны какой-то иной причиной. Характер и степень поврежденных А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым определяется не точно («вниз до строки 19 тянется пятно»; «на слове и над строкой пятно»; «буква з почти не видна») и часто оставляет вопросы, которые невозможно решить без обращения к подлиннику.

Для истории бытования того или иного документа нередко бывает важно знать, какие именно повреждения наступили в случае загрязнения текста пятном, какое именно это пятно — чернильное, капли воска, жира, пролитой жидкости, возникшее от сырости. Мы никогда не знаем, какие вопросы могут появиться у исследователя, пользующегося археографическим аппаратом издания. Однако все хорошо осведомлены, какую роль в прояснении истории использования документа в делопроизводственной и канцелярской практике, в определении первоначального расположения листа или документа внутри сборника копий или архивной папки могут сыграть элементарные «пятна»³⁶. Поэтому палеографические примечания должны быть максимально точными и конкретными. В медиевистической археографии любая деталь важна и каждая мелочь может иметь значение!

В подчеркивании восстановленных по другим изданиям поврежденных и ныне не читаемых букв прослеживается использование А.С. Ивановым и А.М. Кузнецовым принятого в западной археографии метода унифицированной фиксации поврежденных текста. Так, в публикациях латинских и греческих документов дефектные чтения обычно отмечаются точкой (над буквой или под нею). Такой способ фиксации утрат далек от идеального, поскольку он игнорирует указания на индивидуальные особен-

³⁶ Имеем в виду исследования В.К. Клейна о порядке первоначального расположения листов внутри Следственного дела о гибели царевича Дмитрия Угличского, исследования С.М. Каштанова о Погодинских сборниках, исследования С.М. Каштанова и Л.В. Столяровой о дополнительных вклейках в копийную книгу Павло-Обнорского монастыря и пр.

ности дефекта. В приверженности к графическому обозначению восстановленных по прежним публикациям утрат (например, подчеркиванием, как в издании смоленских грамот 2009 г.) читается стремление текстолога реконструировать текст, вполне различимый до утраты. Однако палеограф или дипломатист не получают необходимой им информации о том, что произошло с ныне утраченным фрагментом после последней его публикации в сохранном виде. Не ясно, был ли фрагмент смыт, стерт, выкрошился вместе с краем бумажного листа, срезан вместе с частью внешнего поля, залит чернильным пятном, поврежден химическим реактивом, утрачен в результате неудачной реставрации и т. д., хотя такие указания способны прояснить (или по крайней мере дополнить) историю бытования и хранения рукописи.

Примечания по содержанию для списков договора Смоленска с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г. (списки *A, B, C, D, E*), а также для «Условий к договору Смоленска с Ригой и Готландом» (список *K*, или т. н. «договор неизвестного смоленского князя») даются в «Сравнительной таблице статей Рижской и Готландской редакций договора 1229 г. и т. н. “Договора неизвестного Смоленского князя”».

В археографических легендах в издании 2009 г. представлены: 1) предполагаемая и обоснованная в исследовании (в квадратных скобках) или фактическая дата документа; 2) заголовок, отражающий его содержание; 3) сведения о месте хранения и шифре (в рубрике «Подлинник»); 4) сведения о материале для письма (пергамен, бумага) и его размерах (основание на высоту, в см); 5) краткие данные о печати, которой документ был скреплен; 6) о предшествующих публикациях с кратким указанием на то, по подлиннику, копии или по какому-то изданию документ был ранее издан; 7) о литографических и фотографических воспроизведениях документа в предшествующих изданиях; 8) о публикациях, посвященных печатям, скреплявшим публикуемый документ (в рубрике «Воспроизведение и описание печати»); 9) о важнейших упоминаниях документа в литературе, в том числе в обзорах и регестовых публикациях; 10) об основных исследованиях документа.

Далее после публикации текста грамоты в рубрике «Комментарии» помещены развернутые сведения историко-географического, генеалогического, дипломатического и лексико-орфографического характера, служащие для подкрепления принятых А.С. Ивановым

и А.М. Кузнецовым датировок и атрибуций актов. Примечания внутри рубрики вводятся арабскими цифрами.

Особый раздел научно-справочного аппарата издания составляет рубрика «Описание рукописи». В ней даются развернутые сведения 1) о хранении публикуемых актов; 2) об их внешнем виде, материале для письма, способах складывания листа пергамента (№ 1–7) или бумаги (№ 8–9), повреждениях и дефектах, 3) об архивных пометах и пометках на документах (пометы XIV–XIX вв., написанные в большинстве случаев на немецком, реже — латинском языке, датируются по почерку и публикуются с указанием границ строк; все архивные пометы и пометки, возникшие в процессе бытования рукописи, воспроизводятся фотографически); 4) о печатях, скрепляющих документ (сообщаются размеры печати и материал, из которого она изготовлена; каждая печать с обеих сторон воспроизводится фотографически; описывается способ прикрепления печати, дополненный фотографиями шнура и места прикрепления шнура к пергамену; в случае утраты печати публикуются сведения о ней, имеющиеся в литературе (№ 8), в том числе воспроизводятся прориси утраченной печати³⁷); 5) о чернилах, какими написан документ; 6) о разлиновке и компоновке текста; 7) о почерках основного текста и почерках приписок, сделанных в документе почерком, отличным от почерка основного писца. Анализ особенностей почерка подкреплен фотовоспроизведением начертаний, имеющих датирующее значение. Палеографические описания не ограничиваются общими характеристиками почерка и состава букв в каждом из публикуемых документов. Они содержат, в частности, сведения о буквах, полностью или частично оказавшихся в складках пергамента (например, в списке *С* договора 1229 г.), лигатурах, форме титулов, надстрочных знаках и знаках препинания. Отмечены все случаи использования выносных, фиксируется размер строчных и выносных букв. Публикация договорной грамоты смоленского кн. Ивана Александровича с Ригой и Ливонским орденом сопровождается описанием ее водяного знака (арбалет), который сопоставлен с однотипными филигранями альбома В.А. Мошина и С.М. Тралича (1957). Эта грамота, относящаяся к первой половине XIV в., представляет собой древнейший русский акт, на-

³⁷ См., например: *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты. С. 253 (прорись утраченной печати, которой был скреплен список *К*).

писанный на бумаге, вероятно, более древний, чем договор в. кн. Семена Гордого с братьями середины XIV в.

К публикации приложены словоуказатель, составленный по лексико-грамматическому принципу; указатель личных имен и указатель географических наименований.

Новое издание смоленских грамот осуществлено на высочайшем уровне актов археографии. Оно не лишено некоторых спорных моментов, которые словно приглашают к дискуссиям и обсуждениям, предлагая исследователям новый материал для размышлений. В книге А.С. Иванова и А.М. Кузнецова нет ничего случайного, и всё — часть единой новой концепции происхождения и бытования смоленских актов в протоканцелярской практике ранних государств. Virtuозность и тщательность, продемонстрированные при подготовке нового издания смоленских грамот, обеспечивают ему долгую жизнь в науке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571. Л., 1988.

Акты социально-экономической истории. М., 1952. Т. 1.

Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л.И. Ивина. Л., 1983.

Иванов А.[С.], Кузнецов А.[М.] Смоленско-рижские акты XIII в. — первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica* — *Rutenica* об от-

- ношениях Смоленска и Риги. Рига, 2009 (Latvijas Arhīvi, серия «Исторические источники»). 765 с., на русск. и латышск. яз.
- Иванов А.С., Кузнецов А.М.* Договор неизвестного смоленского князя XIII века // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 136–182.
- Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998.
- Каштанов С.М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Каштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 483–638.
- Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Каштанов С.М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
- Каштанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
- Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988.
- Кистерев С.Н.* Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке // Очерки феодальной России. М., 2005. Вып. 9. С. 311–334.
- Кучкин В.А.* О древнейших смоленских грамотах // ИСССР. 1966. № 2. С. 103–114.
- Никитин Н.И.* Об «усложненных» и «упрощенных» правилах издания актовых источников // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 119–122.
- Новонайденная жалованная грамота Ивана III и Василия III 1504 г. Спаскому Валаамскому монастырю // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 419–443.
- Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза СССР. М., 1945.
- Правила издания исторических документов. М., 1956.
- Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.
- Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С.М. Каштанов; Подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, при участии Б.Л. Фонкича. М., 2004.
- Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1986–1992. Ч. 1–5.
- Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века из собраний ЦГА-ДА. М., 1992.
- Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1963.
- Столярова Л.В.* Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // Ad fontem / У источника. М., 2005. С. 7–77.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // ВЯ. 1994. № 3. С. 3–22.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Tobien. E.S. Die ältesten Tractate Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutschet und erauert durch Dr. jur. E.S. Tobien // Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, hrsg. durch Dr. jur. E.S. Tobien. B. 1: Die Prawda Russkaja und Die ältesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844. S. 41–72.

Ljubov Stoljarova

THE NEW EDITION OF THE EARLIEST SMOLENSK DIPLOMAS
OF THE THIRTEENTH AND FOURTEENTH CENTURIES
(ON THE PUBLICATION BY A. IVANOV AND A. KUZNETSOV)

Abstract: The fundamental edition of Smolensk and Riga diplomas prepared by A. Ivanov and A. Kuznetsov appeared in Latvia in 2009. The publication is the realization of the authors' holistic approach that had been formed on the basis of the all-embracing diplomatic, textual, lexical, orthographic and palaeographic study of the available Smolensk diplomas of the thirteenth and fourteenth centuries. The reviewer analyses in detail modern principles of publication of medieval literary texts of Slavonic documents in Cyrillic script, as well as the developed by Ivanov and Kuznetsov rules for the edition of Smolensk diplomas. Various actual problems of study and publication of early documents are broached, the complicated and simplified norms of historical and linguistic edition among them. The reviewer shows that the archaeological principles of the new edition of Smolensk diplomas of the thirteenth and fourteenth centuries that has united the experience of linguistic as well as diplomatic editions are the result of many years of scholarly work (the historical investigation of every published diploma, their origin, their diplomatic form and palaeographic peculiarities, systematic history of their texts which found reflection in the preserved versions and copies). Due to such approach to the investigated body of diplomas A. Ivanov and A. Kuznetsov have suggested new attributions of Smolensk diplomas, grounded more precisely their dating and offered new (in many aspects) interpretations of each text in the totality of Smolensk and Riga diplomas of the thirteenth and the second half of the fourteenth centuries. The reviewer emphasizes the exceptional importance of the 2009 edition for the study and publication of early documents. The study of both inner and outer form of the documents in the publication is so detailed, based on thorough formal analysis and the latest methods of the study of handwriting and parchment, decorative components and diacritical marks, modes of attachment

of seals and appreciation of their quality that it can be ranked among the best humanitarian publications of medieval texts nowadays. The review is concerned with exclusively archaeographical problems which have found reflection in the new edition of Smolensk diplomas (the way of choosing the copies and the development of the rules of their reproduction), as well as with the realization of the authors' conception concerning the correlation of various copies and variants of the Treaty of 1229, the origin of the Treaty of the unknown Smolensk prince concluded in 1229, etc. The reviewer pays special attention to the analysis of the modes of reproduction of the texts of Smolensk diplomas, to the analysis of the structure and quality of the reference apparatus of the 2009 edition as well as to the correlation of the new publication with the classical work by T.A. Sumnikova and V.V. Lopatin (1963).

Keywords: diplomatics, study and publication of early official documents, Smolensk diplomas of the thirteenth and fourteenth centuries, rules of the edition of medieval texts, review

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ¹ (2006–2014)

I. СЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

<а> *Свод «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»*
(отв. ред. серии — акад. В.Л. Янин)

1. *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006.
2. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М., 2009.
3. *Перевалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. Текст, перевод, комментарий. М., 2010.
4. *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.
5. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012.

<б> *Ежегодник «Древнейшие государства Восточной Европы»*
(отв. ред. серии — Е.А. Мельникова)

6. ДГ. 2004 год: Политические институты Древней Руси / Отв. ред. тома Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова. М., 2006.
7. ДГ. 2005 год: Рюриковичи и российская государственность / Отв. ред. тома М.В. Бибииков, Е.А. Мельникова, В.Д. Назаров. М., 2008.
8. ДГ. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М., 2010.
9. ДГ. 2007 год: *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.

¹ Составители Т.В. Гимон, Т.Н. Джаксон. Как и в предыдущем выпуске, охватывающем библиографию за 2001–2005 гг. (см.: ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 534–576), «Материалы к библиографии» не включают научно-популярных работ немонографического характера, стенограмм выступлений на научных конференциях, отчетов по научным программам, а также переводов статей на русский язык. Мы также не включили в настоящий перечень повторных публикаций в Интернете тех работ, которые ранее увидели свет в печатных изданиях. Считаем полезным, однако, указать, что электронную версию многих изданий Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН можно найти в открытом доступе на сайте <<http://dgve.csu.ru/>>, а библиография сотрудников Центра размещена на сайте <<http://www.pashuto.ru/>> (со ссылками на электронные версии).

10. ДГ. 2008 год: *Пацуто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.
11. ДГ. 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон. М., 2010.
12. ДГ. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012.
13. ДГ. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М., 2013.
14. ДГ. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. тома А.В. Подосинов, О.Л. Габелко. М., 2014.

<в> *Материалы ежегодных Чтений памяти*
чл.-корр. АН СССР В.Т. Пацуто «Восточная Европа
в древности и средневековье»
 (отв. ред. — Е.А. Мельникова)

15. ВЕДС-ХVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006.
16. ВЕДС-ХIХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007.
17. ВЕДС-ХХ: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2008.
18. ВЕДС-ХХI: Автор и его источник: Восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009.
19. ВЕДС-ХХII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010.
20. ВЕДС-ХХIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011.
21. ВЕДС-ХХIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012.
22. ВЕДС-ХХV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пацуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. М., 2013.
23. ВЕДС-ХХVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014.

II. ОБОБЩАЮЩИЕ ИЗДАНИЯ

24. Античные источники / Сост. А.В. Подосинов // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. 1.
25. Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2010. Т. 2.
26. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия /

- Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. 3.
27. Западноевропейские источники / Сост., пер., коммент. А.В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2010. Т. 4.
 28. Древнескандинавские источники / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. 5.
 29. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой; Авторы: М.В. Бибиков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко, А.В. Подосинов. [2-е изд., испр. и доп.] М., 2013.
 30. Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014.

III. МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ СТАТЕЙ

31. *Бибиков М.В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. М., 2009. Т. 2.
32. *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси / Сост. Ю.А. Артамонов. М., 2006. Т. 1: Повесть временных лет; 2007. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе.
33. Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) в истории русского государства и культуры. Мат-лы церковно-научной конф., посвящ. 100-летию со дня трагической гибели великого князя Сергея Александровича, 17–18 февраля 2005 года / Отв. ред. А.В. Назаренко. М., 2007.
34. Викинги: Между Скандинавией и Русью / Авт.-сост. А.А. Фетисов, А.С. Щавелев. М., 2009; 2-е изд. М., 2013.
35. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / Под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М., 2011.
36. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование / Отв. ред. Л.В. Столярова. М., 2012.
37. *Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
38. *Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* *Imagines mundi*: Античность и средневековье. М., 2013.
39. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Мат-лы конф. М., 2012.
40. *Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014.

41. Каптеревские чтения. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2008. Вып. 6.
42. Каптеревские чтения. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2009. Вып. 7.
43. Каптеревские чтения. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2010. Вып. 8.
44. Каптеревские чтения. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2011. Вып. 9.
45. Каптеревские чтения. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2012. Вып. 10.
46. Каптеревские чтения. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2013. Вып. 11.
47. Каптеревские чтения. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2014. Вып. 12.
48. Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., 2014.
49. *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М., 2011.
50. *Назаренко А.В.* «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013 (Patrologia Slavica. 2).
51. Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря: 1505–1537 / Отв. ред. С.М. Каштанов; сост. С.М. Каштанов, С.Ю. Королева, Л.В. Столярова. М., 2007.
52. Преподобный Иосиф Волоцкий / Предисл., отв. ред. А.В. Назаренко. М., 2010.
53. Проблемы экономической истории: *Mundus oeconomicus* / Отв. ред. М.В. Бибииков, Е.В. Лобанова. М., 2006.
54. Религии мира: История и современность, 2005 / Предисл., отв. ред. А.В. Назаренко. М., 2007.
55. Религии мира: история и современность, 2006–2010 / Предисл., отв. ред. Е.В. Белякова, А.В. Назаренко. М., 2012.
56. Родное и вселенское: К 60-летию Н.Н. Лисового от друзей и коллег / Введ., отв. ред. А.В. Назаренко. М., 2006.
57. Самые забавные лживые саги. Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной / Под ред. Т.Н. Джаксон и Е.А. Мельниковой. М., 2012.
58. *Столярова Л.В., Каштанов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2010.
59. *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
60. Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред. И.Н. Данилевского, Е.А. Мельниковой. М., 2008.
61. *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010.
62. ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010) / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Акопяна. М., 2014.

IV. ПЕРЕВОДЫ МОНОГРАФИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

63. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Пер. В.И. Матузовой. М., 2011.

64. Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология / Пер. С.Л. Никольского и др. // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 3–163.
65. Два века британской моды: Из собрания Музея Виктории и Альберта (каталог) / Пер. В.И. Матузовой. М., 2008.
66. За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. Главы 1–3 / Пер. В.И. Матузовой. М., 2011. С. 5–165.
67. Калер Э. Избранное: Выход из лабиринта / Пер. и предисл. В.И. Матузовой. М., 2008.
68. Кип Д. Новейшие западные исследования сталинизма / Пер. В.И. Матузовой // Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009. С. 12–206.
69. Шахрад С. Тайны Ватикана / Пер. В.И. Матузовой. М., 2008.

V. СТАТЬИ, ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ, ПЕРЕВОДЫ ИСТОЧНИКОВ

Ю.А. Артамонов

70. Древнерусские монастыри на рубеже X–XI вв. // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии. Мат-лы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Л.В. Черепнина. М., 2006. С. 21–26.
71. О начальном этапе монастырского строительства в Древней Руси // Могилянські читання 2005 року: Збірник наукових праць: Монастирські комплекси в контексті християнської культури. Київ, 2006. С. 33–39.
72. Внетекстологические параллели агиографических легенд Повести временных лет // Sacrum et Profanum. Севастополь, 2008. Вып. 3: Небесные патроны и земные служители культа. Сб. науч. тр. Севастополь, 2007. С. 17–20.
73. К вопросу о внетекстологических параллелях агиографических легенд Повести временных лет // Небесные патроны и земные служители культа. Тез. докл. и сообщ. IX Междунар. Крымской конф. по религиоведению, Севастополь, 15–19 мая 2007 г. Севастополь, 2007. С. 4–5.
74. «Аще кто поидет в Константинополе...»: Русские люди в храме Святой Софии // Родина. 2008. № 7. С. 58–62 (совм. с И.В. Зайцевым).
75. К вопросу о внетекстологических параллелях печерской агиографии XI века // Могилянські читання 2007: Збірник наукових праць: Музейники XX століття — дослідники української сакральної культури. Київ, 2008. С. 5–10.
76. К вопросу о времени и истории написания летописного рассказа статьи 6599 (1091) г. о перенесении мощей преп. Феодосия Печерского // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 11–12.
77. К вопросу о формировании монастырской культуры в Киевской Руси // Сіверщина в історії України: Збірник наукових праць: Матеріали

- сьомої науково-практичної конференції (23–23 жовтня 2008). Суми, 2008. С. 42–44.
78. Монастырское строительство на Руси в эпоху Ярослава Владимировича // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 187–202.
 79. Монашество и монастыри глазами древнерусского мирянина // Религия в жизни человека и общества. Тез. докл. и сообщ. X междунар. Крымской конф. по религиоведению, Севастополь, 12–16 мая 2008 г. Севастополь, 2008. С. 6–7.
 80. Новые источники о паломничестве русских людей в храм св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тез. докл. XVIII Всерос. науч. сессии византинистов (20–21 октября 2008). М., 2008. С. 10–15 (совм. с И.В. Зайцевым).
 81. Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии // *Ruthenica*. 2009. Т. 8. С. 227–243 (совм. с А.А. Гиппиусом и И.В. Зайцевым).
 82. Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 19–29 (совм. с И.В. Зайцевым).
 83. Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 300–321 (совм. с А.А. Гиппиусом и И.В. Зайцевым).
 84. Русские паломники «у святых страстей» (из эпиграфики св. Софии в Константинополе-Стамбуле) // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 14–21 (совм. с А.А. Гиппиусом и И.В. Зайцевым).
 85. Письменные и эпиграфические источники о древнерусском паломничестве в Константинополь // Церква — наука суспільство: питання взаємодії. На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова). Матеріали Дев'ятої Міжнародної наукової конференції (25–27 травня 2011 р.). Київ, 2011. С. 64–67.
 86. Древнерусские княжеские уставы как источник по истории взаимоотношений светской и духовной властей, церковной юрисдикции и суда // Совершенствование преподавания исторических и историко-правовых дисциплин в свете реформирования системы высшего образования. Сб. ст. М., 2012. С. 8–11.
 87. Древнерусские надписи Софии Константинопольской // Славянский альманах. М., 2012. С. 41–52 (совм. с А.А. Гиппиусом).
 88. Древнерусские надписи-граффити Константинопольской Софии: предварительные итоги исследования // 1150 лет российской государственности и культуры: Мат-лы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории. Москва, 18 декабря 2012 г. М., 2012. С. 282–292 (совм. с А.А. Гиппиусом).
 89. Надпись-граффито из собора Успения на Городке в Звенигороде // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 1. С. 98–102.
 90. Поминальные граффити из Ильинской церкви в Чернигове // Вопросы эпиграфики. М., 2012. Вып. VI. С. 31–42 (совм. с А.А. Василенко, Т.Г. Новик, В.Я. Руденко).

91. «И с отцом, и с матерью, и со всею братьею»: два древнерусских граффити из базилики Рождества Христова в Вифлееме // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 86–91 (совм. с А.А. Гиппиусом и И.В. Зайцевым).
92. Алтарные граффити собора Успения (Рождества) Богородицы на Городке в Звенигороде: к вопросу о сооружении храмов-памятников в средневековой Руси // Вестник церковной истории. М., 2014. № 3–4. С. 193–203.
93. Кем был основан Михайловский Выдубицкий монастырь в Киеве? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 11 (34): Элиты и элитарные практики в процессах становления и развития средневековых государств Европы (<<http://www.history.jes.su/s207987840000958-2-1>>).
94. Монашество и монастыри в свете христианизации Древней Руси (XI — начало XII в.) // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 17–20.

В.А. Арутюнова-Фиданян

95. «Закавказское досье» Константина VII Багрянородного». Информация и информаторы // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 5–18.
96. The image of Byzantium in Armenian historiography (seventh century): the “Byzantine age” in Armenia // Proceedings of the International Congress of Byzantine Studies. L., 2006. Vol. 3. P. 19–21.
97. Армяне-халкидониты: Идентичность на стыке этноса и конфессии // Исторические мифы и национальная идентичность. М., 2007.
98. Сирийцы в Тароне (по данным «Истории Тарона») // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. М., 2007. Вып. 1 (7). С. 7–26.
99. Предисловие // Чичуров И.С. Избранные труды. М., 2007. С. 5–7.
100. Топарх как феномен контактной зоны // ВЕДС-ХІХ. М., 2007. С. 13–15.
101. Божество грома в Тароне // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. М., 2008. Вып. 4 (14). С. 7–21.
102. К вопросу о результативности совпадения культурных и политических коммуникаций на востоке Византийской империи // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 8–11.
103. Контактные зоны в системе «Византийского содружества государств» // Русь и Византия. Место стран Византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. XVIII всерос. сессия византинистов. М., 2008. С. 15–17.
104. Контактные зоны: Концепции и термины // Проблемы исторического познания. М., 2008. С. 154–171.
105. Образ Византии у Григора Нарекаци и армянских историков в контексте эпохи (X век) // Григор Нарекаци и духовная культура Средневековья. М., 2008. С. 296–308.
106. К вопросу об источниках «Закавказского досье» Константина Багрянородного // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 30–32.

107. Православные армяне и армяно-византийская контактная зона // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. М., 2009. № 3 (17). С. 7–18.
108. Byzantine Armenia. The Armenian Impact on Byzantine Life in the 10th–11th centuries // *Mare et litora: Essays presented to Sergej Karpov*. Moscow, 2009. P. 645–657.
109. Время компилятора // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 309–320.
110. Имена бога грома в Тароне // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 22–25.
111. К вопросу о существовании халкидонитской Церкви в Армении // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. М., 2010. № 4 (22). С. 7–22.
112. Культурные и политические коммуникации на востоке Византии: Результаты взаимодействия // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 167–183.
113. Polemika между халкидонитами и монофиситами и переписка патриарха Фотия // Вестник ПСТГУ. Сер. 1. М., 2010. № 2 (30). С. 23–33.
114. ХΩΡΑ и ΧΩΡΟΠΟΛΙΣ в «Кавказском досье» Константина Багрянородного // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова*. М., 2010. С. 119–127.
115. Армяне-халкидониты на службе Византийской империи: Пакурианы // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXII междунар. конгрессу византинистов. СПб., 2011. С. 5–22.
116. К вопросу о синхронизации основных составляющих контактной зоны (X–XI вв.) // *Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон*. М., 2011. С. 26–34.
117. На службе Византийской империи: Апокапы Ивхкацы // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. М., 2011. № 4 (26). С. 66–76.
118. Образ армян в византийских источниках X–XI вв. // *Российское византиноведение. Традиции и перспективы*. М., 2011. С. 25–27.
119. Политогенез и устная традиция: Аршакидское царство (конец II – первая половина V в.) и «Бузандаран» // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 12–16.
120. Армяно-халкидонитская аристократия на службе империи: Полководцы и дипломатические агенты Константина VII Багрянородного // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. М., 2012. № 3 (29). С. 7–17.
121. Божество Куар и «северные племена» // *Цивилизация и варварство. Трансформация понятий и региональный опыт*. М., 2012. С. 266–296.
122. Миграционные процессы в геополитическом контексте // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 11–16.
123. Синтезная контактная зона: Пространство и концепция // *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств*. Мат-лы конф. М., 2012. С. 13–19.
124. Армяне-халкидониты. Терминология // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. 2013. № 5 (35). С. 9–21.
125. К вопросу о геополитических константах. Древние столицы Армении // *Перенос столицы. Исторический опыт геополитического проектирования*. М., 2013. С. 3–7.

126. К вопросу о социально-административных и экономических характеристиках армяно-византийских лимитрофов в X–XI вв. // ВЕДС-XXV. М., 2013. С. 11–15.
127. Очерк истории изучения легенд об основаниях городов в древнерусской «Повести временных лет» и древнеармянской «Истории Тарона». Кий и Куар // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 7–33 (совм. с А.С. Щавелевым).
128. Роль армян-халкидонитов в Армении и странах византийского культурного круга // II Междунар. конгресс арменоведов, Ереван, 17–19 октября 2013 г. Ереван, 2013. С. 29–31.
129. «Великая Армения и Ивирия»: эволюции географического содержания топонимов // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 9–23.
130. Истоки генезиса армяно-византийской контактной зоны X–XI вв. // ВВ. 2014. Т. 73 (98). С. 13–52.
131. Начало экспансии Византии на Восток по Константину Багрянородному // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 119–129.
132. «Повествование о делах армянских» (VII в.) и «Типик Григория Пакуриана» (XI в.): Греческий язык армяно-халкидонитских памятников // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. М., 2014. № 5 (40). С. 9–21.
133. Христианизация и Армянское государство в IV в. // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 20–24.

М.В. Бибиков

134. XX Международный конгресс исторических наук // Новая и новейшая история. 2006. № 1 (совм. с В.К. Волковым, В.А. Тишковым). С. 3–11.
135. «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти // Священное тело короля (Ритуалы и мифология власти). М., 2006. С. 29–51.
136. Византийский образ рая // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2006. С. 9–10.
137. Византийский хронос и вечность: сублимация времени // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 44–57.
138. Византийский Эдем: «время-в-пространстве» // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 91–97.
139. Византийское наследие на Руси: традиции и рецепция // Гуманитарные проблемы современной цивилизации. VI Межд. Михалевские чтения. СПб., 2006. С. 211–213.
140. Греческие астролого-астрономические тексты и их восточные источники // К 350-летию посещения патриархом Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы. Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохий-

- скогого патриарха Макария и дневник архидиакона Павла Алеппского. 4-е Чтения памяти проф. Н.Ф. Каптерева. М., 2006. С. 71–74.
141. Исторический опыт межэтнических отношений на евразийском пространстве // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 2. С. 206–215.
 142. К 80-летию проф. Ганса Анкума // Древнее право. 2013. № 1 (26). С. 8–12 (совм. с Л.Л. Кофановым, Е.А. Сухановым).
 143. К истокам византийских пространственных категорий // ВЕДС-ХVII. М., 2006. С. 14–18.
 144. К юбилею проф. А. Ваке // Древнее право. 2006 (2007). Вып. 2 (18). С. 8–9 (совм. с Л.Л. Кофановым, Е.А. Сухановым).
 145. Когда был византийский «золотой век»? // Славяне и их соседи. XXIII конф. памяти В.Д. Королюка: Раннее средневековье глазами позднего средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Мат-лы конф. М., 2006. С. 10–13.
 146. Немецкая слобода в Москве (XVI–XVII вв.) // Наука и образование 21 века: Тенденции развития Центрального региона России как части исследовательского и образовательного пространства. Сб. мат-лов конф. Пенза, 2006. С. 14–16.
 147. Немецкая слобода в Москве (XVI–XVII вв.) // Проблемы экономической истории: *Mundus oeconomicus*. М., 2006. С. 94–97.
 148. Проблемы экономической истории на XX Международном Конгрессе исторических наук // Проблемы экономической истории: *Mundus oeconomicus*. М., 2006. С. 211–216.
 149. Россия и Православный Восток (в свете новейших исследований в Институте всеобщей истории РАН) // К 350-летию посещения патриархом Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы. Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохийского патриарха Макария и дневник архидиакона Павла Алеппского. 4-е Чтения памяти проф. Н.Ф. Каптерева. М., 2006. С. 5–13.
 150. Средневековый хронос как время бытия: эманация времени // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Мат-лы XVIII науч. конф. кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 67–82.
 151. Традиции и трансформация некоторых норм Дигест Юстиниана в византийском законодательстве // Дигесты Юстиниана. М., 2006. Т. 8. С. 56–61.
 152. Экономическая история в Институте всеобщей истории РАН (2000–2005) // Проблемы экономической истории: *Mundus oeconomicus*. М., 2006. С. 9–14.
 153. Юбилейное: Вечность и Время в византийской традиции // Родное и вселенское. Сборник статей к 60-летию Н.Н. Лисового. М., 2007. С. 51–59.

154. Aporiai in the Byzantine imperial idea: imperia aeterna vs “peau de chagrin” // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies (London, 21–26 August 2006). Aldershot (Hampshire); Burlington, 2006. P. 9–10.
155. First Russian Money: Form, Value, Rate // Проблемы экономической истории: Mundus oeconomicus. М., 2006. С. 143–148.
156. Il mare e il suo spazio; investimenti e ricchi, idee, regole e percezioni economiche // Ricchezze del mare; ricchezza dal mare, secc. XIII–XVIII. Firenze, 2006. Vol. I–II. P. 371; 662; 1222 (fr., germ., ital.).
157. Predicting the Future: Byzantine astrology between literature and science // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies (London, 21–26 August 2006). Aldershot (Hampshire); Burlington, 2006. P. 177–178.
158. К истории библиотеки на Святой Горе (Афонские этюды) // ВИД. 2007. Вып. XXX. С. 111–119.
159. Образ и символика императорской власти в Византии // ВЕДС-ХІХ. М., 2007. С. 20–24.
160. Система наказаний в Византии и в славянских землях // Древнее право. 2006 (2007). № 2 (18). С. 110–121.
161. Эпиграфика Афона в свете архивных материалов // Пятые чтения памяти профессора Н.Ф. Каптерева. Мат-лы конф. М., 2007. С. 40–42.
162. A la recherche ... d'Argonautique byzantine perdue // Phasis. Т. 10 (II). Tbilisi, 2007. P. 14–19.
163. Byzantina-Rosica and the Case of the Antes // Byzantina Mediterranea. Festschrift für J. Koder. Wien; Köln; Weimar, 2007. S. 57–63.
164. “Glanz und Elend” der byzantinischen Kaiser. Struktur und Semiotik der Macht in Byzanz // Bilder der Macht in Mittelalter und Neuzeit: Byzanz-Okzident-Rußland. Göttingen, 2007. S. 23–36.
165. La legislazione romana penale nell'Ecloga byzantina e slava // Problemi della traduzione dei Digesta giustinianeî nelle lingua Europee. Napoli, 2007. P. 79–92.
166. Βυζαντινές σπουδές στη Ρωσία // Οι ελληνικές σπουδές στην Ευρώπη. Θεσσαλονίκη: Κέντρο ελληνικής γλώσσας. 2007. Σ. 305–326.
167. Ὁρα–Нора–Час. «Час пробил»: К эпистемологии категории времени в Византии // Мир Клио. Сб. ст. в честь Л.П. Репиной. М., 2007. С. 242–253.
168. Архивные материалы об афонских надписях // Анфологон. Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. М., 2008. С. 359–361.
169. «Блеск и нищета» василевсов. Структура и семантика власти // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века — Новое Время. М., 2008. С. 11–22.
170. Вечность и время в византийской традиции // Античный вестник. Алматы, 2008. Вып. 5. С. 5–15.
171. Византийская Каппадокия: Основные направления геополитического развития // Каптеревские чтения. М., 2008. Вып. 6. С. 5–18.

172. Византийский инструментарий времени // Образ Византии. М., 2008. С. 59–66.
173. Время и вечность в греческой и славянской традициях // Аверинцевские чтения. М., 2008. С. 90–103.
174. Заседание Генеральной Ассамблеи международного комитета исторических наук в Пекине // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 3–4.
175. «И прекладаша отъ грекъ на словенъскый языкъ» // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 181–186.
176. Идея личности: от Константинополя к Москве // Preprint XXVIII Seminario „Da Roma alla Terza Roma“. Roma, 2008. 8 p.
177. Оксфордские списки «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита: addenda // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. Мат-лы. М., 2008. С. 15–22.
178. Начало Тартуского университета в европейском контексте // XVI Конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. М.; Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 324–327.
179. Онтология времени в Византии // Время в координатах истории. Тезисы. М., 2008. С. 84–87.
180. Посольские и культурные связи Византии и России X–XVII в. (в свете рукописных находок и историко-культурных разысканий) // Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории. Афины; Москва, 2008. С. 60–66.
181. Развитие средств коммуникации и распространение информации в средневековой Европе в трансконтинентальной перспективе // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 16–21.
182. Тверь в византийских источниках и проблема великокняжеской титулатуры // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 33–42.
183. Persönlichkeitskonzeption: von Konstantinopel nach Moskau // Preprint. XXVIII Seminario „Da Roma alla Terza Roma“. Roma, 2008. 7 p.
184. Генезис и онтология категории времени в Византии // Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009. С. 67–83.
185. Каппадокийские отцы в их отношении к античным традициям: проблема источников // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 32–35.
186. Начало Тартуского университета в европейском контексте // Балтия в контексте северного пространства. М., 2009. С. 1–3, 112.
187. Русская Палестина: ретроспективный взгляд из XXI века // Каптеревские чтения. М., 2009. Вып. 7. С. 93–98.
188. Славяно-русские заимствования в языке византийских текстов // Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С. 259–266.
189. Час в Византии: астрономический, литургический и мифологический // Античная древность и Средние Века. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 71–86.

190. "Ραх orthodoxa" in Europa ed Asia: punti di vista da Constantinopoli // Préprint. Roma, 2009. 13 p.
191. "Ραх orthodoxa" в Европе и Азии: точки зрения из Константинополя // Préprint. Roma, 2009. 35 p.
192. Πρεσβευτικές και πολιτιστικές σχέσεις Βυζαντίου και Ρωσίας την περίοδο Χ–XVII αι. (υπό το φως των χειρόγραφων που ανακαλύφθηκαν και των ιστορικών και πολιτιστικών ερευνών) // 1 ελληνορωσικό κοινωνικό : Διαχρονικές σχέσεις, και προοπτικές συνεργασίες στον 21 αιώνα. Αθήνα: Κέντρο Ευρωπαϊκών Μελετών και σπουδών "Ιωάννης Καποδιστριας". 2009. Σ. 77–81.
193. Αστρονομический час в Византии и «чась» литургические и мифологические // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 120–132.
194. В поисках утраченного... византийского времени об аргонавтах // Вопросы классической филологии. Вып. XV: ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ. Сб. в честь А.А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 46–50.
195. В поисках утраченного... византийского эпоса об аргонавтах // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 59–63.
196. Византия как Новый Рим // Классическая филология в контексте мировой культуры. Чтения памяти К.П. Полонской. М., 2010. С. 23–25.
197. Город Рыльск в актах и мемуарах иноземцев XVII в. // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 35–39.
198. Григорий Кипрский — патриарх и писатель // Родина. Спецвыпуск «Россия-Кипр». М., 2010. С. 96–100.
199. К истории начала «Русской Палестины» // Каптеревские чтения. М., 2010. Вып. 8. С. 238–247.
200. Русское присутствие в Святой Земле // Identità del Mediterraneo: Elementi russi. 2010. 2 p.
201. Русь и Византия: взаимные представления // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI в. М., 2010. С. 90–93.
202. Эон новозаветный и ранневизантийский: бесконечность во времени и пространстве // Образы времени и исторические представления. М., 2010. С. 167–184.
203. Язык договоров Руси с греками X в. в свете византийского дипломатического этикета // Русский язык: исторические судьбы и современность (Труды и мат-лы). М., 2010. С. 51–52.
204. La presenza russa in Terra Santa // Identità del Mediterraneo: Elementi russi. 2010. 2 p.
205. Roman Criminal legislation reflected in Ecloga of Byzantine and Slavic // Roman Law and Modern Civil Law. Vol. VII (2005). Xiamen, 2010. P. 246–255.
206. "Ραх orthodoxa" в Европе и Азии: точки зрения из Константинополя // Diritto @ Storia. 2009 (2010). № 8. (<http://dirittoestoria.ita/8/Memorie>). 2010. P. 1–30.

207. XXI Международный конгресс исторических наук в Амстердаме // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 115–120.
208. В поисках утраченного... византийского эпоса об аргонавтах // Proceedings of the 6th International Symposium on Kartvelian Studies. Tbilisi, 2011. P. 70–73.
209. Византийские и поствизантийские астрономические и астрологические системы и их рецепция на Руси (по рукописным материалам) // Византийские очерки. СПб, 2011. С. 33–38.
210. Греческий титул русского царя и патриарха // Российское византиноведение. Традиции и перспективы. Тезисы. М., 2011. С. 36–39.
211. Ересология в Восточной Римской империи и ее рецепция на Руси и в славянском мире // Preprint. “Da Roma all Terza Roma”. XXI Seminario internazionale di studi storici. Roma. 2011. 8 p.
212. К датировке греческого прототипа Изборника Святослава // О чем поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи. М., 2011. С. 149–170.
213. Развитие средств коммуникации и распространения информации в Средневековой Европе в трансконтинентальной перспективе // Россия в контексте мирового развития: история и современность (К 90-летию акад. В.А. Виноградова). М., 2011. С. 528–532.
214. Русь и «Гиперборея» в византийской традиции // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 56–58.
215. Славяно-руска лексика във византийските текстове // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 2011. Т. 96 (15): «Византия и славяне». С. 133–138.
216. Byzantine astrological tradition in Post-Byzantine time and Russia: the Manuscript Evidence // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 2011. Vol. I: Plenary Sessions. P. 527–536.
217. I Trattati dell'Antica Russia con l'Impero Romano d'Oriente. Roma, 2011 (комментарий совм. с А.А. Горским).
218. 50 лет в мировом сообществе историков (А.О. Чубарьян и Международный комитет исторических наук) // В поисках истины: Сборник к юбилею акад. А.О. Чубарьяна. М., 2012. С. 32–37.
219. Византийские акты: проблемы классификации // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. М., 2012. С. 41–49.
220. Когда был византийский «Золотой век»? // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: Сборник статей памяти профессора И.С. Чичурова. М., 2012. С. 52–56.
221. Пространство византийской культуры // Азе Алибековне Тахо-Годи. Сб.ст. М., 2012. С.26–31.
222. Русь и «Гиперборея» в византийской традиции // Север и история. 4-е Федоровские чтения. Мурманск; СПб., 2012. С.126–133.
223. AIQNION // Quattuor Lustra. (Acta Societatis morgensternianae. IV–V). Tartu, 2012. P. 201–208.

224. Византийские версии крещения Руси в свете «Корсунской легенды» // V Междунар. Византийский семинар «Херсонос темата»: «империя» и «полис». Тезисы. Севастополь, 2013. С. 19.
225. Византийские темпоральные категории // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2013. Вып. 41. С. 47–59.
226. Византийский Эдем // Вторые и Третьи Аверинцевские чтения. М., 2013. С. 223–230.
227. Византиноведение в Тартуском ун-те в общеевропейском контексте // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. М., 2013. С. 246–254.
228. Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук в Будапеште // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 66–69.
229. Двенадцать апостолов российского византиноведения и Италия // Россия — Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках. М., 2013. С. 51–60.
230. Древнерусские хождения и Проскинитарий Акакия Критского // Палеография, кодикология, дипломатика. М., 2013. С. 14–16.
231. Измерение времени в византийских хронологиях // Вестник РГГУ. Интернет-публикация: <http://vestnik.rsuh.ru/section.html?id=557>.
232. Измерение времени в византийских хронологиях // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Междунар. науч. конф., Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 1. С. 30–40.
233. Итало-византийские поэты XIII в. // Итальянистика сегодня: грамматика, семантика, прагматика. Сб. междунар. науч. конф. итальянистов. М., 2013. С. 37–42.
234. Русские пути византийской Палестины // Византия и византийское наследие в России и в мире. Тезисы. М., 2013. С. 20–23.
235. Byzantine temporal categories // Byzantine Studies in Georgia. Tbilisi; Batumi; Cappadocia, 2013. Vol. 4. P. 184–186.
236. I dodici apostoli della bizantinologia russa a l'Italia // Russia — Italia. М., 2013. P. 38–46.
237. Афонские пути Древней Руси // Тверской вклад в Русское православие. Тверь, 2014. С. 6–15.
238. Плифон и возрождение олимпизма в палеологовской Византии // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 28–31.
239. Русская титулатура в поздневизантийских актах // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 60–63.
240. Русский Афон XI — нач. XV в. // История русского православного зарубежья. М., 2014. Т. 1. Кн. 1: Русское православное присутствие на территории Восточных патриархатов (Ближний Восток и сопредельные территории) до 1917 г. С. 168–196.
241. Русь и византийский мир IX–XV вв. // История русского православного зарубежья. М., 2014. Т. 1. Кн. 1: Русское православное присутствие на

- территории Восточных патриархатов (Ближний Восток и сопредельные территории) до 1917 г. С. 46–105.
242. Святая Земля и Русь IX–XVI вв. // История русского православного зарубежья. М., 2014. Т. 1. Кн. 1: Русское православное присутствие на территории Восточных патриархатов (Ближний Восток и сопредельные территории) до 1917 г. С. 329–382.
243. «Трудности перевода» (греческие акты Русского монастыря на Афоне в русском переводе) // Каптеревские чтения. М., 2014. Вып. 12. С. 99–123.
244. Byzantium as the New Rome // Byzantine Culture. Ankara, 2014. P. 9–15.
245. Byzantine Edem // Сборник радова Византолошког института. Београд, 2013 (2014). С. 941–946.
246. Supreme State Power in Byzantium: Symbolism versus Realities // Aureus. Athens, 2014. P. 47–56.

Т.В. Гимон

247. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 291–333.
248. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. 2006. Вып. 6. С. 80–118.
249. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: Разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. 2006. Т. LVII. С. 112–125.
250. The Writing of Annals in Eleventh-Century England: Palaeography and Textual History // Writing and Texts in Anglo-Saxon England. Woodbridge, 2006. P. 137–145.
251. «Повесть временных лет» в свете англо-саксонских параллелей // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 18–19.
252. Сравнительное исследование раннесредневековых анналов (Англия, Ирландия, Русь) // Россия и Запад: Источники и методы их изучения. Тез. науч. конф., Москва, 26–28 ноября 2008 г. М., 2008. С. 42–45 (совм. с З.Ю. Метлицкой).
253. Точные датировки в раннесредневековых анналах (Англия, Ирландия, Русь) // Время в координатах истории. Междунар. науч. конф. (29–30 октября 2008 г.). Тезисы. М., 2008. С. 89–92 (совм. с З.Ю. Метлицкой).
254. Упоминание новгородских топонимов и описание путей в новгородском летописании XII в. // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 38–43.
255. К вопросу о новгородском летописании XI — начала XII в. // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 63–69.
256. Происхождение текста Синодального списка Новгородской I летописи за 1017–1115 гг. // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 21–22.
257. Точные датировки в раннесредневековых анналах (Англия, Ирландия, Русь) // Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009. С. 235–256 (совм. с З.Ю. Метлицкой).
258. Анналы на пасхальных таблицах как форма историописания (Англия, конец X — начало XII в.) // Средние века. М., 2010. Вып. 71 (1–2). С. 50–79.

259. Источниковедческое изучение мемуаристики в России во второй половине XX в. // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 393–412.
260. Летописные записи на пасхалии в древнерусской рукописи XV в. (РГБ. 304. I. 762) // Историческая память: Люди и эпохи. Тезисы науч. конф., Москва, 25–27 ноября 2010 г. М., 2010. С. 62–64 (совм. с Л.М. Орловой-Гимон).
261. Упоминание новгородских топонимов и описание путей в новгородском летописании XII–XIII вв. // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 412–434.
262. Хронологические указания Англо-Саксонской хроники (конец IX — первая половина XII в.) // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 331–354 (совм. с З.Ю. Метлицкой).
263. Янь Вышатич и его предки: Новые соображения // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 60–66.
264. Внешнее оформление списков Новгородской I летописи // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 29–30.
265. Военная история Балтийского региона в XII–XIII вв. и новгородская летопись // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 74–82.
266. Зарождение историописания в недавно христианизированном государстве (пример Нортумбрии) // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 44–49.
267. Новгородские перечни князей и архиепископов как исторический источник (сведения за XI в.) // Новгородика-2010: Вечевой Новгород. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 20–22 сентября 2010 г. В. Новгород, 2011. С. 65–77.
268. Пометы в рукописях Новгородской I летописи // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. М., 2011. С. 179–204.
269. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Сб. тр. междунар. науч. конф., 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 13–33.
270. Christian Identity in the Early Novgorodian Annalistic Writing // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 255–275.
271. Англо-Саксонская Англия и Древняя Русь: Перспективы компаративного источниковедения // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 51–64.
272. Для чего писались русские летописи? (вторая версия) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства (<<http://history.jes.su/s207987840000431-3-1>>).
273. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ. 2010 год. М., 2012. С. 584–703.

274. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6, ч. 3. С. 42–47.
275. Член-корреспондент РАН Алексей Алексеевич Гиппиус: К 50-летию со дня рождения // Изв. Рос. Акад. наук. Сер. литературы и языка. М., 2013. Т. 72, № 6. С. 59–62.
276. Круг событий, интересовавших древнерусских летописцев XI–XIII вв. (в сопоставлении с англо-саксонской и ирландской анналистикой) // Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги. Тезисы Всерос. науч. конф., 10–11 октября 2013 года. СПб., 2013. С. 26 (совм. с З.Ю. Метлицкой).
277. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 65–117.
278. Административная переписка в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. М., 2014. Вып. 1. С. 9–41.
279. Война и письменность: Два англо-саксонских документа // Война, власть и общество в истории цивилизаций. Междунар. заочн. конф. [Самара, 2014.] (<http://www.psga.ru/academy/faculties/history-faculty/conference_1.php>).
280. Границы ойкумены летописца: Сообщения англо-саксонских, ирландских и древнерусских анналов о событиях за пределами своих стран // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 171–200 (совм. с З.Ю. Метлицкой).
281. Крещение Нортумбрии у Беды Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 64–70.
282. Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.1.762 (XV в.) // Источниковедческие исследования. М., 2014. Вып. 6. С. 54–79 (совм. с Л.М. Орловой-Гимон).
283. Новгородский перечень русских епископий // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 41–50.
284. Новгородское историописание в правление Василия Калики (1330–1352) // Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги. Мат-лы всерос. конф. М.; СПб., 2014. С. 36–70.

Г.В. Глазырина

285. В поисках рая: пространство в «Care об Эйреке Путешественнике» // ВЕДС-ХVIII. М., 2006. С. 26–32.
286. Dragon Motifs in Yngvars saga víðfjrla // The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature. Sagas and the British Isles. Preprint papers of the Thirteenth International Saga Conference. Durham and York, 6th–12th August, 2006. Durham, 2006. Vol. 1. P. 288–293.
287. Язычники и христиане в Исландии накануне официального крещения страны // ВЕДС-ХIХ. М., 2007. С. 46–50.
288. Аллюзии к исландским сагам в «Комментариях к Эдде» Йоуна Ученого: фрагмент о поездках «на восток» // Германистика, скандинавистика,

- историческая поэтика. К дню рождения О.А. Смирницкой. М., 2008. С. 169–181.
289. Практическое счисление времени в исландском судебнике «Серый гусь» // Время в координатах истории. Междунар. науч. конф. (29–30 октября 2008 г.). Тезисы. М., 2008. С. 92–94.
290. Пути проникновения восточноевропейских сюжетов в исландские саги // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 44–48.
291. Следы устной традиции о Ярославе Мудром в ранней письменности Скандинавии (до 1200 г.) // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 103–131.
292. Социально-значимые мотивы в составе «восточноевропейских» сюжетов древнескандинавских письменных памятников // XVI Конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. М.; Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 135–137.
293. Оценка события и позиция автора (Формула «*sumir... sumir...*» в древнеисландских сагах) // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 77–82.
294. Практический счет времени в средневековой Исландии: годичный цикл // Формы и способы презентации времени в истории. Сб. статей. М., 2009. С. 115–129.
295. On the Reception of Eastern Europe in Pre-Literate Iceland // *Á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of The 14th International Saga Conference. Uppsala, 9th–15th August 2009. Gävle, 2009. Vol. 1. P. 303–308.*
296. Время в древнеисландских сагах (история, повседневность, временные ориентиры) // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 355–380.
297. Обращение к устной традиции в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 66–71.
298. Путь на восток — путь к христианскому спасению. Сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 384–404.
299. Прядь «О Тангбранде» // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосонова* М., 2010. С. 119–127.
300. Transformation of an oral tale into a written saga (the case of *Yngvars saga víðförla*) // International Association of Scandinavian Studies 2010. XXVIII Study Conference 3–7 August. Translation — Adaptation, Interpretation, Transformation. Programme and Abstracts. Lund, 2010. P. 94.
301. О факторах, приведших к утрате Исландией независимости в 1262–1264 гг. // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 55–61.
302. Формула *svá er sagt* в «Книге об исландцах» Ари Мудрого // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 101–114.
303. Язычники и христиане (Исландия, 980-е — 1000 гг.) // Долгое средневековье. Сборник в честь проф. А.А. Сванидзе. М., 2011. С. 132–140, 492–493.
304. Заселение Исландии как пример средневековой миграции // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 65–69.
305. К истории создания «Саги об Эйреке Путешественнике» (свидетельства разночтений к рукописям) // Проблемы дипломатики, кодикологии

- и актовой археографии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 234–236.
306. Travelling to the Paradise along the Eastern Route // The 15th International Saga Conference: Sagas and the Use of the Past. 5th–11th August 2012, Aarhus University. Preprints of Abstracts. Aarhus, 2012. P. 129–130.
 307. Дар дружбы // *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. Сборник статей к 60-летию С.В. Белецкого. С. 247–254 (совм. с Т.Н. Джаксон).
 308. Освоение природных ресурсов, хозяйственная деятельность и обмен в раннесредневековой Исландии // ВЕДС-XXV. М., 2013. С. 69–74.
 309. Пересечение границ иного мира (на материале исландских саг) // X Конгресс этнографов и антропологов России. 2–5 июля 2013 г. Тезисы докл. М., 2013. С. 279–280.
 310. Совмещение традиций (Топосы описания воображаемого пространства в «Саге об Эйреке Путешественнике») // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 118–146.
 311. Противостояние язычников и христиан накануне Альтинга 999/1000 г. // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 75–81.
 312. Путевая стратегия средневекового исландского автора // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 51–65.
 313. «Сага об Эйреке Путешественнике» о скандинавах в Византии // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 195–204.

Т.Н. Джаксон

314. Новгород в древнескандинавской письменности // Вестник НовГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 38. С. 33–36.
315. Происхождение Руси // Гордон. Диалоги. М., 2006. Вып. 4. С. 181–212 (Т. Джаксон, Ф. Успенский, А. Гордон).
316. Путь как способ освоения пространства («Пути» в картине мира средневековых скандинавов) // ВЕДС-ХVIII. М., 2006. С. 43–49.
317. Русская история в поэмах исландского скальда // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Тезисы докл. СПб., 2006. С. 183–185.
318. The Fantastic in the Kings' Sagas // The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature. Sagas and the British Isles. Preprint papers of the Thirteenth International Saga Conference. Durham and York, 6th–12th August, 2006. Durham, 2006. Vol. 1. P. 426–434.
319. Navigare necesse est, vivere non necesse. “To sail is a necessity, to live is not” // *Arkiv för nordisk filologi*. 2006. В. 121. P. 79–100.
320. О северных кораблях на Восточном пути // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 137–142.
321. Konungstekja // ВЕДС-ХIХ. М., 2007. С. 68–72.

322. Восточная Балтика в скандинавских рунических надписях // XVI Конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. М.; Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 141–144.
323. «Путевая формула» исландских саг // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 364–366.
324. Путь саги // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 56–62.
325. Юриковичи и Скандинавия // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 205–228.
326. Bjarmeland // Forpost mot Øst. Fra Vardø og Finnmarks historie. 1307–2007. Stamsund, 2008. S. 35–44.
327. Novgorod the Great in Baltic Trade before 1300 // Acta Borealia. 2008. Vol. 25, Issue 2. P. 83–92.
328. «Вальдамар в Гардах» и чудо Святого Олава // Хорошие дни... Памяти А.С. Хорошева. В. Новгород; СПб.; М., 2009. С. 217–222.
329. Древняя Русь глазами средневековых исландцев / Old Rus through the eyes of medieval Icelanders // На Запад и на Восток: Межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси. Культура, память, идентичность. Междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 24–26.
330. Об источнике одного географического описания (Knýtl 32 и GHS 37) // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 100–106.
331. «Пути» в картине мира средневековых скандинавов // Stratum plus. Культурная антропология и археология. 2005–2009. № 5: Русское время. С. 524–528.
332. *Aldeigjuborg* of the sagas in the light of archaeological data // *Á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of The 14th International Saga Conference. Uppsala, 9th–15th August 2009. Gävle, 2009. Vol. 1. P. 438–442.*
333. Maeth logh skal land byggiaes («На праве должна страна строиться») // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 263–275.
334. Ways on the ‘Mental Map’ of Medieval Scandinavians // *Analecta Septentrionalia* (RGA–E. B. 65). В.; N.Y., 2009. S. 211–220.
335. В каком возрасте Олав Трюггвасон стал королем Норвегии? (Устная информация и хронология) // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 92–96.
336. Древняя Русь и Исландия: школы и центры учености в первые века христианства // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М., 2010. С. 302–322.
337. Мечи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А.Н. Кирпичникова посвящается. В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 262–268.
338. О плавании из Индиаланда в Данию и о Менелае, конунге Таттарарики (географические описания в исландско-норвежских хрониках и сагах) // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 138–148; перепечатано в: Золотоордынское обозрение. Казань. 2013. № 1. С. 45–56.*
339. «Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов (Путь как способ освоения пространства) // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 300–317.

340. «У липы головного убора есть земля в Гардах» // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 48–53.
341. *Хольмгардсфари*, или Туда и обратно // Одиссей: Человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 43–57; перепечатано в: *Homo viator*. Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 50–65.
342. Ярослав Мудрый в сагах // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2010. С. 82–145.
343. Cultural Adaptation of Foreign Texts in Old Norse-Icelandic Literature // International Association of Scandinavian Studies 2010. XXVIII Study Conference 3–7 August. Translation — Adaptation, Interpretation, Transformation. Programme and Abstracts. Lund, 2010. P. 114.
344. The Cult of St Olaf and Early Novgorod // Saints and their Lives on the Periphery. Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200). Turnhout, 2010 (*Cursor mundi*. Vol. 9). P. 147–167.
345. Название Азовского моря у греков, римлян, готов, варягов // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 641–645 (совм. с А.В. Подосиновым).
346. О юбилеях, памятниках, политогенезе и историческом мифотворчестве // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 81–88.
347. Последний великий викинг на норвежском престоле // Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 349–365.
348. Сотворение мира // Долгое Средневековье. Сборник в честь проф. А.А. Сванидзе. М., 2011. С. 141–148, 494–495.
349. Rus' and Scandinavia: the Orthodox-Latin division in Old Norse-Icelandic Literature and in Reality // Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks. Kiev, 2011 (*Ruthenica: Supplementum* 4). P. 120–132.
350. Заселение Исландии: мифологический аспект // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 84–89.
351. Норвегия на страницах «Скандинавского сборника» // Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.). М., 2012. С. 61–79.
352. О юбилеях, памятниках и историческом мифотворчестве // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6, ч. 3. С. 17–22.
353. «Страсти и чудеса святого Олава» // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 269–272.
354. On the Possible Sources of the Textual Map of Denmark in *Göngu-Hrólfs saga* // Самые забавные лживые саги. Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной. М., 2012. С. 62–70.
355. 'Scythia er uær köllum miklu Suiþjóð': memory, fiction, or something else? // The 15th International Saga Conference: Sagas and the Use of the Past. 5th–11th August 2012, Aarhus University. Preprints of Abstracts. Aarhus, 2012. P. 168–169.

356. Балтийское море Адама Бременского // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 685–689.
357. Дар дружбы // *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. Сборник статей к 60-летию С.В. Белецкого. С. 247–254 (совм. с Г.В. Глазыриной).
358. Исландцы путешествующие // X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докл. М., 2013. С. 280.
359. О золоте, власти, пирах и дарах в средневековой Норвегии // ВЕДС-XXV. М., 2013. С. 82–88.
360. Сотрудничество в издании «Скандинавского сборника» и журнала «Аустрег/Восточный путь» // Россия и Прибалтийский регион в 18–20 вв.: проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М, 2013. С. 255–262.
361. Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 165–191 (совм. с А.В. Подосиновым).
362. Заселение Исландии: «выход за горизонт» // Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени. XXVII конф. памяти В.Д. Королюка. М., 2014. С. 22–24.
363. Многозначность стран света в средневековой Исландии // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 76–92.
364. «Прядь о Блод-Эгиле» в составе «Саги о Кнютлингах» // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 81–87.
365. Северо-запад Восточной Европы в скандинавских рунических надписях: уточненные данные // *Stratum plus*. 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. Памяти Ю.М. Лесмана. С. 225–231.
366. Скифия Адама Бременского: формирование образа // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 152–170.
367. Скифия древнескандинавских источников: к истории сложения образа // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 205–213.
368. Icelandic Skalds and *Gardar* // *Vers l’Orient et vers l’Occident. Regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne*. Caen, 2014. P. 45–53.

Т.М. Калинина

369. Страна Хазария, какой она представляется по арабо-персидским источникам // Восточная коллекция. Лето. 2006. № 2 (25). С. 29–41.
370. Географический образ Восточной Европы в системе «климатов» арабской географии // ВЕДС-ХVIII. М., 2006. С. 82–87.
371. Известия Ибн Ийаса о русах // Славяне и их соседи. XXIII конф. па-

- мяти В.Д. Королюка: Раннее средневековье глазами позднего средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Мат-лы конф. М., 2006. С. 33–36.
372. Арабский ученый X в. ал-Мас‘уди о крымской эпопее Юстиниана II // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Междунар. конф. [Тезисы докл.]. Алушка–Херсонес, 22–26 сентября 2006 года. Киев; М., 2006. С. 22.
373. Знать славян по данным арабо-персидских источников // X Сходознавчи читання А. Кримського. Присвячени 135-річчю від дня народження А.Ю. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. м. Київ, 5–6 жовтня 2006 р. Київ, 2006. С. 24–26.
374. Восточная Европа в арабо-персидских источниках IX–X вв.: «контактная зона» или «зона контактов»? // XI Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 7–8 червня 2007 р. Київ, 2007. С. 83–85.
375. Рассказ Агапия Манбиджского о переписке Авгара и Иисуса // IX Междунар. Крымская конф. по религиоведению: Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 15–19 мая 2007 г. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 24–25.
376. Титулатура верховных правителей Волжской Булгарии // ВЕДС-ХІХ. М., 2007. С. 98–101.
377. Тюрки в «образе мира» средневековых арабо-персидских писателей // Тюркологический сборник, 2006. М., 2007. С. 183–193.
378. Al-Khazar wa-'l-Saqaliba: Contacts. Conflicts? // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Leiden; Boston, 2007. P. 195–206.
379. Днепровско-донской бассейн в представлениях арабо-персидских географов IX–X вв. // ХА. 2007. Т. 6. С. 106–119.
380. Ирландя // *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007. Ч. IV: Чудеса Европы в восточных космографиях. С. 437–447.
381. Восточноевропейские правители по данным арабо-персидских географов X в. // Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. М., 2008. С. 76–89.
382. Керченский пролив в представлениях арабских географов IX–X вв. // *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI вв. (по материалам памятников агиографии и фольклора). Воронеж, 2008. С. 33–35.
383. Историко-культурные области Восточной Европы (пути контактов по данным арабо-персидских источников IX–X вв.) // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 77–82.
384. Религия и верования славян по данным арабо-персидских источников // X Междунар. Крымская конф. по религиоведению: Религия в жизни человека и общества. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2008. С. 38–39.

385. Христианство у славян по данным средневековых арабо-персидских писателей // Славяне и их соседи. XXIV конф. памяти В.Д. Королюка: Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Мат-лы конф. М., 2008. С. 40–41.
386. Амазонки на севере в арабской географии // XVI Конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. М.; Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 149–151.
387. Амазонки — кочевницы? // XII Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. м. Київ, 2–3 жовтня 2008 р. Київ, 2008. С. 62–64.
388. Восточная Европа в «образе мира» арабской средневековой географии // История наук о Земле: Исследования, этапы развития, проблемы. Мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 25–27 ноября 2008 г.). М., 2008. С. 38–39.
389. Река Танаис в представлениях арабо-персидских географов X в. // Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока. Сборник научных статей памяти проф. В.М. Бейлиса. Луганск, 2008. С. 76–82.
390. Восточная Европа в «образе мира» арабской средневековой географии // История наук о Земле. Сб. ст. М., 2009. Вып. 3. С. 102–107.
391. Границы печенегов по «Анонимной записке» // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 119–125.
392. «Худуд ал-‘Алам» о границах печенегов // XIII сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. Київ, 22–23 жовтня 2009 р. Київ, 2009. С. 35–38.
393. Easteuropean Area in the System of Climates of the Arabian Geography // Abstracts. 14th International Conference of Historical Geographers. 23rd –27th August 2009. Kyoto. Kyoto University. P. 45.
394. Сведения Шамс Ад-дина ал-Мукаддаси о Хазарии // ХА. 2009. Т. 8. С. 187–202.
395. Амазонки в арабской средневековой литературе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А.Н. Кирпичникова посвящается. В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 342–349.
396. Аральское море и его реки: Интерпретация сведений арабо-персидских географов // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 127–135.
397. Восприятие времени и пространства ученым X в. ал-Мас‘уди // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 396–417.
398. Древние греки по данным ал-Масуди // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 189–195.
399. Кораническая и устная традиция о местоположении народов Йаджудж и Маджудж // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 119–123.
400. Море Варанков в арабской географии // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXI междунар. годичной конф. Санкт-

- Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (22–26 ноября 2010 г.). СПб., 2010. Вып. 26. С. 266–267.
401. Печенеги и путь к ним из Ургенча (по данным арабских географов) // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 96–109.
 402. Символы сакральной власти в Хазарии // Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. XII Междунар. Крымская конф. по религиоведению. Севастополь, 26–30 мая 2010 г. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2010. С. 22–23.
 403. Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Сб. статей. Иерусалим; М., 2010. С. 25–43.
 404. «Этноним «бурджан» в сочинениях ал-Мас‘уди // Лингвистическая герменевтика. М., 2010. Вып. 2: Сборник научных трудов к 75-летию д.и.н., проф. И.Г. Добродомова. С. 42–47.
 405. East European area in the system of climates of the Arabian geography // Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers, Kyoto 2009. Kyoto, 2010. P. 142–143.
 406. Вопросы политогенеза у хазар // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 97–102.
 407. Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) // История наук о Земле. М., 2011. Вып. 4. С. 28–33.
 408. Один из арабских вариантов генеалогии хазар // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011. С. 36–47.
 409. Путешествие МАГРУРУН // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 145–152.
 410. Этноним *бурджан* ал-Хорезми и Агапия Манбиджского как конструкт // XV Сходознавчі Читання А. Кримського. До 140-річчя А.Ю. Кримського та 20-ї річниці Інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського. Тези доповідей Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 жовтня 2011 р. Київ, 2011. С. 11–15.
 411. Восточные источники о столице Хазарии Итиль (состояние проблемы и переводы) // ХА. 2012. Т. 10. С. 62–99.
 412. Мусульманин ал-Мас‘уди о других религиях мира // Человек в мире религиозных представлений. XIV Междунар. конф. по истории религии и религиоведению. 27–31 мая 2012 г. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2012. С. 29–30.
 413. О населении Хазарии (по данным арабо-персидских источников) // XVI сходознавчі читання А.Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. м. Київ, 11 жовтня 2012 р. Київ, 2012. С.83–85.
 414. Рассказ о войне с хазарами и принятии ислама хаканом хазар из «Книги завоеваний» Ибн А‘сама ал-Куфи (о стиле изложения и достоверности) // Славяне и их соседи. XXVI конф. памяти В.Д. Королюка: Образы войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Мат-лы конф. М., 2012. С. 41–45.

415. Символы сакральной власти в Хазарии // *Sacrum et Profanum*. Севастополь, 2012. Вып. 5: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Сб. науч. тр. С. 53–59.
416. Хазарский каганат как государственная структура // *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств*. Мат-лы конф. М., 2012. С. 67–72.
417. Хазарский каганат: признаки кочевничества и оседлости по данным арабо-персидских источников // *История и культура средневековых народов Евразии*. Мат-лы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 13–15.
418. Хазарское государство — кочевая империя? (по сведениям письменных памятников) // ДГ. 2010 год. М., 2012. С. 464–481.
419. Хазары — потомки Кантуры ибн Мактуф, «чистейшей арабки» // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки*. Мат-лы VII конф. Сб. ст. М., 2012. С. 307–312.
420. Элементы кочевничества хазар в описании Ибн А'сама ал-Куфи // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 103–108.
421. Этноним *бурджан* в арабо-персидских сочинениях IX–X вв. // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 192–217.
422. Херсон в арабской географической литературе // *Нартекс. Byzantina Ukrainensis*. Харьков, 2013. Т. 2: 'Ρωμαιοί: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. С. 188–205.
423. Анахронизмы в рассказах средневековых писателей о хазарах // ХА. 2013. Т. 11. С. 96–104.
424. Был ли известен Херсон(ес) в арабской географической литературе IX–X вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании*. Мат-лы XXV Междунар. науч. конф., Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 2. С. 335–338.
425. Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар // *Проблемы джерелознавства, историографії та історії Сходу*. Мат-ли Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження професора Вольфа Менделевича Бейліса (1923–2001). 15–16 травня 2013 року, м. Луганськ. Луганськ, 2013. С. 67–71.
426. Еще раз о славянской дани по информации Ибн Русте // ВЕДС-XXV. М., 2013. С. 119–123.
427. Арабские географы о тюрках как жителях севера // XVII сходовознавчі читання А. Кримського. Тюркський світ у цивілізаційних просторах Євразії. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. м. Київ, 16–18 жовтня 2013 г. Київ, 2013. С. 19–20.
428. Арабские писатели о городах Крыма золотоордынского периода // V науч. чтения памяти У. Боданинского. Бахчисарай. КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». Междунар. науч. конф., Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г. Тезисы докл. и сообщ. Симферополь, 2013. С. 35.

429. «Худуд ал-‘алам» о границах печенегов // Источники по истории кочевников средневековой Евразии. VII Междунар. конф., Звенигород, 20–22 ноября 2013. Тезисы докл. М., 2013. С. 54–56.
430. Ал-Бируни и Йакут: «климаты» шестой и седьмой // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 132–142.
431. Ал-Мас‘уди и Ибн ал-Асир о пребывании Юстиниана II у хазар и болгар // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 11 (34): Элиты и элитарные практики в процессах становления и развития средневековых государств Европы (<<http://history.jes.su/s207987840000959-3-2>>).
432. Ал-Мас‘уди о первых шести Вселенских соборах и разногласиях на них // Великая Схизма: религии мира до и после разделения церквей. Тезисы докл. и сообщ. XVI Междунар. конф. по истории и религиозоведению. Севастополь, 26–31 мая 2014 г. Севастополь, 2014. С. 20–21.
433. Буртасы — мусульмане? // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 108–113.
434. Жанры арабской литературы в творчестве ал-Мас‘уди, писателя и путешественника // Славяне и их соседи. XXVII конф. памяти В.Д. Королюка: Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени. Мат-лы конф. М., 2014. С. 28–32.
435. Места обитания тюрок по представлениям средневековых арабо-персидских писателей // Східний світ / The World of the Orient. Київ, 2014. № 1. С. 35–42.
436. О маджусах арабских источников // XVIII Сходознавч читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. м. Київ, 17–18 октября 2014 г. Київ, 2014. С. 8–9.

И.Г. Коновалова

437. Город Русийа в XII–XIV вв.: К вопросу о топонимии с корнем *рос-* в Крыму и Приазовье // Северное Причерноморье: К истокам славянской культуры. IV Чтения памяти акад. О.Н. Трубачева. Алушка — Херсонес, 22–26 сентября 2006 г. Киев; М., 2006. С. 26.
438. Образы ойкумены в средневековой мусульманской географии // ВЕДС-ХVIII. М., 2006. С. 98–102.
439. Путь купцов-русов на Восток // Средневековая Русь. 2006. Вып. 6. С. 9–28.
440. Andalusian Map // *Chekin L.* Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Text, Translation and Commentary. Turnhout, 2006. P. 59–61 (Terrarum orbis, 4).
441. Волго-Донской путь в арабской географии XII в. // ХА. 2007. Т. 6. С. 133–139.
442. Вхождение Руси в систему политических отношений Хазарии, Халифата и Византии (IX в.) // Средневековая Русь. 2007. Вып. 7. С. 7–30.
443. Еще раз о кагане русов Бертинских анналов // ВЕДС-ХIX. М., 2007. С. 117–119.

444. Предисловие // *Чичуров И.С.* Избранные труды. М., 2007. С. 5–7 (совм. с В.А. Арутюновой-Фиданян).
445. Топоним как концепт // *Одиссей: Человек в истории. 2007: История как игра метафор. Метафоры истории, общества и политики.* М., 2007. С. 212–225.
446. Чернигов на карте ал-Идриси // *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів.* Чернігів, 2007. С. 77–82.
447. Воображаемая география как отражение реальности // *Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Мат-лы междунар. науч. конф.* М., 2008. С. 357–359.
448. Временная глубина пространства в текстах средневековых арабских географов // *Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории.* М., 2008. С. 254–282.
449. Географизация контактов (Арабские источники IX — первой половины X в. о русах) // *ВЕДС-XX.* М., 2008. С. 95–101.
450. Древнейший титул русских князей «каган» // *ДГ. 2005 год.* М., 2008. С. 228–239.
451. Представление о Византийском содружестве государств в арабской географической литературе X в. // *Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докл. XVIII Всерос. науч. сессии византинистов.* Москва, 20–21 октября 2008 г. М., 2008. С. 76–78.
452. Представление о рельефе Земли в средневековой мусульманской географии (гора Каф) // *История наук о Земле: Исследования, этапы развития, проблемы. Мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 25–27 ноября 2008 г.).* М., 2008. С. 40.
453. Сведения о Хазарии в арабской географии XII–XIV вв. // *Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока. Сборник научных статей памяти проф. В.М. Бейлиса.* Луганск, 2008. С. 83–88.
454. Печенежское досье Константина Багрянородного // *ВЕДС-XXI.* М., 2009. С. 139–146.
455. Представление о рельефе Северной Евразии в мусульманской географии XII–XIII вв. // *История наук о Земле.* М., 2009. Вып. 3. С. 109–113.
456. Хазария в арабских географических сочинениях XII–XIV вв. // *ХА.* 2009. Т. 8. С. 217–226.
457. Этнополитическая карта Восточной Европы во второй половине XIII в. (по данным арабского географа Ибн Са'ида) // *Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников.* М., 2009. С. 689–708.
458. Rivers in Arab Medieval Geographical Sources: Problems of Identification // *Abstracts. 14th International Conference of Historical Geographers. 23rd –27th August 2009. Kyoto. Kyoto University.* P. 55.
459. Днепр как путь на восток // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова.* М., 2010. С. 217–224.

460. Маршрутные данные в составе географического текста ал-Идриси // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 130–134.
461. Образы ойкумены в средневековой мусульманской географии // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 135–141.
462. Образы прошлого в структуре географических сочинений ал-Идриси, Ибн Са'ида ал-Магриби и Абу-л-Фиды // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXI междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского нац. комитета по истории и философии науки и техники РАН (22–26 ноября 2010 г.). СПб., 2010. Вып. 26. С. 270–271.
463. Пространство путешественника // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 40–49.
464. Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 88–99.
465. Топоним как способ освоения пространства: «Русская река» ал-Идриси // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Исследования и переводы). М., 2010. С. 377–412.
466. Хазария в сочинениях арабских географов XII–XIV вв. // История: Дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 66–72.
467. Rivers in Arab medieval geographical sources: Problems of identification // Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers, Kyoto 2009. Kyoto, 2010. P. 167–168.
468. Две лоции Северного Причерноморья X–XII вв. // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 167–175.
469. Историческая география в исследовательском поле исторической науки // Историческая география: Пространство человека vs Человек в пространстве. Мат-лы XXIII Междунар. науч. конф., Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 22–30.
470. К вопросу о географии Руси IX — первой половины X в. // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 119–123.
471. «Атлас ислама» (X в.) как инструмент геополитики // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Мат-лы XXXIII междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского нац. комитета по истории и философии науки и техники РАН (26–30 ноября 2012 г.). СПб., 2012. Вып. 28. С. 196–197.
472. Границы Руси IX — середины X веков // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 120–126.
473. Два направления экспансии русов в контексте восточноевропейского политогенеза // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Мат-лы конф. М., 2012. С. 97–102.
474. Двадцать четвертая междунар. конф. по истории картографии (Москва, 10–15 июля 2011 г.) // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 488–501 (совм. В.Э. Булатовым и Л.С. Чекиным).
475. Европа в системе средневекового мусульманского землеописания // В поисках истины: Сборник к юбилею акад. А.О. Чубарьяна. М., 2012. С. 38–53.

476. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 8–19.
477. К истории одного географического образа (Азовское море в средневековой арабской географии) // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: Сборник статей памяти профессора И.С. Чичурова. М., 2012. С. 106–115.
478. «Остров русов» как географический образ // Исторический вестник. 2012. № 1. С. 42–53.
479. Первая международная конференция по исторической демографии и исторической географии (Сыктывкар, 11–14 мая 2011 г.) // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 507–509.
480. Политическая география на средневековых исламских картах // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы). М., 2012. С. 115–126.
481. Пути купцов-русов: Торговля и политика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13) (<<http://history.jes.su/s207987840000425-6-1>>). Печатная версия: С. 130–164.
482. Сасанидский Иран; Завоевания арабов и образование халифата; Халифат Аббасидов и расцвет арабской культуры; Государства Сельджукидов // Всемирная история. В 6 т. М., 2012. Т. 2.: Средневековые цивилизации Запада и Востока. С. 106–115, 217–243, 244–258, 349–357.
483. Political Geography of the 10th Century: Representation of World Empires in Arab Geography // XV International Conference of Historical Geographers. 6.–10. 8. 2012. Prague, Czechia, Charles University in Prague, Faculty of Science. Book of Abstracts. Prague, 2012. P. 166–167.
484. Волго-Донской путь в средневековой исламской географии // Наука и техника. Мат-лы XXXIV Междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского нац. комитета по истории и философии науки и техники РАН (25–29 ноября 2013 г.). СПб., 2013. Вып. 29. С. 214–215.
485. Иран во второй половине XV — XVI веке; Иран в XVII веке // Всемирная история. В 6 т. М., 2013. Т. 3: Мир в раннее Новое время. С. 342–349, 676–681.
486. Историческая география как поле для междисциплинарности: Теория и практика // Вопросы исторической географии. М., 2013 (Вопросы географии. Сб. 136). С. 15–28.
487. К методике анализа маршрутных данных в сочинениях средневековых арабских географов // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 247–256.
488. Карта в историко-географическом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Междунар. науч. конф., Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 1. С. 87–95.
489. Научная конференция «Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 28–29 октября 2013 г.) // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 192–195 (совм. с А.А. Фроловым).

490. От источниковедения к исторической географии: Опыт Института всеобщей истории РАН // Средние века. 2013. Вып. 74, № 3–4. С. 8–26.
491. Печенеги в контексте рассказа Константина Багрянородного о «северных народах» // *Studia et documenta turcologica*. 2013. Nr. 1. P. 269–276.
492. Рецепция античных топонимов в средневековой исламской географии («Европа» и «Скифия») // Проблемы джерелознавства, історіографії та історії Сходу: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження професора Вольфа Менделевича Бейліса (1923–2001 рр.). 15–16 травня 2013 року, м. Луганськ. Луганськ, 2013. С. 107–111.
493. Средневековые арабские географические сочинения: Методики анализа и перевода данных на современную карту // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 104–107.
494. Столицы и границы Халифата (VII–X века) // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Мат-лы конф. 28–29 октября 2013 г. М., 2013. С. 58–61.
495. Geography of state formation: Early Rus in medieval Islamic geography // *Banatica*. 2013. T. 23. P. 471–479.
496. Towards a Historical Geography of Eastern Crimea: The City of Russia in the 12th Century // *The 3rd International Geography Symposium*. June 10–13, 2013 — Kemer, Antalya, Turkey. Abstracts. Istanbul, 2013. P. 188.
497. XV Междунар. конф. по исторической географии. Прага, 6–10 августа 2012 г. // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 520–525 (совм. с М.Е. Проскуряковой, С.В. Рассказовым, А.А. Фроловым).
498. Античный этнопоним на средневековой карте: «Скифия» ал-Идриси // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 249–267.
499. Волго-Донской путь в арабской картографии IX–XII веков // Европа: Международный альманах. 2014. Т. XIII. Вып. 1–2. С. 34–43.
500. Изображение рельефа Северной Евразии в сочинении ал-Идриси: Текст vs карта // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы). М., 2014. С. 251–273.
501. Историческая география на современном этапе: Границы дисциплины // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013. М., 2014. С. 232–244.
502. Мировые империи на средневековых исламских картах // Историја и географија: Сусрети и прожимања. Тематски зборник радова. Београд, 2014. С. 661–671.
503. Об одном спорном этнопониме у ал-Идриси (*ан-н.б̄ариййа*) // «По любви, вь правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014. С. 157–168.
504. Современная историческая география: терминология, проблематика, исследовательские практики // Специальные исторические дисциплины и междисциплинарные проблемы гуманитарного знания. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 8 (31) (<http://history.jes.su/s207987840000928-9-1>).

В.И. Матузова

505. *Badania nad Zakonem Krzyżackim w historiografii rosyjskiej (1995–2005) // Zapiski Historyczne.* 2006. Т. 71, з. 4. С. 107–114 (совм. с В.В. Гончаровым).
506. Верховный магистр Тевтонского ордена Лютер (Людер) Брауншвейгский: Политика и поэзия // ВЕДС-ХІХ. М., 2007. С. 148–150.
507. От «нового воинства» к «новым войнам»: Тевтонский орден на пути из Святой земли в Пруссию // ВЕДС-ХХ. М., 2008. С. 140–145.
508. Пруссы глазами Петра из Дусбурга // Балто-славянские исследования. М., 2008. Вып. ХVІІІ. С. 606–613.
509. Библия как источник поэзии: Книги Библии в поэтической литературе Тевтонского ордена в Пруссии // ВЕДС-ХХІ. М., 2009. С. 197–201.
510. Устная основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга // ВЕДС-ХХІІ. М., 2010. С. 177–182.
511. Время в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 321–330.
512. От «нового воинства» к «новым войнам»: Тевтонский орден на пути из Святой Земли в Пруссию // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 463–476.
513. Тевтонский орден на карте Европы // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова.* М., 2010. С. 252–259.
514. К вопросу создания исторической памяти: Ранние письменные источники Тевтонского ордена в Пруссии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2010. № 1. С. 34–47.
515. Начало государства Тевтонского ордена в Пруссии // ВЕДС-ХХІІІ. М., 2011. С. 180–185.
516. Роль книг Маккавейских в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга: формирование идентичности Тевтонского ордена // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 240–245.
517. Войны Тевтонского ордена в Пруссии и Литве: Конфликт двух культур // ВЕДС-ХХІV. М., 2012. С. 176–181.
518. Деяния Магистра П., которого называют Анонимом // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2013. № 1. С. 68–104 (совм. с М.К. Юрасовым).
519. «...и непокорные выи склонили перед верой...»: Христианизация Пруссии в ХІІІ–ХІV вв. // ВЕДС-ХХVІ. М., 2014. С. 184–188.

Е.А. Мельникова

520. Время в «устных преданиях» Повести временных лет // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца. Мат-лы науч. конф., Москва, 11–12 декабря 2006 г. М., 2006. С. 126–128.
521. Историческая память в германской устной традиции // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.

522. Пространственная ориентация в Повести временных лет // ВЕДС-ХVIII. М., 2006. С. 123–130.
523. Репрезентация устной дружинной традиции в летописных текстах // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Мат-лы XVIII науч. конф. кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 293–295.
524. Рунические мемориальные стелы: на перекрестье язычества и христианства // Шведская мозаика. М., 2006. С. 49–61.
525. Формирование древнешведского государства в региональной перспективе // Сущность и метаморфозы шведской идентичности. Тез. докл. М., 2006. С. 7–9.
526. Trade routes and runic literacy in Eastern Europe // Furs and Runes. Umeå, 2006.
527. Верхнее Поднепровье в представлениях составителя «Повести временных лет», Гнёздово и Смоленск // Роль Смоленска в становлении Российского государства. Смоленск, 2007.
528. Похороны князя-язычника в «Повести временных лет» // ВЕДС-ХIХ. М., 2007. С. 151–157.
529. Пути и народы: К характеристике ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Чернигів в средневіччєй и раннемодерной истории Центрально-Східней Європы. Чернигів, 2007. С. 68–77.
530. Святыни Константинополя в древнескандинавском трактате // Родное и вселенское. Сборник статей к 60-летию Н.Н. Лисового. М., 2007. С. 217–237.
531. «Сказания о первых князьях»: Принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио: Сборник статей в честь Л.П. Репиной. М., 2007. Т. 1. С. 118–131.
532. The Baltic Policy of Jaroslav the Wise // Cultural Interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm, 2007. P. 73–77.
533. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 78–133.
534. Волжский путь в ментальной карте составителя «Повести временных лет» // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. СПб., 2008. С. 128–136.
535. Время устных преданий в составе «Повести временных лет» и время летописца // ДРВМ. 2008. № 3. С. 76–78.
536. «Исторический источник неисчерпаем»: К 40-летию школы В.Т. Папуто // Средние века. М., 2008. Вып. 69 (3). С. 9–45.
537. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 240–249.
538. Легенда об азиатской прародине в средневековой Скандинавии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 359–361.

539. О юридическом статусе Готского двора в XIII в. // XVI Конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. М.; Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 161–164.
540. От редактора // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 6–7 (совм. с И.Н. Данилевским).
541. Отголоски скандинавского язычества в древнерусской воинской культуре // История общественного сознания: становление и эволюция. Сборник памяти А.О. Амелькина. Воронеж, 2008. С. 39–44.
542. Отражение дружинной исторической традиции в Повести временных лет и в Новгородской первой летописи // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена НАН України П.П. Толочка с нагоди його 70-річчя. Київ, 2008. С. 27–33.
543. Пути и народы: К характеристике ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Чернигів в середньвіччєй и раннемодерной истории Центрально-Східней Європи. Чернигів, 2008. С. 68–77.
544. Путь как структурная основа ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 150–156.
545. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 47–75.
546. Темпоральность исторической памяти: «Героические эпохи» германских народов // Время в координатах истории. Тез. междунар. науч. конф. М., 2008. С. 39–42.
547. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // ДРВМ. 2008. № 2 (32). С. 12–26.
548. Формирование древнешведского государства в региональной перспективе // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 13–20.
549. Эймунд Хрингссон, Ингигерд и Ярослав Мудрый: источниковедческие наблюдения // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. М., 2008. С. 144–160.
550. **sakum**-формула в надписи на камне из Рёка // Германистика, скандинавистика, историческая поэтика. К дню рождения О.А. Смирницкой. М., 2008. С. 158–170.
551. Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Хорошие дни... Памяти А.С. Хорошева. В. Новгород; СПб.; М., 2009. С. 340–347.
552. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89–100 (ТГЭ. XLIX).
553. О юридическом статусе Готского двора в Новгороде в середине XIII в. // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009. С. 95–103.

554. Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. 2009. № 3. С. 56–58; № 5. С. 55–57.
555. Ренессанс середньовіччя? Роздуми про міфотворість у сучасній історичній науці // Український історичний журнал. 2009. № 4. С. 17–27.
556. Россия и росы в *De administrando imperio* Константина VII Багрянородного // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 201–209.
557. The Acculturation of Scandinavians in Ancient Rus according to Language and Literacy. Аккультурация скандинавов в Древней Руси по данным языка и письменности // На Запад и на Восток: Межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси. Культура, память, идентичность. Междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 46–48.
558. *Eymundar saga Hringssonar*: literary representation of oral tradition // *Á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of The 14th International Saga Conference, Uppsala, 9th–15th August 2009. Gävle, 2009. Vol. 2. P. 692–693.*
559. Gutagård i Novgorod: dess förhistoria // *Spaden och pennan. Visby, 2009. S. 483–498.*
560. Актуализация устной традиции: германский героический эпос в средневековой Скандинавии // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 193–198.
561. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 43–57.
562. К предыстории Готского двора в Новгороде // История: Дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 184–198.
563. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 142–147.
564. Название Днепра в актуальной и эпической географической номенклатуре Древней Скандинавии // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 260–267.
565. «По обычаю и закону»: об одном из источников сведений Константина Багрянородного о Восточной Европе // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А.Н. Кирпичникова посвящается. В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 507–513.
566. Пространственная ориентация в «Повести временных лет» // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 73–94.
567. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 318–344.
568. Ряд «Сказания о призвании варягов» и его европейские и скандинавские параллели // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время. Сборник статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 249–256.

569. Скандинавы в Англии и Восточной Европе: формы интеграции // Россия и Британия на путях к взаимопониманию. Сб. докл. англо-русского симпозиума. М., 2010. С. 403–416.
570. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 217–241.
571. Современные исследования по источниковедению и истории древней и средневековой Восточной Европы // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 1 (1) (<<http://history.jes.su/s207987840000042-5-2>>).
572. Translating the Bible into heroic epics: Anglo-Saxon religious poems // International Association of Scandinavian Studies 2010. XXVIII Study Conference 3–7 August. Translation — Adaptation, Interpretation, Transformation. Programme and Abstracts. Lund, 2010. P. 155.
573. **sakum**-formula of the Rök inscription in the context of oral tradition // Run-symposium. Oslo, 2010 (<<http://www.khm.uio.no/forskning/publikasjoner/runenews/7th-symp/template.html>>).
574. 25 лет исследований и дискуссий. Конференция «Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто» // Вестник РГНФ. 2011. № 3 (64). С. 178–183.
575. Заложники и клятвы: Процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. М., 2011. С. 111–182.
576. Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 255–268.
577. <Народная этимология как фальсификат исторического источника>. Выступление на круглом столе «Фальсификация источников и национальная история» (Москва, 17 сентября 2007 г.) // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 326–330.
578. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 188–197.
579. Преодоление множественности времен: Темпоральный аспект передачи устной исторической традиции в «Повести временных лет» // Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 338–348.
580. Пространство в культуре средневековой Европы: структура и особенности восприятия // Историческая география: Пространство человека vs. Человек в пространстве. Мат-лы XXIII Междунар. науч. конф. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 70–72.
581. Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 67–84.
582. Русь и Норвегия в североевропейском контексте // Долгое средневековье. Сборник в честь проф. А.А. Сванидзе. М., 2011. С. 149–154.
583. Сокровищница сведений о Древней Руси // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 2011. № 14. С. 10–23.

584. 911: retour sur les traités // Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Âge (VIIIe-XVe s.) [Catalogue de l'exposition], Caen, Musée de Normandie, 24 juin — 31 octobre 2011. P., 2011. P. 19–25 (avec P. Bauduin).
585. Cyrillic inscriptions from Gotland and the twelfth century Gotlandic-Novgorodian contacts // De hundra kyrkornas ö. Visby, 2011 (Årsbok för Gotlands kyrkohistoriska sällskap. 2011). S. 101–112.
586. How Christian were Viking Christians? // Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks. Kiev, 2011 (Ruthenica: Supplementum 4). P. 90–107.
587. L'acculturation des Scandinaves en Europe orientale: quelques jalons pour une comparaison // Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Âge (VIIIe-XVe s.) [Catalogue de l'exposition], Caen, Musée de Normandie, 24 juin — 31 octobre 2011. P., 2011. P. 27–29 (avec P. Bauduin)
588. The Baltic on the mental map of the Old Russian annalist // The Image of the Baltic: A Festschrift for Nils Blomkvist. Visby, 2011. S. 11–22.
589. Англо-Саксонская Англия // Всемирная история. М., 2012. Т. 2: Средние века. С. 195–202.
590. Византия и христианизация Скандинавии // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: Сборник статей памяти профессора И.С. Чичурова. М., 2012. С. 211–225.
591. Геополитические и геоэкономические предпосылки образования Древнерусского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13): Начала древнерусского государства (<<http://history.jes.su/s207987840000417-7-1>>). Печатная версия: С. 29–44.
592. Геополитические и геоэкономические предпосылки образования Древнерусского государства // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа Президиума АН РФ. М., 2012. С. 254–261.
593. Геоэкономические предпосылки возникновения древнерусской государственности // В поисках истины: Сборник к юбилею акад. А.О. Чубарьяна. М., 2012. С. 54–82.
594. Германский героический эпос в средневековой Скандинавии: актуализация традиции // Самые забавные лживые саги. Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной. М., 2012. С. 122–137.
595. Домонгольская Русь // Всемирная история. М., 2012. Т. 2: Средние века. С. 372–398.
596. «Дружиною налѣзу сребро и злато»: военно-торговая экономика Древнерусской элиты X в. // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 181–188.
597. Зарождение государств в макробалтийском регионе // Всемирная история. М., 2012. Т. 2: Средние века. С. 499–506.
598. «...И Рюрика не было бы без Шарлеманя... Образование Древнерусского государства в европейском контексте // Родина. 2012. № 9. С. 30–35.
599. «Клятва мира» в скандинавских источниках и клятвы договоров с норманнами // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов архео-

- графии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 71–73.
600. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на Западе и Востоке Европы // Исторический вестник. 2012. Т. 1 (148). С. 26–41.
601. Подводя первые итоги: К 45-летию издания Свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 35–50.
602. Скандинавия // Всемирная история. М., 2012. Т. 2: Средние века. С. 406–414.
603. Юбилей «1150 лет российской государственности» и некоторые итоги изучения генезиса Древней Руси // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13): Начала древнерусского государства (<<http://history.jes.su/issue.2012.3.8.5-13>>) (совм. с А.С. Щавелевым). Печатная версия: С. 5–7.
604. The ‘Varangian problem’: science in the grip of ideology and politics // Russia’s identity in international relations: images, perceptions, misperceptions. Routledge, 2012. P. 42–52.
605. Две экономики периода образования древнерусского государства (постановка проблемы) // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 51–68.
606. К социальной характеристике скандинавских антропонимов в домонгольской Руси // Атлантика. Записки по исторической поэтике. М., 2013. Вып. 10. С. 104–115.
607. Новая скандинавская руническая надпись из собора св. Софии в Константинополе // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 521–529.
608. От дара к рынку: Гуннар Хамундарсон между двух экономических систем // ВЕДС-XXV. М., 2013. С. 193–198.
609. От эмпория к столице: Средняя Швеция V–XIII вв. // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Мат-лы конф. 28–29 октября 2013 г. М., 2013. С. 97–102.
610. Ссылки на «старый мир» и «старину» в договорах Новгорода с Готским берегом и немецкими городами XII–XIII вв. // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 91–92.
611. Христианство викингов в древнескандинавской устной традиции и свидетельствах современников // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 363–407.
612. Mental maps of the Old Russian chronicle-writer of the early twelfth century // From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchanges between the Baltic to the Black Sea. Aarhus, 2013. P. 16–38.
613. Runic inscriptions as a memorization tool: between orality and literacy // Studia historyczne. Kraków, 2013. Rok LVI, zesz. 3 (223): Re-mapping Runic Landscapes. S. 311–325.
614. Древнескандинавские представления о пространстве в зеркале языка // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 177–191.

615. «Кольца клятвы» в древнескандинавской правовой традиции // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 103–110.
616. Отэтнонимические имена в русско-византийском договоре 944 г. // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 214–222.
617. Правитель-христианин в языческом мире: княгиня Ольга и Хакон Добрый // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 188–194.
618. Росы и их пактиоты в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина М., 2014. С. 75–88.
619. Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 18–24.
620. Христианизация Скандинавии: путь с востока // Владимир Святой и крещение Руси. Междунар. конф. Киев, 2014. С. 102–117.
621. «Я помню тебя...»: бытовая руническая письменность в Скандинавии // *Stratum plus*. 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. Памяти Ю.М. Лесмана. С. 1–11.
622. Acculturation of Scandinavians in Ancient Rus' as Reflected by Language and Literacy // *Vers l'Orient et vers l'Occident. Regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne*. Caen, 2014. P. 363–375.

А.В. Назаренко

623. Был ли крещен киевский князь Ярополк Святославич, или кое-что об «исторической реальности» // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 66–72.
624. Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 279–290.
625. К истории православного паломничества // ПП. 2006. № 4 (29). С. 16–18.
626. Николай Николаевич Лисовой // Родное и вселенское: К 60-летию Н.Н. Лисового. М., 2006. С. 7–37 (совм. с С.Ю. Житеневым, Я.Н. Щаповым).
627. О методе церковного историка // Родное и вселенское: К 60-летию Н.Н. Лисового. М., 2006. С. 250–266.
628. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // ДРВМ. 2007. № 1 (27). С. 85–101.
629. Hauptstadt und fürstliche Residenz in der Rus' (im 9.–12. Jahrhundert) // *Deutsche Königspfalzen: Beiträge zu ihrer historischen und archäologischen Erforschung*. Bd. 8: Places for Power — Orte der Herrschaft — Lieux du Pouvoir. Göttingen, 2007. S. 277–288 (Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte. Bd. 11/8).
630. Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. // Средневековая Русь. 2007. Т. 7. С. 71–119.

631. «Слы и гостие»: О структуре политической элиты Древней Руси в первой половине — середине X века // ВЕДС-ХІХ. М., 2007. С. 169–174.
632. Святая Елизавета Тюрингенская и преподобномученица Елисавета (великая княгиня Елизавета Федоровна) // Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) в истории русского государства и культуры. Мат-лы церковно-науч. конф., посвящ. 100-летию со дня трагической гибели великого князя Сергея Александровича, 17–18 февраля 2005 года. М., 2007. С. 110–119.
633. Международная торговля еврейских купцов в Европе и на Ближнем Востоке в первые века Древнерусского государства (IX–X вв.) // ППС. 2007. Вып. 105. С. 145–155.
634. Киевский митрополит Иоанн I // ДРВМ. 2007. № 3 (29). С. 76–77.
635. *Герберштейн С.* Московия / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; сост., предисл. и коммент. З. Ножниковой. М., 2007.
636. «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII веке // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2008. Т. 5. С. 83–96.
637. Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 30–54.
638. Греч. *Ρωμαιοι* — др.-русск. *грѣци/хрѣстьяни* (псевдоэтноним на «пути из варяг в греки») // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 164–166.
639. Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей в X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 132–179.
640. Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. // Славяно-германские исследования. М., 2008. Т. 3: От имени — к фактам. С. 15–67.
641. К истории православного паломничества // Православное паломничество: традиции и современность. II-я общецерковная конф., 28–29 ноября 2005 г. М., 2008. С. 32–37.
642. Византийские иерархи на русских кафедрах в домонгольское время // Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории (Первый российско-греческий форум гражданских обществ. Мат-лы конф.). Афины; М., 2008. С. 66–72.
643. *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии / Под ред. А.Л. Хорошкевич; пер. с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, перевод с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. М., 2008. Т. 1–2.
644. «Слово на обновление Десятинной церкви» — одно или два «Слова»? // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 231–236.
645. Об обстоятельствах учреждения Смоленской епископии // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009. С. 468–481.
646. Βυζαντινὶ ἱεραρχεὶς στὶς ἐπισκοπικὲς ἐδρεὶς τῆς Ρωσσίας κατὰ τὴν προ τῆς ἐπιδρομῆς τῶν Μογγόλων περίοδο // Διαχρονικὲς σχέσεις καὶ προοπτικὲς συνεργασίας στὸν 21ο Αἰῶνα. Αθήνα, 2009. Σ. 85–91.

647. Несостоявшееся посольство папы Евгения III (1145–1153) на Русь // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 81–82.
648. К юбилею друзей // ПП. 2009. № 8 (51). С. 10.
649. *Η ΕΧΩ ΡΩΣΙΑ*: К политической географии Древнерусского государства середины X века // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 294–301.
650. К спорам о происхождении названия Киева, или о важности источниковедения для этимологии // *Forma formans: Studi in onore di Boris Uspenskij*. Napoli, 2010. Vol. 2. P. 85–99.
651. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 411–425 (ТГЭ. Т. XLIX).
652. Русь и Святая Земля в домонгольское время (XI — первая треть XIII в.) // Русская Палестина: Россия в Святой Земле. СПб., 2010. С. 220–227.
653. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России в средние века и раннее новое время: Сборник статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 268–283.
654. Кнут Лавард, Лотарь III и Мстислав Великий // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 284–303.
655. Русские люди в Святой земле // Русская история. М., 2011. № 3 (17). С. 20–23.
656. Вместо предисловия // *Пауто В.Т.* Древняя Русь, Прибалтика, папство. Избранные статьи. К 90-летию В.Т. Пауто. М., 2011 (ДГ. 2008 год). С. 5–8.
657. Договоры Немецкого ордена и его союзников с куршами, земгалами и сааремасцами 1230–1284 гг. / Перев. с лат., ред. лат. оригинала, русск. перевода и примеч. А.В. Назаренко // *Пауто В.Т.* Древняя Русь, Прибалтика, папство. Избранные статьи. К 90-летию В.Т. Пауто. М., 2011 (ДГ. 2008 год). С. 375–398.
658. Христбургский (Кишпоркский) договор 1284 г. / Перев. с лат., ред. лат. оригинала, русск. перевода и примеч. А.В. Назаренко // *Пауто В.Т.* Древняя Русь, Прибалтика, папство. Избранные статьи. К 90-летию В.Т. Пауто. М., 2011 (ДГ. 2008 год). С. 453–472.
659. Послания Гедимины / Перев. с лат., ред. лат. оригинала, русск. перевода и примеч. А.В. Назаренко // *Пауто В.Т.* Древняя Русь, Прибалтика, папство. Избранные статьи. К 90-летию В.Т. Пауто. М., 2011 (ДГ. 2008 год). С. 496–570.
660. Послание хана Абаки папе Клименту IV / Перев. с лат., ред. лат. оригинала, русск. перевода и примеч. А.В. Назаренко // *Пауто В.Т.* Древняя Русь, Прибалтика, папство. Избранные статьи. К 90-летию В.Т. Пауто. М., 2011 (ДГ. 2008 год). С. 587–590.
661. «А руская грамота Богом дана...» // День славянской письменности и культуры. М., 2012. С. 9–14.

662. Русские княгини в Святой земле // Императорское Православное Палестинское общество: К 130-летию со дня основания. Междунар. науч. конф., Москва, 10 ноября 2011 г. М., 2012. С. 87–98.
663. Die Regensburger *Ruzarii*. Der bayerisch-russische Handel des Mittelalters (vornehmlich des 12. bis 13. Jahrhunderts) // Bayern und Russland in vormoderner Zeit: Wegmarken der Annäherung bis in die Zeit Peters des Grossen. Symposion der Kommission für bayerische Landesgeschichte bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 22. bis 24. Februar 2012. München, 2012. S. 15–38.
664. «Русь и другие восточные народы пусть приходят беспошлинно»: торговые связи между древнерусскими и немецкими землями в домонгольское время // Русские и немцы: 1000 лет истории, искусства и культуры. Гос. историч. музей (Москва), 21 июля 2012 г. — 25 августа 2012 г.; Новый музей (Берлин), 6 октября 2012 г. — 13 января 2013 г. Берлин; М., 2012. Т. 1. С. 48–51.
665. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 13–35.
666. Русь IX века: север и юг // 1150 лет Российской государственности и культуры: Мат-лы к Общему собранию РАН, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 38–52.
667. [интервью] Выбор князя Владимира: логика личной судьбы и логика истории // Родина. 2012. № 9. С. 88–92.
668. «Слово на обновление Десятинной церкви» (к текстологии памятника) // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: Сборник статей памяти профессора И.С. Чичурова. М., 2012. С. 229–252.
669. К вопросу об обстоятельствах перевода договоров Руси с греками на славянский язык // *Ruthenica*. 2012. Т. 11. С. 146–152.
670. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...» Андрей Боголюбский в русской истории и культуре (Междунар. науч. конф., Владимир, 5–6 июля 2011 года). Владимир, 2013. С. 12–35.
671. Династический статус Курского Посемья в составе Новгород-Северского княжества в XII в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014. С. 169–178.
672. *ΠΤΩΡ, ΒΑΡΑΓΓΟΙ* и др. (о вероятных следах ассимилятивных процессов в языке восточноевропейских скандинавов в X веке) // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 223–236.
673. [интервью] «Неожиданный» Сергей: поборник Русского мира, церковник и аскет-исихаст // Родина. 2014. № 5. С. 20–22.
674. Династические коллизии в Древней Руси и начальная история Ростовской епископии (XI — начало XIII в.) // Современные проблемы изучения истории Церкви. Сб. докладов междунар. конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, 7–8 ноября 2011 г.). М., 2014. С. 214–236.

675. Рюриковичи и Арпады в XI–XII веках // Россия и Венгрия на перекрестках истории: Альманах. Ставрополь; Капошвар; М., 2014. Вып. 1. С. 54–59.
676. Переяславская митрополия на Руси на рубеже XI–XII вв. (династическая и внешнеполитическая подоплека церковной географии) // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 192–211.
677. Городские центры или зоны полюдьа? О политической структуре Киевской Руси первой половины — середины X в. // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 38–44.
678. Князь и дружина в эпоху договоров Руси с греками // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014. С. 14–24.
679. Святость и монастырь: «Causa s. Galli» vs. «Киево-Печерский патерик (Лаборатория медиевистических исследований НИУ ВШЭ; 8-я академич. дискуссия из цикла «Дискуссионное средневековье» на тему «Святость и святые в христианской культуре Запада и Востока Европы», 11 сентября 2014 г.) (<<http://medieval.hse.ru/news/139891023.html>>).

И.М. Никольский

680. Юлиан Толедский. «История короля Вамбы» / Пер., вступ. ст., коммент. // Кентавр/Centaurus. Studia Classica et mediaevalia. 2006. Вып. 3. С. 203–257 (совм. с О.В. Ауровым и К.И. Тасицом).
681. Клятва верности в политической идеологии вестготской Испании второй половины VII века (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // Древнее право. 2007. № 19. С. 172–183.
682. «История короля Вамбы» Юлиана Толедского — последний памятник вестготской историографии // Работа памяти. Сб. ст. студентов и выпускников РГГУ. М., 2008. С. 108–133.
683. Луций Фирмиан Лактанций как историк: проблема источников «*De mortibus persecutorum*» // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 243–248.
684. Образ идеального правителя в литературе вестготской Испании второй половины VII в. (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // Вестник РГГУ. 2010. № 2 (45). С. 46–63.
685. De mortibus persecutorum Луция Фирмиана Лактанция: источники христианского историка // Вестник РГГУ. М., 2010. № 10. С. 223–230.
686. Историописание как инструмент политической идеологии в период формирования домината: De mortibus persecutorum Луция Фирмиана Лактанция // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 3 (11) (<<http://www.history.jes.su/s207987840000386-3-1>>).
687. Историописание как инструмент политической пропаганды в вестготской Испании конца VII в.: «История короля Вамбы» Юлиана Толедского // Средние века. 2012. Вып. 73 (3–4). С. 315–325.
688. Книга третья. О супружеских отношениях // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012 (пер. совм. с О.В. Ауровым и А.В. Мареем).

689. Как язычники превратились в варваров: образ врага у христиан эпохи заката Римской империи (по данным De mortibus persecutorum Луция Фирмиана Лактанция) // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 202–207.

С.Л. Никольский

690. Древнейшая Правда Ярослава: Дружинное право в становлении государственного законодательства // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 55–67.

А.В. Подосинов

691. Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // ВЕДС-XVIII. М., 2006. С. 153–159.

692. Легенды об основании греческих колоний Северного Причерноморья: Историческое предание и/или литературная фикция // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. Мат-лы междунар. науч. конф., Тамань (Россия), октябрь 2000. СПб., 2006. С. 138–141.

693. «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов...» О месте Иерусалима на средневековых картах // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Мат-лы междунар. симпозиума. М., 2006. С. 30–34.

694. К вопросу о локализации острова Ахилла // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2. С. 5–12.

695. Карта мира на службе правителя (о пропагандистской роли карт в древнем Риме) // ВЕДС-XIX. М., 2007. С. 191–196.

696. Greeks and Iranians in Olbia region in the first centuries AD // International and Interdisciplinary Conference “Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes”. Barcelona, 2007. P. 45.

697. Великая степь в средневековье // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 66–101.

698. Иерусалим — центр мира // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 22–35.

699. Как Александр Македонский оказался на Дону? (Пространство пути и пространство карты) // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 176–182.

700. Морские проливы в античной картине мира: их значение и функции // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 361–363.

701. Новонайденная поздневизантийская карта мира и некоторые проблемы истории древней картографии // История наук о Земле: Исследования, этапы развития, проблемы. Мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 25–27 ноября 2008 г.). М., 2008. С. 86–87.

702. Первая речь Цицерона против Катилины // Discipuli magistro: К 80-летию Н.А. Федорова (Orientalia et classica. XV). М., 2008. С. 482–489.

703. Племена Великой степи // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 44–57.

704. Пространственные представления тюрков // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 58–65.
705. *Гублий Вергилий Марон*. Первая песнь «Энеиды» // *Discipuli magistro*: К 80-летию Н.А. Федорова (*Orientalia et classica*. XV). М., 2008. С. 500–510.
706. Туран и его место в пространстве и времени // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 36–43.
707. Цветовая символика стран света в Древнем Китае // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 320–323.
708. Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. III. Die Flußverbindungen zwischen dem Baltischen und dem Schwarzen Meer nach Angaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Geokartographie // *Ancient West and East*. 2008. Vol. 7. P. 107–134.
709. *Disciplina Etrusca* и процессии в Риме // *Вестник истории, литературы, искусства*. М., 2008. Т. 6. С. 53–72.
710. Newly found Byzantine world map of the 15th century // 14. Kartographiehistorisches Colloquium. Hamburg. 6.–8. November, 2008. Abstracts. Hamburg, 2008. P. 20.
711. Агафимер. Очерк географии. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий // *Труды кафедры древних языков историч. ф-та МГУ*. М., 2009. Вып. 2. С. 167–181.
712. Архетипы восприятия пространства у homo sapiens // *Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья*. Межвуз. сб. Алматы, 2009. Вып. 1. С. 305–317.
713. Введение // *Силий Италик*. Пуника (поэма о Второй Пунической войне). Книга Первая. М., 2009. С. 5–12.
714. Великие греческие кифареды на гастролях в Пантикапее? // *Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира*. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 89–92.
715. Литургическое движение в сакральном пространстве: Об античных истоках восточнохристианской обрядности // *Иеротопия*. Сравнительные исследования сакральных пространств. М., 2009. С. 50–65.
716. «Очерк географии» Агафимера и его источники // *ВЕДС-XXI*. М., 2009. С. 268–274.
717. Предисловие // *Труды кафедры древних языков историч. ф-та МГУ*. М., 2009. Вып. 2. С. 5–7.
718. «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов...». О месте Иерусалима на средневековых картах // *Новые Иерусалимы*. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 11–34.
719. Barbarians and Greeks in the Northern Pontus in the Roman Period: Dio Chrysostom's Account of Olbia and Archaeology // *Ancient West and East*. 2009. Vol. 8. P. 147–168.

720. Europe as an Island in Ancient and Medieval Geocartography // Abstracts. 14th International Conference of Historical Geographers. 23rd — 27th August 2009, Kyoto. Kyoto University, 2009. P. 82.
721. Sea Straits in the Ancient World Picture: Their Meaning and Functions // 4th International Congress on Black Sea Antiquities. The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC — 5th Century AD) (Istanbul — 14–18 September 2009). Summaries of Papers. Istanbul, 2009. P. 75–76.
722. Zur Ausrichtung antiker kultischer Umzüge // Die Landschaft und die Religion. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 9. 2005. Stuttgart, 2009. S. 240–257 (Geographica Historica. Bd. 26).
723. Вновь найденная поздневизантийская карта мира // ВВ. 2010. Вып. 69. С. 230–247.
724. Время и пространство в архаической картине мира // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М., 2010. С. 362–376.
725. Как Александр Македонский оказался на Дону? (Пространство пути и пространство карты) // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 264–284.
726. Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 5–21.
727. О процессах в античном Риме // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 225–232.
728. О работе античных географов со своими источниками (опыт классификации) // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 225–230.
729. О семантике латинских этнонимов с суффиксом *-ic-* // Классика... и не только. Нине Владимировне Брагинской (Orientalia et Classica. XXXIII). М., 2010. С. 158–172.
730. Путешествие по античной ойкумене: о принципах организации географического описания в «Хорографии» Помпония Мелы // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 11–23; перепечатано в: Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 11–22.
731. Таманский полуостров в античной картографии // Античное наследие Кубани. В 3-х т. М., 2010. Т. 1. С. 373–386.
732. De nonnullis locis communibus in barbaris septentrionalibus describendis apud scriptores Latinos // Аристей. 2010. Т. I. С. 35–40.
733. Europa as an island in ancient and medieval geocartography // Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers. Kyoto 2009. Kyoto, 2010. P. 220–221.
734. Lectori benevolo salutem! От главного редактора // Аристей. 2010. Т. I. С. 5–6.
735. Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 224–232.
736. Изучение пространственной картины мира у архаических народов Евразии в свете историко-антропологических идей А.Я. Гуревича //

- Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 116–132.
737. Название Азовского моря у греков, римлян, готов, варягов // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 641–645 (совм. с Т.Н. Джаксон).
738. Океан, моря, проливы и реки в архаической картине мира древних греков // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 345–356.
739. Anonymi Periplus Ponti Euxini (2037) // Die Fragmente der Griechischen Historiker continued Part V. Brill, 2011. Brill Online. BNJ-contributors. 05 April 2011 (<http://www.brillonline.nl/subscriber/entry?entry=jcv_a2037>).
740. Lectori benevolo salutem! От главного редактора // Аристей. 2011. Т. III. С. 5–6.
741. Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды кафедры древних языков историч. ф-та МГУ. М., 2012. Вып. 3. С. 146–185.
742. Геополитические факторы образования Боспорского царства // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 286–288.
743. К идентификации реки Аксен в Нуг. Intr. 6 // Аристей. 2012. Т. VI. С. 226–227.
744. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея // Аристей. 2012. Т. V. С. 72–113.
745. Предисловие // Труды кафедры древних языков исторического историч. ф-та МГУ. М., 2012. Вып. 3. С. 5–7.
746. Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики // Аристей. 2012. Т. VI. С. 157–187.
747. Attaci, Attacores или Attacori (Plin. IV, 90)? // Аристей. 2012. Т. VI. С. 234–236.
748. Lectori benevolo salutem! От главного редактора // Аристей. 2012. Т. V. С. 5–6.
749. Le royaume du Bosphore Cimmérien aux époques grecque et romaine: Un aperçu // Études pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire. Lausanne, 2012. P. 87–109.
750. Bithynia, Paphlagonia and Pontus on the *Tabula Peutingeriana* // The Black Sea, Paphlagonia and Pontus in Antiquity: Aspects of Archaeology and Ancient History. Oxford, 2012. P. 203–206.
751. Große Meerengen im archaischen Weltbild der Griechen oder Wohin fuhr Odysseus? // 15. Kartographiehistorisches Colloquium. München, 2010. Vorträge — Berichte — Posterbeiträge. Bonn, 2012. S. 209–211.
752. Oben und unten. Begriffe der Raumorientierung in antiken Texten // Vermessung der Oikumene — Mapping the Oecumene. B., 2012. S. 5–23.
753. Демодам или Демодамант? // Аристей. 2013. Т. VII. С. 181–183.

754. Еще раз о протоэллинизме на Боспоре // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 186–191.
755. Научные путешествия в античной литературе: от реальности к фикции // X Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2–5 июля 2013 г. Тезисы докл. М., 2013. С. 283.
756. О границе между Азией и Европой в Северном Причерноморье // Аристей. М., 2013. Т. VII. С. 189–191.
757. Образ Скифии в античности: экономический аспект // ВЕДС-XXV. М., 2013. С. 221–226.
758. Роман о гиперборейях Гекатея Абдерского (проблемы интерпретации) // ВДИ. 2013. № 1. С. 116–129.
759. Странствования Ио в «Прометее Прикованном» Эсхила и архаическая картина мира греков // Аристей. 2013. Т. VII. С. 20–45.
760. Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 165–191 (совм. с Т.Н. Джаксон).
761. *Lectori benevolo salutem!* От главного редактора // Аристей. 2013. Т. VII. С. 5–6.
762. Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des fruhen Mittelalters. IV. Odysseus im Schwarzen Meer? Okeanische Fahrten der griechischen Helden und archaisches Weltbild der Griechen // *Ancient West and East*. 2013. Vol. 12. S. 205–236.
763. Sea Straits in the Ancient World Picture: Their Meaning and Functions // *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millenium BC — 5th Century AD)*. Proceedings of the Forth International Congress on Black Sea Antiquities. Istanbul, 14th — 18th September 2009. Oxford, 2013. P. 3–6.
764. Verbindung zwischen dem Schwarzen Meer und der Adriatik durch Ozean und/oder Donau im Weltbild der archaischen Griechen // *Fifth International Congress on Black Sea Antiquities. The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC — 10th Century AD)* (Belgrade, 17–21 September 2013). Belgrade, 2013. P. 73.
765. Wissenschaftliche Reisen in der Antike // *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg*. 16.–19. April 2013. Abstracts. St. Petersburg, 2013. S. 100.
766. Был ли Овидий в ссылке? // Аристей. 2014. Т. IX. С. 263–268.
767. Введение // ДГ. 2012 год. М., 2014. С. 12 (совм. с О.Л. Габелко).
768. Место Скифии в географической картине мира древних греков до Геродота // *Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой*. М., 2014. С. 212–230.
769. Миграции народов в «Космографии» Равеннского Анонима // *Славяне и их соседи. XXVII конф. памяти В.Д. Королюка: Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени*. Мат-лы конф. М., 2014. С. 66–70.

770. Мог ли Геродот встретиться в Ольвии с Тимном, наместником скифского царя Ариапифа? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XVIII. Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. 23–25 июня 2014 г. СПб., 2014. С. 789–793.
771. Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма // ДГ. 2012 год. М., 2014. С. 123–140.
772. О связи Азовского моря с Северным океаном и Черным морем в античной географии // Аристей. 2014. Т. X. С. 345–350.
773. Плавание по Северному океану в античности: миф, утопия, реальность // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 83–98.
774. Предисловие // Многоязычный словарь латинских выражений. М., 2014. С. 5–9.
775. Проблемы образования Боспорского царства: Введение // ДГ. 2012 год. М., 2014. С. 13–17.
776. Скифские генеалогические легенды и их связь с греческим пантеоном: некоторые наблюдения // ВЕДС-XXVI. М., 2014. С. 223–230.
777. Тит Кальпурний Сикул. I Буколика / Подгот. А.В. Подосинов // Аристей. 2014. Т. X. С. 257–262.
778. Тит Кальпурний Сикул. Буколики II и III / Подгот. А.В. Подосинов // Аристей. 2014. Т. X. С. 248–257.
779. Lectori benevolo salutem! От главного редактора // Аристей. 2014. Т. IX. С. 5–6.
780. Lectori benevolo salutem! От главного редактора // Аристей. 2014. Т. X. С. 5–6.
781. [Editor's Preface] // The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography. Leuven; P.; Walpole (Mass.), 2014 (Colloquia antiqua. 12). P. 1.
782. Introduction: The Periphery of the Classical World as seen from the Centre. Mastering the Oikoumene // The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography. Leuven; P.; Walpole (Mass.), 2014. (Colloquia antiqua. 12). P. 1–5.
783. The Indians in Northern Europe? On the Ancient Roman Notion of the Configuration of Eurasia // The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography. Leuven; P.; Walpole (Mass.), 2014. (Colloquia antiqua. 12). P. 133–145.

Л.В. Столярова

784. Книга в культуре Древней Руси (XI–XIV вв.) // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 50–74.
785. О начальном этапе в истории книги Древней Руси (XI–XIV вв.) // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 2. С. 50–62.
786. Еще раз о происхождении Рязанской кормчей 1284 г. // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 118–138.

787. Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 3: Заказчики XIII в., упомянутые в записях на книгах (продолжение) // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 348–382.
788. Еще раз о библиогеографии средневековой Руси (XI–XV вв.) // ВЕДС-ХVIII. М., 2006. С. 178–181.
789. К юбилею Сергея Михайловича Каштанова // Ростовский вестник. 2007. 20 февр. № 13. С. 8.
790. Новгородское восстание 1269 г. и проблема происхождения Симоновского евангелия // ВЕДС-ХIХ. М., 2007. С. 244–252.
791. Юбилей Сергея Михайловича Каштанова // Вестник церковной истории. М., 2007. № 3 (7). С. 295–296 (подпись: Друзья, коллеги и ученики).
792. Обмен дарами между русским правительством и Афоном в XVI в. 1509–1571 г. // Первый российско-греческий форум гражданских обществ. Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории. Мат-лы конф. Афины, М., 2008. С. 79–89.
793. Этапы большого пути (еще раз о путешествии Наслава из Киева в Константинополь и обратно с Мстиславовым евангелием) // ВЕДС-XX. М., 2008. С. 25–30.
794. Еще раз о протографе Рязанской кормчей 1284 г. // Россия и мир: Панорама исторического развития. Сб. науч. статей, посвящ. 70-летию историч. ф-та УрГУ им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 190–207.
795. Рукописная книга во Франкском государстве и на Руси // Имперский вопрос — национальный ответ. Сб. науч. ст. М., 2009. С. 127–146.
796. Новгородское восстание 1269 г. и «Симон чернец от святого Георгия»: еще раз о заказчике Симоновского евангелия // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 277–290.
797. Об источниках выходной записи Кормчей 1284 г. и интерпретации их сведений рязанскими писцами // ВЕДС-XXI. М., 2009. С. 307–313.
798. Дары московских государей иерархам и монастырям христианского Востока в XVI веке // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейской и азиатских монархий и империй. Вторая междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 года. Тез. докл. М., 2009. С. 169–172.
799. К истории психиатрии в России XVI в. // Философские проблемы биологии и медицины. М., 2009. Вып. 3: Традиции и новации. С. 514–517 (совм. с П.В. Белоусовым).
800. Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 4: Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах (Продолжение) // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 461–508.
801. Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 4: Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах (Продолжение) // ДГ. 2009 год. М., 2010. С. 477–488.

802. Филиграни и кодикологическая структура копийной книги Павло-Обнорского монастыря конца XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 265–292 (совм. с С.М. Каштановым).
803. Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 2. С. 49–54 (совм. с П.В. Белоусовым).
804. Еще раз о гибели царевича Дмитрия Угличского // Мининские чтения: Тр. участников междунар. науч. конф. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Н. Новгород, 2010. С. 12–23. (совм. с П.В. Белоусовым).
805. Об одном эпизоде реактивной депрессии: патогенез и лечение в конце XVI в. // Философские проблемы биологии и медицины: Фундаментальное и прикладное. М., 2010. Вып. 4. С. 471–474 (совм. с П.В. Белоусовым).
806. Роль княжеской власти и церкви в организации книгописания на Руси в конце XIII в. // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 269–273.
807. «Камчуга в ногах»: Еще раз о причине смерти Ивана Ивановича Молодого в 1490 г. // Философские проблемы биологии и медицины. М., 2011. Вып. 5. С. 365–369 (совм. с П.В. Белоусовым).
808. Новое в изучении Угличского следственного дела // Исторический источник и проблемы российской истории. Сб. науч. статей. Казань, 2011. С. 165–173 (совм. с П.В. Белоусовым).
809. Цена врачебной ошибки конца XV века: смерть от «камчуги» // Исторический журнал — научные исследования. 2011. № 5. С. 44–48 (совм. с П.В. Белоусовым).
810. «Идеальный ученик»: С.М. Каштанов в воспоминаниях А.А. Зимина // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 21–27 (совм. с М.А. Базановым)
811. К предыстории династического кризиса конца XV в.: еще раз о смерти Ивана Ивановича Молодого // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 497–503 (совм. с П.В. Белоусовым).
812. К юбилею Сергея Михайловича Каштанова (вместо предисловия) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 16–18.
813. С.М. Каштанов — археограф. К юбилею ученого // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 22–29.
814. К типологическому и синхронистическому сопоставлению начальной истории книги Древней Руси и варварских королевств Европы. Ч. 1: Книга во Франкском государстве и на Руси (XI–XIV вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Междунар. науч. конф., Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 1. С. 131–154.

815. К экономической истории книги Древней Руси XI–XIII вв. // ВЕДС-XXV. М., 2013. С. 240–244.
816. Краковский поход Телебуги и Ногая (Историко-географический аспект) // Проблемы истории России. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2013. С. 61–72.
817. Материалы Угличского Следственного дела о гибели царевича Дмитрия в 1591 г.: новый опыт исторической реконструкции // Люди и тексты: Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 171–243 (совм. с П.В. Белоусовым).
818. К истории русско-греческих отношений в XVI в. // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Мат-лы Междунар. науч. конф. в честь 75-летия д-ра ист. наук, чл.-корр. Афинской Академии Б.Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2013 г. М., 2013. С. 147–166 (совм. с С.М. Каштановым и С.Ю. Королёвой).
819. Джером Горсей о событиях мая-июня 1591 г. в Угличе и в Москве // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 461–496 (совм. с П.В. Белоусовым).
820. Начальный период в истории книги Древней Руси (XI–XIV вв.) // Люди и тексты: Исторический альманах 2013 г.: Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014. С. 243–290.
821. Смерть наследника московского престола: погиб ли царевич Дмитрий Угличский в результате ножевого ранения? // Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы. М., 2014. С. 110–127 (совм. с П.В. Белоусовым).
822. Смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г.: Новая версия // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1. С. 5–24 (совм. с П.В. Белоусовым).
823. «Измена Нагих» 15 мая 1591 г.: человек в толпе // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 4. С. 130–171 (совм. с П.В. Белоусовым).
824. Увлекательное путешествие в мир древнерусской книжности // Русская вера. 23 июля 2014 г. (<http://ruvera.ru/articles/uvlekatelnoe_puteshestvie_v_mir_knijnosti>).
825. Путешествие в мир древнерусской книжности: Кто они, заказчики книг? // Русская вера. 31 июля 2014 г. (<http://ruvera.ru/articles/puteshestvie_v_mir_knijnosti>).
826. Путешествие в мир древнерусской книжности: Как создавались книги? // Русская вера. 04 августа 2014 г. (<http://ruvera.ru/articles/puteshestvie_v_mir_knijnosti>).
827. Sergey Kashtanov. Historiographer of the Russian and the European Middle Ages // Quaestio Rossica. 2014. № 3. P. 255–283 (совм. с С.Ю. Королевой).

А.С. Щавелев

828. Села в летописных известиях и археологическая типология поселений Древней Руси // Археологическое изучение Центральной России.

- Тезисы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. ЛГПУ. Липецк, 2006. С. 329–331.
829. Съезды князей как политический институт Древней Руси // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 268–278.
 830. Героический этос в свете исторической феноменологии // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. Российско-американский ежегодник. Владимир; Hanover, 2007. № 8. С. 245–277 (совм. с С.П. Щавелевым).
 831. Известие Ипатьевской летописи о Черной могиле (К вопросу об имени погребенного князя) // Чернігів у сереньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 100–106.
 832. Процедура съезда князей // ВЕДС-ХІХ. М., 2007. С. 297–301.
 833. Раскопки души. О когнитивном потенциале феноменологии на примере археологии // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XII. № 2. С. 130–149 (совм. с С.П. Щавелевым)
 834. К вопросу о первом съезде князей Рюриковичей // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 68–77.
 835. «Племя» полян по летописным известиям и данным археологии // История и практика археологических исследований. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. СПб., 2008. С. 369–372 (совм. с А.А. Фетисовым).
 836. Предание о первых польских князьях Пясте и Попеле // Личность в истории. Личность историка. Тезисы Второй региональной науч. конф., г. Воронеж, 1 февраля 2008 г. Воронеж, 2008. С. 181–185.
 837. Становление власти первых князей в древнейших славянских летописях и хрониках // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. Сентябрь. № 3 (33) С. 73–75.
 838. Шоу-бизнес, профессионализм и аморализм в историографии. «Панельная дискуссия» по поводу статьи Аллана Мегилла // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XV. № 1. С. 70–72.
 839. Древнерусские реалии в «Чуде о половчине» св. Николая Мирликийского // ВЕДС-ХХІ. М., 2009. С. 353–361.
 840. Известия «Летописи попа Дуклянина», восходящие к древнейшим устным преданиям // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Мат-лы XXI Междунар. науч. конф. М., 2009. С. 364–367.
 841. «Старые князья»: об одной категории легендарного времени в древнерусской литературе // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сб. науч. ст. Брянск, 2009. С. 181–184.
 842. Формы мести и наказания в междукняжеских отношениях Рюриковичей // Средневековая Русь. 2009. Вып. 8. С. 52–63.
 843. Историческая археология: эпистемологический анализ // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010. С. 363–384.

844. К критике региональных идентичностей: фальсификация в конституировании региональной субъектности в Российской Федерации // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 2007). В 3-х томах. СПб., 2010. Т. I. С. 56–61.
845. Предания о Кие: механизмы включения в летописный текст // Славяне и их соседи. XXII конф. памяти В.Д. Королюка: Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Мат-лы конф. М., 2010. С. 131–134.
846. Три мотивно-семантических параллели в славянских легендах о первых князьях // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 814–818.
847. «Устный нарратив» в первых славянских летописях и хрониках: идентификация и реконструкция // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 283–289.
848. Изображения креста на наконечнике копья из древнерусского кургана «Черная могила» второй половины X века // XIII Międzynarodowa Religioznawcza Konferencja Naukowa. Zakopane, 10–15 października 2011 r. “Symbolizm religijny jako światowe dziedzictwo kulturowe”. Streszczenia i komunikaty. Kraków, 2011. С. 49–50.
849. К датировке перечня князей «Кто колико княжилъ» // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 337–343.
850. К социокультурному контексту интеллектуальных занятий в Древней Руси // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 483–490.
851. Научное наследие В.Т. Пашуто: взгляд из 2000-х годов // *Паушто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011 (ДГ. 2008 год). С. 9–18.
852. Летописные известия о крещении Ярополка Святославича // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2011. № 12 (74). С. 78–87.
853. Средневековая глобализация: на перекрестке путей и миров // Янтарный мост. 2011. № 4 (октябрь-декабрь). С. 18–21.
854. Первые иконы Курского края // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. М.; СПб.; В. Новгород, 2011. Т. II. С. 204–205 (совм. с С.П. Щавелевым).
855. Repressions of Intellectuals: Byzantine Experience and Old Russian Instances // Proceedings of 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 22–27 August 2011. Sofia, 2011. Vol. III: Abstracts of Free Communications. P. 214–215.
856. 1150 лет российской государственности и некоторые вопросы изучения генезиса Древней Руси // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства. Печатная версия: С. 5–7 (совм. с Е.А. Мельниковой).
857. Демонстрация предметов-гарантов клятвы в битвах (Proc. ВР IV-9; ПВЛ, 6605; Georg. Асгор., I, 25) // I Бахчисарайские науч. чтения памяти Е.В. Вейнмарна. Тезисы докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012. С. 72–73.

858. «Долгий XII Век» Древней Руси // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 2 (10): Медиевистика: новые подходы к периодизации (<<http://www.mes.igh.ru/magazine/content/dolgii-xii-v.html>>).
859. К этнической идентификации знатных византийцев по имени Ингер (конец VIII — начало IX в.) // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 281–285.
860. Образ славянского князя в древнейших социоэтиологических легендах // 1150 Российской государственности и культуры. Мат-лы к Общему собранию РАН, посвященному Году российской истории (Москва, 12 декабря). М., 2012. С. 53–59.
861. Первый христианин среди князей Рюриковичей (древнерусские летописные известия о крещении Ярополка Святославича) // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від на народження В.Й. Довженка. 2009. Київ; Чернігів, 2012. С. 353–359.
862. Печать византийского патрикия и переводчика Сфена // ДГ. 2010 год. М., 2012. С. 482–488.
863. Почему древляне не разгадали обрядовые загадки княгини Ольги? Штрихи к этнокультурной и этнопсихологической разнице русов и славян // Человек в мире религиозных представлений. XIV Междунар. конф. по истории религии и религиоведению. 27–31 мая 2012 г. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2012. С. 73–75.
864. Русь и радимичи: история взаимоотношений в X–XI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства (<<http://mes.igh.ru/magazine/content/rus-i-radimochi.html>>). Печатная версия: С. 122–129 (совм. с А.А. Фетисовым).
865. «Старые князья»: категория легендарного времени как этический ориентир в древнерусской литературе // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2: История, литературоведение, языковедение. Брянск. Издательство БГУ, 2012. С. 220–222.
866. Суд над монахом Никитой и интеллектуальные традиции Печерского монастыря XI в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 544–546.
867. Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства (<<http://mes.igh.ru/magazine/content/chernigovskaia-rus.html>>). Печатная версия: С. 70–74.
868. Два сообщения о росах в главе 42 трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного // Античная древность и средние века. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2013. Вып. 41: К 80-летию проф. М.А. Поляковской. С. 144–152.
869. Две «карьер» функционеров раннего государства: воевода Свенельд и хёвдинг Торольв Квельдуйвссон // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4, ч. 3. С. 72–78.

870. Заметки о деталях погребения в кургане «Черная могила» // Слов'яне і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена національної академії наук України П.П. Толочко. З нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 353–355.
871. К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 7–53 (совм. с А.А. Фетисовым).
872. Какие предметы благословил епископ в «Care ob Ингваре Путешественнике»: к истолкованию слова *boljarn* (**bol-járn*) // XV Międzynarodowa Religioznawcza Konferencja Naukowa. Zakopane. “313–2013 ut daremus et Christianis et omnibus liberam potestatem sequendi religionem quam quisque voluisset... (w 1700 rocznicę Edyktu Medioláńskiego)”. Streszczenia i komunikaty. Kraków, 2013. S. 66–68.
873. «... Ни другой кто из блаженных василевсов не возвышали франка или варанга в достоинство патрикия...»: комментарий к фразе из «Советов и рассказов» Кекавмена // Византия и византийское наследие в России и мире. Тезисы докл. науч. сессии византинистов. М., 2013. С. 288–290.
874. Очерк истории изучения легенд об основаниях городов в древнерусской «Повести временных лет» и армянской «Истории Тарона»: Кий и Куар // ДГ. 2011 год. М., 2013. С.7–33 (совм. с В.А. Арутюновой-Фиданян).
875. Профессия «историк» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора С.П. Щавелева. Курск, 2013. С. 460–466.
876. Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112–121.
877. Сравнение княжеских ономастиконов древнерусских Рюриковичей и моравских Моймировичей (IX–XI вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Междунар. науч. конф., Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. II. С. 616–619.
878. Территория Руси и Норвегии в первой половине X в. (к сравнению двух ранних языческих государств) // ВЕДС-ХVI. М., 2014. С. 163–173 (совм. с Е.В. Литовских).
879. Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζαῖῆνοῦ/Λενζεῖνίνοῦ/*Iędjane // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Мат-лы XXVI Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 424–427.
880. К вопросу о следах древнеславянских легенд в письменных традициях других народов // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 237–242.
881. Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζαῖῆνοῦ/Λενζεῖνίνοῦ/*Iędjane // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и

- полис. Тезисы докл. и сообщ. VI Междунар. византийского семинара (Севастополь, 2–6 июня 2014 г.). Севастополь, 2014. С. 47–49.
882. Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014. С. 323–329.
883. «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы...» (DAI. 42. 60–61): к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово // Міста Давньої Русі: Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 369–373.
884. Печать византийского «переводчика англичан» патрикия Сфена: датировка и социокультурный контекст // Специальные исторические дисциплины. М., 2014. Вып. 1. С. 41–51.

VI. ДИССЕРТАЦИИ

885. *Гимон Т.В.* Новгородское летописание XI — середины XIV в. как социокультурное явление. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
886. *Гусакова О.В.* Культ англо-саксонских святых в условиях скандинавских завоеваний Англии IX–XI вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.
887. *Еременко А.Б.* Викингские саги как источник для изучения этических представлений в Исландии XIII–XV вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
888. *Картамышева Е.П.* Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
889. *Никольский И.М.* Образ правителя в сочинениях раннехристианских историков (на примере «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

VII. УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

890. *Артамонов Ю.А.* История отечественного государства и права. Сб. заданий. М., 2007.
891. *Артамонов Ю.А.* История отечественного государства и права. Учебно-методический комплекс учебной дисциплины. Одинцово, 2009.
892. *Артамонов Ю.А.* Древнерусские церковные уставы. Учебное пособие. М., 2012.
893. *Артамонов Ю.А.* Учебно-методические материалы по учебной дисциплине «История России». М., 2012.
894. *Артамонов Ю.А.* Учебно-методические материалы по учебной дисциплине «История государства и права России». М., 2012.
895. *Бибиков М.В.* Античная цивилизация. Древние Греция и Рим. Эллинский мир. Византийская цивилизация // Всеобщая история (История мировых цивилизация). Программа и методические материалы для студентов заочного отделения. Специальность «История». М., 2006. С. 11–15.

896. *Бибиков М.В.* Экспериментальный вуз для гуманитариев // Аккредитация в образовании. Йошкар-Ола: ФГУ «Нац. аккредитационное агентство в сфере образования. 2008. № 20. С. 48–49.
897. *Бибиков М.В.* Всеобщая история: новые подходы. Византия // История. 5–11 классы. Справочник учителя. М., 2008. С. 290–297.
898. *Бибиков М.В.* Гуманитарные и общественные науки в России и во Франции // Форум ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и Франции (Париж, 2003). М., 2010. С. 34–40.
899. *Бибиков М.В.* Двусторонний взгляд на преподавание языка и культуры страны-партнера в университетах // Форум ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и Франции (Париж, 2003). М., 2010. С. 55–60.
900. *Бибиков М.В.* Проблемы формирования современного пространства гуманитарного образования // Будущее нашего прошлого. Сб. 2. М., 2012. С. 48–52.
901. *Валерий Флакк.* Аргонавтика. Кн. Первая / Под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2013.
902. Из чего состоит наш язык? Иностранные слова в русском языке / Под ред. С.В. Арзуманян и А.В. Подосинова. М., 2006.
903. *Коновалова И.Г.* Средневековый Восток. Учеб. пособие для вузов. М., 2008.
904. Латинско-русский и русско-латинский словарь. 2-е изд., испр. М., 2006; 3-е изд. М., 2007 (совм. с А.М. Беловым, А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
905. *Марк Туллий Цицерон.* Первая речь против Катилины / Под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2009.
906. *Назаренко А.В.* Культура Древней Руси // Россия и Украина на перекрестках истории. Пособие для учителей истории. М., 2012. С. 51–166 (совм. с В.М. Рычкой).
907. *Назаренко О.В.* Культура Давньої Русі. Київ, 2012 (= Україна та Росія на перехрестях історії. Посібник для вчителя. Модуль 1) (совм. с В.М. Рычкой).
908. *Подосинов А.В.* Латинский язык в «Лиге Школ» // Книга о московской школе № 1199. Сб. статей. М., 2006. С. 82–97.
909. *Подосинов А.В.* Место латинского языка в цикле гуманитарного школьного образования // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 192–199.
910. *Подосинов А.В.* О пропедевтической функции преподавания языка эсперанто в средней и высшей школе // Эсперанто — наилучшая пропедевтика (по мат-лам Междунар. конф. 13 апреля 2007 г. в Москве). М., 2007. С. 133–135.
911. *Подосинов А.В.* О чтении, переводе и издании латинских авторов в средней школе // *Discipuli magistro: К 80-летию Н.А. Федорова (Orientalia et classica. XV)*. М., 2008. С. 473–481.

912. Подосинов А.В. Задачи преподавания латинского языка в современной средней школе // Интеллектуальное образование и греко-латинская словесность в России. М., 2010. С. 186–197.
913. Подосинов А.В. К истории олимпиад по латинскому языку // Сб. мат-лов российских олимпиад по латинскому языку. СПб., 2010. С. 3–5.
914. Подосинов А.В. Уроки латыни приобщают школьников к мировой культуре // РИА НОВОСТИ. Аналитика и комментарии. 15.01.2010 (<http://rian.ru/edu_analysis/20100115/204595532.html>).
915. Публий Вергилий Марон. Первая книга «Энеиды» / Под общ. ред. А.В. Подосинова. 2-е изд., испр. М., 2009.
916. Публий Паний Стаций. Ахиллеида / Под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2011.
917. Силлий Италик. Пуника (поэма о Второй Пунической войне). Кн. Первая / Под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2009.
918. Bibikov M. Présentation des secteurs SHS en Russie et en France // Forum des présidents d'Université en sciences humaines et sociales de France et de Russie. М., 2010. С. 216–222.
919. Bibikov M. Regard croisé sur l'enseignement de la langue et sur la diffusion de la culture de l'autre pays à les universités // Forum des présidents d'Université en sciences humaines et sociales de France et de Russie. М., 2010. P. 238–243.
920. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учеб. пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Ч. I. Первый год обучения. 8-е изд. М., 2006; 9-е изд. М., 2007; 10-е изд. М., 2008; 11-е изд. М., 2010 (совм. с Н.И. Щавелевой).
921. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учеб. пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Ч. II. Второй год обучения. 4-е изд. М., 2010 (совм. с Н.И. Щавелевой).
922. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учеб. пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Ч. III. Третий год обучения. 2-е изд. М., 2008 (совм. с Н.И. Щавелевой).

VIII. РЕЦЕНЗИИ

Ю.А. Артамонов

923. Святые князья-мученики Борис и Глеб: Рецензия на книгу: Милотенко Н.И. Святые князья-мученики Борис и Глеб // Вестник церковной истории. М., 2008. № 3. С. 236–255.
924. Гипотезы, выстроенные на гипотезах: по поводу нового исследования А. Поппэ // Вестник церковной истории. М., 2013. № 1–2 (29–30). С. 361–387.

В.А. Арутюнова-Фиданян

925. [рец. на кн.:] *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009 // ВВ. 2010. Т. 69. С. 234–240.

М.В. Бибиков

926. [рец. на кн.:] *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006 // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 213–215.
927. [рец. на кн.:] *Бруни А.М.* ΘΕΟΛΟΓΟΣ. Древнеславянские контексты Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. Вып. 1. С. 554–558.
928. [рец. на кн.:] *Петров А.Ю.* Наталия Шелихова // Новая и новейшая история. М., 2013. № 6. С. 202–203.

Г.В. Глазырина

929. О взаимодействии устного и письменного способов коммуникации в культуре средневековья (Рец. на кн.: *Along the Oral-Written Continuum. Types of Texts, Relations and Their Implications* / Ed. by Slavica Ranković with Leidulf Melve and Else Mundal. Turnhout, Brepols Publishers, 2010. 488 pp. (Utrecht studies in medieval literacy. Vol. 20). ISBN 978-2-503-53407-7) // ДГ. 2011 год. М., 2013. С. 563–581.

Т.Н. Джаксон

930. «Чувство пространства» (об исследовании *Fabienne L. Michelet.* *Creation, Migration and Conquest. Imaginary Geography and Sense of Space in Old English Literature.* Oxford, 2006, 297 pp.) // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 509–520.

Т.М. Калинина

931. [рец. на кн.:] *Тортика А.А.* Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006. 555 с. // Славяноведение. 2007. № 5. С. 96–100.

И.Г. Коновалова

932. [рец. на кн.:] *Исмаилов Э.Э.* Персидские принцы из дома Каджаров в Российской империи. М.: Старая Басманная, 2009. 594 с., ил. LXIV с., 1000 экз. // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Баку, 2010. Вып. 7. С. 190–192.
933. [рец. на кн.:] *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2007. 408 с.; ил. // ДГ. 2006 год. М., 2010. С. 521–536.
934. [рец. на кн.:] *Кендерова С., Стаматов А., Стоименов Д.* Атлас: Българските земи в средновековната арабописмена картографска традиция (IX–XIV в.) / Под ред. С. Кендеровой и А. Стаматова. София: ТАН-

ГРА ТанНакРа ИК, 2011; *Kenderova S., Stamatov A., Stoimenov D.* Atlas: The Bulgarian Lands in Medieval Arabic Cartographic Tradition (9th–14th Centuries) / Ed. by S. Kenderova, A. Stamatov. Sofia: TANGRA TanNakRa Publishing House, 2011. 336 с., илл., карты // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 431–438.

В.И. Матузова

935. [рец. на кн.:] *Розачевский А.Л.* Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. (По материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб.: Изд-во Юридического института, 2004. 495 с. // *Studia Teutonica: Исследования по истории Немецкого ордена.* Калининград, 2012. Вып. 1. С. 169–179.

Е.А. Мельникова

936. Несколько замечаний к «Истории татар с древнейших времен»: об авторском праве, научной этике, или о том, как на ссылку времени не хватило // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 421–432 (совм. с Л.В. Столяровой).

А.В. Назаренко

937. Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма) // Средневековая Русь. 2006. Вып. 6. С. 341–370.

А.В. Подосинов

938. [рец. на кн.:] *A.S. Christensen.* Cassidorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth, Museum Tusulanum Press, Copenhagen, 2002, X+391 pp. // *Ancient West and East.* 2006. Vol. 5. P. 332–334.
939. [рец. на кн.:] *Ptolemaios.* Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. Einleitung, Text und Übersetzung, Index. 1.–2. Teil. / Hrsg. von A. Stückelberger und G. Graßhoff. Unter Mitarbeit von F. Mittenhuber, R. Burri, K. Geus, G. Winkler, S. Ziegler, J. Hindermann, L. Koch, K. Keller. Basel: Schwabe Verlag, 2006. 1. Teil. Einleitung und Buch 1–4; 2. Teil. Buch 5–8 und Indices // ВДИ. 2008. № 1. С. 218–222.
940. [рец. на кн.:] *Bernstein F.* Konflikt und Migration. St Katharinen, 2004. 274 pp., maps // *Ancient West and East.* 2009. Vol. 8. P. 313–315.
941. [рец. на кн.:] Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников. М., 2009. 775 стр. // Вестник РГНФ. 2010. № 1 (58). С. 265–271.
942. К выходу в свет нового собрания античных источников по истории Северного Причерноморья (R.A. Mason. The Ancient Sources on the History, Geography and Ethnography of Ukraine. Latin Authors. Part One: Authors of the Republic and Early Principate to the Death of Domitian. Vancouver, 2008) // Аристей. 2010. Т. I. С. 172–177.
943. [рец. на кн.:] *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas.* Vol. 1 / Ed. by Gocha R. Tsetsikhladze. Leiden;

- Boston: Brill, 2006 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193) // ВДИ. 2010. № 3. С. 211–219 (совм. с В. Козловской).
944. Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 2 / Ed. by Gocha R. Tsetsckhadze. Leiden; Boston: Brill, 2008 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193). XVIII, 566 стр. Илл. // Аристей. 2011. Т. III. С. 186–194.
945. [рец. на кн.:] *Benedetto Bravo*. La chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la seconde moitié du IIe siècle av. J.-C., *Studia hellenistica* 46. Peeters. Leuven-Paris-Walpole, Ma, 2009 // Аристей. 2012. Т. V. С. 227–229.
946. [рец. на кн.:] *Talbert Richard J.A.* Rome's World: The Peutinger Map Reconsidered. Cambridge University Press, 2010 // Аристей. 2012. Т. VI. С. 242–246.
947. [рец. на кн.:] *McGovan M.M.* Ovid in Exile. Power and Poetic Redress in the Tristia and Epistulae ex Ponto, *Mnemosyne* Suppl. 309, Brill, Leiden/Boston, 2009, 261 pp. // *Ancient West and East*. 2013. Vol. 12. P. 415–417.
948. [рец. на кн.:] *Mason R.A.* The Ancient Sources on the History, Geography and Ethnography of Ukraine. Latin Authors. Part One: Authors of the Republic and Early Principate to the Death of Domitian. Vancouver, 2008 // *Ancient West and East*. 2013. Vol. 12. P. 420–422.
949. [рец. на кн.:] *Dueck, Daniela with a chapter by Kai Brodersen*. Geography in Classical Antiquity. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2012 (Key Themes in Ancient History). S. xvi + 142. ISBN 978–0521120258 // Аристей. 2014. Т. IX. С. 283–288.

Л.В. Столярова

950. Несколько замечаний к «Истории татар с древнейших времен»: об авторском праве, научной этике, или о том, как на ссылку времени не хватило // ДГ. 2004 год. М., 2006. С. 421–432 (совм. с Е.А. Мельниковой).
951. Замечательное издание (Косцова А.С. Вкладная книга Кожеозерского монастыря. СПб., 2008. Кн. 1–2) // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 453–457.
952. «Науки юношей питают...» (рец. на кн.: *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление российской исторической науки в России. СПб., 2011) (совм. с С.М. Каштановым) // Вестник Рос. акад. наук. 2012. Т. 82. № 12. С. 1142–1147.
953. Об археографических принципах С.М. Каштанова (размышления об издании русско-ливонского договора 1535 г.) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 35–40 (совм. с С.Ю. Королевой).

А.С. Щавелев

954. История и археология полюдья: заметки на полях обобщающей монографии Ю.М. Кобищанова // *Материалы по истории и археологии России*. Рязань, 2012. Т. 2. С. 283–292.
955. Святые князья Борис и Глеб в свете междисциплинарных исследований: к выходу в свет “*Collectanea Borisoglebica*” // *Средние века*. 2011. Вып. 72 (3–4). С. 319–329.
956. [рец. на кн.:] *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры земли и времени: геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования // *Историческая география*. М., 2012. Т. 1. С. 439–446.
957. Рюрик и его время (О книге Е.В. Пчелова «Рюрик». М., 2010) // *Вестник РГГУ*. 2012. № 21: История. С. 233–237.
958. Археология образа древнерусского донатора: к выходу книги А.С. Преображенского «Ктиторские портреты средневековой Руси. XI — начало XVI века». М.: Северный паломник, 2010 (2012). 544 с. // *РА*. 2014. № 3. С. 174–179.
959. Разговор о варваре с римским другом, читая книгу: *Kaldellis A.* *Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013 // *Европа*. Альманах. 2014. Тюмень, 2014. Т. XIII. № 1–2. С. 178–184.

IX. СТАТЬИ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ И СЛОВАРЯХ

Ю.А. Артамонов

960. Авраамиев Богоявленский монастырь // *ДРСМЭ*. С. 9.
961. Авраамиев Ризоположения монастырь // *ДРСМЭ*. С. 9.
962. Агапит // *ДРСМЭ*. С. 10.
963. Алимпий // *ДРСМЭ*. С. 21.
964. Андреевский монастырь // *ДРСМЭ*. С. 26 (совм. с Л.А. Беляевым).
965. Антоний Печерский // *ДРСМЭ*. С. 31–32.
966. Антония Печерского житие // *ДРСМЭ*. С. 31–32 (совм. с О.В. Твороговым).
967. Афанасий Затворник // *ДРСМЭ*. С. 45.
968. Борисоглебский монастырь на Смядыне // *ДРСМЭ*. С. 83.
969. Варлаам // *ДРСМЭ*. С. 99.
970. Вознесенский монастырь // *ДРСМЭ*. С. 146.
971. Георгий Угрин // *ПЭ*. 2006. Т. 11. С. 84–85.
972. Граффити // *ДРСМЭ*. С. 205–209 (совм. с Е.А. Мельниковой, А.А. Мельнищевой).
973. Григорий Чудотворец // *ДРСМЭ*. С. 215.
974. Дмитриевский монастырь // *ДРСМЭ*. С. 243–244.
975. Евстратий Постник // *ДРСМЭ*. С. 271.
976. Ефрем // *ДРСМЭ*. С. 278 (совм. с О.В. Твороговым).
977. Иаков Мних // *ДРСМЭ*. С. 307–308 (совм. с Н.И. Милютенко).

978. Иоанн I // ДРСМЭ. С. 339–340.
979. Иоанновский монастырь в Галиче // ДРСМЭ. С. 344.
980. Иоанновский монастырь в Переяславле Южном // ДРСМЭ. С. 344.
981. Исакий Печерник // ДРСМЭ. С. 346.
982. Исакий Печерник // ПЭ. 2011. Т. 27. С. 26–30.
983. Киево-Печерский монастырь // ДРСМЭ. С. 278 (совм. с А.П. Толочко).
984. Киево-Печерский монастырь // ПЭ. 2013. Т. 33. С. 8–14.
985. Киевская митрополия // ДРСМЭ. С. 379–380.
986. Кирилл Туровский // ДРСМЭ. С. 385–386.
987. Кирилл, епископ Туровский // ПЭ. 2014. Т. 34. С. 601–602.
988. Кирилловский монастырь // ДРСМЭ. С. 389–390 (совм. с А.П. Толочко).
989. Климент Смолятич // ДРСМЭ. С. 395–396 (совм. с В.В. Колесовым).
990. Кловский Богородичный монастырь // ДРСМЭ. С. 396 (совм. с А.П. Толочко).
991. Княгинин Успения Богородицы монастырь // ДРСМЭ. С. 401–402.
992. Кукша // ДРСМЭ. С. 434–435.
993. Лаврентий Затворник // ДРСМЭ. С. 440.
994. Марк Печерник // ДРСМЭ. С. 477.
995. Матфей Прозорливый // ДРСМЭ. С. 479.
996. Митрополит // ДРСМЭ. С. 498–499.
997. Моисей Угрин // ДРСМЭ. С. 507–508.
998. Монастырь // ДРСМЭ. С. 509–510.
999. Монашество // ДРСМЭ. С. 510–511.
1000. Н.К. Гудзий // ПЭ. 2006. Т. 13. С. 424–426.
1001. Нестор // БРЭ. 2013. Т. 22. С. 519–520.
1002. Нестор // ДРСМЭ. С. 538.
1003. Нестор-летописец // БРЭ. 2013. Т. 22. С. 519–520.
1004. Николаевский монастырь // ДРСМЭ. С. 541.
1005. Никон // ДРСМЭ. С. 542.
1006. Никон Сухой // ДРСМЭ. С. 542.
1007. Отшельничество // ДРСМЭ. С. 583–584 (совм. с Т.А. Бобровским).
1008. Поликарп, игумен Киево-Печерский // ДРСМЭ. С. 631.
1009. Поликарп, один из авторов Киево-Печерского патерика // ДРСМЭ. С. 631.
1010. Прохор Лебедник // ДРСМЭ. С. 659.
1011. Рождественский монастырь во Владимире на Клязьме // ДРСМЭ. С. 682.
1012. Ростовская епархия // ДРСМЭ. С. 691.
1013. Симеоновский монастырь // ДРСМЭ. С. 739.
1014. Смоленская епархия // ДРСМЭ. С. 767.
1015. Спасский-Златовратский монастырь // ДРСМЭ. С. 784–785.
1016. Спиридон Проскурник // ДРСМЭ. С. 785.
1017. Стефан, игумен Киево-Печерского монастыря // ДРСМЭ. С. 790–791.

1018. Тмутороканская архиепископия // ДРСМЭ. С. 814.
1019. Туровская епархия // ДРСМЭ. С. 828.
1020. Угровская епархия // ДРСМЭ. С. 832.
1021. Устав монастырский // ДРСМЭ. С. 837–838.
1022. Феодосий Печерский // ДРСМЭ. С. 842–843 (совм. с В.В. Колесовым).
1023. Черниговская епархия // ДРСМЭ. С. 881.
1024. Юрьев монастырь // ДРСМЭ. С. 908–909 (совм. с М.В. Печниковым).
1025. Юрьевская епархия // ДРСМЭ. С. 911–912.

В.А. Арутюнова-Фиданян

1026. Албания // ДРСМЭ. С. 16–17.
1027. Аристакес Ластивертци // ДРСМЭ. С. 36.
1028. Армения // ДРСМЭ. С. 38.
1029. Григорий Просветитель // ПЭ. 2006. Т. 13. С. 41–47.
1030. Езник Колбацци // ПЭ. 2008. Т. 18. С. 96.
1031. Эзр Паражнакертци // ПЭ. 2008. Т. 18. С. 97.
1032. Елише // ПЭ. 2008. Т. 18. С. 416.
1033. Матгеос Урхаецци // ДРСМЭ. С. 478.
1034. Мовсес Каланкатуаци // ДРСМЭ. С. 504.
1035. Степанос Таронечи // ДРСМЭ. С. 790.

М.В. Бибиков

1036. Анна // ДРСМЭ. // ДРСМЭ. С. 28.
1037. Анна Комнина // ДРСМЭ. С. 28.
1038. Анна Комнина // ИЛ. 2006. Кн. 1. С. 104–107.
1039. Афон // ДРСМЭ. С. 45–46.
1040. Афонские акты // ДРСМЭ. С. 46.
1041. Василия Нового Житие // ДРСМЭ. С. 107.
1042. Византийское самодержавие // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 749–752.
1043. Византинистика // ТМИНТС. С. 44–46.
1044. Византия: словесность // БРЭ. 2006. Т. 5. С. 287–289.
1045. Владислав // ДРСМЭ. С. 141.
1046. Георгий Акрополит // ДРСМЭ. С. 177.
1047. Георгий Пахимер // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 72–73.
1048. Георгий Писида // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 73–74.
1049. Георгия Амастридского Житие // ДРСМЭ. С. 179.
1050. Герман II // ДРСМЭ. С. 180.
1051. Греческий огонь // ДРСМЭ. С. 211.
1052. Димитрий Солунский // ДРСМЭ. С. 240.
1053. Евстафий Солунский // ДРСМЭ. С. 271.
1054. Евфимия Глебовна // ДРСМЭ. С. 272.
1055. Записка Готского Топарха // ДРСМЭ. С. 291.
1056. Иконоборчество // ИЛ. 2006. Кн. 1. С. 784–786.

1057. Иоанн Геометр // ДРСМЭ. С. 342.
1058. Иоанн Зонара // ДРСМЭ. С. 342.
1059. Иоанн Киннам // ДРСМЭ. С. 342–343.
1060. Иоанн Цец // ДРСМЭ. С. 343.
1061. Кекавмен // ДРСМЭ. С. 362.
1062. Книга Эпарха // ДРСМЭ. С. 400.
1063. Константин IX Мономах // ИЛ. 2006. Кн. 1. С. 701–709.
1064. Константин VII Багрянородный // ДРСМЭ. С. 411.
1065. Константин VII Багрянородный // ИЛ. 2006. Кн. 1. С. 685–700.
1066. Константин Великий // ИЛ. 2009. Кн. 1. С. 642–653.
1067. Константин Манасси // ДРСМЭ. С. 412.
1068. Корсунь // ДРСМЭ. С. 418–419.
1069. Лев (Леон, Леонтий) // ДРСМЭ. С. 447.
1070. Лев I Великий // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 752–754.
1071. Лев III // ИЛ. 2006. Кн. 1. С. 782–784.
1072. Лев Диакон // ДРСМЭ. С. 447.
1073. Лука Хрисоверг // ДРСМЭ. С. 465–466.
1074. Македоний II // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 30.
1075. Максим Исповедник // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 17–20 (совм. с А.В. Кузнецовым).
1076. Максим Исповедник // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 48–50.
1077. Михаил I Кируларий // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 467–468.
1078. Михаил VIII Палеолог // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 468–470.
1079. Михаил Атталиат // ДРСМЭ. С. 501.
1080. Михаил Пселл // ДРСМЭ. С. 501.
1081. Михаил Пселл // БРЭ. 2012. Т. 20. С. 487–488.
1082. Михаил Пселл // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 56–60.
1083. Никита Хониат // ДРСМЭ. С. 540.
1084. Никифор I Константинопольский // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 836–838.
1085. Никифор Вриенний // ДРСМЭ. С. 541.
1086. Николай IV Музалон // ДРСМЭ. С. 541–542.
1087. Палама // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 1209–1210.
1088. Паламизм // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 1210–1212.
1089. «Продолжатель Феофана» // ДРСМЭ. С. 657.
1090. Прокопий Кесарийский // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 256–259.
1091. Прохирон // ДРСМЭ. С. 659.
1092. Равеннский экзархат // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 12–14.
1093. Рос // ДРСМЭ. С. 686.
1094. Савва Освященный // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 455–456.
1095. Созомен // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 958.
1096. Сократ Схоластик // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 961–962.
1097. Стефана Сурожского Житие // ДРСМЭ. С. 791.
1098. Феодора // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 746–749.
1099. Феофан Исповедник // ДРСМЭ. С. 843.
1100. Феофан Исповедник // ИЛ. 2006. Кн. 1. С. 786–788.

1101. Фотий // ДРСМЭ. С. 847.
1102. Эклога // ДРСМЭ. С. 900–901.
1103. Юлиан Отступник // ИЛ. 2009. Кн. 2. С. 755–760.
1104. Юстиниан I Великий // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 740–746.

Т.В. Гимон

1105. Англосаксонская хроника // РИЭ. 2011. Т. 1. С. 403–404.
1106. Англосаксонские правды // РИЭ. 2011. Т. 1. С. 404–405.
1107. Апостол // ДРСМЭ. С. 35.
1108. Богослужебные книги // ДРСМЭ. С. 73.
1109. Варлаама Хутынского грамота // ДРСМЭ. С. 100.
1110. Варлаама Хутынского служебник // ДРСМЭ. С. 101–102.
1111. Выголексинский сборник // ДРСМЭ. С. 163.
1112. Георгия Синкелла Хроника // ДРСМЭ. С. 179.
1113. Герман Воята // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 265.
1114. Грамота // ДРСМЭ. С. 204.
1115. Евангелие // ДРСМЭ. С. 269–270.
1116. Записи на Студийском уставе // ДРСМЭ. С. 291.
1117. Ильина книга // ДРСМЭ. С. 333.
1118. Индикт // ДРСМЭ. С. 337.
1119. Историописание // ДРСМЭ. С. 347.
1120. Истрин Василий Михайлович // МЭ. 2008. Т. 1: Лица Москвы, кн. 2. С. 68.
1121. Киевская летопись // ДРСМЭ. С. 379.
1122. Кирик (1110 — после 1158 (?)), иером. // ПЭ. 2014. Т. 34. С. 167–170.
1123. Кирик Новгородец // БРЭ. 2009. Т. 14. С. 14.
1124. Книги Лазаревы // ДРСМЭ. С. 400–401.
1125. Малышевичи // ДРСМЭ. С. 475.
1126. Милятино евангелие // ДРСМЭ. С. 489–490.
1127. Московско-Академическая летопись // ДРСМЭ. С. 519.
1128. Мстиславова грамота // ДРСМЭ. С. 524–525.
1129. Насонов Арсений Николаевич // МЭ. 2010. Т. 1: Лица Москвы, кн. 3. С. 138.
1130. Новгородская епархия // ДРСМЭ. С. 552.
1131. Новгородско-Софийские летописи // ДРСМЭ. С. 557.
1132. Новогодие // ДРСМЭ. С. 557.
1133. Пантелеймоново евангелие // ДРСМЭ. С. 589–590.
1134. Паремийник // ДРСМЭ. С. 590.
1135. Перечни летописные // ДРСМЭ. С. 596.
1136. Петр Михалкович // ДРСМЭ. С. 606.
1137. Письменность // ДРСМЭ. С. 614–615.
1138. Послания // ДРСМЭ. С. 643.
1139. Похвала // ДРСМЭ. С. 645.
1140. Пролог // ДРСМЭ. С. 657–658.

1141. Путятина Миня // ДРСМЭ. С. 668.
1142. Слова на Покров // ДРСМЭ. С. 754–755.
1143. Стихирарь Саввы // ДРСМЭ. С. 792.
1144. Татищевские известия // ДРСМЭ. С. 803–804.
1145. Типографский устав // ДРСМЭ. С. 810.
1146. Хронология // ДРСМЭ. С. 864.
1147. Laurentian Chronicle of 1377 // EMC. Vol. 2. P. 998.
1148. Novgorodian First Chronicle // EMC. Vol. 2. P. 1158–1159.
1149. Resurrection Chronicle // EMC. Vol. 2. P. 1273.
1150. Simeonov Chronicle // EMC. Vol. 2. P. 1362.
1151. St. Sophia First Chronicle // EMC. Vol. 2. P. 1384–1385.
1152. St. Sophia Second Chronicle // EMC. Vol. 2. P. 1385.
1153. Tver' Chronicle // EMC. 2010. Vol. 2. P. 1456.
1154. Typographical Chronicle // EMC. 2010. Vol. 2. P. 1458.
1155. Ustjug Chronicle // EMC. Vol. 2. P. 1465.

Г.В. Глазырина

1156. Ингвар Путешественник // ДРСМЭ. С. 336.
1157. Исландия. История // НРЭ. 2009. Т. 7. Ч. 1. С. 201–206.
1158. Saga // ДРСМЭ. С. 711 (совм. с Т.Н. Джаксон).
1159. Торвальд Путешественник // ДРСМЭ. С. 818 (совм. с Т.Н. Джаксон).

Т.Н. Джаксон

1160. Аллогия // ВНЭС. С. 68–69.
1161. Аллогия // ДРСМЭ. С. 21.
1162. Альдейгьюборг // ДРСМЭ. С. 22.
1163. Биргер // ДРСМЭ. С. 68.
1164. Бурицлав // ДРСМЭ. С. 94.
1165. Бьярмаланд // ВНЭС. С. 105.
1166. Вальдемар I Великий // ДРСМЭ. С. 98.
1167. Вальдимар // ДРСМЭ. С. 98.
1168. Вартилав // ДРСМЭ. С. 102.
1169. Варяжская божница // ВНЭС. С. 107 (совм. с Е.А. Рыбиной).
1170. Вис(с)ивальд // ДРСМЭ. С. 124.
1171. Восточный путь // ВНЭС. С. 130.
1172. Восточный путь // ДРСМЭ. С. 157.
1173. Гардарики // ВНЭС. С. 133.
1174. Гардарики // ДРСМЭ. С. 175.
1175. Елизавета Ярославна // ДРСМЭ. С. 274.
1176. Ингибьёрг Мстиславна // ДРСМЭ. С. 337.
1177. Ингигерд // ВНЭС. С. 223.
1178. Ингигерд // ДРСМЭ. С. 337.
1179. Кнут Лавард // ДРСМЭ. С. 401.
1180. Кристин // ДРСМЭ. С. 430.

1181. Кэнугард // ДРСМЭ. С. 439.
1182. Магнус Олавссон Добрый // ДРСМЭ. С. 473.
1183. Мал(м)фрид Мстиславна // ДРСМЭ. С. 474.
1184. Норманны // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 141–154.
1185. Олав I Трюггвасон // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 158–164.
1186. Олав и Харальд // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 165–173.
1187. Олав Трюггвасон // ВНЭС. С. 368.
1188. Олав Трюггвасон // ДРСМЭ. С. 570.
1189. Олав Харальдссон // ВНЭС. С. 368 (совм. с Дж.Х. Линдом).
1190. Олав Харальдссон Святой // ДРСМЭ. С. 570–571.
1191. Олав Шётконунг // ДРСМЭ. С. 571.
1192. Олава св. Церковь // ДРСМЭ. С. 571.
1193. Олаф Трюггвасон // БРЭ. 2014. Т. 24. С. 73.
1194. Олаф Харальдссон // БРЭ. 2014. Т. 24. С. 73–74.
1195. Сага // ДРСМЭ. С. 711 (совм. с Г.В. Глазыриной).
1196. Саги королевские // ВНЭС. С. 426.
1197. Свен Кнутссон // ДРСМЭ. С. 721.
1198. Свитьод Великая, или Холодная // ДРСМЭ. С. 722.
1199. Сигурд // ДРСМЭ. С. 738.
1200. Сигурд Крестоносец // ДРСМЭ. С. 738.
1201. Скальдическая поэзия // ДРСМЭ. С. 747.
1202. Снорри Стурлусон // ДРСМЭ. С. 770.
1203. Стефан // ВНЭС. С. 446.
1204. Стефан // ДРСМЭ. С. 791.
1205. Торвальд Путешественник // ДРСМЭ. С. 818 (совм. с Г.В. Глазыриной).
1206. Ульв Фаси // ДРСМЭ. С. 834.
1207. Харальд I Прекрасноволосый // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 589–594.
1208. Харальд Суровый Правитель // ДРСМЭ. С. 854.
1209. Хольмгард // ВНЭС. С. 474–475.
1210. Хольмгард // ДРСМЭ. С. 860.
1211. Хольти Смелый // ДРСМЭ. С. 860–861.
1212. Хроника Эрика // ВНЭС. С. 475.
1213. Хроника Эрика // ДРСМЭ. С. 863.
1214. Эймунд Хрингссон // ВНЭС. С. 475.
1215. Эймунд Хрингссон // ДРСМЭ. С. 900.
1216. Эрик II Памятливый // ДРСМЭ. С. 904.

Т.М. Калинина

1217. Абу Дулаф // ДРСМЭ. С. 7.
1218. Абу-л-Фарадж // ДРСМЭ. С. 7.
1219. ал-Бакри // ДРСМЭ. С. 48–49.
1220. ал-Балазури // ДРСМЭ. С. 49.
1221. ал-Бируни // ДРСМЭ. С. 69.
1222. ал-Истахри // ДРСМЭ. С. 347.
1223. ал-Йа‘куби // ДРСМЭ. С. 349.

1224. ал-Куфи ибн А'сам // ДРСМЭ. С. 438–439.
1225. ал-Марвази // ДРСМЭ. С. 477.
1226. ал-Мукаддаси // ДРСМЭ. С. 528.
1227. ал-Мукаддаси // ДРСМЭ. С. 528–529.
1228. Булгария Волжская // ДРСМЭ. С. 92–94 (совм. с И.Г. Коноваловой).
1229. Гардизи // ДРСМЭ. С. 175.
1230. Ибн ал-Факих // ДРСМЭ. С. 311.
1231. Ибн аль-Асир // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 124.
1232. Ибн аль-Надим // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 125.
1233. Ибн ан-Надим // ДРСМЭ. С. 309.
1234. Ибн Джубейр // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 126.
1235. Ибн Исфандийар // ДРСМЭ. С. 308–309.
1236. Ибн Исхак // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 126.
1237. Ибн Кутейба // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 126–127.
1238. Ибн Маджид // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 127.
1239. Ибн Мискавайх // ДРСМЭ. С. 309.
1240. Ибн Мискавейх // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 127.
1241. Ибн Русте // ДРСМЭ. С. 309.
1242. Ибн Русте // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 127.
1243. Ибн Туфейль // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 129.
1244. Ибн Фадлан // ДРСМЭ. С. 310–311.
1245. Ибн Фадлан // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 129.
1246. Ибн Хальдун // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 130.
1247. Ибн Хаукал // ДРСМЭ. С. 311.
1248. Ибн Хаукаль // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 130.
1249. Ибн Хордадбех // ДРСМЭ. С. 311.
1250. Ибн Хордадбех // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 130.
1251. Ибн Шаддад // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 130.
1252. Ибрахим ибн Йа'куб // ДРСМЭ. С. 311–312.
1253. Ибрахим ибн Якуб // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 132.
1254. Идриси // НРЭ. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 182183.
1255. Истахри // НРЭ. 2010. Т. VII. Ч. 1. С. 274.
1256. Йахйа Антиохийский // ДРСМЭ. С. 350 (совм. с Д.Е. Мишиным).
1257. Казвини // ДРСМЭ. С. 351–352.
1258. Казвини, Закария ибн Мухаммед ибн Махмуд // НРЭ. 2010. Т. VII. Ч. 2. С. 35.
1259. Казвини, Мостоуфи Хамдаллах ибн Абу Бекр // НРЭ. 2010. Т. VII. Ч. 2. С. 137–138.
1260. Кинди Абу Юсуф Якуб ибн Исхак // НРЭ. 2011. Т. 8, ч. 1. С. 137–138.
1261. Кудама ибн Джафар // НРЭ. 2011. Т. IX. Ч. 1. С. 292.
1262. Кутейба ибн Муслим // НРЭ. 2011. Т. IX. Ч. 1. С. 416.
1263. Малик (титул) // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 1. С. 314–315.
1264. Мамун халиф // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 1. С. 362.
1265. Мансур халиф Аббасид // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 1. С. 390.
1266. Мансур халиф Фатимид // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 1. С. 390.

1267. Марван I // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 1. С. 413–414.
1268. Марван II // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 1. С. 414
1269. Масуди // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 2. С. 68.
1270. Мауля // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 2. С. 99.
1271. Махди // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 2. С. 108.
1272. Махмуд Газневи // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 2. С. 109–110.
1273. Мелик-шах // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 2. С. 226.
1274. Мирхонд // НРЭ. 2012. Т. X. Ч. 2. С. 468.
1275. Муавия // НРЭ. 2013. Т. XI. Ч. 1. С. 331–332.
1276. Муваффах // НРЭ. 2013. Т. XI. Ч. 1. С. 332–333.
1277. Муизз // НРЭ. 2013. Т. XI. Ч. 1. С. 344–345.
1278. Мукаддаси // НРЭ. 2013. Т. XI. Ч. 1. С. 345–346.
1279. Муканна // НРЭ. 2013. Т. XI. Ч. 1. С. 346.
1280. Мульк // НРЭ. 2013. Т. XI. Ч. 1. С. 350–351.
1281. Нехавенд // НРЭ. 2013. Т. XI. Ч. 2. С. 328.
1282. Омейяды // НРЭ. 2013. Т. XII. Ч. 1. С. 389.
1283. Осман // НРЭ. 2013. Т. XII. Ч. 1. С. 48.
1284. Остров русов // ДРСМЭ. С. 581.

И.Г. Коновалова

1285. ал-Гарнати // ДРСМЭ. С. 175–176.
1286. ал-Идриси // ДРСМЭ. С. 320–321.
1287. Арабский халифат // ДРСМЭ. С. 35–36.
1288. Ибн Саид // ДРСМЭ. С. 309–310.
1289. Каган // ДРСМЭ. С. 351.
1290. Каган // БРЭ. 2008. Т. 12. С. 370.
1291. Куйаба, Славия, Арсания // ДРСМЭ. С. 434.
1292. Куявия, Славия, Арса // БРЭ. 2010. Т. 16. С. 497.
1293. Новосельцев Анатолий Петрович // БРЭ. 2013. Т. 23. С. 214.
1294. Османская империя // КЭ. 2007. Т. III. Стб. 1118–1121.
1295. Походы русов на Каспий // ДРСМЭ. С. 649–651.
1296. Руническое письмо тюркское // ДРСМЭ. С. 695–696.
1297. Сувар // ДРСМЭ. С. 794–795.
1298. Туси Ахмад // ДРСМЭ. С. 828.
1299. Хвалымское (Хвалынское, Хвалиское) море // ДРСМЭ. С. 855.
1300. Хорезм // ДРСМЭ. С. 861.

В.И. Матузова

1301. «Орозий» короля Альфреда // ДРСМЭ. С. 579.
1302. Англия // ДРСМЭ. С. 25.
1303. Ателькузу // ДРСМЭ. С. 45.
1304. Бартоломей Английский // ДРСМЭ. С. 52.
1305. Венгерский Аноним. // ДРСМЭ. С. 111 (совм. с М.К. Юрасовым).
1306. Венгры // ДРСМЭ. С. 112 (совм. с М.К. Юрасовым).

1307. Герман фон Зальца // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 359–360.
1308. Герман фон Зальца, великий магистр Тевтонского ордена // ИЛ. 2006. Кн. 2. С. 54–55.
1309. Гида // ДРСМЭ. С. 183.
1310. Голядь. С. 191 // ДРСМЭ. С. 191 (совм. с В.В. Седовым).
1311. Доротей // ПЭ. 2008. Т. 16. С. 19–20.
1312. Калер Эрих // Культурология. Энциклопедия. М., 2007. С. 890–892.
1313. Леvedия // ДРСМЭ. С. 448.
1314. Матфей Парижский // ДРСМЭ. С. 478 — 479.
1315. Матфей Парижский // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 266–267.
1316. Пагрик // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 1347–1349.
1317. Пётр из Дусбурга // ДРСМЭ. С. 606.
1318. Петр из Дусбурга // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 1453–1454.
1319. Петр, архиепископ Руси // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 1435–1436.
1320. Пипин Короткий // КЭ. 2007. Т. 3. Стб. 1534–1535.
1321. Пруссy // ДРСМЭ. С. 660.
1322. Радегунда // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 16–17.
1323. Ричард Английский // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 228.
1324. Роза из Витербо // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 266–267.
1325. Ромуальд // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 302–303.
1326. Руперт Зальцбургский // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 422.
1327. Самбия // ДРСМЭ. С. 716.
1328. Сантьяго-де-Компостела // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 540–542.
1329. Сен-Дени // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 673–675.
1330. Симон Сток // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 779.
1331. Скрипторий // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 851–853 (совм. с М. Афанасьевой).
1332. Спиритуалы // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1042–1044.
1333. Станислав // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1067–1069.
1334. Стефан I король Венгрии // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1104–1105.
1335. Стефан Льежский // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1109.
1336. Стефан Хардинг // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1109–1110.
1337. Стурм // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1138–1139.
1338. Тамплиеры // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1230–1235 (совм. с А. Юдиным).
1339. Тевтонский орден // ДРСМЭ. С. 806.
1340. Тевтонский орден // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1269–1273.
1341. Теодульф // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1293–1294.
1342. Угорская земля // ДРСМЭ. С. 831.
1343. Угры // ДРСМЭ. С. 832 (совм. с М.К. Юрасовым)
1344. Урсула // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1505–1507.
1345. Филипп IV Красивый // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1742–1744.
1346. Флагелланты // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1778–1779.
1347. Фома Бекет // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1802–1804.
1348. Фульхерий Шартрский // КЭ. 2011. Т. 4. Стб. 1955–1956
1349. Шаломон // ДРСМЭ. С. 890.
1350. Эгидий // КЭ. 2013. Т. 5. Стб. 394–396.

1351. Эдуард Исповедник // КЭ. 2013. Т. 5. Стб. 409–410.
1352. Ятвяги // ДРСМЭ. С. 926 — 927 (совм. с В.В. Седовым).

Е.А. Мельникова

1353. Балтийско-Волжский путь // ДРСМЭ. С. 49–50.
1354. Березань // ДРСМЭ. С. 60–61.
1355. Берковец // ДРСМЭ. С. 64 (совм. с В.Н. Седых).
1356. Бирка // ДРСМЭ. С. 68–69.
1357. Бьярмаланд // ДРСМЭ. С. 97.
1358. Варяги // БРЭ. 2006. Т. 4. С. 621–622.
1359. Варяги // ДРСМЭ. С. 102–104.
1360. Вира // ДРСМЭ. С. 120 (совм. с М.Б. Свердловым).
1361. Висбю // ДРСМЭ. С. 121–122.
1362. Гостомысл // ДРСМЭ. С. 200.
1363. Готланд // ДРСМЭ. С. 200–202.
1364. Граффити // ДРСМЭ. С. 205–206.
1365. Гюрята Рогович // ДРСМЭ. С. 218.
1366. Дания // ДРСМЭ. С. 224–225.
1367. Даугмале // ДРСМЭ. С. 226.
1368. Днепровские пороги // ДРСМЭ. С. 245–246.
1369. Днепровский путь // ДРСМЭ. С. 246–247.
1370. Древнерусское государство // ДРСМЭ. С. 256–262.
1371. Ивановское купечество // ДРСМЭ. С. 313.
1372. Игорь // ДРСМЭ. С. 313–314.
1373. «Из варяг в греки» // БРЭ. 2008. Т. 10. С. 733–734.
1374. Колбяги // ДРСМЭ. С. 405–406.
1375. Лют Свенельдич // ДРСМЭ. С. 471 (совм. с А.С. Щавелёвым).
1376. Миклагард // ДРСМЭ. С. 489.
1377. Мстиша Свенельдич // ДРСМЭ. С. 526.
1378. Новгород. Поромонь двор // ДРСМЭ. С. 548.
1379. Норвегия // ДРСМЭ. С. 559–560.
1380. Норманнская проблема // ДРСМЭ. С. 560–561.
1381. Оковский лес // ДРСМЭ. С. 569.
1382. Олаф Шётконунг // БРЭ. 2014. Т. 24. С. 74.
1383. Олег // ДРСМЭ. С. 571–573.
1384. Пашуто Владимир Терентійович // Енциклопедія історії України. Київ, 2011. Т. 8. С. 104.
1385. Пути // ДРСМЭ. С. 665–667 (совм. с В.Б. Перхавко).
1386. Путь из варяг в греки // ДРСМЭ. С. 667–669.
1387. Рёгнвальд Ульвссон // ДРСМЭ. С. 676–677.
1388. Редедя // ДРСМЭ. С. 677.
1389. Рогволод // ДРСМЭ. С. 680–681.
1390. Рогнеда // ДРСМЭ. С. 681–682.
1391. Руническое письмо скандинавское // ДРСМЭ. С. 694–695.
1392. Русь // ДРСМЭ. С. 700–701.

1393. Рюрик, Синеус, Трувор // ДРСМЭ. С. 702–704.
1394. Рюриковичи // КЭ. 2011. Т. IV. Стб. 447–450.
1395. Саксон Грамматик // ДРСМЭ. С. 713–714.
1396. Самватас // ДРСМЭ. С. 716–717.
1397. Свенельд // ДРСМЭ. С. 721–722.
1398. Сигтуна // ДРСМЭ. С. 736–738.
1399. Сказание о призвании варяжских князей // ДРСМЭ. С. 743–745.
1400. Фризия // ДРСМЭ. С. 851.
1401. Хедобю // ДРСМЭ. С. 855–856.
1402. Швеция // ДРСМЭ. С. 890–891.

А.В. Назаренко

1403. Адальберт // ДРСМЭ. С. 11.
1404. Адам Бременский // ДРСМЭ. С. 11–12.
1405. Амазонки // ДРСМЭ. С. 22–23.
1406. Анастасия (?) Ярославна // ДРСМЭ. С. 25.
1407. Анна Ярославна // ДРСМЭ. С. 28–29.
1408. Баварский географ // ДРСМЭ. С. 47–48.
1409. Бернхард, мгр. Саксонской сев. марки // ДРСМЭ. С. 65.
1410. Бертинские анналы // ДРСМЭ. С. 65.
1411. Болеслав I Храбрый // ДРСМЭ. С. 76–77.
1412. Борис Владимирович // ДРСМЭ. С. 78.
1413. Борис и Глеб // БРЭ. 2006. Т. 4. С. 44.
1414. Борис Кальманович // ДРСМЭ. С. 79.
1415. Бориса и Глеба культ // ДРСМЭ. С. 79–81.
1416. Бруно Кверфуртский // ДРСМЭ. С. 89.
1417. Винцентий (Кадлубек) // ДРСМЭ. С. 120–121.
1418. Владимир Всеволодович Мономах // ДРСМЭ. С. 132–133.
1419. Владимир Мономах // БРЭ. 2006. Т. 5. С. 432–434.
1420. Владимир Святославич // БРЭ. 2006. Т. 5. С. 435–436.
1421. Владимир Святославич // ДРСМЭ. С. 135–137 (совм. с П.П. Толочко).
1422. Всеволод Мстиславич // БРЭ. 2006. Т. 6. С. 35–36.
1423. Всеволод Ярославич // БРЭ. 2006. Т. 6. С. 39.
1424. Вселав Брючиславич // БРЭ. 2006. Т. 6. С. 62–63.
1425. Георгий (Юрий) Игоревич // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 103–104.
1426. Герберштейн Сигизмунд // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 189–190.
1427. Германия // ДРСМЭ. С. 180–181.
1428. Гертруда // ДРСМЭ. С. 181 (совм. с Н.И. Щавелевой).
1429. Гертруды кодекс // ДРСМЭ. С. 181–182.
1430. Глеб Владимирович // ДРСМЭ. С. 185.
1431. Глеб Всеволодович, кн. городенский // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 567.
1432. Городенское княжество // БРЭ. Т. 7. 2007. С. 472.
1433. Григорий Полонинский // ПЭ. 2006. Т. 13. С. 41.
1434. Денежно-весовые системы // ДРСМЭ. С. 234–235.
1435. Древняя Русь // ПЭ. Т. 16. М., 2007. С. 247–264.

1436. Евпраксия (Адельгейда) Всеволодовна // ПЭ. 2008. Т. 17. С. 194–195.
1437. Евпраксия Всеволодовна // ДРСМЭ. С. 270.
1438. Ефрем, митрополит киевский // ПЭ. 2008. Т. 19. С. 53–54.
1439. Ефрем, митрополит переяславский // ПЭ. 2008. Т. 19. С. 36–39 (раздел «Судьба мощей, почитание», с. 38–39, совм. с И.В. Жиленко).
1440. Западный (немецкий) путь // ДРСМЭ. С. 289–290.
1441. Изяслав (Димитрий) Ярославич // ПЭ. 2009. Т. 21. С. 669–671.
1442. Изяслав Ярославич // БРЭ. 2008. Т. 11. С. 66–67.
1443. Илья Ярославич // ДРСМЭ. С. 333–334.
1444. Иоанн I, митрополит киевский // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 469–471.
1445. Иоанн II, митрополит киевский // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 471–475.
1446. Ирина (Ингигерд) // ПЭ. 2010. Т. 25. С. 386–387.
1447. Киевская епархия (до сер. XV в.) // ПЭ. 2013. Т. 33. С. 151–159 (совм. с Б.Н. Флорей).
1448. Кий // БРЭ. 2009. Т. 13. С. 665.
1449. Кнут Великий // ДРСМЭ. С. 401.
1450. Корсунская легенда // ДРСМЭ. С. 417–418.
1451. Крещение Руси // БРЭ. 2010. Т. 16. С. 7–8.
1452. Кунигунда (Ирина) // ДРСМЭ. С. 435.
1453. Ламперт Херсфельдский // ДРСМЭ. С. 445–446.
1454. Лендзяне // БРЭ. 2010. Т. 17. С. 226–227.
1455. летосчисление // ДРСМЭ. С. 453 (совм. с П.В. Кузенковым).
1456. Любек // ДРСМЭ. С. 469–470.
1457. Любечский съезд 1097 г. // БРЭ. 2011. Т. 18. С. 218–219.
1458. миссионерство // ДРСМЭ. С. 498.
1459. Мстислав Владимирович Великий // БРЭ. 2013. Т. 21. С. 366–367.
1460. Мстислав Владимирович Черниговский // БРЭ. 2013. Т. 21. С. 366.
1461. Ода // ДРСМЭ. С. 566–567.
1462. Ольга // ДРСМЭ. С. 575–576.
1463. Петр, «архиепископ Руси» // ДРСМЭ. С. 605.
1464. Польша // ДРСМЭ. С. 638–640.
1465. Продолжение Регинона // ДРСМЭ. С. 657.
1466. Раффельштеттенский таможенный устав // ДРСМЭ. С. 675.
1467. Регенсбург // ДРСМЭ. С. 676.
1468. Рейнберн // ДРСМЭ. С. 678.
1469. Ростислав Владимирович // ДРСМЭ. С. 686–687 (совм. с Н.Ф. Котляром).
1470. Русская церковь в X — первой половине XV в. // ПЭ. [Том вне нумерации:] Русская Православная Церковь. 2000. С. 38–60 (электронная версия; 2-е изд.).
1471. Саксонский анналист // ДРСМЭ. С. 714.
1472. синодик // ДРСМЭ. С. 740.
1473. Сказание о Борисе и Глебе // ДРСМЭ. С. 740–741.
1474. Софья Владимировна // ДРСМЭ. С. 779.

1475. Сюзеренітет колективний (родовий) // Енциклопедія історії України. Київ, 2012. Т. 9. С. 927–928.
1476. Титмар Мерзебургский // ДРСМЭ. С. 810.
1477. Хильдесхаймские анналы // ДРСМЭ. С. 856–857.
1478. Янка (Янька) Всеволодовна // ДРСМЭ. С. 916 (совм. с Н.Ф. Котляром).

Л.В. Столярова

1479. Авраамий Ростовский // ДРСМЭР. С. 9.
1480. Авраамий Смоленский // ДРСМЭ. С. 9–10.
1481. Авраамия Смоленского Житие // ДРСМЭ. С. 10.
1482. Алекса Лазаревич. ДРСМЭ. С. 17.
1483. Амфилохий — еп. владими́ро-во́лыньский // ДРСМЭ. С. 24.
1484. Антоний Гречин // ДРСМЭ. С. 31.
1485. Апостол Толковый // ДРСМЭ. С. 35.
1486. Арсений — еп. рязанский // ДРСМЭ. С. 39.
1487. Белгородская епархия // ДРСМЭ. С. 58.
1488. Богослужение // ДРСМЭ. С. 73.
1489. Василий — еп. владими́ро-во́лыньский // ДРСМЭ. С. 107.
1490. Ведро // ДРСМЭ. С. 110.
1491. Верста // ДРСМЭ. С. 114 (совм. с Р.А. Симоновым).
1492. Владимиро-Волыньская епархия // ДРСМЭ. С. 139.
1493. Владимиро-Суздальская епархия // ДРСМЭ. С. 140.
1494. Галицкая епархия // ДРСМЭ. С. 169–170.
1495. Галицкое евангелие // ДРСМЭ. С. 172.
1496. Дамиан, Демьян — еп. юрьевский и каневский // ДРСМЭ. С. 221.
1497. Даниил — еп. юрьевский // ДРСМЭ. С. 221.
1498. Дионисий — еп. полоцкий // ДРСМЭ. С. 241.
1499. Домка // ДРСМЭ. С. 252.
1500. Древнерусские рукописные книги, имеющие точную дату (домонгольский период) // ДРСМЭ. С. 956.
1501. Записи // ДРСМЭ. С. 290–291.
1502. Игнатий — еп. смоленский // ДРСМЭ. С. 313.
1503. Изборник 1073 г., Изборник Святослава // ДРСМЭ. С. 321–322 (совм. с О.В. Твороговым).
1504. Инициал // ДРСМЭ. С. 337–338.
1505. Иоанн — еп. холмский // ДРСМЭ. С. 341.
1506. Иоасаф, Асаф — еп. владими́ро-во́лыньский // ДРСМЭ. С. 344.
1507. Календарь // ДРСМЭ. С. 353–354 (совм. с Р.А. Симоновым) Кадь // ДРСМЭ. С. 351.
1508. Каневская епархия // ДРСМЭ. С. 358.
1509. Каштанов Сергей Михайлович // БРЭ. 2009. Т. 13. С. 416;
1510. Книга рукописная (кодекс) // ДРСМЭ. С. 398–400.
1511. Кодикология // ДРСМЭ. С. 404.
1512. Козьма, Кузма — первый (?) еп. галицкий // ДРСМЭ. С. 404.
1513. Кондакарь нотированный // ДРСМЭ. С. 409.

1514. Константин — еп. смоленский // ДРСМЭ. С. 411.
1515. Локоть // ДРСМЭ. С. 463 (совм. с Р.А. Симоновым).
1516. Лукно // ДРСМЭ. С. 467.
1517. Луцкая епархия // ДРСМЭ. С. 469.
1518. Максим — еп. белгородский // ДРСМЭ. С. 474.
1519. Мануил Грек, скопец — первый еп. смоленский // ДРСМЭ. С. 475–476.
1520. Метрология // ДРСМЭ. С. 484–485.
1521. Мина — первый известный еп. полоцкий // ДРСМЭ. С. 490.
1522. Миниатюра книжная // ДРСМЭ. С. 492–494.
1523. Митрополиты // ДРСМЭ. С. 542–543 (совм. с Ю.А. Артамоновым)
1524. Михаил — первый еп. юрьевский // ДРСМЭ. С. 500.
1525. Мощи // ДРСМЭ. С. 520.
1526. Музыка церковная // ДРСМЭ. С. 527–528.
1527. Никифор Станило — еп. владими́ро-во́лыньский // ДРСМЭ. С. 541.
1528. Николай Гречин — еп. ростовский // ДРСМЭ. С. 542.
1529. Нифонта Житие // ДРСМЭ. С. 543.
1530. Онофрий, Ануфрей — еп. черниговский // ДРСМЭ. С. 577.
1531. Орнамент книжный // ДРСМЭ. С. 577–579.
1532. Перемышльская епархия // ДРСМЭ. С. 594.
1533. Переплет книжный // ДРСМЭ. С. 594–595.
1534. Переяславская епархия // ДРСМЭ. С. 600.
1535. Перо // ДРСМЭ. С. 602.
1536. Плуг // ДРСМЭ. С. 621.
1537. Половник // ДРСМЭ. С. 632.
1538. Полоцкая епархия // ДРСМЭ. С. 636.
1539. Порфирий I — еп. черниговский // ДРСМЭ. С. 641.
1540. Порфирий II — еп. черниговский // ДРСМЭ. С. 641.
1541. Почерк // ДРСМЭ. С. 651.
1542. Пядь // ДРСМЭ. С. 669 (совм. с Р.А. Симоновым).
1543. Рязанская епархия // ДРСМЭ. С. 705.
1544. Сажень // ДРСМЭ. С. 711–712 (совм. с Р.А. Симоновым).
1545. Седмица // ДРСМЭ. С. 732.
1546. Село // ДРСМЭ. С. 732.
1547. Симеон, Семеон — еп. смоленский // ДРСМЭ. С. 738.
1548. Служебник // ДРСМЭ. С. 761–762.
1549. Стихирарь минейный // ДРСМЭ. С. 792.
1550. Упырь Лихой // ДРСМЭ. С. 835.
1551. Феодор — еп. владими́ро-во́лыньский // ДРСМЭ. С. 841.
1552. Феокист — еп. черниговский // ДРСМЭ. С. 843.
1553. Чернила и краски // ДРСМЭ. С. 884.
1554. Юрьевское евангелие // ДРСМЭ. С. 912.

А.С. Щавелев

1555. Блуд // ДРСМЭ. С. 71.
1556. Гочево // ДРСМЭ. С. 203.

1557. Кий, Щек, Хорив, Лыбедь // ДРСМЭ. С. 382–383.
 1558. Княжеские съезды // БРЭ. 2009. Т. XIV. С. 345–346.
 1559. Лют Свенельдич // ДРСМЭ. С. 472 (совм. с Е.А. Мельниковой).
 1560. Мал // ДРСМЭ. С. 474.
 1561. Малк Любечанин // ДРСМЭ. С. 474.
 1562. Монетные и денежно-вещевые клады IX в. // ДРСМЭ. С. 950–951 (совм. с А.А. Фетисовым).
 1563. Печенеги // БРЭ. 2014. Т. 26. С. 149–150.
 1564. Половецкие набеги {до сер. 12 в.} // БРЭ. 2014. Т. 26. С. 724–726.
 1565. Половецкие походы {до сер. 12 в.} // БРЭ. 2014. Т. 26. С. 726–727.
 1566. Рыльск // ДРСМЭ. С. 702.
 1567. Съезд князей // ДРСМЭ. С. 800–801.
 1568. Туры, Турь, Турии // ДРСМЭ. С. 828.
 1569. Якун // ДРСМЭ. С. 915.

X. IN MEMORIAM

1570. *Бибиков М.В.* Памяти академика Леонида Васильевича Милова // Древнее право. 2007 (2008). Вып. 2 (20). С. 7–9 (совм. с Л.Л. Кофановым, Е.А. Сухановым).
 1571. *Бибиков М.В.* Памяти Мари-Терез Фёген (1946–2008) // Древнее право. 2008. Вып. 1 (21). С. 7–18 (совм. с Л.Л. Кофановым, К.В. Гринцевич, А.Д. Рудоквасом).
 1572. *Бибиков М.В.* Памяти Федерико Марио д'Ипполито (1937–2010) // Древнее право. 2009. Вып. 2 (24). С. 7–20 (совм. с Л.Л. Кофановым, О. Сакки).
 1573. *Бибиков М.В.* Памяти Геннадия Григорьевича Литаврина // Средние века. 2010. Вып. 71. С. 355–356.
 1574. *Бибиков М.В.* Памяти Елены Виссарионовны Кулагиной // Древнее право. 2010 (2012). Вып. 1 (25). С. 7–8 (совм. с Л.Л. Кофановым, Е.А. Сухановым, А.М. Ширвиндтом).
 1575. *Бибиков М.В.* Александр Дмитриевич Алексидзе // Двойной портрет: филологи-классики о филологах-классиках. Сб. ст. М., 2012. Т. 2. С. 202–206.
 1576. *Бибиков М.В.* Памяти Ярослава Николаевича Щапова // Древнее право. 2013. № 2 (27). С. 16–26 (совм. с Е.А.Беляевой, Л.Л. Кофановым, Е.А. Сухановым).
 1577. *Назаренко А.В.* Чичуров Игорь Сергеевич (1946–2008) // ППС. 2008. Вып. 106. С. 376–378 (совм. с Н.Н. Лисовым).
 1578. *Назаренко А.В.* Памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (27 февраля 1947 — 18 июля 2010) // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А.А. Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 11–13.
 1579. Памяти Людольфа Мюллера (1917–2009) // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 137–138.

1580. *Подосинов А.В.* Игорь Сергеевич Чичуров (2 июня 1946 — 7 июля 2008) // Труды кафедры древних языков историч. ф-та МГУ. М., 2009. Вып. 2. С. 17–21.
1581. *Подосинов А.В.* Наталия Ивановна Щавелева // Двойной портрет: филологи-классики о филологах-классиках. Сб. ст. М., 2012. Т. 2. С. 179–185.
1582. *Столярова Л.В.* «В надежде славы и добра»: памяти Сигурда Оттовича Шмидта // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Мат-лы XXVI Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 апр. 2014 г. С. 39–45.
1583. *Столярова Л.В.* Памяти Евгении Платоновны Маматовой (16.02.1934–28.01.2004) // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 10–24.
1584. IN MEMORIAM. Свящ. Герхард Подскальски (Gerhard Podskalsky), SJ // ДРВМ. 2013. № 2 (52). С. 116–117.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная древность и средние века. Екатеринбург
АЕ	Археографический ежегодник. М.
Аристей	Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
БИ	Боспорские исследования. Керчь; Симферополь
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Л.; СПб.
БРЭ	Большая российская энциклопедия. М.
ВВ	Византийский временник. М.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВЕДС	Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Тезисы докладов (Материалы конференции). М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ВНЭС	Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.
ВЯ	Вопросы языкознания. М.
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАИС	Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург
ДГ	Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования (с 1975 по 1993 г.); Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования (с 1994 г.). М.
ДРВМ	Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.
Древнее право	Древнее право. <i>Ius antiquum</i> . М.
ДРСМЭ	Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗИИМК	Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
ЗРАО	Записки Русского имп. археологического общества. СПб.

ЗРВИ	Зборник Радова Византолошки институт. Београд
ИАК	Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИЛ. 2006	Исторический лексикон. История в лицах и событиях. V–XIII века. В 2-х книгах. М., 2006.
ИЛ. 2009	Исторический лексикон. Древний мир. В 2-х книгах. М., 2009.
ИРАИК	Известия Русского Археологического Института в Константинополе
ИРАИМК	Известия Российской академии истории материальной культуры. СПб.
ИСССР	История СССР. М.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КЭ	Католическая энциклопедия. М.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МЭ	Московская энциклопедия. М.
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.; Л., 1950; 2-е репр. изд. ПСРЛ. М., 2000. Т. 3
НРЭ	Новая российская энциклопедия. М.
ПВЛ	Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 1996.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск
ПП	Православный паломник. М.
ППС	Православный Палестинский Сборник. М.
ПС	Палестинский сборник. Л.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб.; Л.; М.
ПСТГУ	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ПХХ	Памятники христианского Херсонеса
ПЭ	Православная энциклопедия. М.
РА	Российская археология. М.
РАЕ	Российский археологический ежегодник. СПб.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РИЭ	Российская историческая энциклопедия. М.
СА	Советская археология. М.
Сканд. конф.	(Вессоюзная / Всероссийская) Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов.

СРИО	Сборник Русского исторического общества. М.
ССб	Сугдейский сборник. Киев; Судак
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
ТМИНТС	Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. СПб.
ХА	Хазарский альманах. Киев; Харьков
ХСб	Херсонесский сборник. Севастополь
АВ	Analecta Bollandiana. Bruxelles
ВСН	Bulletin de correspondance hellénique. Paris
ВМGS	Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham
ВNJ	Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. Internationales wissenschaftliches Organ. Berlin
BSI	Byzantinoslavica. Prague
BZ	Byzantinische Zeitschrift. Berlin
CFHB	Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Washington
CSHB	Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn
DOP	Dumbarton Oaks Papers. Washington
EMC	Encyclopedia of the Medieval Chronicle. 2 vols. Leiden; Boston, 2010.
EPhS	Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. Ἐν Κωνσταντινουπόλει
MGH SS	Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover
MGH SS rer. Germ.	Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi.
MPH NS	Monumenta Poloniae Historica nova series. Kraków
NAR	Norwegian Archaeological Review. London
Orientalia et Classica	Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. М.
PU	Pommersches Urkundenbuch. Stettin; Aalen; Köln
REB	Revue des Études Byzantines. Paris
RN	Revue Numismatique. Paris
Ruthenica	Ruthenica. Annual of East European Medieval History and Archeology. Київ
SBS	Studies in Byzantine Sigillography. Washington; München; Leipzig
TM	Travaux et Mémoires. Paris

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеевко Николай Алексеевич — dr Etudes medievals (Paris IV-Sorbonne), канд. ист. наук, зав. филиалом ФБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (г. Севастополь).

E-mail: chembalo@yandex.ru

Горский Антон Анатольевич — д-р ист. наук, профессор, основное место работы: МГУ имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, профессор; по совместительству: вед. науч. сотр. Института российской истории РАН.

E-mail: gor-ks@yandex.ru

Ениосова Наталья Валерьевна — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: eniosova@gmail.com

Крадин Николай Николаевич — д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, зав. центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.

E-mail: kradin@mail.ru

Мельникова Елена Александровна — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН; зав. Центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире».

E-mail: melnikova_2002@mail.ru

Мусин Александр Евгеньевич — д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института истории материальной культуры РАН.

E-mail: aleksandr_musin@mail.ru

Науменко Валерий Евгеньевич — канд. ист. наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГА-ОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь).

E-mail: byzance@ Rambler.ru

Пушкина Тамара Анатольевна — канд. ист. наук, доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: tarpush@mail.ru

Степанов Цветелин Йорданов — д-р наук (о культуре), доцент Софийского университета им. святого Климента Охридского, Философский факультет – Культурология.

E-mail: stepanov64@yahoo.com

Столярова Любовь Викторовна — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН.

E-mail: lvsto@mail.ru

Толочко Петр Петрович — д-р ист. наук, профессор, академик НАН Украины, иностранный член РАН, директор Института археологии НАН Украины.

E-mail: tolochko@iananu.kiev.ua

Флоря Борис Николаевич — д-р ист. наук, член-корр. РАН, зав. Отделом истории средних веков Инслав РАН.

E-mail: sredveka@gmail.com

Astill, Grenville — BA PhD, Professor of Archaeology, Department of Archaeology, University of Reading (England).

E-mail: g.g.astill@reading.ac.uk

Carver, Martin – Professor emeritus at the University of York (England), where he was head of archaeology 1986–1996. He has directed archaeological research projects in France, Italy, Algeria, England and Scotland. These included excavations at the seventh century royal burial ground at Sutton Hoo, 1983–2005 and the Pictish monastery at Portmahomack, 1994–2007. In addition to reports on these sites, he is the author of “Archaeological Investigation” (2009) and was editor of “Antiquity” from 2002 to 2012.

E-mail: martin.carver@york.ac.uk

Härke, Heinrich — Dr. phil., Honorarprofessor, Universität Tübingen, Abteilung für Archäologie des Mittelalters (Germany), Visiting Research Fellow Department of Archaeology, University of Reading (Great Britain).

E-mail: h.g.h.harke@reading.ac.uk

Mägi, Marika — PhD, senior research fellow, Centre for Medieval Studies, TÜHI Institute of History, Archaeology and Art History, Tallinn University (Estonia).

E-mail: marika.magi@mail.ee

Poppe, Andrzej — Dr, prof. emeritus, Uniwersytetu Warszawskiego (Poland).

E-mail: apoppe@gazeta.pl

Shepard, Jonathan — PhD in history from the University of Oxford, formerly Lecturer in Russian History at the University of Cambridge (England) and co-author with Simon Franklin of “The Emergence of Rus” (London, 1996).

E-mail: nshepard@easynet.co.uk

Skre, Dagfinn — Doctor Philosophiae, Professor of Iron and Viking Age Archaeology, Museum of Cultural History, University of Oslo, Norway.

E-mail: dagfinn.skre@khm.uio.no

Wood, Ian — PhD in history from the University of Oxford, a professor at the University of Leeds (England), specializes in the history of the Merovingian dynasty and the missionary efforts on the European continent.

E-mail: i.n.wood@leeds.ac.uk

СОДЕРЖАНИЕ

Е.А. Мельникова. Предисловие. 5

Начала государственности в свете политической антропологии

Х.Дж.М. Классен. Раннее государство: структурный подход 8

Н.Н. Крадин. Политическая антропология о происхождении
государства. 91

Возникновение и становление средневековых европейских государств

Heinrich Härke. Migrations and state formation in the early middle
ages: A view from the west. 116

Martin Carver. Mound-building and state-building: A poetic
discourse 131

Grenville G. Astill. Revisiting the English state, AD c. 700–1100. 158

Dagfinn Skre. Norðvegr — Norway: From Sea Kings to Land Kings . . 179

Цветелин Степанов. Болгарские государственные образования
IV–IX вв.: От вождества к раннему государству 193

П.П. Толочко. Начало восточнославянской государственности. 213

Marika Mägi. The origin of Rus' and the question of Balto-Finnic
role in this process 231

Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина. Гнёздово как раннегородской центр
эпохи формирования Древнерусского государства и некоторые
вопросы его интерпретации. 258

А.А. Горский. К вопросу о формировании системы посадничества
на Руси 304

Б.Н. Флоря. Образование государства на Западном Поморье:
этапы формирования. 318

Русь и Западная Европа

Jonathan Shepard. History as propaganda, proto-foundation myth
and “tract for the times” in the long eleventh century
(c. 1000 — c. 1130) 332

Ian Wood. Western Missionaries in Eastern Europe, 962–1009. 356

Andrzej Poppe. Gab es eine Ottonische Ostpolitik, die die Kiewer
Rus' im Blickfeld hatte? 379

А.Е. Мусин. Брачный союз Генриха Капетинга и Анны
Ярославны: причины, обстоятельства, последствия 401

Византийский Херсон

Н.А. Алексеенко. Имперская администрация Херсона:
от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики). 435

<i>В.Е. Науменко. От фемы Климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X в.</i>	<i>475</i>
---	------------

Рецензии

<i>Л.В. Столярова. Новое издание древнейших Смоленских актов XIII–XIV вв. (О книге А.С. Иванова и А.М. Кузнецова) . . .</i>	<i>507</i>
---	------------

Материалы к библиографии (2006–2014)	535
Список сокращений	615
Сведения об авторах	618

CONTENTS

Elena Melnikova. Introduction 5

State beginnings in the light of political anthropology

Henry J.M. Claessen. The Early State: A Structural Approach
(translated by N.N. Kradin, edited by E.A. Melnikova). 8

Nikolay N. Kradin. Political anthropology on state origins 91

The origin and formation of medieval European states

Heinrich Härke. Migrations and state formation in the early
middle ages: A view from the west. 116

Martin Carver. Mound-building and state-building: A poetic
discourse 131

Grenville G. Astill. Revisiting the English state, AD c. 700–1100 158

Dagfinn Skre. Norðvegr – Norway: From Sea Kings to Land Kings . . . 179

Tsvetelin Stepanov. Bulgar polities in the fourth–ninth centuries:
from chiefdom to the early state 193

P.P. Tolochko. The origins of East-Slavic polity 213

Marika Mägi. The origin of Rus’ and the question of Balto-Finnic
role in this process 231

N.V. Eniosova, T.A. Pushkina. Gnezdovo as the early urban center
in the age of formation of the early Russian state: Some problems
of its interpretation 258

A.A. Gorsky. Discussing the formation of the posadnik system
in Rus’ 304

B.N. Florya. Stages of formation of the state in Western Pomerania . . . 318

Rus’ and Western Europe

Jonathan Shepard. History as propaganda, proto-foundation myth
and “tract for the times” in the long eleventh century
(c. 1000 – c. 1130). 332

Ian Wood. Western Missionaries in Eastern Europe, 962–1009 356

Andrzej Poppe. The Ottonians and the Kievan Rus’. Was Kiev the object
of Ottonian policy in Eastern Europe? 379

Alexander Musin. Matrimonial alliance of Henry I, King of France,
and Anne, daughter of Yaroslav the Wise, Prince of Kiev: reasons,
background, consequences 401

Byzantine Cherson

<i>Nicholas Alekseenko</i> . Imperial administration of Cherson: from archontia to katepanate (the evidence of seals)	435
<i>V.E. Naumenko</i> . From the Thema of Klimata to the Thema of Cherson: characteristics of Byzantine military and administrative model in Taurica in the mid-ninth – early tenth centuries	475

Reviews

<i>Ljubov Stoljarova</i> . The new edition of the earliest Smolensk diplomas of the thirteenth and fourteenth centuries (on the publication by A. Ivanov and A. Kuznetsov)	507
Bibliographical materials (2006–2014)	535
Abbreviations	615
Notes on contributors	618

**КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
(Русский фонд содействия образованию и науке)**

**Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)
вы можете найти на сайте www.s-and-e.ru**

ГЕОПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ:

1. *Валлерстайн Иммануил*. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* / предисловие Г.М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева.
2. *Валлерстайн Иммануил*. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750* / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко.
3. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия: логика войны и мира. *Luttwak Edward N. The Strategy: Logic of War and Peace* / пер. с англ. А.Н. Ковалея.
4. *Люттвак Эдвард Н.* Государственный переворот: практическое пособие. *Luttwak Edward N. Coup d'Etat: Practical Handbook* / пер. с англ. Н.Н. Платошкина.
5. *Люттвак Эдвард Н.* Подъем Китая vs. логика стратегии. *Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy (выйдет в 2016 году)*.
6. *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923.
7. *Кикнадзе В.Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века.
8. *Козлов Д.Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917).
9. *Котельников В.Р.* Отечественные авиационные поршневыми моторы 1910–2009.
10. *Степанов А.С.* Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 — первая половина 1941 года).

11. *Свойский Ю.М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен.
12. *Садатоси Томиока.* Политическая стратегия Японии до начала войны.
13. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 г.
14. *Рашид Ахмед.* Талибан / пер. с англ. М.В. Поваляева.
15. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А.С. Степанов.
16. *Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964.
17. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление.
18. *Симонов Н.С.* Несостоявшаяся информационная революция. Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и СМИ. 1940– 1969 гг.
19. *Симонов Н.С.* Очерки истории банковской системы России. 1988–2013 гг.
20. *Платошкин Н.Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 1. Весна чехословацкого социализма. 1938–1948 гг.
21. *Платошкин Н.Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг.
22. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н.И. Егорова.
23. *Улуян Ар.А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.).

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

24. *Исэров А.А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830.
25. *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810–1917 гг.
26. *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817–1828 гг.
27. *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828–1940 гг.
28. *Платошкин Н.Н.* Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация.

29. *Платошкин Н.Н.* Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года.
30. *Платошкин Н.Н.* Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ:

31. Античные источники / Сост. А.В. Подосинов // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. 1.
32. Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2010. Т. 2.
33. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. 3.
34. Западноевропейские источники / Сост., пер., коммент. А.В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2010. Т. 4.
35. Древнескандинавские источники / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. 5.
36. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой; Авторы: М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко, А.В. Подосинов. [2-е изд., испр. и доп.] М., 2013.
37. Древнейшие государства Восточной Европы. . 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М., 2010.
38. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год: *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
39. Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год: *Паушто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.
40. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012.

41. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М., 2013.
42. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / Под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М., 2011.
43. Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М., 2011.
44. Самые забавные лживые саги. Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной / Под ред. Т.Н. Джаксон и Е.А. Мельниковой. М., 2012.
45. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., в одной книге, испр. и доп. М., 2012.
46. Агишев С.Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
47. Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012.
48. Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование / Отв. ред. Л.В. Столярова. М., 2012.
49. Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2010.
50. Каштанов С.М. Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015.
51. Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
52. Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. А.М. Лидов, Л.М. Евсеева, Н.Н. Чугреева.
53. Евсеева Л.М. Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия.
54. Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.).
55. Лидов А.М. Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера.
56. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция.
57. Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты.
58. Афанасьева Т.И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.).
59. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / Отв. ред. Ф.Б. Успенский.
60. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 2 / Под ред. А.Л. Хорошкевич, С.В. Полехова, В.А. Воронина, А.И. Груши, А.А. Жлутко, Е.Р. Сквайрс, А.Г. Тюльпина.

61. Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика) / Отв. ред. Е.П. Кудрявцева.
62. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / Отв. ред. О.В. Кудрявцев.
63. *Капитанов С.М.* Исследование о молдавской грамоте XV века.
64. *Юлиана Нориджская.* Откровения Божественной Любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich Revelations of Divine Love* / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina.
65. *Ауров О.В., Марей А.В.* Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование.
66. *Генрих Хантингдонский.* История англо-в / Пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С.Г. Мереминского.
67. *Мереминский С.Г.* Формирование традиции: английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков.
68. *Долеман Р. (Парсонс Роберт).* Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / Пер. А.Ю. Серёгиной.
69. *Долгорукова Н.М.* Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения, литературный проект и поэтические принципы автора XII в.
70. Святитель Хромотий Аквилейский. Проповеди / Пер., вступ. ст. С.С. Кима.
71. *Марей Е.С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии.
72. *Ганина Н.* Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. Перевод и исследования.
73. *Рахаев Д.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века.
74. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы / Сост. М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.Н. Хитрова.
75. *Волков С.В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога.
76. *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917).
77. Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875–1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882–1960. Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской / Подгот. текста, пер. с франц. М.Е. Сороки, Под ред. Л.И. Заковоротной.
78. *Менькова И.Г.* Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки.

ЭТНОГРАФИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. АРХЕОЛОГИЯ:

79. *Логонов К.К.* Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья.
80. *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии.
81. *Толстая С.М.* Образ мира в тексте и ритуале.
82. *Иванова Л.И.* Персонажи карельской мифологической прозы.
83. *Иванова Л.И.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева.
84. *Лобанова Н.В., Филатова В.Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов.
85. *Лобанова Н.В.* Петроглифы Онежского озера.
86. *Ольговский С.Я.* Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья.

АНТИЧНОСТЬ. ВИЗАНТИНИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОЛОГИЯ:

87. *Позднев М.М.* Психология искусства. Учение Аристотеля.
88. *Суриков И.Е.* Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин.
89. *Суриков И.Е.* Античный полис.
90. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междуособиц.
91. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира.
92. *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры.
93. *Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова /* Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе.
94. *Ревзин Г.* Путешествие в Античность. Комплект фотографий и чертежей античных памятников с комментариями.
95. *Виноградов А.Ю.* Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпитафий.
96. *Файер В.В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр.
97. *Файер В.В.* Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке.

98. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / **отв.** ред. А.В. Подосинов, О.Л. Габелко.
99. *Ермолаева Е.Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла».
100. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 1 / **введение** и комментарии С.И. Соболевского.
101. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 2–4 / **введение** и комментарии С.И. Соболевского.
102. *Жмудь Л.Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы.
103. *Кузьмин Ю.Н.* Аристократия Беров в эпоху эллинизма.
104. *Смирнов С.В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество).
105. *Прокл Диадок.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / **пер.** А.И. Щетникова.
106. *Квинт Смирнский.* После Гомера / **вступ.** ст., пер. с др.греч. яз., прим. А.П. Большакова.
107. *Лапырёнок Р.В.* Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э.
108. Латинские панегирики / **вступ.** ст., пер. и комм. И.Ю. Шабаги.
109. *Завойкина Н.В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией.
110. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова / Под ред. Д.В. Журавлева, О.Л. Габелко.
111. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия Византийской империи. *Luttwak Edward N.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire / **пер.** с англ. А.Н. Коваля.
112. Хроника Симеона Магистра и Логофета / **пер.** со среднегреческого А.Ю. Виноградова, вступ. ст. и комм. П.В. Кузенкова.
113. *Виноградов А.Ю.* «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа.
114. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. Херсон. Том I / **Золотарёв М.И. и др.**
115. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть I.
116. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть II.
117. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть III.
118. *Кулланда С.В.* Скифы: язык и этногенез.

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»:

119. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. I.
120. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. II.
121. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. III.
122. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. IV.
123. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. V.
124. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. VI.
125. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. VII.
126. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. VIII.
127. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. IX.
128. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. X.
129. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Гл. ред. А.В. Подосинов. Т. XI.

ЕГИПТОЛОГИЯ:

- Лаврентьева Н.В.* Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства).
- Прусаков Д.Б.* Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 1. Сборник статей / Под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой.
- Aegyptiaca Rossica. Выпуск 2. Сборник статей / Под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой.
- Aegyptiaca Rossica. Выпуск 3. Сборник статей / Под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

130. *Антонец Е.В.* Введение в римскую палеографию.
131. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.

132. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.
133. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.
134. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.
135. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.
136. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.
137. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.
138. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / Под ред. А.Г. Авдеева.
139. *Вальков Д.Б.* Генуэзская эпиграфика Крыма.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

140. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура.
141. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 2. Русь и Византия.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ:

Четыре тома избранных произведений О.А. Седаковой:

142. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том).
143. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том).
144. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Ретика (3-й том).
145. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том).
146. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей / Под ред. А.В. Маркова, Н.В. Ликвинцевой, С.М. Панич, И.А. Седаковой.

Собрание сочинений В.В. Биbihина:

147. *Биbihин В.В.* Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I.

148. *Бибихин В.В.* Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II.
149. *Бибихин В.В.* Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

150. *Смышляев А.Л.* История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие.
151. *Зайков А.В.* Римское частное право в систематическом изложении. Учебник.
152. *Поливанова А.К.* Старославянский язык. Грамматика. Словари.
153. *Рязановский А.Р.* Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён.

Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них на электронный адрес knigiudp@gmail.com. В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка. Благодарим за сотрудничество.

МЕСТА, В КОТОРЫХ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НАШИ КНИГИ

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23/7, кор. 2, с 10:00 до 19:00

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru

www.ozon.ru

www.sibran.ru

www.setbook.ru

www.urss.ru

www.libroroom.ru

www.kniger.by

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- Книжная галерея «НИНА» (м. «Кропоткинская», ул. Волхонка, д. 18/2). www.kniginina.ru
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездииковский пер., д. 12). www.falanster.ru
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Турчанинов пер., д. 4). www.vk.com/gnosisbooks
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чайнова, д. 15, здание РГГУ). www.knigirgu.ru
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (м. «Академическая», ул. Дмитрия Ульянова, д. 19).
- «ЦИОЛКОВСКИЙ» (м. «Новокузнецкая», Пятницкий пер. д. 8). www.primuzee.ru

- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» (м. «Таганская»-кольцевая, ул. Нижняя Радищевская, 2). www.kmrgz.ru
- «Гиперион» (м. «Курская», Хохловский пер., д. 7/9 стр. 3). www.hyperionbook.ru
- «Гоголь books» (м. «Курская», ул. Казакова, д. 8, фойе «Гоголь-центра»). www.gogolcenter.com/gogol-books
- «PRIMUS VERSUS» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 27, стр. 1). www.dbiblio.org
- «Ходасевич» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 6). www.xodacevich.com
- «Православное слово на Пятницкой» (м. «Новокузнецкая», ул. Пятницкая, д. 51, на территории храма Живоначальной Троицы). www.pravslovo.ru
- Крупные книжные магазины: «БИБЛИО-ГЛОБУС», «МОСКВА» и др.

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Васильевский остров, Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н).
- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55). www.aletheia.spb.ru
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9). www.dbulanin.ru
- «АКАДЕМКНИГА» (Литейный проспект, д. 57). Тел.: 8 (812) 272-36-65.
- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Петрозаводская, д. 7 б). Тел.: 8 (812) 235-40-64.
- «АКАДЕМКНИГА» (Васильевский остров, ул. Менделеевская линия, д. 1). Тел.: 8 (812) 328-38-12.
- «Все свободны» (Набережная реки Мойки, д. 28). Тел.: 8-911-977-40-47.
- «Мы» (Невский проспект, д. 20).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Тверь

- «БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО» (Свободный пер., д. 28).

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул. Студенческая, Парковая, здание Гуманитарного института, книжный киоск).

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (ул. Свердлова, д. 9, бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (проспект Ленина, д. 33, книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (ул. Предтеченская д. 31).
Тел: 8 (8172) 72-61-28.

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Сурикова, д. 45).
Тел: 8 (391) 227-03-90.

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (Набережная реки Ушайки, д. 18 а).
Тел: 8-3822) 51-60-36
- «ПОЗИТИВ» (проспект Ленина, д. 24 а).
Тел: 8 (3822) 53-40-74

Новосибирск

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН» (Морской проспект, д. 22).
Тел. 8 (3832) 35-09-22

Воронеж

- «КНИЖНЫЙ КЛУБ» (ул. 2-летия ВЛКСМ, д. 54 а, Торговый центр: «Петровский пассаж»).

Пермь

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ПИОТРОВСКИЙ» (ул. Ленина, д. 54).

Екатеринбург

- «Йозеф Кнехт» (ул. 8 марта, д. 7).

УКРАИНА

По вопросам приобретения книг на территории Украины обращайтесь:

- Швед Павел Владимирович. Тел. (068) 358-00-84, e-mail: p.shved@gmail.com
- Оксана Кравченко. Тел. (057) 731-40-59, skype: okhuce@gmail.com

Харьков

- «Литера Нова» (м. «Советская», ул. Квитки-Основьяненко, д. 4/6, Академкнига 1, рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, e-mail: litera@kharkov.ua
- «Литера Нова» (м. «Университет», ул. Чернышевского, д. 34, Академкнига 2). Тел/факс: (057) 758-89-67, e-mail: litera@litera-book.com.ua

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт-на-Майне

- “KNIZHNIK Internationale Buchhandlung” (Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70) www.knizhnik.de/ru

**При оптовых закупках возможны скидки,
с вопросами обращайтесь к директору Издательства
Роману Порошину: roland42@yandex.ru**

ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Университет носит имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского — восстановителя и защитника российской государственности в Смутное время, навсегда вошедшего в историю нашей Родины как пример верности долгу, искренней и деятельной любви к Отчизне.

Университет Дмитрия Пожарского ориентирован на получение фундаментальных и прикладных исследовательских результатов мирового уровня в естественных и гуманитарных науках. Он ставит перед собой задачу подготовить для России высококвалифицированных специалистов-исследователей в ключевых областях знания и сферах человеческой деятельности.

Приоритетом Университета является восстановление ценности классического фундаментального образования, науки и практики в России. Университет Дмитрия Пожарского призван стать Университетом в исконном значении этого слова.

Мы видим **выпускников Университета** людьми с большой внутренней мотивацией, источник которой — их образование, чувство чести и любовь к Родине, людьми сильными, не боящимися трудностей жизни и напряженных усилий, способными к внутреннему росту, изменению людей и мира вокруг себя.

Университет поможет сформировать собственное, глубокое и цельное мировоззрение, умение аналитически мыслить, постигать новое, видеть связь вещей и явлений, способность понять структуру любой области человеческого знания и деятельности и готовность грамотно взаимодействовать с профессионалами в этой области, умение прочесть любую книгу и понять ее содержание, способность решать самые сложные задачи.

Эти качества позволят выпускникам участвовать в руководстве народным образованием и наукой в национальном масштабе, разрабатывать решения научных и социальных проблем первостепенной важности, руководить ведущими образовательными и научными организациями, сотрудничать с органами власти всех уровней.

В 2016 г. планируется открытие магистратуры по двум направлениям:

Экономико-физико-математическое направление включает изучение совокупности предметов, которые позволят понять экономическое и социальное устройство современного общества и его эволюцию — математики, теоретической физики, экономических дисциплин, социологии, психологии.

Гуманитарное направление даст лингвистическую, историческую и филологическую подготовку, открывающую широкую перспективу научно-педагогической деятельности.

Оба направления предполагают овладение серьезной интеллектуальной культурой: общими предметами являются история и иностранные языки, магистрантам экономико-физико-математического отделения будет дано представление о современном гуманитарном знании, а гуманитарного — о современной физике и математике.

В дальнейшем планируется открытие **бакалавриата и аспирантуры**.

Более подробная информация на сайте Университета www.usdp.ru

Научное издание

Ответственный редактор тома
Т.Н. Джаксон

**Древнейшие государства Восточной Европы.
2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа:
возникновение государств**

Верстка *Н.А. Колгарёва*

Подписано в печать 26.02.2016 г. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 40 п. л. Тираж 000 экз. Заказ №

Русский фонд содействия образованию и науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-and-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография “Наука”»